Даша ПахТусова
18+
Содержит нецензурную лексику!
Можно всё

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Даша Пахтусова – путешественница и контрабандистка любви. С двадцати лет она живёт в погоне за приключениями, незнакомцами и континентами. В августе 2015 года Даша создала блог «Можно всё», где стала делиться неприкрытыми историями. Тысячи людей, вдохновившись примером очаровательной девушки, отправились на поиски чего-то важного – в мире, где и правда можно всё. Эта книга проведёт через 7 лет настоящих приключений, пополнит твой личный «список дел на жизнь» тысячью и одним пунктом, влюбит в дорогу, разрушит границы и в конце концов разобьёт сердце, потому что, прочитав её, ты поймёшь, что не решался жить на 100 %. Это манифест свободы XXI века, маяк для мечтателей. Собирай рюкзак, вскрывай свинью-копилку и покупай свой первый one way ticket, потому что обратно ты вряд ли вернёшься!

- Дарья Пахтусова
  - ○
  - ○ Часть 1
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
  - ○ Часть 2
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
  - ○ Часть 3
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
  - ○ Часть 4

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Часть 5
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3

Часть 6
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12

Часть 7
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Часть 8
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9

        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
    - Часть 9
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
    - Часть 10
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
    - Часть 11
    - Часть 12
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

Дарья Пахтусова
Можно всё

Всем мечтателям, романтикам, путешественникам и бродягам. Всем отчаянным дуракам, упрямо идущим за своей звездой. Всем безумцам, живущим так, как будто они никогда не умрут. Всем храбрецам, осмеливающимся любить, зная, что всему этому придет конец. Я посвящаю эту книгу вам.

Пусть никто из вас никогда не будет одинок.

И отдельно: моим бабушке и дедушке, которые всегда верили в меня, распечатывали мои заметки с путешествий, пока я была в дороге, и переставляли красный флажок моего местонахождения на карте. Видишь, деда, я всё-таки написала книгу, как и обещала. Я тебя люблю.

Ляжем на весла! Кто не мечтал
В этой жизни хоть раз все отправить к чертям.
В одиночку пройти океан,
Посвящая сверкающим звездам
Строчку за строчкой, целый роман…

Александр Васильев

Все герои и события данной книги – целиком и полностью выдумка.

Любое сходство с реальными людьми является совпадением. Ага.

Часть 1
Молодость все простит

Глава 1
Конец

«Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре – что мало любили и мало путешествовали!»[1] Кажется, я восприняла эти слова слишком буквально…

15 мая 2010 года. Балашиха

– Они говорят, что все готово. Идем?

– Сейчас. Еще минуту.

Я стою на балконе в свадебном платье, собранном по частям: корсет отдельно от юбки, на нем ажурная майка, за которой не видно, что на самом деле это не платье. Фата куплена в единственном свадебном магазине района. Серые туфли (других не было) обвязаны белыми бантиками. В руке букет нарциссов. Сердце бешено колотится.

Андрей, лучший друг Димы, моего будущего мужа, с ленточкой «свидетель» через плечо стоит справа от меня и смиренно ждет. Моя квартира находится на тринадцатом этаже, и потому из окна прекрасно видно крышу девятиэтажки напротив. На ней виднеются маленькие фигурки людей, шарики и алтарь. Билли, свидетельница всей дури, что между нами происходила, смастерила целый алтарь и прислонила к нему старый красный рюкзак, чтобы конструкция не свалилась.

– Ладно. Я готова. Пойдем.

Я беру Андрея под руку, мы заходим в лифт, спускаемся на первый этаж и переходим дорогу. Дверь девятиэтажки уже заботливо приоткрыта. Ей мешает закрыться огромный булыжник. Никто из жителей дома и не подозревает, что в эту субботу на их крыше произойдут мои смерть и перерождение.

Андрей лезет на чердак первым и протягивает мне руку. Я облазила половину крыш своего города, но в огромной балетной пачке и туфлях забираться по лестнице мне еще не приходилось. Чувствую себя тем самым бароном Мюнхгаузеном в финальной сцене советского фильма. Андрей подтягивает меня, чтобы я не терла платье о пыльный бетон, и мы выходим на крышу. Слава богу, все ребята стоят в противоположном от нас конце, и у меня есть еще тридцать секунд, чтобы вдохнуть и выдохнуть.

Мы подходим чуть ближе. Билли стоит настороже, она видит нас и дает отмашку. Начинает играть наша песня. Большой

гавайский музыкант с непроизносимой фамилией завывает под укулеле старую добрую «Somewhere over the rainbow»… Теперь точно пора идти. Дима привык видеть меня в скейтерских «тапках», с сумкой, завешанной значками, и скейтом в руке, но никак не в белом платье с фатой… Я запомнила, как в тот момент он изменился в лице. Запомнила, что он стоял с зажмуренными глазами, что крепко поджал губы, поворачиваясь ко мне. Слева от алтаря стоят его лучшие друзья, все пацаны, справа – мои девчонки, знающие меня с пяти-восьми лет. Такие законы в маленьких городах: мы не разменяваем старых друзей на новых. Я иду к алтарю по фиолетовому коврику из своей прихожей. Денис Савельев, большой добрый парень, успевший побыть одноклассником и мне, и Диме, стоит рядом с ним под алтарем. Он прекрасно подошел на роль священника. Вместо Библии он, словно книгу, держит в руках макбук, из которого играет музыка. Такая вот современная святость.

Текст, который он произнесет, классический, за исключением одной маленькой детали. Вместо слов «пока смерть не разлучит вас» ему велено сказать «и смерть не разлучит вас». Мы по очереди отвечаем «да» на все вопросы, а затем обмениваемся серебряными кольцами с гравировкой «Soulmates never die» на моем и «We'll never die» на его[2].

Наша свадьба проходит по всем канонам, кроме того, что мы не ставим штампов в паспорта и не зовем всех дядей Вань и тетей Люсь из соседних городов. Родители принимают наш выбор их не звать и остаются довольны фотографиями.

Мы даже запускаем в небо белых голубей – вымолили их бесплатно ночью за день до свадьбы из голубятни в гаражах неподалеку. Затем расписываемся на разноцветном сертификате, заготовленном Билли, меняем туфли на кеды и идем праздновать в лес. Ребята пьют, поют песни и веселятся. Все прошло по плану. Никто из них и не догадывается, что на самом деле мы с Димой только что отпраздновали окончание наших отношений. Через десять дней я улетаю в Америку, и мы оба знаем, что это конец.

Как? Зачем? Почему? Все просто. Наши дороги пересеклись, когда нам было шестнадцать. И довольно быстро у нас не осталось никаких сомнений в том, что мы родственные души. У нас было первое все: первая любовь, первое прогуливание школ в родительских квартирах, первый секс, первые ссоры, первая ревность, первые «доброе утро» мелом перед окном, первая показуха с ножом по запястьям, первая измена, первые ночевки на ступеньках, первое «прости», первое море, первые ящики писем, первый пирсинг, первое ЛСД, первая бытовуха, первые ласкательно-уменьшительные собственного сочинения, первая

жизнь. А потом нам исполнилось по двадцать. И мы стали понимать, чего хотим дальше. Дима хотел навсегда покинуть цивилизацию, построить дом в глуши, завести хозяйство и больше никогда не возвращаться в социум. Я же хотела весь мир. Я жаждала его каждой клеточкой своего тела и смиренно ждала, когда в системе «детский сад-школа-институт» появится окошко для моей свободы. В таких противоположных предпочтениях не было компромисса. На спинах наших поездов были написаны совершенно разные направления, и, попытайся мы идти параллельно, один из нас довольно скоро сошел бы со своих рельсов и разбился. Но это не отменяло родственности наших душ. Не отменяло любви. И мы приняли решение не стаскивать друг друга с путей, а сказать «спасибо», «до следующей жизни» и разомкнуть руки. Так мы разошлись.

Глава 2
Свобода

Заметка в дневнике:

15 февраля 2011

Прошло уже 6 месяцев, но я все еще улыбаюсь, вспоминая наше лето.

Может быть, люди и смертны, может, мы не можем продлить момент и не в наших силах удержать тех, кого мы любим, но воспоминания… Воспоминания с нами навеки. И никто не сможет их отнять.

* * *

26 мая, ровно через десять дней, я приземлилась в Вашингтоне. Это был мой первый самостоятельный побег. Спланирован он, правда, толком не был. Я оформила документы за месяц, а не за год, в отличие от остальных ребят, приехавших сюда по программе Work&Travel для студентов. Тогда я еще не знала, что, чтобы путешествовать, можно просто купить билет. Нет, мне нужен был четкий план, иллюзия защищенности – именно ее и гарантировала эта программа. Со мной были сто долларов, чемодан и две русские девки, с трудом говорящие на английском.

Девочек этих я не знала, нас просто посадили в один самолет, дали адрес работы и телефон работодателя. Сказали позвонить ему из аэропорта, чтобы узнать дальнейшие инструкции (номер автобуса, например). По плану мы должны были работать в городе Woodbridge – это где-то в середине штата Вирджиния – в качестве спасателей у бассейна. Конечно, если возвести эту профессию в превосходную степень, я представляла себя в сексуальном красном купальнике с белым крестом, бегущую в замедленной съемке на помощь тонущему… Уж опустим тот момент, что это был бассейн, а не океан. За месяц до этого я прошла собеседование по скайпу и даже знала, как будет выглядеть моя комната.

Мы вышли в главный зал аэропорта. Большой черный дядя указал нам, где найти телефонную будку, и вручил монетку. Его беспричинная доброта и вежливость меня тогда очень удивили. Я кинула монетку в аппарат и набрала номер. На том конце провода уточнили наши фамилии, проверили списки и сказали,

что нас в них нет, а начальник, на которого я ссылаюсь, уже полгода как не работает в этой компании. Я повесила трубку и сообщила новость девочкам. Они уставились на меня с разинутыми ртами.

На минуту мне стало страшно. В кармане сотня баксов, билет обратно через четыре месяца… Впервые в моей жизни у меня не было никакого вектора движения. Некуда оглянуться, не на кого рассчитывать… Никто не скажет мне, что делать. Не прозвенит звонок. Не проедет утренний автобус до «Партизанской». Не начнется пара. Я могу делать, что захочу… И тут до меня дошло: я могу делать, что захочу!

– Не знаю, как вы, но я ни разу не видела океан! Как до него добраться?

Яна, та девочка, что обрела дар речи первой, сообщила, что какой-то ее знакомый работает на Вирджиния-Бич, в том же штате, и как раз у океана – глядишь, он поможет нам с работой. Никаких других идей у нас не было, и мы отправились искать автобус до Венис.

Добрались до места мы уже на следующий день. Автобус высадил нас у океана. Мы встретились с другом Яны и вместе отправились искать нам жилье. Поскольку Вирджиния-Бич – курортное место, летом сюда съезжаются студенты со всего мира в поисках подработки. Кто-то выдает детям мороженое, кто-то расставляет зонтики на пляже, кто-то продает сувениры… Молодые сердца моментально заселяют все дешевые отельчики, что здесь есть. А отельчики, в свою очередь, стараются принимать жильцов минимум на месяц, чтобы не париться с заселением и выселением. Поэтому, когда мы наконец нашли более-менее подходящее по цене и качеству место, мне пришлось отдать им сразу все свои бабки в качестве депозита. Deposit. Первое новое слово, что я выучила на территории Штатов. Нас заселили в двухэтажный домик, на второй этаж, прямо над ресепшен.

Это была маленькая квартирка с кухней и гостиной, все убранство которой составляли кресло, диван, столик и старый телевизор. Основная комната была забита двухъярусными кроватями, оставался лишь узкий проход до туалета. В этой квартирке мне суждено было прожить два месяца. Я отдала депозит, и в моем кармане осталось денег на еду на ближайшую неделю. Это все. Я подала документы на оформление социальной защиты. Без этой маленькой картоночки с Social Security Number[3] я не могла официально устроиться на работу, а оформлять ее должны были месяц. За это время я отброшу коньки. Вывод один: нужно искать нелегальную работу. Так я отправилась стучаться в каждую дверь этого маленького города. Я

зашла во все магазины сувениров, отели и вагончики с мороженым. Но толку было мало, и ближе к вечеру дорога привела меня в бар. Это был двухэтажный корабль пива и живой музыки, освещенный бархатно-красными лампами. Как завести разговор с его экипажем? Я достала сигарету из пачки и стала искать глазами любого мальчишку приятной внешности.

– Hi! Do you have a lighter? – спросила я парня в кепке со спущенными штанами.

– What? – крикнул он в ответ.

Черт, может, я не так что-то говорю.

– Э лайтер! – крикнула я в промежутке между барабанами и гитарным соло.

– No baby… Not as if I wouldn't like to light your fire[4].

Мне пришлось еще несколько раз повторить в голове его слова перед тем, как я поняла, что он имел в виду.

Я посмеялась и смущенно ушла в темноту, ближе к музыке. В отличие от наших московских баров, где обычно зависает одна молодежь, здесь было много бородатых стариков в шлепках, шортах и с какой-то хиппи-атрибутикой. Один из них, похожий на Дон Кихота, с длинными волосами и в шортах с изображением марихуаны, сам начал со мной разговор. Так у меня появился первый в Америке друг и спаситель.

– Так как тебя зовут?

– Друзья зовут меня Иисус, – сказал он и пожал мне руку.

– А меня друзья зовут Хани, – ответила я, по-свойски улыбнувшись.

Довольно быстро я рассказала ему о своей проблеме.

– Послушай, у меня есть друг. Он живет неподалеку. У него свой магазин всякой хиппи-лабуды. Ловцы снов, браслеты, камни, вязаные шмотки и так далее. У магазина своя парковка. Естественно, вся она не бывает занята покупателями, зато вот желающих искупаться летом навалом. Им вечно негде припарковаться, поэтому они паркуются платно на его площадке. Так вот, ему нужен человек, и желательно, конечно, какая-нибудь красотка, как ты, чтобы обилечивать этих ребят. Я сам сейчас работаю на этом месте. Если новые работники ему не нужны, я могу отдать какие-то свои рабочие часы тебе.

Вот что он мне сказал. Только тогда я поняла из этого процентов пятьдесят. Мой английский, который я успешно учила к тому моменту уже тринадцать лет, был на вполне приличном уровне в теории, но не на практике. На руку мне Иисус был знатно укурен и тянул слова, как Ошо, уделяя по минуте каждому предложению. Мы договорились встретиться на следующий день.

Вечером я вернулась домой и обнаружила, что к нам

заселились трое македонцев. Наверное, я бы никогда так и не узнала ничего про эту страну, если бы не они. Двое из них были тихими, ничем не примечательными ребятами: правда, они приводили к нам якобы скромных японок, с которыми потом обжимались по углам. Третьего македонца звали Антонио. Он стал моим главным другом в неизвестной стране. У нас мало чего было общего, но в то время это не имело никакого значения. Если жизнь выкидывает тебя с хорошо изученной палубы за борт, все утопающие быстро становятся друзьями. И тут уже неважно, у кого какой бог и любимый фильм. Важно, что вы в этой неизвестности вместе. Антонио был страстным парнем, большим любителем женщин и Фрэнка Синатры. А я очень люблю любителей женщин и Фрэнка Синатры. Не будет в моей жизни момента, когда, услышав вступление «Strangers in the night», я не вспомню своего вечно улыбающегося друга с носом-картошкой. Сколько раз мы вальсировали босиком на улицах Вирджинии, напевая эту песню. А по вечерам, возвращаясь каждый со своей работы, мы встречались у сцены на берегу океана, где часто устраивали концерты под предлогом каких-то праздников или фестивалей. Мы с Антошкой выходили в самый центр толпы и начинали такой жаркий пляс, что толстые и пожилые туристы только диву давались. Они создавали вокруг нас круг и аплодировали, пока мы, исполняя пируэты, танцевали в поту, умудряясь при этом не поскользнуться на влажной траве.

Так вот, мы стали жить вместе. Проблему еды я для себя решила быстро: прямо напротив нашего домика стоял супермаркет всея Америки «7/11». Изначально эту сеть магазинов назвали так, потому что работала она семь дней в неделю и одиннадцать часов в сутки, но со временем магазин разросся, захватил всю страну и смог позволить себе работать круглосуточно. Но название так и осталось прежним. Супермаркетом, надо признаться, он был не из лучших и по своему ассортименту походил на все заправочные магазы, где, кроме чипсов и шоколадок, в качестве чего-то горячего предлагали пиццу, хот-доги и кофе. В самом «Севен элевэне», кроме вышеперечисленного, продавали еще и куриные ножки барбекю. Я сама не поверила бы себе сейчас, но заверяю тебя, в течение двух последующих месяцев я питалась только ими.

Работа мне все-таки перепала. Вышло, как и сказал Иисус: он временно уступил мне свою должность. Денег на жизнь ему вполне хватало, и он был не прочь передохнуть. Так что первая половина дня двух следующих месяцев моей жизни выглядела так: просыпаясь рано утром, я натягивала на себя первое попавшееся платье, иногда забывая при этом надеть лифчик,

хватала отжатый у сына арендодателя лонгборд, проезжала на нем семь кварталов, бегом покупала кофе и уже через пять минут сидела на своем рабочем месте – выжженном солнцем зеленом пластмассовом стуле. Дальше начиналась игра с солнцем: каждый час я передвигала стул вслед за уходящей тенью от зонтика. Приезжали машины. Я записывала их номера, говорила зазубренное: «Put it on your dashboard», – сама не понимая, что значит последнее слово, и показывала, куда поставить машину. Возвращаясь за машиной, они отдавали мне наличку за то количество часов, что их тачка там простояла. Я клала их в кошелек, а вечером отдавала все боссу. Он отсчитывал мой процент и вручал деньги. После чего я обычно заходила в гости к Иисусу. Его домик стоял в углу той же парковки. Сделан он был чуть ли не из картона, и, когда я стучала в дверь, вся стена начинала шататься. В коридоре за огромной железной сеткой жили два больших бешеных добермана. От малейшего звука они всегда начинали громко лаять, а Иисус – не менее громко материться на них.

– Да слышу я, слышу, черт возьми! Что ж вы так лаете, сукины вы дети!

– Привет, Иисус.

– Привет, Хани. Заходи!

Сначала я по привычке представлялась в Америке как Хани. Так меня звали все близкие друзья. Вскоре мне, правда, пришлось перестать так делать, потому что в Америке имя «сладкая» может носить только стриптизерша или проститутка. Да и кличку эту я придумала только потому, что мне не нравилось быть как все – Сашей-Машей-Пашей-Дашей, а здесь такой проблемы не возникало. Но все же самые близкие и дальше продолжали звать меня «Хани», даже в Америке.

– Будешь холодный чай, Хани?

– Конечно! Спасибо!

Весь дом Иисуса представлял собой одну комнату. Почти всю ее площадь занимала огромная кровать с водяным матрасом. Стены были увешаны плакатами и прочей атрибутикой неизвестной мне тогда группы «Grateful Dead».

– «Благодарные мертвые»? Что это?

– О, дорогая, это родоначальники хиппи. Как можно их не знать! Неужели у вас в России их не слушают?

Я чудовищно обгорала в первые дни работы, и Иисус отрывал мне листья своего большого куста алоэ, растущего в углу комнаты. Пока я водила спасительным растением по коже, он дымил марихуаной и рассказывал мне истории о шестидесятых. С наступлением темноты я шла домой, где меня ждали Яна и

македонцы. К слову, у Яны не возникло проблем с тем, что Work&Travel нас подставил. Ее папа въехал в ситуацию и сразу перечислил денег на все оставшееся лето со словами «отдыхай, доченька». Но городок этот был пустой, и, кроме разве что посиделок на пляже, делать здесь было нечего. Поэтому Яна всегда радовалась моему возвращению домой. Она была доброй и совершенно безобидной девочкой, напоминающей куклу Барби в хорошем смысле слова. Все ее вещи были розовыми, глаза – голубыми, а волосы – цвета пепельный блонд. Она с трудом хоть что-то понимала на английском, но, как и все маленькие и беззащитные девочки, привлекала «больших и опасных» мальчиков. Так сынишка арендодателя, весь из себя крутой рэпер (на самом деле нет) с джипом отца, моментально запал на мою Яну. Нюанс был в том, что она ни черта не понимала из того, что он говорит, и мне постоянно приходилось выступать в роли переводчика. Иногда по ночам мы уезжали в квартиру этого пацана и играли в приставку с ним и его приятелями. Яна водила его вокруг да около какого-либо интима, целуя на прощание в щечку, а он, как любой пацан, на это велся. Так мы стали обзаводиться халявой во всем и вся. Например, получили тот же лонгборд и всегда могли попросить довезти нас до больших магазинов. Пару раз мы с Яной подрабатывали на фабрике игрушек. Весь день нужно было упаковывать неоновые палочки-браслеты в полиэтилен. Я на всю жизнь запомнила это ощущение бессмысленности и рабства. Ничего нет хуже, чем повторять одно и то же действие длиной в десять секунд в течение восьми часов. Это превращает тебя в машину без глаз и лица. Тогда я поклялась себе, что больше никогда не буду заниматься такой херью, чего бы мне это ни стоило. Довольно быстро я стала привыкать к Америке. Привыкла к тому, что у каждого второго в руке косяк, что все улыбаются и что на слова «hey-how-you-doing» проходящего мимо нужно не развернуто отвечать, как мои дела, а просто кивнуть и улыбнуться. В целом моя жизнь в Вирджинии стала идти размеренно и закономерно. А дальше произошло то, что навсегда изменило мою жизнь.

Глава 3
Beautiful Nightmare

Нам обоим запомнятся годы
Нашей темной и страшной свободы,
Научившей любить и прощать.

Ах Астахова

Я многое забываю, но то, как встретила мужчин своей судьбы, помню в мельчайших деталях. Помню настолько четко, что, если поставишь меня сейчас на тот же перекресток, я в точности скажу, где стояла и с какого угла смотрела на то, как хозяин нашей гостиницы обсуждает что-то с двумя ребятами с большими рюкзаками. Дело было поздно вечером. Мы по обычаю уселись на крыльцо с какими-то напитками и стали невольными свидетелями этой картины. Пока ребята с рюкзаками сбрасывали свои вещи, я пошла на серьезный шаг и купила себе сим-карту. Вставила ее в самый дешевый телефон и теперь пыталась ее активировать, но у меня ни черта не выходило. Яна сидела рядом. Вместе мы пытались разобраться с инструкцией. Я уже начинала злиться. И вот тут-то, блядь, это и произошло. Смешно. Прошло уже шесть лет, а мне все равно тяжело об этом писать. Рядом со мной на крылечко присел один из этих двух парней. Его звали Дэниел. Перекинувшись парой фраз, я объяснила свою проблему. Он прочитал инструкцию и сказал, что нужно куда-то звонить, чтобы активировать симку. Мы отправились в «7/11», там был стационарный телефон. Дэниел взял трубку и стал звонить. Только тогда, в ярком свете супермаркета, я разглядела его лицо. Это был единственный момент в моей жизни, когда все произошло как в кино. Клянусь, что не преувеличиваю, говоря, что проходящие мимо люди вдруг замедлились. Картинка стала размытой и бесцветной по краям. Звук исчез. Цветным и четким осталось только его лицо. Разговаривая по телефону, он в какой-то момент посмотрел на меня своими зелеными, обрамленными длинными ресницами глазами, и я пропала. В голове зазвучала какая-то французская мелодия. Мне нравилась решительно каждая черта его лица: широкие скулы, легкая небритость, идеальной формы губы, белоснежные зубы. Нос, брови, волосы. Но главное – взгляд и этот утробный, низкий голос. Мне нравился его английский акцент, из-за которого я с трудом понимала, что он вообще говорит.

История, как Дэниел оказался здесь и сейчас, такова: месяц назад он прилетел в Нью-Йорк из Англии со своим приятелем, отмороженным игроком в регби, который яро ненавидел всех женщин, вечно напивался и влезал в драки, но зато с ним было весело. Дэниел объяснил мне позже, что этот парень примазался сам и отступать поздно было. Они добрались до Вирджинии, потому что слыхали, что здесь можно купить дешевую машину. Раздобыв ее, парни собирались отправиться пересекать Штаты. На тот момент Дэниелу было двадцать три, а это на целых три года старше меня! Я считала его взрослым мужчиной, прохававшим жизнь. Короче говоря, мы влюбились. Первую ночь мы просидели на полу балкона моего дома и разговаривали, пока не начало светать. Мы обсуждали все. Говорили про наши страны и их обычаи. Он рассказывал мне про свои путешествия. Про то, как гулял по джунглям Борнео, в каких океанах серфил, про жизнь среди слонов Африки, про змей и волков. По профессии он был географом и к своим двадцати трем успел увидеть и испробовать немало. Я смотрела ему в рот, как малолетний ребенок, пытающийся научиться говорить. Я спрашивала его обо всем. О том, сколько у него было половых партнеров, любит ли он ходить босиком, что ему нравится больше, ночь или день, бывал ли он когда-нибудь на похоронах, когда последний раз плакал, дрался ли когда-то, испытывал ли животный страх и любит ли лазать по деревьям… Он задавал те же вопросы мне. Мы буквально напали друг на друга со своими мирами, так отличающимися друг от друга. Летние ночи всегда пахнут особенно. Они как сладкий эфир… В нем пропадает время. Волшебное чувство абсолютной свободы охватило меня. Моя душа пела оды беззаботной юности.

Нашу идиллию на мгновение перебила сцена, развернувшаяся у магазина напротив. Остановился огромный джип. Оттуда вылез парень, змейкой дошел до двери «7/11», которая, конечно, была закрыта, и начал ее трясти. Разочаровавшись, он растерянно обернулся, поймал взглядом пластмассовые ящики, предназначенные для ежедневных бесплатных газет, открыл один из них и с криком «IT'S FOR FREEEEE!!!» выкинул огромную стопку газет в воздух. Мы разразились смехом. С тех пор я не могу говорить фразу «for free» с другой интонацией. Я так ярко запомнила это оттого, что в тот момент я по-тихому праздновала внутри себя жизнь, а этот пьяный парень только что высказал мои истинные чувства. Все самое лучшее в мире свободно и бесплатно, что на английском описывается одним словом. Free.

Так мы и сидели, наблюдая сквозь туман и табачный дым, как просыпается американский город у побережья. Вскоре это вошло в

традицию. Мы, будто сторожа, стали караулить его тихий сон ночь за ночью, а в семь утра, когда птицы с новой силой принимались петь, сдавали вахту. Я кралась в свою комнату, стараясь никого не разбудить, а Дэниел спускался по пожарной лестнице вниз ровно за пять минут до того, как должен был открыться ресепшен, и брел в свою общажную комнатку. Нам было запрещено водить гостей. В первый из таких рассветов, перед тем как уйти, он посадил меня на перила той самой пожарной лестницы и целовал, пока выглянувшее из океана солнце не стало бить оранжевыми лучами нам в глаза. Природа будто праздновала нашу любовь вместе с нами.

Очень быстро все мои рабочие дни превратились в томительное ожидание, когда я снова увижу его лицо. И каждый раз я забывала, как он выглядит. Такое происходит со мной только тогда, когда кто-то мне действительно очень нравится. В данном случае я втрескалась настолько, что, как только мы расставались, мне начинало казаться, что я его придумала. И когда вечером я видела его настоящего, из плоти и крови, это было все равно что находить лучший подарок на Новый год под елкой снова и снова. Перед тем как увидеться вновь, я дрожащими руками чиркала зажигалкой, справляясь с ней лишь на пятый раз. В Америке на зажигалках стоят колечки безопасности от детей. Чтобы зажечь такую штуку, нужно приложить вдвое больше усилий. Я выкуривала полпачки перед тем, как прийти в наш общий дворик, где каждый вечер устраивались новые вечеринки. Всячески изображая независимость, я галдела с кем-нибудь другим, стараясь не навязываться Дэниелу и казаться веселой и беззаботной.

В общем, это превратилось в красивый кошмар. Да, точно, так он меня называл. Beautiful nightmare, потому что понимал, как и я, что вся эта затея влюбиться все перевернет. Я звала его в ответ sweet dream. А все потому, что рядом с моей парковкой постоянно играл новый хит Бейонсе с припевом «Sweet dream or a beautiful nightmare, either way I don’t wanna wake up from you». В Америке какая-то проблема с радио. Вечно они ставят на плей-лист буквально песен пятнадцать и крутят их вперемешку по кругу месяц. Вряд ли Дэниел взял эту фразу из песни Бейонсе, он, как и я, был любителем старых добрых «Роллинг Стоунз» и «Оазиз», но эта попсовая песенка дополнительно напоминала мне о нем каждый день.

Прошла неделя нашей общей зависимости. Мы красиво сходили с ума. Я наконец накопила немного денег и даже смогла позволить себе розовое платье Volcom за двадцать долларов. Из-за нервозного состояния влюбленности я вообще перестала есть и

выглядела прекрасно. Присутствие Дэнни стало моей пищей. Руки переставали трястись, только когда я знала, что он рядом со мной. Мы проводили очередную летнюю ночь на пляже вместе с другими ребятами из отеля, запустив по кругу косяк. Я курила всего пару раз в жизни, и мои не привыкшие к таким штукам глаза моментально превратились в две щелочки. Ребята кинулись с криками в океан, а мы с Дэнни решили воспользоваться возможностью и под шумок спрятались за сложенную гору шезлонгов в ста метрах от них. Тогда мы пытались не палиться, что между нами что-то есть. Если бы кто-то из наших ребят узнал, через сутки об этом знал бы весь наш отель. Не знаю, в этом было дело или, может, просто в том, что иногда хочется прятать свое счастье, как волшебный ключик, лишь бы не украли. Лишь бы не пропал этот вход в секретный мир двоих. Я лежала у него на коленках. Звезды двигались вместе с движением моих глаз. Океан жил своей шумной ночной жизнью, заглушая наши голоса. Дэниел нежно провел рукой по моему бедру. Я таяла от него, как пирожное. Он провел рукой по внутренней стороне бедра. Я моментально стала задыхаться. И эта его фраза на выдохе: «You are so fucking wet». Таких откровений мои детские ушки еще не слышали. Мы сорвались и полетели. Кажется, все хотели усложнить нам задачу. И каток, утрамбовывающий ночью песок и пробивающий пляж огромным лучом ослепляющего света. И китайцы, которые ну просто не могли постелить полотенца подальше… Апогеем было, когда я, прижавшись к плечу Дэниела, заметила, что прямо за ним стоит аквалангист в маске и ластах и просто наблюдает за нами. Когда мы в недоумении уставились на него в ответ, он медленно повернулся и просто ушел в океан. Покрытые песком, как печенье, мы возвращались домой, взявшись за руки, и разомкнули их, только когда подошли ближе к отелю, чтобы о нашем секрете никто не узнал. Пути обратно больше не было. Мы перешли ту грань, до которой можно было еще отвязаться друг от друга. Теперь нитки превратились в веревки и завязались в морские узлы.

Когда влюблен в человека, заботишься о нем больше, чем о себе. В один день его приятель, живущий в маленьком домике напротив нашего отеля, предложил нам кокаин. Все, что я знала о кокаине, – это то, что он звучит как героин. И значит, наверное, по вреду своему недалеко ушел. От обоих этих слов у меня в глазах сразу появлялся кадр из «Криминального чтива», где Мия лежит на диване с закатившимися глазами, из носа течет кровь, а изо рта – какая-то желтая жидкость. Я увидела этот кадр еще лет в десять, когда родители смотрели этот фильм на кассете. Папа сказал: «Отвернись», – но было уже поздно.

«Она приняла кокаин и героин, доча. Это самые сильные наркотики», – пришлось пояснить папе. Больше информации о наркотиках я за всю жизнь от родителей не удостоилась. И потому картина, как Дэниел заходит в комнату этого белобрысого парнишки, до сих пор стоит у меня перед глазами. Внутри все перевернулось. Я решила, что Дэнни пытаются затащить на темную сторону жизни и он поддался искушению.

– Ты заходишь? – переспросил он меня.

Смотреть, как его убивают, я точно не собиралась. Это его первый раз или нет? Боже… Что, если у него начнется зависимость и он умрет? Но говорить ему, что делать, я не могу.

– Нет… Я не пойду туда.

– Тогда мы закроем дверь, – сказал белобрысый парень.

– Подожди меня во дворе, я скоро вернусь, – говорит мой кислород.

Я поплелась во двор, он был переполнен людьми. Яна сидела в компании русских ребят. Дэнни скоро вернулся, но я так ошалела, что не могла с ним даже разговаривать. Он пошел к своей компании, а я все сидела, опустошенная, рядом с Яной и вырисовывала на ноге слово «stay». В конце концов, он подошел ко мне. Я стала орать, что кокаин – это как героин, а он рассмеялся, взял меня за обе руки и сказал:

– Даша, посмотри на меня… Посмотри на меня.

Я подняла взгляд.

– Я в порядке. Ты видишь, я в порядке?

– Ты под кокаином! Я не хочу с тобой разговаривать, пока ты под наркотиком!

– Даша, это просто кокаин!

– Просто?! Кокаин – это почти как героин!

– Ха-ха! Нет, конечно! Я бы в жизни не стал принимать героин!

– А в чем разница?

– Во всем. Даша, посмотри на меня, ты видишь, я в порядке?

Я посмотрела на него несчастными глазами и вгляделась в зрачки. Они не были расширены. Руки не тряслись. Язык не заплетался.

– Но это вредно, вредно для тебя! Пожалуйста, не принимай кокаин! Пожалуйста!

Он снова засмеялся.

– Хорошо, если для тебя это так важно. В любом случае я практически никогда этого не делал. Не переживай.

Но я переживала уже по совсем другой причине. Проанализировав свою реакцию, я поняла, что схожу по этому парню с ума. Я влюбилась до невозможной для самой себя

степени. Это осознание будто пронзило меня стрелой. Мы шли в очередной бар с его приятелями, которые явно считали меня бесполезной дурочкой. Мое сердце упало куда-то далеко. Я была в растерянности. И тут начался дождь. Он всегда так делает, мой главный друг. Я уж не знаю, то ли я подстраиваюсь под погоду, то ли она под меня, но наши настроения всегда совпадают. В самые отчаянные моменты моей жизни всегда начинается дождь. Города, которые любят меня, тоже всегда плачут, когда я уезжаю. Если начинается дождь – значит, моя любовь была взаимной. Я не могла больше идти. Я, задыхаясь и раскинув руки, упала на газон. Его друзья сразу стали кричать:

– Что она делает? Дэн, идем!

Он встал столбом рядом со мной. Капли падали мне на лицо, а я лишь смеялась как сумасшедшая. И тут вместо того чтобы пойти за друзьями, он лег на мокрую траву рядом со мной, положив голову на мою ладонь. А его друзья так и остались стоять и кричать на нас. Это был один из тех моментов, который кладешь в шкатулку памяти. Ту шкатулку, что потом покажешь Богу со словами: «Смотри. Я жил».

Мы сходили с ума вместе. Нам было совершенно плевать на весь мир, он стал вдруг просто декорациями к нашему счастью. Днем мы плавали в океане, и он учил меня, как распознать, что говорят друг другу под водой дельфины, вечером шатались по разным барам с друзьями, а по ночам прокрадывались в мою гостиную и раскладывали там старый скрипучий диван. Десять человек в соседней комнате, конечно, ничего не подозревали. Или же шли в его общажную комнату к мужикам и жгли не на шутку там, стараясь не разбудить его друга в наушниках на соседней кровати и махая ручкой соседу за перегородкой в моменты, когда я была сверху. У нас были одинаковые инициалы, одинаковое число рождения, одинаковый мир. Он был такой же, как я, только умнее, сильнее и лучше.

Но время… Эта жестокая штука – время – работала против нас. Дэниел и так задержался в Вирджинии из-за меня. Но наконец они купили машину для дальнейшего путешествия, и пришла пора продолжать путь. Я хотела присоединиться, готова была все бросить. Да и что бросать? Но его друг был категорически против, он попросту меня ненавидел. План-то был кадрить американских девок вместе, а тут я со своим ломаным английским украла его «второго пилота». Один раз этот регбист написал мне с телефона Дэниела «fuck you, you russian cunt».

– А что такое «cunt»? – переспросила я с утра Дэниела. Он же, в свою очередь, хоть и извинялся, но считал некрасивым кидать приятеля и оставаться со мной. Короче говоря, решение было

принято. Душа ушла в пятки. Я не могла и думать о том, что завтра его здесь может не быть. Мы провели последнюю ночь вместе в его общажной комнате. К пяти утра на трясущихся от изнеможения ногах мы выпали из комнаты на деревянную лестницу и вытащили каждый по последней сигарете из одинаковых пачек «Мальборо». Символичнее не могло и быть. Тогда-то я и начала традицию, которая длится и по сей день. В темном углу комнаты я откопала лист и фломастер и обвела его руку. Мне хотелось сохранить хоть что-то. Так я могла прикладывать свою ладонь к его еще сколько угодно раз. Впоследствии до меня дойдет, что мне еще не раз предстоит прощаться с людьми. Наверное, это первое главное испытание дороги – научиться говорить «goodbye».

Второй обведенной рукой будет рука Антонио, а вернувшись домой, я заведу черный блокнот Moleskinec с Маленьким принцем на обложке. Туда я стану обводить руки всех, кто стал мне дорог, говоря им одну и ту же фразу: «Это теперь твоя страница. Делай с ней, что хочешь. Я увижу ее снова, только когда буду сидеть в самолете». За шесть лет я нарушила этот закон всего три раза. Но листочки с ладонями Дэниела и Антонио я все-таки где-то потеряю.

В тот роковой день, когда мы прощались с Дэниелом, было довольно жарко. Он затолкал свой рюкзак в багажник и подошел попрощаться. Чтобы не сказать ничего лишнего, я просто продолжала курить одну сигарету за другой. Сколько откровений хранят в себе эти сигареты… Сколько чувств мы умолчали, чиркая зажигалкой. Он снял с себя мою любимую синюю футболку, улыбнулся и сказал:

– Отдашь, когда встретимся в следующий раз, окей?

– Окей.

Мы уставились друг на друга. Он вздохнул, качая головой:

– Such a beautiful nightmare[5]…

Машина повернула за угол, и я осталась стоять одна на пустом перекрестке. Жизнь оборвалась. Я легла на раскаленный асфальт и лежала так, пока ко мне не подъехал коп, сообщив, что люди переживают, что я мертва, и попросил меня встать и все-таки дойти до дома. Я поднялась по пожарной лестнице одна и просидела на балконе полдня. Мне казалось, что мое лицо отморозило. Ни одна мышца не двигалась. Я не плакала, нет. Я просто как будто умерла. Я даже сфотографировала тогда свое загоревшее лицо с белыми следами от очков-сердечек, проверив тем самым, что оно вообще на месте.

Месяц прошел незаметно. Потому что меня в нем не существовало. Я ходила как робот, ела и спала как робот. Каждый

день мои глаза вылавливали на улицах синие футболки, и на долю секунды мне мерещилось, что это Дэниел, а потом я вспоминала, что его футболка лежит у меня. Единственными стоящими моментами жизни были его смс. Я оживала только для того, чтобы прочитать их и ответить. А потом снова впадала в кому. В башке по кругу играла песня «Оазиз» «Stop crying your heart out». Сама не знаю, откуда она всплыла в моей голове. Я даже не знала тогда, кто ее поет. Эти клавиши пианино сами звучали в моей голове каждый вечер. «Get up!» – орал солист, и я вставала и шла на работу, пряча от всех за солнечными очками свои глаза, до краев наполненные пустотой. «Не бойся, судьба согреет тебя», – повторяла я в своей голове по кругу, даря себе надежду. Моей единственной поддержкой был Антонио. Мне кажется, к этому моменту он уже горячо меня любил, но моя голова была забита Дэнни, и я отвергала все его попытки стать больше, чем просто друзьями. Мы встречались по вечерам на балконе и слушали Синатру. Ему не оставалось ничего, кроме как ходить на свидания с другими девушками и не думать обо мне. Как-то он, кажется, даже признался мне в любви. И если бы не Дэниел, может быть, между нами что-то и было бы. Но я была безутешна и думала только о покинувшей меня любви.

1 new message: Привет, красотка. Что нового? Мы застряли в пустыне на полпути в никуда. Мотор машины сломался, и теперь мы пытаемся починить его подручными средствами. Надеюсь, у тебя все хорошо. xx[6]

За месяц мне удалось отложить тысячу долларов, а Дэниел тем временем пересек уже половину Америки и добрался до Денвера, где его отмороженный приятель подрался в баре и теперь был приглашен в суд. Судебные разбирательства должны были длиться по меньшей мере месяц, а Дэниел был единственным свидетелем происходящего со стороны обвиняемого. Короче, они застряли. Дэниел стал искать работу и жилье, в итоге они сняли маленькую студию на цокольном этаже вместе с черным парнишкой Томом. Какие-то знакомые пристроили Дэна на работу: создавать богатым дядям и тетям красивые сады. В Америке это достаточно распространенная профессия, называется Gardering. Словом, теперь, когда они никуда не ехали, Дэнни позвал меня к себе. Я, конечно, согласилась. По счастливому стечению обстоятельств, единственный человек, которого я знала в Штатах до того, как приехала сюда, тоже жил в Денвере. Я говорю о своем однокласснике Кирилле Слесаренко. Когда он переезжал, мы прощались с ним всем нашим маленьким городом как будто навсегда. Парень, в свою очередь, от ужаса так нажрался, что

закончил прощальную вечеринку в больнице. Так вот, чтобы подстраховаться, я написала сначала ему. Кирилл сказал, что готов меня приютить и будет чертовски рад видеть. И я купила билет до Денвера. Не знаю, о чем я думала… Билет на самолет стоил примерно столько же, но мне даже в голову не пришло тогда, что можно было лететь, а не ехать. В любом случае Greyhound[7], самая старая и дешевая компания автобусов в Америке, выдала мне билет длиннее моего роста. Мне предстояло ехать через поля этой огромной страны трое суток. Сердце бешено колотилось в преддверии приключений. Этот маленький город мне порядком поднадоел, но, когда роковой день наступил, я с синдромом выпускника прощалась со всеми перилами по очереди.

Когда мой Иисус узнал, куда и зачем я собралась ехать, то чуть с ума не сошел. Оказалось, в Америке автобусами, тем более «Грейхаундом», пользуются только те, кто не хочет палить свой паспорт: при покупке билета на самолет его обязательно спросят, а здесь нет. Что, по сути, означало одно: мне предстояло провести трое суток с довольно колоритным контингентом. Отговаривать меня было бесполезно. Отплевавшись и поворчав, Иисус дал мне несколько инструкций.

1. Садиться в самом начале автобуса, чтобы водитель видел, что со мной происходит.

2. Садиться рядом с женщинами.

3. Не садиться рядом с афроамериканцами.

Яна в тот же день уезжала в Нью-Йорк, а оттуда собиралась лететь обратно домой. За два месяца она окончательно охмурила сыночка босса отеля, но так ему и не дала. Бедный парень спрашивал у меня сто раз, что же ему еще сделать. Но Яне ее поведение недотроги казалось подобающим воспитанием в нем чувств. Эти хитрые женщины.

– А как же Стив?

– Да не знаю… Может быть, вернусь сюда следующим летом, посмотрим… Приехали вчера к нему домой… Ну он, конечно, как обычно, начал мне все на свете предлагать…

– «Я подарю тебе эту звезду»[8]…

– Нет, он там че-то про мир говорит… World – это ж мир?

Рано утром она проводила меня на автобус, мы обнялись и попрощались. Столько всего было пережито вместе. И несмотря на то, какими разными мы были, еще пару лет мы периодически пересекались в «Шоколадницах» Москвы и ностальгировали по нашему лету, согревая друг друга под серым безразличным небом нашей кармической страны. Но все это было потом… А сейчас начиналась моя самая первая и долгая дорога к счастью. На входе

в автобус большой угрюмый негр в синей форме и дурацкой фуражке, которую он ненавидел так же сильно, как и свою работу, оторвал первый кусочек моего бесконечного билета «Вирджиния – Ричмонд». Тут до меня дошло, почему он был такой длинный, этот билет. Количество его составляющих равнялось количеству пересадок в разных городах. То есть восемь. Я села в самое начало автобуса и выдохнула. Меня ждали первые дорожные приключения. В Ричмонде я сделала пересадку. Следующий автобус должен был увезти меня в Филадельфию, но до него было еще пару часов. Автобусная станция была заполнена неграми и странной внешности людьми. В Америке таких называют «creep». Знаю, тебе это слово знакомо только из песни «Radiohead». Непонятно, как назвать таких людей по-русски. Они не то чтобы на наркотиках или в припадке, но что-то с ними не так. Перекошенные лица, странные движения… В общем, те еще типчики. Наконец темнокожая дамочка начала кричать: «Филадельфия!» – и я выстроилась в очередь с остальными. Рядом со мной стояла коротенькая девушка с веснушками, она предложила сесть рядом, и я обрадовалась. Нам предстояло проехать вместе всю ночь.

Вместе с дорогой история ее жизни раскручивалась передо мной, как клубок. Девочке было семнадцать. Пять лет назад она ушла из дома, добралась до Вирджинии, где познакомилась с тридцатипятилетним мужиком с тремя детьми, втюрилась в него и стала жить с ним. Только вот он был тот еще псих и недавно, судя по истории, кого-то застрелил. Теперь он сидел и ждал решения судьи, а девочка без денег и жилья спустя пять лет возвращается домой сообщить маме, что она беременна. Ближе к ночи она попросила у меня телефон позвонить своему парню как раз в тот момент, когда он узнал приговор: десять лет. Чувак, видимо, решил, что есть варик сократить это время и вышибить себе мозги прямо сейчас. И вот она начинает в истерике орать: «No, baby, please, don’t kill yourself!» – и странно трястись. Выясняется, что у девки боязнь закрытых пространств – добавь к этому немножко нервов, и у нее уже чуть ли не пена изо рта. Ее начинает трясти, как при эпилепсии. Я хватаю ее за руку. Она задыхается. Всю ночь я успокаивала ее и проклинала совет садиться с девочками. Следующим пунктом был Чикаго. Зайдя в автобус, я стала искать кого-то более разумного в качестве соседа и увидела вдруг маленького мальчика с большой плюшевой обезьяной в руках. Подсев к нему, я заметила на его руке татуировку – красную звезду. Дабы завести разговор, я спросила, не с восемнадцати ли можно бить в Штатах тату.

– Мне тридцать два, – ответила бритая лесбиянка и

продолжила играть во что-то на приставке. Больше мы не общались.

Мы выехали в центральную Америку, где, кроме дома Элли и кукурузных полей, ничего не найти. И я увидела очень странно разодетых людей. Сначала подумала, что это актеры выездного театра и потому в костюмах. Они были одеты в деревенскую одежду, но ту, которую носили два века назад. Женщины были в кокошниках и пышных юбках до пола, на мужчинах были соломенные шляпы с полями, брюки на подтяжках и жилетки. На лицах красовались длинные бороды. В руках были старые кожаные чемоданы.

– Простите, не знаете, почему они так одеты? – спросила я соседа по лавке.

– Наверное, они амиши.

– Армиши? Из армии? Что?

– Нет-нет, А-МИ-ШИ. Они очень религиозные. Они отрицают прогресс и живут в деревнях без электричества и новых технологий. Ездят на лошадях. Это целое движение в Америке.

– Вы серьезно?

– О да.

– Но если они отрицают прогресс, то почему ездят на автобусах?

– Вот в чем вопрос…

Не знаю, как я пережила оставшуюся дорогу. Три ночи я спала сидя, сделав подушку из свитера и укутавшись в остальные теплые вещи. Ступенька под ногами, систему работы которой я разгадала автобусе на пятом, немножко спасала, но не задницу и спину. Каждые пару часов какая-то из частей тела затекала, и я сонно выпрямлялась, вглядываясь в бесконечные черные поля. Фары автобуса освещали прямую дорогу в бесконечность и разметку – пеструю ленту-змею. Все семьдесят два часа я крутила в воображении сцену, как мы встретимся. Грязная, уставшая, но счастливая, я наконец-то ворвалась в Денвер – главное пристанище керуаковских героев, о которых, как и о самом Керуаке, я тогда еще и слыхом не слыхивала. Я не могла предстать перед Дэниелом в таком виде и с чемоданом в руках. За четыре года отношений я хорошо уяснила: чтобы мужчина тебя любил, нельзя ему навязываться. Я пересела на нужный автобус, и тот унес меня подальше от центра, к дому Кирилла Слесаренко. Кирилл был угрюмым и странным парнем. Он жил со своей мамой и отчимом. Его младшая сестра забавно перемешивала английские и русские слова в речи.

– А это что у тебя, peecock? – сказала она, рассматривая мои сережки с павлиньими перьями.

– Кто?

– Пииикок!

– А! «Пикок» – это павлин! Да!

У его дома был общий бассейн, и мы пошли купаться. Как можно не радоваться жизни, когда у тебя рядом бассейн, подумала я. Мы обсуждали, что случилось со всеми одноклассниками и как дела дома в России, но мне не было никакого дела до всего этого. Я уже давно набрала эсэмэску «I'm in Denver» и ждала ответ. Дэниел пропадал где-то на футбольном матче до самого вечера. Как только я разобралась, где нахожусь, сообщила ему свои координаты, и мы договорились встретиться у торгового центра поблизости.

Когда настал заветный час, мы со Слесаренко и его толстеньким приятелем, неудачником на вид, отправились туда. Я не хотела, чтобы пацаны шли со мной, но они настояли. Кирилл вообще был не в курсе, что я не собираюсь жить с ним, а использую его дом как перевалочный пункт. Кроме того, он был знаком с Димой. Мне не хотелось, чтобы он понял, что я с Дэниелом в каких-то отношениях, а значит, пришлось быть сдержанной. Пока мы стояли на парковке у центра и ждали, когда подъедет Дэниел, я притворялась, что слушаю, о чем они говорят, но на самом деле не улавливала ни слова. В ушах гудела невыносимая тишина ожидания. Я молча воровала сигареты у толстого парня, одну за одной. А они тут дорогие, и так делать не принято.

– Там шарик такой в фильтре, можешь его щелкнуть – сигарета станет ментоловой, – бурчит он.

– Что??? Это как??? – я такого еще не видела: в России тогда только начали появляться сигареты с кнопкой.

– Ну, щелкни просто. Дай!

Он проделал все за меня и вернул сигарету. Но мне не понравилось. От нервов я ничего не поела, и никотина хватило на то, чтобы руки опять затряслись. И тут среди рядов машин я увидела его. Он шел мне навстречу. Клянусь, я запомню этот момент навсегда. Я моментально забыла обо всех приличиях и декорациях вокруг. Мне стало так искренне все равно, какой это город, страна и планета. Я просто побежала и, чуть не сбив его с ног, вцепилась, обняв за шею, и только и повторяла, что такого не может быть. Мы сразу поняли, что от парней надо избавляться и ехать к нему. Я кое-как извинилась перед Кириллом и сказала, что вернусь завтра. Ему оставалось только принять такой расклад.

Мы сели в машину, Дэниел повернул ключ, и заиграла та самая песня «Oasis», которую я беспричинно крутила в своей голове весь этот месяц. Мне кажется, такими моментами судьба

подсказывает нам, что все идет по плану. Нити связались в узелок. Мы взялись за руки и уехали в закат длиной в сорок два дня. Таким был срок моего притупляющего счастья.

Комната-студия, в которую вписался Дэниел, находилась в самом сердце Денвера. Отсюда было рукой подать до Сити-холла, Капитолия, Центрального парка, Художественного музея причудливой формы и любимой улицы всех бродяг, 16-й. Хоть мы и жили в подвале, куда практически не попадал дневной свет, а кухня была прямо в комнате, это все еще было жилье, и оно было нашим. Его друг-регбист переехал на другую квартиру, и мы остались делить студию с черным пареньком Томом. Так я оказалась окружена афроамериканским и английским акцентами. Ничего, мать его, не может быть более неразборчивым, чем эти два акцента. Но кажется, от этого мой английский довольно скоро прокачался до солидного уровня.

Рано утром Дэниел уходил на работу, оставляя мне на журнальном столике несколько сигарет, и возвращался лишь ночью. Потому мы часто зависали с Томом. Том научил меня врываться на любые домашние вечеринки, которые так любят в Америке. Ему было лет двадцать, и он переехал в Денвер один. Его мама воспитывала еще несколько детей где-то в Мичигане, отца и в помине не было, поэтому мальчик не понаслышке знал, как выживать на суровых улицах реальности. Главным образом мы шли на вечеринки, чтобы бесплатно выпить и пожрать.

– Что, мы вот так просто постучим в дверь к незнакомым людям?

– Ты русская, я черный! Кам он, детка, таким составом мы можем ворваться хоть к Обаме! – говорил он, забегая на крыльцо дома, откуда раздавалось больше всего шума.

Дверь всегда была открыта, и мы входили без спросу. Том с лету хватал мне и себе по банке пива со стола, проходил через весь дом так, будто тусует здесь каждый день, и выходил на задний двор, освещенный фонариками. Одним ребятам он говорит, что он друг некоего Майка, а после уже представлялся другом тех, с кем на самом деле только что познакомился. Так мы коротали вечера, вываливаясь пьяными и сытыми обратно на улицы Денвера и смеясь в ночь. Дома нас уже ждал Дэниел с пиццей. Мы накуривались и играли в Фифу. Денвер был первым городом в Штатах, легализовавшим марихуану. Кажется, тогда-то я и скурила всю свою память. Для меня было в диковинку, что можно прийти в магазин, где стоит врач в белом халате и говорит: «Здравствуйте! Какой вид марихуаны предпочитаете?» Мы предпочитали сорт под названием «LA woman».

Фишка была в том, что марихуану здесь стали считать

лекарственной травой. Ее прописывали от болей и для расслабления. В Америке для этого есть охуенное слово «anxiety». Оно значит, что ты слишком бешеный. Родители пичкают своих детей таблетками, если они слишком бесятся в школе… И все это доведено до полного идиотизма. Ничто не мешает тебе сказать: «Я слишком бешеный – пропишите мне травы» или «Я слишком бешеный, мне нужна собака». Кстати, о собаках. Если хочешь брать с собой свою собаку ВЕЗДЕ, вплоть до того, чтобы посадить ее на коленки в самолете, все, что тебе нужно сделать, – надеть на псину куртку, на которой написано «service dog». Эта идея свободы воли в США перешагнула все грани абсурда. Посади себе на плечо игрушечного динозавра и скажи, что это твой бог. Все постесняются сказать, что ты ебанько. А касательно травы суть проста. Чтобы тебе продали ее официально – нужен prescription. Всегда забываю, как это по-русски… А, точно! Рецепт! Приходишь к своему лечащему врачу и жалуешься на боль в спине. Done! Словом, сутками напролет мы занимались всем, чем занимаются подростки, дорвавшиеся до свободы: пили, курили и занимались сексом. Да, мы с Дэниелом трахались как дикие. На всех языках, днями и ночами напролет. Когда к нам заходили друзья, уже через час мы предлагали им прогуляться до кафешки и поужинать без нас. Возвращаясь, они находили перевернутую вверх дном квартиру, сдвинутую в разные углы мебель и нас, путающихся в простынях, провалившихся в щель между кроватью и диваном. Мы не могли оторваться друг от друга. Ночная жизнь мне, правда, была фактически запрещена. Меня не пускали ни в какие клубы, потому что мне не было двадцати одного. Но одну ночь мы все же провели в клубе, позаимствовав ID у одной знакомой, отдаленно смахивающей на меня. К счастью, большой угрюмый негр, сидящий на барном табурете на входе, в темноте не заметил, что на фото другая девушка.

Однако и тогда мы с Дэниелом не смогли оторваться друг от друга и уже через час пролезли вдвоем на крышу клуба, оставив друзей внизу. Там был деревянный забор, за которым проходила какая-то вечеринка на крыше, принадлежащей соседнему клубу. Дэниел прижимал меня к этому забору всеми сторонами. В порыве страсти я не заметила, как мои ладони и попа забились занозами. Было так больно, что оставаться в клубе до утра было невозможно. Ночь мы закончили на полу нашей ванной. Пьяная и уставшая, я стонала, пока Дэниел вытаскивал из моих ладоней занозы тупым заржавевшим ножом. Я запомнила этот момент как одно из самых романтичных событий моей жизни. Большинство вечеров мы, однако, проводили совсем по-другому. Мы любили брать бутылку вина в магазине (я всегда ждала его у входа,

потому что, если я была рядом, продавщица требовала и мой ID) и прятаться в огромном цветочном саду прямо напротив мэрии в Сивик-Сентрал-парке. Там были лабиринты из цветов, которые служили нам идеальным укрытием: можно было лечь и оказаться наедине со звездами, далеким шумом голосов и изредка проезжающих машин. Мы лежали головами друг у друга на бедрах и делились секретами. Я узнала о его предыдущих отношениях, которые он только успел пережить. Самое интересное в людях – это их боль. Еще интереснее она становится, когда человек пытается ее скрыть так глубоко, что и сам уже забыл. Но где-то там она есть. И это, пожалуй, самое сокровенное. Я любила в нем его прижженные сигаретами и спиртом раны и то, насколько сильнее он стал.

Глава 4
Last Night in Denver

Летние романы заканчиваются по разным причинам. Столько говорится и делается, но исход всегда один. Они как падающая звезда – захватывающее мгновение вспышки небес, мимолетный проблеск вечности, только вспыхнула, и ее уже нет.

Николас Спаркс

Я не знаю, как это объяснить. Он был моим счастьем в чистом виде. Мне казалось, что я вышла в параллельный с этим мир, где все по-другому. Здесь были другие законы. Вдалеке от своих родных стран мы жили сегодняшним днем, без понятий «хорошо» и «плохо». Мы делали, что хотели, каждую минуту. Все было ново, все в кайф. И казалось, что вообще не надо будет умирать. Но сорок дней прошли. Ради того, чтобы остаться с ним, я отказалась от поездки к Тихому океану, о которой мечтала изначально, и купила билет до Нью-Йорка, откуда меня ждал обратный самолет до Москвы.

В ту роковую ночь, когда такси до аэропорта должно было меня забрать, я впервые по-настоящему прощалась с человеком. Сидя на полу в углу нашего дома, я призналась ему в любви. До этого такие слова просто застревали у меня в горле. Ведь кто скажет «Я тебя люблю» первым – тот и проиграл. Все. Власть в руках другого человека. Кроме того, слова «I love you» для меня ничего не значили. Мне они только напоминали надписи на ногах у плюшевых мишек. Я постоянно говорила: «Дэниел» – и замолкала. Он отвечал: «What?» – и, вместо того чтобы сказать, что люблю, я быстро придумывала какой-нибудь вопрос. В этот раз я обратилась к нему в последний раз.

– Daniel…

– What?

– Как это все закончится?

Он опустил голову и ответил:

– Болезненно.

Я заплакала и сказала эти чертовы три слова. А он ответил:

– Не говори так. Не заставляй меня говорить тебе то же самое. Ты же уедешь. Я не хочу, чтобы мне было еще сложнее это

пережить. Ты вернешься, увидишь своего мужа и снова полюбишь его. И будешь счастлива. Все у тебя будет хорошо.

Я понимала, что этого не произойдет, но не стала отвечать. Тогда я посчитала, что если бы он действительно хотел, чтобы я осталась, то не стал бы слать меня к мужу. Несмотря на то что я чувствовала ответственность за свою платную учебу перед родителями, всего одного его слова хватило бы, чтобы наплевать на всю свою распланированную жизнь и остаться. Stay. Всего одно «stay», и я осталась бы. Но его не последовало. Я хотела сказать: «Я тебя люблю! Не позволяй мне уехать! Я не могу представить жизни без тебя! Я боюсь, что никогда не смогу это пережить, что никто не сможет сделать меня такой счастливой. Останься! Что, если бы мы могли быть счастливы вместе!» Но вместо этого заткнула себя сигаретой и попросила зажигалку.

За два часа до приезда такси мы залезли на крышу и спрятались там от времени. Невыносимо было считать минуты до смерти. Где-то в глубине души я понимала, какова вероятность, что мы больше никогда не увидимся. Судьба собиралась отнять у меня кислород, и я всячески пыталась об этом не думать. Я лежала у него на руках и следила за собственным дыханием, чтобы не сойти с ума. Нечего было сказать. Мы прощались у двери нашего дома. Водитель такси заталкивает мой чемодан в свой минивэн. Мы договариваемся с Дэниелом встретиться на Бали через три года. Говорим про серфинг. Он был серфером и сказал, что давно мечтает полететь на этот остров. Хрен его знает, где он находится и смогу ли я вообще серфить… Мне было все равно. Он мог ткнуть в любую точку мира, и я принеслась бы туда. Мы обнимаемся, и он говорит коронное: «I'll see you. Eventually»[9].

Я села в такси, мотор завелся. Из окна отъезжающей машины я смотрела, как он перепрыгивает через забор и идет в дом, где меня больше нет. Мне тогда казалось, что в мое сердце воткнули заточку и заставили с ней жить. С этой секунды расстояние между мной и моим счастьем увеличивалось в геометрической прогрессии. Мне хотелось бежать обратно. Каждый шаг в противоположную от него сторону был сделан через силу.

Я специально прилетела в Нью-Йорк за неделю до рейса в Москву – чтобы прийти в себя. Сидя в кафе, я наблюдала за движением желтых такси за окном и слушала песню, которая начинается со строчек «There's still a little bit of your taste in my mouth», записывая нашу историю. И тогда я пообещала себе, что не стану притворяться, будто это было «не то». Что не дойду до стадии «да он мудак, это была ошибка, которую нужно забыть». Люди делают так просто потому, что им от этого становится

легче. Я сохраню это чувство в себе и буду благодарна просто за то, что оно было в моей жизни.

Оказавшись в Нью-Йорке, я впервые вписалась к незнакомцу по каучсерфингу в районе Астория. Конечно, встретиться с человеком и наперед знать, что, каким бы он ни оказался, сегодня ты все равно ночуешь у него, – довольно странное чувство. Что, если он меня изнасилует и выкинет на улицу? Но прикол разбитого сердца в том, что тебе нет дела до собственной судьбы, ибо самое худшее уже случилось.

Его квартира походила на буддистский храм: свечи, благовония, загадочные статуэтки… Приглушенный оранжевый свет. К стенам приклеены фотографии, и к каждой есть подпись маркером прямо на стене. Руки хозяина-латиноамериканца были покрыты не менее загадочными татуировками с текстами, огибающими накачанные руки. Он отдал мне свою комнату с огромной королевской постелью, а сам пошел спать на диване. Зачастую люди оказываются куда добрее, чем мы думаем. Я рассказала хозяину квартиры нашу безумную историю, выкурила несколько сигарет, выпила пару бокалов вина, сходила в душ, надела футболку Дэниела и расплакалась как дура, обнимая себя. Он исчез из моей жизни так же внезапно, как и появился, как будто его никогда не было.

Несколько дней я старалась восстановиться и морально подготовиться к возвращению в Россию. К этому моменту я уже забыла, как говорить по-русски. Марсель Либрерос, мой хост, сказал мне: «Ты либо влюбишься в Нью-Йорк, либо возненавидишь его. Равнодушных не остается».

На следующее утро я набралась храбрости и попросила у него фотоаппарат – его огромную зеркалку. Я не разбираюсь в камерах, но тут по одному только весу было ясно, что в случае потери мне придется продавать почку. Он повесил ремешок камеры мне на шею, проводил до метро и рассказал, как добраться до центра. Я много гуляла по Центральному парку, облазала статую Алисы в стране чудес и наблюдала за тем, как люди складывают цветы на мемориал Джону Леннону со словом «Imagine». Сентрал-парк – это отдельный маленький город внутри Нью-Йорка. Здесь все время что-то происходит… Тут бегают и занимаются йогой, рисуют пейзажи на мольбертах, катаются на велосипедах, кучеры в мантиях с красным подбоем приглашают прокатиться по городу в карете. Парк очень зеленый, и в нем прячутся зоопарк, озера, замки, мосты, Главный художественный музей и еще сто пятьсот чудес. Каждый приличный житель Нью-Йорка проводит свадебную фотосессию именно здесь… Вот и сейчас молодожены гуляли по берегу одного из озер. За этим

наблюдает бабуля, кидающая кусочки хлеба лоснящимся от лишнего корма уткам. У фонтана на входе шайка парней танцует брейк-данс, а мимо в лодках проплывают целующиеся влюбленные, которые не теряют весла лишь потому, что их давно прибили гвоздями. И несмотря на то, что в день парк посещает около семидесяти тысяч человек, каким-то образом в нем все равно просторно и есть где укрыться от посторонних глаз. Вскоре я проведала, что красивый дом с причудливой крышей напротив мемориала «Imagine» – и есть то здание, где Леннон жил свои последние годы вместе с женой Йоко Оно и что именно тут его застрелили. Ты знаешь, что Джона Леннона убил его же фанат? Он подошел к нему сзади, окликнул словами: «Эй, Мистер Леннон!» – и выпустил пять пуль. Марсель Либрерос рассказал, что Йоко все так же живет в том доме с их сыном, и я решила, что хочу ее увидеть. Я подошла к той самой арке дома, где Джон погиб, закорефанилась с охранником и выведала, в какое время Йоко Оно возвращается домой. Потом взяла кофе и уселась напротив входа – следить. Вскоре я и правда ее увидела. Она была в темных очках и берете. Сколько помнят ее глаза? Сколько всего, что казалось мне далекой сказкой, заветным временем, в котором хотелось бы жить? Сколько цветов она переносила за ухом, сколько тысяч фанатов наблюдала из-за кулис? Теперь это была уставшая пожилая женщина в неприметной одежде темных тонов… Время, что же ты делаешь со своими героями?

Я влюбилась в Нью-Йорк не сразу, но это произошло. Сложно объяснить, но, попадая в этот город, сразу чувствуешь себя причастным. Большинство его жителей – приезжие. Они гнались за свободой и самовыражением и добились-таки своего. Здесь как-то само собой получается, что ты всегда одет по первой моде, стоит только зайти в любой, даже самый дешевый магазин одежды типа «Forever 21». Ни в каком другом городе я не ловила такого воодушевления от простой прогулки: стоит только впервые пересечь Бруклин-бридж или потеряться на Таймс-сквер, как кажется, что ты часть какого-то большого кино. Но в свою первую поездку я не могла все это оценить. Мне было плохо, и реальность отвечала тем же дерьмом. Второй хост, к которому я вписывалась в Сохо, просто не пришел домой, и я спала на лестнице, обнимая чемодан, рядом с бомжом. Сидя на ступеньках пустой улицы под шум мусороуборочных машин (только в этом городе принято оставлять огромные мешки мусора прямо на тротуаре), мы с ним завели какой-то простой разговор о смысле жизни. Меня тогда поразило и одновременно порадовало то, что я способна найти общий язык даже с пропитым бездомным. Почему-то рядом с ним я чувствовала себя более уютно, чем в какой-нибудь пафосной

компании. Наверное, потому, что он не притворялся, а значит, и я могла быть настоящей. Бездомный не посмотрит на тебя сверху вниз. Ему нечего терять, и оттого он прекрасен.

С утра я злилась на Нью-Йорк за то, что тот не предупредил меня о своей темной стороне. О том, какие маленькие тут квартирки у простых смертных, о том, сколько здесь бедности и криминала, и о том, как сложно каждый раз затаскивать чемодан по высоким ступеням метро. Но все это окупалось приятными моментами полной непредсказуемости, когда из грязи ты попадаешь в князи. Так, в последнюю ночь главный город мира все-таки решил меня приобнять. Уже третий хост (оставаться по каучсерфингу принято не дольше нескольких дней) позвал меня на вечеринку. Я в это время шла по мокрому от дождя городу с кучей пакетов с новыми шмотками в руках, цокая шлепками по пяткам и поливая тем самым свои джинсы грязной водой из луж. Карта привела меня к гигантскому небоскребу. Такого поворота я никак не ожидала.

– Hey! I'm here.

– Поднимайся на 52-й этаж, сдавай вещи и проходи.

На том самом 52-м меня встретила модельной внешности девушка в обтягивающем черном платье, такая высокая и красивая, что казалось, будто ее слепили из фарфора. Одно неловкое движение – и она разобьется. Девушка не подала виду, что обратила внимание на мой неуклюжий вид. Из ниоткуда в ее руках появилась вешалка. Она взяла мою куртку и движением руки показала, куда идти. И вот я в шлепках, растянутой футболке и джинсах выхожу в какого-то Кубрика: квартира, если можно ее так назвать, занимала весь этаж. Вместо стен – стекло, откуда открывается вид на весь ночной Нью-Йорк. Мужчины в костюмах, женщины в дорогих коктейльных платьях. В углу комнаты стоит огромный черный рояль, рядом с которым разместился маленький оркестр. Скрипка, контрабас и ударные. Барабанщик гладит свой инструмент кисточками, смычок девушки в красном взлетает вверх, пианист поправляет фалды фрака, и гости начинают аккуратно хлопать, пытаясь не пролить содержимое бокалов. Ну, твою мать. Я чувствую себя как уличный пес, который зашел за кем-то в открытую дверь. Но вот что поражает: никто и ухом не повел. Всем было совершенно наплевать на то, что я в шлепках и джинсах. Рамиро, мой хоуст, в костюме, конечно же, встретил меня с улыбкой. За сутки до мы накуривались с этим дредастым парнем у него дома в Бруклине. Такого преображения я не ожидала.

– Почему ты не сказал мне, что тут все разодетые?!

– Да плевать. Наслаждайся. Что будешь пить?

– Есть шампанское?

Я выдохнула, взяла бокал и вышла на балкон. Впервые за эти дни мне стало хоть капельку легче. Ко мне присоединилась девочка откуда-то из Европы, которая тоже жила у Рамиро. За последние полтора месяца я вообще не общалась с женщинами и была чертовски рада тому, что могу поговорить с девчонкой по душам. Все, что я о ней помню, – это длинные каштановые волосы, смешной акцент и лучезарная, располагающая к себе улыбка. Мы ни черта не знали друг о друге, но обе впервые были в одиночном путешествии и еще не привыкли к этому соблазнительному умопомрачительному чувству, что мы вольны идти на все четыре стороны, еще и в Нью-Йорке. Сила наших впечатлений зашкаливала, вмиг превратив нас в лучших подруг. Нью-Йорк понес нас по своей извилистой, непредсказуемой реке… Черт его знает, что это было, но ближе к ночи мы уже сидели в любимом баре актера, играющего мистера Бига в «Сексе в большом городе», накурившись перед этим с каким-то бродвейским режиссером в подворотне, и чуть не падали с барных стульев от смеха. Весь мир летел в туннель. Пространство растягивало нас, как пластилин, а мы и не пытались сопротивляться. Какой-то португалец уже кусал мою Катерину за щеку, а я только и успевала, что сверкать своей маленькой мыльницей, пытаясь запечатлеть момент. Одни только туалеты, усыпанные живыми лепестками роз, с маленькими фонтанчиками и рыбками в углу здесь стоили больше, чем вся моя квартирка в Балашихе! Через час мы уже фоткались в кругу ментов на Таймс-сквер. В нормальной ситуации (в России) я бы подумала, что идти накуренными заигрывать с ментами – плохая затея. Делать это в чужой стране – идея еще хуже. Но нам было все равно! Следующий кадр – я отнимаю фуражку у одного из ментов, следующий – целую в щеку лошадь, следующий – жадно поглощаю чизкейк, лежа на кожаном диване без света дома. Где-то в промежутке этого всего мы, кажется, поцеловались с Катериной. Я больше никогда не встречу эту девушку, но она навсегда останется хранителем этого золотого мгновения моей жизни, которое нет смысла описывать. Это первое, дикое, резкое, отчаянное чувство вседозволенности и настоящей свободы можно только прожить. В последний день лета я оставила заметку на своей странице.

Заметка в дневнике:

31 августа 2010 года

Из моего путешествия я сделала вывод… Не знаю, как долго буду считать это гениальным, но записать

нужно. Итак, мой вывод: каждый день, каждый час, каждую секунду необходимо давать себе отчет в том, что ты живешь так, как хочешь! Как ты сам организовал! Возьми ответственность за собственную жизнь, пока не проплыл как говно ее всю. Течение всегда с радостью понесет тебя, течение – это время. Оно не останавливается… И требуются смелость и решительность, чтобы сделать гребок. Так греби!

Глава 5
Первое возвращение домой

Заметка в дневнике:

21 августа 2010

Расскажу тебе сказку на ночь…

Как была за тридевять земель…

Как прошла огонь, воду и даже медные трубы…

Как каталась на Коньке-Горбунке, как попала к Кощею, как рубила головы змея, как сидела в подземелье, как искала огниво, как вырывала сердце из груди, чтоб найти дорогу…

Ты закроешь глаза, улыбнешься и уснешь.

Расскажу тебе сказку на ночь…

Только купи мне «Мальборо» за 50 рублей, захвати чего-нибудь покрепче…

И не спрашивай лишнего.

* * *

На следующее утро самолет забрал меня домой. Вернее, в то место, которое я привыкла называть домом. На деле это был ад и настоящее испытание. Родители встретили меня прямо в аэропорту. Светило солнце. Они смотрели на меня улыбаясь… Предполагалось, что я обрадуюсь, но улыбка с моего лица пропала уже на второй минуте… Тогда я впервые в своей жизни с ужасом осознала, что не знаю, кто я. Я понимаю, что сложно в это поверить, но за четыре месяца я разучилась говорить по-русски. Разучилась думать по-русски. Разучилась мириться с грязным воздухом, пробками, недовольными лицами, институтом, поездками в одну сторону в течение двух часов, сраными маршрутками, паршивой едой, дерьмовой погодой и тем фактом, что девять месяцев моей дальнейшей жизни будут практически одинаковыми.

Я вернулась совсем другой. Старая Даша попросту исчезла. А новая потерялась, ведь здесь ее никто не знал. Ей дали тело, декорации и условия игры старой Даши, и только новая Даша знала, что внутри-то теперь она, но что нужно играть роль и пытаться как-то соответствовать. На деле сердце ее было разбито, потому что было оно не здесь. А там, за океаном, куда теперь попасть не представлялось никакой возможности. Ей было с

высокой колокольни плевать на все происходящее. У Даши был один смысл жизни, и звали его Дэниел.

Я просыпалась ночью и не могла понять, где нахожусь.

– What time is it? – говорила я Аллкашу, своей близкой подруге со времен школы.

Аллкашом мы ее прозвали не потому что она бухала (нам было двадцать, мы все бухали), а потому что Алла = Алка = Аллкаш.

– Ты опять говоришь по-английски, – отвечала она спросонья и снова отключалась.

Я превратилась в призрак человека, который не говорил ни о чем, кроме Дэниела. Мне было плевать, в чьи уши лить одну и ту же мелодию со всеми «мы же созданы друг для друга» мотивами. До тех пор, пока я ее рассказывала, я была в ней. Такая вот попытка остаться в моменте. А когда история заканчивалась, я искала новые уши и начинала все сначала. На вечеринках я напивалась и звонила в Штаты. Один раз он даже ответил. Его утробный, не похожий ни на какие окружающие меня здесь звуки голос был для меня каким-то лекарством от тоски.

Я поставила себе цель вернуться. Для этого я сдала свою однокомнатную квартирку в Балашихе за двадцатку, а сама переехала жить в двушку на «Выхино» с двумя пацанами из МГУ, где платила семерку, и параллельно с учебой подрабатывала оператором и рекрутером в «Гринпис» и преподавателем английского на дому. Квартирка была что надо: кажется, до нас в ней жила и откинулась какая-то бабушка, потому что воняло там ссаньем и, главное, плесенью. Хата гнила заживо. Грибок распространялся по стенам. Толчок постоянно ломался. Раковина и ванная текли так, что после мытья приходилось выносить целый таз воды. Окна на балконе были выбиты. Словом, атмосфера была что надо. Только заходя в другое помещение, я чувствовала, что все мои шмотки провоняли плесенью. Пацаны жили в большой комнате, а я спала на матрасе в маленькой. Парни эти вполне соответствовали квартире и моему состоянию. Они как будто были посланы мне, чисто чтобы добить. Жирные, страшные и вызывающие отвращение, вскоре они оба забросили учебу и начали гнить вместе с хатой. Кажется, вся долбоебская сторона души студента воплотилась в этих двух пацанах. Они считали смешным взболтать двухлитровую бутылку «Оболоня», приоткрыть крышку и пустить ее крутиться на моем полу, заливая матрас и вещи. Под Новый год, пока меня не было дома, кто-то из их друзей блеванул на мой «список дел на жизнь», который висел на стене, рыбным салатом. Рыбным салатом на мои мечты.

Мне, в общем-то, было похуй на все это, но моральное

состояние угнетало жестко. Я стала катиться по наклонной, продолжая жить Дэниелом – вернее, тем, что от него осталось, то есть сообщениями на Фейсбуке. Писал он редко и всегда ночью по нашему времени. Поэтому каждую ночь я по три раза находила рукой ноутбук и перезагружала страницу в ожидании, что над значком письма появится красный квадратик. Если он появлялся, я перечитывала письмо по несколько раз, пока не запоминала наизусть, и снова засыпала, повторяя его во сне. Если поле писем было пусто (а никто, кроме Дэниела, мне тогда не писал), день был серым и бессмысленным.

Утром я ехала в институт на «Бауманской», оттуда – в офис «Гринпис» на «Белорусской», поздно вечером добиралась до «Выхино» и залпом пила водку «Столичная». Смешно, что, пока во всем мире ее считают высококачественной, в России ее пьют только бомжи.

Как-то я не ела шестнадцать дней. Я просто не знала, как бы еще поиздеваться над своим телом, чтобы физическое состояние соответствовало моральному. Какие ощущения, если весь твой рацион – это вода? В целом жить можно. Сначала сильно болит голова, потом боль проходит, но пропадают силы, а еще тебе постоянно холодно. Мне стало трудно подниматься на третий этаж, я забиралась на него, как на гору. Лежа в ванной, я смотрела на свое исхудавшее тело и не знала, что бы придумать еще. Под глазами появились большие синие круги. В целом я выглядела как труп.

Один раз, сидя с бутылкой той самой «Столичной» в руке, я созвонилась с Антонио. Впрочем, это было не один раз. Мы созванивались весь тот период. Я и представить не могу, как пережила бы это все, если бы не он. Он был одним из немногих свидетелей того, что Дэниел и правда произошел в моей жизни. Мы еще долго с ним созванивались, обсуждая все на свете. Его семья и друзья в Македонии поголовно знали, кто такая «Даша». Мы даже планировали, кто к кому приедет, пока в конце концов он не окунулся в серьезные отношения с девушкой, которая жутко ревновала меня к нему, и в итоге он принял решение вычеркнуть меня из своей жизни. Кто его знает, что бы вышло, встреться мы сейчас. Может быть, мы сошлись бы как ни в чем не бывало, бегали по городам и также танцевали босиком, напевая Фрэнка Синатру под дождем, а может, оказалось бы, что между нами давно нет ничего общего, кроме воспоминаний о том лете в Вирджинии. Со мной происходили и те, и другие случаи. Но второй исход событий так разочаровывал, что в конце концов я перестала рисковать и больше не гонялась за старыми встречами. Я стала прятать их, как семейные золотые украшения – на самую

дальнюю полку, где никакой вор не найдет. Я больше не думаю о них и не вспоминаю каждый день, но знаю, где они хранятся. И эта мысль греет. Спустя семь лет я случайно наткнусь на его фотографию в Фейсбуке, с девушкой и коляской, и не найду ничего лучше, чем по-русски написать «ох, вау…». Он ответит мне в личные сообщения:

Antonio Grujovski

Вижу последние сообщения от тебя, и мне они не нравятся. Так же как и моя реакция

Настоящий мудак

Dasha

Немного

Так как дела, папаша?

Antonio Grujovski

Ты имеешь в виду много

У нее твое имя

Dasha

Что

Antonio Grujovski

У моей дочери

Ее зовут Даша

Он скажет мне, что женился на самой прекрасной женщине в мире. Но также скажет и то, что я была единственной, кто знала его настоящего. Приятная грусть – вот что испытываешь в такие моменты. Все вышло хорошо для нас обоих. Но отчего-то я плакала и не могла найти себе места весь день. Люди встречаются, люди влюбляются… люди женятся на других.

Дэниел продолжал мне везде мерещиться, и я пропиталась твердым чувством, что вселенная сговорилась каждодневно посылать все эти дурацкие совпадения и намеки на него. С наступлением весны он стал отвечать все реже и реже…

Тем временем моя жизнь в Выхино подошла к внезапному концу. Рано утром кто-то стал очень громко стучать в дверь, чуть ли не выламывая ее. Как только я открыла замок, в квартиру внеслись трое огромных мужиков в черном. Это был хозяин квартиры и какие-то его братки. Без каких-либо объяснений они прошли мимо меня, зашли в гостиную, стали вырывать из розеток шнуры всей техники и выносить ее из дома.

Выяснилось, что последние четыре месяца парни не платили за квартиру вообще.

– Я сейчас вынесу отсюда всю технику, сменю замок и запру квартиру до тех пор, пока не получу сто десять тысяч.

Кое-как я объяснила ему, что действительно этого не знала и что я тут ни при чем. Он смилостивился и ответил, что у меня

есть два часа, чтобы собрать вещи и съехать. Дело было в конце апреля. Дэниел всё еще был в Штатах, но уже месяц как ничего не писал. Черт его знает, в чем была причина. Учитывая, что у него не было ни ноутбука, ни нормального телефона, он мог просто заработаться. Мы договаривались встретиться с ним либо в Штатах, либо в Англии. Визы оформляются долго, и мне не оставалось ничего другого, кроме как поставить на одну из этих стран и начать подготовку документов. Я поставила на Штаты и каким-то чудом получила туристическую визу. В тот день я пришла домой к бабушке и дедушке, в миллионный раз открыла Фейсбук, где окошко с письмами по-прежнему пустовало, и увидела в новостной ленте, что Дэниел отмечен в альбоме с девяноста пятью фотографиями под названием «Californiacated». Я открываю альбом и вижу, что всё, абсолютно всё, о чем мы мечтали, всё, что я представляла в снах… Как мы снимем тачку, закинем сверху два серфборда, поедем вдоль всего вест коуста, ночуя в дорожных мотельчиках, пропадая под звездами Тихого океана… Как мы расправим руки над просторами Великого каньона и сфотографируемся на фоне памятника моряку, целующему медсестру, в Сан-Диего… Всё это он сделал с другой.

Моё сердце сжалось. Дедушка за моей спиной продолжал увлеченно рассказывать о том, что посадил на даче целое поле картошки, пока я трескалась внутри на части. Вскоре бабушка с дедушкой уехали жить на дачу, я позвала в квартиру своих лучших подруг, Аллкаша и Элионор, и началась по-своему веселая и прекрасная пора. Вместе с теплом на улице пришло и тепло в сердце. Иногда люди хотят демонстративно покончить с собой, я же хотела демонстративно выжить. Я вдарила по спорту, правильному питанию и скачала нейросессии Интераура. Эффект потрясающий. Наворачивая круги по стадиону, я представляла, как поеду в Америку, как буду кутить на лучших вечеринках, встречать безумных людей и катить, катить, катить через всю страну. Естественно, я представляла, что где-то там, по ту сторону Штатов, я, вся такая красивая, встречу Дэниела. Продумывала каждую деталь одежды, каждый кивок головы и бежала быстрее. Бег – крутая штука. На двадцатой минуте какой-то там гормон ударяет в голову, открывается то самое «второе дыхание», и начинаешь, как наркоман, кайфовать. Забавная наркоманская природа человека – нам вечно нужно на что-то подсесть.

Так я дотянула до мая и, сдав все экзамены досрочно, была готова вернуться в любимую страну.

Часть 2
Пересекая Штаты

Глава 1
Касабланка

Прощальная вечеринка прошла как надо. Такси в аэропорт приехало за мной в шесть тридцать утра. Свесив ноги с той самой крыши, где выходила замуж год назад, я наблюдала за тем, как оно подъезжает к дому бабушки. Мы играли песни на гитаре, приятель Леха как бешеный носился по крыше, играя с девчонками в догонялки, пока не споткнулся о провода и не разбил лицо в кровь, а мы компанией в двадцать человек орали в свежее майское небо «Никто не услышит». Ввалившись в квартиру, я поняла, что мой чемодан собран только наполовину, и стала в панике заталкивать туда все, что вижу. Схватив загранпаспорт в зубы, я взялась за ручку чемодана и осознала, что пьяна настолько, что не могу идти. Друзьям пришлось ехать со мной в аэропорт, просто чтобы меня в него занести. Первым же движением я снесла хромированные золотом оградительные столбики с красными бархатными канатами какого-то навороченного ресторана. Они упали с таким грохотом, что эхо разнеслось на весь терминал. Тут я вспомнила, что в самолет могут не пустить по причине явного алкогольного опьянения, и мне стало реально страшно. Но потом проблема стала серьезнее: самолет задержали на три часа, а я безумно хотела спать. Новым квестом стало просто не вырубиться. Я мысленно представляла, что вставила в глаза спички… Когда мы все-таки взлетели и добрались до пересадки в Касабланке, самолет в США уже улетел. Приключения начались. Ты можешь сколько угодно планировать путешествия, но товарищ случай всегда выкинет какой-нибудь джекпот, который ты продумать не мог.

Уж не знаю, кто так все порешил и кого надо благодарить, но всем пассажирам, которые опоздали на пересадку, как и я, предложили подождать следующего вылета в пятизвездочном отеле. Меня посадили в такси со студентами, которые летели в Штаты на свой первый Work&Travel. Я была голодная как зверь. И вот мы заходим в марокканский отель, расписанный узорами от пола до потолка, где за огромными столами нас уже ждут шампанское и горячий обед. Голова кружилась от недосыпа. И вот сижу я, попиваю шампанское, смеюсь со студентами, предвкушающими свои первые американские приключения, и думаю: «Это все хорошо, но, кажется, я летела куда-то еще…»

Все, что я запомнила в Касабланке, – это бесконечные рынки, где можно жить. Тут продавалось абсолютно все – от вареных

улиток, которых продавец наваливает тебе в миску прямо на дороге, до специй и ламп Аладдина, которые нельзя фотографировать. Детишки бегают с мячом по узким проходам, завешанным одеждой, и лезут под ноги зевакам. Я так и не съела улитку на спор, но поспала полтора часа в своей огромной бесплатной комнате отеля, и нас снова отвезли в аэропорт. На этот раз самолет вылетел вовремя, и я опять оказалась дома, в Америке.

Глава 2
Нью-Йорк

Молодой, красивой и безумной, исполняя победный танец под песню Фрэнка Синатры «New York, New York», я ступила на территорию США по трапу самолета с одной простой целью: жечь! Начиналась моя самая сумасшедшая пора. Мне стукнуло 21, а значит, теперь мне официально можно было все. Миновав Манхэттен, я махнула в Бруклин, к тому веселому негру, который в прошлый раз не предупредил меня, что на вечеринку надо было идти в коктейльном платье и туфлях, а не в рваных тряпках и шлепанцах. Добрые люди довезли меня прямо до дома моего хоста, радостные как суки, что общаются с «русской девушкой Дашей из «Гринписа», а почему-то не с моделью, но «Гринпис» – это же пиздец как круто, так что сосите, модели». Нигде тебя не поддержат так, как в Америке!

Мой хост, дредастый негр, был парнем что надо. На полном чилле и похуе. За жилье я расплачивалась тем, что гуляла с его песиком и подбирала за питомцем какашки. Сначала было тяжело заставить себя взять в руку через пакет что-то теплое, что только что выдавило из задницы живое существо, но потом я привыкла. Вернувшись в Россию, я стала дивиться, что мы не подбираем за собаками дерьмо. За сбор какашек я получила шикарную квартиру со своей собственной комнатой и шестью мотоциклами в гараже, на которых мне перепадало кататься!

Дабы вести здоровый и экономный образ жизни, я привезла с собой из дома коробки геркулеса – это обеспечило мне завтрак на три месяца. Энергии от овсянки хватало на полдня, в обед я ела какой-нибудь салат, а вместо ужина у меня был алкоголь, которым меня угощали абсолютно каждую ночь. Не знаю, откуда он появлялся. Просто появлялся, и все.

У меня было всего три месяца студенческих каникул, за которые нужно было успеть пересечь Штаты. Поэтому я быстро сделала все, что можно и нужно сделать в Нью-Йорке: увидела Брайтон-Бич, обплевалась с притона русских эмигрантов, прошлась в коротком платье по Таймс-сквер, съездила на «ферри» на Стейтен-Айленд, попялилась на статую Свободы, которая, кстати, не такая уж и большая, увидела вживую картину Ван Гога «Звездная ночь», прошла раз десять туда-обратно по Бруклинскому мосту, поднялась на Эмпайр-стейт-билдинг ночью и заодно обняла его стену, провела вечер на Юнион-сквер, где собирается куча людей и творит самые разные чудачества,

полазила по статуе Алисы в Центральном парке, попала на тематическую вечеринку и, конечно, закупилась миллионом лифчиков в Victoria's Secret. Магазины одежды быстро стали моим вторым домом. Доброта продавщиц, низкие цены и огромный выбор превратили простую девочку из Балашихи в шопоголика. В надежде, что мне будет на что есть в августе, я уже в первый день приперлась домой с огромными сумками. Под все эти вещи пришлось купить еще и новый чемодан.

Моими сожителями по каучсерфингу на этот раз были девочка, которая общалась с далай-ламой, и мальчик, который путешествует уже 4 года без остановки с маленьким рюкзаком, куда умещаются только спальник и пара футболок. Я стала узнавать жизнь через истории людей, которых встречала в дороге. Мне не нужно было читать книги и путеводители – у меня были живые учебники каждый день, и мой мозг впитывал информацию жадно и без разбору.

Вскоре я переехала к другому прошлогоднему хосту, фотографу и оператору Марселю Либеросу, который затаскал меня по всем своим любимым местам в городе, а со вкусом у него все было в порядке. Пока мы гуляли, он попутно снимал видео со мной. Это был первый раз в моей жизни, когда меня снимали на профессиональную камеру. Ради красивых кадров мы даже прокатились на знаменитом желтом такси, а стоит оно, кстати, целое состояние. На Юнион-сквер в тот день стояло несколько подростков с плакатами «Free hugs». Черные мальчишки зазывали людей обнять их.

– Вперед, барышня! Это бесплатно! Никаких обязательств! Тебе не надо будет звонить мне завтра!

Я в ажиотаже подскочила к ним в коротком платье:

– А можно мне тоже?

– Что «тоже»?

– Постоять с плакатом?

– Девочка, да ты миллионную аудиторию соберешь! Конечно, можно!

Взяв плакат, я пошла гулять по площади. Далеко ходить не пришлось. Если темнокожих парнишек со спущенными штанами обнять готов был не каждый, то на меня полетели, как на мед! И так здорово это было – смотреть на улыбку человека, который поборол социальные рамки и, может быть, даже страх и делает шаг тебе навстречу. Как светятся любовью его глаза. Мне не хотелось прощаться с таким плакатом, и я попросила ребят подарить его мне. Они согласились и вручили мне в придачу значок с такой же надписью. Этот плакат и по сей день хранится у меня дома. Позже я узнала, что FREE HUGS – это целое движение,

созданное австралийцем Хуанном Манном: он просто вышел на улицы Сиднея с такой табличкой и с тех пор стал возвращаться на площадь за новой порцией безвозмездной любви год за годом. В тот день я его хорошо поняла.

Глава 3
Вашингтон

С бутылкой рома «Малибу» – напитка, который с того момента я стала пить только в особенные моменты своей жизни, чтобы нести в этом вкусе праздник, – я упала в автобус и покатила через зеленые поля Америки. В Вашингтоне меня уже ждали новый хост Райан и его сосед Джош. Райан был ученым, он изучал птиц. Все дни напролет он проводил в клетках с птицами. Он изучал слух птиц. И оказалось, что с возрастом он не ухудшается. Их клетки в ушном отделе продолжают регенерироваться, а у людей – нет. С помощью этих знаний он хотел научиться восстанавливать слух у людей.

Я попала в Вашингтон в самое подходящее время, к Дню независимости, когда и без того серьезная столица страны была донельзя завешана флагами. Вашингтон показался мне довольно бездушным. Он как солидный мужчина в рубашке и пиджаке, работающий на не менее солидной работе, живущий в собственном доме с зеленой лужайкой и преданным псом. Народ приезжает сюда за властью, а из такой мотивации редко выходит что-то душевное. Я честно обошла все Капитолии и даже застала парад – это многолюдные шествия с воздушными шарами под марш. Но домашние вечеринки с красными стаканчиками и бирпонгом впечатлили меня больше. Ты же наверняка видел эту игру в фильмах: американцы расставляют стаканчики в форме треугольников на двух противоположных концах стола, делятся на две команды и по очереди кидают шарик для пинг-понга. Если попал в стакан противника, он его выпивает. Тот вечер мы закончили на крыше, наслаждаясь роскошным салютом. Пока в России приходится взламывать замки, чтобы попасть на крышу, в Америке на многих из них находятся бассейны, шезлонги и пальмы. И, пока я поверить не могла, что попала на такую крышу, для остальных это, конечно, было обычным делом. Может, действительно стоило треть жизни просидеть в России, чтобы теперь иметь возможность радоваться любой мелочи развитых стран? Удивительно, что в этом городе совсем нет людей. Не знаю почему – видно, не мне одной показалось, что здесь скучно. Вечером мы возвращались домой на метро, и по меркам Москвы вагон был практически пуст, а народ просто визжал с того, какая тут «давка», и ребята по приколу толкали друг друга в плечо. Мне захотелось затолкать их в наше метро часиков эдак в семь, взять попкорн и наблюдать за реакцией.

Райан помог мне составить маршрут через Штаты. Мы вместе отметили на карте самые интересные места, и дело было в шляпе. Я ему нравилась, и он мне, в общем-то, тоже. Но между нами встали его повышенная скромность и кривые зубы. Впрочем, через пять лет мы снова встретимся, и зубы у него будут ровные. Но тянуть меня к нему все равно не будет.

Проведя в Вашингтоне всего несколько дней, я отправилась в Вирджинию-Бич. Моя одногруппница Диана, девушка невероятной красоты и доброты, за которой всегда гонялись стаи парней, поехала туда по моей наводке и сейчас жила в том же отеле, что и я год назад. Диана была Рыбой, как и я, и в целом наши взгляды и стиль жизни были очень похожи. С одной только разницей: она никогда не была одна. Перед тем как бросить парня, она всегда находила следующего и вместо того, чтобы мучиться после расставаний, как это делала я, просто перешагивала с одного корабля на другой, ни о чем не парясь. Эта способность всегда меня удивляла. В любом случае Вирджиния была по пути, и я решила заехать туда – проведать родной город и своих друзей. Многие из тех, кто работал здесь в прошлом году, вернулись и на этот сезон. Когда я вышла из автобуса, над океаном зарядил огромный салют. Город приветствовал меня. Я так и застыла в немом удивлении, таращась в небо.

Глава 4
Virginia, bitch [10]

Парень, у которого я должна была остаться по каучсерфингу в Вирджинии, меня прокатил. А значит, все последующие пять дней, что я здесь оставалась, мне приходилось придумывать, где заночевать. Я забросила вещи в наш отель к Дианке, а сама кантовалась, где могла. Ночевать у нее в комнате было запрещено. Если бы хозяева отеля это заметили, то выбросили бы нас обеих. В первую же ночь мы нажрались с ней в срань, орали русские песни и бегали по волнам до семи утра, а проснувшись, отмывали разрисованные маркерами ноги.

С утра я пошла к магазину, на парковке которого проработала все прошлое лето, встретилась с Иисусом и чуть не сдохла на радостях. Мой безумный «святой» завел себе 27-летнюю девушку и наслаждался жизнью, как прежде! Я сидела в своем любимом кресле, раскачивалась и курила марихуану… Как будто и не уезжала вообще. Все это время мыслями я и так была здесь, поэтому мне казалось, что теперь все на своих местах.

Вечером я опять была предоставлена самой себе. Прогуливаясь по набережной, я услышала свою любимую песню «Битлз» «Oh! Darling» из бара с верандой и не смогла пройти мимо. В кармане остался один бакс, поэтому я не пошла в сам бар, а уселась на лужайке у столиков за маленьким ограждением. Загадочный музыкант, чертовски похожий на молодого Миронова, одобрительно на меня посмотрел. Музыканты – тоже вечные цыгане: они не осудят за то, что ты не купил бокал дорогущего вина, чтобы их послушать. В перерыве мы с ним затрепались. Мне показалось, что я встретила родственную душу. Он спел мне «Creep», и мы окончательно разговорились. Он был потрясающим слушателем. Рассказываешь что-то, и он искренне восклицает: «Это же так круто!!!» И ты ему: «Я знаю!!!» Мы говорили о своих мечтах, и оказалось, что они совпадают. Я влюбилась в него с первого взгляда. Мне кажется, он чувствовал то же самое, потому что пристально смотрел на меня горящими глазами, но с какой-то онемевшей тоской и довольно скоро сказал: «Где же ты была? Я так долго тебя ждал. Я уехал бы с тобой прямо сейчас, но теперь я уже женат, и у меня скоро будет ребенок». Взаимность сделала мою грусть приятной. Мы оба не успели.

Когда Диана освободилась с работы, мы пошли гулять по набережной и познакомились с двумя мальчиками, которые жили

в дорогом отеле прямо напротив океана. Они увидели нас с балкона и стали что-то кричать. В итоге спустились к нам с шикарными коктейлями в красных стаканчиках, как полагается, и предложили прогуляться. Загулявшись, я забыла придумать, где ночевать сегодня, и на этот раз вариантов как-то не предвиделось. В их отель я пойти не могла, потому что с ними в номере оставались какие-то девушки, и они были против. Эйрон, парень, с которым я сошлась по духу, не хотел бросать меня в беде и предложил переночевать нам вместе в его машине. Будучи парнем культурным, он, конечно, готов был предоставить всю тачку мне одной, но мне было стремно ночевать на парковке в одиночку. До семи утра мы сидели на этой парковке, целовались и встречали рассвет. Он гитарист, серфер, длинные черные волосы, сине-зеленые глаза, начитанный, с шикарным чувством юмора, не лишенный цинизма, с двумя любимыми фразами: «Черт возьми, да!» и «Надеюсь, в аду продают пиво». В двадцать с небольшим у него уже были свой дом, собака и три машины. Он увлекался какими-то непонятными то ли гонками на грузовиках, то ли черт его знает чем. Показывал мне видео, где в какой-то дикой грязи они месятся на тачках под крики зрителей на огромном ринге, но в чем суть, я все равно не поняла. Он хотел, чтобы я осталась с ним жить, и говорил, что его родители мне понравились бы, а я лишь смеялась и отвечала, что свобода мне важней. В то утро я изучила все версии того, чем можно заняться на передних сиденьях автомобиля. На заднем было бы удобней, но нам было так хорошо, что мы просто не могли оторваться друг от друга, чтобы перелезть назад. На следующий день он уезжал и готов был взять меня с собой в свой город в центре штата. Это был не прием по «кадрению» девочки, он действительно имел это в виду. Он расписывал мне картину совместной жизни, пока мы шли босиком по еще прохладному песку вдоль пляжа. И несмотря на то, что его предложение звучало здорово, я представила и «реальную» версию этой сказки для Золушки: как готовлю ему ужин, стираю запачканные в грязи футболки и жду на крыльце вместе с собакой, когда мой милый приедет домой со своих тачкосостязаний обратно в наш маленький город, где все друг друга знают. Пока он записывал мой номер телефона и предлагал места, где мы сможем встретиться, первый луч поднимающегося из океана солнца ударил мне в глаза. Мы стояли на той же самой улице, где я впервые поцеловалась с Дэниелом; цвет солнца был такой же добро-оранжевый и так же приятно согревал лицо. И в сотый раз в моей голове прозвучал предательский голос, ломающий всю эту картину своим приговором – «это не то».

Мы договорились с Эйроном, что встретимся на том же месте,

где познакомились, на закате, но я, конечно, не пришла. Так началась длинная череда моих коротких связей, которыми я мстила всему миру за свое разбитое сердце. Всех мужчин моей жизни можно разделить на два типа: с одними я спала один раз и, как правило, тут же исчезала, с другими я встречалась годами и, даже расставшись, продолжала любить.

Следующий день был моим последним в Вирджиния-Бич. Дэйв пригласил меня на свой концерт, я прихватила Диану, и мы пошли в указанный бар. Дэйв познакомил меня со своими друзьями-музыкантами и с женой. Это была маленькая, пухленькая и несказанно добрая девушка, которая явно любила его больше жизни, и я не стала ревновать. Среди прочих за столиком сидел старик по имени Билли, который научил его играть еще ребенком. Билли пристально посмотрел мне в глаза из-под шляпы. Он ничего не сказал, лишь грустно улыбнулся. Но в тот миг мне показалось, что он знает о моей жизни что-то, чего не знаю я. В этой компании были самые волшебные люди, которые сразу полюбили меня просто так и, подобно всем, кого я встречала в пути, засыпали комплиментами… Они подарили мне свой альбом и барабанные палочки, расписавшись на каждой, и, захмелев от пива, не хотели отпускать, но в конце концов благословили на дорогу и сказали, что будут ждать, когда я вернусь. Позже я смогла объяснить себе их неоправданную любовь. Люди проводят здесь, в Вирджинии, довольно короткую жизнь. Не в том смысле, что у нее короткий срок, а в том, что дни их повторяются один за другим. Дэйв и через 10 лет будет играть в том же баре, ходить на рыбалку с друзьями на тот же пляж по выходным и изредка болтать с занесенными ветром в его город бродягами. Я была для них той самой загадочной бродягой с непредсказуемой судьбой, так отличающейся от их собственной. Я была мечтой, которую по тем или иным причинам они не могли осуществить.

Когда я пришла домой, алкоголь в магазинах уже не продавали, а напиться чертовски хотелось. Завтра я должна была уезжать. А значит, пора было сделать то, что я с болью в сердце откладывала.

– Эй! Есть кто на втором этаже? – крикнула я тем, кто теперь жил на нашем балконе. Оттуда сразу высунулся какой-то узкоглазый мальчишка и с недоумением уставился на меня. – Привет! Можно к вам залезть на минутку, посмотреть на закат?

– Он давно прошел…

– Тогда можно посмотреть туда, где он был?

– Э-э… Конечно. Сейчас, только ключи от входной двери найду.

– Не надо! Я поднимусь по пожарной!

– Там подниматься запрещено.

– Да, я знаю!

Я вмиг вбежала по железной лестнице, которая помнила все. Вот оно, зеленое колючее покрытие, которое так больно впечатывается в попу и долго сохнет после дождя. Вот крашенная в белый деревянная стена, на которую я облокачивалась, читая эсэмэски от Дэниела. Вот перила, на которые он сажал меня, чтобы удобнее было целоваться. Вот закат, который я уже никогда отсюда не увижу. Я отделалась от парнишки, ответив на пару его вопросов, и осталась стоять одна, всматриваясь в линию, где океан соединяется с пляжем. Я чувствовала себя актером сгоревшего театра. Спектакль окончился год назад, вся труппа уже давно раскидана по миру. Режиссер спился. И вот она я, стою одна среди выцветших декораций на покрытой пылью сцене. С тех пор у меня больше не возникало желания вернуться в те места, где было прожито что-то важное.

Я посидела еще чуть-чуть с Дианой на заднем дворе отеля. Она сказала, что все эти путешествия в одиночку оказались вовсе не ее штукой и что теперь она стала ценить дом. Мы выпили одну бутылку пива на двоих, обнялись и разошлись. В три ночи я села в автобус, направляющийся на запад. Теперь только на запад.

Глава 5
Нэшвилл

Я гнала на всех парах по прямой трассе из штата Вирджиния в Теннесси. Моей следующей остановкой был Нэшвилл. Райан сказал, что это главный музыкальный город всей страны, и был чертовски прав. Именно здесь зародился стиль кантри, а это означало, что куда ни плюнь – попадешь в гитариста. Здесь жил и умер Джонни Кэш, отец кантри. Мальчишки водят на его могилу девчонок на первом свидании и играют там свои песни. Я влюбилась в этот маленький утопический город моментально. Это было место моей мечты. Мне было плевать на его инфраструктуру, природу и цены в магазинах. Я влюбилась в мечтателей, покинувших родные края и приехавших сюда ради того, чтобы посвятить себя музыке.

Я приехала в Нэшвилл в 9 утра, поймала такси и добралась до парня по имени Шон, моего хоста, сдержанного мальчика моего роста с высоким голоском и милыми глазами. Мы сразу пошли купаться в бассейн отеля Marriot, пройдя без спросу. Позже я стала практиковать эту штуку во многих странах – обычно в отелях не проверяют наличие браслета на руке, иногда достаточно просто назвать номер любой комнаты – и велкам. Вечером мы прогулялись по городу и зашли в место под названием «Коко кафе». Это был белый деревянный домик, стоящий в стороне от остальных зданий, в небольшом саду. Он состоял из двух помещений со сценой и комнатой отдыха, барной стойкой, за которой продавали только чай, кофе и пиво, и огромной верандой, стены и потолок которой обвил многолетний плющ. Веранда была заставлена столами и стульями всех видов, включая кресла-качалки. Именно здесь и зависала вся музыкальная молодежь с утра до утра.

Мы с Шоном подсели за чужой столик, найдя свободные стулья, и уставились на сцену. Юные таланты выходили по очереди, отыгрывали несколько песен и звали следующего музыканта. Процесс напоминал детский утренник, где каждый получает свои пять минут славы, рассказывая стишок. Не сказать, что ребята были профессионалами, но что-то дельное у каждого из них все же выходило. После долговязого кудрявого мальчика в ковбойской шляпе (здесь очень любят ковбойскую атрибутику) на сцену поднялся симпатичный парень с черными торчащими вверх волосами и с огромными зелеными глазами навыкате. Выражение лица у него было что надо. Казалось, что как-то раз жизнь его

сильно удивила, и лицо так и застыло в изумлении. Он был одет во все черное, как Джонни Кэш. Парень сыграл несколько шикарных песен. Мои глаза зажглись. На слова «а этот парень неплох» сосед по столику ответил, что может нас познакомить. Но я подошла к нему сама. Так я встретила Джастина – художника, гитариста, певца и крайне странного парнишку. У него была своя группа, и он был просто охуенен. Мы сразу подружились и все оставшиеся дни в Нэшвилле кутили вместе как неразлейвода.

Нэшвилл влюбился в меня моментально. Не знаю, в чем было дело, но за пять дней я подняла на уши всех юношей района. Уже после своего отъезда от Джастина я узнала, что, как только я продолжила путь, по городу поплыли байки о моих любовных похождениях. Каждый второй мальчик сочинял самые невероятные истории о том, чем мы с ним вдвоем занимались, и все они были неправдой. Я смогла объяснить такой ажиотаж только тем, что до центра Америки доезжает мало двадцатиоднолетних русских блондинок, которые сами по себе и «просто едут». Я была молодая, наивная, дерзкая и горела, как те самые римские свечи Керуака[11]. Его фамилию я, к слову, стала слышать на каждом углу. Все сравнивали меня с этим неизвестным мне тогда писателем, и я не могла понять почему.

– Так какие у тебя планы?

– У меня нет никаких конкретных планов. Я просто еду через всю Америку и делаю, что хочу.

– Да ты как Джек Керуак!

– Да нет же, я как я!

Я провела весь вечер с музыкантами. Мы сидели в большом кругу на веранде, курили самокрутки и слушали музыку. Еще совсем юные девочки играли на гитаре так, что я только диву давалась, как они своими маленькими пальчиками могут зажимать железные струны и брать «баррэ».

Растворяясь в мире музыки, не представляя, как и зачем мне покидать этот город, я вдруг заметила загадочного юношу в углу веранды. Высокий, статный, с острыми скулами, сочными губами, огромной копной кудрявых волос, собранных в тугой хвост, бархатной загорелой кожей, проступающим через футболку рельефом мышц и слишком сексуальным голосом – он раскачивался в кресле-качалке, задумчиво перебирая струны акустической гитары. Парень был просто слишком красив, чтобы быть правдой. Не помню других случаев в своей жизни, кроме этого, когда я сама подошла к мужчине и сказала:

– Я думаю, ты очень красив.

Я не знала, что делать дальше, поэтому сразу изобразила, что занята разговором с кем-то другим. Линкас, так звали этого

парня, все-таки не пропустил комплимент мимо ушей и подошел ко мне. Мы перекинулись парой фраз, он позвал меня прогуляться в парк, но я почувствовала, что он зовет не просто погулять, и отказала. Тот пожал плечами, сказал: «Очень жаль» – и исчез. Пока я общалась со всеми и сразу, Шон – мой «стеснительный» хост – наклонился и промурлыкал мне в ухо, что хотел бы вернуться домой и поужинать со мной при свечах. Меня такое предложение совершенно не интересовало.

– Слушай, здесь так здорово, может, посидим еще чуть-чуть?

– Я ревную тебя ко всем этим парням. Пойдем домой, я приготовлю ужин…

Вот он, этот момент, когда девушка понимает, что вляпалась. Мой чемодан был уже в его квартире, поэтому мне пришлось по-хитрому изобразить дурочку.

– Не стоит. Я просто с ними общаюсь. И все же я бы еще осталась.

– Но мне завтра рано вставать.

– Может быть, тогда ты пойдешь домой и мы с тобой пообщаемся завтра?

После 15 минут нытья с его стороны я таки отправила его спать, а сама осталась в кафе.

Обнаружив меня с утра на диване, Шон улегся прямо поверх меня и спросил, куда мы пойдем завтракать. Оказалось, что мы встречаемся уже два года, но я почему-то об этом забыла. Отделавшись какими-то глупыми оправданиями, я свалила. Днем Джастин хотел устроить мне экскурсию по городу, и я пришла в «Коко кафе», чтобы встретиться с ним. В кафе все так же беспечно качался на кресле Линкас… Я взяла себе айс-кофе и села на диванчик рядом. Бородатый мужчина в соседнем кресле обернулся и сказал что-то типа:

«Ты, наверное, устала от комплиментов, и мне нечем тебя удивить. Но хочешь сигарету, которую я сам скрутил? Отличный табак».

Я засмеялась и без спросу взяла у Линкаса зажигалку, лежащую на столике между нами. Тогда этот мужчина спросил:

– Ребята, вы знакомы?

– Да.

– Кто эта девушка?

– Она сердцеедка.

– She’s a heartbreaker.

Один из лучших комплиментов в моей жизни. Мы встретились с Джастином и поехали кататься по городу… Приехали в пустую церковь, где он сыграл мне на органе, и потом поехали в студию его друзей, где записывала первый альбом

Тейлор Свифт. Мне было все равно, что там делала Тейлор Свифт, но Джастин считал ее женщиной мечты. Он рассказывал мне обо всех своих безумных романах и песнях, которые кому-то посвятил. Моей любимой была история о его бывшей девушке, которая стала курить кокаин (оказывается, его курят) и спалила как-то ко всем чертям его квартиру. Припев песни звучал так: «Stupid mother fucker, evil devil bitch, you're smoking cocaine! You started smoking cocaine and it fucked up your brain»[12]. Нужно было видеть, как умиротворенно он пел эти слова под гитарку, сидя на бордюре. Ближе к вечеру мы пропали в барах… Все бармены знали Джастина, и нас поили бесплатно. «Бармены – мои лучшие друзья», – говорил он мне. Последнее, что я помню, – это дымящийся коктейль с абсентом.

Еще днем я договорилась пойти погулять с Линкасом и вспомнила об этом договоре поздновато. Парень ждал меня с девяти вечера. В итоге мы с Джастином вваливаемся в «Коко» в час ночи пьяные в хламину. Дальше помню смутно, но, немного подождав, мы с Линкасом ушли по полю в туман, сели в городском парке у памятника и проболтали всю ночь до семи утра, пока люди не вышли на работу. Оказалось, что этот парень прекрасен не только снаружи, но и внутри. У него нет семьи, и всю свою жизнь он живет сам по себе. За пару лет до нашей встречи он успел проехать всю страну на товарных поездах… В Америке таких называют трейнхопперами. Он ездил от берега к берегу в поисках приключений, но однажды его поймали, избили и пообещали, что, если увидят еще раз, убьют. Он был тем еще романтиком, но все чувства держал внутри себя. Я ценила, что он раскрывает мне свои секреты, и видела, что ему нелегко это дается. Сонные, мы добрели до его дома и ворвались в него в прямом смысле, потому что он забыл ключи, а сосед его так накурился, что уснул без памяти, и бедному парню пришлось лезть в окно, чтобы потом по-джентльменски открыть мне дверь с той стороны и сказать: «Welcome». Впервые за долгое время я занималась любовью, а не трахалась. Он крепко обнимал меня во сне, и я была счастлива. Правда, мой хост Шон не оценил таких вольностей и прогнал меня из дома, как только я вернулась, но я недолго горевала и сразу переехала к Джастину и его другу Джозефу, бармену и музыканту, в их собственный дом. Мне отдали кроватку в подвале, рядом с музыкальным оборудованием. В подвале у ребят была целая студия. Оба парня вели себя так, будто я принцесса, и завалили подарками, а вечером мы погнали вместе на вечеринку в честь Дня взятия Бастилии. Ее устраивала старая и богатая хиппи-француженка, и ставлю свой зад, что ты не был на более крутой вечеринке

никогда! Это был гигантский особняк, украшенный огоньками и свечами, с роскошным садом и бассейном. Дом пропах благовониями, ароматическими маслами и соблазном. В саду были расставлены кровати, у бассейна были шведский стол и… оркестр. Все музыканты были одеты в костюмы, а возглавляла их роковой внешности девушка в красном платье. Она пела на французском. Но главное – это гости. Кого тут только не было… Акробаты, танцовщицы… Кто-то был одет в индийскую одежду, кто-то в вечерние платья, а кто-то не был одет вовсе. Это был один из самых красивых домов, которые я когда-либо видела. Мы с Джастином уплетали тарталетки и пили шампанское залпом, когда в дом наконец вошел Линкас. Вчера этот парень лез в окно в майке и драных джинсах, а теперь стоял передо мной в темных брюках, вельветовой жилетке и рубашке, с аккуратно завязанными волосами и гитарой на плече… иными словами, о боже мой! Я безумно обрадовалась и кинулась его обнимать. Через час мы запрыгнули голыми в бассейн. Людей в купальниках здесь практически не было. Мне казалось, эта летняя ночь благословила нас на все. Свобода бежала по моим венам… Я обнимала этого мальчика ногами, он прижимал меня к стенке бассейна и целовал. Технически в ту ночь мы занялись любовью в присутствии человек ста, но, поскольку было темно и мы были в бассейне, никто из них об этом не узнал.

Вечер закончился где-то… Учитывая, что я начала пить в три часа дня и начала с абсента, которым нас угощал Джозеф в своем баре, а закончила темным ромом «Малибу» залпом, вы можете представить, как сложно вспомнить, что было дальше… Я помню то, что помнят другие. Я обнималась со всеми, много говорила на русском и учила всех пить водку. Я проснулась в обнимку с Линкасом в том самом подвале оттого, что нас будил Джозеф и говорил, что сейчас сюда придет его ученик по фортепьяно, у них будет урок, а значит, нам как минимум хорошо бы одеться.

Придя в себя, я отправилась в музей, где проходила выставка моего любимого Энди Уорхола. Для меня навсегда останется загадкой весь кипиш по поводу банки томатного супа. И я не понимаю, почему из всех работ такой популярной стала именно она. Но то, как этот мужик вертел на пальце всю светскую жизнь Нью-Йорка, неоспоримо. Его называли художником, продюсером, писателем, коллекционером, издателем журналов, кинорежиссером, менеджером первой альтернативной рок-группы, организатором лучших вечеринок… И все это правда. Но на самом деле он просто был Энди Уорхолом. На территории всей выставки громко играла та самая группа, «Velvet Underground», продюсером которой он являлся, и «Rolling Stones», они тоже

были часными гостями «Фабрики» – студии Энди, где снимались фильмы, проводились выставки, вечеринки и рождалось все поп-арт-искусство. Я пропала в его работах… Особенно в комнате с видеозаписями. Минут двадцать я просто смотрела на неморгающего Сальвадора Дали и на то, как Нико самозабвенно выпускает дым изо рта. Энди любил показывать популярных людей настоящими, видя их как готовое произведение искусства. Поэтому интервью в его студии у знаменитостей брали только знаменитости, а видео снимались инстинктивно. Он относился к жизни и всем ее составляющим как к бесконечному полотну для творчества. И я была с ним абсолютно солидарна.

После растворения в выставке я вышла в кафе при музее, чтобы попросить воды (а она в Америке всегда бесплатная), и заболталась с официантами:

– Значит, ты путешествуешь через всю страну? Как здорово! Куда поедешь дальше?

– Мемфис!

– Мемфис?! И ты едешь туда одна?

– Да.

– Храни тебя Господь, да это же самый криминальный город в Штатах! Там на улице могут застрелить за то, что ты просто свернула не в тот квартал.

Дальше ребята наперебой стали закидывать меня страшными историями, которых они понабрались от своих приятелей. На что я ответила, что это все здорово, но я все равно поеду, потому что там находится дом Элвиса и я не могу проехать мимо.

– Ладно, погоди! – сказала девчонка и ушла за дверь с надписью STUFF ONLY[13]. Она вернулась с газовым баллончиком и настояла на том, чтобы я взяла его с собой. Я всегда придерживалась политики переделанной цитаты Чехова «не бери ружье, иначе оно выстрелит», но отказываться было бесполезно.

Вечером я должна была встретиться с мальчиками. Мне звонит Джозеф, чтобы спросить, где и как мы встретимся, и тут мой телефон просто подыхает, и я понимаю, что понятия не имею, ни по какому адресу их сейчас искать, ни где я в данный момент живу, ни адрес бара, ни где работает Джозеф, ни их Фейсбуки, ничего! Время было одиннадцать вечера, и все, что у меня было с собой, – мятая пятерка баксов. I'm FUCKED[14]. По сути, парни могли спокойно никогда не выходить со мной на связь, оставить себе все мои вещи, включая ноутбук и тысячу баксов, спрятанные в чемодане, и в ус не дуть. Я едва ли смогла бы их найти. Я даже не могла украсть зарядку, не то что купить – все магазины уже были закрыты. Следующие полчаса я шла по Нэшвиллу и рыдала в голос, не веря в собственную глупость.

Даже паспорт у меня был в чемодане. Я не могла ни от кого позвонить, потому что в Америке почти ни у кого не бывает телефонов с сим-картой, и кого бы я ни спрашивала, можно ли вставить симку в их телефон, таких не находилось. В итоге я дошла до заправки, купила зарядку для машины – только такие там и были, – нашла копа, пошла к нему в машину и, наконец, позвонила Линкасу, потому что другие не брали трубку… через 10 минут он приехал за мной, и я стала смотреть на него, как на героя. Дома мы съели большую пиццу с грибами на четверых и вместе смотрели фильм «Пинк Флойд» «The Wall». Чем больше фильма проходило, тем больше я не понимала, как прожила всю жизнь, не зная этого кино. Я сползала к экрану и боялась моргать, лишь бы не пропустить ни одного кадра. Под суровую сгущающую атмосферу музыку на черном экране появились два цветка – как символ мужчины и женщины. Сначала цветы занялись любовью, а потом стали друг друга грызть. Любовь и война – вот весь наш мир. Ночью Линкас играл мне на гитаре, а я завороженно наблюдала за тем, как он переставляет пальцы.

– Как ты знаешь, куда их ставить?

– Это просто. Давай я тебя научу?

Я неуклюже наставила подушечки на разные струны и попыталась исполнить «Where is my mind», но на первом же аккорде поняла, что у меня ничего не получается, и вместо занятий музыкой мы занялись любовью. С утра я прощалась с ребятами, мне снова пора было в путь. Я вручила им свой блокнот, и каждый в нем что-то написал. Больше всего мне хотелось узнать, что же напишет Линкас. Я чувствовала, что буду тосковать по нему, но это была сладкая тоска. Он сел на бетонные ступеньки, облокотился на стену и стал что-то строчить.

Сидя в автобусе, я открыла страницу и прочитала: «Даша, мир ждет тебя опять. И пока ты едешь на запад, знай: часть тебя останется здесь, в моем сердце. Не забывай, чего ты ищешь, и, как всегда, ЛОМАЙ СТЕНУ! Линкас». Я закрыла блокнот, облокотилась лбом о стекло и с улыбкой уставилась в даль. Мир действительно ждал.

Глава 6
Мемфис, Теннесси

Поздно ночью я вышла на конечной вместе с парочкой оставшихся в автобусе людей. Моя «серая борзая», разворачиваясь, навернула прощальный круг и исчезла в темноте, оставив меня одну. Остановка была единственным освещенным зданием на километры вокруг. Было непонятно, в какую сторону вообще двигаться. Казалось, что там, за лучами света, поджидает что-то плохое. Общественный транспорт если и был, то уже не работал. В конце концов большая афроамериканка за кассой вызвала мне такси до дома моего нового хоста. Я вспомнила о поиске дома немного поздно, но это все равно ничего бы не изменило, потому что во всем Мемфисе было всего два каучсерфера. Один не отвечал, поэтому пришлось согласиться на второго. У него была всего одна фотография, где он идет по полю, и сложно было судить о том, что это за человек. Все, что я знала, – что ему явно за тридцать и что он фотограф. Взамен на ночлег он попросил меня поучаствовать в фотосессии. Я ответила: «Конечно, только если мне не придется раздеваться». Дальнейшую картину я буду помнить всю жизнь. Такси довезло меня до совершенно неосвещенного района. На улицах не было ни души. Единственный пучок света падал из окон одноэтажных домов, наполовину скрытый ветвями деревьев. Выглядело зловеще, как в сказках братьев Гримм. И вот из этой темноты, отодвигая перед собой ветки, к такси выходит какой-то мужик, сильно хромая на одну ногу, согнувшись как горбун, в старой соломенной шляпе с длинными полями и торчащим из-под нее хвостиком. Его лицо и голос были не менее пугающими. С длинным острым носом, за которым прячется рот, он смотрел дикими, выпученными глазами, как стервятник, и говорил высоким скрипучим голосом, как Баба-яга из советского кинофильма. Но бежать было некуда. Негр получил с меня двадцатку и, скрипя колесами, угнал подальше из этой жопы. Кажется, даже ему стало страшно. Мужик взял мой чемодан и молча покатил его в дом. Заходим в помещение: все стены черные, света почти нет, горят только свечи и какой-то неон. На стенах висят портреты кукол без глаз, чучела ворон, ветки и черные сетки. Играет зловещая музыка, где кто-то читает молитвы – кажется, на латыни. В темноте на меня сверкнули две пары глаз. Это были кошки. Они наблюдали за мной, не двигаясь. Сказать, что я пересрала, – ничего не сказать. Он сказал, что я

могу спать на полу, и напомнил о плате за ночевку, а именно о фото- сессии.

– А, да, конечно… Что, прям сейчас?

– Ну, я так понял, ты всего на пару дней, лучше не откладывать. У тебя есть что-нибудь сексуальное – ночнушка, например?

– Есть… А что мы будем снимать?

– Пойдем, я покажу тебе зал.

Мы зашли в соседнюю комнату, стены которой были полностью завешаны черной тканью, а по всему полу была разбросана жухлая листва. Специальный аппарат выпускал дым, как на концертах.

– Ты ляжешь вот сюда… Оденешься в костюм монахини и будешь звонить в прошлое по этому аппарату, – он ткнул пальцем на доисторический телефон с барабаном для набора цифр.

Он объяснил, что эта фотография будет одной из серии чего-то там и будет участвовать в выставке. Короче говоря, где-то в Нэшвилле висит огромная фотография, где я сижу замотанная в черное, с телефонной трубкой в руках, жопой на сухих листьях и в дыму. Затем он попросил меня подписать бумаги о том, что я разрешаю ему использовать эту фотографию в своих целях и отказываюсь от своих прав на нее. В ту ночь я лежала в спальнике на полу, и пока кошки этого маньяка втихаря ссали в мою кожаную сумку, прикидывала, зарубит он меня топором прям здесь или логичнее будет вывести меня на улицу, чтобы не пачкать ковер.

Но, несмотря на все странности этого персонажа, убивать он меня не собирался и на следующий день даже любезно довез до дома Элвиса. Правда, все то время, что мы ехали, он периодически издавал странные птичьи звуки. Когда я спрашивала, зачем он это делает, он говорил, что не понимает, о чем это я, но уже через несколько секунд снова начинал курлыкать. Псих.

Дом Элвиса не мог не впечатлить… Кабриолеты, золотые костюмы, роскошный особняк… И бесконечный коридор, увешанный платиновыми дисками… Не думаю, что кто-то может похвастаться коллекцией больше этой. Я шла по коридору, вглядываясь в надписи на каждом диске, и меня охватывало чувство восхищения и тоски. Что делать, когда у тебя столько признания? Куда уже стремиться? С таким количеством поклонников оставалось только пить шампанское на небесах, так почему же ты все еще здесь? Глядя на все неоправданные, ненужные изыски его дома, я понимала: он просто не знал, что еще делать со всем этим признанием и деньгами. Я всегда

считала знаменитостей скорее святыми мучениками, чем счастливчиками. Никто из нас не был в их шкуре, так как можно уверенно полагать, что быть ими здорово?

Если жизнь когда-нибудь забросит тебя в дом Элвиса Пресли, когда ты минуешь зал с платиновыми дисками, Элвис расскажет тебе стихотворение на одном из экранов. На много лет вперед оно останется для меня знаковым. Вспотевший, уставший, он читает его со сцены:

> «Ты никогда не был в шкуре другого человека,
> Никогда не видел мир его глазами,
> Не стоял и не смотрел, беспомощно опустив руки,
> Как сердце внутри тебя умирает.
> Так помогай своим братьям на пути, неважно, откуда они начнут. Ведь тот же Господь, что сотворил тебя, сотворил их.
> Этих людей с разбитыми сердцами».

Я долго сидела рядом с его могилой. Мне было хорошо. Как сказала Лана Дель Рей: «Элвис – мой папа, Мэрилин – моя мама». Они действительно были своего рода родителями всей этой большой голливудской мечты, которую мы впитываем с материнским молоком и о которой втайне мечтаем. Посидеть рядом с его последним пристанищем было для меня честью.

Остальной город не произвел на меня большого впечатления. На улицах не было ни души. Напоследок я совершенно случайно набрела на тот самый отель, где когда-то застрелили Мартина Лютера Кинга. У парня всего-то была мечта[15], и непонятно, за что он схлопотал пулю. Зато смерть этого черного брата повлекла за собой настоящий хаос по всей стране, а его убийца получил 99 лет заключения. Интересно, почему не сто? Чтобы казалось, что меньше, типа «всего 99, пацан, только для тебя и только сегодня»?

Утром я выехала в Новый Орлеан, где смогла вычеркнуть сразу три пункта из своего «списка дел на жизнь».

Глава 7
Новый Орлеан

Новый Орлеан был любовью с первого взгляда. Город джаза, блюза и магии вуду.

Черт знает, почему он связан с вуду, но тут просто все по-другому. Смерть здесь празднуют. Если кто-то умирает, весь город выходит на улицу во всем цветном, устраивая целый парад, и, вооружившись барабанами и трубами, идет провожать человека в последний путь. К слову, тут безумно красивое кладбище и никого не хоронят под землей. Из-за того, что город построен на болоте, хоронить в земле попросту опасно – гробы затонут. Поэтому кладбище здесь походило на огромный город мертвых. Для каждого тела построен свой склеп из мрамора. Кого-то хоронили всей семьей – по полочкам, как в плацкарте.

Я поселилась у двоих парней в роскошной квартире, в которой можно было потеряться. Мне выделили кожаный диван размером с кухню. На крыше дома был огромный бассейн, спрятанный в пальмах, и отсюда открывался официально лучший вид на весь город. Поскольку Новый Орлеан географически отрезан от остальных развитых районов Америки, стоимость жилья здесь довольно низкая. О квартире такого же уровня только в Нью-Йорке или Сан-Франциско можно даже и не мечтать. За такие же бабки ты сможешь максимум позволить себе комнату на отшибе города. Я сидела на краю бассейна, болтая ножками, всматривалась в ночные огни и не могла понять, за что мне перепал такой рай.

Ближе к ночи парни повели меня на главную улицу города под названием Бурбон-стрит. Это улица празднования жизни. Одни сплошные бары, где двери не закрываются и не открываются, потому что их вообще нет! Коктейли стоят по два доллара, и главная фишка – это замороженные «Дайкири» и «Маргариты». Они чертовски сладкие и сделаны из молотого льда – так алкоголь идеально маскируется, и ты сам не замечаешь, как уходишь в ноль. Чтобы понять, что находишься в Новом Орлеане, достаточно поднять голову и найти провода. Если там висят разноцветные бусы, значит, ты на месте. Дело в том, что чуть ли не каждый день здесь проводятся карнавалы, и шествующие надевают себе на шею разноцветные бусы. По окончании парада ликующий народ подбрасывает бусы в воздух, и они так и остаются висеть на деревьях и проводах. Ночью центр преображается пуще прежнего: зажигаются неоновые вывески,

стриптизерши зазывают внутрь прямо с улицы, музыканты играют еще громче, а народ, забравшийся на балконы второго этажа (а дома здесь все двухэтажные), с интересом наблюдает за улицей, потягивая кок- тейли.

Весь следующий день я изучала город. Общалась с ведьмами, которые пытались всучить мне своих кукол и говорили, что осталось только вплести в куклу волос возлюбленного, чтобы делать с ним что хочешь, и слушала уличных музыкантов. В каждом оркестре было как минимум три трубы, одна из которых обвивалась вокруг своего хозяина, как удав. Они играли как боги, и я не могла понять, что эти ребята вообще делают на улице, почему они не стоят на какой-нибудь сцене перед тысячами слушателей?

Жестокая шутка замороженных коктейлей приключилась и со мной. Я сама не поняла, как это произошло. Я просто не смогла пройти мимо какой-то хорошей песенки в исполнении живой группы и уселась за барную стойку. Бармен, познав, что я из России, вмиг заказал группе песню «Битлз» «Back in USSR», и мое сердце было покорено. Рядом со мной сидели дамочки в годах и праздновали день рождения одной из них. Пока я еще была трезвой, дамы уже были в кондиции, так вот одна из них на полном серьезе решила, что я Джулия Стайлс и только притворяюсь, разговаривая с русским акцентом, чтобы замаскироваться. Когда она в конце концов приняла тот факт, что я и правда просто русская девчуля, мы допивали уже третью «Зеленую гранату» и обнимались. Этот коктейль подавался в пластмассовой гранате, а за каждым столиком лежало пошаговое описание последствий его употребления:

«Hand grenade drinking guide»

DRINK # 1 Поднимет настроение и сделает вас счастливым

DRINK # 2 Подарит вам приятную дымку

DRINK # 3 Приведет к полной потере запретов

DRINK # 4 Заставит вас танцевать на улицах – женщин, возможно, попросит показать сиськи

DRINK # 5 ТЫ САМ ПО СЕБЕ! МЫ НЕ РЕКОМЕНДУЕМ ПИТЬ 5

Допивая третью «гранату», я осознала, что на улице уже стемнело. Это был мой последний день в Новом Орлеане, а главной задачей приезда было найти Дом восходящего солнца. Пришлось на скорую руку прощаться с дамочками, которые успели полюбить меня как родную. На прощание я сказала имениннице длинный тост в русском стиле, вместо чертова «cheers». Не помню, что я говорила и сколько, но именинница расплакалась. Так я выполнила задачу «заставить незнакомца плакать» из списка дел на жизнь и отправилась искать заветный

дом. Несмотря на то что многие сказали мне, что это не так просто, я верила в прохожих. Прохожие обычно лучше любых карт подсказывают, куда идти. Но не в том случае, когда ты ищешь Дом восходящего солнца. Человек пять заверили меня, что они точно знают, где это, и указали абсолютно разные координаты. Мне говорили, что это красный, зеленый, белый, серый, желтый дом на севере, юге, западе и востоке города. Я обошла весь город и, соединив все сказанное, поняла, что осталось всего две версии: либо этот дом давно сгорел, либо это белый двухэтажный дом с черным балконом по всему периметру. Спустя три часа мне уже хотелось плакать. Я была зла на себя за то, что отложила это дело напоследок. Алкоголь постепенно выветрился и оставил после себя усталость. Я дошла до примерных координат того белого дома, но понять, где он, было невозможно. Улицы были пусты – даже спросить некого. В бессилии я села на ступеньки первого попавшегося подъезда. Ноги отказывались идти. За дверью играли джаз, слышались оживленные голоса и звон бокалов. Вдруг дверь открылась. За ней появился красивый мужчина лет тридцати пяти в белой рубашке, с уложенными волосами, бокалом шампанского и пачкой сигарет. По нему сразу было видно, что он из высшего общества. Я же сидела в шлепках и летнем платье «Рокси» без бретелек.

– Здравствуйте! – сказала я, не вставая. – Извините, что тут сижу, я просто очень устала. Я обыскалась этот чертов Дом солнца.

– Ха-ха! Да все в порядке. Так ты ищешь Дом восходящего солнца?

– Да. У вас есть соображения, где, черт возьми, он может быть?

– Да, ты сидишь прямо напротив него.

Я уставилась в темноту. Прямо передо мной стоял тот самый белый дом с черным балконом.

– Он называется Домом восходящего солнца, потому что вон там, на втором этаже, был карточный дом и бордель по совместительству. Люди сидели до утра и играли в покер, пока из-за горизонта не появлялись первые лучи солнца. Окна всегда были открыты, и свет бил через всю комнату.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я живу здесь всю жизнь.

– А что там сейчас?

– Простой жилой дом. Не уверен, что даже его хозяева знают, где живут.

Я вручила ему мыльницу, вцепилась в забор дома и повисла. Такая и осталась фотография совершенно ужасного качества: я,

висящая непонятно на чем, с горящими красными глазами. Но я знала ее цену, и мне было даже приятно, что без объяснений она не представляет собой ничего особенного. Оказалось, что этот мужчина – хозяин вечеринки. Он пригласил меня внутрь, вручил бокал шампанского, взяв его с подноса официанта, и сказал коронное: «Наслаждайся ночью». В углу комнаты сидели черные музыканты, вдоль стены стояли повара и предлагали самые изысканные блюда, люди были одеты по-вечернему, а я, как всегда, чувствовала себя своей только рядом с музыкантами. Налакавшись и наевшись на халяву, спустя пятнадцать минут я уже училась играть на трубе на коленках у самого большого негра. Оказалось, чтобы издать хоть какой-то звук, надо дуть с такой дурью, что щеки болят так, будто сейчас лопнут.

С рассветом я ушла с вечеринки, с ухмылкой кинула победный взгляд на тот самый балкон в оранжевых лучах солнца и пошла в сторону дома. Я еще успела посидеть с каким-то уличным музыкантом на тротуаре, облокотившись вместе на стену. Он был в старой шляпе и рваных вещах. Его лицо было исполосовано морщинами. В чехле от гитары лежал диск с его песнями. Он разговаривал с сильным акцентом, и я с трудом его понимала. Я похвасталась ему как своему дедушке:

– Я нашла Дом восходящего солнца!

– Вот как? Молоде-е-ец. Не спейся только, как все его обитатели. Откуда ты такая молодая, девочка?

Мы продолжали болтать о музыке и смысле жизни, пока молодые парни проходили и освистывали меня, не понимая, почему я выбрала в компанию не их, а старика. А старик в шляпе сыграл мне ту самую песню группы «Animals», и когда он закончил петь последний куплет, я сказала ему «keep playing» и, отсчитав проигрыш, запела на русском:

«Иямагоаойнейакланяаяаиьяаяа. Не жди меня, мама, хорошего сына, твой сын не такой, как был вчера… Меня засосала опасная трясина, и жизнь моя вечная игра».

Глава 8
Техас

По наводкам знакомых я ехала в Остин. Мне сказали, что это самый движовый и необычный город Техаса. Его лозунгом было «Keep Austin weird»[16]. На деле Остин оказался самым обыкновенным городом, похожим на все, в которых я была до этого. Прикол был в том, что это для Техаса Остин казался странным, ведь остальной штат любил грузовики и ковбойские шляпы.

Я осталась у доброго и очень вежливого парня по имени Люк. Вечером мы пошли ужинать с ним в ресторанчик у реки, где после двух банок «Техасского чая» (коктейль, похожий на «Лонг-Айленд», только крепче) я поведала ему об истории с Дэниелом и о своей безнадежности. Все это время я буквально ощущала телом, как расстояние до Денвера снова уменьшается, и не могла принять решение, проехать мимо него или нет. Дэниел перестал отвечать на мои сообщения ровно с того момента, как я пересекла границу Штатов. До этого он писал, что было бы здорово увидеться где-нибудь в Калифорнии. Я ничего не сказала ему по поводу фотографий в Фейсбуке, потому что технически он имел полное право завести себе девушку, ведь мы ничего друг другу не обещали, и к тому же я лелеяла надежду, что, может, это несерьезно и, если мы вновь увидимся, он все поймет и снова уедет со мной в закат. На мое чистосердечное признание Люк ответил:

– Поедешь и узнаешь. Это лучше, чем если ты не попытаешься встретиться и не узнаешь, как все могло бы быть.

На руку сыграло и то, что мой друг из Нэшвилла, Джастин, тот самый певец, тоже был в Денвере и сказал, что я могу остаться у него.

И я поехала в Денвер. Роковой день приближался.

Глава 9
Денвер

В Денвере меня уже ждал Джастин. И не ждал Дэниел. Я не могла понять, видит ли он вообще мои сообщения, поэтому написала его другу, с которым он раньше жил; тот сказал, что Дэниел переехал к своей девушке. От слов «его девушка» внутри меня что-то перевернулось. Но я все равно попросила его сообщить Дэниелу, что буду ждать в нашем садике в восемь и что у меня его футболка, и тот дал добро. Футболка была на этот раз уже оранжевая, Дэниел дал мне ее в Денвере, когда я уезжала, чтобы я снова вернула ее при встрече. В одиночку я прошлась по нашему городу… Дошла до нашего дома и дворика рядом с ним. Здесь год назад я плакала и говорила, что не смогу его забыть; так и оказалось. Любовь делает с нами сумасшедшие вещи… С возрастом это проходит. Я больше никогда не полюблю так отчаянно и одержимо. Это как первый раз прокатиться на американских горках – в следующий раз тоже будет весело, но уже не так. Я смотрела на наш двор через сетку и бессмысленно крутила железную ручку закрытой двери. Ключа у меня больше не было.

В 20.00 я пришла в сад и просидела там два часа. Сердце билось. Мне мерещилось, что он идет ко мне со всех направлений… Я успела представить сто версий того, как он будет выглядеть, во что будет одет. Но ни одна из них, даже самая неузнаваемая, так и не появилась. Мы с Джастином договорились, что, если в десять Дэниела еще не будет, я встану и уйду с ним. В 22.00 он стоял рядом со мной. Мне было так пусто, что я не могла даже плакать. Он взял меня за руку и потащил за собой, прочь из этого сада. В ту ночь мы сидели на тротуаре у дома, в котором его друзья закатили вечеринку. Я бессмысленно пялилась в пол, облокотившись на стену. Пытаясь поймать мой взгляд, Джастин произнес то, что я не хотела слышать:

– Даша. Сегодня в саду эта история закончилась. Ты сделала все, что смогла. Ты должна отпустить это. Все кончено.

– Нет, не кончено!

– Кончено. Ты должна пройти через это. Возможно, это займет время. Но сейчас это официально закончилось.

Никогда прежде я не испытывала такого отчаяния. Я не знала, что делать дальше. Эта встреча была для меня светом самого дальнего маяка, к которому я плыла весь год. Я доплыла. И свет погас. Темнота схватилась за мое горло своими черными

пальцами. Все стало бессмысленно.

Я плакала в своих идеальных джинсах, с идеальной фигурой, готовая жить мечтой, к которой я так стремилась и которую мне только что окончательно обломали. И пока я рыдала, пытаясь признать очевидное, Джастин стал наигрывать мелодию на гитаре. На ходу он сочинил песню о красивой девочке Даше, которая едет через Штаты за своей любовью, и ему жаль, что эта любовь не он. Все это было подано в комично-романтичной форме, и я смеялась сквозь слезы. Мне очень хорошо запомнился этот момент. В наших жизнях еще много чего произойдет, но запомни: кто бы ни разбил твое сердце, если рядом есть люди, которые могут заставить тебя смеяться сквозь слезы, – значит, еще не всё потеряно. Моя жизнь тогда закончилась. Пульс на мгновение остановился. Я умерла. А затем родилась снова. Пришлось еще прилично побарахтаться в темноте. Но в конце концов надежда, что есть еще в этом океане свет других маяков, снова отправила меня в путь.

А нам с Джастином негде было ночевать, и всю ночь мы прошлялись по главной улице города, которая превратилась после полуночи в настоящее creepshow. Жизнь будто выбросила нас на обочину. Закидываясь дешевым кофе из «7/11», я сидела на лавочке рядом с разрисованным пианино и наблюдала, как трансвестит в короткой юбке и лифчике кричит на негра, размахивая руками в воздухе. Голос этого персонажа был настолько посажен, что трудно было разобрать из его речи хоть слово. В конце концов мы с Джастином сдались и заплатили последние деньги за номер в старом мотеле, где было страшно даже зайти в ванную, а на полке исцарапанного шкафчика лежал огромный том Библии. Кажется, в такие мотели кладут эту чертову Библию ради того, чтобы народ помолился перед тем, как повеситься.

На следующий день мы с Джастином попрощались. Больше мы никогда друг друга не увидим. Но его песни станут популярными. Их будут крутить по радио, а я буду слушать их и жалеть о том, что не записала тогда его песню, придуманную про меня. Она и правда была очень красивой. В блокноте он нарисовал меня и его. На наших ртах были улыбки, а на глазах – слезы.

Глава 10
What happens in Vegas…[17]

Вегас прекрасен, чудесен и жесток! Он манит, и ты отдаешь ему все, чтобы веселье продолжалось…

До своей ночевки по каучсерфингу я добиралась стопом, и меня подвозили два пожилых брата, Джин и Элвис. Перед тем как отдать меня хосту, они пригласили меня играть в казино. Это разбивает сердце – брать новую и новую двадцатку, чтобы проиграть ее в каком-то автомате в прокуренном темном баре. Я на эти деньги могла бы прожить еще две недели! Но что делать… Потом старички узнали, что я не только никогда не играла в казино, но еще и не ела лобстеров. Как дети из другой песочницы, они радостно таскали меня по своей детской площадке, делясь игрушками. Я сидела довольная, в слюнявчике (тут всем такие повязывают, чтобы ломать клешни и не изгваздаться соком), лила масло на лобстера, запивая еду огромными коктейлями, и не верила в то, что все это происходит со мной. Они трепались со мной о Путине, спрашивали, как к нему относятся русские, чем они вообще живут и какая она, эта загадочная Россия, где икру едят ложками, водку пьют стаканами и дела решают пистолетами.

Наконец ближе к вечеру я таки была доставлена (после трех коктейлей я и правда была «доставлена») до дома, в котором собиралась жить. Меня ждали бассейн, джакузи и красавчик хозяин со спортивной тачкой – модель-актер, который бухал текилу с Микки Рурком и зажигал с Кирой Найтли.

Главная улица Вегаса называется Стрип. То есть «раздевайся». Вообще названия улиц здесь просто прекрасны: Радуга, Рай, Закат и т. д. Один каучсерфер пригласил меня прогуляться, и по жесткому блату мы поднялись на самое высокое здание в Вегасе.

С бокалом шампанского в руке я оглядела главный город грехов. Тут было все: и Эйфелева башня, и статуя Свободы, и египетский сфинкс, и маленькая Венеция… Здесь будто был собран весь мир. Только вот ощущение, что он пластиковый, не покидает… Оттуда мы попали на закрытую вечеринку для VIP. На входе была очередь из девушек ростом под два метра в плотно обтягивающих фигуру платьях и на высоченных каблуках. Мой нос был на одном уровне с их силиконом. Я никогда не видела силиконовые груди. Они были похожи на два воздушных шара, крепко прижатых платьем к грудной клетке. Вечеринка была сумасшедшей… Три этажа дикого экстаза, крыша с прозрачными

бассейнами и туалетные комнаты, похожие на будуары принцесс – с мягкими диванами, визажистами и парикмахерами, которые всегда готовы поправить тебе прическу и одолжить любую косметику за чаевые. Столы ломятся от лаков, расчесок и теней… Я офигела.

Весь следующий день я провела, изучая внутренний мир казино. Оно создано так, чтобы тебе никогда не захотелось покинуть здание… Ты даже не понимаешь, что отель закончился, как он уже превратился в гигантский аквариум, а из него в шоколадные фонтаны, а из них в ювелирные магазины, а из них в рестораны, а из них в казино. Все это задумано и спроектировано так, чтобы ты не выходил из помещения и продолжал тратить деньги. Ты знал, что в казино никогда не бывает окон? Это сделано для того, чтобы ты не замечал, сколько времени ты там уже зависаешь… Словом, все это – один большой трюк, на который я, конечно, тоже повелась. Днем я зашла в знаменитое казино «Рояль» с очередным незнакомцем. Вместе мы уселись за зеленый стол, где играли в блэк-джек. Тут не то чтобы нужно много соображать, но при этом и не сказать, что от тебя ничего не зависит, как в рулетке. Милая тетушка, стоящая за столом, напомнила мне какую-то добрую и хитрую волшебницу. Она искренне болела за нас, раздавая карты. Риск и чувство, когда ты выигрываешь, засасывает… Тебе все кажется, что вот сейчас, вот сейчас ты выиграешь еще больше. И спустя неизвестное количество времени и коктейлей (поят тут бесплатно, пока ты сидишь за игральным столом) мне удалось выиграть пятнадцать долларов. Я заставила себя встать со стула и уйти. Когда тетенька за окошком кассы выдала мне деньги взамен на фишки, я просто ошалела. Еще никогда мне не удавалось зарабатывать на развлечении! Поэтому на следующий день я вернулась туда же… И слила сотку. Больше я не хожу в казино.

Вместо этого я нашла бесплатное развлечение… Проводить дни в Хард-Рок-отеле! Я терялась в коридорах, заполненных гитарами, дисками и одеждой самых разных звезд: от подписанной группой «The Doors» платиновой пластинки до знаменитой белой перчатки Майкла Джексона, усыпанной бриллиантами. Сама не понимая как, я вышла к огромному оазису, спрятанному от посторонних глаз за стенами отеля, как за крепостью. Тут был огромный бассейн, смахивающий скорее на целый аквапарк. Браслеты на руке никто не проверяет… Можешь тусить там, сколько захочешь. Видишь ли, прикол Штатов в том, что люди тут не привыкли нарушать законы, брать то, за что не заплатили, заходить туда, куда не приглашали, и так далее. Но стоит применить минимум смекалки – и можешь снимать сливки

не напрягаясь.

Так я продолжала знакомиться со всеми вокруг, и эти «все вокруг» без конца меня угощали. Алкоголь не успевал вымываться из моей крови… Если бы я платила за свою выпивку, то уже давно жила бы на улице с проданным на блошином рынке макбуком, да и всеми вещами в придачу. Рано утром я приехала на станцию, оставила там свой чемодан и плавала в бассейне отеля по соседству вплоть до отправления автобуса.

Глава 11
ЛА

Blood in the streets in the town of New Haven
Blood stains the roofs and the palm trees of Venice
Blood in my love in the terrible summer
Bloody red sun of fantastic L.A.[18]

Jim Morrison

Каждый, кто добирался до Лос-Анджелеса, запомнил момент, когда он увидел эту чертову надпись HOLLYWOOD на холме… Не думаю, что в мире есть другая надпись, так сильно учащающая пульс.

Голливуд. Место, где нужно просто смириться с тем, что ты окружен знаменитостями, потому что сходить с ума каждый раз, когда натыкаешься на кого-то известного, просто невозможно. Голливуд. Где больше фальшивых сисек и зубов, чем настоящих. Голливуд. Где больше геев, чем натуралов. Голливуд, где у всех водителей автобусов Ray Ban на носу. Голливуд, где, когда ссорятся, говорят не FUCK YOU![19], а GOOGLE ME![20]

Машина высаживает меня прямо у моего нового дома. Попрощавшись, в платье и на каблуках, я потащила в гору свой гигантский чемодан. Дом я нашла сразу. Бело-серый замок отличался от остальных зданий. Здесь успели пожить Клуни, Траволта и Тарантино. Обойдя этот маленький дворец, я постучала в дверь. Так я познакомилась с Mike L. Muprhy (google him![21]), аниматором «Гарри Поттера», «Властелина колец», «Железного человека» и так далее. Майк принял меня со всем дружелюбием и выделил кожаный диван для сна в гостиной. В этой же комнате стоят вспышки и белая стена для съемок.

Каждое утро здесь начиналось одинаково: фотосессии, звукозапись, монтаж – в общем, полный шоу-бизнес, именно такой, каким вы его себе представляете. К моменту, когда я снимала свою пандо-маску с глаз, в квартире уже было человек пятнадцать. Мимо шныряли знаменитые модели в трусиках, какие-то актеры, аниматоры и куча людей, чьих обязанностей, кроме как приносить кофе и бегать за Майком со стопкой бумаг, я не распознала.

Не успев разобрать чемодан, я пошла в ресторан с Майком и

Стэф, девочкой из Германии, которая тоже здесь оставалась. Голливуд пьет апельсиновый сок с шампанским, начиная с раннего утра.

По ресторану ходят худые высокие девушки и подливают тебе еще. К слову, этот незамысловатый коктейльчик просто убивает. Вернувшись домой, мы со Стэф упали на диван и на час отключились.

Люди здесь такие красивые, что даже неудобно как-то с ними разговаривать. Бармены и официанты – все модельной внешности. Поскольку новая съемка перепадает не каждый день, половина ребят, которых ты видишь в телевизоре и на обложках журналов, работают официантами, ведь плату за аренду квартиры никто не отменял. Правда, и зарплаты здесь что надо. Разнося коктейли и семгу режиссерам и продюсерам, ребята делают от пяти до десяти тысяч долларов в месяц.

Как оказалось, я живу меж двух районов: русских и геев. Наверное, где-то посередине русские становятся геями, а геи – русскими.

В пяти минутах ходьбы был знаменитый Сансет-бульвар, где у каждого здания своя история. Только не в стиле «это здание было построено итальянским архитектором в пятнадцатом веке…», а в стиле «а на втором этаже этого отеля умерла от передоза Дженис Джоплин». Весь бульвар усеян звездами… Оказывается, чтобы иметь свою звезду, знаменитости платят 40 штук долларов. Мы отправились на экскурсию по Голливуду и по Беверли-Хиллз, где показывают дома знаменитостей, места, где снимались фильмы, и прочую хрень. Совершенно безумные замки, это не описать… Один только дом Ди Каприо размером с город. А Брюс Уиллис и Деми Мур живут друг напротив друга, чтобы не делить детей. Все дома в Беверли-Хиллз стоят за огромными стенами из растений, так что разглядеть почти ничего не удается, но идея ясна. Из-за того, что живут там одни звезды, улицы абсолютно пустые. И выбраться из этого зеленого лабиринта можно только на машине.

Вечером, не взяв с собой абсолютно ничего, я направилась на Сансет и уже дошла до баров и клубов, когда поняла, что без паспорта-то меня никуда не пустят! С надеждой я огляделась… На улице почти никого… И только в House of Blues, одном из самых легендарных клубов в мире, неизменно горят огни. Кинув на него прощальный взгляд, я признала поражение, перебежала дорогу и направилась было домой, как вдруг прямо рядом со мной одна машина с грохотом врубилась носом в другую, водители выскочили и начали орать друг на друга. И неизвестно откуда (я думала, что я одна на улице, все-таки рабочий день и

почти полночь) рядом со мной появился довольно пьяный мальчик с бутылкой в руках, который скептически спросил меня, что происходит.

– Я не знаю… Я возвращаюсь домой…

– Зачем тебе идти домой? Хочешь пойти с нами в Дом Блюза? Сегодня вечером состоится отличный концерт…

– Ну, я забыла паспорт дома, а я без денег.

– Ну, я работаю там, поэтому тебе не нужны ни деньги, ни паспорт.

Там был концерт группы «Steel Panther». До сих пор не понимаю, являлся ли их стиль одежды каким-то приколом или нет. Они были разодеты в разноцветные лосины и порванные майки, с такой копной волос, что любая девчонка позавидует, и в банданах. Девчонки визжали как дикие и кидали на сцену нижнее белье. Мне было в падлу даже танцевать, я вообще довольно устала и периодически зевала, но чувствовала, что раз уж пришла на халяву, то надо остаться. Когда один из музыкантов закончил свое гитарное соло, он начал общаться с залом, и в тот самый момент, когда я в очередной раз зевала с открытым ртом, мы встретились взглядами.

– Ну ни хера себе! Там девчонка зевает! Ну-ка, посветите туда!

Толпа зашушукалась. И тут на меня направили ослепляющий луч.

– Эй, чуваки! Чья это девушка?! Что за хрень! Дайте ей кокаина кто-нибудь!

В общем, это было довольно позорно. А потом, ближе к концу шоу, на сцену вышел большой негр, и зал начал панически орать. Я начала спрашивать, кто это… какой-то Cee… какой-то Green… Короче, когда на следующий день я узнала, кто это был, я чуть не убила себя за то, что не запрыгнула с остальными девками на сцену… Да, это был Cee Lo Green, тот самый чувак который поет: «I think you're craaaaaaazzyyyyyy…» и «Who's gonna save my soul now». Вывод: если толпа орет, всегда прыгай на сцену.

Вместо этого я уехала в особняк с какими-то мальчиками-моделями.

Мой Голливуд превратился в бесконечную незапланированную вечеринку. Пляж мечты Венис, на котором тусуют все, от бомжей до сливок общества; кинопремьеры с афтерпати, после которых я находила в своей сумочке кучу визиток знаменитых режиссеров и актеров; киностудии, на которых до сих пор можно найти декорации из фильмов с Монро; клубы, один только вход в которые стоил сорок долларов, а я была в guest-листе; музыканты, которые опаздывали на

собственные концерты, потому что проводили время со мной; кладбище Hollywood forever, где каждую субботу собираются и смотрят кино, покуривая травку, сотни американцев… Арт-галереи, бесплатные массажисты и крыши с бассейнами, магазины, в которые заходила Джулия Робертс в фильме «Красотка»; Тиффани, где можно примерить кольцо за 10 штук; Universal Studio, где можно заплатить за один билет в кино и ходить из одного зала в другой хоть сутки напролет… Каждый день меня куда-то возили и чем-то угощали. В большинстве случаев я попадала в компании, где люди подтираются баблом.

Где-то в те дни я поняла, что за все мое американское приключение не было ни дня, чтобы я не пила. Эта мысль меня напугала, и я честно не употребляла алкоголь… сутки. В тот трезвый день я прогулялась по русскому району. Русские надписи «продукты», «книжный магазин» и «табак» привели меня в восторг. Тут бабушки в платочках несут консервы в авоськах, а продавщицы в булочной носят фартуки в горошек и кокошники. Я не то что вернулась в Россию, я вернулась в Россию моего детства. Забрела в парк, где русские старички играют за столиками в домино и карты… Сложно поверить, что это фактически центр Голливуда! В этом парке посреди поля стоял памятник, на котором были выгравированы слова:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Расул Гамзатов

Я расплакалась. Тогда я впервые ощутила то необъяснимое, что всегда будет тянуть меня, русскую, домой. И как бы весело мне ни было с иностранцами, как бы легко я ни находила с ними общий язык, я всегда буду чувствовать, что чего-то не хватает.

Среду я решила наконец посвятить пляжу. Никто не захотел составить мне компанию, так что пришлось разбираться самой. Триста раз перепроверив, где и какой автобус надо сменить, я решительно отправилась на остановку, заранее зная, что на автобусе дорога займет два часа, на машине я доехала бы за тридцать минут. На остановке стоял мужчина за пятьдесят в фиолетовых очках и клетчатой рубашке.

– Эй! Не знаете, останавливается ли тут 780-й автобус?

– Нет, не знаю. А куда вам нужно?

– На пляж Венис…

– Ну, я как раз туда собираюсь. Только мне нужно забрать машину. Я могу тебя довезти. Только нужно поймать такси и доехать до машины.

– Конечно, спасибо…

Так я познакомилась с самым богатым человеком, которого видела вживую.

Мы доехали на такси до ремонта машин, и тут началось веселье. Его машиной был Thunderbird 1957 года. Мы заехали в его дом, где останавливались Николсон, Дуглас, Спилберг и еще куча людей, которых я не помню. Ну, в общем, вы представляете. Он взял нужные ему вещи и поменял машину. Во дворе стояло еще десять автомобилей. Один из них раньше принадлежал Джорджу из «Битлз», а в другом, черном «Мерседесе», снимали сцену с Люси Лью в фильме «Убить Билла». Чтобы снять эпизод, съемочная команда выломала заднее стекло, и когда его вставили обратно, оно выглядело по-другому. Хозяин заставил их делать ремонт, и в общей сложности Тарантино отвалил ему 25 штук. Тачка, кстати, стоит 125 штук.

Миллионер по имени Эйб провел для меня шикарную экскурсию по холмам, довез до пляжа и пригласил выпить по «Маргарите» в его доме на первой береговой линии в самом центре Венис-Бич. Я даже представить не могу, сколько этот дом сейчас стоит. Пока он показывал мне комнаты в доме, я скромно кивала, но не чувствовала никакого смущения за то, что в сравнении с ним живу как бомжиха. Наоборот, я ощущала свое превосходство. У меня было оружие, которое нельзя купить ни за какие деньги. Оружие, открывающее все двери. Молодость. К тому же я еще могла успеть стать богатой. А он молодым – уже нет. И мы оба это знали.

Глава 12
Сан-Франциско. Пасмурно, красиво, забористо

Я долго выбирала, где именно остановиться. Сан-Франциско не радовал привлекательными вариантами. Зато в Пало-Альто, городе неподалеку, я нашла настоящую хиппи-коммуну. Здесь, в часе езды от Сан-Франа, находятся офисы Facebook, Apple, Yahoo и прочих крутых компаний. И, конечно же, именно здесь находится легендарный Стэнфорд. Его территория так велика, что Стэнфорд негласно считают отдельным городом. Помимо огромного количества общежитий здесь есть абсолютно все, чтобы не покидать его территорию никогда. Однако не всем студентам по карману и вкусу такие общаги, поэтому многие снимают комнаты неподалеку, в самом городе. Есть в Пало-Альто и целая ветвь коммун. В одну из них попала и я…

На станции меня встретил Бобби, мой хост, и сразу крепко обнял. Территория, на которую мы пришли, включала в себя пять домов, полностью заселенных студентами. Всю следующую неделю я с интересом наблюдала за тем, по каким законам живет коммуна. Кухня общая, с огромным запасом круп и овощей. Каждый день ребята тащат сюда еду с мусорок. В Америке есть реальная проблема с тем, что слишком много продуктов, которые вполне еще можно съесть, выбрасывают. Так появилось целое движение и понятие «dumster diving».

У ребят есть расписание, кто когда готовит и убирает. Дом всегда открыт для гостей. В одном углу сложено море подушек и одеял, в другом находится «free market», где люди оставляют одежду. Три мусорки для раздельного сбора и свой компост. В главном доме около 10 комнат с разными странными особенностями. У туалетов, естественно, нет замков. Захожу в ванную – там стоит парень, отливает и улыбается мне. Почти все вегетарианцы.

– А где мне спать?

– Да где хочешь! Сейчас в доме полно места! Все уехали на «Бернинг Мэн»!

– На бернинг что?

– «Бернинг Мэн». Фестиваль, проходящий в пустыне. Всю неделю дом будет практически пустой, так что забивай любую кровать.

Мне приглянулась та, что на балконе. Я притащила туда кучу одеял и крепко уснула под звездами, но проснулась довольно-

таки рано, потому что внизу кто-то играл на гитаре, и спустилась вниз. Тут на кухню ворвался парень по имени Ари, в пиджаке, надетом на голое тело, с опухшим лицом и бутылкой «Джека Дэниэлса» в руках. За время моего пребывания в коммуне я ни разу не видела его без бутылки «Джека». После я узнала, что его только что бросила девушка. Был и другой мальчик – Бен. Я провела с ним весь вечер. У него своя группа, и он очень красиво поет. Больше я почти ничего не помню. Помню только, как мы поздравляли друг друга с прошлыми и будущими днями рождения.

Весь следующий день я провела с Беном. Из-за того, что мы оба понимали, что это не продлится долго, жили на полную катушку. Бен показал мне всю территорию Стэнфорда. В том числе и закрытый на лето амфитеатр, после совместного «просмотра» которого у меня были расцарапаны коленки. Я осталась ночевать в его общаге, бегала на цыпочках в мужской туалет и записывала с утра свои истории на его компьютере, пытаясь угадать, где какая буква на английской клавиатуре.

Днем я изучала Сан-Франциско, а вечера проводила в коммуне. Из всего многообразия мужчин мне удалось выбрать себе друга. И звали его Нейт. Два метра ростом, с рыжими, почти красными волосами, он сидел на диване и перебирал струны гитары.

Нейт был очень красив. По-своему красив. У него была аристократическая внешность. Мраморно-белая кожа, вытянутое лицо. Очень сдержанная мимика. И какие-то невероятно дурманящие глаза. Он смотрел так пристально, будто сквозь, в самую суть человека. Я больше никогда не встречала такого взгляда. Когда наши глаза встретились, я будто окаменела. Они были абсолютно черные.

– Ты вампир?

– Почему? Ты хочешь, чтобы я укусил тебя?

Ночи напролет мы гуляли по пустому городу и разговаривали. Он ненавидел солнце и выходил гулять только под вечер. Его папа-ученый бросил маму-художницу и ушел к стриптизерше. Свое детство он провел совсем один. Всю жизнь Нейт был аутистом и до пятнадцати лет не мог зайти в супермаркет, потому что там слишком много людей. Он рассказал мне, как зовут его игрушки, а первый вопрос, который он задал, был: «Ты боишься темноты?» Когда он процитировал мне разговор Лиса и Принца, я чуть не расплакалась. Каждая наша прогулка превращалась в коллекционирование его секретов. Я уважала его личное пространство и видела, что ему и так сложно подпускать меня ближе. Для примера: когда мне негде

было ночевать, а у него в комнате стояла двухметровая кровать, он притащил мне матрас.

Он с трудом допускал кого-то до своей души, зато легко пользовался своей внешностью. По вечерам Нейт ходил на свидания, и тогда он надевал красивое черное пальто, одежду темных тонов и совершенно преображался. Девушки шли к нему вереницей. Я прекрасно понимала почему. Но ни с одной он не задерживался дольше чем на один вечер или ночь. Этого времени хватало на то, чтобы одурманить очередную жертву, но не доходить до личных разговоров. А потом он возвращался домой, надевал мягкие пижамные штаны, футболку с надписью «Stanford», заливал хлопья молоком и, уплетая их, рассказывал мне свои секреты. Несмотря на то что он был не моим типажом, я испытывала к нему вполне логичное влечение, ведь самое сексуальное в мужчине – это интеллект. Остальное – приятный бонус, но не более того.

Дом, в котором я жила, был волшебным. Люди появлялись из ниоткуда и исчезали в никуда каждый день. Каждый делился со мной своим опытом. Каждый день я обнималась минимум с десятью людьми, и каждый день я узнавала что-то новое. Для общества, в котором я выросла, все эти разговоры и обнимания просто так были неприемлемы. Мой мир и мое понимание того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», менялись с каждым днем. Видишь ли, все то, что я считала утопией, оказывается, существовало, а значит, мои взгляды на мир все это время не являлись безумными. На белой стене гостиной нашего дома были выведены слова:

Out beyond the ideas of wrong doing and right doing there is a field.
I will meet you there.
– Rumi.

Я не знала, кто такой этот Руми, но эта надпись ударила меня тогда как молния в голову, хоть я и не до конца ее понимала. Ведь для того чтобы что-то понять, нужно это прожить. Мне это только предстояло.

Однако самого загадочного персонажа, что я там встретила, я еще не представила. Звали его Роб. С Робом мы познакомились, когда он сидел на диване и играл на гитаре, сошлись на музыкальных вкусах и стали дружить. Робу было за пятьдесят. Он был маленького роста, худой, в откровенно грязных вещах, покрытых краской, в самодельной хиппи-футболке и кепке со встроенным фонариком. В целом он выглядел как типичный бомж Сан-Франциско, которых здесь полно, но, поскольку я периодически видела его на территории чинящим то крышу, то водопровод, решила, что он «фиксер». Так тут называют людей,

которые чинят все и сразу.

Ребята относились к нему с уважением, как я думала потому, что на всей территории не было ни одного другого взрослого. Как-то я сказала ему, что мечтаю научиться играть на гитаре.

– А в чем проблема?

– Не знаю…

– Давай так. Напиши мне три песни, которые хотела бы выучить. Я выберу одну наиболее подходящую и научу тебя ее играть.

Я назвала три песни. Он выбрал одну, в которой были практически все аккорды, какие только существуют, и пришел с распечатанным листком.

– Вот, держи песню Эди Седжвик «If you close the door».

Эди Седжвик была музой Энди Уорхола, светской фигурой и символом «Фабрики». С трагическим детством, анорексией, жесткой привязанностью к наркотикам, она горела ярче всех огней Манхэттена. Она жила мечтой и, конечно, умерла рано – в возрасте 28 лет – оттого, что была истощена жизнью. Эди написала и исполнила всего одну песню. Если человек написал всего одну песню – кто-то должен ее выучить.

Когда я просила своего отца научить меня играть, а это было не один раз, он рисовал мне три аккорда и отправлял восвояси. Роб же не отходил от меня, пока мои пальцы не стирались до предела. И постепенно они научились запоминать комбинации, а подушечки покрылись заветными мозолями, благодаря которым стало небольно играть.

– Я заметил, ты подружилась с Робом? – сказал мне как-то Бобби.

– А что в этом плохого?

– Да ничего! Просто большинство его боятся. Скажешь не то – вылетишь еще из коммуны. А вы прямо сблизились.

– В смысле вылетишь из коммуны? Уборщик решает, кто тут живет?

– Ха-ха! Ты решила, что он уборщик? Роб – хозяин всей этой территории и еще примерно пятнадцати домов по всему Пало-Альто и Сан-Франциско. Даша, он миллионер!

Так я стала дружить с миллионером и закоренелым хиппи по совместительству. Во времена своей молодости Роб разработал что-то там для компьютеров и за несколько лет разбогател. Он сразу скупил десятки домов по всему побережью, предположив, что аренда будет приносить ему деньги до самой старости, и не прогадал. За двадцать лет цены на квартиры в Сан-Франциско дико подскочили. Сейчас аренда в этом городе дороже, чем в Нью-Йорке. За пару квадратных метров люди платят по тысяче

долларов. Сам Роб при этом жил в маленькой комнатушке одного из домов. Вся его комната была обставлена плюшевыми мишками – символом группы «Grateful Dead». И все дома, которые Роб сдавал в аренду, были названы именами песен этой группы. Мы жили в доме «Uncle John's band».

Роб показал мне все закутки Пало-Альто. В том числе и дом Стива Джобса. Как-то раз мы с Нейтом вернулись к этому дому, чтобы разглядеть его получше. Он был похож на сказку. Синяя черепичная крыша, забор, состоящий всего из двух деревянных палок ниже пояса, и огромный яблоневый сад. Но уже через минуту к нам подошел мужчина и очень серьезным для Америки голосом спросил, как наши дела. Видимо, это был охранник под прикрытием. Если бы он был в форме, люди сразу заподозрили бы, что здесь живет кто-то знаменитый. Умно.

«Я понял, это намек», – подумала я, и мы удалились. Но просто так это дело не оставили.

И в два ночи мы с моим прекрасным рыжим двухметровым другом, вооружившись шапками и теплыми свитерами, вышли на миссию. Проходя мимо дома Стива, мы наклонились и выхватили через забор по яблоку. И хоть мое яблочко было на три укуса, оно стало самым сладким в моей жизни. Я украла яблоко у Стива Джобса. Думаю, он бы только посмеялся, если б об этом узнал.

Через два месяца Стив умер. Жена настояла на том, чтобы могила была безымянной, она не хотела, чтобы фанаты таскались туда каждый день. А я запомнила его главные слова «Stay hungry, stay foolish»[22] и пошла с ними дальше по жизни.

Это был мой последний день в нашем чудесном доме. Он вернул меня к жизни, вернул к себе. Я четко ощутила, что нашла свой путь, словно снова нащупала пульс собственной жизни.

Весь следующий день я собирала в блокнот руки моих новых друзей, пытаясь отловить всех, по кому буду скучать. Одним из них был Ари. За пару дней до этого мы с ним слегка повздорили. Я вечно таскала у него табак, и в конце концов он не выдержал и сказал: «Слушай, может, ты уже купишь свой собственный?!» Я обиделась, но руку его все равно обвела. Уже сидя в самолете, я найду на его ладони накрепко приклеенную этикетку «Джека Дэниэлса». Он заклеил ее как кармашек, оставив верхний край без скотча. Внутри лежала самокрутка. Я буду хранить ее еще шесть лет. Ребята написали мне пожелания на всех языках… Оставался только Нейт.

Мы с ним попрощались еще ночью, и я постеснялась попросить его обвести ладонь. До того как я уеду, оставался час, а его нигде не было. Я практиковалась играть на гитаре песенку, которую мне показал Роб, и пила вино, чтобы забыть, что уезжаю.

Через некоторое время я отложила гитару и пошла на кухню сделать себе бутерброд из бесконечных запасов хлеба и орехового масла. Слышу, кто-то играет на гитаре – возвращаюсь в недоумении с бутербродом. И вот он. Как обычно, появляется из ниоткуда, когда его совсем не ждешь. Он наигрывал песню «White Stripes» «We are going to be friends». У нас получилась какая-то грустная история… Но у нас обоих тогда был такой период жизни, когда мы спали с кем попало, не пытаясь запомнить имен, лишь бы только не подпускать слишком близко. Несмотря на то что за все это время мы с Нейтом максимум один раз обнялись, он был для меня дороже всех в Калифорнии, и когда я уезжала, на мне не было лица. Все это время для меня было загадкой, чувствовал ли он то же самое по отношению ко мне. И в последний день я все-таки решилась дать ему блокнот, обвела его аристократически длинные пальцы и ушла за вещами, чтобы не мешать. Когда я вернулась, он стоял и болтал с одной из девочек. Все, что я успела услышать из их разговора, были слова Нейта: «Просто я никогда не был хорош в выражении своих чувств словами и не знаю, могу ли я вообще правильно использовать слова», – он увидел меня, резко прервался и встал:

– Here’s your notebook.

– Спасибо. Чувак, я буду таааааак скучать.

Нейт произнес любимое американское «Аааааw», просто потому что выучил, что люди так делают. Только вот он не «люди», и от него это звучало до смешного фальшиво. Я в отчаянии спросила:

– Ты не хотел бы встретиться снова где-то еще на этой планете?

– Конечно.

– Где?

– Как насчет Италии?

– Хорошо. Может получиться.

– Прекрасно. Пока.

– …bye.

Сев в машину, я не выдержала, схватила блокнот и открыла его на странице с его ладонью. Я хотела знать, что же он из себя выдавил. Я бы не удивилась, если бы страница была пуста.

На его ладони мелкими буквами красовалось:

«It was nice taming you and being tamed»[23].

Глава 13
«Возьми банджо, сыграй мне на прощанье!»[24]

Несколько дней я прожила у одного азиата-каучсерфера. В первый же день мы поехали кататься по городу на его тачке. По дороге зашла речь о марихуане.

– А в Сан-Франциско тоже продают марихуану в магазинах, как в Денвере?

– А то! В любой форме, в какой захочешь!

– В смысле?

– Ну, например, есть пицца с марихуаной, и печеньки, и шоколадки… И даже заготовленные скрученные косяки любого размера.

– И все это продается готовым? Прямо вот так?

– Мало того, у них даже есть сэмплы для, так сказать, дегустации! Слушай, мы проезжаем один магазин! Хочешь попробовать печеньку? Это бесплатно!

– Давай!

– Окей, подожди меня. – Он выскочил из машины, забежал в магазин и вскоре вернулся с тремя четвертинками печенья и двумя косяками, упакованными в пластик, как зубные щетки. Кусочки печенья он вручил мне, а один косяк отдал бомжу на улице, мимо которого мы проезжали. Тот кивнул и улыбнулся.

– Вы даете бомжам косяки вместо мелочи?!

– А что? Он тоже не против расслабиться!

Я съела два кусочка печенья и уже через час не понимала, что происходит вокруг. Ощущение было ничем не похоже на то, что обычно происходит от травы. Накурился не мой мозг, накурилось всё моё тело! Оно буквально пульсировало. Меня шатало. Глаза превратились в две щелочки. Белок стал розовым. Неожиданно появились другие каучсерферы, и мы куда-то поехали… Дальше все в раскадровке… Первый кадр: я балансирую на самом краю обрыва с видом на весь Сан-Франциско и истерично смеюсь. Второй: мы стоим в гигантском парнике с марихуаной, и я делаю фото своей довольной морды в кустах. Третий: я узнаю, что нахожусь в доме, где впервые кто-то остановился по программе каучсерфинга, и сам Кейси Фентон, создатель этой компании, тут был. На стене висела его фотография валяющимся на диване, на котором теперь сидела я. Остальное я не помню, но, когда проснулась на следующий день, пообещала себе впредь быть осторожнее с дозами.

Весь следующий день я гуляла по Сан-Франциско.

Днем мне позвонил Роб. Он узнал, что я живу по каучсерфингу, и предложил местечко получше, отдав свой пентхаус в самом, на хрен, центре города. Это был маленький домик, собственноручно построенный им на крыше здания. Все стены представляли собой одно большое окно. Внутри были диванчик, кровать, маленький душ с туалетом, проигрыватель для винила и две гитары. Мечта. За свою доброту Роб предложил такую расплату: через месяц я должна была прислать ему из Москвы видео, где играю выученную песню Эди Седжвик. Меня такая цена устроила. Он отдал мне ключ, и я отправилась изучать город. На улице проходило несколько демонстраций, которые утверждали, что здания Всемирного торгового центра были взорваны правительством. Черные танцуют чечетку, толпа аплодирует, голые раскрашенные девушки пропагандируют мир… Неподалеку от них стоял афроамериканец в кепке и держал в руках картонный плакат на палке с надписью «JESUS CHRIST LOVES YOU». Мы улыбнулись друг другу, и я пошла дальше. На перекрестке сидели два музыканта. Тот, что с рыжей копной волос, Джереми, играл на маленькой гитаре и пел. На его шее крепилось железное приспособление, удерживающее губную гармошку. Второй, Патрик, был помельче, с усами и в очках, он сидел на коробке, в которую отбивал ритм ногами, а в руках у него была доска для стирки, по которой он водил пальцами. На пальцах были закреплены железки, которые создавали звук. Я встала как вкопанная, завороженная их приспособлениями, мы подружились. По счастливому случаю в тот вечер у них был концерт, на который меня и пригласили. Я чуть не сломала ноги, пока поднялась на три холма вверх!

Ребята были фееричны! В час ночи они сделали перерыв, и мы все вместе ушли за угол бара. Пианист вытащил коробочку для лекарств с понедельным названием ячеек и достал большой кулек травки из «пятницы». Парни пустили трубку с травой по кругу. Я с трудом понимала, о чем они все говорят, но одно поняла точно: я нравилась Джереми.

Бар назывался «Boom Boom Room». Если будешь в Сан-Фране, советую – там плохой музыки не бывает. В дверях меня остановил охранник и отказался пускать в бар без паспорта, как бы я ни молила. Американцы неприступны, когда речь идет о предъявлении ID. Возвращаться домой по холмам Сан-Франциско – так себе удовольствие. Карта на телефоне может показать, что идти 10 минут, а на самом деле путь займет полчаса. Я злобно ответила, что вернусь и ткну ему в лицо датой своего рождения, чтоб ему, мол, было стыдно. В качестве извинения он пообещал

мне коктейль за свой счет. Спустя час с «Малибу Санрайз» в руке я нашла единственный свободный стульчик у барной стойки и уставилась на Джереми. Под громкие аплодисменты и посвистывания он сказал в микрофон:

«Следующая песня посвящается одной особенной русской девушке!»

И они заиграли песню «Битлз», начало которой ни с чем не перепутаешь…

I've just seen a face,
I can't forget the time or place
That we'd just met.
She's just the girl for me
And I want all the world to see
We've met.

Никогда раньше красивые мальчики не посвящали мне песен со сцены. Ребята были фееричны! В час ночи они сделали перерыв, и мы все вместе ушли за угол бара. Парни пустили трубку с травой по кругу. Я с трудом понимала, о чем они все говорят, но одно поняла точно: я нравилась Джереми. Он не спускал с меня глаз. История о том, что я только что пересекла в одиночку Штаты, привела его в дикий восторг. Музыканты всегда влюбляются в мой образ жизни. Какими бы свободными они ни были, их путешествия ограничиваются турне по самым крупным городам. Да и в тех городах у них не бывает возможности действительно узнать место и раствориться в нем. Они привязаны к плотному графику и остальным музыкантам. Моя свобода манила их как что-то, о чем они всегда мечтали, к чему всегда стремились, но чего почему-то не получили.

Всю молодость я буду крутиться вокруг музыкантов. При этом я никогда не буду помышлять всерьез с ними встречаться. Не нужно было даже пробовать, чтобы понять, что жизнь девушки музыканта (не дай бог еще и солиста, а только с солистами я всегда и крутилась) – сущий ад, состоящий из самопожертвования, ревности и бедности. У первой хипарки на Руси, певицы и переводчицы Керуака, есть отличная песня на этот счет под названием «Кто дружит с музыкантами – знает толк». И действительно, когда с ними дружишь, это всегда бесплатный вход, секс, наркотики и рок-н-ролл. А вот для тех, кто хотел с ними встречаться, в той же песне есть отличные слова:

«Люби гитариста – триста слез.
Люби гармониста – объешься колес.

Люби барабанщика – жизнь-борьба.
Люби трубача, и тебе труба».

Не знаю, как ребята играли после такого количества травы, потому что меня убило напрочь. После шоу мы с Джереми пошли ко мне. Поймите меня правильно, спать одной в этом пентхаусе очень холодно.

– Так куда нам идти?

– Вперед, навстречу звездам! – выкрикнула я, заплетаясь в собственных ногах.

– Навстречу звездам?

– Навстречу звездам! Увидишь звезды, значит, мы пришли.

Как можно догадаться, если в одну сторону ты поднимаешься по крутым холмам, на обратном пути должен быть шикарный вид сверху. На улице был час ночи, и все дороги были пусты. Мы шли змейкой, накуренные в хлам, постоянно натыкаясь друг на друга. Выйдя на пустой перекресток с наилучшим видом на весь ночной Сан-Франциско, мы стали танцевать вальс с закрытыми глазами. Джереми был в пиджаке, а я в платье, и мне казалось, что в тот момент луна замерла над нами, просто чтобы порадоваться вместе с нами всей этой красоте.

Дальше я использую прием стандартной книги о любви, где, как только у главных героев что-то наметилось и они легли в постель, следующая глава начинается с «Белла проснулась от того, что солнце светило ей в лицо», и ты думаешь, что с твоей книгой что-то не так, листая туда-обратно в надежде, что эти странички склеились… Итак, я проснулась от того, что солнце светило мне в глаза. Ну и это неудивительно, собственно, когда все стены из стекла.

Это был самый чудный и романтичный день, какой просто мог быть. В лучах утреннего солнца Джереми сыграл мне еще пару песенок, мы вышли из дома, купили кофе и бублики и пошли завтракать на лавочку рядом с мостом. Я кормила птичек хлебом и грелась под солнцем, делая вид, что все пучком и что никуда я не улетаю завтра утром.

– Ты мне нравишься.

– А?

– Тебе нет дела до денег. И делаешь, и говоришь, что хочешь. Взяла, села в самолет и прилетела. Бросила дом.

– Для меня дом – это друзья. Я давно перестала привязываться к местам. Люди – вот пункт назначения. К ним я вернусь. До страны мне нет дела. На страну мне насрать.

– Как в моей любимой песенке. Home is whenever I’m with

you.

Мы несколько часов гуляли вдоль набережной по Марин-стрит, держась за руки. Я испытывала чувство подлинной свободы вперемешку с простым девчачьим счастьем – идти за руку с мальчиком, от которого по коже мурашки.

– Знаешь, мне иногда кажется, что я потеряла способность любить. Когда две мои истории не закончились хеппи-эндом, мне пришлось оба раза забыть про чувства и научиться вместо этого любить себя.

– Same shit. Я начал забывать, как это – с кем-то встречаться. И теперь уже не знаю, скучаю ли я по этому или нет. Так у меня остается все свободное время на музыку, всю энергию я вкладываю в дело. А это ведь тоже любовь?

– Однозначно! Думаю, я уже не смогу так самозабвенно за кем-то гоняться. Я боюсь, что буду плохой девушкой. Что буду изменять, пренебрегать человеком и тогда сама себя начну презирать. Ты когда-нибудь изменял?

– Нет. Для меня не существует измены. Если я с кем-то, значит, с кем-то. Когда у меня была девушка, меня не интересовал никто другой. А потом она уехала учиться в другой штат, и все кончилось. Я накопил денег, приехал к ней через месяц, и буквально через несколько дней мы расстались.

– Кто-то сказал мне, что, если любишь, не уедешь.

– Думаешь, это так?

– Понятия не имею…

– Зная тебя, мне кажется, все, что тебе нужно, – это просто слушать своё чутье. In my eyes you can do no wrong.

– Какая красивая фраза…

Через пару месяцев Джереми запишет песню, начинающуюся со слов «I've got so much love to give you. In my eyes you can do no wrong», которая станет моей любимой. Я постеснялась спросить, посвящалась ли она мне.

Пришло время опять прощаться. Мы сидели у воды, почти рядом с Голден Гейт, на больших камнях.

– Ты, пожалуй, одна из самых интересных моих историй, – сказал он в заключение.

Мы выкурили по сигарете на прощанье, и я отдала ему целую пачку «Данхилл» для их единственного заядлого куряги: барабанщика.

Из Сан-Франциско я улетела в Нью-Йорк. Я не успела узнать Сан-Фран как следует, но у меня было четкое ощущение, что я здесь уже жила и что еще сюда вернусь. Ритм Нью-Йорка вновь захватил меня. Каждый раз, когда возвращаешься в Нью-Йорк, моментально задаешься вопросом, почему ты вообще уезжал.

Нью-Йорк – мой самый состоятельный любовник. Самостоятельный, с прекрасным чувством вкуса, галантный и вечно занятой. Я пыталась запомнить каждый его звук, каждый отблеск на асфальте от проезжающей машины. Это был мой самый страстный роман. Роман с городом, в котором я никогда не задерживалась больше десяти дней. Наверное, поэтому мы так сильно друг друга любили.

Часть 3
Back in USSR

Глава 1
Зимняя спячка

Я снова вернулась домой, продолжила жить в своей однушке в Балашихе и учиться в Москве. Чтобы не было слишком одиноко, я опять позвала к себе подруг, Элеонор и Аллкаш. Вмиг из моего окружения пропали все мужчины. Россия – это страна баб. В автобусе – бабы, в метро – бабы, в магазине – бабы, в группе в институте – восемнадцать баб (курятник, с которым у меня не было абсолютно ничего общего). Преподаватели замечали, что мой английский стал на уровень выше, чем у остальных, и многое спускали мне с рук, включая безбожное количество прогулов. Однокурсниц это бесило, и довольно скоро я приобрела статус белой вороны. Мне не было до этого никакого дела. Я терпела универ как что-то, что не могу изменить, а по ночам зажигала свечи и училась играть на гитаре, пока соседи не начинали бить по батареям ключом. К моменту, когда я выучила «If you close the door», приходилось спрашивать у подруг разрешения, чтобы сыграть ее в сотый раз. Наконец я записала видео с песней и отправила его Робу. Он оценил.

Два месяца осени пролетели быстро. Все будто бы шло по плану, только вот план этот был не моим.

Наступил Хэллоуин. После своей свадьбы, одеваясь в костюм трупа невесты, я каждый Хэллоуин праздновала то, что мой брак мертв. Мы отправились с подругами в «Кризис жанра». К этому моменту я уже два месяца не разговаривала с мужчинами, не считая своего папы и профессора испанского. В том баре я встретила мальчика, его звали Сережа. Ему был 21 год. Он был высок, красив, галантен, работал на «Единую Россию» и искал себе невесту. На первый взгляд я вполне подошла на эту роль. Фата и платье уже были при мне.

Сережа был хорошо воспитан, везде за меня платил и в целом был мужчиной, рядом с которым хочется быть женщиной. Он ходил на охоту с отцом, слушал винил, ездил на собственной машине, пил только виски, курил по пачке в день, много зарабатывал, жил отдельно… И был абсолютно помешан на своей работе. За месяц наших отношений, если можно их так назвать, мы больше говорили по телефону, чем общались вживую. Когда Сережа ложился спать, он клал телефон между собой и мной на случай, если ему позвонят по работе. Но мне было достаточно его внимания, чтобы начать возводить воздушные замки. Я поставила на его звонок свою любимую песню, досконально изучила все его

фотографии ВКонтакте, стала ходить в тренажерный зал и практически перестала есть, чтобы влезать в красивые платья подруги на случай, если он все-таки освободится на этой неделе. Иногда я приходила из тренажерки и падала в коридоре от истощения. Я очнулась лишь в тот момент, когда сидела ночью в маршрутке с ведром напеченных мной пирожков, которые везла Сереже, потому что он слишком занят и, бедный, наверное, голодает. Напротив меня сидели Элеонор и Аллкаш, знающие меня с семи лет, и смотрели на эту картину, как на сношение жирафа с китом.

– Ты ее узнаешь вообще?

– Я нет.

Я передала пирожки его другу, который был дома, и, пока ехала обратно в Балашиху, поняла, что дальше так не пойдет.

Мы с Сережей практически не виделись. А когда виделись, то вечно спорили о политике. Я говорила, что «Единая Россия» – воры, он повторял, что они смышленые ребята. Я говорила: «Смена милиции на полицию стоила стране миллионы, лучше бы они больницы строили». Он отвечал: «Зато я знаю тех, кто хорошо на этом заработал». Я прощала ему все за его красивую внешность и прекрасный музыкальный вкус. Наверное, меня отчасти манил его образ плохого мальчика, испорченного деньгами и властью. Мне все казалось, что я его спасу. Для него я была хиппи-девочкой, наивной, но светлой. В мире алчности и мужиков я светила ему своим утопическим взглядом на жизнь.

– Знакомьтесь, это Даша. Она любит солнце и не любит президента, – представлял он меня своим коллегам.

Наступил декабрь, и в стране прошли долгожданные выборы. Победил Путин. Москве, Питеру и остальным крупным городам страны, где есть интернет и интеллект, было понятно, что результаты выборов фальсифицированы, и народ вышел на улицы. Вышли и мы. Сереже это не понравилось. Он сказал, что, если я пойду на митинг и меня увидят в камерах, у него будут проблемы. Что он не может встречаться с девушкой, которая активно проявляет свое негативное отношение к правительству. Естественно, я своих намерений не изменила, и, пока он платил подросткам из «Молодой гвардии» по триста рублей за то, чтобы те стояли на всех площадях, где есть оппозиция, махали флагами «Единой России» и орали в рупор патриотические речовки в пользу президента, мы были на «Маяковской», и нас обступили менты. Они построили стену из пластиковых щитов и на «раз-два, взяли!!!» пошли давить людей. Параллельно этому в «ВАЗы» насильно закидывали людей без разбору просто за то, что они находились в толпе. Я четко запомнила эту стену из злых лиц,

надвигающуюся прямо на меня. И подростков за их спинами, с лицами радостными, как морда шавки у ног хозяина, которая знает, что ей можно тявкать сколько угодно, ведь хозяин ее защитит. Вооружившись рупорами, эти дети скандировали: «ЧАЩЕ УЛЫБАЙТЕСЬ! ЧАЩЕ УЛЫБАЙТЕСЬ!»

Под этот крик менты стали откровенно бить всех, кто не успел отбежать. Я схватила Элеонор за руку и вбежала в стеклянные двери здания театра. Прижавшись ладонями к стеклу, мы в ужасе наблюдали, как менты избивают людей до крови, кидают в свои автобусы и увозят.

На следующий день Сережа позвонил мне и холодным тоном сообщил, что я не подхожу на роль его будущей жены.

Это был единственный раз в моей жизни, когда мы разошлись с человеком по политическим разногласиям.

В тот момент мне хотелось взять за ручку свой верный чемодан, добраться до ближайшей остановки или аэропорта и исчезнуть. Я пришла пожаловаться маме, что мой суженый меня кинул:

– Все было так идеально! Мы могли бы быть счастливы…

– Доча, да откуда ты знаешь, что могло бы быть? Может быть, он бы так и не отпустил никогда работу на задний план, и через год ты пришла бы к нашей двери с ребенком в подоле? Что, если вселенная только что уберегла тебя от страшной участи? Пути Господни неисповедимы! – после того, как мой папа чудом выжил при операции на сердце, мои родители-атеисты ударились в религию. Меня часто раздражали их проповеди, но иногда они говорили очень дельные штуки. – У Господа есть три ответа на все наши просьбы: «на, бери», «еще не время» и «у меня есть кое-что получше для тебя».

На деле, именно так, как прогнозировала моя мама, и вышло. Только произошло это не со мной, а с другой девочкой из какого-то маленького городка. Она залетела, Сережа, как приличный парень, на ней женился, но быть собой не перестал. Вскоре они развелись, и бедная девочка уехала с ребенком обратно к родителям в свой маленький городок. Но все это было потом, а в то время я очень обиделась на судьбу и скатилась в депрессию.

Начался новый год, и я проводила его в стандартной московской спячке. Мне было решительно нечего делать в этом городе, тем более в такой мороз. В этот момент мне написал Роб:

– Привет, Даша! Как твои дела?

– Да так себе… У меня начались каникулы, а мне даже некуда поехать. Звала подруг в Египет – хоть куда, на что денег хватит, – они сначала согласились, а потом отказались. Это Москва. Тут все слишком заняты неизвестно чем.

– Сколько у тебя есть времени?

– Дней десять.

– У тебя еще открыта американская виза?

– Э-э… Не знаю… Сейчас проверю.

Мысль, что по одной визе можно съездить в Штаты дважды, мне как-то даже в голову не приходила. Я побежала к паспорту. Виза была до апреля.

– Да!

– Отлично. Напиши мне свой имейл.

Я написала. Через пятнадцать минут мне пришло короткое сообщение:

– Проверь почту.

На почте лежал билет Москва – Сан-Франциско. Я до сих пор считаю это самым первым и ярким чудом, которое со мной произошло, потому что именно тогда я поняла, что, если дерьмо случается, значит, случится и волшебство.

Глава 2
Роман с чудовищем

Летом я наконец окончила институт. Не сказать чтобы эти падающие лепестки роз, дурацкая шапка на голове и синяя корочка со словом «диплом» для меня значили что-то, кроме одного: наконец-то впервые за всю свою чертову жизнь и во веки веков я была вольна прокладывать свой путь в любую сторону этого сумасшедшего мира самостоятельно.

За всю весну того года произошло только одно стоящее упоминания событие. Это был день рождения моей подруги детства Даши Киселевой. Наверное, Даша – моя первая подруга. Мы познакомились, когда нам было пять, и вскоре стали друг другу практически сестрами. Мы были похожи внешне и оттого представляли собой неплохой тандем по завоеванию мира. С возрастом наши дороги разошлись, но знаешь, как оно бывает? С настоящими друзьями можно не видеться по несколько лет, а когда встречаешься, будто и не расставался. Это было начало марта, и мы, как настоящие девчонки походников, отправились отмечать ее день рождения в лес. Все уже были на месте. Я ехала из Балашихи и, конечно, опаздывала, и Дашка вышла встретить меня на дорогу.

В лесу еще лежал снег. Первые слабо греющие лучи солнца пробивались сквозь ветви деревьев и окрашивали снег в оранжевый. Пока моя личная жизнь в институте была обречена на провал (18 одногруппниц и один умственно отсталый чувак), Дашка училась в МЭИ среди одних пацанов.

– Что, там много мальчиков собралось?

– Почти одни пацаны, да!

– Есть симпатичные?

– Даже не знаю. Да не то чтобы, наверное.

Мы вышли на поляну. Несколько мальчишек разбирали пакеты с едой и пытались развести костер. И правда, никого особенного… «Эх, такая романтика, и не в кого влюбиться», – подумала я. Тут за моей спиной раздался треск веток, и я обернулась. С охапкой дров в руках мне навстречу шел высокий красивый загорелый парень с кудрявыми волосами, ярко-зелеными глазами, сексуальными губами и белоснежной улыбкой. Он походил на модель из журналов о серфинге.

Его звали Антон. Он был лучшим другом Даши и учился с ней в одной группе. Я искренне пыталась завоевать его внимание весь вечер, но к нему с таким же успехом клеились и все

остальные девочки. Зато вот его приятель моментально втрескался в меня, и Антон, как настоящий друг, решил уступить меня этому парню. Мне же не было до него никакого дела. Я просто не знала, как уже избежать его внимания. А парень не сдавался. Узнав, что я люблю гитару, он разложил вокруг себя горы листочков с текстами и аккордами песен и стал пискляво фальшивить, запинаясь. Интересно, он сексом тоже по шпаргалке занимается и не в такт? За разговорами ребята обсуждали, что собираются поехать в летний лагерь МЭИ в Алуште, и позвали меня с собой. Решив, что общество кучи парней пойдет мне на пользу, я с радостью согласилась. Больше мы с Антоном не виделись вплоть до той поездки. Уже когда мы ехали в поезде в Крым, я решила как бы ненароком расспросить Дашу о ее загадочном друге.

– Даже не думай об этом! – выкрикнула она и сразу осеклась: – То есть, Даш… В общем… Я не знаю, как это сказать… Он странный парень. Никогда не понятно, что у него на уме. В смысле как друг он хороший. Но он ни с кем не встречается. Девушки влюбляются в него, он играет ими, а затем отталкивает. Он поступил так с моей подругой. Зачем-то ездил к ней домой, они пили вино, она даже делала ему массаж. А потом он просто стал ее игнорить. Та в итоге поставила мне ультиматум, чтобы я перестала с ним общаться. Мне кажется, он не ищет никаких отношений. Словом, с ним лучше не связываться.

– Да я и не собиралась…

Естественно, собиралась. И Даша только что внесла в мои намерения огромный вклад. Законы реакции на запретный плод со времен Евы не изменились – мне стало только интересней. Уже когда наш поезд практически приехал в пункт назначения, Даша призналась, что в последний момент смогла отжать себе кровать в домике и что она будет жить у берега, тем самым оставив меня жить совершенно одну в палатках высоко на горе в компании шести парней, из которых я знала только Антона. Парни же были на пике своей молодости и желания отдохнуть от универа. Они закупились таким количеством пятилитровых баклаг местного портвейна, что мне сразу стало понятно: эти две недели пройдут весело. Каждый вечер мы проводили в кафе у моря, где играла настолько стремная музыка, что мне сложно было там находиться, но, слушая одни и те же песни в стиле «кисочка обиженно идет» в течение недели, каким-то чудом начинаешь их даже любить. Уже в первую ночь ребята упились в полные слюни. Антон танцевал в кругу сильно желающих его девушек, которые буквально вешались на него, а я пыталась поднять с лавки его лучшего друга, который успел отключиться и теперь подрагивал в

рвотных позывах. Налобного фонарика у меня не было, а без него подняться в ту гору, на которой мы поселились, было просто невозможно. Молчу уже о том, чтобы тащить на себе двухметрового накачанного и пьяного в говнище пацана. Так уже в первую ночь я стала заложником этой пьяной тусовки – зато сразу придумала прекрасный повод отбить Антона у остальных девчонок и забрать его с собой на гору.

Каждой девушке, с которой Антон общался, он уделял двусмысленное внимание, порой смахивающее на безразличие, задевая тем самым самолюбие. Это все, что требуется, чтобы девочка отныне стала жить мыслью доказать тебе, что ты не прав. Я попала под ту же раздачу. Знаешь эту тему, когда ты приезжаешь в лагерь и довольно скоро определяешь для себя, о каком из всех этих парней ты будешь все две недели мечтать? Каждая девочка обязательно находит себе такого парня. Я знала, как это работает, и вроде бы пора было пережить все эти юношеские игры, но нет. Он становился мне все более интересен, и уже через пару дней я даже стала ревновать. Тогда я поняла, что дело худо, и решила, что есть только один способ остановить возможную влюбленность – переспать с ним сразу и потерять интерес. Знаю, очень по-мужски, но в целом работает. Мы переспали. И единогласно решили, что это было слишком охуительно, чтобы остановиться на одном разе. Мы пытались «не палиться» перед другими и уходили ночью с пенками и спальниками из общего лагеря на обрыв, где до утра занимались любовью. За завтраком на следующий день ничего не подозревающие пацаны спрашивали, не слышал ли кто ночью крики диких животных где-то в горах. Я чуть не подавилась какао от стыда.

Но, не считая секса, в целом наше общение было похоже на то, что происходит между мальчиками и девочками в пятом классе, когда обоим стыдно признаться в чувствах и они не знают, как эти самые чувства проявить. Мы топили друг друга в море, обливали водой из ведра, забирали из душевой с вешалки одежду и полотенца друг друга и убегали. Словом, всячески привлекали внимание, при этом делая вид, что нам обоим все равно.

Алушта летом – местечко не из прохладных, и уже в семь утра солнце начинало жарить так, что оставаться в палатке было невозможно. Поскольку ночью мы кутили как черти, днем часто отсыпались в лагере под тенью деревьев, вытащив коврики из палаток. У Антона был с собой надувной матрас, и я часто без спросу ложилась на него спать. На самом деле в одиночку я уснуть все равно не могла, и это был мой способ полежать с ним вместе, потому что, когда он приходил и видел меня на своем

матрасе, то, демонстративно поворчав, мол, какого фига, все равно всегда ложился рядом и обнимал меня. Этот детский сад продолжался все две недели, и я была уверена, что на этом все закончится.

Но, когда мы вернулись из лагеря, он пригласил меня на свидание на крышу, и история продолжилась. Каждый вечер он стал приезжать ко мне в Балашиху с бутылкой «Мартини», и мы самозабвенно занимались друг другом до шести утра. И каждое утро я никак не могла понять, куда ушло столько времени, ровно как и вспомнить хотя бы одну деталь нашего секса. Все это была какая-то магия, которую невозможно было поймать за хвост, но я искренне пыталась. Так продолжалось два месяца. Подруги стали спрашивать меня, что это за парень. Я отмахивалась, уверенным тоном повторяя, что между нами нет ничего серьезного и это просто секс, но ни одна из них мне не верила.

В то время мы с Элеонор вместе работали инструкторами в веревочном парке. Наш начальник был красивым женатым мужчиной, но он сразу положил глаз на Элеонор. И это было взаимно. В итоге они закрутили роман. Не сказать чтобы это было в стиле Ленора. Думаю, она просто, как и я, истосковалась по любви и была согласна на меньшее, лишь бы в жизни был тот, о ком можно думать перед сном. Аллкаш тоже пустилась во все тяжкие и спала с мужиками с работы. Бонни – третья подруга из нашей школьной компании девчонок (всего нас было пятеро: Билли, Бонни, Аллкаш, Элеонор и я, и мы дружили со времен, когда еще ни одна из нас не целовалась взасос) – встречалась с мальчиком, который был младше ее и тоже избегал чего-то серьезного.

В один прекрасный день ко мне пришла Билли, единственная, у кого из всех нас в тот момент были здоровые отношения, и, уходя, оставила на столе письмо с пляшущими человечками. Мы переписывались с помощью их со школьных лет. Вообще, между мной и моими школьными подругами была традиция писать друг другу письма. Так вот, она оставила письмо на моем столе и ушла. Я закончила разгадывать его, когда было три ночи. В письме говорилось, что она беременна и выходит замуж за своего парня. На следующий день она собрала всех остальных девчонок и сообщила это нам всем. Мы честно радовались за Билли до тех пор, пока она не вышла за дверь.

Вот тут-то нас всех и бомбануло. Потому что, когда кто-то из твоих близких друзей решает создать семью, первые пять секунд ты за него радуешься, а потом задаешься вопросом: что я вообще делаю со своей жизнью?!

Со словами «А я сегодня делала минет в гараже» – Элеонор

принялась рыдать и давиться шоколадным тортом. Бонни вскоре бросила своего пацана, Алла тоже на время завязала с непонятными связями, а я вспомнила о том, что уже три месяца как совершенно свободна от универа и при этом почему-то все еще в Балашихе… Всю свою жизнь я мечтала пожить на острове и научиться серфингу. Теперь у меня не было никаких причин откладывать свою мечту. И я купила билет.

Постепенно мы с Антоном стали друг другу открываться. И я узнала причины, по которым он был таким скрытным. Его отца убили, когда ему было шестнадцать. Первая девушка вышибла себе мозги из винтовки папы-охотника после того, как ее изнасиловали на улице. Вторую сбила насмерть машина. После череды этих событий он решил больше ни к кому не привязываться и ничего о себе не рассказывать. Он использовал стеб и неоднозначное поведение как способ защиты от лишних глаз, но сам при этом больше всего боялся одиночества. Я навсегда запомню момент, как заползла под стол на его кухне. Он пришел, увидел меня и сел рядом.

– Хочешь, я расскажу тебе секрет? – сказала я шепотом.

– Давай.

– Мне очень одиноко. Мне всегда одиноко.

– Мне тоже. Мой худший кошмар – когда я падаю в темноту, а вокруг ничего. Полная тьма. И я падаю. Один. Я постоянно вижу этот сон, он повторяется раз за разом… И главное – это чувство… Что я совсем один. Оно так отчетливо во сне.

Мы взялись за руки и еще долго лежали на этом линолеуме, среди идиотских подсолнухов на стене. Так мы стали бояться одиночества вместе. Через несколько дней я улетела. Мы договорились, что ничего друг другу не должны, что я вернусь с весной, как перелетная птица, и мы посмотрим, что будет дальше.

Часть 4
Роман с Бали

Глава 1
Мы видим друг друга и улыбаемся

Как бы прозаично ни звучало, «I woke up today in Bali as the plane was touching down»[25]. Жаль, что корейцы не хлопают, когда приземляются. Я прыгала на кресле и хлопала в ладоши в одиночестве. «Thank you, bye!» корейской красавице-стюардессе, шаг из самолета – и меня буквально обдало паром. Уже к концу коридора аэропорта джинсы стали прилипать и воздух запáх благовониями. Осознание происходящего начало наконец ко мне приходить. Никакой зимы. Ни ноября, ни декабря, ни января, ни февраля… Только +30, только океан. Налюбить русскую зиму! Это как сдать экзамен, преподаватель по которому обещал, что ты пойдешь на пере- сдачу!

Bite me, motherfuckers!

Отель, в который я заселилась, был временным решением. Я не могла позволить его на срок дольше недели. Открыв рюкзак, я натянула первое попавшееся платье, откопала очки и вышла в рай. Минута – и я на пляже. Слева центральный город на побережье – Кута, справа стальной остров. Серферы. Кто-то сидит в позе лотоса и разминается, кто-то уже летает по волнам. Вода по температуре почти не различима с воздухом. Я стояла в шоке, уставившись на собственные ноги в океане. Да-да, это был тот самый момент, когда меня сорвало и я понеслась вдоль волн, раскинув руки. Это была победа.

Возвращаясь обратно, я проходила мимо нескольких балийцев, сидящих на необычном строении из бамбука.

Из короткого разговора выяснилось, что каждый остров в Индонезии имеет свой язык и все они совершенно не похожи. При этом все также знают индонезийский. «Это как у каждого народа есть что-то свое, но мы одно целое».

– Как по-балийски сказать «привет»?

– У нас нет такого слова.

– Как так? А как вы здороваетесь?

– Мы видим друг друга и улыбаемся. Вот так.

И он продемонстрировал мне все свои белоснежные 32.

– А это что?

Мы остановились у трех маленьких коробочек, лежащих на пляже. Они были сделаны из листьев. Внутри лежали лепестки пяти разных цветов.

– Так мы проявляем благодарность Богу за еще один день. Каждое утро семья кладет такие коробочки у своего дома, у храма

и у воды. Иногда у гор. Здесь должно быть несколько определенных цветов.

Позже я натыкалась на эти коробочки везде и всюду. На каждой улице. У каждой статуи и просто на пляже.

Я провела вечер в божественно красивом баре на берегу океана, в компании австралийцев, где наконец-то получила заветную бутылку местного пива «Bintang», своеобразного символа Бали. Они столько меня угощали, что домой я шла с этикеткой-«звездой» («Бинтанг» переводится как «звезда») на лбу.

Глава 2
«Одно правило: солнцезащитный крем»

На следующий день после четырех часов сна меня ждал первый урок серфинга. Я решила записаться в серфшколу и отходить достаточное количество уроков, чтобы быть способной кататься самой. Школа эта находилась через дорогу от пляжа – как говорится, рукой подать. Здесь меня ждал инструктор Илья – по всем канонам простой русско-балийский парень, загорелый как негр, худой до жути блондин с торчащими в разные стороны дредами и длинной темной бородой. Мне и еще двум ребятам-новичкам постелили черные коврики в форме доски на траве, а сам Илья уселся на серф, лежащий на пуфике напротив нас. Теоретический урок прошел достаточно забавно… Серферы разделяют волны на два типа: пена и зеленые волны. Пена – это закрывшаяся волна, зеленая – уже сформировавшаяся, на грани падения. Все логично. Первые три урока проходят на пене. Мы попрыгали на этих ковриках, определили, какая у кого ведущая нога, и отправились переодеваться. Илья – идеал русского жителя на Бали, потому что че-то, блин, с ними, застрявшими на острове ребятами, не так, и не обратить внимания на это просто невозможно! Говорят медленно, двигаются медленно. Кажется, что им даже дышать лень и они вообще на грани того, чтобы упасть и уснуть. На столике в школе стоят все виды кремов, но от них только хуже, потому что пара волн – и весь этот крем уже стекает, любя твои глаза, да так, что ты готов их выдрать. Leash[26] на левую ногу, так чтоб он торчал влево и не мешался, волосы в хвост. В воде нас ждали два балийца в смешных панамках: они толкают твою доску на нужную волну и дают разгон. Как это все выглядит для тех, кто не пробовал и кому интересно: несешься ты на волне, крем уже выжигает твои глаза, а смотреть надо обязательно вперед, о чем я, естественно, забыла… Потом поднимаешься на руках, потом левая нога встает, за ней правая идет вперед. Колени согнуты, ниже, ниже! Плечи выпрямлены. И не забудь расставить руки в разные стороны, чтобы смотреться окончательно тупо и неуклюже. Как только доска разгоняется, балиец истерично кричит по-русски: «ВСТАВАААЙ!» Три часа с одним перерывом на водичку – и тебе хочется пнуть волну ногой, сказать, что все козлы, и, задрав сгоревший нос, уйти. Пробирание через волны напоминает войну. Прешь до последнего со своим преданным конем-доской за повод! А они тебе: «Ба-а-ау по морде»! Мало? На еще!!! Глотни соли! Ни

в чем себе не отказывай!

Всего за пару дней мое лицо сгорело ко всем чертям, причем так, что на щеках остались белые полосы. Видимо, это я так улыбалась или жмурилась.

Когда я добралась до отеля, было уже шесть.

Весь оставшийся вечер я просидела в ресторанчике у дома, напиваясь местными коктейлями и слушая океан. Моя любовь осталась в России, мое сердце всегда жило в океане. Как же всё соединить? Я начинала отчетливее чувствовать мир, и мне все нравилось. Но в такие романтические вечера при свечах у океана мне хотелось того же, чего и всем девочкам. Чтобы милый сердцу человек был рядом. Его не было – и постепенно я стала учиться переносить свою любовь на весь мир.

* * *

Заметка в дневнике

10 ноября 2012

Каждый вечер в районе Чангу, на побережье Индийского океана, собачка роет ямы. Принюхивается, копает обеими лапами, прыгает из стороны в сторону, лает на яму и снова копает, пока не уйдет в нее по самый хвост. Она ищет крабов. А когда находит одного, начинает с ним играть. Трогает лапой, тычет носом, катается вокруг, пока он убегает. Я не знаю, что у каждого из вас происходит в жизни, как прошел ваш день и что вы сейчас делаете. Но я хочу, чтобы вы знали, что каждый вечер в районе Чангу, на побережье Индийского океана, собачка роет ямы.

Глава 3
Suka – любовь

В 2013 году Чангу был совсем пустым районом, и вскоре я решила перебраться в Куту и даже нашла там сносный отельчик. Вентилятор над головой, шкаф, зеркало, балкон – словом, весь набор джентльмена, не считая стада муравьев, отсутствия одеяла и исключительно холодной воды. Жить можно. Каждый вечер на пляже Куты собирались местные музыканты, и я привыкла встречать закат с ними. Завидев меня, они всегда радостно кричали «Дасиа!» и махали руками, показывая, куда идти. Забавно, как люди из разных стран по-своему произносят твое имя. В Америке я была «Дэшой», теперь я «Дасиа». Все та же компания сидела в кругу на пластиковых стульях и встречала закат. В тот день я узнала, что «я тебя люблю» на индонезийском будет «Saya suka kamu». Suka – это любовь. Все становится на свои места. Интересно, знал ли об этом Михей?[27]

Я засиделась на пляже допоздна, и когда мы с одним из индонезийцев пели во все горло Coldplay «The Scientist», все вдруг внезапно подорвались, схватили вещи и побежали с пляжа. Я посмотрела на облака над океаном: надвигался шторм. Уже через минуту начался дождь. Пока все прощались и собирали вещи, я вышла из-под деревьев на пляж и развела руки в стороны. Дождь и океан напомнили мне Вирджинию. Тогда у нас были ливни каждую неделю, и я постоянно совершала под ними свои ритуальные прогулки. Помню, как мы с моим македонцем Антонио танцевали на перекрестке и пели нашу любимую «Strangers in the night». Почему-то именно танцы на перекрестках запоминаются на всю жизнь. Наверное, потому, что не каждый согласится танцевать на перекрестке дорог. Для этого нужно быть смелым и мечтательным или хотя бы дураком. Пока я об этом размышляла, Анга побежал за мной с криками «Что ты делаешь?!».

Он стал тащить меня за руку под деревья, я вырвалась и побежала вдоль океана. Дождь усиливался. Теплый, чуть прохладнее волн. Как я люблю дожди! Дождь – это искренность небес. Под дождем нельзя врать. Все, что говорится и делается под дождем, – всегда правда. Сквозь водную стену мне навстречу шел какой-то мальчик, разведя руки в стороны. Я последовала его примеру, думая, что я его знаю. Лица было не разглядеть. Мы обнялись.

– Дэнни.

– Даша.

– Как это пишется? Напиши на песке.

Я написала свое имя и ушла играть с волнами в салочки. Через минуту он снова позвал меня. Я вернулась, и он ткнул мне пальцем на песок. Рядом с моим именем красовалось «Danny». Он обвел наши имена в сердце. Мое сердце сжалось:

– You know there was one guy I used to know… That was his name. Long time ago we made a deal to meet here in Bali in 2013. He's almost married now.

– No no! That's you and me![28]

Я помедлила, потом молча стерла имена ногой и ушла. Он кричал мне вслед минут пять сквозь дождь, когда я наконец развернулась, увидела, что рядом с ним что-то сверкает. Он махал мне руками, как машут вертолету, стоя на заброшенном острове, и просил вернуться. На песке были снова выведены те же имена в сердце со светящейся бабочкой в середине, меняющей цвета.

Я вышла на улицу, идущую вдоль пляжа. В, наверное, самом дорогом ресторане Бали, с бассейном, факелами на входе и всегда нарядными посетителями, играла группа. Я нашла угол, под которым можно было разглядеть музыкантов. В ресторанах и барах Бали нет стекол, так что их было отлично слышно. За столиками сидели люди с большими винными бокалами, улыбались и о чем-то разговаривали. По ресторану из стороны в сторону ходил улыбчивый менеджер, сложив руки за спиной. Он остановился рядом со мной и улыбнулся. Босые ноги, майка прилипла к телу, мокрые волосы… Наверное, я выглядела как бомж, и он подумал, что я могу смутить посетителей. Но тут музыканты начали играть «Pink Floyd» – «Wish you were here», и мне стало уже все равно. Это была любимая песня Антона, всего месяц назад он играл ее мне на гитаре. Вмиг я почувствовала его через тысячи километров, и мне стало тепло оттого, что где-то в мире есть парень, который меня ждет… А музыкант пел:

> How I wish, how I wish you were here.
> We're just two lost souls swimming in a fishbowl, year after year,
> Running over the same old ground.
> What have we found?
> The same old fears.
> Wish you were here.

Эти слова навсегда останутся для меня самыми трогательными на свете. Кличем родным душам, разбросанным

по разным континентам.

Потихоньку я стала узнавать все больше и больше индонезийцев, запоминать имена, а они, в свою очередь, стали относиться ко мне по-дружески без попыток… ну ты понял.

За обедом я постоянно натыкалась на одного и того же мужчину с острова Суматра, и вскоре мы подружились. Его звали Дорман, ему было около сорока. Женат, с потрясающим чувством юмора. Я прозвала его «Mr. Good for sex». Пока мы пили балийский кофе вместе с суматрийцами, про что бы ни шла речь, в конце мой друг с серьезным видом повторял: «Good for sex».

– You want coffee?.. It's good for sex… Остренько! Попробуй! Good for sex!.. Хочешь сигареты? Они крепкие и сладкие! Good for sex!

Мы говорили об Убуде, спиритуальном и физическом центре острова, и выяснилось, что старенький экстрасенс и мудрец Кетут из книги «Ешь, молись, люби» – реальный персонаж. К тому моменту ему было 99 лет, и он все еще жил в Убуде и даже продолжал гадать по ладони. Я начала припадочно орать, что хочу его увидеть, и суматрийцы пообещали, что отвезут меня к нему. Дорман сказал, что один из его лучших друзей, который тоже здесь обедает, гадает по руке и обладает шестым чувством. К сожалению, я пришла, когда он уже ушел, и мне не удалось на него взглянуть.

Глава 4
Тело. Дух. Душа

Ну что, кто читал или смотрел «Ешь, молись, люби»? Дорман был человеком слова. Пообещал отвезти меня к Кетуту – отвез. Он заехал за мной утром на байке, предварительно раздобыв для меня шлем – без него на главные дороги выезжать нельзя, оштрафуют. Как только мы выехали из города, пейзаж стал меняться… Пальмовые леса, поля, на которых в треугольных шляпах трудятся балийцы, множество храмов, памятников огромных размеров, изображающих Будду, слонов, драконов и странных полулюдей с круглыми глазами и какими-то предметами в руках. С перерывом на ледяную воду из магазина, которая была просто прекрасна после палящего солнца и загазованного воздуха, мы наконец-то свернули в деревушку и затормозили. Зашли во двор – в целом абсолютно такой же, как и в фильме. Кетут сидел на веранде одного из домов, держа за руку молодую китаянку. На пороге домика напротив стояли улыбчивые американцы азиатской наружности, они ждали свою подругу. Мы поболтали о путешествиях, я рассказала им, что поколесила по Америке, и мы стали обсуждать разные города и штаты. Через какое-то время я не выдержала:

– Что Кетут рассказывает? Он что-то про вас угадал?

Они замялись, заулыбались и сказали, что я узнаю сама и они не хотят портить впечатление. Я всегда боялась ясновидящих и хиромантов. Линия жизни на моей левой руке обрывается посередине, и подсознательно я боялась, что в будущем случится какая-нибудь дрянь. Девочка поклонилась старику и направилась к нам. Дорман подошел к Кетуту и стал говорить с ним на индонезийском. Они уже встречались прежде. Переговорив, он позвал меня жестом, я взяла рюкзак, выдохнула и пошла. Мы сели на пол веранды.

– Нужно дать ему двести пятьдесят рупий…

Я удивилась. Изначально Дорман говорил, что Кетут работает за пожертвования. Такая сумма явно не входила в мой предел «пожертвования», но отказываться было уже поздно. Я отсчитала пять купюр по пятьдесят рупий, передала Дорману, а он – Кетуту. Тот, улыбаясь, кивнул, пересчитал и положил их в ящик, стоящий рядом. Маленький, с двумя оставшимися зубами и мохнатыми бровями, он сидел в позе лотоса, укутанный в желтую тунику. Глаза его были как будто покрыты голубоватой пленкой, как бывает у слепых. С минут десять они разговаривали с Дорманом

на своем языке. Кетут смеялся, периодически брал меня за руку, не глядя в мою сторону, мял ее и снова отпускал. Наконец его внимание было обращено на меня. Дорман остался сидеть рядом. Кетут попросил меня отодвинуться, потом придвинуться обратно, затем спросил, говорю ли я на английском. Я кивнула.

– Покажи мне свои уши.

Я убрала волосы за уши и наклонилась ближе.

Дальше последовала странная и как будто выученная речь:

– Вижу твои уши, вижу твой нос. Я вижу твои ууши. Я вижу твой ноос. Очень рад тебя проверять. Я вижу твои щеки. Очень рад тебя проверять. Твои ямочкиии. Я вижу твои брооови. Очень симпатичная. Симпатичная. Очень рад тебя проверять.

Далее с минуту он молчал, будто ожидая моей реакции. Потом взялся за руки.

– Долгая жизнь… ты проживешь сотню лет. Очень везучая. Эта линия говорит, что ты нетерпеливая. Понимаешь? Нетерпеливая. Но ооочень симпатичная.

И снова замолчал. Я в нетерпении спросила, есть ли что-нибудь плохое, а потом ткнула пальцем на прерывающуюся линию. Кетут первый раз вгляделся в мою ладонь.

– Ты проживешь сотню лет. Дооолгая жизнь. Очень счастливая. Очень везучая. Очень симпатичная.

Я была в недоумении. Большей банальности и придумать было сложно.

– Вы правда думаете, что я проживу сто лет?

– Yeeeees… Мне очень радостно, что я могу тебе все рассказать. Вижу эту линию. Говорит, что ты нетерпеливая. Понимаешь, нетерпелииивая?

Дорман начал разъяснять мне слово «нетерпеливый», как будто я не знала его значения.

Я спросила, видит ли он мое прошлое. Он с удивлением посмотрел на Дормана, тот перевел, и Кетут ответил, что нет. Я спросила, может ли он сказать обо мне что-то определенное, на что Кетут так изумился, как будто все уже давно было сказано. Я не знала, за что зацепиться:

– Выйду ли я замуж?

– Замуж? Да, конечно.

– Можешь ли сказать, во сколько?

– В 40. Make me happy to check you.

– 40?!

– Даааaa.

– Уверен? Серьезно?

Кетут опять с непониманием посмотрел на Дормана. Тот что-то сказал ему на индонезийском.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

– Make me happy to check yooooou. Ты выйдешь замуж в двадцать пяяять…

Я в изумлении переспросила Дормана, что это было. Кетут ответил ему, что он перепутал числа.

И в том же духе. Потом он попросил меня повернуться к нему спиной, отодвинул воротник платья с шеи и сказал, что у меня внутри лотосы и что все мужчины чувствуют мой запах и понимают, что я красивая. И снова добавил эту глупую фразу «makes me happy to check you». Потом он стал изучать мои колени, сказал, что они сильные, из чего сделал вывод, что я то ли не ломала ноги, то ли не сломаю. Я переспросила про другие части тела, но ответ не последовал. Он повторял про лотосы, про сто лет и про то, что у меня очень много удачи.

Раздосадованная, я заявила, что он говорит так каждому.

– Нееет! До этого женщины не были удачливыми. В них не было цветов. Ты первая такая.

Тут подошли новые люди, 99-летний Кетут устремил свое внимание на них, протянул нам свои визитки, как после приема у дорогого психолога, и сказал, что на этом все.

Мы распрощались и ушли. Дорман был солидарен с моим мнением насчет того, что только что произошло: bullshit. Ах, совсем забыла. Еще я very smart. Кетут повторил это раз десять, как и все остальные незамысловатые предсказания.

Мы поехали в ближайший ресторан попить кофе, засиделись до вечера, и возвращаться домой пришлось под дождем. Дождь хлестал в лицо, и я с полчаса ехала с закрытыми глазами. Я сказала Дорману, что мне нужно скорей домой, но мы оба не ели с утра, и он настоял на том, чтобы заехать в фудкорт.

Там среди прочих местных был тот самый друг, который, по словам Дормана, умеет читать по ладони и обладает экстрасенсорными способностями. В надежде реабилитировать бессмысленную поездку в Убуд, Дорман подошел поговорить с другом, а мне сказал сесть в соседнее кафе, где никого не было, и ждать там. В итоге спустя минут десять он пришел сам и пожаловался, что друг стесняется и не хочет идти.

– Тебе придется попросить его самой.

– Что я буду его мучить? Если он не хочет, не заставлять же его.

– Да он стесняется! Подойди, назови его по имени и попроси.

– Ладно. Как его зовут?

Маленький человечек с высоким лбом и необычными чертами лица сидел за столом с другими балийцами и делал вид, что нас

не замечает. Я подошла к столу и встала так близко, что не заметить меня было невозможно. Однако загадочный человек по-прежнему не смотрел в мою сторону. Тогда я дотронулась до его плеча рукой и жалобно назвала по имени. Все за столом знали, что происходит, не выдержали и расхохотались. Человек сразу изменился в лице, заулыбался, пристально посмотрел на меня и спросил:

– Почему ты в это веришь?

– Ты мне скажи.

Все опять засмеялись. Дорман подпихнул мне стул, я села и положила обе руки на стол, как кладут бумагу в суде с признанием. От страха пальцы начали трястись. Он стал разглядывать мои ладони и пальцы с обеих сторон. Когда повернул к себе правую, охнул в изумлении и опять рассмеялся. Я ждала вердикта.

– Ты коллекционируешь все необычное. У тебя необычные коллекции вещей.

Проверять его на вшивость мне не хотелось, и я решила отвечать на все, что он говорит, прямо:

– Я собираю билеты. У меня большая коробка всех видов билетов из разных стран.

Он одобрительно закачал головой и продолжил изучать мои руки.

– Ты еще не определилась с тем, чего хочешь. Твой путь не проложен. Ты не вкладываешь весь потенциал. Не используешь до конца свои способности.

Я попыталась было спорить, не сразу поняв, что именно он имеет в виду. Он плохо говорил по-английски, и половину мне переводил Дорман.

Там, в маленьком ресторанчике, при тусклом свете одной лампочки, посреди океана, в окружении индонезийцев и мух, творилось волшебство. Это было потрясающе. Он угадал все мои «больные места». Рассказал про мою семью, про мой характер. Объяснил, что на руках у нас то, что и в голове. Наше прошлое и наши намерения отпечатываются на ладонях. Посмотрев на оборванную линию, сказал, что в 30–32 должно произойти что-то, что изменит ход моей жизни, но и это зависит от моих же действий. Сказал, что я действительно очень удачлива и что люди в моем окружении находятся в безопасности. Я переспросила, не случится ли со мной что-нибудь плохое за то, что мне так во всем фартит, как расплата за незаслуженную халяву. Он долго не понимал суть моего вопроса, и я стала изображать руками «рыбку», как бы увиливающую от проблем. Он замотал головой и сказал, что такого не бывает. Не бывает никакой расплаты за

счастье, и если мне так везет, значит, я уже в прошлой жизни была хорошим человеком и расплачиваться не за что. Сказал, что я светлая. Что люди чувствуют это и тянутся ко мне. Еще этот интересный человек рассказал мне немного про суть жизни, как он ее видит… а может, и какая она есть на самом деле:

– Мы состоим из трех частей: тела, духа и души. Наше тело здесь. Наши дух и душа возвращаются к Богу. Они бессмертны. Прочитай Библию и найдешь путь.

Балиец говорит мне о Библии! Что-о-о? В целом у нас был интереснейший разговор. Я делилась с ним своими мыслями и соображениями, а он описывал мне свое видение мира. Я почувствовала себя невероятно воодушевленной. Как будто Вселенная похлопала меня по плечу и сказала: «Продолжай в том же духе. Нормалды». Мне не давало покоя, что он такого увидел на моей правой руке, что заставило его рассмеяться. Я спросила его дважды, он промолчал. На третий раз он ткнул на часть моей ладони между большим пальцем и линией жизни и сказал:

– Видишь, сколько полосок? Мы называем эту часть «горой любви». В тебе очень много любви. Ко всем. Я еще такого у женщин не видел. И влюбляешься ты легко. Будешь хорошей матерью. Ты, главное, не бойся.

Потом он разошелся и сказал еще парочку совсем личных вещей, отчего я побагровела. С твоего позволения, об этой части умолчу.

Глава 5
Беззаботные боги

Между тем мое обучение серфингу продолжалось.

Первый урок «зеленых» волн начинался в 6.40. Всю ночь я была в таком предвкушении, что в итоге, раз десять отряхнув простыню от песка, раз сто перевернувшись и несчитаное количество раз выругавшись, так и не уснула. Вернее, я поспала примерно двадцать минут, пока мне на руку не заполз кто-то огромный и черный. Как только я дернулась, он убежал за кровать, и мои попытки найти незваного гостя, чтоб его, не увенчались успехом.

И еще одна пикантная деталь, тревожащая мой сон…

Жизнь в маленьком отельчике на райских островах походит на существование в придорожном мотеле с комнатами на час, и это презабавнейший опыт. Наверное, Бог наказывает меня за Алушту, когда мы с Антоном не давали спать никому вокруг.

Конечно, теплый воздух, лазурные волны, белый песок и пальмы манят сюда влюбленных голубков со всех холодных городов нашего бренного мира. И, естественно, большинство приезжает сюда не так надолго, как я. Иными словами, мои соседи с обеих сторон (три номера слева и два справа) чуть ли не каждый день меняются. Я узнала много нового о любви, дружище!.. На всех языках. Каждая ночь в ожидании, когда интернациональные крики и стоны сменятся звуком включающегося душа, открывающейся двери и чиркающей зажигалки. Как после такого не покурить. «Людям так нравится делать новых людей»[29]… А мне не остается ничего, кроме как быть невольным слушателем (хорошо, не зрителем) в первом ряду. Иногда даже начинаешь болеть, сопереживать. Стараются же все-таки! Вчера ночью, например, у меня был бесплатный урок итальянского. Ребята на слова не скупились.

Но мы отошли от темы.

В школе нас встретил новый инструктор, Олег. Очередной пепельный блондин, спокойный как буддистская корова. Урок проходил на пляже. Как же это потрясающе – после занудных занятий в школе и институте, когда в голове только и крутились строчки «мы маленькие дети, нам хочется гулять» и «we don't need no education», учиться чему-то, что ты действительно мечтаешь уметь.

– Сначала давайте просто посмотрим на океан. На волны и на то, как они образуются. Видите, волна идет одной прямой

линией, а потом в одном месте начинает закрываться. Это называется шапка. От шапки волны делятся на левую и правую.

– А где какая? Считая со стороны пляжа или океана?

– Нет никакого или! Лево и право только одно! – Олег так возмутился, будто я задела что-то сокровенное. – Едем мы либо по правой стороне, либо по левой. И вот она уже закрывается…

К моему изумлению, урок изобиловал приличным количеством терминов, измерений и понятий, о которых я даже не догадывалась. Как правильно сидеть на доске, как определять волну, что делать в случае аута, то есть когда на тебя идет слишком большая волна.

Мы переоделись и попытались прорваться вперед через пену. Уплыли довольно далеко. Последние гребки я делала из последних сил. А теперь моя маленькая гордость. У меня все получилось с первого раза, и чувство это было несравнимо ни с чем.

– Идет хорошая волна… Попробуем? Готова? Нос прямо! Начинай грести!

Уставившись на определенную пальму, чтобы случайно не опустить взгляд на доску и не завалиться, я начала остервенело грести, и тут произошло чудо. Я взлетела. Взлетела на высоту собственного роста над уровнем океана, по которому только что гребла. Это чувство было настолько новым, безумным и неописуемым, что если б я не сосредоточилась на технике, то сразу бы улетела вместе с доской в разные стороны. Но мне удалось вовремя повернуть и поехать вдоль волны. От удивления и восхищения я не могла дышать. И когда я почувствовала, что волна идет на убыль, красиво свернула обратно к лайн-апу, чтобы потом не выгребать из пены. Словом, я сделала все по красе! Я одолела волну! Первый из примерно ста семидесяти пунктов в моем огромном списке дел на жизнь.

Я была на седьмом небе от счастья после окончания урока. Сдала доску и, радостная и уставшая, решила пойти мальца позагорать. Разместилась специально рядом с Surf Rescue, ребятками под зонтиком с той самой доской, на которой меня уже один раз спасли, и отправилась поплавать.

Тут необходимо сделать одно отступление. Расскажу о том, как я шла к своей балийской мечте. Прошло уже три года, как я подписалась на все новости Бали, несколько серфшкол, и, конечно, не обошлось без того, чтоб наткнуться на пару-тройку интересных людей, уже переехавших на Бали и «оседлавших» доски. Среди них я выбрала себе любимчика. Д – девушку, день рождения которой отличался от моего на один день, а мировоззрение и взгляды на жизнь, судя по ее странице, были

мне невероятно близки. Успев сыграть не одну роль в Большом театре, она в какой-то момент бросила все, сорвалась и улетела жить сюда. Ведя свою холодную маршрутно-метровую жизнь в Москве, я периодически вспоминала про Вику Кершис и следила за ее путешествиями. Так я создала себе первого в жизни кумира. Пока я проводила лето за летом в Америке, а зиму за зимой в институте, Вика успела стать инструктором по серфингу и облетела весь мир. От Окленда до Таити, от Южной Америки до Кубы. Когда приближалось наконец и мое время долететь до первого в моей жизни острова, я рискнула и написала ей, решив посоветоваться по поводу всяких мелочей. На мое удивление, она ответила на все вопросы. Хотя и была уже где-то далеко от Бали и возвращаться, по ее словам, в ближайшее время не собиралась…

Так вот, захожу я в океан, думаю, эх, увидеть бы сейчас хоть одно знакомое лицо, разделить бы с кем-то радость просто быть здесь. Это же океан, мать его, едрить-колотить! Слева от меня трое ребят только учатся кататься, а рядом прыгает девушка в больших солнечных очках, явно имеющая к ним отношение. «Неужели она инструктор? Значит, все-таки бывают инструкторы-девушки, надо же», – подумала я. И тут меня осенило. И похожа же, очень похожа. Как маленький ребенок, увидевший Санта-Клауса или Деда Мороза, я ринулась к ним, пытаясь разглядеть за очками черты ее лица. Когда я таки почти добралась до ребят, девушка обратила на меня внимание:

– Вика?? Ты Вика??

– Насколько себя помню…

Представляю, как это выглядело со стороны. Рискуя показаться маньяком, я начала орать что-то вроде: «Ты живая?! Аааа!! Как я счастлива!! Я твой кумир-фанат!!»

Все-таки это удивительно, когда человек, которого ты видел только на фотографиях, вдруг приобретает голос, чувство юмора и физическую оболочку. Но Вика была занята уроком, и мы условились, что встретимся когда-нибудь позже.

Глава 6
Somewhere new [30]

Прошел уже месяц с тех пор, как я жила на острове. За это время у меня появился один приятель из России, но и ему было пора домой. Когда он упаковывал вещи, я даже немножко позавидовала. Вспомнились все маленькие московские улочки, снег, уютные кафешки, кинотеатры, куда забиваются замерзшие москвичи, лишь бы перекинуться парой слов с друзьями. А еще фонари, освещающие заснеженные улицы оранжевым тусклым светом. Разве не под такими фонарями, среди кружащих в морозном воздухе снежинок происходит вся романтика? Вместе с этим парнем я передала в Москву шкатулку Антону. Это была старинная резная шкатулка, на которую я разорилась на рынке. Внутрь я положила ракушки, белого песка, фенечку, брелок с самолетом и письмо. Мы переписывались почти каждый день, и хотя я и пыталась сильно не привязываться и не скучать по нему, каждую ночь я обнимала его кофту, засыпала, уткнувшись в нее лицом, и даже не думала помышлять о других мужчинах. Ни один из нас никак не ожидал такого развития событий, но расстояние только сблизило нас.

«Я хочу прожить с тобой бесконечное количество событий, хороших и плохих. И все еще раз повторить», – писал он мне и слал свои любимые песни «Пинк Флойд».

На Бали пришел сезон дождей. Дожди в тропиках выглядят совсем не так, как в России. Дождь начинается внезапно и сразу стеной. Поэтому на Бали очень высокие бордюры, которые не позволяют воде заполнить все, а на дороге оставляют дыры, работающие в такой момент как водосток, в которые легко провалиться ногой, если не заметить.

Между тем я почти окончательно лишилась интересных людей, как бы странно это ни звучало. Большинство все-таки приезжает сюда, чтобы сгореть, напиться, сгонять на пару экскурсий и уехать. Через месяц разговоры в стиле «Hello! What's your name? Where you from? Как долго останешься на Бали? Когда домой?» начинают надоедать. Да и смысла нет знакомиться, когда человек скоро уедет. Иными словами, я начала насыщаться одноразовыми незнакомцами, мне захотелось завести друзей. А поскольку сила мысли на Бали творит что угодно, молитвы мои были услышаны, и боги острова послали мне друзей.

Первого звали Саша. Сашке был тридцатник, но выглядел он на двадцать от силы. Высокий, худющий, с длинными волосами и

смешной бородкой. Вечно в растянутой майке и хлопковых штанишках, весь такой в этностиле – чтобы удобно и свободно.

«Помню, как я приехал домой после путешествий по Индии. Натянул на себя старые обтягивающие джинсы, снял и выбросил. Не понимаю, зачем все это надо…» – рассказывал он.

Этот парень давно словил дзен и обладал отличным чувством юмора. Я давно так искренне не смеялась. Он очень монотонно говорит, и из-за этого любые его шутки звучат как мысли вслух. Сам он из какого-то маленького городка рядом с Краснодаром. Он жил в дороге уже много лет, подрабатывая дизайнером на удаленке. В целом мы были довольно разными людьми. Несмотря на все саморазвитие, я явно ощущала, что он пресытился жизнью, в то время как мне еще все было в максимальный кайф.

Вторым моим другом стал австралиец по имени Бен. Бен – серфер с большой буквы, катается с тех пор, как первый молочный выпал. Он встает в пять утра каждый день и успевает кататься два раза, утром и вечером. Ему 43 года, а выглядит он при этом на 30. Комната Бена увешана постерами с фильмом «Челюсти» (он говорит, что нужно смотреть страху в глаза, а ведь акула – главный страх серфера), девушками в бикини и фотографиями его, рассекающего через водные туннели. На одной из фотографий он, совсем молодой, сидит среди какого-то племени у костра.

Главное в Бене одно: чувство юмора. С большой буквы, соответственно. Его шутки нужно записывать и продавать комикам. Некоторые из них, конечно, не просто пошлые, а отвратно пошлые, как, например, одна, связанная с ниткой от тампона и использованием медицинского термина «numb» в переделанном смысле. Не буду вдаваться в подробности в целях цензуры. Суть в том, что не смеяться при этом просто невозможно!

В день знакомства, расхрабрившись от виски, мы прыгали с каменного двухметрового забора в бассейн на спор, под общее ликование и свисты, кто спустив штаны, кто скинув в бассейн верх купальника. Исполняли в воде пируэты, один показывает – другие должны без ошибок повторить… Задерживали дыхание под водой на время. Мы с Беном оба продержались ровно две минуты, чему он был очень удивлен, а потом пожал мне руку и вынес вердикт: «I’m impressed».

Очередной забавный факт: половина индонезийцев не умеет плавать. Без комментариев. Парадокс в чистом виде. А еще они отбеливают кожу. Все кремы с отбеливателем. Даже на байках ездят в перчатках и куртках, лишь бы не стать на тон темнее. Как сказала бы Элеонор: «Люди, они такие люди…»

Пока мы отчаянно пытаемся каждое лето и зиму загореть, они, понимаешь ли, отбеливают кожу. Почему люди не умеют просто ценить себя такими, какие они есть?

Бен был закоренелым холостяком и большим любителем женщин. В тот вечер он пожаловался:

– Нарассказывали мне тут про самых красивых девушек в Индонезии в одном маленьком городке. Как богини, говорят, все до одной. Я не выдержал, поехал в тот городок – интересно же посмотреть на самых красивых девушек… Девушки как девушки, никакой разницы. Единственное – что они там белее, потому что погода вечно плохая. И тут меня осенило! В этом-то и вся красота предполагалась! They are just whiter, man!

Вечер закончился тем, что не умеющей плавать девочке-балийке свело ногу в воде и мы все ее отчаянно пытались спасти. Поскольку бассейн глубокий, а девочка в два раза больше меня, задача была не из легких. Пока она истерично кричала, я держала ее на руках, периодически уходя под воду, а Бен безуспешно крутил ее ногу во все стороны. В конце концов к делу присоединилась вся компания, и нога была спасена. Провоняв хлоркой, я вернулась домой поздно ночью и уснула довольная и счастливая.

В один прекрасный день, наслушавшись очередных «Что?! Ты полтора месяца на Бали и не умеешь водить байк?!», я плюнула на страхи, внутренние дешевые отмазки и откладывание неизбежного, пошла и взяла себе отличного белого с золотым, совсем еще новенького красавчика! Honda, детка. Учили меня ровно минуту, после чего, поставив в плеере «I will survive», я вынеслась на дорогу и рассекала по Куте еще пару часов. Два раза вылетела под машину на повороте, пару раз чуть не снесла боковое зеркало и один раз просто аккуратненько легла на дорогу, положив на себя байк. А в остальном, прекрасная маркиза, все зашибись! Вскоре я взяла себе собственный байк и заклеила его наклейками. По-другому в этом море байков всего острова свой найти невозможно.

На пару дней я слетала в Малайзию, но тратить твое время на свой рассказ не буду – скажу только, что никогда не пойму мусульманскую культуру и никогда не перестану гладить собак!

Глава 7
Feel

Вернувшись на Бали, я переехала жить в homestay Бена с бассейном и горячей водой, о котором мечтала. Мы с Сашкой выбили себе по комнате. Теперь моими соседями были они с Беном. Месяц жизни на Бали был далеко за плечами, а значит, и для меня, и для Саши пришло время получать балийские поцелуи. Ах да. Еще один закон этого острова. Если ты прожил здесь месяц, нужно было заплатить госпошлину богам. Потому что ты, приятель, что-то задержался в раю. Чем ты его заслужил и что готов заплатить? Так вот, платят за это не чем иным, как кровью, а именно шрамами. Отсюда пошла поговорка «Bali kisses».

Моя первая авария была слишком нелепа, чтобы ее описывать. Местная леди врубилась в меня сзади, выехав на дорогу и, видимо, не заметив меня. Потершись о мой байк справа, пока я пыталась удержать равновесие, она таки затормозила – прямо перед моим носом. Чтобы не убить ее на фиг, я резко свернула вправо и распласталась вместе с байком прямо перед колесами проезжавшей машины. Все это, как обычно, произошло секунд за пять, и, лежа на асфальте в непонятках, я начала искать глазами девушку, чтобы проверить, в порядке ли она. Встретилась взглядом я с ней на секунду. Она перекинула сумочку через плечо и испарилась. А я осталась с полностью стертыми об асфальт ногами и рукой. Что я выучила о ранах на Бали – лучше колотая, чем стертая: из-за высокой влажности раны не заживают вообще. С каждым попаданием воды на рану корка размокает и отваливается, а сама рана становится только глубже. А это означало, что в течение следующих трех недель я не смогу не только серфить и плавать в бассейне, но и нормально мыться. С тоской я наблюдала, как Сашка с Беном уходят каждое утро серфить без меня. Пока раны заживали, я навещала знакомую, которая перебралась жить в Убуд. Она сняла себе огромную виллу с прислугой в самом центре острова за 400 долларов. Смешно, правда? Когда я возвращалась от нее, копы решили устроить на трассе стандартную облаву. Если ты местный, то знаешь: все, что нужно сделать, – отдать им пятьдесят рупий, то есть пять долларов, и они отстанут. На Бали все измеряется «наси-горенгами» – жареным рисом с овощами. Он стоит 25 рупий. От этого можно плясать, распознавая, насколько что дорого. Так вот, я не готова была отдать два наси-горенга копу – тогда на счету была каждая копейка. Поэтому, когда один из копов махнул мне

палкой на трассе, я вдарила по газам, сделав вид, что не заметила его. Обычно это прокатывало, но, к сожалению, не в тот раз. Он тут же сообщил по рации остальным, что я сбежала. И следующий стоящий на трассе мент просто выбежал на дорогу прямо мне под колеса. Пришлось резко затормозить, чтобы не сбить его. Как только я остановилась, он толкнул мой байк в сторону – видимо, для того, чтобы я точно не сбежала. Байк рухнул на мою левую ногу, и она стала ободрана симметрично правой. Это значило, что мой серфинг опять плакал. Мне было настолько обидно, что я стала орать и плакать. Попутно я изобразила, что вообще не знаю английского. Ошарашенный коп, увидев, что нога содрана так, что даже шлепка порвалась, моментально меня отпустил.

Когда все мои раны наконец зажили, настало Сашино время платить дань. На Бали тем временем начался штормовой сезон, и серфить было практически негде. Мы с Беном погнали на одну сторону острова, а Сашка решил проверить другую. Он поехал на спот, где много скал. В итоге, когда мы приехали обратно домой, мне навстречу бежала работница хомстея с криком: «Рум намбер ту! Рум намбер ту!» А это была Сашина комната. Я забегаю в комнату и вижу картину: прямо под моими ногами лежат окровавленные драные шорты, а сам Сашка, голый, со снятой со спины кожей, лежит в кристально-белых простынях, покрытых пятнами крови, и… смотрит сериал.

– Что произошло?!

– Это так тупо, что я даже не хочу объяснять… Я стоял на берегу, чекал волны. И меня просто снесло. А там же каменное дно и скалы. Ну, меня и протащило по ним смачненько, как следует. Я еле выгреб. Майку сразу порвало в клочья, шорты успел схватить рукой. В итоге ехал домой, блядь, голый, укрывшись шортами как набедренной повязкой.

– Ладно, ясно. Будем говорить, что ты спасал утопающего ребенка. А почему ты в больницу не поехал?

– Так а че они сделают? Само зарастет.

Бен зашел, посмеялся над всей этой историей и притащил какую-то полулегальную мазь из детской плаценты. Стремная штука. В считаные минуты она покрывала раны тонким слоем новой кожи. В целом гениально, но был один нюанс: новая кожа быстро загорала, и на теле могло навсегда остаться темное пятно.

За тот месяц мы с Беном очень сблизились. Я поражалась его энергетике. Каждое утро он вставал в шесть утра и уезжал кататься, каждый вечер я встречала его в обществе новой экзотической красотки. Он танцевал как черт, шутил как старый хулиган и жил, как будто ему вообще не надо будет умирать. За свою жизнь Бен переспал, по меньшей мере, с тремя сотнями

женщин. Он не отказывал себе в удовольствиях жизни. Как-то, лежа на шезлонге и глядя на звезды, он поведал мне свою философию:

– Чтобы быть счастливым, нужно жить по очень простому закону. Пробуй все. То, что тебе не понравилось, отпускай. Что понравилось, развивай, и постепенно в твоей жизни останется только хорошее. Я пробовал все. Я пробовал героин – мне не понравилось. Я пробовал отношения – мне не понравилось. Я пробовал серфинг – мне понравилось.

– Ты пробовал героин? Серьезно?

– Вполне. У меня была знакомая, которая сидела на игле, и как-то мне стало любопытно, на что она сливает все свои деньги, что приводит ее в такой экстаз… И я попробовал.

– Мне казалось, он вызывает моментальное привыкание.

– Не знаю, я попробовал один раз, и мне больше не хотелось. Если честно, я вообще не понял, в чем прикол. Меня просто расслабило, а потом захотелось спать.

– А отношения?

– А что отношения? Их я тоже пробовал. И мне тоже не понравилось. В конечном счете все друг другу надоедают и остаются вместе из-за обязательств. А дальше измены, вранье… Это все уже не по-настоящему. А вот Аннабель, с которой я тебя завтра познакомлю… С ней мы танцуем по-настоящему. И разговариваем по-настоящему. Потому что знаем, что ничего друг другу не должны. Все мои друзья женаты, ни один из них не волен делать, что он хочет. Теперь им стыдно за собственные мечты и желания.

– Сколько длились твои самые долгие отношения?

– Год.

– И почему они закончились?

– Я предпочел отношениям путешествия. Понимаешь, для того чтобы создавать семью, нужно остановиться, жить по заданной траектории, взять ипотеку, купить дом, застрять на одной работе, в одном городе на всю жизнь. Первое время девушки путешествовали со мной, терпели то, что мне вечно всего мало, что я хочу жить ярко, на полную катушку. Они любили меня и подстраивались. Но рано или поздно все они хотят одного: семью. А я не мог остановиться. Я все еще не могу остановиться.

С минуту он молчал, а потом добавил:

– Погоди, я кое-что тебе поставлю.

Он зашел в свою комнату, и из нее заиграла песня Робина Уильямса «Feel».

– Послушай слова… – сказал он и стал тихо подпевать.

Мне никогда не нравилась эта песня, но теперь я действительно обратила внимание на ее текст.

– Запомни эту песню. Это моя песня. Она объясняет меня. Я просто хочу чувствовать настоящую любовь. – Бен посмотрел на меня с улыбкой, и его глаза заблестели.

Через месяц мы навсегда расстанемся, но он продолжит жить во мне, и я заражусь той же болезнью. Я разучусь останавливаться.

Вскоре нас обоих навестили наши близкие друзья. Ко мне прилетела Аллкаш, а к нему – приятель из Новой Зеландии, Лез. Лез был человеком с очень примечательной историей жизни. Его детство прошло в маленьком поселении, где всё решалось кулаками. Каждый день он бегал четыре километра до школы, но образование там давали слабое, он даже не научился правильно писать. Мальчика воспитывали улицы. И уже в молодости он возил тонны (и под этим словом я имею в виду тонны) кокаина на корабле через океан. Он заработал состояние к тому времени, когда их все-таки арестовали. Не знаю как, но, отсидев свое в тюрьме, он умудрился спрятать свой доход и после выхода остался миллионером.

Бали научил меня одной важной вещи: перестать судить. Это не так-то просто, как кажется. Мы судим всех и вся каждый день, сами того не замечая. Пытаемся всем внушить то, что внушили нам. Навязать свою религию, свои истины. «Куда твоя подруга опять поперлась? Что она на этот раз там забыла? Нашла с кого пример брать!»

Я давно поняла, что никакого возраста нет. Его не существует. Мы живем уже столько жизней, что разница в 10, 20, 30, 40 лет не играет никакой роли. Можно носиться как заведенный апельсин в 45 и тонуть в унынии и пресыщенности в 14. Лишь опыт и последовательность событий – вот все, что нас отличает друг от друга. Ты можешь создать семью в двадцать и путешествовать в сорок, а можешь наоборот. Периоды и фазы меняются местами, но смысл остается прежним. Все мы просто идем домой.

Он открыл свою серф-фабрику в Индонезии и строительную компанию. В Новой Зеландии у него был огромный дом на самом берегу океана, куда он звал меня в гости. Он гордо демонстрировал мне фотографии своей ванны на обрыве и миску с травой, которая всегда стоит на столе, когда гости приходят на ужин. Лезу было пятьдесят с хвостиком, при этом он держал себя в прекрасной спортивной форме и каждое утро уезжал кататься на доске. Вокруг него вечно вились сексуальные азиаточки.

Я уважала его за осознанный выбор пути и не сходящую с

лица улыбку. Он наслаждался жизнью, и ему было совершенно плевать, что о нем подумают другие. Как-то раз, сидя у бассейна, он сказал мне один комплимент, который въелся в мою память на всю жизнь:

– You're the face in the crowd, Dasha.

– The face in the crowd?

– Это такое выражение. Представь, что ты стоишь на сцене, на концерте, и смотришь в толпу… А там сотни, может быть, тысячи людей. Все они кричат, смеются. Но ты не можешь смотреть сразу на всех. Твой взгляд остановится в какой-то момент и выловит одно лицо. На него ты и будешь ориентироваться при выступлении. Ему ты будешь петь или рассказывать свою историю. Так вот ты то лицо, на котором остановится взгляд, Даша. Ты лицо в толпе.

Я и по сей день считаю это одним из лучших комплиментов в моей жизни. Не знаю, почему я так ярко его запомнила. Наверное, потому, что в его глазах была вера в меня. А когда в тебя верит незнакомец, ты тоже начинаешь верить в себя.

Мы исследовали с Аллкаш все места, где я еще не успела побывать, набили себе одинаковые татуировки на ноге, и вскоре она вернулась в холодную Москву. А на смену ей в моей жизни появился настоящий подарок. Я встретила девушку своей мечты. Ее звали Мими. Мими обладала какими-то чарами. Не знаю, как по-другому объяснить феномен ее очарования. Внешностью она была похожа на Анджелину Джоли, только красивее, а голосом на Мэрилин Монро, только слаще. Особый шарм ей придавали татуировки. Я не могла себе представить, как полностью забитая рука может смотреться так сказочно и сексуально на женщине. Среди затонувших кораблей по ней плыла обнаженная русалка в розах, на ноге красовался банан Энди Уорхола, а по шее к гнезду летели три ласточки в знак трех ушедших из жизни близких. Мими была художницей. Она создавала совершенно невероятные миры, рисуя не только на бумаге, но и на дереве, и на стенах отеля, на пузике щенка, живущего на нашей территории, на сигаретах, листьях и на себе самой. Мими видела красоту во всем и каждом, и люди в ее обществе преображались. К моменту, когда наши с ней пути пересеклись, Мими жила на Бали уже два месяца и успела впутаться в любовную историю, из-за которой теперь переживала. Она переехала жить в наш хомстей вместе со своей подругой Ингой, которая прекрасно ее дополняла. Инга была ответственной за безумие в нашей компании. С ней можно было говорить о параллельных мирах, выходе в астрал и самых разных религиях мира. Худая, высокая, с короткими волосами, острым носом и выразительными глазами, которыми она всегда смотрела

предельно пристально и как бы исподлобья, она напоминала мне хищную птицу. Притом что ей было тридцать шесть, она относилась к тому сорту девушек, которые в любом возрасте выглядят как студентки. Лишь постоянная забота о питании и о том, чтобы на лицо ни в коем случае не попадали лучи солнца («загар вызывает преждевременное старение»), выдавала ее.

Так весь наш хостел постепенно превратился в маленькую коммуну. Сашка, Бен и три девчонки. Все мы к этому моменту были довольно осознанными ребятами. Днем мы занимались каждый своим. Я каталась на серфе с Беном, писала истории и учила Мими английскому взамен на марихуану. Инга изучала очередную религию и дивилась всему, что здесь происходит, Мими рисовала и повторяла неправильные глаголы, аскетичный Сашка зависал голым в туалете своего номера (там была хорошая акустика) и дул в свой огромный диджериду. А по вечерам мы закатывали разговоры о параллельных мирах, выходе из тела, духах, шизофрении и слушали Вадима Демчога. Мы давно забыли о том, что такое обувь. Оставляя шлепки где-нибудь на пляже, мы больше не торопились купить новые. Слушали Боба Марли и так оборзели, что делали «мокрый» прямо в бассейне, хотя на Бали за держание марихуаны грозит смертная казнь. Мы были предельно далеки от февральской зимы и всего остального мира.

Однажды, покуривая сладкие, потрескивающие во время горения сигареты с гвоздикой, мы с Мими наслаждались очередной теплой и нежной ночью в раю. Каждый вечер здесь проходили вечеринки с десятками загорелых серферов, которые только и ждали, когда мы придем. Мы официально были свободны и могли делать абсолютно все, что захотим. Но я спала в обнимку с балахоном Антона, Мими вечно рисовала тигров, символизирующих определенного мужчину, а Инга становилась очень задумчивой, когда курила сигареты. Она всматривалась в дым, будто видела в нем чье-то лицо. Все мы уехали на остров за мечтой и были очень счастливы, но беда в том, что, как только ты оказываешься в раю, сердце начинает биться в такт тому, кого ты оставил. Мы старались об этом не разговаривать, но спустя месяц выдался такой день, когда три сильные и независимые женщины вскрыли карты.

– Это так нелепо! Я уехала из Алматы, чтобы больше ни с кем не встречаться, не лить слезы и сопли. И не доехав до Бали, уже влюбилась. Мы летели через Малайзию и Сингапур, и на полпути я встретила парня, который являлся противоположностью всего, что я люблю в мужчинах! Не знаю, что со мной произошло. В итоге мы вместе приехали на Бали, но вскоре он улетел обратно в Малайзию на обучение. Сказал, что вернется, как только

закончится семестр… Я ему пишу, отправляю картины… Я рисую девушку и тигра. Он у меня ассоциируется с тигром. Такой же большой, упрямый. И опасный, и мягкий одновременно. А он, кажется, даже не понимает, что это мы. И отвечает в два слова…

– Покажешь мне свои картины?

Она кивнула и вытащила свой блокнот. Рисунки были просто потрясающие. На одном была изображена постель, на которой лежат женские трусики, а из-под одеяла торчит хвост тигра. На другой была раздевалка, и следы женских ног и кошачьих лап, уходящие за дверцу. На третьем – стиральная машина и моющийся в ней среди одежды хвост.

Инга не была исключением из нашего глупого правила тоски по оставленной любви. Она вышла из комнаты в каком-то совершенно обескураженном состоянии. Выяснилось, что безумно любящий ее человек, который живет в глуши где-то под Томском, последние несколько месяцев работал сутки напролет, чтобы накопить денег и приехать за ней.

– Он впервые за полгода вышел на связь. Сказал, что пробирается через степь пешком. А там весь город снегом замело. Снежная буря.

– Куда он пробирается?

– Он идет к автобусу до города. Оттуда утром в поезд, оттуда… похоже, в аэропорт.

– Подожди, кто вообще этот парень?

– Тот, кого я так старательно пытаюсь оставить в прошлом.

Она поведала нам о своей болезненной связи с этим «плохим мальчиком» – художником, бабником и наркоманом, – с которым никак не могла окончательно расстаться. Они сходились и расходились десятки раз, парень всячески вытирал об нее ноги: бывало, она придет к нему домой, а вся комната заблевана. На полу валяются голые девки, а он без трусов рисует на трех полотнах сразу и как ни в чем не бывало говорит: «Привет, красавица». Это был тот сорт парней, которые живут за чужой счет и каким-то образом умудряются быть кумирами для всех. «Мы любили друг друга телами боли» – так сказала Инга, но я тогда не поняла, что это значит. Моё приключение с соприкосновением телами боли только начиналось. В итоге она решила, что с этим надо кончать наверняка и что океан уж точно их разделит.

Рассказав в красках всю эту историю, Инга поставила русскую песню и стала скручивать косяк. Я видела, как ее ломает эта глупая, похожая на наркотическую зависимость любовь. Из колонок доносилось:

«Сегодня минус 27 по Цельсию,
И по дороге спешу к тебе в валенках.
А ночью снились море, пальмы, песок,
В зубах дымился косяк, в стакане манговый сок»[31].

Закинув голые загорелые ноги на соседний стул, я смотрела сквозь пальмы в небо и пыталась представить, как пробирается сейчас через степь где-то очень далеко этот влюбленный парень в валенках. Но мне не становилось холодно от этой картины – наоборот, мне было жарко. Потому что я знала, как горячо внутри бывает от сердца, которое любит. Вот так мы и жили – душою здесь, а сердцем где-то очень далеко…

* * *

Пройдет три года. И летом в Калуге я встречу исполнителя этой песни, Рому ВПР. Друзья проведут меня за сцену. В звуковом эфире из смеха и разговоров Рома будет сидеть в кругу людей в позе лотоса и умиротворенно наблюдать за каждым в компании. Я сяду рядом, аккуратно подвинув в сторону его гитару. Кто-то будет передавать по кругу косяк, а Рома предложит чаю. Я захочу сказать ему, сколько для меня и еще одной девочки значит его песня. Но пойму, что в этой шумихе мне все равно не удастся передать всего океана чувств. Поэтому я просто улыбнусь, возьму из его рук косяк, затянусь и скажу: «Привет. Меня зовут Даша».

Глава 8
Дом везде, где я с тобой

Наконец спустя два с половиной месяца ко мне прилетел Антон. Я так долго вырисовывала на табличке его имя, что опоздала в аэропорт. И пока я с табличкой в руках выглядывала его в толпе, кто-то высокий подошел ко мне сзади и закрыл глаза ладонями, прижавшись к спине твердой грудью. От ощущения, что рядом мужчина, меня как будто коротнуло. Я взяла его за руку и следующие несколько дней таскала его по острову, как ребенок по своей любимой детской площадке, рассказывая о каждом уголке и человеке. Вместе с моей образовавшейся русской диаспорой из Мими, Сашки и Инги мы отправились в путешествие по таким крохотным островам, где, если пойдешь вперед, через час окажешься на том же самом месте, настолько они были маленькими! Голубая вода, сотни кокосов и ни одной машины. Все это было раем на Земле. Объедаясь грибами, мы бегали по белому песку, как по Нетландии, находя у костров людей всех национальностей. Тут были целые племена отказавшихся от цивилизации иностранцев. Они крутили фаеры, били в барабаны и пели на неизвестных нам языках.

Следующие недели я была так счастлива, что вмиг перестала писать. Потому что теперь мне хотелось делиться своим миром только с ним, а он и так был рядом. Но две недели студенческих каникул закончились, и ему пора было улетать. А мне – принимать решение, что делать дальше.

Часть 5
Путешествие по профессиям

Глава 1
Медицина

Заметка в дневнике:

26 марта 2013

Еще секунда, и они начнут тебя давить. Будь осторожна, они любят так делать. А еще они любят свои электронные книги и газеты. И улыбаться наоборот, чтобы уголки губ вниз смотрели. Такая стекающая улыбка, как часы у Дали. И взгляды. Они прячут их в пустой задумчивости или, скорее, в отключке где-то на уровне коленок. А потом так безразлично, измученно поднимают их при виде любой яркой кофты или юбки, хоть как-то выделяющейся из этого серо-черного карнавала тоски.

Мне не хотелось возвращаться в Москву. Но моя любовь жила там и звала меня за собой. Я выдохнула, обняла свой остров и всех присутствующих на нем друзей и улетела. Антон встретил меня в аэропорту с курткой, цветами и всей любовью, какая в нем была. И я решила, что это стоит того, чтобы остаться. Только вот он был студентом, а мне пора было работать. Меня ждали Head Hunter и борьба за выживание. Привыкнув ходить босиком, раз уж шлепки потерялись, пить кокосы и встречать закаты у океана, я попала в Москву, которая предстала передо мной злым хищником, с которым вообще не хотелось иметь дела. Я с новой силой шалела от всего, что тут происходит, и решила, что раз не буду путешествовать по странам, то использую возможность путешествовать по профессиям, к тому же я хотела сломать стереотип, что переводчики не работают по профессии. Сколько раз мне говорили, что переводчик не профессия вовсе. Но это не так. Устный переводчик – все равно что шпион. Он приходит в любой бизнес, сразу оказывается в самой его сердцевине, узнает, как все работает изнутри, и уходит. Ни одна другая профессия не позволит тебе узнать то, что знает переводчик. И я решила гнаться за новыми историями, изучая миры профессий.

Первым местом, куда я пошла работать, был Европейский медицинский центр. Самая дорогая больница в России. Цены здесь были указаны в у.е. Последний раз я такое видела в телевизоре у бабушки, когда какие-то разодетые тети продавали драгоценности прямо с экрана, и бабушка завороженно смотрела на них и выбирала себе теоретическое кольцо. Понятное дело, что

она никогда не стала бы его покупать. Для того чтобы ты примерно понимал расценки этой клиники, приведу пример: прием у психолога тогда стоил 350 у. е. за час. Все знаменитости и непомерно богатые люди лечились именно здесь. Также сюда ходило и большинство иностранцев, работающих в российских компаниях, потому что компании оплачивали им страховку именно в этом центре. В клинике было множество иностранных докторов. У каждого врача были ассистенты, и каждый ассистент был по совместительству переводчиком. Но до этого еще нужно было дослужиться. А сначала ты попадал на ресепшен. Я решила, что это стоящий опыт и можно попробовать.

Подготовка к работе шла месяц – с экзаменами и адовыми заданиями… Мне пришлось выучить фамилии и имена всех врачей, которые работали в трех клиниках сети, их добавочные номера телефона, специализацию каждого; систему записей клиентов «Медиалог», которой пользуются все больницы России, и прочее… А главное – пришлось уничтожить все признаки личности. Сложнее всего было срезать с рук все фенечки, вытащить пирсинг из языка, найти у мамы золотые украшения и привыкнуть к юбке-карандашу, которая так обтягивала ноги, что было сложно ходить.

«Волосы длиннее позволенной длины должны быть убраны с лица и закреплены в высокой прическе или аккуратно связаны сзади. Недопустимо носить челку ниже надбровных дуг».

Стать новым заменимым. Белая рубашка и значок. Вся моя сущность воспротивилась, чистый разум встал на дыбы, но коллективное наказало «исполнять». Нет, ты не спасаешь мир. Нет, это не дело твоей жизни. Единственный утешительный приз – карточка в банке и трудовая книжка. Я гражданин Советского Союза.

Гражданочка! Извольте. «Часы должны быть классического дизайна с отделкой из золота, серебра или никелированной стали; с кожаными ремешками черного, коричневого или темно-синего цвета; не допускается носить массивные часы с крупным циферблатом ярких цветов».

В детстве мне всегда казалось странным, когда, представляясь друг другу, люди добавляют свою должность, а иногда даже место работы. Наверное, это как-то должно их характеризовать. Жаль, но мне и в голову не придет сказать: «Здравствуйте! Я Дарья, ресепшионист».

В конце концов я разобралась, кто такой эндокринолог, а кто гастроэнтеролог… Узнала, с какими проблемами богачи идут к психологам и что юные девочки делают со своим телом у пластических хирургов ради богатых ухажеров.

Мне очень повезло, потому что за неделю из секретаря-переводчика меня перевели в ассистента-переводчика. Остальные проходили испытательный срок за три месяца. Логично, что коллеги-переводчики сразу меня возненавидели. Зарплата стала в два раза больше, а задач – в два раза меньше. Нужно было следить только за клиентами физиотерапевтов и в случаях, когда приходит иностранец, ходить на прием и переводить диалог врача и пациента. Я обожала своих врачей и постепенно вошла в режим. Каждый день я узнавала больше о том, как работает наше тело, где проходят нервные окончания, где какие мышцы, за что отвечает каждая, откуда может появиться боль и что с ней делать. К нам часто приходили клиенты, которым не смогли помочь ни в какой другой клинике, и мои врачи действительно спасали таких пациентов. Запись к ним была забита на год вперед. Я души не чаяла в своих врачах, а они во мне. Я обожала ходить на переводы к ним в приемную и часто оставалась с ними поболтать. Они рассказывали мне об удивительных опытах и показывали приемы лечения, граничащие с магией. Показывали, как тело пациента само может сообщать о проблеме. Но если я стану описывать сейчас все эти техники, моя книга никогда не закончится. А вот стоять за стойкой ресепшен было довольно скучно. На каждого из нас была наставлена камера, висящая прямо над столом. И если ты уставал сидеть с идеально прямой спиной и облокачивался на спинку кресла, тебе сразу звонили по стационарному телефону и велели выпрямиться. Поднимать руки выше линии груди при общении с клиентом было запрещено. Это считалось проявлением излишней эмоциональности. Мы также не имели права пользоваться интернетом и читать книги. Поэтому все, что оставалось делать в свободное время, – читать истории болезней клиентов, ведь у каждого работника есть полный доступ к историям болезней абсолютно всех пациентов. Смотреть фотографии того, что у человека находится в прямой кишке или куда ему только что поставили пломбу, сам понимаешь, неинтересно. Поэтому мы зачитывались историями болезней на приемах психологов и психиатров. Вот где хранилось действительно увлекательное чтиво! Одна богачка, которую я видела каждый день, например, пыталась пережить то, что ее муж трахает соседку по лестничной клетке. Другой бизнесмен не мог избавиться от желания избивать своих партнерш. Почти все проблемы на приемах у психолога были связаны с сексом, отношениями и семьей… Но моим любимым диагнозом была шизофрения… Истории шизофреников – вот непаханое поле для изучения.

Помню, как-то мы сидели с Ингой на Бали и разговаривали

на тему психиатрии… Инга изучала осознанные сновидения и рассказывала мне истории о тех, кто так далеко уходил в снах в параллельные миры, что не мог проснуться и впадал в кому. Она говорила о том, что все, что я могу себе представить, существует и что болезнь «шизофрения» придумана врачами. Что такой болезни нет. Просто некоторые люди видят то, чего не видят остальные. Ты знаешь, что единственный способ лечить шизофрению – это притуплять сознание людей таблетками? Тебя превращают в овощ – вот и все решение… Прочитав очередную историю «болезни», где женщина рассказывала, что Иисус говорит с ней, я написала заметку на эту тему и в качестве доказательства своих слов скопировала часть истории болезни, без имен и названия больницы, конечно, но этого было достаточно. Оказалось, что уже месяц за моей страницей следили несколько коллег. Они давно меня нашли и, видимо, ждали, когда я как-нибудь облажаюсь. Так оно и вышло. За эту заметку меня уволили из клиники. Точнее, попросили уйти самой. Подписав документы, я долго плакала в туалете, затем попрощалась со своими врачами и ушла. Они пытались переубедить начальство, но ничего не вышло.

Где я только не подрабатывала в следующие три месяца… После того как меня уволили за заметку, я перестала делиться с людьми впечатлениями, получила свой щелбан за лишнюю откровенность и заткнулась. У Антона начались каникулы. Все время мы проводили вместе, делясь мирами друг друга. Теперь, после того как я учила его серфингу в Индийском океане, он учил меня виндсерфингу на Азовском море. Именно там, встречая со мной у палатки закат, он подарил мне цветы, которые сплел из бисера много лет назад, и наконец официально предложил быть его девушкой.

Мы проводили прекрасное лето, разъезжая по фестивалям и радуясь каждому дню, а затем решили на две недели сгонять в Испанию. Это был совершенно не мой формат путешествий, я с трудом поверю, что за две недели можно прочувствовать страну. Это, скорее, как просмотр трейлера вместо самого фильма, но это был трейлер с любимым. Я ничего не узнала об Испании, кроме того, что там хорошая трава и дорогие экскурсии, зато больше узнала Антона. Тогда я поняла: путешествие в одиночку – это ускоренный способ познания мира, путешествие с кем-то – это ускоренный способ познания этого человека. Вот и вся разница. Хоть я и любила его всем сердцем, но с ужасом осознавала, что не представляю, как соединить страсть к нему и страсть к путешествиям в одной жизни.

Глава 2
Тюрьма

«Сегодня я увидела страдания своей страны» – именно эта фраза прозвучала в моей голове тем вечером, когда я в растерянности стояла перед заключенными исправительной колонии номер 14 в мордовском поселке Парца, не зная, что сказать.

Когда я вернулась из Испании без денег, сразу начала хвататься за любые переводческие предложения. Из достойных было два. Первое – ехать подписывать договор на постройку ГЭС в Кении: жить в роскошном отеле, питаться за счет компании и получать приличные бабки. Второе – отправиться по тюрьмам и колониям России с благотворительным проектом: жить в неизвестных условиях, питаться бутербродами и получить в два с половиной раза меньше денег. Я оценила предложения по уникальности. Договоры еще будут, а вот попасть за решетку вряд ли еще выпадет шанс.

Мы встретились с организаторами рано утром, под противным дождем. Суть моей работы заключалась в устном переводе речей голландской девушки Тонче (я звала ее Тоня) на встречах в течение поездки. Тонче – высокая светлая девушка, походящая на альбиноса. Ей 26 лет. Сингл, живет в Нидерландах.

После решения организационных моментов в офисе, который находится в Салтыковке, рядом с Балашихой, я в компании голландки, заместителя директора, водителя и еще одного очень интересного человека по имени Сергей, представителя баптистской церкви, отправились в путь. Нашей первой целью была Пенза, и добирались мы добрых двенадцать часов.

Суть работы я понимала по ходу дела. Есть организация «Dorcas», помогающая людям по всему миру. Обычно эта компания находит социальную проблему, свойственную конкретной стране, и пытается ее разрешить. Один из проектов – помощь заключенным и их семьям, находящимся в трудном положении. Как материальная, так и моральная. Свойственная нашей стране проблема заключалась в том, что после освобождения заключенные не могут вернуться к обычной жизни. Им просто нет места в социуме. Они не могут найти работу, завести семью, привыкнуть к жизни на свободе и в конечном счете часто возвращаются к тому, с чего начали, – к преступлениям. Были и такие истории, когда люди выходили из колоний спустя тридцать лет с паспортом гражданина СССР –

страны, которой больше не существует, – и не могли получить паспорт России, а значит, были никем.

За сутки я оказалась в параллельной реальности и хочу, чтобы ты хоть одним глазком ее увидел, хотя бы с моих слов.

После 12 часов езды мы наконец добрались до Пензы. Я осознала, какая огромная все-таки у нас страна… Можно было уже пересечь стран пять Европы или съездить с юга на север острова Бали и обратно, а мы даже до Урала не добрались.

В восемь утра мы уже завтракали. В девять мы встретились с так называемыми партнерами, о которых велось много разговоров, а я все гадала, кого они так называют. А речь шла о христианской семье, Дмитрии и Оксане, которые работают с заключенными и их семьями. Мы сели в машину с Оксаной и девушкой-волонтером и отправились в маленький город рядом с Пензой. По ходу поездки Тоня задавала девушкам вопросы по поводу всего, что они делают, а девушки были явно рады поделиться своими успехами. Пока мужья находятся в тюрьме, их жены остаются без работы, без денег и с детьми. Выживать им сложно, поэтому волонтеры всячески пытаются держать с такими семьями связь и помогать. Иногда деньгами, иногда вещами, едой, мебелью и всем, что им может понадобиться.

На тот момент они опекали двенадцать семей в своем районе. Когда мужчины возвращались из колонии, волонтеры помогали им с документами, подыскивали работу, устраивали на бесплатные обучающие курсы – словом, помогали встать на ноги. Люди из церквей и жители тоже что-то жертвуют. Общими силами они пытаются помочь.

Самая наикрутейшая зарплата здесь – 10 000 рублей. РЕАЛЬНО. Но я сегодня не встретила никого, кто столько бы зарабатывал! Я подумала, может, у них хоть продукты дешевые… хера с два! Йогурт стоит те же 32 рубля, сок «Добрый» – вообще 70 рублей.

Люди идут в ресторан в центре Москвы и тратят четыре штуки за ночь, а здесь женщины с тремя детьми готовы драить полы за такие же деньги в месяц, даже не подозревая, что бывает по-другому.

К вечеру я уже шла на износ. Переводить 10 часов подряд не затыкаясь оказалось не так-то просто, учитывая, что разговорить каждую семью нужно было мне. Им было дико, что человек вообще мог приехать из другой страны, они никогда не видели иностранцев и боялись разговаривать с Тонче напрямую.

Все это время Тонче пыталась узнать больше о системе «организации»… Кто директор, сколько волонтеров, кто куда ездит, кому помогли, кому нет… Ей нужны были статистика и

факты, что было сложно понять простым сельским людям. Под конец она попросила волонтеров оставить ее с семьями. Волонтеры, будучи простыми людьми из захолустья, не могли понять, зачем им надо расходиться. А Тонче, видимо, боялась, что семьи постесняются при всех рассказывать что-то личное. В итоге остались Тонче, Оксана, семьи заключенных и я. Тонче стала допрашивать каждую семью подробнее, и после вопроса «в чем еще вы нуждаетесь?» одна из женщин, сидевшая с тремя сыновьями и уже не ожидающая возвращения мужа, не выдержала и выдала речь. Она говорила про убитые дороги, про брошенные деревни, про всю Россию… Говорила, что европейцам этого не понять и что только моральная поддержка друг друга, только духовная жизнь помогают им со всем справиться. Это был крик души.

После нескольких дней в Пензе мы отправились сначала в Саратов, а затем в Саранск. В Мордовии мы ездили по колониям. Там много колоний, оставшихся еще со сталинских времен. Большинство из них – строгого режима.

Первое, что я узнала, – люди сидят не в тюрьмах, как я думала раньше. Тюрьма – это место, куда отправляют до суда. А после оглашения приговора подсудимого этапируют в колонию. Мы ехали по разбитой дороге мимо территорий за железной проволокой. За ней виднелись старые здания – разбитые, страшные, с облупленной краской и вываливающимися из стен кирпичами… Колонии пожизненного содержания отличаются от других одиночными камерами. Обычно у входа висит бирка. Там портрет, статья и перечисляются убийства, которые совершены. Иногда список состоит из тридцати человек. Я спросила Сергея:

– А как свои действия объясняют те, кто убил тридцать человек?

– Обычно они говорят, что чистили общество. Находили тех, кто жил не по справедливости, и убивали. Они видят себя эдакими санитарами, которые чистят мир от плохого. Когда открывают камеру, преступник должен стоять у стены, задрав руки. Из камеры выводят только в наручниках, а еду подают через окошко. Словом, всё как в фильмах. Многие заключенные шьют тапочки, вырезают фигурки для шахмат. На пути туда и обратно я видела огромное количество продавцов вещей, сделанных за решеткой.

– Всё, что у них остаётся, – говорил Сергей, – это вера в Бога. Поэтому все ждут, когда к ним приедут наши волонтеры, почитают Библию и просто с ними поговорят. Иногда, заходя в камеру и беседуя с «пожизненными», вместо унылых глаз встречаешь чистый взгляд, радость и улыбку на лице. Беседуя, ты

понимаешь, что этот человек в свое сердце пригласил Христа, покаялся перед Богом. И теперь в его сердце пришла свобода. Помню, один из них мне сказал: «Сергей Михайлович, мне в тюрьме с Христом свобода, а люди без Христа на свободе в тюрьме». Но таких людей не так много. Моя цель – открыть истину об Иисусе Христе, показать путь к Иисусу Христу и помочь этим людям прийти к нему.

Мы подъехали к ИК-13. Через дорогу от него была идентичная территория ИК-14, где в тот самый момент сидела солистка группы «Pussy Riot» Надежда Толоконникова. Это было довольно громкое дело. Её посадили за то, что она станцевала у алтаря главного храма России и спела песню со словами «Богородице Дево, Путина прогони». В тот момент в законодательстве не было статьи, по которой можно было за это посадить. Но правительство не могло оставить это дело безнаказанным, и в конце концов они просто придумали статью и наконец отправили Надю в колонию, откуда спустя год заключения она написала ужасающую статью о том, что происходит за стенами этой колонии, где девушек избивают, подвергают пыткам, изводят работой до обмороков, унижают морально и физически, не дают мыться, кормят черт знает чем и в целом держат в таких условиях, что выживет не каждый. После этой статьи в Мордовии пойдут официальные проверки, которые всё это подтвердят.

В мужские ИК разрешается заходить только мужчинам, а вот в женские – и мужчинам, и женщинам. Но любым иностранцам заходить строго запрещено. Поэтому Тонче отправила меня в качестве разведчика вместо себя. Оглянувшись на 14-ю колонию, где сидит Надя, я отправилась на территорию 13-й. Пока они проверяли мои документы в нескольких местах, я стояла то в одной клетке, то в другой. Перед тем как пустить меня за следующую дверь, за мной запирали предыдущую. Наконец мы вышли на территорию. Серо, грязно, страшно. Вокруг двухэтажных зданий мокрая рыхлая земля, расчерченная граблями.

– А почему земля такая расчерченная? Они что-то сажают?

– Нет, – ответил Сергей. – Это сделано для того, чтобы, если кто-то решит сбежать, на земле были следы.

– И кто ее каждый день расчерчивает?

– Сами заключенные. С этого начинается их утро.

– А что происходит, если кто-то сбежал?

– На стенах колонии стоят контрактники с оружием. Если они видят, что кто-то пересекает запретную зону, а такие случаи бывают, то делают предупредительные выстрелы вверх, а дальше

стреляют на поражение.

– А за что здесь сидят?

– От мелкого воровства и торговли наркотиками до тяжелых убийств.

– А из самого легкого до самого тяжелого, чтобы представлять?

– Одна украла телефон, другая съела собственных детей. Приходилось и с такими общаться. Не принято спрашивать, кто за что сидит. Но иногда они сами хотят рассказать, чтобы облегчить свою душу. Столько я историй услышал, Даш. Столько историй. Пойми правильно одно. В тюрьму невозможно идти вот так… Если ты не будешь любить их – туда лучше не ходить. Если людей не любить, лучше не жить. Даш, их нужно любить. А люди будут делать зло. Суть сама заключается в том, что любовь должна победить зло. Такой была победа Христа на кресте. Его распинают, а он молится: «Отче, прости, ибо не знают, что творят».

– Жалко их.

– Кого, заключенных? Жалко. Но, Даша, они уже на пути, ты понимаешь? Они уже проснулись! Им дали шанс! Когда я прихожу в места лишения свободы, я говорю: «Ребята, вы счастливые люди». Они: «Как?» Я говорю: «Вы знаете сегодня сотни тысяч людей, которые не открыли глаза и не увидели свет нового дня. Кто-то от передозировки, кто-то от пьянства, кто-то влез в драку, кого-то застрелили, кто-то погиб в аварии, а вы счастливые люди. Вы живые. Вы видите свет нового дня. У вас есть еще надежда. Вы счастливые, потому что Бог эту тюрьму образовал с одной целью. Чтобы остановить ваш безумный бег. Там вы бежите и не видите ничего. А здесь можно остановиться и подумать. Если вы считаете, что вы правильно живете и правильно поступаете – вопросов нету. Сидите дальше на нарах и поступайте. Но если вы понимаете, что в вашей жизни где-то сбой, то время оглянуться назад и подвести маленький итог своей жизни. Если понимаете, что неправильно – то есть возможность измениться. Вот я вам могу рассказать, как меня Бог изменил. Если вы хотите, у вас есть шанс сегодня. Вас ждут дома дети, родители, вы что, нужны туда им пьяницами и наркоманами? Мать хочет получить настоящего сына, она авоськи таскает, последнюю пенсию отдает, а ты придешь и опять будешь у нее тянуть? Неужели ты не хочешь изменить свою жизнь? Есть тот, кто преображает, тот, кто помогает, и это Бог. Мы готовы помочь, дать, мы готовы принять тебя и дальше вести. Есть желание – пожалуйста».

Тут я оторвалась от разговора, потому что увидела шеренгу

женщин, заходящих в здание, куда направлялись и мы. Они были одеты в серые юбки ниже колен и теплые безрукавки, на головах были платки. Я сразу поняла, что это не выбор, а форма. Мы зашли в зал, заключенные рассаживались по жалобно скрипящим эсэсэсэровским стульям, сколоченным в ряды. Мне полагалось просто смотреть за выступлением волонтеров и представителями церкви. И пока они вели привычную программу, читая Библию, рассказывая свои истории (многие волонтеры – бывшие заключенные) и исполняя песни под гитару, я всматривалась в лица женщин и гадала, за что каждая из них здесь оказалась. Когда моя команда заканчивала с выступлением, Сергей тихо спросил меня, хочу ли я тоже что-то сказать. Я кивнула и вышла на сцену. Повисла тишина.

Впервые в своей жизни я находилась в одном помещении с убийцами, зная это наверняка. Тут были симпатичные девушки, а были такие, чьи лица буквально исполосованы темным прошлым. С некоторыми было даже страшно встретиться взглядом. Казалось, дай в руки топор – и они убьют всех, кто здесь находится. Тогда я окончательно убедилась, что по внешности можно судить, причем очень легко. Многие из них могли бы быть завидными невестами, но жизнь внесла свою корректировку. В любом случае, я не испытывала никакого презрения, злости или ненависти. В глубине души мне было всё равно, кто из них убивал, а кто нет. Потому что, видя, в каких условиях могли расти эти девочки, не остается вопросов к ним. Остается вопрос ко всей системе мироздания. Кому-то просто даже не дали шанс… Не помню, что именно я говорила, но, кажется, сказала, что я ими горжусь.

Ввиду большого количества колоний в Мордовии местным волонтерам приходилось сложнее всего. Многие брали к себе в дом бывших заключенных, чтобы помочь им привыкнуть к нормальной жизни. Я хорошо запомнила картину, как бывший зэк-убийца играет на полу в машинки с сыном пастора церкви. Весь дом пастора был увешан плакатами с молитвами, которые говорили о равенстве и принятии других как себя. Позже к ним домой пришел еще один зэк, и вместе мы сели обедать. Руки этих мужчин были исполосованы шрамами и болячками. Они ели суп медленно, размеренно и с огромной благодарностью.

Из Мордовии мы поехали в Тамбов и его окрестности. Шла третья неделя насыщенной работы. Мы навестили десятки семей, колоний и приютов. С каждым днём я охреневала всё больше. Это чувство не притуплялось от количества увиденного, оно только усиливалось. Я понимала, что ни я, ни мои друзья, ни родители, никто из моего окружения не имеет ни малейшего представления

о том, что такое Россия на самом деле. А тот, кто хоть раз это увидит, испытает сначала ужас, потом грусть, а затем наступит самое горькое отчаянье. Потому что невозможно их всех спасти… Потому что это самая большая в мире территория… Территория безысходности, бедности и несправедливости, прикрытая мишурой Москвы. Территория, за которую правительство то ли не хочет, то ли не может нести ответ. И только такие единицы, как эти волонтеры, словно фонарщики, несут свет через всю эту темноту и действительно спасают. Здесь до меня дошло, что спасти всё-таки можно. Потому что я своими глазами видела тому примеры.

Последняя семья, в которую мы приехали с вопросами и продовольствием, жила на полпути в никуда. Полчаса мы просто ехали по полям, пока не добрались до заброшенной деревни, состоящей из семи домов и разрушенной церкви. Во дворе, похожем на склад мусора, нас ждала худенькая запуганная женщина. Она пригласила нас в свой дом. На улице к этому моменту было уже довольно промозгло и мерзко. Когда мы зашли в помещение, мое сердце остановилось. Весь «дом» состоял из прихожей, где были кухня и ванная вместе в виде тазиков и черпаков, и комнаты, посередине которой в полу была огромная дыра два на два метра. Вдоль стен стояли четыре доломанные старые кровати. Воняло чем-то отсыревшим и стухшим. Запах был такой сильный, что я закрыла шарфом нос. На кроватях сидело и лежало пятеро детей от двух до пятнадцати лет. Старший мальчик был умственно отсталым. Он смотрел на нас в испуге. Остальные дети от голода и холода просто спали.

Муж этой женщины был художником, он отбывал трехлетний срок в колонии за мелкое воровство. Украл краски и холсты из магазина, и она осталась одна с семью детьми. Двое были в интернате Тамбова. Сложно поверить, до какой степени деревенские женщины не понимают, как работает мир. Речь не о том, что они в жизни не видели компьютеров и интернета, дело даже в самых простых житейских моментах… Роза, так звали эту женщину, обращалась за помощью в мэрию много раз. После нескольких писем правительство отозвалось и выделило ей деньги на дом. Мало, но выделило. Она нашла какого-то мужика, который предложил ей эту хижину, но сказал, что, пока не получит деньги, не снимет замок с двери и не покажет, что внутри дома. Роза думала, что так сделки и делаются, и согласилась. Так она оказалась в этом сарае. Та дыра, что находилась в середине дома, предназначалась для печки. И суть вопроса была проста: нужно построить печку. Обойдется это в шесть тысяч рублей. Наша задача – найти деньги и каменщика до

того, как начнется ноябрь и дети начнут умирать. К этой «деревне» не ходил никакой транспорт, то есть помощь она может получать только от других шести домов. Машина была только у одного. Тонче достала блокнот и стала закидывать Розу вопросами, я переводила их сквозь стиснутые зубы. Как спрашивать женщину с голодным ребенком на руках, «как она оценивает эту ситуацию»?

Я вернулась домой опустошенной и заряженной одновременно. Еще долгое время мне было стыдно за каждый съеденный кусок хлеба, потому что теперь я в лицо знала тех, кто умирает от голода, пока я ем. Получив свои двенадцать тысяч за проект, я перечислила половину на печку. С тех пор я ненавижу слово «родина», когда мне говорят, что я обязана либо гордиться и прославлять свою страну, либо заткнуться и молчать.

Глава 3
Ресторан

Прямиком из дерьма я попала в самые сливки. Еще до того, как уехать на тюремный проект, я подписала договор на работу переводчиком в еще недостроенном ресторане, который спустя год официально будет считаться лучшим в Москве. Конкуренция была дикая, и мне казалось чудом, что меня выбрали.

Я не сразу отошла от тюрем. Хорошо помню, как на первой встрече с коллегами за ланчем в ресторане «22.13» на Петровке, где мне просто дали в руки меню и сказали «выбирай все, что хочешь», я считала цену блюд в печках. Считала, сколько печек можно было бы построить, если бы мы пожрали вместе подешевле. Но со временем колонии меня отпустили, и на их место пришла богема Москвы.

Легенда была такова: жил-был в Нью-Йорке ресторан Saxon + Parole, довольно успешный, с бренд-шефом во главе и мишленовскими звездами. Пришел в него как-то раз один владелец компании рекламного и ресторанного бизнеса и влюбился без памяти. И предложил открыть такой же ресторан в Москве. Взяли они питерских коллег, пригласили шеф-повара из Англии и управляющую из Америки и стали создавать ресторан с нуля. И стала Даша переводчиком при ресторане. И началась у нее совсем другая жара.

Уже за первые несколько дней я поняла, что ничего не знаю ни о продуктах, ни о спиртном, ни о том, что такое «готовить» на самом деле. Я с головой окунулась в прекрасный мир, где еда и напитки являлись искусством. Шаг за шагом изучая сотни новых названий продуктов, способов готовки, инструментов и понятий, я сама превращалась в маленького шеф-повара. Мы работали втроем: русский шеф, английский шеф и я. Первым делом мы изучили, что вообще можно купить в Москве. Объехали главные рынки, огромные цеха с морепродуктами. Общались с теми, кто контрабандой привозит все виды сыров, часть которых выдерживается в пещерах, и постепенно прикидывали, что можно предложить искушенной московской публике на Патриарших. Тем временем сам ресторан строился. Из Нью-Йорка приезжали известные архитекторы. Я переводила их, пока они выступали в Британской высшей школе дизайна в Москве. В то же время шел набор персонала. Официантами занималась Мэри, управляющая, а Крис, мой шеф, отбирал поваров и су-шефов. И тут я тоже была нужна. Словом, фактически ничто в этом бизнесе не проходило

мимо меня. Я была на каждом интервью, на каждой встрече, знала, что происходит в каждом углу здания. Нам приходилось работать сутки напролет, но меня это не парило, потому что я, как и все работники ресторана, понимала, что мы создаем что-то совершенно новое, что-то, что будет принципиально отличаться от других ресторанов Москвы, что внутри – на кухне, что снаружи – в зале. Поваров учили готовить так, как они никогда не готовили, а официантов… Их учили правильно накрывать на стол, с какой стороны подойти, чтобы забрать тарелку, как правильно двигаться, как общаться с гостями ненавязчиво и красиво. Они были обязаны знать каждое семечко и листочек, которым украсили тарелку, не только чтобы описать блюдо, но и на случай, если у человека на что-то аллергия. В ресторане всегда бывали Go-позиции – блюда, которые нужно продать в первую очередь, потому что иначе они испортятся.

Каждое новое блюдо шеф-повар представлял официантам лично. Я привыкла думать, что готовка – это для женщин. На самом же деле на кухнях ресторанов работают практически одни мужчины, потому что это матерая, зверски изнашивающая работа. Быть поваром – значит стоять по десять часов в день, работать в поте лица, в совершенстве владеть ножом и периодически себя прижигать и резать. Кухонный язык – это мат. Крис практически никогда не разговаривал. Он орал. Орал на су-шефа и всех поваров, вместе взятых. При переводе я, конечно, не переходила на крики, но, если я не материлась, он был недоволен.

– Tell him to go fuck himself![32]

– Паш, отойди, пожалуйста, чуть в сторону.

– That’s not what I said! I said TELL HIM TO GO FUCK HIMSELF![33]

Ближе к вечеру, когда ресторан заполнялся гостями, пока официанты зажигали свечи на столах, а менеджер ставил Джонни Кэша, кухня превращалась в матерящийся тонущий корабль. Чекодержатель был забит до предела. Шеф выхватывал листочек, выкрикивал блюда, и ребята со скоростью света готовили заказ. Блюда выдавались в строгом порядке и точно по времени. Пунктуальность в этом деле – все. Выдача заказов была рассчитана строго по минутам. Один из поваров говорил, через сколько минут будет первое блюдо, а повара по остальным позициям, соответственно, подстраивались под него.

Мне было приятно, что в пафосной Москве наконец появилось место, где рады всем. Сюда моментально потянулась вся творческая, и не только, элита Москвы. Литвинова с Земфирой приходили сюда на романтический ужин, а депутаты заказывали по пять бутылок французского вина за двадцать две

тысячи каждая.

Спустя пять месяцев мы ко всему приноровились. Все шло как по маслу. Сменялись сезоны – менялось и меню. Бренд-шеф-повар приезжал по несколько раз за сезон, и мы создавали что-то новое. А что касается меня – я наконец начала зарабатывать нормальные деньги и постепенно, не замечая этого, стала превращаться в москвичку. Я больше не надевала свитер или платье дешевле пяти тысяч рублей. Я сходила на уроки макияжа и закупилась косметикой на пятнадцать тысяч, каждый день укладывала волосы и пила только дорогое вино. Когда пафосные гости смотрели на меня оценочным взглядом, они видели деньги.

Но все, что происходило за пределами ресторана, шло вовсе не по маслу. Чтобы приезжать в ресторан рано утром и работать до позднего вечера, мне пришлось снимать комнатки и койко-места в центре. Отношения с Антоном катились ко всем чертям: мы виделись один-два раза в неделю, потому что он был занят не меньше меня, и каждый раз, возвращаясь домой по темным заснеженным улицам, я завязывала пояс пальто потуже, чтобы казалось, что кто-то обнимает. Антон кормил меня бесконечными баснями о том, что мы вот-вот будем жить вместе. А сам, имея собственную квартиру и достаточное количество денег, продолжал спать на двухъярусной кровати с младшим братом и жить с мамой, которая после смерти отца относилась к нему как к ребенку: стирала его одежду, готовила по три блюда в день, души не чаяла в своем солнышке и считала меня угрозой, которая может забрать из дома любимого сыну.

Тем временем в нашем ресторане появилась еще одна управляющая, приехавшая из Петербурга. Сначала я радовалась, подумав, что человек из Питера априори добрый и креативный, но это было не так. Виктория напала на наш ресторан как чума. Она стала увольнять всех официантов с туннелями, татуировками и какой-либо другой «неподходящей чертой». Все, кто смел открыть рот и начать с ней спорить или сомневаться в ее действиях, тоже шли прочь. Зарплаты всем были внезапно сокращены, а концепция семьи, любви и взаимопонимания между персоналом и начальством постепенно начала исчезать. Ни одному официанту не хотелось больше «верить» в ресторан: он превратился в работу, куда ты идешь не с удовольствием, а со страхом. Крис, я и Мэри с ужасом смотрели, как Виктория сносит все, что мы так долго строили… Сносит нашу маленькую Америку и строит на ее месте Москву. Ее заботили деньги, а не качество. Вскоре Крису стали задерживать зарплату. Он не получал ее два месяца. Несколько поваров уволили, с поставкой еды были проблемы, и работать снова стало тяжело. Спустя

полгода с начала работы в ресторане он психанул и сообщил Виктории, что уходит. Вместе с ним сократили и меня. В один день я осталась без работы и дома, в который столько вложила.

В тот же день меня выкинули из квартиры на проспекте Вернадского.

Без работы и квартиры, но с деньгами в кармане я снова была свободна от Москвы. К этому моменту прошел уже год с тех пор, как я в нее вернулась. Я вспомнила, ради чего все это было сделано – чтобы быть вместе с Антоном. Но, сопоставив все, что он мне тогда обещал, с тем, что происходило в действительности, я поняла, что смысла оставаться нет. Я сказала: «Дай мне причину остаться, дай мне следующий шаг, давай хотя бы начнем жить вместе». Он ответил, что не готов. И мы расстались. Я была так зла за все неисполненные обещания, что пережила эту ситуацию сравнительно легко. Посмотрев на свой «список дел на жизнь», я нашла пункт «Карнавал в Бразилии», который как раз был на носу, и купила билет в Риоде-Жанейро. Сердце моментально заплясало привычную чечетку, предвкушая веселую неизвестность. За одну секунду – за нажатие клавиши «оплатить» – зверь внутри меня встряхнулся, сбросил с шерсти прилипшую позолоту и мишуру и приготовился к бегу. За день до этого мы сидели на кухне с моим единственным близким другом мужского пола (я зову его Лис. Почему, расскажу позже), курили и подводили итоги года. Он спросил меня:

– Что ты успела за этот год?

– Сменила шесть работ… Узнала изнутри несколько профессий, увидела роскошь и бедность. Встречалась с парнем. Съездила в Испанию. Вот вроде и все.

– Не все.

– А что еще?

– Ты забыла сказать главное: за этот год ты чуть не потеряла себя.

Часть 6
Роман с Южной Америкой

Глава 1
Рио-де-Жанейро

Запугивать меня начали еще в Москве, а продолжили в самолете. Сосед-немец, который сто раз был в Рио-де-Жанейро, дал мне несколько советов о поведении в этом городе, хоть и был уверен, что в одиночку девушке там лучше не появляться. Вот эти советы:

– С собой брать деньги только на один день. Класть их в лифчик или в трусы под ремень.

– Никаких украшений. Некоторые за кольцо могут и палец отрезать.

– Кредитные карты хранить дома, с собой не брать.

– Лучше ходить без телефона – украдут.

– Если у тебя есть кошелек и ты взял его на улицу – значит, ты предлагаешь себя ограбить.

– Если идешь купаться, клади вещи в пакет и зарывай под своим полотенцем. Конечно, все увидят, что ты сделал, но выкапывать твои шмотки, пока ты плаваешь, они не станут – слишком энергозатратно. Полно других дураков, которые просто оставят вещи лежать на полотенце.

– Не показывай, что ты напуган – точно оберут.

– Вдоль дороги идти, держа сумку в правой руке. Иначе могут вырвать, проезжая мимо на машине.

– Если нападут больше двоих, отдавай все. Они долго пререкаться не будут.

– И главное – ночью идти гулять в удобной обуви. Чтобы ты мог успеть убежать.

Забегая вперед, расскажу тебе об этом городе побольше. Рио-де-Жанейро состоит из двух частей: это довольно зажиточный центр, где высокие цены и высокий уровень жизни, и огибающие его фавелы, то есть трущобы, расположенные на склонах гор. Рабочие дни есть у обоих районов. И пока те, кто живет на низменности, идут в офисы, те, кто живет в фавелах, спускаются вниз и грабят их. Тебя могут обокрасть прямо в центре города, в толпе. Просто вытащить нож и попросить отдать все, что у тебя есть. Тут грабят всех и всеми способами. Могут подойти и без ножа, с пустыми руками, и просто сказать: «Отдавай». Местные ребята говорят, что даже в таком случае лучше отдавать, потому что в этот момент за тобой могут стоять еще пятеро, готовые чуть что пырнуть ножом. Поэтому у местных людей, например, нет кошельков. Они кладут деньги в пластиковый держатель карт.

Может показаться, что это все приколы, но за две недели жизни в Рио из пяти девочек, с которыми я тусила, обокрали всех, кроме меня. Потому что я выходила на улицу практически голой. Мальчики здесь действительно прячут деньги чуть ли не под яйцами. Выходит довольно забавно, когда парень предлагает угостить тебя мороженым, ты говоришь: «Окей», – и он лезет к себе в штаны. Фавелы же, в свою очередь, живут довольно автономно. Автономно в том смысле, что у них свои законы и свое правосудие. В некоторые не просто лучше не заходить… Туда боятся заезжать даже копы, потому что какие-нибудь десятилетние детишки, бегающие с пистолетами, легко могут расстрелять человека. А внизу, у океана, покоятся миллионные яхты, шампанское льется рекой, и загорелые девушки с обложки манят своими формами. Рио похож на мир в миниатюре: здесь есть огромные тропические леса, горы, океан, белоснежный песок, роскошь и бедность… И Иисус, расправивший руки над этим городом, будто укрывая его своей любовью.

Я вышла из аэропорта и сразу начала задыхаться и потеть. Все было еще хуже, чем на Бали. Я заковыляла искать автобус. В кромешной темноте я стала вглядываться в Рио-де-Жанейро, о котором мечтает каждый. Мы въехали в город и сразу попали в бедный район. Это был совсем не тот Рио, что я представляла… На улице куча людей, половина босые, бегут за машинами и просят денег. Обшарпанные дома… Стены в граффити и рекламе. На дороге мусор. Тусклый желтый свет избирательно освещает эту жуткую картину. Проехал грузовик с прицепившимися за кузов мальчишками. Тут я поняла, что переписала адрес хоста без номера дома и мой телефон разрядился. Когда дядя, сидящий на соседнем кресле, узнал, что я собираюсь рыскать по темной улице и пытаться как-то найти дом, так опешил, что вышел из автобуса со мной, повторяя, что я не понимаю, куда приехала, и что это очень опасно. Когда мы вышли, мимо пробегали двое шустрых босых мальчишек в одних штанах. Они уставились на мой стоящий на дороге рюкзак, как хищники на жертву, пока дядя-спаситель звонил Габриэлю – первому каучсерферу, у которого я собиралась остаться, – чтобы попросить его забрать меня с остановки. Мальчики подумывали уже меня грабануть, но мой «гид» их отпугнул. Он сказал: «Надо пристально посмотреть им в глаза, и они оставят тебя в покое».

Мы наконец дозвонились до Габриэля, и тот пришел за мной через пять минут. Я поблагодарила дядю и сменила спутника.

Мне очень хотелось остановиться у Габриэля: хозяева квартиры были опытными хостами и приняли уже свыше 200 человек в своей маленькой квартирке. Они называли себя «four

brothers». Стены гостиной были увешаны словами благодарности тех, кто здесь останавливался, а в самой квартирке жила куча людей со всего света. Мы хотели пойти на вечеринку, но после того как Габриэль угостил меня местным напитком – кашасой (бразильская дешевая водка, от одного запаха которой меня тошнило уже через неделю), – я почувствовала, как на самом деле устала. В Москве было шесть утра, и я пошла спать. Брать в Бразилию спальник оказалось дурацкой идеей. Первые несколько дней укрыться даже простыней было просто невозможно! Жара невероятная! Два раза в день мы по очереди стояли под ледяным душем, чтобы вы- жить.

Помимо меня в квартире жили еще восемь девушек! На время карнавала ребята предпочли оставлять в гостях девушек – по официальной версии, это было сделано «для безопасности». На самом же деле карнавал – это время, когда Рио по-настоящему сходит с ума, стирая все рамки приличия!

Когда я проснулась, дом был наполнен людьми. До карнавала оставался один день. Девочки в гостиной одевались и обсуждали что-то с ребятами. Первый день в Рио оказался на удивление насыщенным. Сначала мы заехали в гости к Иисусу, и пришлось заплатить 50 реалов (около 25 долларов), чтобы нас подвезли к его ногам.

Когда выдается возможность увидеть такие знаменитые вещи, как статуя Христа, я всегда пытаюсь разглядеть достопримечательность получше. Вынести личное мнение, увидеть что-то, на что не обратишь внимания, глядя на фотографию. Что я могу сказать об Иисусе: когда стоишь внизу, его глаза выглядят огромными и оставляют сильное впечатление. Внутри статуи есть небольшой храм, где можно посидеть. Там стоят мягкие красные стульчики и висит пара крестов. На солнцепеке я почувствовала себя нехорошо. Пока мы стояли в очереди на маршрутку обратно, ноги начали трястись.

Мы с трудом объяснились в одном из ресторанчиков города. Забавный нюанс традиционной еды Бразилии: почти любое блюдо включает в себя рис и картошку фри. Ты всегда получаешь два гарнира сразу. Мне одной кажется, что это мальца несовместимые на одной тарелке вещи? А еще вдобавок всегда идут вареные бобы, которые «кариоки» (так зовут себя принадлежащие к штату и городу Рио-де-Жанейро люди) перемешивают с рисом. Но самое забавное, чего я НИГДЕ не видела, – это штука под названием «фарофа». Фарофа – это жаренная на сливочном масле мука с мелкими кусочками высушенного бекона! Ее мешают с рисом. Невероятная штука! Напоминает бабушкину картошку в сухарях.

К вечеру мы добрались до горы Сахарная Голова у океана. На

вершину можно было подняться по канатной дороге, но мы решили сэкономить и пошли пешком через лес. Наверху мы остались до темноты, чтобы насладиться ночным Рио. Гору огибала дорога с деревянными лавочками, стульями и даже лежаками. Я села на одну из них, посмотрела на город в ночных красках… и влюбилась.

Описать мои чувства в тот момент невозможно. Прекрасное творение под руками Иисуса светилось маленькими яркими огнями и уходило в морскую тьму. Мне захотелось раствориться в этой прекрасной летней ночи и быть всюду. Сидеть за окошком одной из фавел на горе, прыгать с одной из яхт в воду, идти мимо красивых домиков и деревьев по улице, ехать на машине вдоль пляжа, целоваться на песке у океана, быть на крыше одного из огромных сверкающих отелей… И просто лететь, планировать над волшебным, тайным, прекрасным и опасным городом.

Рио-де-Жанейро забрал мое сердце навек. Это было так внезапно, что я не успела опомниться. Прости, Нью-Йорк… Но тут такое дело… Ты ведь знаешь, как это бывает… Мы не всегда можем контролировать свои чувства…

Мы решили, что можем прогуляться до метро пешком. Спросив у одного добродушного старого негра с большими седыми бровями, куда нам идти, мы босиком пошли по улицам Рио. Шли мы добрых полчаса, но было здорово… Есть что-то прекрасное в неизвестных ночных улицах!

Мальчики предупредили, что сегодня дома будет вечеринка.

– Как вы думаете, party уже закончилась? Они вроде в семь всех собирали…

– Да десять же только, не думаю, что они разошлись…

Когда двери лифта открылись на нашем этаже, сомнения отпали. Из квартиры даже через закрытую дверь раздавался настоящий грохот! В любом жилом доме Москвы за такое можно было безо всякой милиции (да, милиции!) стрелять на поражение. Комната была забита людьми! Большинство были в костюмах или париках! Царила атмосфера настоящего праздника! Диджей был одет в костюм каратиста, из приметных были еще Зорро, полуголый немец в шортиках с подтяжками и клоун. На кухне безостановочно делалась «Кайпиринья». «Кайпиринья» – самый популярный местный коктейль. По сути это кашаса с соком лайма и сахаром. Почти у каждого настоящего бразильца в доме всегда найдутся пластмассовая палка-выжималка и сахарная пудра. Чтобы быстро растворялась в «Кайпиринье».

Квартирка наша несказанно маленькая. Четыре комнатки для каждого мальчика (каждая такого размера, что матрас с трудом положишь на пол), и стены из картона. Некоторые даже до

потолка не доходят, просто картонная перегородка, но что тут происходило – это просто пиздец… Периодически мальчики с девочками утаскивали друг друга из танцующей гостиной в комнатки, чтобы «отпраздновать жизнь» вдвоем.

Рекорд взяла комната Отавио: 4 пары за ночь! Отавио был диджеем вечеринки, и, надо сказать, очень неплохим! Закончилась ночь появлением прибалдевших аргентинцев с марихуаной и желанием Отавио сделать мне массаж плеч. Сидя на сломанном маленьком стульчике на балконе в кругу всей честной компании, я почувствовала себя так хорошо, что начала отключаться. Клюнув носом третий раз подряд, я решила, что нужно сматываться, пока все не поняли, что глаза у меня закрыты не только от удовольствия.

Но поспала я часа четыре от силы. Потому что ночью уже наступило 1 марта. И начался карнавал. А это значило, что с этого момента всю неделю в 7 утра Отавио будет на полную включать САМБУ.

Глава 2
Карнавал

Неделю карнавала невозможно описать словами. Ее можно только прочувствовать. Мне повезло, что я была окружена местными, потому что они знали, как праздновать по-настоящему. Мелодии и слова классических карнавальных песен за эти дни въелись мне в подкорку: Во се пьенса ке кашаса э агуа – кашаса нау э агуа, нау! Кашасе вэм до аламбики, и агуа вем до риберау![34]

Если описывать карнавал в Рио (а проходит он не только здесь, но и во всех крупных городах страны) схематично, получится следующее: существует официальная часть. Та самая, которую показывают по телевизору. С яркими транспортными средствами, которые двигают люди, находящиеся внутри, костюмами и миллионами зрителей. В Рио под это шествие выделяется целая улица – Самбодром, и вдоль нее размещаются трибуны с разной стоимостью билетов. К счастью, в отличие от спортивных соревнований, дешевые тоже есть, поэтому местные жители могут спокойно наслаждаться праздником хоть все четыре ночи подряд. С 18 вечера до 6 утра.

В официальном шествии принимают участие ученики и учителя школ самбы, а их очень много. Весь год они готовятся к проходу по улице, который длится не больше часа. Красоту и размах их костюмов не передать. Я с ужасом думала о том, что все это потом выбрасывается, а машины сжигаются…

Самое интересное, что город не делает на этом мероприятии никаких денег – лишь покрывает затраты. Людям ПРОСТО НРАВИТСЯ ТАНЦЕВАТЬ!

Существовала и вторая, куда более важная часть праздника. Ее не показывают по телевизору. И имя ей Блокос. Блокосы – это в большинстве своем такие же шествия с музыкой и костюмами, но организованные местными жителями, не имеющими никакого отношения к школам самбо. Все просто: они выбирают место и время, подают заявку, чтобы народ знал, какой «блокос» где будет проходить, собирают свой мини-оркестр (а иногда не мини), в котором доминируют трубы и барабаны, одеваются обычно тематически, например в стиле египетских царей, и идут по улице, окружив себя веревкой, чтобы не смешаться с толпой и иметь минимум свободного пространства, а остальные люди окружают их со всех сторон и присоединяются к шествию. Народ сходит с ума как может! Царит такое безумие, будто в воздухе

распылили экстази и афродизиаки! И если ты посмотришь кому-то из этой толпы в глаза дольше секунды и улыбнешься, не удивляйся, когда этот человек ринется к тебе, чтобы страстно поцеловать.

Побывать на всех блокосах за эти дни абсолютно невозможно. В течение дня их проходит минимум 10, а то и больше, так что, если Дамблдор не подарил тебе маховик времени, придется выбирать. Наши четыре брата прекрасно знали, какой блокос где идет, и отговорили нас идти на самые популярные, потому что смысла в них не было. Стоять среди тысячной толпы под палящим солнцем, в поту своих соседей – не самая хорошая идея. Поэтому мы пошли на блокосы поменьше. Многие блокосы начинались в шесть утра. Костюмы людей просто поражали. Они действительно готовились к этому не один день.

К тому времени, когда я догнала другой блокос, где должны были идти мои друзья, солнце уже нещадно жарило. По какому-то невероятному счастью я встретила там их всех. В Рио вообще творится странная штука: будешь искать человека – точно не найдешь. Выдохнешь, отпустишь навязчивую идею, и вот он – тут как тут! Клянусь, это работает! Ведь очень легко потеряться, когда вокруг тысячи людей. Найти друг дружку без телефонов (а их никто с собой не берет, чтобы не потерять и чтобы не украли) практически невозможно. Но как только мы оставляли попытки – сразу все встречались.

Вот таким же чудом я увидела и Льюиса, и Отавио в ярких париках и женских платьях! В одной руке пластиковая бутылка из-под фанты с кашасой, в другой – ледяное пиво! Здесь от пива до пива – пять метров. Всегда стоит мужичок с холодильничком из пенопласта. Это ледяное пиво, конечно, пагубно влияет на организм, но в жару спасает. Спасали и жители улиц! Они высовывались из окон и дверей своих домов и поливали нас холодной водой из шлангов под свист толпы!

Ночь за ночью мы встречались на главной улице города – на Лапе. Она запала мне в сердце своей свободой! На подходе к ней стоит куча лавочек и фургончиков, продающих еду. Это место – святое. Потому что, когда ты вылезаешь с той улицы в пять утра, грязный, пьяный, потный и босой, все, чего ты жаждешь, – пища! Сама улица начинается за этими фургонами. Ты входишь в арку и просто пропадаешь… Бары с обеих сторон бесконечной шеренгой приветствуют тебя! Но никто при этом не сидит внутри. Большинство берут напитки из бара в пластиковых стаканчиках и сидят прямо на тротуаре… Музыкантов море, импровизируют на ходу, люди окружают их, создавая музыку из подручных средств. Я растворялась в этом празднике, как кубик сахара в воде…

Сидя на тротуаре и глядя на свои покрытые пылью и блестками босые ноги среди, наверное, миллиона танцующих и поющих людей, я поняла, как сейчас счастлива. И так сильно счастлива, что даже описывать не хочется… Это слишком сложно и бесполезно передавать. И тут в толпе я разглядела мальчика, не влюбиться в которого было невозможно. Он был высокий, с черными кудрявыми волосами и голубыми глазами. С голым торсом, в футболке, висящей на плече, и деревянными четками с крестиком. Он был красивее Джима Моррисона, а это практически невозможно. Я не знала, что придумать, как заговорить, но просто не могла оторвать от него глаз.

– Полина, ты знаешь, как спросить на португальском «у тебя есть зажигалка?»?

– Знаю только на испанском, но они же похожи. Скажи «tienes fuego?».

Я взяла у кого-то сигарету и стала пробиваться к пацану. Подойдя к нему ближе, я обомлела еще больше. Он действительно был невероятно красив.

– Ола! Тьенес фуэго?

– Зажигалку? Да, подожди.

Он достал зажигалку, и в моей голове заиграла «come on baby, light my fire». Звали этого мальчика Факу, он был аргентинцем и не говорил на английском. Он приехал сюда на попутках со своей подругой Мелиссой и только окончил университет. Я всегда была влюблена в Аргентину – влюбилась и в них обоих. На ломаном испанском я пыталась с ними разговаривать. Мы моментально объединили наши компании, но все говорили по-испански или по-португальски, и я тогда впервые осознала, что мне с этим надо как-то жить. Мой испанский в универе всегда шел первой парой в девять утра, а это значит, что я пропускала восемьдесят процентов семинаров. К моменту, когда я попала в Южную Америку, я знала примерно десять слов на испанском, включая «да», «нет», «что?» и «спасибо». Но разве выживание – это не лучший повод выучить язык?

Пока все остальные о чем-то трепались, нас с Факу как будто примагнитило друг к другу. Мы просто стояли рядом, но мне казалось, что если я сделаю еще шаг, то прилипну к нему всем телом. Тут он наклонился и очень скромно, с улыбкой, глядя мне в глаза, сказал, что я очень симпатичная. И прикоснулся указательным пальцем к моей щеке.

Всю ночь мы пытались с ним общаться без слов. Танцевали в маленьком баре под живую музыку, играли в «пальчики», одобрительно кивали на что-то, что нам нравится, и много курили.

Тем временем дома у нас творилась та еще вакханалия. Каждая комната превратилась в мотель на час. Когда я уезжала, папа как бы невзначай сообщил мне, что Бразилия – одна из первых в списке стран с самым большим количеством венерических заболеваний, и постепенно я стала понимать почему. Секс – это часть культуры Бразилии, поэтому народ старается качаться и выглядеть привлекательно… Оттуда же все эти «бразильские попки». Это не байки, у местных девушек действительно невероятно накачанные задницы. Бразилия относится к сексу как к игре в карты – раз-два и разошлись! Мужчины заигрывают здесь по всем законам клише – в стиле «не было ли тебе больно, когда ты падала с небес» или сразу «хочешь, я сделаю тебе массаж?». Они действуют уверенно и настырно, по отработанной схеме. Потому что она работает! Потому что девушки не против! Но в ту самую секунду, когда бразилец понимает, что ты не дашь, его интерес развеивается, как дым! И уже через пятнадцать минут он будет страстно целовать другую девочку, которая не отказала, прямо на твоих глазах без какого-либо зазрения совести. Апогей такой истории со мной произошел в лице Отавио. Всю ночь мы сидели у океана и, как мне казалось, взаимно проникались друг другом. Говорили даже о своих братьях и сестрах, что, сам понимаешь, обсуждают не с каждым. «We had the night», как говорят американцы (когда вы проболтали всю ночь обо всем на свете без поцелуев и секса и действительно сблизились). В завершение той искренней ночи он попытался меня поцеловать, а я не захотела. Мне казалось, что это происходит слишком быстро и как-то опошляет только что зародившуюся связь. На следующее утро я пошла на пляж, а когда вернулась домой, из его комнаты выходила роскошная бразильянка в одном бикини на ниточках и со словами: «Ола-а! Ча-а-о!» – прошла мимо меня прямиком на выход. Через минуту оттуда же появился потный улыбающийся Отавио; завязывая полотенце на бедрах, он кивнул мне в знак приветствия и прошел в ванную. Я так и осталась стоять в проходе с открытым ртом.

Карнавал продолжался! Пять дней слились в один бесконечный праздник…

Мы танцевали и сходили с ума на улицах города, приползали домой поздно ночью, двигали на полу чьи-то тела, ложились между ними и отключались враз. А в семь утра колонки опять разрывались от звуков самбы, кто-то кидал в нас банки холодного пива, говорил «доброе утро», и все начиналось по новой. И снова толпа разодетых в костюмы людей уносила нас потоком по улицам безумного города, превращая всех в единое целое…

Чувство вседозволенности разжигало желание и интерес… И

вот уже царица Клеопатра, глядя на меня кошачьими глазами, вырисовывает восьмерку своими бедрами, плотно прижавшись к моим и начинает ласкать меня прямо в толпе… Нас так сильно прижимают друг к другу фараоны и другие красавицы Древнего Египта, что никто не видит её руки у меня между ног, да никому и нет дела… Мы страстно целуемся, двигаясь под ритм не умолкающих барабанов…

Я перестала следить за днями недели и временем, и только когда мы уселись смотреть официальное шествие на трибунах Самбодрома, до меня дошло, что это первый раз, когда я сижу, за двое суток. Я потерянно оглядела свое тело: ноги тряслись, как бешеные, кожа в разводах грязи вперемешку с блестками, желудок болит от голода, голос пропал. Гормон счастья, не покидающий мою кровь, перекрывал все остальные потребности организма которые сутки подряд.

Если я закончусь где-нибудь на полпути домой, то буду не первой в компании людей, которые уснули на улице. Рио, что ты делаешь, продолжай…

После финала карнавального шествия по Сан Бодромо, мы отправились в гости в школу-победитель. Надо сказать, что все это празднование жизни, страсти и плотских утех сопровождалось не самым красивым зрелищем вроде огромных гор мусора на опустевших улицах, людей, занимающихся сексом прямо при всех, писающих, блюющих и так далее. Мы буквально играли в игру: сколько раз в день мы скажем слово «disgusting»[35].

В школе творился настоящий зоопарк. Мокрый пол, орущая музыка, местные прыгают в лужах из бесплатного пива и грязи… Чтобы оставаться на ходу, мы идем в туалет тайно вынюхать на троих пакетик слипшегося от влажности в комья кокса и видим картину, которую я до сих пор не могу объяснить. Три девушки, незнакомые друг другу, разместились по углам уборной, рядом с раковинами и мусоркой, и просто писали на кортах. Туалеты при этом были свободны! Если бы не видевшие уже всю эту дичь, сообщающие мне периодически, что «it’s normal», подруги, клянусь, в какие-то моменты я готова была словить нервный срыв.

Карнавал подошел к концу. Все это время я помнила о загадочном аргентинце Факу. Я пыталась встретиться с ними всю безумную неделю, но договориться о чем-то в этом хаосе было невозможно, и только в мой последний день пребывания в Рио мы наконец-то сошлись. Впервые в своей жизни я провела 22 часа вдвоем с человеком, который не говорит ни на одном общем со мной языке. Мы гуляли по городу и придумывали, как объяснить друг другу хоть одну мысль. На второй час у нас даже начало получаться. Но к моменту, когда мы опомнились, метро было

закрыто, а до наших домов нужно было добираться час, и такси нам было не по карману. Мы пошли искать комнату в мотеле: нам выделили местечко с двумя односпальными кроватями с матрасами, покрытыми клеенкой. Я еще не раз буду спать на таких в Южной Америке. Наверное, хозяева хостелов и мотелей здесь боятся, что их гости описаются во сне… Когда мы окончательно устали объяснять друг другу свои мысли на пальцах, остался только язык любви…

С утра мы отправились на знаменитый пляж Ипанема. В Рио есть два самых популярных пляжа: Копакабана и Ипанема. Первый раскинулся аж на четыре километра. Для удобства правительство разбило этот пляж столбами с последовательной нумерацией, чтобы люди могли друг друга найти. Я ужасно хотела на этот пляж из-за знаменитой песни под названием «Копакабана» – о молодой танцовщице и пареньке-бармене, которые были юны и влюблены, «а что еще нужно».

Но песня была написана давно, а сейчас Копакабана довольно грязная и с огромным количеством людей. А вот Ипанема очень романтична… Особенно вечером, под закат. Облака и свет здесь творят что-то невероятное. Будто Бог пролил краски по небу. Если будешь там, дойди до конца пляжа, поднимись на огромные, согретые солнцем камни и понаблюдай за ночными серферами; специально для них там есть огромный фонарь, разоблачающий бирюзовый цвет воды даже ночью.

* * *

Заметка в дневнике:

10 марта 2014

Мы провели с этим аргентинским мальчиком весь день, разговаривая на ломаном испанском. Тыкая пальцем на небо, океан, песок и облака. И, знаешь что, вышло очень весело. Когда стемнело, мы дошли до конца пляжа и, сидя на теплой скале, держа по булочке с сыром, наблюдали за прекрасным городом. Рио вновь зажегся тысячью огней. Фавелы осветили горы, океан играл с уличными фонарями. Фиолетовый Иисус, казалось, парил в небе, укутанный белыми облаками. С берега доносились звуки гитары и барабанов.

«Ты путешествуешь одна? Но ведь как же поделиться впечатлениями с близкими?» Нет, я не одна. И я чаще встречаю близких, чем кажется.

* * *

Спускаясь со скалы, мы заметили, что после Ипанемы есть еще один пляж. Он был неосвещен и спрятан за скалой. Держась за руки, мы спустились по скале в эту секретную лагуну и оказались наедине с ночью. Для заполоненного людьми Рио это было просто невероятно! Мы понеслись по мягкому теплому песку как дети, крича от счастья, а затем упали на землю и стали целоваться. Все это было просто слишком хорошо, чтобы быть правдой… В ту ночь мы праздновали жизнь, громко, страстно и со вкусом. Это был праздник на двоих. Когда мы закончили, он побежал в океан, а я с улыбкой шла за ним, запоминая все что происходит. Этот момент, словно живой кадр, навсегда остался со мной. Каждый его нюанс. И теплый ветер, гладящий мою обнаженную кожу… И сверкающие точечки-звезды, и далекие огоньки яхт в темной воде, и шум больших, мягких волн, и крупные капли пены, взмывающие вверх при ударе о тело прекрасного, высокого мальчика, который на целые сутки был моим…

На следующий день я должна была уезжать; мы шли к метро, и он говорил, что будет ждать меня здесь, когда я объеду всю Южную Америку, что за это время он заработает денег, снимет квартирку и пригласит меня жить с ним. Он говорил это очень искренне. Но в глубине души в этот момент я начала понимать, что переспала с ним не из-за какой-то сильной связи между нами, а просто чтобы перекрыть для себя Антона. Мы больше никогда не увиделись. И наверное, в том и красота таких историй. Через полгода он женился.

* * *

Заметка в дневнике:

14 марта 2014

В часы искреннего счастья пытайся запомнить каждый момент, потому что все проходит. И нет, по сути, уже смысла ностальгировать о прошлом – оно не вернется. Зато есть смысл по-настоящему быть здесь и сейчас. Есть смысл здесь и сейчас не упускать ничего, отметить для себя, например, что ночью в Рио всегда горячий асфальт и по нему приятно ходить босиком. Есть смысл запомнить вкус «Кайпириньи», внимательно выслушать чью-то историю, даже самую дурацкую, и проникнуться. Раствориться в настоящем. Впитать в себя

город, погоду, улыбки, вкус.

Ни одну историю не повторить. Это не фильм, и, увы, кино про нас не снимают. Поэтому все, что остается, – жить каждый день на полную катушку, взять все и не жалеть потом, что момент закончился. Открыться мгновению, вдохнуть ночь и почувствовать себя бессмертным.

* * *

Я попрощалась с ребятами дома четырех братьев и снова отправилась в путь. Вместе мы творили те еще глупости, кто на какие горазд, и прожили маленькую жизнь, о которой не хочется рассказывать посторонним. Карнавал в Рио невозможно по достоинству расписать, эти пять дней дарят праздник, который проходит глубоко внутри, и у каждого он свой.

Глава 3
Игуасу

По обычаю мой дальнейший путь лежал теперь только на запад, и следующим пунктом был Флорианополис – еще один город у океана. Один австралиец-серфер (они все серферы) посоветовал мне поехать именно туда, потому что там находилось самое большое количество серф-спотов Бразилии. Но Флорианополис оказался настоящей скукой! Да, здесь действительно красивый океан, но делать тут просто нечего! Во Флорианополисе со мной приключилась удивительная история, которая окончательно расставила для меня точки над «i» касательно представлений об отношениях между мужчинами и женщинами в этой стране. Пока один мой накачанный альфач-сосед, которого я никогда не видела не с голым торсом, настырно пытался меня трахнуть, другой сосед, добрый толстенький шеф-повар в суши-баре неподалеку, ухаживал за мной самым воспитанным образом: дарил цветы, подавал мне суши, горящие в огне, в своем ресторане под аплодисменты венесуэлок и возил на машине, показывая город. Я стараюсь быть честной с мужчинами, и если понимаю, что не смогу ответить взаимностью, сразу торможу такие знаки внимания. И когда мы сидели во дворе, потягивали холодное пиво и играли по очереди на гитаре, я решилась сказать:

– Ты классный парень. Я не хочу тебя обижать или разочаровывать, поэтому предупрежу, что отношусь к тебе исключительно по-дружески.

Он улыбнулся и ответил:

– Я знаю. Не переживай. Дело в том, что мне просто хочется за кем-то поухаживать… Понимаешь, в нашей стране все устроено по-другому. Если ты даришь девушке цветы и приглашаешь на свидание, а не пытаешься с ней сразу переспать, она думает, что ты слабак, а не «самец». А я устроен по-другому. Мне не хватает этой элементарной романтики… Так что можно я просто буду за тобой ухаживать?

Довольно скоро я покинула этот город и двинула стопом в сторону водопадов Игуасу вместе с еще одним пареньком. У него с собой была гитара, вся дека которой была украшена приклеенными «свистками»[36] от косяков – всего было, наверное, штук пятьсот. Он впервые в жизни стопил и потому заготовил для нас картонку с надписью «Foz do Iguasu». Я всегда считала эти картонки показухой. Это не так работает, ты себе же самому

ставишь палки в колеса. Лучше словить несколько тачек и проехать этот маршрут по частям, чем стоять и упрямо ждать, когда будет машина именно туда, куда тебе надо. Такими будут, скорее всего, только фуры, а с их скоростью передвижения ты потеряешь кучу времени. В общем, смысла ноль. Зато спустя пять лет стопа у меня появилась первая в жизни фотография с такой картонкой. К вечеру мы оказались на месте и заселились в самый дешевый хостел, а утром сразу же отправились к водопадам. Я стояла одна у огромной водной стены, которая начала свою жизнь 130 миллионов лет назад, такая ничтожно маленькая по сравнению с этим созданием, и благодарила планету за то, что все это вообще существует. В этот момент я думала и о миллионах людей, которые никогда ничего подобного не увидят… И мне было грустно, что я никогда не докричусь до каждого, не объясню, что они теряют.

В хостеле я познакомилась с парой из Англии, их звали Энджи и Ли. Это были двое взрослых детей по 37 лет, они были вместе с 18 лет. Эти дети уже полгода жили на территории Южной Америки, потому в их запасе было множество баек о каждой стране. Одна из них была о Колумбии и «спешл экскершн»[37].

– Они буквально приходят в хостелы и говорят: «Эй, кто хочет на спешл экскершн?» Сажают желающих в автобус и везут на фабрику кокаина, где учат варить кокс! А по окончании занятий ты можешь забрать свой кокс! Правда, после того как увидишь, из чего он делается, нюхать больше не хочется…

– Ну, как… Первую неделю не хочется, – добавил с заговорщическим видом Ли. – I mean, we are in South America!

Мы спелись с этими двумя, но на следующий день нас ждали совсем разные дороги… Они уезжали в тур на машинах, который мне был совсем не по карману, а меня уже ждала страна, к которой я всегда испытывала непонятную даже мне самой слабость.

Глава 4
Аргентина

В танго не бывает ошибок. Не то что в жизни. Это очень просто, поэтому танго – такой замечательный танец. Если ошибетесь, просто продолжайте танцевать.

Из фильма «Запах женщины»

Добравшись до Буэнос-Айреса, я направилась на свое первое место ночевки по каучсерфингу. Таксист, как полагается, поимел меня по полной. Он был без счетчика, что здесь, как я потом узнала, неприемлемо. Такого дешевого такси, как здесь, нет ни в одном городе, разве что где-то в Индии. 11 песо – начальная цена (1 доллар) и до конца города можно доехать за полтинник, то бишь пять баксов, но это просто максимум. Гуляй не хочу! Вся остальная транспортная система еще круче!

Поезд на любое количество станций – 1, блин, песо! 10 центов! При этом никто даже и не проверяет, купил ты билет или нет! В автобусах цена максимум 5 песо (15 рублей). Зачастую меня вообще не просили платить, если я мешкалась с копейками слишком долго. А еще можно купить карточку и уходить с ней в приличный такой минус, никому нет дела. Черт знает, как у них вообще еще эти поезда и автобусы работают.

Первую неделю я жила с очень интересным и разносторонним человеком по имени Фефу. Пять языков, ума палата, джентльмен, каких еще поискать, но что-то мне в нем претило. Фефу сказал одну фразу, которая мне очень понравилась: «Я не пытаюсь понять женщин. Если бы я каждый раз пытался их понять, то, наверное, сошел бы с ума». Фефу вселил меня в только что отстроенный двухэтажный дом своего брата, который уехал путешествовать. Весь дом был практически пуст, ну чисто сразу после ремонта, и я спала на матрасе в идеально пустой комнате с пятиметровыми потолками. Ко всему этому прилагалась еще и крыша! Крыши – моя страсть. Дом находился в самой живой части города, и из любого бара можно добрести пешком, в каком бы состоянии ты ни был.

Я влюбилась в этот город сразу и без памяти. Если бы я строила город, я, вероятнее всего, построила бы Буэнос-Айрес.

Неотъемлемая часть города – это искусство. Скульптуры, граффити, а точнее – просто рисунки. Никаких «Ваня – лох», «Таня – шлюха» и примитивных чертежей члена. Действительно, настоящее искусство. Мозаики. Портреты. Мысли. На стенах, на асфальте – везде!

Деревья здесь тоже просто волшебные. Некоторые аллеи такой красоты… Деревья на них соединяются ветвями над дорогой, создавая туннели. Старички сидят на площадях и играют в шахматы.

В один из вечеров я попала в район под названием Каминито. Каминито находится прямо у морской пристани. Я добиралась до него в шумном душном автобусе часа два и приехала уже под самый вечер, когда уходящее солнце окрасило воду в розовый. Мастера на все руки сворачивали свои лавочки с рамками для картин, подсвечниками, статуэтками, гребешками для волос, фенечками, бусами и ободками. Я успела купить у очень милой женщины фенечку за один доллар. Есть в этом что-то чистое и потрясающее – покупать что-то из рук того, кто это создал. Я была в самом сердце Аргентины. Сердце романтика с грошом в кармане. Старый район рыболовов, башмачников, художников и танцоров. Кажется, что сейчас к тебе подбегут «капитаны песчаных карьеров» и предложат нарисовать на асфальте мелом твой портрет за один песо.

Неудивительно, что именно здесь зародился самый страстный, горький и отчаянный танец на свете под названием танго. Здесь я узнала, что танго изначально был придуман пьяными рыбаками. Много лет назад проживающие тут рыбаки то ли от тоски по женщинам, то ли просто от нечего делать стали танцевать друг с другом в порту. Поэтому базовое движение этого танца не какая-то сложная схема, а просто шаг.

Чем больше я гуляла по Каминито, тем сильнее очаровывалась. Разноцветные домики, надписи, рисунки, детишки, старики… Вся Аргентина была в этом маленьком районе. Один из танцоров в белой рубашке, жилетке и шляпе, надетой набок, кинул на меня пылкий взгляд, поманил к себе указательным пальцем и предложил сфотографироваться. После бандитского Рио я сначала подумала, что он просто хочет меня обокрасть. Его шикарная партнерша с цветком в волосах и платьем с вырезом до бедра, как полагается, сняла с себя розу и красный шарфик, с улыбкой надела на меня и запечатлела нас в одной из поз танго, даже не думая просить за это деньги. Он сжал мою правую руку на уровне своей головы, отведя свой локоть в сторону, сказал опереться коленом на его бедро и сделал шаг назад, как будто в реверансе. Мы застыли в такой позе, при виде

которой могло показаться, что я танцую танго всю жизнь. Мой пульс ускорился. В этот момент я будто услышала стук молотка, и чьи-то слова раздались в моей голове эхом: «Три, два, один… И-и-и Дашино сердце продано молодому человеку по имени Буэнос-Айрес во втором ряду!» Под бурные аплодисменты несуществующей толпы романтик Буэнос-Айрес кидает мне на сцену розу, а страстный Рио, играя скулами, встает и молча выходит из зала.

> Заметка в дневнике:
> **14 апреля 2014**
> Я отношусь к любимым городам, как к бывшим любовникам: очень ревную, когда кто-то из знакомых туда едет, по-настоящему злюсь и негодую, особенно если те считают нужным сообщить мне о своей поездке. В конце концов, я нахожу в себе силы успокоиться и даю советы, куда сходить и как вообще обращаться с героем моих романов.

* * *

Когда начало темнеть, я покинула своего фотолюбовника, несмотря на его предложение посидеть где-нибудь и продолжить разговор, и направилась в одно конкретное место, где к отличному вину прилагалась пара, танцующая танго. Я не пожалела 80 песо за «Мальбек»[38], чтобы занять столик и тем самым иметь возможность посмотреть на эту пару. Они только что вернулись с перерыва. Заиграла скрипка. Разведя в стороны локти, они взялись друг за друга мертвой хваткой, и произошло страшное. Произошло то, что не происходило со мной, кажется, никогда. Я влюбилась на совершенно другом уровне. Я просто поняла, что должна была быть здесь, что всю свою жизнь я знала на подкорке, что где-то оно существует, что где-то оно есть… Я чувствовала. Я шла к этому на ощупь. Я слышала это в каждой папиной песне на гитаре, я видела это в каждом танце языков костра. Я читала об этом в книгах… И все это, все мои самые детские и взрослые мечты, вся моя вечная ностальгия по неизвестно чему, все представления о любви, страсти, страданиях, счастье… О правде, о настоящем… Все это воплотилось в танце этих двух людей.

Ни один из этих двоих не был красив по общепринятым канонам. Нет, они были самыми обыкновенными людьми, без гроша в кармане.

Ее колготки в сетку были заштопаны грубой ниткой в трех местах. Его рубашка была изношена. Танцы для ресторанчика на улице за чаевые были их постоянным заработком. Тогда я впервые за много-много лет испытала самое драгоценное, ускользающее и необъяснимое чувство – я была дома. Среди своих. Среди тех, кто жертвует всем ради свободы и любимого дела.

Эти чулки врезались мне в память. Они были лучшим доказательством того, что она танцует не потому, что это ее работа, а потому, что она не может не танцевать. Когда я увлекалась актерским мастерством, балетом, бальными танцами и прочим, когда я плакала после репетиций и устраивала истерики родителям, потому что у меня не тот макияж, мой папа, глядя на мои старания, всегда говорил: «Артист – это самый сложный труд на свете. Если ты можешь не быть артистом, не будь им».

Танго – это высшее проявление жертвы. В тот вечер я долго бродила по улицам и на одной из площадей заметила еще одну красивую пару. Они выступали при дорогом ресторане, их костюмы были намного изысканнее, а движения более отточенны. Когда они танцевали, это были не люди. Это были беззаботные боги. Казалось, что они вовсе не касаются земли, а парят над ней словно святые… Во время перерыва я решилась подойти к ним и задать несколько вопросов. Я испытывала трепет только оттого, что они вообще со мной разговаривают. Оказалось, они профессионально танцуют уже более десяти лет. And guess what? Из своих танцев они не делают практически ничего – живут на чаевых и прочих крошках. Я спрашивала у красавчика грека:

– Но почему же ты тогда не поедешь работать в любую другую страну? Езжай в Австралию, танцуй там, ты заработаешь состояние!

– Я не могу. Мой учитель живет здесь. Когда она танцует, я теряю дар речи. Я знаю, это сложно понять, если не разбираешься в танго, но я просто ничто в сравнении с ней. И я не могу уехать. Это родина танго. Это МОЙ город.

Вскоре они снова ушли кружиться между рядами столиков ресторана, а я продолжила завороженно наблюдать, как в ночном свете фонарей ее белое блестящее платье мелькало вокруг черного жилета… Я смотрела на этот танец самой жизни и думала о том, могла бы я пожертвовать всем и отдать свою жизнь танцам… С неделю я переживала увиденное, не в силах отпустить это чувство.

По пути домой я умудрилась поболтать на испанском с башмачником – да-да, башмачником; он продавал самодельную обувь и, что самое приятное, вовсе не навязывал свой товар.

Так о чем это я… Я начала каким-то макаром говорить по-испански! Удивительно, но это факт: прожив в Южной Америке хотя бы месяц, невольно выучишь хоть что-то. Базу, без которой выжить просто нельзя. Потому что НИКТО не говорит по-английски! Они даже и не пытаются. Им это просто не надо.

За несколько дней я обошла практически все главные части города. Здесь потрясающие музеи! Для моей истосковавшейся по искусству души это была манна небесная. Самое забавное, что вход в половину музеев бесплатный. Свидание с моими любимыми Ван Гогом и Фридой Кало мне ничего не стоило. Фриду я уже много лет искала по всему миру и нигде не могла найти. И вот она, прекрасная, смотрит на меня своими черными глазами в обнимку с попугаем и обезьяной. Страшно подумать, чего стоило этим двум их искусство. Мне хотелось бы подойти к каждому из них в самый трудный период их жизни, взять за плечи и, глядя в глаза, сказать: «Мир тебя запомнит». Лишь бы вернуть им хоть сотую долю той любви, что они подарили до того, как покинули собственное тело.

Что еще довольно скоро я заметила – в Аргентине свои понятия времени. И это касается всего. Люди здесь невероятно медленные и вообще не наблюдают часов! Опоздать на два-четыре часа для них норма! Не пытайся это понять. Это нужно только принять и не выходить из себя каждый раз, когда они полдня никак не могут выбраться из дома или обещают встретиться с вами неделю. Видимо, отсюда идут и переносы всех графиков на несколько часов вперед…

И если вы пойдете ужинать в 19–20 вечера, как все нормальные, повторяю НОРМАЛЬНЫЕ, люди, вы без проблем получите столик в любом ресторане. А вот начиная с 22.00 будьте готовы постоять в очереди ради хорошего места! Потому что эти странные товарищи есть садятся в среднем в 23.00. Как они умудряются при этом не жиреть, для меня секрет!

С едой здесь вообще все интересно. Это отдельная тема. Мясо на гриле – конек Аргентины! Не есть здесь говядину – просто преступление, потому что лучше и одновременно дешевле стейков ребрышек в мире просто не найти! Эта страна окружена коровами, они здесь дешевле курицы.

Касательно баров и клубов: нет никакого смысла идти в них раньше двух ночи. Они будут пусты. Народ в среднем начинает только выходить из дома в два, да и то это рано. Скажу тебе так: когда я уходила из одного клуба в пять утра, на улице стояла очередь человек в сто! Как они это делают и зачем? Я не знаю! Аргентинцы объясняют это тем, что веселее напиваться с друзьями дома, а в клуб идти уже подшофе. Домой они

возвращаются в 8 утра, и это нормально. Но надо отдать должное: я не знаю, как все эти шикарные клубы и бары только умещаются в одном городе. А главное, почему в каждом клубе сотни людей, вне зависимости от того, какой день недели.

В прошлую ночь в Буэнос-Айресе бушевала буря. За окном стояла стена дождя, а у меня даже ставни в доме не закрывались. Из осветительных приборов в доме была всего одна настольная лампа. Окна такие высокие, что было видно фиолетовые полосы молний через все небо, особенно если смотреть с уровня пола, на котором я и спала. Затопило весь сад, соединяющий одну часть дома с другой. Гром разливался по всему потолку высотой в пять метров и рикошетил в меня обратно. Я сидела на матрасе, обнимая коленки, и слушала «Fleewood Mac», чтобы не обоссаться со страху. К чему я это все? Мне дико не хотелось снова ночевать там одной! И я пригласила парней-спортсменов, с которыми познакомилась ночью в клубе, к себе. Мы взяли плед и по сидру из холодильника, поднялись на крышу и стали изучать звезды. Хотя, кроме Северного Креста, я не могла найти ни одного знакомого созвездия. Это очень странное чувство. Тогда-то до меня и дошло, что я на другом полушарии. Тем временем за шутками и разговорами начала происходить смешная штука… Когда один из мальчиков уходил вниз на минутку, второй начинал ненавязчиво меня клеить. И я не могла понять, то ли это просто смешное совпадение, то ли они сговорились… Но в какой-то момент, когда они сидели справа и слева от меня, все вдруг стало очевидно. Я засмеялась и спросила, что они творят, на что они тоже засмеялись и сказали, что никогда такого не делали, но ничего лучше не придумали, не ругаться же им из-за меня. Мы были совершенно одни, верхом на всем Буэнос-Айресе… Я была дикая и свободная и не видела причин отказываться. Они стали целовать мою шею, гладить плечи, прикасаться…

Двое красивых, интересных немца-атлета нежно и преданно целовали все мое тело, а я, как королева, лежала под звездами и не могла поверить, что все это действительно происходит со мной. У неба в ту ночь был первый ряд в довольно зрелищном спектакле… Мы веселились всю ночь. Но к моменту, когда следующим логичным действием было бы заняться сексом, меня уже слепил рассвет… Он подло рассеял всю магию, и бразды правления вновь взял разум. Я вдруг представила, как кто-то из этих парней кричит: «Oh ja!» – и шлепает меня по заднице, как в немецком порно, струсила и, вмиг протрезвев, сказала, что скоро придет хозяин дома, а значит, им пора валить. Весь следующий день я ходила удовлетворенная и довольная, что в кои-то веки занялась сексом как мужчина, не особо парясь о чужих оргазмах.

Глава 5
Буэнос-Айрес

Каждый понедельник в Буэнос-Айресе проходит легендарная штука «La Bomba Del Tiempo» («Бомба времени») – барабанная вечеринка. Ее нельзя описать, там надо быть. 20 барабанов и полный экстаз.

В этот вечер я должна была встретиться с девочкой, за которой гонялась уже несколько лет. Ника Афонина – так звали эту мадам. В пятнадцать лет она уже летела в Южную Америку одна, к семнадцати организовывала мероприятия в закрытых клубах Москвы, где папики нюхают кокс с костлявых задов девок после показа мод, тусовалась с «Гоголь Бордэлло», Джонатаном Шоу и Игги Попом, снимала фотографии для разных журналов по всему миру, гоняла то на Северный полюс, то в Афганистан, руководила арт-проектами с иностранцами, выкупила с отцом огромные поля с яблоневыми садами, на которых разводила тибетских яков где-то в России, говорила на четырех языках и к своим двадцати трем годам объехала уже шестьдесят стран.

Следя за ее жизнью в соцсетях, мне казалось, что это не человек, а супергерой. За месяц до этого она уехала путешествовать с труппой циркачей по Латинской Америке, но на полпути влюбилась в мальчика-индейца и вернулась с ним обратно в Буэнос-Айрес. Я ожидала, что она появится в красном плаще суперженщины. Пока мы шли на какую-то вечеринку в компании ее друзей, я сопоставляла свои ожидания с реальностью:

– Я влюбилась и теперь живу с Начо в Аргентине! И плету фенечки! Это мой новый заработок! Весь день сижу на улице и продаю фенечки! Сплести тебе одну?

Ее парень был меньше ее ростом, пухленький, с огромной копной грязных дредов. Она нашла его рыдающим в палатке где-то в пустыне и решилась спасать. Он не говорил на английском вообще. Я не могла понять, что она в нем нашла. Просто прикол был в том, что каждый месяц с этой девочкой происходили метаморфозы. В свою короткую жизнь она уже умудрилась уместить сотню совершенно разных жизней, и ей явно было совершенно все равно, кто и что о ней подумает.

– Меня часто не понимают люди, говорят, что так жить безответственно и неправильно и что я не уверена в своем завтра. Они спрашивают: «Что у тебя вообще есть на данном этапе?» А ничего. Кроме невероятно красивой, интересной, яркой,

разнообразной, насыщенной жизни.

Дорога – это лучшая школа, и по большей части люди, которые действительно научили меня основным вещам в жизни, не имели ничего. Они показывают истинную ценность жизни. Ценность, а не цену. Ценность любви, семьи, взаимопомощи, доброты и содействия. Я перестала строить планы, потому что они никогда не работают. Моя жизнь – это воля случая, то, чего произойти по логике не могло. Люди, которые мне дороги, самые лучшие перемены – все есть воля случая. И с этим трудно найти родственную душу, мужчину, который поймет, примет это и будет мыслить так же.

– И ты думаешь выжить на фенечках? Как это вообще получилось, ты ведь не должна была быть здесь к этому моменту?

– У меня были грандиозные планы уехать в Коста-Рику и работать там помощником дайв-инструктора. Так я начала свой путь в ту сторону, но уже на севере Аргентины я встретила труппу циркачей. Вместе мы стали жить в пустыне, на голой земле, без горячей воды и электричества, в палатках. Меня учили жонглировать, делать акробатические трюки, плести фенечки, зарабатывать деньги выпеканием лепешек и теми же самыми фенечками. Наши мальчики уходили в город – играть на гитарах, девочки плели и готовили, потом мы все дружно шли покупать на вырученные деньги еду на ужин, наслаждались каждым днем, о завтрашнем дне совершенно не думая. Люди в принципе выстраивают свою жизнь в погоне за каким-то там карьерным ростом и при этом совершенно не остается времени на жизнь как таковую. Они забывают жить. Когда-то я занималась организацией мероприятий и зарабатывала огромные деньги, когда-то занималась научными экспедициями и тоже зарабатывала хорошие деньги, сейчас я плету фенечки и офигительно себя чувствую. Каждый день я общаюсь с интересными людьми и делаю, что хочу. Могут ли себе позволить то же самое те, кто сейчас зашибает большие бабки? К деньгам надо относиться проще. Помню, как-то ко мне пришел отец, который, к слову, довольно грамотный, но очень авантюрный бизнесмен, сел на мою постель и сказал мне: «Доча, деньги были. Деньги будут. А сейчас денег нет».

– А что тебя вообще потянуло жить в пустыню?

– Со мной стали происходить астральные путешествия, не контролируемые мной. И меня это дико пугало, поэтому я решила уехать на природу, подальше от цивилизации, чтобы побыть с самой собой, в тишине.

– Что именно с тобой происходило?

– Выход души из тела. В большинстве случаев такое может

происходить только осознанно, то есть люди этому учатся. А если это происходит неосознанно, есть большой шанс потеряться и не вернуться, как говорят наставники.

– Наставники?

– У моей семьи и у меня есть свои наставники. Считай, проводники между привычным нам миром и эзотерическим. Они просто чувствуют и видят то, что не видим мы. Например, когда со мной произошел такой астральный выход, наставница моей матери сразу ей позвонила и сказала: «Останови Нику, она практикует то, в чем не разбирается. В следующий раз я могу ее просто не найти».

– А почему ты решила, что выезд на природу как-то поможет?

– Потому что, когда человек выходит из тела, его оболочка остается пустовать. А на земле обитает огромное количество сущностей, так называемых заблудших душ. То есть это люди, которые умерли, но по какой-то причине отсюда не ушли. Может, у них еще какая-то миссия не выполнена и так далее. И наставники говорят, что есть большой риск, что, если оболочка останется пустой, в нее может кто-то подселиться. В большом городе этого сумбура и хаоса больше, чем на природе.

– А когда у тебя эти астральные выходы начались?

– Они у меня начались после совершенно рандомного знакомства с мальчиком-мексиканцем. Когда находишься в пространстве этого человека, появляется ощущение, что все вокруг вибрирует, – такая сильная у него энергетика. И он совершенно осознанно рассказывал о своих прошлых жизнях и практиковал эти осознанные путешествия каждую ночь. Типа «я живу в Аргентине, но хожу смотреть, как поживает моя семья в Мексике, общаюсь со своими друзьями». И со мной это начало происходить в его обществе. Мы лежали на крыше хостела и разговаривали часами, не открывая при этом рта. Я не знаю, как это объяснить. А если он выходил в астрал при мне, со мной происходило то же самое, и это очень стремно, потому что ты физически ощущаешь, как отрываешься от земли, и не можешь ничего с этим сделать.

Ника жила в еще недостроенном доме своего парня. Она и предложила мне их диван в гостиной. Я с радостью согласилась – правда, делить его пришлось с ее другом-французом, который в тот момент мутил с какой-то очень экзотической девушкой Карен, она была то ли из Гватемалы, то ли из Колумбии. Диван был в форме буквы «Г», и мы спали на разных половинках. Я спала в обнимку с собакой Начо, а француз… Француз не спал вообще.

* * *

Заметка в дневнике:

15 апреля 2014

Какая удачная ночь. Говорят, в Аргентине самые красивые мальчики… Надо мной слышны поцелуи и пошлепывания одной парочки. Напротив, на соседнем диване, под одеялом воркуют еще одни голубки, и, увы, на ворковании они не остановятся. А я… Я сплю в обнимку с огромным питбулем и молю Бога, чтобы он не начал снова пердеть.

* * *

Ночью они трахались на кровати рядом со мной, а днем уходили делать это в душе. Прикол в том, что двери в ванной не было. Была только прозрачная перегородка в душе. Карен, как я и сказала, была очень экзотической девушкой. Она выросла в местах, где никогда не существовало горячей воды, поэтому привыкла мыться под холодной. А бедный герой-француз, у которого от ледяной воды просто не стоял, вплотную прижимался задницей к перегородке, лишь бы подальше от воды, и все, кто находился в гостиной, имели честь наблюдать за этим театром теней с французской жопой в главной роли.

Следующие две недели мы жили как-то так. Я не уезжала из города – хотя по плану и пора было двигать дальше, – потому что надеялась, что выхвачу Нику на длинные разговоры вдвоем, но она была поглощена индейцем, и все, что мы делали вместе, – смотрели сериалы на английском с испанскими субтитрами, курили траву, плели друг другу дреды и ели эмпанадас. А каждая вылазка из дома сопровождалась тремя часами «подготовки» к тому, чтобы просто выйти.

Всё это времяпрепровождение с парами стало напоминать мне об Антоне. Несмотря на то что мы расстались, мы продолжали «дружить», заниматься сексом по телефону и переписываться. И я решила проверить, почувствую ли я что-то, если он переспит с другой. Я взяла его на «слабо» (к слову, мы постоянно играли в «слабо» и порой загадывали очень жестокие вещи) и попросила прислать мне фото, как какая-нибудь девочка делает ему минет. Такой шуткой я сделала ему довольно больно. Он исполнил «слабо», но сделал выводы. Помню, как смотрела на эту фотографию и глупо ухмылялась, понимая, что он всё еще был в игре.

А потом мне пришло письмо:

Безумно тихое утро, ни единого звука, словно я остался

единственным человеком после кровавой битвы на всей этой Земле. Подойдя к окну, открыл его, в комнату ворвался еле слышимый звук шоссе. Алой краской рассвет начинает свой рисунок дня. Я утопаю в этом зареве липком. Перед глазами мелькают люди, вагоны, пожухлая трава. Я еду в загородном автобусе, не понимая, как и зачем я сюда попал. Взрывной голос экскурсовода лечит меня, и вот я пишу эти слова. Ох как я люблю это чувство – «единственное запрограммированное несчастье». Летишь навстречу ему с улыбкой на устах и думаешь, что оно всегда будет для тебя голубым облаком, освещаемым индонезийским солнцем. Припав к иллюминатору, считаешь минуты до приземления в Денпасаре и не думаешь о том, что когда-то ночные щелчки фотоаппарата будут отрывать от тебя куски любви. Как они будут с противным шлепком падать тебе глубоко в душу, сразу чернеть и разлагаться, отравляя тебя изнутри. Как чьи-то невидимые руки будут щекотать тебе рёбра изнутри при одном воспоминании. Уже темно, я еду обратно. Мои полушария мозга не дружат друг с другом. Они придумывают всё новые и новые «слабо». Тиииши. Остановись. Вот оно.

Слабо ли тебе не общаться со мной вообще, до тех пор пока ты не поймёшь истинную цену любви, пока ты не научишься любить и не приносить боль, пока ты не захочешь всегда быть с любимым человеком. Ну или пока не выйдешь замуж. Когда сделаешь, напиши/позвони, и я конечно же отвечу, если буду на этой планете. Ну а пока вали из моей головы.

«И вместе с собой забери о тебе мои мысли, чтобы Богу не показалось, что мы в этом мире слишком зависли».

Тогда до меня дошло, что я натворила. И я пошла исполнять свое «слабо».

* * *

Заметка в дневнике:

17 апреля 2014

Из всех знакомых не знаю моральных садомазохистов похлеще себя. Может, надо лечиться? Интересно, существуют ли группы анонимных моральных извращенцев? Расскажу – не поверят. Но как красиво… Как же красиво. Как можно перестать?

Я подсаживаюсь на эмоции. Чем ярче они, тем лучше. Тем больше хочется еще. Простая радость или грусть уже неинтересны. Нет, мне нужны страдания, нужна ревность, нужна страсть, нужны гнев,

одержимость, ненависть, эйфория, паника, страх. Мне нравится наблюдать, как эти чувства эволюционируют, утихают ли они со временем или, наоборот, становятся сильней.

Когда много в жизни насмотришься, затирается не только глаз, но и эмоциональность.

В 17 тебе плевать, что пить. Шейк, Ягуар, Оболонь, Журавли… Какая разница! Что налили, то и пьешь. Но вот ты взрослеешь, и тебе уже интересен алкоголь получше. Ты начинаешь отличать цветочные нотки в вине или ягодные, какой цвет, какое послевкусие, тебе важно, где рос виноград. Тебе становится интересно, а на какой вискикурне сделали твой виски? Какие там бочки? Какой солод? Какой способ старения? Чувствуешь привкус морской соли в шотландском? Это потому, что, взрослея в дубовых бочках на берегу океана, виски напитывается свежестью морского ветра, йодом или, как сказали бы своего рода извращенцы, «набирает с годами силы, дремля на складах, чтобы потом проснуться в бокале, согретом теплом рук, и, переливаясь янтарем или золотом, раскрыть свой характер»… Понимаете, о чем я?

Гурманы. Гурманы алкоголя. Гурманы еды.

А я гурман чувств. И мне вечно мало.

Lo siento.[39]

В Буэнос-Айрес пришла осень. На тротуаре появились жухлые листья. Ветер на улице танцевал сумасшедшее танго, занося разноцветные листья клена прямо в наш подъезд. Я шла по улице, зарывшись в воротник единственного свитера, и не могла поверить, что это апрель. Чувствую себя Алисой в Зазеркалье. А вернее, в стране «антиподов». Даже погода наоборот. Единственные джинсы порваны в хлам. От подаренных подругой кроссовок начала отваливаться подошва, но ходить можно. Мне комфортно в этом причудливом хаосе. Все лучше, чем вылизанная Европа и погоня за бирками.

Завтра направляюсь на север Аргентины. А дальше – через прекрасную Боливию, самую высокую в мире страну. В горах там ноль, и люди жуют листья коки (из нее делают кокаин), чтобы было легче дышать. За это время произошло все и ничего. Из успехов: я дошла в испанском до уровня собаки. Понимаю, но сказать не могу. Но скоро будет больше. Это последний европеизированный город, который я планирую посетить. Дальше начинается моя дорога into the wild.

Я продолжила свое путешествие, пытаясь доехать до Чили. Но перед этим остановилась на несколько дней в Сальте – небольшом городке на севере Аргентины. Закупилась там продуктами и потусила с очередными незнакомцами, которые посоветовали поехать в Сан-Педро.

Но сначала я решила заехать в Пурмамарку. На автобус успела чудом, минута в минуту, потому что перепутала место отправления. Через 5 часов пейзаж за окном сильно изменился. Огромные разноцветные горы, гигантские кактусы… Все как на картинке. И полное отсутствие цивилизации. Меня высадили на полпути в никуда.

– Кто в Пурмамарку? Ты, девочка? Выходи из автобуса.

Водитель махнул мне рукой на дорогу, уходящую куда-то в горы. Автобус уехал, и я осталась стоять одна. Мне кажется, это был один из самых чувственных моментов в моей жизни. Каждый, кто путешествовал, помнит свой момент «прихода», когда он оказался один на абсолютно пустой дороге. Наверняка в твоей жизни еще будет множество пустых дорог, но это чувство – как первая волна на серфе, как первый секс, как первый выученный аккорд – навсегда останется с тобой.

Вокруг меня не было ничего, кроме природы. Ни машин, ни людей. Только горы, бегущая по камням речушка и палящее солнце. Идеальная тишина. Я посмотрела налево, направо, посмеялась и пошла по дорожке через горный перевал.

Глава 6
Пурмамарка

Шла пешком я не так долго, вскоре мне удалось поймать машину, и меня привезли прямо в город. Пурмамарка – село из семи улиц, окруженное горами семи цветов. Сложно называть это поселение городом. Я думаю, что и существует оно только из-за красоты соседствующих гор. Половина поселка – это хостелы. Вторая половина – рестораны. Готовят практически все на огне, как настоящие бедуины. Запах еды и дыма костра плотно завис в воздухе. Одна школа. Одна полиция. Ноль больниц. Миллионы сувениров за копейки. Парочка лам в пампушках, с ними можно сфотографироваться за 5 песо. Несколько хиппарей, засевших здесь надолго. Ну и, конечно, шикарные горы. На вершине одной я заметила большой крест.

Население практически все состоит из детей и стариков. Студентам здесь не место, потому что учиться негде.

Чтобы залезть на главную гору, самую цветную, нужно заплатить 3 песо. За что, непонятно, ибо вокруг горы ни забора, ничего. Но спорить ради трех песо никто не станет.

Очевидно, весь город питается за счет туристов, так что неудивительно. Горы действительно очень красивые. Эдакая гигантская версия египетских бутылочек с цветным песком. Ветер сносит. Хочется лететь.

Я нашла единственный отельчик с интернетом на весь город, и пока я болтала по скайпу и жевала коку, чтоб прийти в себя от высоты, в окно отеля постучался мой знакомый – бритый аргентинец, которого я встретила в Сальте. Вот так у меня снова появился товарищ для прогулок.

Вечером мы пошли в ресторан, несмотря на то что у меня осталось 20 песо. Как я его ни уговаривала перетоптаться дешевой едой на улице, мой товарищ настоял на том, что он угощает.

За эти дни я влюбилась в аргентинцев окончательно. Не было ни одного случая, чтобы кто-то отказался мне помочь, не показал куда идти, не разжевал бы мне каждое слово, если я что-то не поняла. А главное, что они такие честные. С душой нараспашку. Завести разговор с незнакомцем – абсолютно нормальное дело. Это не русские, которые шугаются друг друга при любом случае. Практически все русские, которых я встречала за границей, были так «милы» и «приветливы», что я жалела, что вообще решила завести разговор. Казалось бы, ну улыбнись ты соплеменнику! За

полсвета от дома находимся! Но хрен бы там. После пары казусов я решила, что больше приветствовать случайно встретившихся мне русских не буду. У них на лице прямо написано разочарование, что сейчас им придется говорить. No se porque[40].

Искренность. Она заставляет чувствовать себя как дома. Я люблю, когда все честно и с благими намерениями.

* * *

Заметка в дневнике:

22 апреля 2014

Я нахожусь в маленьком поселке по имени Пурмамарка на севере Аргентины. Здесь всего семь улиц. Это откровенная деревня рядом с «горами семи цветов» – за ними я и ехала. Вот только выбраться теперь отсюда не могу. Из еды – вареная кукуруза. Вот, в общем, и всё, что я могла себе позволить. Наличка кончилась. Деньги с карточки не снять. Я добралась до города Хухуй (на русский перевели как «Жужуй» – как обычно, все стесняются называть вещи своими именами), чтобы поймать автобус до Чили. Потратила на это дело день. Но можно было сразу догадаться по названию, что что-нибудь пойдет не так. В это время Южная Америка праздновала Пасху. А праздновать она умеет. Автобусов не намечалось еще неделю.

Проведя весь день впустую, пытаясь выбраться из Аргентины, я выяснила, что единственный способ уехать на следующий день – это вернуться обратно в Пурмамарку и голосовать на единственной существующей рядом дороге. А она как раз идет прямо до Сан-Педро-де-Атакама, Чили.

С восходом солнца я нарисовала на картонке название следующей точки и вышла на дорогу. Так начался один из самых жестких дней в моей жизни.

Глава 7
Граница

Как ловить попутки на полпути в никуда, да еще в Южной Америке? Нужно найти наиболее логичное место. Для этого лучше посоветоваться с местными жителями. Они-то уж насмотрелись всего. Так я и поступила. Пурмамарку и Чили соединяет одна прямая дорога, по которой ездят только грузовики и другие трудящиеся. Поймите правильно: вокруг ничего. Парковщик автобусов показал мне развилку, на которой лучше всего стоять. Туда я и направилась. Меня опередила французская сладкая парочка: они стояли там раньше, и потому мне пришлось отойти дальше. Вот такое негласное правило халявщиков: кто первый пришел – тот первым на дороге и стоит. В итоге, конечно, первую машину словили они. Но мне повезло: это был почтальон, и в его кузове могли уместиться мы все. Так что они меня подобрали. Он пообещал провезти нас 160 км из нужных 514 км. Так мы и ехали, сидя на рюкзаках и трясясь, как мешки с картошкой, по нереальным серпантинам.

По этой дороге ходит крайне мало транспорта. Машину здесь встретишь в лучшем случае раз в 10 минут. Вся дорога лежит через горы и поля. Практически никаких поселений. По полям гуляют ламы и коровы. Лошади сменились на лам. Через пару часов водитель свернул в поселок, остановился у одного из маленьких песочных домов и отдал письмо. Вот и все. Нам пришлось вылезать.

Мы вышли на дорогу, и ребята снова намекнули на то, что втроем ловить попутки слишком сложно. Я просидела под палящим солнцем в пустыне на дороге под табличкой с расстоянием до заветного города пару часов. Красиво, непривычно тихо. Только две птички строят гнездышко на горе, и мешки с песком, оставленные кем-то на дороге, шелестят от ветра. Периодически ко мне подъезжали мальчишки на велосипедах, задавали все стандартные вопросы в стиле «Кто ты? Что ты?» – и отправлялись восвояси.

Наконец мне удалось остановить машину. В ней была отмороженная на вид индейская пара пятидесяти лет. Они согласились довезти меня до границы за 50 песо (150 рублей). Пустота вокруг и незнание, когда перепадет следующая возможность приблизиться к цели, психологически давили на меня, и я согласилась. Они везли продавать пиво в магазин на границе и высадили меня в пяти минутах от поста проверки

документов. Я пришла туда, но меня не пропускали. Спустя приличное количество времени я связала все знакомые мне слова на испанском с жестами полицейских и поняла, что мне пытаются сказать. Границу запрещено пересекать без транспорта. Причем будь у меня велик или даже (я не шучу) скейтборд – меня бы пропустили.

– Что же мне делать?

– Проси у людей, чтобы они взяли тебя с собой.

– Каких?

– Тех, что будут пересекать границу. На машинах.

Люди появлялись раз в полчаса, и никто не соглашался меня брать. Видимо, на них психологически давил тот факт, что я прошу их помощи на глазах у полицейских. Я вышла на улицу, сползла вдоль стены и стала описывать в блокноте последние события, чтобы хоть как-то отвлечься и заодно не потерять сознание.

Прошло пять часов. Три дня практически без еды и высота сыграли свою роль. 5500 метров – это не айс. Для сравнения: высота Килиманджаро 5895 метров. А резкий подъем на такую высоту вообще может быть летальным. Моя голова раскалывалась, нос драло. Высота – это когда ты не можешь думать, не можешь сконцентрироваться, не можешь говорить. Хочется только выбраться отсюда поскорее. Вокруг были только эта чертова проверочная будка, горы и развевающийся на ветру чилийский флаг. Я надолго запомню этот чертов звенящий звук троса флага, ударяющегося о шест. Размеренное «дзынь-дзынь» раз в секунду ударяло по ушам. Чтобы не отключиться, я пыталась записывать в блокноте, что со мной происходит, но даже это давалось с трудом. Когда я уже лежала на земле, пытаясь подпитаться теплом солнца, за мной наконец пришли полицейские и сказали что-то, содержащее слово «удача». Я с трудом встала и поплелась за ними, как в тумане.

Меня взялся довезти шофер грузовика. В его компании уже были две девочки-еврейки, которые тоже добирались до Сан-Педро. Они только что отслужили и теперь путешествовали. Большинство израильтян относятся к путешествиям как к логической составляющей жизни и сразу после получения образования отправляются колесить по свету примерно год.

Как я проходила паспортный контроль, не описать словами. Все это длилось так долго и протекало так медленно, что я периодически ложилась головой на стол или стекала по стене на пол. После дополнительных проверок наших рюкзаков и прочего геморроя нас наконец впустили в Чили. В грузовике я ехала в полусознании. Добрые девочки дали мне немного вареного риса с

морковкой из своих запасов. Облокотив голову на стекло, я глядела рассеянным взглядом на пейзажи и молила Бога, чтобы эта чертова высота скорее закончилась. Притом что я была тепло одета, меня колотил озноб, а в виски как будто ввинтили по шурупу. Уши закладывало, и продуваться почему-то было бесполезно. Но чем выше мы поднимались, тем красивее становился вид. Закат окрасил бесконечные песочные горы, не тронутые ни лапой животного, ни ногой человека, во все цвета радуги… Получались желтые горы, за ними оранжевые, потом синие и фиолетовые вдалеке… С движением солнца к горизонту все эти краски меняли свой оттенок, резонируя цвету неба, словно огромный хамелеон. Мне хотелось бежать по этим безупречно гладким далям в теле лошади, лететь над ними в теле орла… Чертить на этих песках рисунки хвостом змеи и рыть ямы лапами мангуста. Когда мы проезжали речушки, солнце и небо отражались в воде, и казалось, что в земле образовались дыры, а в них показалось еще одно небо. И вот мы наконец начали спускаться с высоты. Небо стало темно-синим. Впереди догорал закат, очертив границу между небом и землей красной полосой с оранжевым отливом.

К ночи мы наконец-то доехали до места назначения. Сан-Педро оказался ничтожно мелким городом. Вторая часть названия города, «de Atacama», переводится как «в пустыне». Бойкие девчонки взяли вещи, палатку и через мгновение уже исчезли где-то в темноте. Больше я их никогда не видела. Уставшая, запутанная, понимающая, что нахожусь непонятно где и не знаю, как мне добираться до Боливии, я уже была на грани того, чтобы пожалеть, что вообще приехала. Но потом я вспомнила, в чем был смысл, и подняла голову. Прямо надо мной во всей красе сверкал гигантский Млечный Путь.

Глава 8
Сан-Педро-де-Атакама

Заметка в дневнике:
28 апреля 2014
В Южной Америке люди при встрече всегда спрашивают друг друга: «Как дела? Что нового? Все хорошо?» И всегда ждут ответа с улыбкой. Они не американцы и не европейцы, им правда интересно. Ты отвечаешь, что все хорошо. И так по несколько раз в день, при каждом новом приветствии. Вроде бы должно надоесть, но здорово же констатировать факт, что все хорошо. Повторяешь и как-то про себя задумываешься: а ведь и правда «Все хорошо». Так легко не заметить счастье. Надо ценить. Обязательно надо ценить.

* * *

Сан-Педро-де-Атакама. Маленький и единственный поселок в самой сухой пустыне мира на севере Чили. Сколько я здесь уже пробыла? Я не помню. Какой сейчас день недели? Я не знаю. Но, судя по столпившемуся у единственного продуктового магазина народу, дело близится к выходным.

Как уже упоминала, я добралась сюда на попутках из Аргентины, что заняло почти сутки. К тому моменту, когда дальнобойщик высадил меня из грузовика, город спал. Над нами раскинулся огромный Млечный Путь. Словно большой дракон, он разделил своим серебряным телом все небо пополам. Никогда прежде я не видела его таким настоящим, с каждой маленькой звездочкой внутри. Неужели они все настоящие и горят где-то там далеко?

Звезды были единственным, что внушало покой. Потому что, опустив голову с небес на землю, я поняла, что нахожусь в неизвестной глуши. Голова еще не отошла от мучений на 5000 метров. Виски только стало отпускать. В кромешной темноте виднелись очертания домов.

– Donde duermas?[41] – спросила я водителя.

– Aqui[42], – ответил он и начал расписывать все удобства своего койко-местечка за сиденьем. Так устроены практически все кабины фур. За водительским сиденьем отведено место ровно на одного человека.

– Если хочешь, можешь поспать со мной! – радостно сказал он и стал перекладывать пыльные подушки и старые пледы, чтобы придать своему ложу более опрятный вид.

– Нет, спасибо. Я пойду искать хостел. Или что-то…

Я оглянулась назад. Стояла такая кромешная темнота, что приходилось ждать несколько минут, пока глаза отвыкнут от света кабины, чтобы хоть что-то разглядеть. С полчаса я гуляла по деревушке, стучась в разные двери наугад. Сонные хозяева выходили ко мне навстречу и повторяли одно и то же: это не хостел и мест у них нет.

Я пошла в сторону единственного горящего в темноте окна. Оказалось, что это харчевня. Не знаю, как еще назвать эту комнатку с диваном, двумя столами и старым телевизором. На маленькой кухне хлопотала одна полная пожилая женщина. Мать всех матерей. Таких хочется обнять и поведать о том, что с тобой происходило. Ее простота и улыбка внушали доверие. Рядом с ней за столиком сидели мама с дочкой и мой водитель.

Я заказала себе единственное, что оставалось в это время, – рыбный суп, и накинулась на него, как собака, не думая о том, смогу ли расплатиться. Мидии, рыба и, кажется, улитки, но не уверена. Несмотря на то что суп был еле теплым, он казался мне посланием свыше.

Женщина, которая там ужинала, оказалась гидом и говорила по-английски. Не представляешь, как я устала за эти два месяца объясняться, как отсталая, на своем ломаном испанском и понимать, дай бог, половину того, что мне отвечают. Она спросила меня, кто я и откуда приехала, затем познакомила со своей 14-летней дочерью и предложила остаться у нее. Из местных денег у меня в кармане была одна бумажка стоимостью не больше трехсот рублей. И то чудо! Я получила эту бумажку от толстого мужика в белой майке. Ремень крепко обтягивал его пузо. От него разило потом, а глаза горели желанием нажиться. Он подошел к нам на границе и предложил поменять аргентинские песо на чилийскую валюту, явно пользуясь тем фактом, что менять деньги внутри страны негде. И хотя моих монеток не хватало до 5 миль (5000 песо = 10 долларов), я была на грани потери сознания и с такой безысходностью промямлила: «Yo no tengo mas, senior… lo siento»[43], – что, видимо, разжалобила мужика. Он посмеялся, и мы поменялись.

Роза – так звали мою спасительницу – отвела меня к себе в дом и отдала комнату своей дочки. Более мягкой постели у меня не было уже много месяцев. Все было лучше некуда. Я дивилась такой доброте! Теплая вода. Уютная комнатка. Даже интернет.

И только когда я начала заталкивать грязные шмотки в

стиральную машину, Роза как бы невзначай сообщила, что пребывание в ее доме стоит 10 миль за ночь. У меня было всего три. И я поняла, что завтра предстоит сложный день… Но на тот момент, в час ночи, мне было все равно.

Развешивая мокрые вещи на заднем дворе под огромным звездным небом, в полной тишине, in the middle of nowhere, я испытывала настоящее счастье. Так жаль, что никто не мог разделить со мной этот маленький момент. Тихая деревушка, совсем как у бабушки на даче, только на другой стороне земного шара. После шумного Буэнос-Айреса такая сильная перемена не могла не радовать. Мое сердце всегда почему-то требует перемен.

Большие приключения ждали меня на следующий день, и я не могла уснуть, предвкушая, как буду осваиваться и вливаться в новую жизнь. Утро было холодным. Хочется выбежать на солнце и не заходить больше в тень. Погода здесь вообще чумовая. Днем может быть +25, а ночью –5. Днем тепло, хорошо… такое русское лето. Но вечером ты, матерясь, натягиваешь на себя все свитеры, что есть, пока не станешь похож на капусту. Я с горечью вспоминала все свои классные куртки и шапки, оставшиеся дома. Хоть бы что-то взяла! Но нет, я же начинала с Рио, где +35! Зачем? Конечно!

Позавтракав овсянкой из своих запасов, я вооружилась велосипедом со спущенными колесами и отправилась изучать поселок и свои перспективы. Одна маленькая площадь, одна церковь, один бар, один банк. Всего по минимуму. В изобилии были только ресторанчики, турагентства и магазины разноцветной вязаной одежды, сумок и сувениров из Боливии, которые здесь продают с наценкой в 4 раза. Белые и оранжевые одноэтажные домики, построенные из глины. Каменные заборчики. Растения можно увидеть только на главной площади – видно, здесь их поливают. Продуктовых магазинов по минимуму. Вода стоит дороже, чем вино. А пить воду здесь необходимо литрами. Но цена на вино радует. Отличный «Каберне Совиньон» за 4 доллара. Причем продавец самого задрипанного магазинчика проконсультирует тебя в выборе вина лучше, чем половина официантов Москвы.

Город живет за счет туристов, которых здесь, к моему удивлению, оказалось больше, чем местных. И обдирают их здесь как липку.

Несмотря на то что население составляет не более 2 тысяч жителей и что расположен поселок в жопе мира без дорог, телевизоров и половины современной техники, все безумно дорого! Большинство хостелов – 20 баксов за ночь. Еда… про еду я вообще молчу. А уж об экскурсиях я сразу могла забыть! Цена

одной экскурсии колебалась от 7 до 45 миль. 1 миля – это 2 доллара. Соответственно, если хочешь увидеть местные красоты – выкладывай все свои деньги. Суть в том, что это единственный город в пустыне, окруженный невероятными местами, начиная от гейзеров и вулканов и заканчивая уникальными солеными озерами, скалами, пещерами и так далее. И что-то мне подсказывает, что его жители об этом знают.

Короче, за полчаса пребывания на главной улице Караколес я осознала, что мне здесь не выжить больше двух дней, и стала придумывать план отступления. Тут ко мне подскочил красивый бразильский парень с золотыми выжженными солнцем кудряшками, торчащими из-под техасской шляпы во все стороны, и стал предлагать экскурсии:

– Как дела? Ты уже была на всех экскурсиях?

– Привет! Нет, я хочу, но все чертовски дорого, я не могу себе их позволить! Я не знаю, что делать.

– Ну, ты можешь арендовать велосипед и поехать посмотреть некоторые места сама.

– Ага?..

– Или ты можешь найти работу и бесплатно отправиться в туры.

– Что? В самом деле?

– Ну, ты можешь попробовать, по крайней мере. Ты говоришь по-испански?

– Хм, немного. Есть вакансии в вашем агентстве?

– Нет, но ты можешь попробовать в других.

– Да, наверное.

– Сделай же это!

Окей. Попробовать можно.

Я зашла в первое из понравившихся мне по интерьеру мест и чисто по приколу на ломаном испанском сообщила, что хочу работать. Мальчишки, сидевшие за столом, с интересом меня оглядели.

– You speak spanish?

– Не очень. Но я быстро учусь!

Они продолжили изучать меня красными умиротворенными глазами. Трудно было понять, то ли это последствия того, что в воздухе много пыли, то ли они просто накурены в хлам. Правильный ответ: и то, и другое. Они посовещались на испанском, и один, с запыленными торчащими вверх волосами, стал кому-то звонить:

– Хуан Пи? Как ты? Хорошо, хорошо. Все спокойно. У нас есть девушка, которая ищет работу. Тебе нужны люди? Да, хорошо. Пока.

Он снова поднял на меня красные глаза:

– Пойдем?

– Пойдем!

Мы пошли обратно по главной улице, миновали того бразильца:

– Что, уже?!

– I don't know. Посмотрим!

Мы свернули с улицы и стали ждать у дверей одного агентства. Через несколько минут к нам подъехал жизнерадостный парнишка с еще более взъерошенными волосами и треугольной бородой.

– Привет, как ты? Как тебя зовут?

– Dasha.

– Dasha! Bueno. Huan Pablo!

Так у меня появился друг. Хуан Пабло, 23 года, аргентинец, настоящий путешественник, походник и потрясающий человек. Путешествовал он на тот момент уже больше двух лет и из дома в Аргентине выехал с $60 в кармане, рюкзаком и гитарой. Несложно догадаться, что этот человек умеет выживать. Он быстро понял, в какой я ситуации, и постарался обеспечить меня всем, чем мог. Он взял меня на работу в свой офис, а значит, теперь у меня был каждодневный заработок, которого хватало на кровать в самом дешевом хостеле и кое-какую еду. Он также подогнал мне теплую куртку, велосипед с уже накачанными колесами (здесь колеса за деньги качают, они почему-то все время сдуваются), своих друзей из ресторана на рынке, которые кормили нас за две мили вместо пяти. Кроме того, теперь у меня под рукой были бесплатная вода из офиса (она стоит в магазинах от двух долларов) и его гитара.

Оказалось, что найти здесь работу проще пареной репы! Ты можешь работать в агентстве, официантом, работать с лошадьми, работать продавцом, тургидом, на ресепшен хостела и так далее. А главное, что без лишнего геморроя; это не HeadHunter, где ты днями напролет ищешь варианты и месяцами ждешь ответа. А потом бумажки, бумажки, «мы вам перезвоним», «а где вы работали до этого?», «а какие ваши ключевые навыки?», «а кем вы себя видите через пять лет?». Здесь нет этой московской бюрократии, когда все решается через вранье, бабки и связи. Хочешь работать – приди и скажи все, как есть. Я могла выбрать любой вид занятости и получать достаточно денег. Но халявные туры прельщали меня больше всего. Эта работа была единственной возможностью увидеть природу вокруг. Если бы я заплатила за все экскурсии, на которые в итоге попала бесплатно, вышло бы примерно пятьсот долларов.

Работа, которую я получила, здесь называется гордым словом Hunter. Хуан быстро рассказал мне обо всех существующих экскурсиях, особенностях каждой, ценах и ключевых фразах, которыми нужно заманивать людей. Смены были с 11 до 15 и с 18 до 21. За каждую платят 5 миль (10 долларов). В шесть вечера я уже вышла работать и, получив на лапу, смогла расплатиться за кровать в доме Розы. Я отдала ей ровно 10 миль и сказала, что, поскольку я понимаю, что это явно завышенная цена, хочу остаться на еще одну ночь бесплатно. Пообещала, что утром меня здесь уже не будет. На удивление, она согласилась. Надо отдать ей должное: в первые дни она спасала меня чаем из трав, которые сама собирала в горах. Вот состав волшебного чая Розы:

«Рика-Рика» – трава, растущая на самой высоте, успокаивает.

«Пупуса» – от горной болезни.

«Чачакома» – тоже, но растет только в Чили.

Утром я перебралась в хостел под названием «La casa del Sol Naciente», ближе к центру. Добрые тетеньки подвезли меня на машине и долго дивились, что я из России. Русских здесь практически не бывает. И неудивительно. Бассейнов-то нет и шведского стола тоже.

Хостел стоял в самом конце улицы, дальше только речка и лошади. Действительно, именно с этой стороны встает солнце. Половина территории заставлена палатками (кемпингов здесь столько же, сколько и хостелов), справа и слева от никогда не работающего камина находятся две маленькие комнаты с двухъярусными кроватями. По десять кроватей в каждой комнате. Такая вот маленькая армия, все как я люблю. Своя кухня, несколько душей. Туалетной бумаги только нигде нет. Ответственные за порядок седые дяденьки объяснили, что ее все время воруют, поэтому они перестали ее там оставлять. Сказали, купи свою. Я уставилась на них с удивлением. Так и стояла, пока они не вручили мне рулон и не наказали прятать его получше.

Что это самая сухая пустыня в мире, я сполна ощутила довольно скоро. Если доберешься до Сан-Педро-де-Атакамы, сразу беги в аптеку, покупай самый сильный бальзам для губ и самый жирный крем для ног и рук. А также листья коки, если не хочешь тупить и буквально отключаться каждые несколько часов. Акклиматизация очень жесткая. Пустыня быстренько высушила мою кожу к хренам. Губы и пятки потрескались, руки стали выглядеть так, как будто мне с полтинник, волосы неизбежно путаются в огромные клочья каждый день. Ногти слоятся, ноздри жжет сухой воздух. От недостатка кислорода все время хочется спать. Спустя время я наконец-то смогла нормально улыбаться, дышать и доживать до ночи. Но трещины на ногах не заживали

еще долго. Крем, кока, вода. Крем, кока, вода – вот она, мантра горной пустыни.

Мой испанский шел в гору. Я не открывала ни одного учебника. Оно само так вышло. В один из рабочих дней ко мне подошла съемочная группа чилийского канала и стала брать интервью. Я отвечала в микрофон и сама хренела с того, что сейчас вообще происходит. Не потому, что на меня наставили камеру, а потому, что я только что в подробностях рассказала, где была и что делала последние два месяца. Интересно следить за собственным прогрессом в «изучении» языка, когда, по сути, ты просто, как ребенок, набираешься слов с улицы.

Спустя несколько дней я уже знала половину жителей города. Не знаю, каким образом здесь числится две тысячи людей… Их явно меньше. Пока я еду на работу на велосипеде, меня со всех сторон сопровождают крики: «Привет, Даша! Привет, красавица! Как ты? Куда едешь?» Чувствуешь себя дома, будто ты всю жизнь здесь жил. Все друг с другом здороваются. Пройти мимо кого-то и не сказать: «Ола» – или хотя бы не улыбнуться, кажется просто странным. Мне хорошо в таких городах. Простой добрый город без предрассудков и суеты.

Еще одна причина моей любви к этому городу – это лошади и собаки. Про вторых вообще можно писать отдельную книгу. Этот город в шутку называют «San PERRO De Atacama»[44]. Собаки здесь – полноценные жители. У каждой есть имя. И никто не осудит тебя, если ты станешь обниматься с уличным псом. Это нормально. Хотя концепта слова «нормально» здесь не существует. Живи, как хочешь, судьи кто? Моей любимой собакой стала Люси. С чьим-то самодельным ошейником-фенечкой. Она живет там же, где я работаю, и мы часто загораем в обнимку. Собак кормят сами жители, при этом ни одна собака никому не принадлежит. Просто люди периодически выносят им воду и горячую еду.

Иногда по вечерам псы устраивают потасовки. Кусаются, лают друг на друга, но, если дело заходит слишком далеко, люди их сразу разнимают. Собак очень уважают, даже если они ведут себя как дураки и гоняются за машинами. Один раз на моих глазах джип прищемил лапу одному щенку. Пес заскулил и ускакал к стенке. Так что ты думаешь? Весь город собрался жалеть бедную собаку. А водителю в итоге пришлось вести пса к ветеринару, хотя даже крови не было. По ночам я люблю играть с собаками на пустых улицах. Я даже научилась говорить с ними по-испански. Мы бежим вместе, деремся… Я чувствую себя здесь, как Есенин в своей рязанской деревне. Знаю каждую собаку.

Хостелы – это всегда отдельная тусовка. Семья

путешественников. Они готовят вместе, одалживают друг другу зубную пасту, угощаются вином и пивом, делятся знаниями и опытом. Кто-то из них путешествовал автостопом, кто-то на мотоцикле, приварив две железные коробки по бокам, чтобы сложить в них вещи. Многие ребята зарабатывали в дороге, превратив жизнь в бесконечное приключение. Двое парней, живущих в палатке, например, собирали бутылки пива с узорами на стекле, отрезали на самодельном аппарате горлышко и продавали их как стаканы; кто-то плел фенечки и венки на улице; кто-то вырезал из кожи кошельки; кто-то подрабатывал в местных барах и турагентствах. Каждый находил свой способ не заканчивать эту игру под названием «дорога».

Прожив две недели в окружении путешественников, я окончательно убедилась, что все мы здесь просто совершенно другой породы. Мы дети другой песочницы. Путешественники. Сколько человечного и одновременно асоциального в этом слове! Каждый сам по себе, но каждый готов постоять за другого. У каждого в запасе такие истории, что тебе не придется больше читать книги или смотреть кино. Их жизни покруче любых сериалов. И все они живут одним днем. Не потому что беззаботны, а потому что помнят, что прошлое в прошлом, а будущее всегда не определено. Его вообще нет.

Есть только «present» – настоящее. Настоящий подарок.

В мире путешественников также нет расовых предрассудков. Потому что, встретив тысячу людей из разных стран, ты наконец поймешь, что каждый – личность и за свое поведение отвечает сам. Зная стереотипы своей страны, я всячески пытаюсь их разрушить. Я буду всеми зубами улыбаться каждому, лишь бы потом никто мне больше не сказал, что русские неприветливы.

Через какое-то время ты перестаешь рассматривать каждого человека противоположного пола как «да» и «нет». Физическая красота становится менее важна. Ты смотришь сразу в душу.

Путешественники знают цену всему. Только они об этом молчат. Они вообще предпочитают о многом молчать. Ты не услышишь от них нравоучений. Свою религию они держат при себе. Они знают, что у каждого своя дорога и каждый должен прийти ко всему сам. Они могут поделиться своим опытом, но выводы оставят тебе. Трудно разговорить путешественника до сердечных дел. Мы не трогаем любовь. Не касаемся больной темы, потому что это первое, чем приходится пожертвовать и о чем проще всего забыть. Единицам удается связать путешествия с отношениями и семьей. Они стараются не ввязываться даже в краткосрочные романы. Пытаются сохранить сердце целым. Подпускают честно и близко, но оставляют расстояние на то,

чтобы в один день безболезненно уйти.

И если ты все-таки влюбляешься, это скорее трагедия, чем удача. Те, кто был рожден, чтобы бежать, не любят ломать себе ноги. Не презирай меня за все эти слова. Ты лучше попробуй путешествовать. В одиночку. А потом скажешь мне, о чем ты захочешь говорить, а о чем нет. А главное, скажешь мне, захочешь ли ты остановиться.

Глава 9
Своя среди чужих

По дороге в Чили я загадала желание, точнее – попросила. Я сказала: «Господи, пожалуйста, пошли мне друга. Пошли мне человека, с которым я буду как дома. Он мне сейчас нужен». И именно таким человеком для меня стал аргентинец Хуан Пабло. Помимо того что он выбил для меня у босса теплую куртку и велосипед, он также предложил переехать жить вместе с ним в дом его начальника, чтобы я не тратила деньги на хостел. И на какое-то время я перебралась жить к ним. Таким образом, мне удалось даже откладывать заработанные бумажки. Практически все дома в этом городке выглядели как голая бетонная коробка, и наш не был исключением. Казалось, мы живем на стройке. Хозяин даже не удосужился покрасить стены, положить линолеум или паркет… В общем-то, скорее всего, потому, что никаких строительных магазинов тут в помине не было. Как и отопления. По ночам температура была минусовой, и от холода можно было сдохнуть. Мы с Хуаном спали, плотно прижавшись друг к другу, на надувном матрасе под одним одеялом, сложив несколько покрывал и спальников под себя, в штанах и кофтах. Дико непривычно было утеплять саму кровать, а не прятаться под одеялами. Ведь поскольку матрас был надувным, воздух внутри его, мягко говоря, не грел, и нужно было еще постараться, чтобы не приморозить зад. Но когда Хуан Пабло уходил с туром на вулкан Ликанкабур на несколько дней (он подрабатывал гидом), спать становилось невозможно.

В день моего переезда в дом босса, когда мы сели за стол, первое, что предложил мне Хуан Пи в виде гостеприимства, был не чай, а кокаин. Я думала, что он шутит. Юноша с ангельским лицом и чистейшей душой, в голове не укладывалось, что он может употреблять такой «темный», как я думала тогда, наркотик. Бедный Хуан же в свою очередь испугался моей «are you kidding me?!» реакции и перед тем, как достать руку с кулечком из кармана балахона, еще несколько раз переспросил меня, что в этом такого».

Я давно заметила, что у каждого континента есть свой наркотик. Как визитная карточка. Официальный спонсор. Представитель. Парламентер. Зови как хочешь. Визитная карточка Южной Америки – кокаин.

Пока на остальной планете этот наркотик считается символом успеха, заначкой звезд, топ-моделей, богатых

бизнесменов и прочих «королей» мира сего, здесь кокаин на столе в каждой захудалой избушке, рядом с солью и сахаром. В твоем доме может не быть мебели, но кокаинчику найдется на всех. И неудивительно, ведь только здесь его на самом деле и производят. Половина континента – плантации листьев коки. Грамм кокаина в Чили стоит 10 миль, то есть 20 долларов. В сравнении с Колумбией (5 долларов за грамм) дороговато, но для всего остального мира это ничто. Сами понимаете, нюхают практически все. По меньшей мере, это не считается чем-то зазорным. И медиаторы у гитаристов в кармане приобретают дополнительный функционал (они используют их вместо карточки, чтобы делать дорожки).

Хуан играл на гитаре, как бог. Несколько дней подряд мы сидели на главной площади и, передавая друг другу гитару, пели. «Говорят, музыканты – самый циничный народ»[45]. В Хуане Пабло этого не было ни на грамм. Он поощрительно кивал и хлопал в ладоши после каждой моей сыгранной песенки, хотя, естественно, играл куда круче меня. Гитара была его заработком долгие месяцы. Помимо работы в турагентстве, он иногда играл в барах. На вырученные за день деньги мы покупали все, что нам было нужно, и шли домой, постепенно превращаясь в маленькую семью.

Прошло сколько-то времени, и я наконец акклиматизировалась. С губ сошли корки, и теперь я даже могла нормально улыбаться. У жизни снова появился график. После рабочего дня наступали честно заслуженные ночи. Жара спадала, город замолкал, и на небо возвращался Млечный Путь.

Какая может быть ночная жизнь в пустыне? Правильно, смешная. На случай ночи тут всего было по одному. Один ресторанчик. Один магазинчик. Один бар. Зато какой! Старые деревянные скамейки, столы, покрытые сотней автографов. На стенах – портреты всех любимых групп: «Nirvana», «Doors», «Beatles», «Janis Joplin», «Led Zeppelin», «Elvis Presley» и т. д. Потолок завешан футбольной артибутикой.

Любимым и единственным местом для вечерних посиделок было заведение под названием «Export». По меркам пустыни «Экспорт» был максимумом пафоса и стиля. По меркам Москвы – это хижина охотника. На входе стояла огромная беленая печь с лицом старика – в его открытый рот закидывали дрова, а он взамен дышал на нас жаром и обогревал все помещение. Отопления-то в пустыне нет, а на улице в любое время года ночью лютый минус. Благодаря этому старику весь «клуб» пропах костром. На столах, за барной стойкой и у каждого завешанного попонами из лам окна горят огромные свечи на блюдцах. Другого

освещения не требовалось. Весь терпкий букет завершает аутентичная веселая музыка, которую играют на неизвестных мне инструментах. Этот домик живет вне времени и пространства. Публика на все сто соответствует месту. Туристы к ночи уезжают восвояси куда-то далеко, до подобающих их материальному состоянию отелей, а мы, бродяги всех рас, религий и возрастов, собираемся здесь с багажом историй со всего света. Я плаваю среди них как рыба, рыская, где чем подкормят мой жаждущий новых красок мозг. Весь обслуживающий персонал мне хорошо знаком. Половина ютятся со мной в одной комнате хостела. Ах, видели бы вы эти кровати! Лезешь на верхнюю койку и молишь Аллаха, чтобы вся эта конструкция не развалилась.

Но самое классное – это то, что происходит в «Экспорте» в полночь. Видишь ли, тут существует самый настоящий комендантский час. Город должен спать. Часы бьют одиннадцать – и за барной стойкой перестают продавать алкоголь. Мирные жители ложатся в теплые постели спать… И просыпается мафия. В данном случае полиция. Они включают мигалки и патрулируют улицы. Но нам-то, детям приключений, законы не писаны. Мы спать не хотим. И начинается игра. Зазывалы ресторана, стоящие у входа на улице (у каждого ресторана, как и у турагентств, есть свой зазывала), держат ухо востро и вглядываются в темную ночь. И как только первый луч света красно-синих мигалок кинет блик в их дикие, способные видеть в темноте глаза, они забегают в хижину и кричат: «Стоп!»

А дальше происходит то, во что ты просто не поверишь, если не увидишь сам.

Вмиг захлопывается дверь, музыка замолкает, народ обрывает все разговоры. Свечи на окнах гасят. Все, кто стоял за барной стойкой или танцевал, несутся за столы и, расталкивая сидящих, занимают свободные сантиметры стульев, как воробушки на проводе. Настоящая игра «выше ножки от земли»!

Объяснение таково: после 23.00 запрещены любая музыка и танцы. Если ты стоишь, видать, ты еще и танцуешь! Никто не хочет платить штрафы или, не дай бог, показывать документы. Высший страх для бродяг – дать номер своего паспорта копу. Потом не оберешься проблем на границе. Ментов тут называют свиньями. Такой вот сленг. Ах, бедная полиция… В Южной Америке ее ненавидят так же, как в России. Альтернативой этому варианту ночной жизни являются вечеринки у костра на «пляже». Пляжем называют местечко за пределами города рядом с высохшей рекой. Здесь живет поселение застрявших в кочевой жизни хиппи. Еще один вариант согреться ночью – прийти к их костру. Если, конечно, дойдешь.

Довольно скоро мне удалось сгонять на все экскурсии, что там были. Ведь стоит здесь пожить недельку и пообщаться с местными, как ты уже свой. Сначала я съездила на все туры своего агентства, затем через «связи» договорилась с другими агентствами и ездила с ними туда, куда моя компания не катает.

Первое, куда я отправилась, – посмотреть на звезды через дорогущие телескопы вместе с туристами. Невероятные изобретения! Гиду оставалось только забить имя планеты, созвездия или галактики – и телескоп поворачивался в нужную сторону сам. А еще у гида была классная указка в виде зеленого луча, который спокойно пробивает расстояние в три километра: этого достаточно, чтобы без труда указать на любую точку в небе. Попивая горячее какао, я слушала о том, как и где звезды рождаются, как понять, какая скоро умрет, и как из ее останков потом образуется новая звезда. Правда, символично? Все как у нас, на Земле. «Видишь ли, Симба, когда мы умираем, наши тела превращаются в траву, а антилопа ест траву. Мы все – часть круговорота жизни»[46]. Существует, кстати, всего три цвета звезд: синие, желтые и красные. Синие – молодые, красные – старые, а желтые… Желтые просто симпатичные. Ха-ха. Я впервые увидела собственными глазами кольца Сатурна, две галактики и многое другое. Ах, звезды, звезды… Сколько столетий вы все глядите на нас… Мы гуляем под вашими глазами, влюбляемся, расстаемся, смеемся, плачем. Говорим друг другу такие откровения, а наутро забываем. Но вы-то все помните, я знаю.

Я покаталась на борде по песочным склонам, полазала по горам, изучила лунную долину и поплавала в озерах, соленых, как Мертвое море. По консистенции такая вода напоминает кисель. Заходить в нее надо со спины, потому что, если такая соленая вода попадет тебе в глаз, сожжет его к чертовой матери. Очень странное и смешное ощущение. Плывешь как бревно, ногами кверху, тебя в буквальном смысле выталкивает из воды. Если опустить ноги вертикально вниз, поднимешься с поверхности как поплавок. Плечи и грудь будут на воздухе. Когда я вылезла, кожу моментально стянуло. Вода быстро испарилась, а соль превратилась в мелкие кристаллики.

Самая крутая экскурсия, на которой я побывала, называется «Piedras Rojas», что переводится как «красные камни». Я снова поднялась на 5000 метров, к вулканам и лагунам, чтобы обнаружить, что рай на земле все-таки есть. Увы, то ли от высоты, то ли от холода мой телефон постоянно выключался, и я почти не сделала фотографий. Сюда надо ехать с зеркалкой и умирать. Невероятной красоты горные озера, здесь их называют лагуны. Голубые, зеленые, серые. Горы словно слеплены кем-то. Они

покрыты тонким слоем соли, так сильно дует ветер с озер. А кажется, что это снег. Если бы не подаренная Хуаном Пабло куртка, клянусь, я бы сдохла от холода. Нас в прямом смысле сносил ветер. Приходилось держаться друг за друга, чтобы устоять, и шагать согнувшись.

Все дневные экскурсии заканчивались любованием на закаты, а они здесь совершенно невероятные… Толстенький водитель выставляет складной столик, на него ставит тарелки с орешками, чипсами и другими незамысловатыми «снеками» – как модно теперь их называть, – а сам превращается в бармена и мешает всем по коктейлю «Pisco Sour». Интересно, что здесь они не добавляют в него яичный белок, как в Америке. Здесь это просто писко: лимоный сок, жидкий сахар и биттер. Но в обеих версиях коктейль прекрасен. Особенно когда бесплатно.

На самом деле моя неадекватная любовь к халяве – это болезнь. Она пошла еще со времен бедного детства. Родители научили меня выбивать себе бесплатные ништяки всегда и во всем: мы никогда, например, не покупали билеты в театр на первые ряды. Нет, мы брали самые дешевые, что были, и после третьего звонка пересаживались.

В один из рабочих дней, пока я продолжала приставать к каждому прохожему с уже выученной фразой «nessesita informacion de tours?»[47], я увидела на улице худого высокого мальчика в темных очках Ray Ban. Кожа у него была девственно белая. Волосы прилизаны. Он вышел из единственного в пустыне магазина мороженого, которого мы, местные, позволить себе не могли. Да и как-то неприлично даже было платить туристическую цену за глупый рожок. Пустыня и пустыня. Смирись. Не будет тут мороженого. Мальчик облизывал таявший на глазах ванильный рожок и провожал взглядом прохожих. Он значительно выделялся из толпы. Эдакий турист. И тут я вспомнила: по городу уже несколько дней ходили байки, что сюда занесло русского пацана. Подписываясь на экскурсии, он заполнял колонку «страна», и, поскольку я давно уже знала все турагентства, весть дошла до меня моментально. Я заговорщически улыбнулась и спросила его с самым американским акцентом, на какой способна:

– Hi! – Если хотите сказать «хай» по-американски, говорите «хаааай». Вообще, чем глупее ты звучишь, тем больше походишь на американца, но это надо вслух изображать. – I'm sorry, where are you from?

– Айм фром Раша.

– Oh really? А откуда именно?

– Москау.

– Wow! That's so far away! Как ты добрался сюда?

В общем, я долго еще прикалывалась, а потом кинулась обниматься. Надо действительно не разговаривать на родном языке несколько месяцев, чтобы так радоваться возможности сказать «привет».

Валентин путешествовал на машине. Перетерев пару тем, пожаловавшись на сухость и прочие особенности пустыни (бедный парень вставал по ночам, чтобы намочить водой ноздри, так дерет), мы договорились съездить куда-нибудь вместе. Какой кайф договариваться о встрече с москвичом! Это как минимум возможно! Вся Южная Америка часов не наблюдает вообще.

Рано утром мы отправились в долину Аркоирис. Невероятные горы, луга, реки – и все для тебя. Гуляй не хочу. Путешествовать на машине – конечно, шикарный способ! Никакой гид не будет тебе говорить, куда идти, а куда не идти. Мы гуляли по девственным местам в окружении лам и осликов. Можно было бы разбить здесь палатку – вокруг ни души.

Да, я наконец-то добралась до лам! Здесь существует несколько видов парнокопытных, похожих друг на друга. Ламы и альпаки – домашние животные. Хозяева помечают их разноцветными нитками на ушах или теле. Привязывают разноцветные пампушки к шерсти, чтобы различать, чьи это ламы и альпаки. Мы задумались о том, почему так не поступают со всеми животными – вместо этого им обжигают зад раскаленным железом. Вероятнее всего, потому, что клеймо не спрячешь. Забавно, но местным, наверное, и в голову не придет перевязать нитки и украсть чужую ламу. Вся природа Чили напоминает другую планету. Кажется, что гуляешь по Марсу или Юпитеру, но никак не по Земле. Пещеры забирают тебя в самое сердце гор. Это так волшебно – идти по песку и видеть, что на нем и в помине не было ни одного следа человека или даже животного.

После «самоэкскурсии» мы вернулись в город и отправились поужинать. Каким счастьем было послушать образованного русского человека. Я поняла, что совершенно забыла, что представляет собой наш менталитет, поэтому вместо того чтобы есть, вся растворилась в мировоззрении этого парня. Смотрела на него, как на загадочный экспонат.

Мой товарищ покинул Сан-Педро на следующий день, предварительно врезавшись в легковушку с туристами. Мы долго разбирались и в итоге кое-как отделались. Но взятки здесь давать бесполезно. Люди вообще не понимают, что это такое. Водитель записал номера машины и наконец от нас отстал. Чем больше проходило времени, тем больше я скучала по Антону. Через месяц у него будет день рождения, и я опять придумала изощренный сюрприз и передала через Валентина подарок. Правда, денег у

меня не было, поэтому подарок представлял собой набедренную сумку с кучей камушков, листьев коки и брелоков из всех стран, что я успела проехать.

Вечером мы с Хуаном сидели в единственном баре и как обычно обменивались мыслями, перед этим по очереди зайдя в туалет со свертком и медиатором в руке. Хуан научил меня многому. Хотя скорее он просто дал мне намек, а я дошла сама. Он периодически подмывал меня остаться в Южной Америке, а я не могла найти весомых причин, почему этого не сделать:

– Я оставила в России парня.

– Так позови его сюда! Путешествуйте вместе!

– Я говорила ему. Он не хочет.

– Why?

– Потому что он хочет строить свою карьеру и так далее. Он считает, что ему не за чем приезжать. А я ненавижу Москву. I fucking hate it!

– Тогда оставайся здесь. Путешествуй. Если он тебя любит, он придет. Если нет, это тоже «окей». Вы оба должны быть свободны. Это самое важное. Живи своей жизнью. Не чужой, а своей. Ты должна быть счастлива. Ты должна это самой себе.

Он посмотрел на меня сверкающими глазами. Ему было хорошо одному, и оттого остальным всегда было хорошо с ним рядом. Когда человек в мире с самим собой, он приносит мир другим. Периодически Хуан уходит в дикие условия и живет один неделями, общаясь с природой и думая о чем-то своем. Его самостоятельность вызывала во мне восхищение.

Только в последний день пребывания в пустыне я узнала, что его родители погибли, когда ему было восемь. Отец – от сердечного приступа, а мать – в автокатастрофе через месяц. Остался он и две его сестры, которых он любит больше всего на свете. С 14 лет Хуан работал, а в 17 уже был менеджером крупного ресторана. Я ценю в мужчинах способность выживать, а не количество мятых бумажек с портретами президентов в кармане. Он любил философию, а именно Ницше, Сартра, Платона и Хайдеггера. Его любимые книги – это «The traveler and his shadow»[48] и «Allegory of the cave»[49]. А мальчику всего 23 года.

Прошло чуть больше двух недель с тех пор, как я стала жить в пустыне, а мне казалось, что пролетела целая жизнь. Я легко могла представить, что будет происходить дальше, если я останусь. А это значит, что этот урок был пройден и пора примерить на себя следующую шкуру. Возвращаясь с работы домой, я заметила на улице одного парня в очках, который очень напомнил мне Ли, того англичанина из семейной пары «взрослых

детей», с которой мы жили в одном хостеле у водопадов в Бразилии. Я знала их всего два дня, но сразу влюбилась в эту безбашенную парочку, колесившую по свету. Я уже собиралась пройти мимо – каковы были шансы, что это он, – но потом я вспомнила, что мир волшебен, а мир путешественников тем более, развернулась и подошла с самой дурацкой фразой, готовясь словить непонимающий взгляд:

– I'm sorry, can I just ask you… where are you from?

– Dasha, is that you?!

Оказалось, что это он. Через минуту из дверей турагентства выскочила красотка Энджи:

– No fucking way!

Они купили трехдневный тур в Боливию на послезавтра и предложили присоединиться. Все сошлось. Я поняла, что мне пора в дорогу. Самое лучшее время, чтобы уезжать, когда тебе еще немножко грустно покидать данное место, но уже хочется новых приключений.

Последний вечер в пустыне я провела с Хуаном Пабло. Его глаза горели от счастья за меня. Он не пытался меня остановить, потому что хорошо знал это чувство, когда ветер зовет в новый путь. Хуан нарисовал мне на маленьком листочке карту севера Южной Америки, которую исколесил сам, и разметил на карте места, которые понравились ему больше всего и, по его мнению, стоили моего внимания. Я увезла идеи Хуана Пабло с собой в сердце.

* * *

Заметка в дневнике:

12 мая 2014

Сегодня мой последний день в Сан-Педро-де-Атакаме. Я официально никогда не видела мест красивее и, как обычно, встретила множество интересных людей. За эти дни жители хостела и остального города стали мне семьей. Но, к сожалению, путешествуя, ты не только открываешь двери, а еще и закрываешь их. Прощание стало частью моей жизни. Может быть, это к лучшему. Может, к худшему. Но что я знаю точно – такая жизнь заставляет тебя ценить. Ценить все. Моменты, красоту, правду, возможности, случаи, удачу и даже здоровье, о котором редко задумываешься. Я наконец-то нахожусь в полной гармонии с собой и не хочу останавливаться.

Глава 10
«От чистого истока я начинаю путь»

Чтобы добраться до центра Боливии, где начинается хоть какая-то цивилизация, нужно проехать через Национальный парк, и сделать это можно, только купив трехдневный тур через лагуны и гейзеры до знаменитого во всем мире солончака рядом с городом Уюни. Именно поэтому, кстати, эта гигантская территория, покрытая солью, и называется Solar de Uyuni («Солончак города Уюни»). Я даже не уверена, возможно ли проехать юг на собственной машине – разве что на джипе. Это огромная пустыня без намека на сотовую связь и дорогу.

Медлительность и пофигизм боливийцев не заметить невозможно. Лень – часть их культуры, когда дело касается мужчин, не женщин, конечно. Женщины в этой стране все равно что трактора. Дорога лежала через пустыню. Хотя дорогой это назвать сложно. Вокруг горы и вулканы невероятной красоты. Такие я видела только на рисунках. Казалось, что тут прогулялся художник и нарисовал это все. Наверное, примерно так оно и было.

В первый день мы успели объехать две красивейшие лагуны. Вода в них ярко-голубая и такая прозрачная, что видно все, что под ней находится. Некоторые лагуны покрыты тонкой корочкой льда, и когда кидаешь камушек, он застревает где-то в сантиметре под поверхностью. Холодно, но в пределах разумного. Как наш ранний апрель.

На каждой остановке можно найти столбики из камушков. В Национальном парке не на чем писать «здесь был Вася», поэтому народ берет камушки и строит свои маленькие замки, оставляя тем самым след.

День завершился огромной красной лагуной, она называется Laguna Colorado. Она действительно бордово-красная, представляешь! Все из-за микроорганизмов, которые здесь обитают. Это любимая лагуна розовых фламинго, и неудивительно!

Знаешь, почему они розовые? Их розовый окрас происходит от маленьких красных рачков, в которых содержится каротиноид. Они едят только их! И перья окрашиваются. А те фламинго, что другого цвета, питаются другими рачками. Вот так вот! Фламинго цвета своей еды! И еще один забавный факт… Помнишь песню Алены Свиридовой со словами «Розовый фламинго – дитя заката…Розовый фламинго здесь танцевал когда-то»? Так вот,

«танец» фламинго, оказывается, – общеизвестная вещь. И именно розового! Только розовые фламинго «танцуют». Они крутятся вокруг своей оси и быстро поднимают то одну, то другую ногу. Только вот делают они это не ради искусства, а чтобы найти еду. Их длинные ноги баламутят воду, и рачки моментально поднимаются со дна. Так что Свиридова не весть что поет, а научные факты в тексте прячет.

Помимо фламинго местными жителями лагуны являются сотни лам. Мы изучили их всех. Выражение лица каждой ламы уникально. И не любить их невозможно. Пока остальная группа бегала фотографировать всю эту красоту, я села одна у лагуны. В голове не соединялось, что это все та же планета Земля. Ламы паслись прямо рядом со мной, не обращая на посторонних никакого внимания, а фламинго летели над моей головой огромной стаей. Здесь было так тихо. И так далеко от всего, что окружало меня по жизни. Если бы существовал телепорт, я сохранила бы для себя это место и возвращалась бы в него иногда посидеть с фламинго у красной воды.

Ночевали мы в одном-единственном «отеле». Каменная комната, матрасы лежат на огромных глиняных плитах. Это и есть кровать. Ужин из пюре и сосисок я проглотила, почти не жуя. Так я устала. Выйти из дома в шесть утра, поспав перед этим часа полтора, и весь день бродить на высоте 5000 метров – это, блин, испытание. А потом наступила ночь. И начался ад. Наш отель находился на высоте около 6000 метров. Холодно, голова раскалывается. Дышать просто нечем. Очень странное чувство: ты вдыхаешь полной грудью, а кислорода-то нет. В итоге лежишь под двумя одеялами и спальником и дышишь так, будто сейчас задохнешься. Ноздри дерет. Спать невозможно. Мы ужевались листьями коки, выпили по литру воды и легли почти что сидя. Когда находишься на высоте, лучше спать так, чтобы голова была в вертикальном положении. Уснуть на боку нереально. Я мучилась всю ночь и проснулась с жуткой головной болью, как от похмелья. Нечестно это. Не бухал, а голова болит.

Тем временем мы добрались до первых поселков, и я наконец увидела местных жителей во всей красе. Темная кожа, как у индейцев, средний рост 150 см. Мужички простые, ничего приметного. Пивное пузо – как дополнительная часть тела. Но женщины… Я не могла поверить. Скажу так: если бы у семи гномов были жены, они выглядели бы именно так. Миниатюрные, как статуэтки, при этом полненькие, почти круглые, с длинными черными косами, в шапочках с круглыми полями, которые им малы на пять размеров, разноцветные волнистые юбки делают их еще более круглыми, толстые колготки, свитерок и детские

туфельки.

Как я поняла, «проявляют» себя местные женщины в кончиках косичек. У кого-то в них были вплетены странные кружочки, у кого-то цветные ленточки, у кого-то бисер, а некоторые связывали свои косички веревочкой, и получался мостик. Мода на золотые коронки в зубах здесь не прошла. Более того, у некоторых коронки вообще были в форме сердечек. Ужинали мы в тот день огромными стейками с картошкой, я чуть не расплакалась от счастья… Но на вкус мясо было похоже на козла, и чтобы разжевать его до конца, надо было, видимо, иметь те самые золотые коронки. Судя по всему, это была лама, потому что козлов мы поблизости не видели.

Еще одна ночь на бетоне, еще один дубак и холодная вода в душе… И Дашино здоровье превращается… превращается… в элегантный грипп. А может, так и выглядит горная болезнь? Третий день экскурсии я провела в соплях, слюнях, слезах и с высокой температурой. Хотелось сдохнуть. Если бы я не купила солнечные очки на соленых озерах, то точно бы осталась без глаз. Солнце, отражаясь о белую поверхность, било в лицо, как свет лампы на допросе у копов. Хорошо, что я догадалась взять из нашей комнаты оставленный кем-то билетик. Прикинулась, что заплатила за соленые озера, и на сэкономленные деньги взяла очки. Эти хитрые жители Южной Америки облапошивают иностранцев, как могут! Куда ни поедешь, везде «плати за вход». Только вот вход куда? Я ни разу не видела никаких заборов! Это какая-то игра «Царь горы»! Я первый на озеро с утра приехал – вот мне и плати. За что?! За природу?!

Соленое озеро Уюни – потрясающее создание природы. Это высохшее озеро площадью десять с половиной тысяч квадратных километров состоит из поваренной соли. Раньше здесь было море. Во время сезона дождей оно покрывается тонким слоем воды и превращается в самую большую в мире зеркальную поверхность. Только вот, увы, эта зеркальная поверхность там только в феврале, и моя мечта погулять по «небу» обломалась. На солончаке разрешено отковырять себе немного соли. Представляешь, солить в России борщ солью с озера в Боливии, которую ты сам наковырял?

Следующей остановкой было пристанище флагов мира. Там был и российский флаг, на который я с минуту пялилась с удивлением. Родная страна к этому моменту казалась мне призрачным отголоском прошлого. Я нашла маркер и написала на флаге «Балашиха-мама».

Закончилось наше трехдневное путешествие на легендарном кладбище поездов. Тут много не расскажешь. Была железная

дорога, а теперь ее нет. И остались поезда стоять без дела в пустыне. Каждый из них был словно позабытый родственниками и друзьями полковник, которому никто не пишет. Доживающий свои последние годы, тихо тлеющий под бременем времени. Есть что-то неповторимо прекрасное в местах и предметах, навсегда позабытых миром… В поездах, которые уже никогда никуда не пойдут.

Наконец джипы высадили нас в первом населенном пункте на пути под названием Уюни. Боливия шумная, грязная, ебанутая. Я полчаса пыталась найти хоть какую-то не опасную для жизни еду. Здесь продавалась куча какого-то мяса в тесте, заветренных пирожков и прочей самодельной дряни. Наименее опасным продуктом были чипсы. Пока ребята искали, где купить билеты до следующего города, я с температурой под 40° хлебала воду как верблюд и, сидя на грязном бордюре, проклинала все и вся. Город Потоси, куда мы теперь держали путь, переводится на русский с буквой «о» в середине, а на испанском там «у». Поэтому женщины рядом со мной зазывали народ в автобусы истошным криком: «Потусиии! Потусиииии! ПОТУСИИИИИИИИИ!» Мне хотелось их убить.

Наконец, ребята купили билеты, мы затащили багаж на крышу раздолбанного желтого автобуса, кое-как затолкались в него вместе с местными и отправились потусить в «Потуси». Поскольку все жители Боливии родом произошли от гномов, сиденья в автобусах стоят так близко друг к другу, что даже мои не такие уж длинные ноги с трудом умещались. Мы стали снова подниматься вверх по серпантину, и с каждым метром мне становилось все хуже. Я до сих пор не знаю, была это горная болезнь, простуда или все вместе, но мне казалось, что я в огне, при этом было очень холодно. Озноб колотил тело, на лбу выступил холодный пот. Высота давила на виски. Казалось, голова сейчас просто треснет. Женщина на соседнем сиденье держала в руках маленький радиоприемник, откуда играла отвратительная местная музыка. Все песни Боливии – про любовь, ревность и так далее. Как наша попса, только хуже. Даже моего словарного запаса хватало на то, чтобы понять текст.

«Я тебя любила, а потом забыла» и так далее. Одна песня мне врезалась в мозг: «Donde esta mi amor? Porque no vienes?»[50], которую поет писклявый женский голосок… Я оставила попытки уснуть. В припадочном состоянии я беспомощно таращилась в окно. У меня даже не было возможности сообщить близким, где я и что я. Мне стало страшно от того, как легко я могу умереть прямо здесь, а они даже не узнают. Мне слышался голос отца: «Котенок, сейчас только тепло и покой». Все небо стало черным.

Тонкая линия догорающего заката красной лентой исчезала где-то вдалеке за горами вместе с моими силами, пока старенький автобус продолжал карабкаться вверх.

Поздно ночью мы наконец добрались до этого города у черта на куличках. Я умирала в предвкушении, что мы слезем с высоты. Только спустя пару дней я узнала, что это самый высокий город мира, не считая маленьких поселений где-то в Тибете. На этот раз я была окружена толпой иностранцев, которые тоже искали дешевый ночлег, так что в кои-то веки можно было расслабиться и просто следовать за остальными. Почти все европейцы путешествуют с путеводителями «Lonely Planet», эдаким бестселлером среди путешественников. Эта книга дает описание всех городов с подсказками о лучших экскурсиях, дешевых хостелах и другими хорошими советами для самостоятельных бродяг. Под грузом старого непомерного рюкзака я плелась за толпой хвостиком, обливаясь потом и задыхаясь. Когда мы дошли до рекомендованного книгой хостела и узнали, что места хватит на всех, Queen запели в моей голове «We are the champions». Для той задницы мира, в которой мы находились, хостел был потрясающий! Со своей библиотекой, кинокомнатой, большой кухней, длинным обеденным столом, диванами, крышей с видом на весь город и двумя котятами.

Но главное – это наши комнаты! Нормальные, мягкие кровати! Без кого-то храпящего над тобой, с собственной, мать его, ванной! Войдя, я трупом упала на кровать. Энджи, медсестра по профессии, побежала покупать мне таблетки. Одну из индийских сестренок, которые ехали с нами, рвало от высоты каждые пять минут. Другую поносило. Короче говоря, на пару дней наша комната превратилась в лазарет.

К сожалению, пока мои приятели ходили по экскурсиям, я лежала дома больная. Единственное, что я узнала, – в Потоси добывали серебро.

Вскоре все мои только что обретенные друзья снова разъехались в разные стороны, а я осталась зализывать раны. В лучах холодного солнца я поднялась на крышу нашего хостела, села на железные ступеньки и оглядела город, окруженный горами. Отсюда эти просторы выглядели так мирно. Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко, подумала я. И поставив играть эту песню, известную каждому рожденному в СССР ребенку, услышала ее совсем по-другому. Ни одна из этих строчек в детстве не находила во мне никакого отклика. Теперь же мне казалось, что этот текст мог написать только тот, кто так же сидел где-нибудь в неизвестной стране неизвестного материка и думал о жизни. Свежий воздух наполнил мои легкие новыми

силами и любовью; в такие моменты невозможно не подарить ее в ответ. Я взяла телефон и написала короткое сообщение:

Даша:

Я все равно тебя люблю. Мне плевать.

Антон:

Выстрел в затылок! Пуля прошла через все тело, перевернув внутренности, и вышла через пятку.

Даша:

Люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю. Он был найден с 19 пулеметными ранениями. Прости.

Антон:

И лежит он в белой коме.

Я довольно скоро оклемалась и направилась в столицу Боливии, Ла-Пас.

Глава 11
Ла-Пас. Темная сторона Боливии

Relax, said the night man.
We are programmed to receive
You can check out any time you like
But you can never leave![51]

Такси. Терминал номер 9. Крик, как будто кто-то молится или плачет. Просящий милостыню в автобусе ребенок жалобно поет. И вот я снова в пути.

Рядом со мной сидел безумный американец Чарли. Его кудрявая золотая голова походила на гриву льва, а лицо во время разговора периодически подергивалось. Он путешествовал по Латинской Америке туда-обратно уже два года. Мы говорили о джунглях и смеялись над фильмом с Арнольдом Шварценеггером в испанском переводе, который крутили в проходе автобуса.

– Где ты планируешь жить в Ла-Пасе?

– Я собираюсь остаться в «Локи Хостеле». Он мой любимый.

– А я хотела в «Wild Rover» – говорят, там бесконечные вечеринки. А еще по совместительству это самый высокий паб в мире!

– Да ладно, поехали со мной! В «Локи» кровати лучше, а бар там такой же!

– Ты уверен? Ну погнали. Такси пополам?

Так началась совсем другая глава моей жизни. Мы приехали в Ла-Пас рано утром. Я спала под подаренной Хуаном Пабло курткой и впервые прекрасно выспалась в автобусе. Чарли разбудил меня, тряся за плечо.

– We’re here.

В ярких лучах солнца я разглядела горы. Они были странной формы, как будто чем-то заставлены. Я проморгалась и поняла, что это дома; абсолютно все горы были заставлены кирпичными недостроенными домиками самых разных размеров.

– So this is La Paz!

– Yep.

Мы забрали из автобуса свои вещи. Чарли нес маленький кейс с мандолиной, на рюкзаке болталась расписанная бейсболка с большой вышитой надписью Boston. Из чего следовало, что он был музыкантом и фанатом хоккея. Хотя в Бостоне все любят хоккей. Мы растормошили сонного поутру таксиста, выбили цену пониже, и он доставил нас до дверей «Локи». На ресепшен стояла

огромных размеров американская девушка, которая сразу узнала Чарли:

– О мой бог! Какого черта ты здесь делаешь?

– Ну, долго рассказывать… Давно не виделись… У тебя есть места?

– В общей спальне уже нет, дорогой. Вам нужны две кровати? Для двоих?

Толстая девочка оглядела меня стандартным оценивающим взглядом.

– Yeah, two beds, – ответил он.

– Остались только койки по 60 боливиано, малыш. По четыре кровати в комнате. Могу заселить вас туда, а через два дня общая спальня освободится, там по 45. Устраивает?

Чарли поджал нижнюю губу и вопросительно посмотрел на меня.

– Ну, я вроде хотела остаться в «Wild Rover», но мне все равно. До тех пор пока у них хороший бар…

– Ой, поверь мне, он правда хорош! Но мы все еще можем поискать что-то еще…

Мы оставили вещи в хостеле и решили прогуляться по городу – посмотреть, где еще можно жить. Ла-Пас потихоньку просыпался. Машины и смешные разноцветные автобусы, точно из мультика, шныряли по кривой улице. Автодвижение здесь – полный хаос! Правил нет. Остался жив – скажи спасибо. Из выхлопных труб валит густой серый дым. Дышать нечем.

– Здесь везде так?

– Ууу, это еще нормально! Бензин здесь дрянь! Дождись дня, когда дороги будут забиты пробками. Вот тогда поймешь, что такое Ла-Пас.

Я люблю эти первые минуты в новом городе. Сразу автоматически выискиваешь маленькие различия. Глаза за них цепляются и дают сигнал в мозг, что что-то здесь не так. Все маленького роста, «чолитас» – так называют женщин в боливийской одежде – бегут куда-то, а за ними летят их длинные косички. На проводах висят разноцветные остатки мишуры с Нового года, дороги заполнены уличными продавцами. Товар лежит прямо на земле. Мальчишки в черных масках чистят обувь серьезным дядям. Странные манекены глядят из-за каждого прилавка. Некоторые с головой Человека-паука, некоторые с широко открытым ртом, потекшей косметикой или выбитым глазом.

В куче товаров на улице всегда можно найти домашний телефон. Видимо, мобильными здесь не пользуются и звонят прямо с улицы. Лотереи, обменники, дешевая и опасная для

жизни еда… Крики, шум… машины… Все вместе это можно описать одним словом: «дурдом».

Мы посетили пару других отелей и сошлись на том, что хотим остаться в «Локи». Выбили себе комнату, две из четырех стен которой были стеклянными. Like a boss! Правда, ее еще не убрали, и мы ждали уборщицу. Но, поскольку это Южная Америка, «в ближайшее время» означало «может, сегодня зайдем, но лучше нас не ждать». Мы не выдержали и решили убраться сами. Что-то странное произошло до нас в этой комнате. Поняли мы это, когда обнаружили, что два других чемодана, которые, как мы думали, принадлежат нашим койко-соседям, пусты. По уровню бардака номер напомнил мне третью комнату из фильма «4 rooms». Везде разбросаны нескромные журналы, гид по Южной Америке – и все на иврите.

– Евреи – полные свиньи!

– Да ладно! Никогда не замечала.

– Поверь! Большинство из них только что закончили служить в армии, вот и ведут себя как дикие.

Под одеялом я нашла клочки салфеток… На полу что-то белое просыпано. Нет, не кокаин, мы проверили. Словом, я бы не удивилась, если бы под моим матрасом лежала мертвая проститутка, а в ящичке завалялся использованный шприц.

– Как можно вообще устроить такой срач?

– Это «Локи», детка. Ты еще не такое здесь увидишь!

Затолкав весь мусор в чемоданы, мы выставили их за дверь. В тот же день, пока мы пели кантри-песни и любовались видом на Ла-Пас со своих кроватей, к нам заселились мальчик с девочкой. Девочка была неприметной, а мальчик – высокий блондин с ярко-голубыми добрыми глазами. Он посмотрел на меня тем взглядом, которым смотрят, когда вершится судьба. Ну вот, еще один красивый парень со страшной девушкой, подумала я.

– Вы сами откуда, ребята? – спросил Чарли.

– Я из Нидерландов, она из Германии. Я Хилл.

– Хилл? Чарли!

– Даша! Привет!

Возникла секундная пауза. Бесцеремонный Чарли лениво ткнул на наших соседей указательным пальцем по очереди.

– Вы, ребята, как, вместе?

– Нет-нет, мы познакомились в автобусе! – Хилл воскликнул это так радостно, что девочка насупилась.

– Хо-хо, мы тоже! Только что приехали. Ну, велкам!

Девочка не задержалась надолго, а с Хиллом и Чарли мы очень быстро превратились в настоящую семью. Завтракали вместе, вместе напивались. Вместе танцевали, играли в бильярд и

искали приключений на наши задницы.

Культуру Боливии можно описывать бесконечно и так ни черта и не понять. Именно поэтому в эту бедную, забытую богом страну стремится столько путешественников. Пока мир развивался, спрятанная в самом центре континента Боливия стояла себе особняком, забыв о годах. Она осталась такой же, какой была и сто, и двести, и даже триста лет назад. Несмотря на то что Ла-Пас – самый крупный город Боливии и настоящий мегаполис, жители здесь ничуть не отличаются от своих соседей в деревеньках. Классические боливийские женщины зовутся «чолитас», у каждого предмета их одежды своя история. Все они носят маленькие шляпы-котелки, по виду напоминающие шляпу Чарли Чаплина. Эти головные уборы настолько миниатюрные, они не только не прикрывают лицо от опасных солнечных лучей, но и на голове-то держатся с трудом. Существует целый «язык шляп»: если шляпка набок, влево или право, значит, чолита незамужем или уже вдова. Если ровно сверху, значит, она замужем. А если вперед – значит, «все сложно». Третья версия придумана туристами. Другой традиционный предмет одежды – большие пышные юбки. У такой юбки может быть семь внутренних подкладок и три цветные сверху. Юбки закрывают практически все ноги. Возникает вопрос: но как же они привлекают мужчин? За пределами большого Ла-Паса существует старая традиция «обмена любезностями» между мужчиной и женщиной.

Если мужчине понравилась чолита, он возьмет камень и кинет к ее ногам. Таким образом он пытается обратить на себя ее внимание. Чолита, в свою очередь, сначала обязательно должна сыграть недотрогу – «to play hard to get», как говорят на английском. Покрутиться, поглядеть по сторонам, подмигнуть. Но продолжить стоять на месте. Если мужчина не оторвал от нее глаз и ждет, она опустит чулок и оголит икру. Если икра будет мускулистой, смуглой, толстой – мужчина предположительно сойдет с ума.

Лучшая местная традиция – это закапывать высушенный труп маленькой ламы под своим домом. Ага, без шуток. Эти ламы продаются на рынке ведьм. Важно, чтобы ребенок ламы умер своей смертью. Хоть это радует – их не убивают.

Закапывания в землю связаны с тем, что земля для них – это Бог. И таким образом они благодарят ее и лелеют надежду, что с их будущим домом, построенным на этой земле, ничего не случится. Бог земли защищает. На этом же рынке можно найти все виды зелий и прочую разную нечисть. Но сложно понять, что из этого работает, а что просто уловка для привлечения туристов.

Смешная страна. С отсутствием даже намека на XXI век среди безумно красивой природы, до которой большинству боливийцев нет никакого дела. Им и так ништяк. Живут себе тихой жизнью, в юбках и с мертвой ламой под домом.

В тот же вечер мы с Чарли пошли навестить его друга-англичанина, назову его Терри. Терри продавал кокаин по всему Ла-Пасу и водил нелегальные туры по знаменитой тюрьме Сан-Педро в центре города. Эта тюрьма считается самой гуманной в мире, поскольку заключенным здесь разрешают жить с женами и детьми, за дополнительную плату можно выбрать себе качество камеры и еду, а также подрабатывать, изготавливая разный товар. И главный из них – кокаин. Тут делают лучший кокс, который поставляется по всей стране, и не только. Правительство в курсе дела, обо всем давно договорились. Заключенные платят государству огромный налог за поставку листьев коки. Знаменитой эта тюрьма стала после того, как один иностранец написал о ней книгу. Они с приятелем заплатили охранникам за то, чтобы те позволили им пожить внутри. Спустя три месяца он «вышел» и в подробностях написал о системе жизни за стенами Сан-Педро. Долгое время в эту тюрьму действительно водили туристов, они могли поиграть в футбол с заключенными или помочь им с продовольствием и одеждой, но в 2009-м это дело запретили. Но только не для Терри. Он продолжал водить свои экскурсии и покупал там кокаин, а затем перепродавал его по всему городу. Терри выгоняли из каждого хостела, как только узнавали о его бизнесе, но он почему-то все еще был на свободе. Чарли предупредил меня:

– Он странный чувак. Я тебя сразу предупреждаю, что он странный.

– Ничего. Я люблю странных людей.

Но Терри оказался исключением. Лысый, с огромными безумными глазами, умный, знающий пять языков. Но что-то в его мимике, что ли, вызывало у меня отвращение. Бывает, встречаешь человека и чувствуешь, как от него темной энергией бьет. Такое бывало со мной редко, да метко. Мама моей подруги Билли всегда говорила: «Хуже дурака только дурак с инициативой». А вот страшнее умного только умный злодей. Терри был откровенно некультурен. Нет, я не о том, как он рыгал на переклич, к этому я уже привыкла. Россия – чуть ли не единственная страна, где рыгать при всех некультурно, в остальном мире люди даже не говорят «пардон». Некультурность Терри проявлялась в откровенном безразличии. Если ты ему чем-то не понравишься, он не постесняется об этом сообщить.

В общем, не буду вдаваться в подробности, но вскоре я

поняла, что в его компании мне не место. Чарли же был абсолютно влюблен в Терри, как все музыканты влюбляются в необычных, чем-то выдающихся людей. Он испытывал перед ним благоговение, и, если я, не дай бог, нарушала их идиллию расспросами или неправильным (по понятиям Чарли) комментарием, он кидал на меня злобно-предупредительный взгляд. Я сдалась, когда меня в очередной раз заткнули и не давали вставить слово двадцать минут. Но суть моего прихода была не в общении. Заполучив свой маленький черный конвертик с белым порошком, я рукопожатием вручила Терри десять баксов и ушла. Ну что же, дружище. Пора тебе представить главного спонсора моих боливийских ночей, героя моих фантазий, мое вдохновение и любовника на всю жизнь. Его зовут кокаин, и очень быстро мы с ним стали неразлучными друзьями. И чтобы сразу разобраться с этим, скажу. Если ты не был в Южной Америке, ты не пробовал кокс. Хороший, чистый кокс должен блестеть, как крупные снежинки на морозе. В России такого не бывает. Да что там, даже в Штатах, где Мексика под боком, и в самой Мексике, как я узнаю потом, его перемешивают с теми же спидами и прочей мукой. Я спрашивала у барыг, так что смело ставлю печать «approved» под своими словами. В него обычно замешивают химии, подмораживающей нос, чтобы ты не догадался, что нюхаешь дрянь. Поэтому категорически не советую пробовать кокаин где-то еще, помимо Боливии, Колумбии и Перу. Испортишь всё впечатление. Хороший кокс, как и любовь, стоит того, чтобы ждать.

Меня в ту ночь ждала очередная вечеринка. Наши знакомые праздновали день рождения, и вместе мы танцевали как безумцы всю ночь, а потом до самого утра болтали, развалившись на ступеньках. После той ночи все узнали, что в этом отеле живет одна русская девочка. Единственная, как обычно. Зачастую с «белым русским» в руке.

Жизнь в хостеле – это другая жизнь. Я вообще удивлена, что «Локи» носит название хостела, ведь это полноценный отель. Гигантское здание, одна стена которого сделана из стекла и выходит на большую площадь. Оттого с верхнего этажа «Локи» видно весь Ла-Пас до самой горы Иллимани, которой так гордится город. На седьмом этаже здания под треугольной крышей расположился бар. Здесь что-то да происходит с утра до ночи. Сюда приходят за кофе и завтраком, здесь же играют в покер и бильярд, здесь же напиваются до чертиков и танцуют на барной стойке. По сути, это бар на дому! Мечта идиота! Если я хочу потусить в Балашихе, надо ехать два часа в одну сторону, а чтобы вернуться домой – либо сидеть до семи утра на остановке в

Перово и ждать маршрутку, либо, как Золушке, бежать домой до полуночи. Поэтому возможность пройти два этажа вниз из бара и оказаться в своей постели была для меня утопией. Только люди, живущие в Московской области, могут оценить, как прекрасно иметь бар на крыше дома. Каждый вечер здесь тематический: супергерои, джунгли, бирпонг, караоке, интеллектуальные игры и так далее. В первый наш день был вечер супергероев. Бармены притащили огромные коробки с костюмами совершенно бесплатно! Ты можешь быть кем пожелаешь! Главное – вовремя отхватить хороший костюм. В первую же ночь я сорвала голос.

«Локи» забрал нас и не отпускал несколько дней подряд. Мы вообще не видели смысла выходить из хостела: здесь всегда куча красивых и веселых людей, еда – здесь, интернет – здесь, поваляться – здесь, выпить – здесь, танцевать – здесь. Но самое главное зло – это система оплаты. При заселении на тебя надевают браслетик со штрихкодом, и платишь ты с его помощью. Протягиваешь руку, ее запикивают, как товар в магазине, и пожалуйста. А отдавать наличные надо при выезде. При такой системе очень легко не заметить, сколько денег ты потратил. Через три дня я узнала сумму, и у меня глаза на лоб полезли. Я поняла, что, если хочу продолжить жить в вечной вечеринке, есть только один способ это сделать.

Я стала работать в «Локи». Нужно было отработать минимум две недели. По четыре дня в неделю по семь часов, разные смены. Один обед на выбор бесплатно, на остальное скидка 40 %, включая алкоголь. Ну и жилье, конечно, было бесплатным.

Хилл тоже решил поработать. Наши отношения с ним накалялись. Он несколько раз пытался меня поцеловать, но, получив отказ, видимо, не хотел сдаваться. В отличие от Чарли, который забил после первого отказа, Хилл, похоже, действительно влюбился, и мне стало не по себе от идеи работать вместе. Думаю, все началось с совместного домашнего просмотра «Джанго». Он тоже оказался фанатом Тарантино, мы сыпали друг на друга фактами о фильме, актерах и саундтреках.

– Вот он, мой любимый момент! Ты знаешь, что Ди Каприо разбил руку случайно? А это, кстати, лошадь самого актера! Смотри на шляпу, и… следующий кадр – она висит по-другому!

Нам было безумно весело вместе, но, к счастью или сожалению, я питала к нему только дружеские чувства.

Уже на следующий день мы стали работать в баре. Нас сразу переселили в общагу для персонала, где царили полный хаос и беспредел; так у нас появился новый сосед – австралиец Джейкоб. Джейк был тем еще красавчиком – накачанный донельзя, тоже голубоглазый блондин. Чертовски похож манерой поведения,

чертами лица и чувством юмора на моего приятеля из Москвы, поэтому я сразу полюбила его как брата.

В первый рабочий день в баре проходил конкурс «Blood bomb». Это коктейль, представляющий собой стакан Red Bull'a и рюмку водки с капелькой гренадина внутри. На большой школьной доске написаны названия родных стран присутствующих. За каждую выпитую «бомбу» бармены ставят палочку напротив страны выпивающего. Таким образом, к утру видно, какая страна выпила больше всех бомби, значит, победила. Конкурс проходит под провокационным лозунгом «Do it for your country!».

Чарли предупредил меня об этом конкурсе еще в автобусе. Пить залпом водку с «Ред Буллом» – это действительно бомба. Бомба смерти! Выживают немногие. Бар-менеджер Стив написал «Russia» чисто для меня, потому что никакой русский сюда обычно не доезжает. Довольно скоро я поняла, что мне в эту игру играть запрещено. Потому что с утра весь персонал, стирая доску, будет знать, сколько вчера выбухала именно я. Во время смены здесь все пьют. Главное правило – не надираться и самостоятельно рассчитывать свою дозировку. После работы в «Саксоне и Пароле», где когда одна управляющая угостила меня бокалом вина, а вторая, просмотрев камеры на следующий день, выписала мне штраф за распитие алкоголя на работе, я одурела от новых законов, вернее, от их отсутствия.

Кровавая бомба проверила нас на прочность уже в первую ночь. Я догадалась уйти в номер раньше, чем разучусь ходить. Зарывшись под одеяло, я смаковала свободное время после смены и болтала с Джейком, пока мой друг Хилл защищал честь своей страны, как мог! Он приперся пьяный в стельку и уже через пять минут сливал все свои кровавые бомбы в унитаз, а через десять отключился, и мы с Джейком продолжили болтать о планах на жизнь.

Я собиралась отправиться отсюда в джунгли по волонтерской программе. Наверное, это единственное место в мире, где можно каждое утро выгуливать пантеру. В джунглях Боливии было несколько организаций, занимающихся дикими животными. На их попечение попадали раненые звери, осиротевшие детеныши и животные, которых браконьеры пытались продать на рынке. Нюанс был в том, что желающих пожить с дикими кошками очень много, организации этим пользуются и за такую волонтерскую работу просят оплату в тысячу долларов в месяц. Месяц был минимальным сроком пребывания, чтобы животным не приходилось снова и снова привыкать к новому человеку.

– Я тоже собирался поработать в джунглях с дикими

животными. Но, съездив туда, понял, что не выдержу там месяц, с их влажностью, пауками и москитами. Весь день ходишь липкий. Света нет. Питаешься похлебками и орехами. К тому же, поработав в баре пару дней, я понял, что с дикими животными можно взаимодействовать и здесь.

Я засыпала, задумавшись над его словами. Может, весь мир и есть зоопарк.

Глава 12
Welcome to the jungle!

Заметка в дневнике:

18 марта 2014

Что такое «Локи Хостел»? Ты просыпаешься, в пижаме поднимаешься на верхний этаж с лучшим видом на город за своим честно заслуженным кофе, а там два решающих матча, играют любимые рок-песни и сотня людей аплодирует и ликует! Мне не нужно искать вечеринку, я в ней живу. Она находит меня сама каждый день! Сегодня очередная ночная смена. Мой шкаф – настоящая гримерка сбежавшего театра. И вся в моем распоряжении. Думаю, сегодня я буду обслуживать народ в костюме зебры! Люблю каждую свою работу и жизнь в особенности! А знаете почему? Да потому что она действительно моя, я выбираю ее каждый день! И пока у меня есть выбор, я ни дня не проживу не так, как хотела!

* * *

Мой голос вернулся ко мне вскоре, как раз когда у нас наступила ночь караоке. Я полазила в нашем стафф-шкафу и нашла костюм Зеленой феи. В этот день у Антона был день рождения. Я поставила в его честь «Pink Floyd» и спела «Fever» Элвиса Пресли.

– You can't sing this song, Dash. Иначе мы влюбимся в тебя, – заявил мне Том. Том был вечерним заводилой, организатором вечеринок, человеком с микрофоном и тем еще пьяницей. В первый же день он пьяным заявил мне в курилке, что он гей и девушки его не интересуют. Я была очень удивлена. Том был налысо бритый, с посаженным голосом, уймой дурацких татуировок и довольно похабными манерами.

– Так что, крошка, на сколько ты здесь планируешь остаться?

– Две недели, не больше.

– Две недели?! Ха! Никто не уезжает из «Локи» через две недели! Ты, кажется, еще не поняла, куда попала… Поговорим с тобой через полгода.

– Я не останусь тут на полгода.

– Все так говорят. И все они сейчас здесь, – он развел

руками. – Тебе здесь понравится, крошка, как бы тебя тут только не съели. Держи ухо востро. Ты новое мясо. А мальчики всегда любят новое мясо.

В этот момент к нам подошла бельгийка, тоже из персонала. Том взглянул на нее с ухмылкой, затушил сигарету и молча отправился обратно в бар.

– Мэри, а Том что, правда гей?

Она засмеялась.

– Ну, если так, не знаю, почему мы трахаемся последние два месяца.

Персонал у нас был еще более дикий, чем гости. «Welcome to the jungle» – вот их девиз. Пили они жестче, танцевали больше. А когда больше не могли пить и танцевать – шли все вместе в тату-салон через дорогу и набивали себе самые идиотские татуировки на свете. Поутру некоторые из стаффа покрывались красными пятнами. Когда я в ужасе спросила:

– Что с вашей кожей?

Они ответили:

– Это аллергия на алкоголь. Обычное дело, пройдет.

Со временем я стала узнавать, что практически весь персонал бара уже переспал друг с другом. Как и предупреждал Том, меня вниманием тоже не обделили. В первую ночь ко мне клеились несколько парней, среди них, например, был Льюис, красивый накачанный бармен. Не добившись своего, уже на следующую ночь он переспал с Анной, барменшей-немкой. Мы шли на прощальный ужин одной из девочек, которая уезжала, и я почти несла пьяную Анну на себе, пока она жаловалась мне на то, что Льюис теперь с ней почти не общается. Бедная девочка. Она еще не выучила для себя правило «Не сри там, где ешь». Потом оказалось, что это не первый и даже не второй бармен, с которым она здесь переспала.

Мне удалось избежать участи девушки, которая спит со всеми, и в конце концов я добилась доверия. Даже Хилл наконец успокоился и извинился за свое поведение.

Я ровно относилась ко всем этим мальчикам из бара. Потому что к этому моменту у меня завязался уже довольно серьезный и всепоглощающий роман. Роман с кокаином. Нам было четко сказано начальством – никаких наркотиков. Один раз узнают – выкинут из хостела и штраф еще потребуют. Но, сам понимаешь, я находилась в, наверное, единственном месте на земле, где кокса лучше, чем этот, просто не найти. Моя подготовка к рабочей смене выглядела так. Сначала я открывала шкаф и доставала оттуда костюм на сегодня. Никто не заставлял меня одеваться в костюмы… Просто зачем обслуживать людей в обычной одежде,

если можно быть Зеленой феей? Дальше я заходила в туалет, запирала дверь, закрывала крышку унитаза, садилась лицом к бачку и выкладывала две дорожки. Боливийские деньги идеальны для того, чтобы скручивать трубочку. Они пластиковые, а не бумажные. Осуществив свою маленькую шалость, я выходила в бар действительно феей. У меня было чувство, что все эти сто человек с разных концов света пришли ко мне в гости почтить честь богини алкоголя и попросить ее угостить их священным напитком. Я снимала босоножки и начинала кружить всю ночь. Выйти на работу не под кокаином казалось мне уже непростительной ошибкой. Я смаковала то, что только мне известны причины легкой улыбки на моих губах, изящества движений и блеска моих глаз. Это был мой маленький секрет.

Тем временем до Москвы дошла моя посылка из Чили. В тот день ребята праздновали день рождения Антона в лесу. Два месяца после моего отъезда он сильно страдал, о чем я не подозревала, и наконец нашел отдушину в кудрявой девочке модельной внешности, которая приметила его еще в том летнем лагере МЭИ и, как только я уехала, решила начать на него охоту. Первым делом она хорошенько промыла ему мозги по поводу того, какая я плохая и как дурно с ним поступила. Мне было достаточно увидеть пару ее сообщений Антону, которые он мне показал, чтобы ее возненавидеть. На день рождения она подарила ему его портрет, который сама нарисовала. Девочки всегда велись на его смазливую внешность. Антон был тем типом, за которого не выходят замуж. Он был совершенно ненадежным, хитрым, в меру жестоким и эмоционально шатким человеком, от которого можно было ждать чего угодно, только не кольца на палец. Эдакий Дориан Грей, упоенный собственной красотой и властью. На него в основном велись тонкие натуры, творческие девочки, которым хотелось, чтобы было интересно. Они влюблялись в самостоятельно додуманный образ, который, конечно, не совпадал с реальным человеком, а затем черпали вдохновение в страданиях по этому поводу. Так поэты влюбляются в муз и пишут благодаря этой любви свои лучшие стихотворения.

В ту ночь они наконец должны были переспать. Он успешно меня забывал. Все подарили ему свои подарки, и тут Даша Киселева сказала: «Есть еще один подарок от девочки, которая не смогла сегодня быть здесь». Я в этот момент сидела на лестнице хостела, рядом с ресепшен, потому что тут лучше всего работал интернет, и вжимала в ухо трубку. На другом конце провода был наш общий друг Михалыч: он молча держал телефон, чтобы я могла слышать, что там происходит. Даша передала Антону в руки вязанную из шерсти ламы сумку. Все замолчали. Мое сердце

заколотилось. В темноте, при свете фонарика он стал доставать один брелок за другим. Brazil, Paraguay, Argentina, Uruguay, Chile, Bolivia.

– Это что?

Миша протянул ему уже было телефон, но в этот момент самый отмороженный из его друзей нашел в моей сумке пакет с листьями коки, принял их за марихуану и, выхватив трубку, начал меня благодарить. Пока все это происходило, кудрявая девочка забрала из палатки свои вещи и ушла в лес, в сторону железнодорожной станции. Но я ничего об этом не знала. Связь оборвалась, и мой разум снова вернулся на ступеньки хостела в Боливии. Я жила этой посылкой месяц, а теперь, когда она была доставлена, жизнь потеряла цвет.

Зато работа била ключом. Мы пахали, как лошади, с семи вечера до трех ночи, носясь со стаканами, за льдом, разливая на скорость водку, ром и джин. С точки зрения знаний коктейлей все было даже слишком просто. Смешно было утверждать: «Я бармен». У людей была простая цель напиться, так что в 99 % заказ представлял собой водку с соком, ром с колой, джин с тоником и так далее, но носились мы, как на марафоне. Люди менялись, мы оставались.

Однажды вечером у нас хватило сил заглянуть в «Hard Rock Cafe». Каково было мое удивление, когда я узнала, что мало того, что нам как стаффу «Локи» вход бесплатный, так еще и на алкоголь скидка 50 %! В «Hard Rock Cafe»! Oh my Good!

Но увы, они закрылись меньше чем через час после того, как мы пришли, и пришлось искать другое место. Все выгнанные гости «Хард-Рока» направлялись в один конкретный клуб, мы последовали за ними. После часа ночи работа клубов в этой стране становится нелегальной, большинство таких клубов скрываются в подвалах. Это место было ужасно. В темном помещении, освещенном слабыми зелеными огнями, я ловила на себе дикие взгляды местных мужчин ростом ниже меня. Мне казалось, что они следят за мной, как вампиры, и готовятся напасть. Я ушла в дальний угол и с ужасом наблюдала за пьяными боливийскими подростками, разодетыми, как дети гетто 70-х: короткие топики на голое тело, клеш, цепочки на шеях… Я была непрошеным гостем на этой вечеринке. Продержавшись пятнадцать минут, я вспомнила, что мне уже не 18 и если я хочу уйти, то имею на это полное право. Протолкнувшись через потных полуголых чудовищ, я сказала Хиллу, что ухожу и не буду ждать его ни минуты. У меня начиналась паническая атака. На удивление, он решил пойти со мной. Это был первый и последний раз, когда я вышла из хостела в ночь.

Помимо подвальных тусовок здесь существует легендарный и, наверное, самый загадочный бар, о котором я когда-либо слышала, под названием «Route 36». Начать хотя бы с того, что он меняет свою геолокацию каждые две недели. Чтобы туда попасть, нужно ехать на такси, потому что только таксистам известно, где он находится на этот раз. При входе ты платишь 200 боливианосов и тебе, как аперитив на хорошей вечеринке, вручают грамм кокаина. Где еще ты сядешь за стойку бара и размеренно, как белый человек, снюхаешь дорожку на столе прямо на глазах персонала, а не на толчке? Наш бар-менеджер на первом же собрании настоял на том, чтобы мы туда не ходили, потому что хозяева этого бара-невидимки промышляют детской проституцией. Я не пошла по другой причине. Терри продавал мне грамм за восемьдесят.

После двух недель «службы» в баре мы получили право съездить на Дорогу смерти с 50 %-ной скидкой. Конечно, мы сразу записались. Сказать, что это было страшно, – ничего не сказать. Легендарная Дорога смерти официально является самой опасной дорогой в мире. Строилась она заключенными и пленными, поэтому никто не грустил, что половина из них погибала. По сути, это горный серпантин в неизвестность; вместо дорожного покрытия здесь крупная грунтовка. При этом ширина дороги всего три метра. Справа от тебя вертикальные скалы, слева – бесконечная пропасть, заросшая тропическим лесом и прикрытая густыми облаками. Дорога была задумана для поставки листьев коки с полей в горах. Отсюда их транспортируют во все кокаиновые заводы Боливии и Перу.

Перед тем как отправиться, мы провели ритуал. Из маленького пузырька со спиртом полили переднее колесо, землю и прикоснулись к горлышку губами. Вот такая дань богине Земли. И дальше было пять часов страха, восхищения и вдавливания тормозов. Вся дорога, виляя, как змея, идет вниз с перепадом высоты в тысячу метров, и как только отпускаешь тормоза, сразу несешься с огромной скоростью… Одно неловкое движение, один камень, попавший под колесо, – и ты летишь в пропасть. В год здесь погибает около двухсот человек. Документы о том, что в нашей смерти никто не виноват, мы подписали еще в хостеле. Но как же это было красиво! На одном уровне с облаками парят орлы, иногда проезжаешь сквозь водопады и намокаешь… Мы на самом деле боялись умереть, и потому в тот вечер ужин для нас был вкуснее, пиво слаще, а музыка лучше. Это был один из тех опытов, которым невозможно поделиться на словах. Это нужно пережить.

Время шло, тематические вечеринки повторялись,

сегодняшняя орущая толпа ничем не отличалась от вчерашней, и вскоре я почувствовала, что мне тут нечего больше ловить. Выслушав сотню чужих историй и натерев не меньшее количество стаканов, я вдоволь наигралась в бармена и заодно усвоила фишку этого места.

Жизнь в «Локи» действительно вызывала зависимость. Это бесконечная вечеринка, уютная гавань с дешевым коксом, бесплатным жильем и практически бесплатным алкоголем («Джек Дэниэлс» с колой обходился мне в три доллара, если я вообще пробивала его через систему). Ты почти ничего не тратишь, но при этом ничего и не зарабатываешь, и в итоге уехать тебе просто не на что. Тем более что внешняя цивилизация где-то далеко и добраться до нее непросто. Вскоре каждый забывал, откуда он приехал и куда держал путь. Из путешественников ребята превращались в пьяниц, влезая в долги этому же отелю и работая сверхурочно, чтобы их покрыть. Все это напомнило мне песню «Hotel California»: «We are all just prisoners here of our own device»[52].

* * *

Заметка в дневнике:

21 мая 2014

В конце все будет хорошо. Если не все хорошо, значит, это не конец. Тихо. Меня окружают горы, светящиеся сотнями маленьких оранжевых и бледно-зеленых огоньков. Каждый принадлежит чьему-то дому. За окном лают собаки, смеются подростки и плачет какая-то женщина. Прямо перед глазами возвышается каменный крест на куполе церкви. Ее колокола играют когда попало всю ночь напролет. По освещенной дорожке поднимается в гору одинокая красная машина. Небо как чернила за 15 рублей из «Тысячи мелочей». Всего один черный-черный цвет. Все это звучит так романтично, а ведь я всего лишь описываю, что вижу и слышу прямо сейчас. Хорошо иногда просто абстрагироваться и насладиться настоящим. Луны, правда, у нас почти не бывает. Я по ней скучаю. В Москве сейчас видно луну?

* * *

Мне пора было решать, что делать дальше, потому что уже через неделю сгорал мой билет домой из Бразилии. Когда я покупала билеты, туда-обратно было дешевле, чем в одну сторону. Я не собиралась его использовать. Ведь у меня уже был четкий план: месяц в джунглях с животными. Потом Мачу-Пикчу… и дальше по нарисованной Хуаном Пабло карте хоть до самой Мексики. Уже ничто меня не остановило бы! Но я тосковала по Антону. Мы стали все чаще переписываться и постепенно как будто бы снова восстановили отношения. Я звала его в Южную Америку, но он не мог приехать. Я столько раз простебала его по поводу того, что он не путешествовал один, что он захотел уехать на все лето в путешествие в одиночку, чтобы стать лучше для меня.

– Я не хочу быть таким же, я вообще не изменился, Даш, во мне все то же. Я должен поехать и измениться. Я не хочу никогда в жизни видеть тебя несчастной, я хочу дарить только радость. Я не переживу еще раз такую же ужасную зиму и весну. Надо измениться, иначе все будет по-старому. А так нельзя.

Я говорила, что хочу его увидеть, и это было взаимно. Но, если я не воспользуюсь этим билетом из Рио, на другой у меня просто не будет денег ближайшие полгода. Это была ситуация из серии «сейчас или никогда». И передо мной встал выбор: либо отказаться от любви, либо отказаться от Тихого океана, Перу, Колумбии и фактического пересечения материка, как я планировала. Мне так хотелось нестись дальше, но все это блекло от мысли, что я окончательно потеряю его, что у меня больше не будет того, кому есть до меня дело. Что я оборву эту нить. Помню, как сидела на тротуаре у отеля, стреляла сигареты у ночного портье и не могла принять решение. Помимо Антона для возвращения домой не было никаких причин… Да и с ним тоже не было. Ведь ничего не изменилось. Но, к сожалению, сердце иногда творит ту еще чушь, и на логику ему абсолютно насрать.

Спустя пять самолетов я снова оказалась в Москве.

Часть 7
Перерождение

Глава 1
У двери

– Почему так больно?
– Потому что мы любим.

А теперь об этих пяти самолетах. Приготовься услышать самую нелепую историю в моей жизни. Итак, я приняла решение прилететь.

Нюанс только был в том, что у меня не было российского номера телефона для подтверждения оплаты билета. И в момент, когда нужно было срочно его оплачивать (в самолете оставалось всего три места), вся Россия спала, и только один Антон бодрствовал. В итоге мне пришлось сказать, что я прилечу, и попросить его помощи в покупке. Но был один нюанс. Всю свою жизнь я страдала от желания делать все красиво, и изначально я хотела, чтобы мой приезд был для него сюрпризом. Не приезжать же просто так с другого континента! А теперь эта схема была нарушена. Тогда мне в голову пришла гениальная мысль! Попрощавшись со всеми, я поймала такси и отправилась в аэропорт. Меня ждало целых три самолета, потому что прямых рейсов из Ла-Паса и Рио просто не существовало. Когда я, будучи уже на первой пересадке, точно поняла, что все схвачено, то написала Антону.

Даша:
я опоздала на самолет.
Антон:
Чеее?
Как так??!
Даша:
Водитель сказал мне, что до аэропорта 20 минут. Я выехала за два часа до рейса. Дорогу перекрыли из-за гребаной забастовки, и мы все два часа простояли в пробке. Когда я добралась до аэропорта, чек-ин был закрыт. End of the story.
Мне очень жаль… Но, видимо, не судьба.
Антон:
…
Ты меня разводишь. Нутром чую. Если бы ты опоздала, реакция была бы абсолютно другой.

И в этот момент я подумала: «Вот засранец». Нет, надо дожать, надо сделать так, чтобы он поверил. Я не сдамся. И понеслась.

Даша:

Антон, я серьезно. Просто я думала каждый день о том, лететь мне домой или нет. Лететь или нет. Вчера ночью столько народу мне сказало, что я должна остаться, напризнавалось в любви и так далее, что я даже обрадовалась, когда проебала самолет. Я написала в эту компанию, 40 процентов должны возместить. Извини… Я не могу уехать. Если так произошло, значит, я, видимо, должна остаться. Может быть, ты все-таки приедешь?

Антон:

Убей меня

Опять боль

На этом тогда все, теперь я точно убью любовь к тебе.

Даша:

Если это для тебя дешевле, чем за ней приехать, – дело твое.

Я попыталась.

Антон:

Если это шутка и ты в итоге приедешь – знай, что я убью любовь к тебе раньше. И ты не увидишь блеска в моих глазах. Обещаю.

Я читаю это сообщение и понимаю, что натворила. В пустом зале ожидания сидим только мы с каким-то парнишкой из Амстердама. Я рассказываю ему эту историю и спрашиваю совета, что мне теперь делать. Он отвечает: «Ну, кажется, у тебя теперь есть только один вариант. Гони скорее в Москву и встреться с ним». Я киваю, и мы идем на посадку на следующий самолет, который перенесет нас из северной части Чили в центр страны. Мы делали потрясающе нелепый крюк, но это был единственный маршрут до Бразилии, что я вообще нашла.

На дне своего рюкзака я везла Антону маленький подарок.

Дело в том, что у меня в жизни есть две любимые зависимости – это секс и кокаин. Натирая стаканы за барной стойкой, я с ностальгией по одной своей зависимости и с онемевшим носом от другой думала, что может быть лучше секса и кокаина. «Ну, конечно же, секс под кокаином!» – решила я и взялась поиграть в «маленькую лошадку» и провезти наркотик через Атлантический океан. Отмороженная идея, я знаю. Но мне казалось очень романтичным рисковать жизнью ради того, чтобы привезти любимому чистый кокаин. Первый вопрос, который передо мной встал: а куда его прятать? Это, наверное, единственный вопрос, ответ на который бесполезно искать в интернете. Мне приходили в голову самые разные идеи, некоторые из них казались просто гениальными (например, затолкать конвертик в дисковод ноутбука), но непонятно было,

что из придуманного мной уже избитый и всем известный вариант, а что изобретенное мной новшество. К слову, как я потом узнала, дисковод относился к первой категории. Дальше я думала: ручная кладь или рюкзак, и, сопоставив все свои перелеты, вспомнила, что рюкзак почти никогда не шмонают. Единственный вариант – его обнюхают собаки, но такое случается редко. И вот я взяла свой лифчик, в котором были кармашки для подкладок (девочки иногда вставляют в лифчики дополнительные подкладки, чтобы грудь казалась больше, но у меня никогда не было с этим проблем, потому кармашки были пусты), и затолкала туда свой черный конвертик, с любовью собранный моим барыгой. Обычно, если твой рюкзак принимали на стойке регистрации, это значило, что увидишь ты его только по прилете. Каково было мое удивление, когда на второй пересадке меня перехватили в коридоре сотрудники аэропорта и попросили пройти за ними. И вот мы поворачиваем за угол, а там на железном, словно в морге, столе лежит мой огромный рюкзачелло, а вокруг него, как на проводах в последний путь, стоят пять копов. Мои щеки вмиг загорелись. Грудь покрылась красными пятнами. Как бы я ни пыталась сейчас изобразить спокойный вид, на морде было написано, что я в панике. Они ждали моего личного присутствия, чтобы начать потрошить рюкзак.

– Это ваше? – спрашивает меня сотрудник службы безопасности аэропорта.

– Да, – отвечаю я таким тоном, как будто мне сейчас озвучат мой приговор.

– Замечательно, – кивает мужчина и открывает защелки капюшона рюкзака.

Тут я вспоминаю, что под толстым слоем вязаных свитеров и шапок из ламы лежит упакованный в носок фиолетовый вибратор, подаренный Антоном. И мне в голову приходит гениальная идея, как не только объяснить свое волнение, но и получить шанс на спасение.

– Эскульпа, – говорю я на ломанном испанском, залитая малиновой краской, – Тенго косас муй приватос аки, и но кьеро омбрес эсто а вер. Тьенес уна чика ке трабахас аки тамбьен?[53]

Мужики зависли. Кто меня знает, может, у меня такая религия, которая не позволяет мужчинам видеть женские вещи? Посовещавшись, один из них заходит в соседнюю комнату и возвращается с красивой девушкой, явно занимающейся в их отделе чем-то другим, не связанным с проверкой вещей. Я благодарю, киваю, и она начинает распаковывать мой рюкзак. Она довольно тщательно стала все проверять, залезая во все

косметички и в каждый пакет. Прикол в том, что этот рюкзак был чертовски старым, и в нем не было молнии, то есть сотрудница аэропорта могла доставать вещи только сверху, запуская руку глубоко внутрь и доставая вещи на ощупь. Наконец она дошла до спальника на самом дне, за ним уже лежал тот самый лифчик. И в момент, когда я уже представила себя за решеткой чилийской тюрьмы, она одобрительно кивнула и движением руки показала, что я свободна. С покерфейсом я запихала вещи обратно и пошла на посадку.

Спустя трое суток, в семь тридцать утра я постучалась в дверь родителей. Никто в России не знал, что я прилетела. Такой резкой смены выражения лица у своего отца я не видела никогда. Думаю, он ожидал увидеть на пороге дома в такое время кого угодно, от пьяницы до почтальона, только не свою блудную дочь. Сбросив вещи, я написала сначала Дашке, затем Элеонор и предложила встретиться. Они были в шоке. Уже вечером мы сидели на одной кухне и строили план дальнейших действий. От страха я бесконтрольно заливала в себя мартини. Поскольку Дашка была лучшей подругой Антона, она в точности знала, что происходит в его жизни. И оказалось, что завтра он собирался поехать ночевать к той самой кудрявой девочке.

– Моей идеей было договориться с тобой, чтобы вы вместе с ним пришли в бар и чтобы я пришла туда чуть позже.

– Дашка… Мне кажется, ты не совсем понимаешь, насколько херово ему было все эти три месяца. Он был убит. Если мы провернем план с твоим подстроенным приходом в бар, во-первых, он мне этого не простит, во-вторых, его реакция может быть вовсе не такой, как ты ожидаешь.

– И что, завтра он уже пойдет ночевать с этой Катей? Он у нее еще не ночевал?

– Насколько я знаю – нет.

– Может, не стоит тогда показываться ему вообще.

– Мне кажется, есть только один вариант, – вмешивается Элеонор. – Просто поехать к нему и поговорить. Безо всяких сюрпризов.

– Хорошо… Когда?

– Завтра утром, например.

– Нет, – говорит Дашка, – если ехать, то прямо сейчас.

По московскому времени было десять вечера. От смены часовых поясов, девятнадцатичасовой пересадки в Испании и бутылки спиртного на пустой желудок мое мандражное состояние было доведено до предела… Но ждать до утра я бы просто не смогла. Прихватив девчонок для храбрости, я села в такси и отправилась к его дому. Дашка звонила ему, мы уже придумали

изощренные способы вытащить его из квартиры, но он не брал трубку. В конце концов я одна поднялась на его этаж и позвонила в дверь. Клянусь, к этому моменту мое сердце билось уже так сильно, что грудная клетка ему мешала. Дверь открыла его мама. Увидев меня, она ничуть не изменилась в лице. Как минимум никакой радости на нем не появилось.

– Здравствуйте, – выпалила я свое ненавистное слово.

– Здрасьте… – именно из-за такого «здрасьте» я его и ненавидела.

– А Антон дома?

– Антон спит.

Время было десять. За ее плечом я увидела открытую в его комнату дверь. Я уже не могла уйти.

– А вы можете его разбудить?

– Он устал. Он сейчас будет как медведь-шатун, мне не хотелось бы его беспокоить.

– Вы знаете, я летела на пяти самолетах, чтобы его увидеть, думаю, он переживет.

Она постояла еще какое-то время поджав губы, смотря на меня с ненавистью и упреком. Ей просто нечего было больше придумать.

– Ладно. Сейчас разбужу.

Я отошла подальше от двери и прижалась к стене спиной. Я слышала свой собственный пульс, он бил в ушные перепонки. И вот Антон вышел на лестничную клетку. Мне было так страшно, что его глаза действительно не будут блестеть, что я не решалась поднять голову. Боковым зрением увидев появившиеся на бетонном полу тапочки, я заговорила:

– Привет. Прости меня, пожалуйста… Я просто хотела устроить тебе сюрприз… Я не знала, что так выйдет. А потом было уже слишком поздно… И я… я…

Он сделал три резких шага и крепко обхватил меня, сжав мне ребра. Этот счастливый момент длился одну прекрасную минуту. Потому что после этого я буквально ощутила, что между нами пролегла какая-то стена из холода. Он не мог меня простить. Не мог простить, что я вообще уехала, что спала с другим, что издевалась. Ничто не было забыто.

Мы прогулялись вместе с девочками по улице, и затем он сказал, что ему пора домой. Я не знала, что делать. Весь следующий день я ждала, когда он снова выйдет на связь, он ответил к вечеру, что ему нужно подумать и все взвесить. Мы встретились спустя два дня, которые длились невыносимо долго.

* * *

Заметка в дневнике:

29 мая 2014

Он приехал ко мне домой, чтобы окончательно со мной расстаться. Вместо этого мы самозабвенно трахались двое суток подряд, ложась спать только в 8 утра. Мы снова упали в уничтожающую пучину одержимости друг другом. Никто из нас не знал, чем это все закончится. Потому что он всегда был моим, а я – его. Всегда и никогда. Целуя его губы, я любила и ненавидела их одновременно. Я понимала, что мне никогда не совладать с этим парнем. С его влиянием на меня. Я снова стала уязвимой. Моя слабость была очевидна и ему, и мне самой.

Он стоял голым на балконе, облокотившись на окно. Солнце ярко светило ему в спину. Пятый раз подряд заставил меня кончить. Несмотря на мои мольбы остановиться, он не успокоился, пока я не обмякла на его руках. Я лежала на полу, не в силах встать. Он подал мне закуренную сигарету. У меня хватило сил лишь на то, чтобы задрать ноги и положить их вдоль его тела. Он начал лениво перебирать пальцы моих ног. Он смотрел на меня спокойным довольным взглядом. Как смотрит хозяин на свою игрушку.

– Ты моя игрушка! Моя! – повторял он мне, придавив к дивану всем весом, намотав мои волосы в кулак и оттягивая голову вверх за полчаса до этого. – Только я могу с тобой играть, – он засунул свой большой палец мне в рот до конца и приглушил мой стон. – Соси…

Мне хотелось убить его, как хочется убить плохую привычку. Он слишком красив и приторно сладок, до тошноты. Хочется его уничтожить и избавиться от этой болезни. Потому что, пока он есть на этом свете, я буду стремиться к нему, как утопающий к спасательной шлюпке.

Он сильно шлепал меня, заставлял, издевался. Мои «нет, не надо», «я запрещаю тебе», «не смей» и «перестань» действовали на него как красная тряпка на быка: он только становился настырнее. И я снова превратилась в девушку. Простую девушку, которая сохнет по непростому красавчику, который должен ею обладать.

Мне жаль, что я ни с кем не смогу этим поделиться, потому что это такая же глава моей жизни, как любое место на этой земле. Я наркоманка, и теперь вернулась

еще за одной дозой. Этот огонь сожрет нас обоих, потому что, к радости или к сожалению, я для него такая же наркота.

* * *

Следующий месяц между нами продолжало происходить что-то странное. Он либо был мил и добр ко мне, либо превращался в жестокого расчетливого человека. В какой-то момент, когда он игнорировал меня неделю, я перепсиховала до того, что ушла рыдать в лес с ножом, и написала, что, если он не приедет, я порежу себе руки. Антон в этот момент находился на соседней станции метро и пил с друзьями в баре. Вместо того чтобы приехать самому, он позвонил Даше Киселевой с просьбой со мной разобраться, и та вместе со своим новым парнем пыталась меня успокоить. Это было так унизительно и грустно… Я поняла, что так дальше продолжаться не может. Неважно, наделала бы я глупостей или нет, теперь я знала: он бы позволил мне умереть. В тот момент мне предложили поработать переводчиком американских актеров в кино, а ему – инструктором виндсерфинга в лагере города N. Я сказала Антону: «Реши для себя, хочешь ты быть со мной или нет. Я устала от этой нервотрепки. То я тебе нужна, то ты ведешь себя как полная скотина, поэтому пока что я лучше уеду. Только на этот раз, пожалуйста, не пиши мне каждый день. Не пиши мне вообще, потому что иначе мы все равно друг друга держим». Он согласился. И мы разъехались на бóльшую часть лета.

Глава 2
«Профессий много, но…»[54]

Я хорошо помню этот день. На входе мне выписали пропуск, но, чтобы его получить, надо было еще и сказать какие-то кодовые слова. От этого «Мосфильм» уже показался мне волшебным. К этому моменту я прошла несколько интервью и сейчас шла на заключительное – с режиссером. Если он одобрит меня, значит, я в проекте. Я шла по коридорам, завешанным постерами фильмов, снятых на этой киностудии. Здесь были афиши, декорации и костюмы, кажется, всех советских картин, от «Вия» до «Операции «Ы». Увидев этот прекрасный мир кино за кулисами, я поняла, что, если меня не возьмут, мое сердце будет разбито. Наконец я дошла до ассистента по подбору персонала, и она проводила меня в комнату, куда должен был прийти режиссер. На огромной доске, стоящей напротив стола, за который я села, висели фотографии актеров будущего фильма с подписями имен их персонажей.

Режиссер сразу влюбил меня в себя. Это был культурнейший, приятнейший мужчина, армянин, проживающий уже больше десяти лет в Нью-Йорке. Было видно, что он свой человек, и я тоже решила вести себя как своя. Он задал мне ряд вопросов о моей стрессоустойчивости, прошлом опыте и умении подстраиваться под ситуации. Все интервью проходило на английском. Я явно произвела на него впечатление списком сфер, в которых работала, а после того как рассказала про тюрьмы, он даже снял очки и задумчиво прикусил дужку. Его решающий вопрос я не забуду никогда:

– Последний вопрос, Даша, скажите, что означает слово «douchebag»?..

– А-а-а… У нас нет идеально подходящего под это понятие слова. Мужчина, который уделяет много времени и сил своей внешности, вплоть до маникюра и кремов, а на деле ведет себя безответственно и как полный кретин. То есть, наверное, слово «придурок» было бы самой приближенной версией.

– Большое спасибо! Мы с вами свяжемся.

Мне нравится думать, что именно за перевод слова «придурок» я и получила место. Через пару дней мне позвонили и окончательно утвердили мою кандидатуру. Мне предстояло на месяц уехать в деревню вместе со съемочной группой и работать ассистентом-переводчиком двух актеров. Одним из них был Крис Оуэн, сыгравший Шермана в «Американском пироге». Вторым

актером был неизвестный в России австралиец по имени Мартин. В то время у него был рабочий кризис, его не звали никуда, кроме рекламы. Никто об этом не задумывается, но бóльшая часть времени актера (если ты, конечно, не в топе голливудских звезд) уходит не на то, чтобы красоваться на съемочной площадке, а на то, чтобы найти себе очередную роль. Он только что узнал, что его жена беременна, а это значило, что скоро понадобится много денег, посему он еще активнее, чем прежде, пытался заработать. И когда ему поступило предложение сыграть главную роль в новом фильме, он подписал контракт на съемки, даже не прочитав до конца сценарий. О том, что практически вся его речь в фильме должна была быть на русском, он узнал только тогда, когда уже прилетел в Россию. Я не знаю, как можно было пропустить такой «нюанс».

Мы должны были снимать романтическую комедию, сюжет которой заключался в том, что знаменитый американский актер вместе со своим ассистентом застревает в русской деревне. Главный герой, которого играет Мартин, любит готовить. Попробовав одно варенье, он спрашивает адрес человека, который его готовил, и, не понимая, во что ввязывается, приезжает в тьмутаракань к дому поехавшей головой бабульки. В итоге он влюбляется в ее внучку, ну и понеслась… Насколько неправдоподобно ни звучал бы сюжет, взят он был из похожей истории про Брэда Питта, который как-то отправился в Италию за рецептом соуса для пасты.

Актерский и режиссерский состав был очень неплох. Самый топовый оператор и продюсеры «Стиляг», «Кислорода», «9-й роты» и так далее. Крутые актеры, включая Ходченкову, Куравлева и даже братьев-«электроников», тоже прилагались.

Мартин прилетел в Россию раньше, чем меня наняли, и уже учил базовые правила русского языка с учителем с утра до ночи. А вот за Крисом меня отправили в аэропорт вместе с личным водителем. Я пыталась изо всех сил вести себя профессионально и не включать дурочку. Когда Крис наконец показался из открывшихся дверей отдачи багажа, я чуть не крикнула: «Хей, Шерминатор! What’s up, man!» Думаю, если бы я это сделала, он попросил бы себе другого переводчика. Уже спустя пятнадцать минут я узнала, что роль в «Американском пироге» оказалась его больной темой.

– Этот фильм искалечил наши жизни.

– Почему?

– Потому что, когда ты играешь настолько ярко запоминающиеся роли, публика отказывается воспринимать тебя в другом образе. Ты обречен получать предложения на роли

такого же плана, как и та, что сделала тебя знаменитым. У большинства так и не получилось отбиться от их образов. Вот Шон, например, который играл Стифлера… Он мой близкий друг. За десять лет ему не предложили ни одной некомедийной роли. А он отличный драматический актер! Такая же история произошла с половиной ребят из этого фильма.

Почти все съемки проходили в деревне, рядом с городом Мышкином. Для России этот городок известен музеем валенок и мышей.

Работа отнимала у нас весь день. Позавтракав в ресторане при отеле, мы сразу выезжали на съемку в деревне. Там нас уже ждали огромные грузовики с гримерками внутри. Два часа уходило на то, чтобы правильно уложить парням волосы, накрасить их и одеть. Каждая деталь должна была быть идентичной той, что засняли в предыдущем кадре. Нужно было повторить прическу, нарисовать гримом точно такие же царапины и так далее. Впервые оказавшись на съемочной площадке, я почувствовала себя ребенком, которого пустили за кулисы Диснейленда. С завороженным видом я наблюдала, как выстраивают свет, звук, камеру… как поправляют вазочку на столе и рукав рубашки на актере. Каждый кадр фильма был результатом работы по меньшей мере тридцати человек. Естественно, никто в деревне не говорил на английском, и ребята были без меня абсолютно беспомощны. Мартин, например, по идеологическим соображениям не употреблял в пищу никакие продукты животного происхождения, а это значит, что каждый день мне приходилось по новой объяснять персоналу деревенского кафе концепцию слова «веган». Официантки смотрели на Мартина с сочувствующим видом, думая, что он болен какой-то непонятной заморской болезнью. В свою очередь Мартин, избалованный голливудским разнообразием продуктов, замучился жрать одну картошку с грибами уже на третий день.

Крис и Мартин были полными противоположностями друг другу. Крис боялся всего на свете и был довольно скрытным парнем. Он построил стену вокруг своего мира и мало кого за нее пускал. Он стал знаменитым еще в детстве, сниматься начал с пяти лет. Его родители погибли один за другим с разницей в месяц, когда он был еще ребенком, и чувство одиночества сопровождало его всю жизнь. В возрасте пятнадцати лет умер и его единственный близкий друг. На лодыжке у Криса есть татуировка в его честь. Крис почти никому не открывался, но если тебе все-таки удавалось пробраться в его мир, на тебя падала вся его любовь. Любовь стеснительного мальчика-интроверта. Для остальных он оставался предельно вежливой

загадкой, ко всем относился с уважением и вечно шутил. Вся съемочная команда его просто обожала. Саркастические шутки и напускной цинизм стали для него системой защиты от внешнего мира. Но когда мы оставались наедине, он любил повторять мне: «Remember, Dasha, life sucks»[55].

Мартин же был фанатом жизни номер один. Он праздновал ее каждый день! Обожал ходить босиком по мокрой траве, всеми путями крушить социальные стены и быть «тем изменением, которое ты хочешь увидеть в мире»[56]. Он не из тех, кто держит свою религию при себе. Нет, он хотел, чтобы весь мир узнавал о том, что знает он, немедленно. Как только ему попадалась на глаза статья, скажем, о загрязнении природы, новых законах и любой другой фигне, он сразу же постил ее на Фейсбуке и страстно заливал об этом каждому. Он уже много лет как был веганом и не употреблял алкоголь. Не пил он, правда, потому, что стал алкоголиком. Но его алкогольная зависимость перешла в зависимость ко всему. Например, если ему понравилась шоколадка, он мог купить штук пятьдесят и поглощать их, пока на коже не выступит сыпь. Он ни к чему не мог относиться нейтрально. Либо он это очень любил, либо яростно ненавидел. В Голливуде он разъезжал на своем «Харли Дэвидсоне» вместе с бандой таких же байкеров. Они часто бросали жен и девушек и уезжали колесить по Центральной Америке. Он любил рисковать жизнью, соглашался на самые безумные проекты. Снялся как-то в рекламе «Ниссана», где ему нужно было спрыгнуть с крыши небоскреба на тарзанке. Ему тогда отвалили кучу бабок. Эту рекламу долго крутили в России.

В заключение сравнения Мартина и Криса можно привести один пример: когда пьяный водитель одного из продюсеров снял яхту и позвал нас кататься по Волге, мы с Мартином прыгали в реку прямо в трусах, а Крис сидел и наблюдал за этим в куртке и оранжевом спасжилете.

Крис играл в фильме роль второго плана и быстро выучил весь свой текст. А вот передо мной и Мартином стояла серьезная задача – научить его говорить по-русски за пару дней. Мы оба понимали, что это, скорее всего, обернется полной катастрофой, но пытались сделать вид, что все под контролем. Через неделю Мартин уволил свою упитанную учительницу русского языка, которая вечно была на грани нервного срыва, закатывала глаза, пока он с главной актрисой репетировал при нас интимные сцены, и паниковала больше нас всех, что он так и не заговорит по-русски. В итоге на меня, помимо работы ассистентом и переводчиком, легла задача выучить с Мартином весь сценарий. И это был ад. Все свободное время, какое выпадало, я должна

была проводить с ним, разбирая каждое слово. Он требовал объяснить ему историю происхождения корня, приставки и суффикса всех, мать его, слов, которые ему нужно было произнести по сценарию. Естественно, он все это сразу забывал. Мы готовились по три часа перед каждой съемкой, но, как только звучали слова режиссера «И-и-и… мотор!», Мартин не мог произнести больше пяти слов.

При этом Крис схватывал русский на лету. Я параллельно учила его некоторым фразам – так, ради прикола. Один раз он подошел к режиссеру, положил ему руку на плечо и сказал: «Малиш, ну я жи лутьше сабаки». Все смеялись, а Мартин от этого еще больше бесился. Он вообще был довольно вспыльчивым и часто вел себя как ребенок. Он легко мог заплакать от переживаний и так же легко впадал в ярость и орал из-за каких-то мелочей. А когда на меня орут, я тоже ухожу в нервозное состояние. Он срывался на меня, а я шла успокаиваться к Крису, который всегда был готов меня поддержать.

С Крисом мы испытали какую-то чудовищную моральную пытку, вдаваться в подробности которой я не очень хочу. Скажу только, что мы моментально сошлись и… друг в друга влюбились. Это был тот самый случай, когда тебе кажется, что ты знаешь человека уже сто лет. Но у него в Голливуде была девушка, а он был из тех редких хороших честных парней, которые не изменяют. Я это уважала и не хотела портить ему жизнь угрызениями совести. В итоге мы смотрели друг на друга щенячьими глазами, заигрывали как подростки, страдали порознь и, расходясь поздно вечером в соседние номера, потом еще по два часа переписывались. На тот период мы стали неразлейвода друзьями, обросли общими фишками и знали друг о друге все, от любимых поз в сексе до детских страхов и имен лучших друзей. Когда ты работаешь в кино, на период съемок вся твоя остальная реальная жизнь в буквальном смысле слова исчезает. Каждый день ты нос к носу проводишь с одними и теми же людьми. «Вынужденная близость» – так это называет Крис. Считай, что за два месяца мы сходили на шестьдесят свиданий. Потому что даже тогда, в единственные три-четыре часа в течение суток, когда мы были свободны, мы все равно проводили время вместе.

Криса, к моему удивлению, везде узнавали и просили автограф. Представь ощущение: идешь ты по улице с мальчиком за ручку (когда нас никто не видел – мы ходили за руку), лижешь стаканчик мороженого, и тут подбегают девочки с горящими глазами:

– Айм сорри, ар ю эн эктор фром «Амэрикан пай»?

Пятнадцатилетняя девочка во мне просто ликовала в такие

моменты. Вообще, в этом есть свой кайф – быть представителем каких-то шишек. Все смотрят на тебя поджав хвост, задают тебе вопросы, а ты, такой гордый, отвечаешь. Люди понимают, что с тобой надо общаться крайне вежливо, а то, не дай бог, ты что-то не то шишке скажешь. Переводчики обладают колоссальной силой, о которой никто даже не догадывается.

Несколько дней он ходил в футболке, на которую приклеил малярную ленту с надписью «КРЫША».

– Все русские имена, как я заметил, заканчиваются на – ша. Даша, Саша, Маша, Паша. Я решил свое имя тоже преобразить. Я буду Криша.

– Ха-ха-ха. Крыша! «Крыша» по-русски обозначает крышу дома, но это еще и группировка бандитов, которая защищает одних бандитов от других бандитов.

– О, ну все. Отныне я точно крыша!

Странное напряжение длилось между нами уже с неделю, когда он мне написал:

– Даша, мне нужна вода.

– Она у тебя в холодильнике, в номере.

– Я знаю. Но я лежу на кровати. Доставь мне воду.

– Я твой переводчик, а не твоя сука.

– А если я скажу «ну пожалуйста-пожалуйста»?

Через минуту я зашла в его номер, дошла до холодильника, вытащила воду и с демонстративным «ну вот, доволен?» лицом вручила ему бутылку. Он сидел на постели задумавшись.

– Можно я попрошу тебя кое о чем странном?

– Страннее просьбы доставить тебе бутылку?

– Да… Полежи со мной. Я хочу кое-что проверить.

Я какое-то время постояла в недоумении, затем легла к нему спиной, и он обнял меня сзади. Думаю, в этот момент нам окончательно стало понятно, что мы попали.

Меня приводило в панику, что кто-то может узнать о том, что происходит между нами. Все это походило на такое клише, что, когда я представляла, как эта картина может смотреться в глазах остальных членов съемочной группы, мне становилось дурно. Как-то раз помощница режиссера, с ухмылкой глядя мне в глаза, стала напевать: «Американ бой – уеду с тобой…» Уже этого было достаточно.

Постепенно Мартин начал замечать, что происходит между мной и Крисом. Например, что мы всегда ехали на машине вдвоем на заднем сиденье и я как бы спала у него на коленках. Или что я много времени провожу в его комнате. Он довольно громко и агрессивно высказал своё недовольство нам обоим, сказав, что из-за этой истории мы непродуктивны и что мы

ставим его в дурацкое положение, будто он третий лишний. На самом деле, думаю, он просто был на таких нервах из-за своей роли, что кроме того, как обвинить в своих проблемах нас, больше обвинять было некого. Мы покивали головой и извинились, но ничего не могли с собой поделать. Мы и так не целовались, не занимались сексом и наша максимальная близость состояла в том, что как-то раз он положил свой указательный палец мне на губы, когда мы лежали напротив друг друга. К слову, это был один из самых романтичных моментов в моей жизни. Мы испытывали отчаянье, потому что никак не могли повлиять на свои чувства, и нам оставалось только еще тщательнее их скрывать. У актрисы главной роли происходила примерно такая же ситуация с оператором и режиссером. Это был ее первый фильм, и вместе мы поддерживали друг друга как могли, куря ментоловые сигареты на корточках на крыльце отеля. На том же крыльце она рассказывала мне свою суровую и оттого прекрасную историю детства, сложно было поверить, через что девушка такой неземной красоты прошла. Там же мы вместе придумывали ей новую фамилию… А теперь она звезда русского кинематографа, и Юра Дудь Обсуждает в своей передаче, настоящая ли у нее грудь. Жизнь такая смешная.

Со временем мы с Мартином придумали способ решить проблему незнания языка. Мы просто купили доску, на которой я стала писать ему текст. Я вставала туда, куда он по кадру должен был смотреть, и Мартин считывал строчки. Таким образом накалившаяся атмосфера исчезла. А вот с Крисом все становилось только хуже.

* * *

Заметка в дневнике:

25 июля 2014

Сегодня Куравлев весь день тупил и не мог запомнить свои слова, и мы сидели с Крисом в трейлере, слушая музыку. Безо всяких обниманий. Практически без заигрываний. Без слов. Мы просто смотрели друг другу в глаза и пели песни. Мне было не страшно смотреть ему в глаза, как это происходило с Антоном. После нашего совместного ужина меня тошнило от расстройства, что между нами ничего не может быть. Зайдя в номер, я заплакала от бессилия. Мне хочется схватить его, трясти, обнимать, любить. Хочется прыгнуть на него и обнять ногами. Я ушла в свою комнату, впервые за две недели

не зайдя перед сном к нему, и попросила прислать мне названия песен, которые мы недавно слушали.

– Приходи – и я тебе скажу.

– Сам приходи, – ответила в сообщении я. – Я уже легла в постель.

Он пришел, лег рядом со мной поверх одеяла, и мы слушали эти песни вместе. Увидев меня в белье, он опять начал сходить с ума. Потом собрался было уходить, и тут я вспомнила, что он проиграл мне желание и должен был погладить меня по голове перед сном. Он ушел к окну, смотрел в него, потом все-таки вернулся к постели, сел и стал меня гладить. Мне кажется, он все-таки в меня влюблен. Он прислонился ко мне лбом, будто пытаясь передать свою любовь. Он сохранил себе все мои любимые песни. Он замечает каждое мое движение и слово. Сам себя сдает. Если, конечно, у него не просто такая феноменальная память, что вполне возможно. Он же актер. Но он так меня гладил… обнял мою шею одной рукой и очень нежно гладил другой, затем снова прижался ко мне лбом и приблизился лицом к лицу. Мне кажется, он был в сантиметре от моих губ, но я боялась его спугнуть и потому не открывала глаза. Играла песенка «Kings of Leon»…

I don’t care what nobody says
We’re going to have a baby[57].

В моей голове, будто в быстрой перемотке, пробежала жизнь, которую мы могли бы прожить вместе. Он гладил меня так долго, казалось, целую вечность. А на деле это были лишь семь минут песни. Потом отстранился. Я спросила: «Хочешь, я тебя обниму?» Он задумался, потом, будто приговор, озвучил тихое «yes». Я встала на коленки в одном нижнем белье. С минуту он просто стоял, будто вкопанный, и смотрел на меня, затем с выдохом вымолвил: «Jesus Christ!» – и обнял. Я поцеловала его в висок. И он ушел.

Много чего происходило в этом волшебном мире кино… Всего не описать. Скажу только, что вместе мы прожили целую жизнь.

Сначала улетел Крис. Я навсегда запомню этот момент. Мы сидели у окна в Шереметьево. За столиком «Шоколадницы». Я протянула ему свой блокнот, самую дорогую вещь. Я обвела его

ладонь и пододвинула блокнот к нему:

– Напиши здесь, что хочешь. Я прочитаю это только тогда, когда в следующий раз окажусь в самолете.

Крис что-то долго вырисовывает, потом бросает ручку в сторону и смотрит в окно. Он начинает говорить, и я слышу, что его голос дрожит:

– Я не буду дальше ничего писать, потому что иначе я просто заплачу. Я скажу тебе как есть. Если бы не ты, я не представляю, что бы я здесь вообще делал. Благодаря тебе у этой поездки появился смысл, и я буду вечно тебе за это благодарен.

Он еще много чего сказал, но я оставлю это для себя. Прощаясь у «зеленого коридора», он надевает солнечные очки, чтобы никто не видел его глаза. Мы обнимаемся. Он уходит. Больше я его никогда не увижу. В блокноте он написал: «Thank you thank you thank you thank you thank you», «I can't imagine Russia without you» и «Remember, life sucks».

До этого момента я еще предполагала, что, может быть, я все это себе придумала и мои чувства не взаимны. Но за его солнечными очками я успела увидеть слезы. Я выхожу из аэропорта, беру у первого мужика из пачки сигарету и сползаю по стеклянной стене Шереметьево.

Мы с Мартином снимались еще три дня. До шести утра каждый. И когда наконец с приходом рассвета прозвучало: «A-a-and cut. Снято», – наша жизнь оборвалась. Я вернулась в реальность.

– Ну, детка, с этого момента мы с тобой опять безработные, – сказал он, очень пристально посмотрев на меня своими голубыми глазами.

– Как мы все это переживем?

– С помощью душа.

– Что?

– С помощью душа. Когда я доигрываю роль и съемки заканчиваются, наступает самый сложный момент. Эту роль нужно отпустить. Я захожу в ванную, включаю душ и стою под водой до тех пор, пора полностью ее не смою. Знаешь, от чего умер Хит Леджер?

– От передоза таблетками.

– Ну да. А почему он употреблял таблетки, ты знаешь? Он не мог избавиться от своей роли Джокера, за которую посмертно получил «Оскар». Он готовился к роли полгода. Садился и снимал себя на камеру в своей квартире. Многие из этих кадров, снятые им самостоятельно, вошли потом в фильм. А когда съемки закончились, он не мог вернуться обратно в самого себя. Отпустить Джокера, вытравить его из себя. Самое сложное – это

не отправиться в приключение. А выйти из него живым.

Прощаясь в аэропорту, я рассказала ему обо всем, что происходило между мной и Крисом, все, что мы так отчаянно пытались подавить в себе все два месяца.

– Я понятия не имел, что все так серьезно.

И он тоже заплакал, только уже от сочувствия. А затем он сказал мне фразу, которая в тот момент меня действительно спасла:

– Никогда, слышишь, НИКОГДА в моей жизни не было так, чтобы плохой опыт не сработал потом на благо.

В блокноте он написал мне: «Remember, life does NOT suck!»[58]

И действительно. Жизнь прекрасна. А то, что все в ней связано, – это вообще чистая магия.

Крис сразу выкинул сим-карту и больше мне не отвечал. Я понимала, что он сделал это специально. Лучше рубануть сразу, чем еще долго и размеренно страдать. Второй вариант я уже пробовала. Вернувшись домой, я сразу поехала к своему другу Лису в Жуковский. Он всегда был ответственным за мой здравый смысл, за настоящую, сильную меня, которую я обычно не показываю своим парням. Мы собрали компанию друзей и уехали кататься на машине в поле, пить водку и играть в «правду или действие». Совсем скоро я буду бежать голая по прохладному асфальту на спор и смеяться. Но в тот момент, когда мы только вышли из машины и остались с ним наедине, когда наши друзья не видели меня в темноте, я впервые на памяти Лиса горько при нём заплакала.

Глава 3
Украина-мама

В то время, когда я закончила проект, как раз начались военные действия между Россией и Украиной. Разобраться, что именно там происходит, было невозможно, но одно нам повторяли безустанно: украинцы теперь ненавидят русских. Поскольку у меня всегда было много друзей в Украине, в частности музыкантов, я собрала рюкзак и отправилась туда в период военных действий, причем сразу в Карпаты, где, по словам российской общественности, меня должны были поймать и зажарить на костре бандеровцы. Как я и ожидала, по ту сторону баррикад новости были совсем другими. Сложно было поверить, что речь идет об одних и тех же событиях. Как бы то ни было, Украина-мама встретила меня с распростертыми объятиями и крепко обнимала что среди холмов Карпат, где мы прятались под проливным дождем в колыбе[59], заедая водку ледяным салом, что у Черного моря в Одессе, где мы встретили конец лета. За это время мне удалось забыть свою историю с американцем. Я накупалась во внимании любимых музыкантов, задаривших меня цветами и комплиментами, и вернулась в Москву.

Второго сентября мой поезд приехал на Киевский вокзал, а поезд Антона – на Курский. Эти два месяца он провел под соснами в серфлагере, разбитом на обрыве огромного водохранилища. Табличка на стене администрации гласила: «Место, где расцветают люди». Школа жизни там была нехилая. Помимо довольно жесткой физической нагрузки, подъемов в шесть утра и ежедневного труда ребят развивали или, по крайней мере, пытались развивать духовно. Там не существовало тех «хорошо» и «плохо», к которым привыкли городские жители. Все законы лагеря строились на энергии. Это место походило на настоящее племя со своим вожаком. На мясо и алкоголь стоял запрет, зато вот секс никто не отменял. В качестве одного из мероприятий в расписании, например, зачастую красовалась «оргия». В течение этих двух месяцев лета Антон писал мне редко, но метко, присылая видео, где ребята-иностранцы признаются мне в любви за него на всех языках. Я старалась не реагировать, чтобы не обжечься вновь.

Но настал сентябрь, и мы встретились сразу, как только смогли. В этот вечер в парке Горького выступали «The Drums». Концерт был бесплатный, и в какой-то момент вход в парк закрыли из-за количества людей. Нам было много что друг другу

сказать, но, не успев толком поговорить, мы перелезли через забор и побежали к площадке. Мое сердце опять сжалось. Над небом зарядили салют. Мы оббегали зевак – скорее-скорее к сцене. Он оглядывается на меня, мы хватаемся за руки, музыканты начинают играть нашу любимую песню «Let's go surfing» – и заветная доза самого страшного наркотика пробегает по моим венам и ударяет в мозг. Мы оба так боялись снова привязаться друг к другу, и вот эта больная зависимость опять пробивает себе дорогу.

– Я построил тебе домик на воде.

– Что?

– Вернее, не я построил, строили все. Но я спланировал его. Он стоит на железных сваях. Чтобы туда добраться, нужно плыть. Ты не поверишь, сколько раз я думал в этом доме о тебе. В нем в моей голове готовилась революция. Она еще не началась. Но было такое чувство, что кто-то рисует плакаты. Он на воде, потому что ты рыба… «Рыбы не живут без воды»[60].

– Зачем ты это делал?

– Потому что так я мог быть с тобой. Я представлял, как ты туда приедешь, увидишь дом и все поймешь.

Я не была уверена, правдивая это история или нет, и не верила до конца в существование этого дома, но по коже пробежал мороз.

– Мне страшно.

– Что случилось?

– Боюсь привязаться.

– Не ссы. Дальше уже некуда, нам обоим.

– Не хочу боли.

– Я тоже.

– Мне все время будет тебя мало.

– Меня одного?

– Нет. Тебя мало.

– Я не понимаю.

– Я захочу, чтобы ты был весь мой.

– Я и так был весь твой. Все мысли были пропитаны только тобой. Я все это заморозил на неопределенный срок.

– Нет, ты не понимаешь. Я буду ревновать, обижаться, когда ты не позвонишь, грустить, когда тебя не будет рядом… Я снова сойду с ума: эти невыносимые страдания, когда твое счастье, настроение зависят от одного человека… Я не могу.

– Главное, чтобы это было взаимно. Иначе все напрасно.

– Я чувствую, что стою над ямой и вот-вот в нее упаду. Мне снятся кошмары про тебя…

– Мы стоим за новым поворотом, а не перед ямой. Но ты не

узнаешь, что тебя ждет, пока не повернешь.

На следующий день он сказал, что хочет снова быть вместе, что все переосмыслил. Я ответила, что мне нужно подумать, и отправилась домой. Я тогда опять кантовалась в квартире бабушки и дедушки, потому что сдавала свою. Правда, дедушка в этот момент был в больнице из-за того, что переел обезболивающего и отравился. У него вечно болело колено.

Глава 4
Осень потерь

Только пепел знает, что значит сгореть дотла.
Но я тоже скажу, близоруко взглянув вперед:
не все уносимо ветром, не все метла,
широко забирая по двору, подберет.

Иосиф Бродский

Мой друг. Пора познакомить тебя с еще одним хорошим человеком в моей жизни. Я расскажу тебе маленькую историю про своего дедушку.

Он у меня волшебный. Знаю, так почти все говорят про своих дедушек, но тут особое дело. Мне кажется, мой интерес к тому, что творится за пределами четырех стен, появился именно благодаря ему. В детстве мы с родителями жили в одной квартире с бабушкой и дедушкой. Я просыпалась рано утром под звуки радиостанции и дедушкины слова:

– Ульяна, Анна, Три! Дельта, Кентукки, Токио!

Во всей Балашихе наш дом всегда можно было найти влегкую. У нас на крыше стоит огромная антенна-паук. Помню, как дедушка ее мастерил и устанавливал вместе с папой и дядей. Благодаря этой антенне у нас всегда был ключ от крыши, на которой я в детстве часто проводила время.

Мой дедушка – радиолюбитель. Так это и называется. Для нас, современных людей, радиостанции – это загадка. Теперь есть интернет, скайп, почта. Но еще 20 лет назад ничего этого не существовало, и единственной связью с миром, вот так, из своей комнаты, могла служить только радиостанция. С самого утра мой дедушка без устали пытался связаться со всем миром, включая самые маленькие острова где-то в Тихом или Северном Ледовитом океанах.

У каждого радиолюбителя свой позывной. Дедушкин позывной – UA3DKT. Его я выучила вместе с азбукой. Передавая свой позывной, дедушка придумывал новые и новые слова, которые начинались с этих букв.

– Uncle Able three, дельта киловатт Токио!

Еще у него стояла машина, с помощью которой можно было

передавать информацию азбукой Морзе. Она нравилась мне больше всего. Я садилась к нему на коленки, и он учил меня, как передать сигнал SOS.

Наверное, настоящие взрослые запретили бы ребенку отправлять какие-то сигналы по радиосвязи. Но настоящим взрослым мой дедушка никогда не был.

Когда я поняла для себя, что не могу не путешествовать, моим самым главным и верным сторонником стал он. Он начал печатать мои заметки о путешествиях, соединяя все истории в одну, и все повторял, что пора издавать книгу. Я отвечала ему: «Еще рано».

Так вот, вернувшись домой после концерта, я проснулась в семь утра оттого, что услышала, как бабушка плачет. Обычно если она и плакала, то уж точно не в голос. А тут я действительно услышала. Я зашла в ее комнату. Она сидела, прижав трубку домашнего телефона крепко двумя руками. И среди прочих слов я услышала слово «морг». Оно ударило меня обжигающей волной по всему телу. У меня не было ни секунды, чтобы осознать это самой. Нужно было как-то успокаивать мою маленькую, хрупкую бабушку, которая всегда была мне ближе, чем мать. Ее маленькие плечи так тряслись, что я не знала, что делать. Что сказать человеку, смысл жизни которого только что исчез?

Антон приехал, чтобы поддержать меня, только на следующий вечер. В день похорон, рано утром, он ушел, сказав, что не терпит похорон и ему там не место. Нам выдали свидетельство о смерти. Есть свидетели. Они утверждают – «дедушка» и «смерть» теперь стоят на одной строчке. Я вглядываюсь в красные буквы, пытаясь понять, что они говорят. До этого момента у меня еще была надежда, что это прикол. Даже когда нам сказали выбрать гроб, я еще надеялась, что это ошибка. Но уже через час я увидела его тело. Он был ледяной и сильно пах одеколоном. Стоя у его гроба, я не могла плакать. Потому что это уже был не дедушка. Когда я отошла, чтобы забрать его фотографию и поставить в изголовье, я взглянула на его улыбающееся на снимке лицо и отчетливо поняла: в этом теле его уже нет. Он отделился. Когда его хоронили, я положила ему в руку коробочку с письмом. В нем говорилось: «Я напишу тебе книгу, деда. Обещаю».

Я не могла оставить бабушку в таком состоянии и продолжала жить с ней. Видеть любимого человека страдающим и не быть способным ему помочь – это пытка. Это давило на меня, и я искала спасение в Антоне. Как никогда раньше мне нужен был любимый человек.

Все дальнейшие события той осени кажутся мне сейчас

настолько бредовыми, что я даже не знаю, как их описать. Наверное, чтобы хоть как-то понять со стороны историю моих взаимоотношений с Антоном глубже, нужно рассказать то, чего о нем не знали даже близкие друзья.

Антон вырос в семье с отцом-бандитом. Как любят говорить взрослые многозначительным тоном, это были «лихие девяностые». С детства на полках его квартиры лежали не игрушки, а стопки денег и пистолеты. Он рассказывал мне, как прятал эти пистолеты в надежде на то, что «папа не пойдет больше убивать». Когда его отца застрелили по приказу человека, с которым он вел бизнес, все дела папы перешли его родному брату, дяде Антона. В течение двух лет Антон вынашивал план, как отомстить за отца. Довольно скоро он выследил того мужчину, который заказал убийство. Узнав, где тот живет, он взял пистолет у дяди, пробрался к дому того мужика и стал стрелять в окно на поражение, но не попал. Охранники вмиг всполошились и бросились за ним с собаками. Сидя на полу ванной и обняв колени, он рассказывал мне, как бежал по лесу что есть сил, пока наконец не упал в грязь и не заплакал. Его поймали. Дядя сумел подкупить милицию, чтобы Антона отпустили (он все еще не был совершеннолетним), и, забирая его, он сказал: «Ты отомстишь за отца. Я обещаю. Но не сейчас». Спустя год дядя заехал за Антоном, сухо сказал «садись в машину», не объяснив, куда они едут. Они высадились в поле. Вокруг не было ни одного поселения. На поле стояли мужчины в кругу, а в центре с завязанными руками сидел убийца его отца. Антону дали в руки пистолет и сказали «стреляй». Парню было семнадцать лет. Он простоял так какое-то время, с пистолетом в руке, потом сказал: «я не буду убивать», отдал пистолет дяде и пошел обратно к машине. Я рассказываю это для того, чтобы объяснить, как этого парня перемесило еще задолго до встречи со мной. При жизни его отец занимался довольно темными делами и в энергетическом плане. Он часто прибегал к помощи гадалок и ведьм и сам обладал определенными способностями, которые помогали ему в бизнесе. Не знаю, были у него эти способности с детства или это дело рук его помощниц, но он умел гипнотизировать людей и читать их мысли. Например, если Антон, будучи ребенком, плакал, отец вводил его в транс. Эти способности передались и Антону. Он умел подчинять, поэтому я часто боялась смотреть ему в глаза. Я в них пропадала и делала все, что он захочет. А то, что он читает мои мысли, я стала замечать буквально сразу. Довольно часто он задавал мне вопрос и спустя пару секунд сам же на него отвечал. Например, он спрашивал:

– Сколько у тебя было парней? – а потом называл правильное число.

Или:

– У тебя были когда-нибудь серьезные отношения? – и через секунду: – Ты что, была замужем?

Ему было достаточно задать мне вопрос. Потому что, как только ответ появлялся в моей голове, он уже его знал. Я понимала, что мысль о том, что он читает мои мысли, – бред, и не решалась спросить, верны ли мои догадки. Вернее, нет, кажется, я даже спрашивала, но он просто улыбался и отвечал: «Да я угадал». Так продолжалось первые два месяца нашего общения, пока один раз, когда мы говорили по телефону, я все-таки не поймала его за хвост.

– А в каких отношениях ты с другой своей бабушкой? – и через секунду: – Она была ведьмой? Это как?

– Что? С чего ты решил, что она была ведьмой?

– Ты же только что это сказала.

Говоря по телефону, он не понял, что я не произносила ответа на его вопрос вслух. И тем самым спалился.

– Я ничего не говорила!

Он замешкался.

– Может, ты раньше говорила?..

– Нет! Откуда ты это знаешь? Антон… Ты что, читаешь мысли?

Вот как-то так я это и узнала. Обычно его способность «читать мысли» сопровождалась необъяснимой головной болью. Врачи называют ее кластерной. Если она была легкой – он мог читать мысли по желанию, когда сосредотачивался. Но иногда наступала очень сильная головная боль, и тогда он полностью терял контроль над ситуацией и начинал слышать мысли всех людей в радиусе ста метров. Боль была такой сильной, что он хватался за голову и прятался в угол комнаты, но все равно слышал мысли соседей или мамы на кухне. А вот если, не дай бог, он был в этот момент в людном месте, например в метро, то это был крах. В потоке мыслей всего вагона он уже не понимал, куда едет сам. В голове появлялось сто направлений, сто планов на вечер и так далее. Все это чтение мыслей сводило его с ума. Он относился к этому как к уродству, а не как к суперспособности и боялся, что, если кто-нибудь узнает, окружающие посчитают его шизофреником. Кроме того, он начитался где-то, что правительство ставит опыты на таких, как он, или пытается использовать людей с шестым чувством в своих целях, и просил меня никому не говорить о его тайне.

На меня же это влияло самым хреновым образом. Во-первых,

он нагло лез в мою голову. И хоть я и пыталась сопротивляться, ему это всегда удавалось. Для того чтобы ты понял, о чем я, приведу пример. Один раз, когда мы сидели в кафе и обсуждали планы на следующий день, он спросил меня:

– А в каких отношениях ты с этим музыкантом, к которому идешь завтра на квартирник?

Зная, что он сейчас может прочитать мои мысли, я сразу начала думать о том, о чем думать нельзя. В моей голове вырисовывается момент: мы лежим с тем музыкантом вдвоем в палатке, и он говорит мне шепотом на ушко: «Я приеду в Москву и заставлю тебя кончать». Пытаясь скрыть эту мысль, я срочно думаю об ананасе, который плывет по реке. Это была первая придуманная картина, что пришла мне в голову. Я представляла кожуру ананаса, какая она на ощупь, представляла, как шумит река. Это где-то в тропиках. Там пальмы… Так, отлично…

И тут мои мысли перебивает упрямый голос Антона:

– Можешь сколько угодно думать об ананасе, я все равно узнаю…

Я всячески попыталась замять эту тему, и мне даже показалось, что у меня получилось скрыть от него ту картину в палатке. Но, когда я приеду домой, мне придет от него сообщение в кавычках. Всего одна цитата: «Я приеду в Москву и заставлю тебя кончать».

Он устраивал мне разборки и из-за того, о чем думают мои друзья, а иногда, услышав в голове человека одну мысль, сам додумывал, что она могла значить.

Вскоре я стала легко распознавать, когда он впадал в это состояние. В эти моменты он менялся в лице. Это был совершенно другой человек. Не мой любимый и любящий меня парень, а какое-то чудовище. Его глаза превращались в глаза рептилии. Ярко-зеленые, сощурившиеся, с маленькими черными точками вместо зрачков, как у дракона. Обычно в эти моменты он становился злым. Не в том смысле, что он испытывал злость. Он словно становился самой злостью. Словно в него вселялось что-то темное, переданное по родству.

Помимо всего, незадолго до событий, которые я опишу дальше, в его мозгу нашли опухоль. Узнав это, он попытался оттолкнуть меня от себя, потому что не терпел никакого сочувствия. Он ненавидел, когда его жалеют. Я же, наоборот, хотела как-то помочь, искала врачей, но он от всех отказывался. Из-за его «сумасшествия» я многое ему прощала. Прощала все резкие смены настроения и непонятные мне загоны, ведь в другие, светлые моменты это был интереснейший человек с невероятным, загадочным внутренним миром, полным секретов и

идей.

И вот той осенью мы все-таки снова сошлись. И как только он понял, что я принадлежу ему и никуда не денусь, что-то в нем опять переклинило, и он с новой силой стал надо мной издеваться. Только когда я в двадцатый раз разжевывала ему, что он ведет себя жестоко, пытаясь достучаться до здравого смысла, он как будто бы просыпался и понимал, что творит. Не хочу перечислять все, что он делал, просто поверь мне на слово, когда я скажу: той осенью меня знатно искалечило. Я как дурочка велась на всю его трехстопную ложь. И даже когда все было очевидно, мне хотелось верить, что это не так. Из главного – он попросил меня не афишировать, что мы снова вместе. И причиной этому была девочка по имени Марина. Марина… Нет на свете имени, которое я ненавидела бы больше. Мар-р-и-ина, как Марла… Этим именем надо было назвать раковую опухоль[61]. Она была худой, с красивой фигурой, ярко-голубыми волосами и совершенно уродским, кошачьим лицом, украшенным не менее уродскими угловатыми очками, еще сильнее подчеркивающими ее узкие маленькие глазки. Мне потребовалось немного женской хитрости, чтобы найти ее страницу в социальной сети и увидеть десятки его снимков на ее стене. Хуже всего было то, что к ним были прикреплены наши с ним любимые песни и цитаты. Эта девочка незваным гостем ворвалась в мой секретный мир. На одной фотографии она стояла в вязаном свитере из шерсти ламы, который я привезла Антону в подарок. На ее аватарке они с Антоном стояли вместе, полуголые, покрытые то ли взбитыми сливками, то ли хрен знает чем. На снимке она изображала кошечку и скалилась в объектив, а Антон был просто предательски красивым. Это был выстрел в упор. За два года он выложил всего пару наших фотографий, и меня всегда это очень обижало. Тут же он с любовью обрабатывал фотки с Мариной, дополняя кадр так, будто они находятся в космосе, смело выкладывал их и уверял меня, что это ничего не значит. Он сказал, что она влюблена в него до безумия, но между ними ничего не было, кроме того, что по вечерам они вместе слушали «The Doors». Сказал, что она взбалмошная и истеричная, помешалась на нем и никак не может принять тот факт, что они не будут вместе, что если она узнает, что мы с ним снова встречаемся, то станет говорить про него гадости в лагере и строить ему козни. Поэтому он просил меня немного повременить с тем, чтобы все афишировать. Марина же звонила ему при мне почти каждый день, он не брал трубку и говорил, что так лучше. Что она сама отстанет. И даже когда мы встретились с ней случайно у метро и она при мне и другой девочке назвала его

своим парнем, взяла под ручку и стала поправлять перья на моей балийской шапке – волке, которая в тот момент была на нем, я все еще верила, что она просто сумасшедшая и пытается спровоцировать меня. Ревность разъедала меня изнутри, но я не решалась ничего сделать. На все мои «какого черта?» у Антона был один ответ: «А ты вообще трахалась с другим парнем в Южной Америке».

Все было хорошо, наверное, неделю-другую. Затем он стал пропадать на несколько суток, и мне оставалось только гадать, где он и с кем. Я опять начала сходить с ума. Это продолжалось месяц, пока в конце концов я не нашла номер Марины и не позвонила ей сама, хоть он и запретил мне это делать. Я сказала:

– Мне кажется, кому-то из нас вешают лапшу на уши. Поэтому я хочу напрямую спросить: в каких ты отношениях с Антоном?

Совершенно безмятежным тоном она сообщила мне, что он как раз только что вышел из ее дома. Была полночь. Выяснилось, что они не просто спали вместе. О нет. Они полноценно встречались, начав спать еще в лагере и продолжив по возвращении в Москву. Он говорил ей в точности те же самые слова, что и мне, используя те же самые выражения. Что я неуравновешенная, помешанная на нем истеричка, которая «вцепилась в него когтями, как кошка» и не хочет отпускать. Чтобы удостовериться, что она не придумывает это все, мне пришлось задать ей вопросы, на которые мог ответить только человек, который действительно занимался с ним сексом. И пока она описывала мне, как выглядит его стоящий член и в каких позах и углах квартиры он ее ебал, все клетки моего тела, помнящие его прикосновения, отмирали. Сопоставив даты, я поняла, что в день, когда я хоронила дедушку, в то самое мгновение, когда я лежала над его гробом на рыхлой земле в черном платье и взахлеб рыдала, Антон трахал у себя дома эту Марину. Договорив с ней по телефону, я вернулась домой, легла в постель к бабушке (первый месяц нам было страшно спать порознь в той квартире) и замерла. Все мои вены горели изнутри. В ушах зашумело. Мне казалось, что огромная медуза обожгла меня своими щупальцами и парализовала все тело. Я не могла пошевелиться. Мне просто хотелось, чтобы эта боль закончилась; но она только начиналась.

Это чувство знают лишь те, кто его испытывал. Я лежала, смотрела в потолок и просто пыталась дышать. Все, что она с радостью описала мне по телефону, теперь, в темноте, набросилось на меня фильмом ужасов. Красочные кадры слайдами менялись в моей голове каждый раз, как я моргала. Вот

он ебет ее в ванной, вот на столе в гостиной, вот они на полу на кухне, вот она давится его членом на диване, вот царапает ему спину. С каждым кадром новая и новая волна обжигала мою кожу. Я была в аду. Я не могла осознать, понять… Передо мной были все факты, а у меня просто не получалось связать их с человеком, которого я любила и который любил меня.

Хуже всего в таких историях не момент, когда ты узнаешь о чем-то ужасном, а утро на следующий день. Когда просыпаешься и на долю секунды кажется, что все это был просто плохой сон, а потом понимаешь – нет, это была реальность. Мне даже не хотелось звонить и плакаться в трубку друзьям. Я не готова была произнести весь этот пиздец вслух.

Драмы в наших маленьких городах всегда происходили красиво. За одни сутки были разбиты сразу два сердца. Утром я пошла на работу, а когда вышла из здания под конец рабочего дня, мне позвонил мой друг Лис. Решительным тоном он выпалил:

– Привет. Я иду расставаться с Натой.

Натой звали его девушку. Они встречались недолго, и в какой-то момент Лис мне признался, что не испытывает к ней любовных чувств и физического желания, на что я ответила, что тогда лучше расходиться сейчас и не давать девочке лишних надежд.

– Ты была права, так нельзя. Скажу ей как есть, что не люблю ее. Я не могу больше притворяться и не хочу изменять. Я знаю, что причиню ей боль, отчего мне самому будет хуево, поэтому сегодня вечером еду к тебе.

Я замолчала на секунду, а затем выпалила:

– Антон трахает другую бабу. Все это время. Он ебал ее, пока я хоронила деда.

– Я догадывался. В полночь буду у тебя. Я приеду с Кириллом. Я не смогу не напиться, так что он поведет машину.

Когда ребята уже сидели в моей комнате, мне позвонила Ната. Мы общались с ней до этого всего пару раз, но она знала, что я единственная подруга Лиса, которая может оказать на него влияние и с которой он никогда не спал. Она кричала в трубку, как раненое животное. Я не могла это слушать, у меня разрывалось сердце. В моей квартире был человек, от которого зависело ее счастье, но я не могла сделать так, чтобы он ее любил. Чтобы ей стало хоть как-то легче, я рассказала, что произошло со мной. Странная человеческая природа. Я не знаю, почему нам становится лучше, когда мы видим, что кому-то еще хуевее, чем нам, но фактор «все могло быть и хуже» действительно сработал. Она перестала рыдать и тихо

переспросила:

– Как ты это делаешь? Почему ты не плачешь?

– Потому что ты плачешь… – Я тушу о ступеньку пятую сигарету и возвращаюсь обратно домой.

По смешному стечению обстоятельств на следующий день мы с Антоном должны были идти на свадьбу нашего близкого друга, который видел, как зарождались наши отношения, и всегда искренне за них болел. Я нашла в себе силы пойти, потому что больше всего мне хотелось посмотреть Антону в глаза, когда я скажу, что все знаю. Я пылко произнесла двусмысленный тост про верность, храбрость говорить правду и доброту. Кажется, молодоженам даже стало понятно, что в моих словах есть какой-то подтекст, но они не могли понять, какой именно. И только Антон начал нервно переминаться с ноги на ногу.

Сразу после тоста мы ушли с ним в туалет, я закрыла за нами дверь и спросила, не хочет ли он мне что-нибудь рассказать.

– Что рассказать?

– Ну не знаю… Например, как ты ебал Марину все эти два месяца.

– Кто тебе такое сказал?

Я выдала ему все, что знала, и, к моему удивлению, он стал яростно все отрицать и твердил, что Марина это придумала и что я дура, если ведусь на такую херню. Уже через час он прямо на моих глазах заигрывал с другой девушкой как ни в чем не бывало. Мы поссорились до того, что я стала обзывать его и драться. Впервые в своей жизни я по-настоящему пыталась ударить человека. Рыдая в голос, я убежала в лес, он погнался за мной. Мы кричали друг на друга. В какой-то момент он повалил меня на землю, схватил за горло, размахнулся кулаком и остановил его прямо у моей щеки со словами «закрой свой рот». Мое представление об этом человеке рушилось, как собранный пазл, вдруг оказавшийся вне гравитации. Все просто распадалось на части.

Он признавался в своей измене постепенно и со временем. Только через неделю он подтвердил, что они действительно спали в лагере, но отрицал, что они делали это в Москве. Потом наконец признался и в том, что чередовал в постели меня и ее. До последнего момента мне хотелось верить, что это не так.

* * *

Заметка в дневнике:
30 октября 2014

Влюбленные женщины всегда так наивны. Но это не повод их наивностью пользоваться. Дайте нам шанс всегда такими быть. Потому что, если разбить детскую доверчивость, всепрощение и ничего не просящую взамен доброту о скалы «жестокой реальности», мир потеряет свое главное волшебство. Потеряет «любовь просто так». Не ломайте женщин. Не делайте их циничными и запуганными. Любите в них детей. Ребенок не знает, что такое предательство, не знает, что такое измена, что такое ложь. Ребенок верит, что его любят. И он любит просто так.

Разбитая донельзя, я снова ударилась в работу. Я соглашалась на любые предложения – за пару месяцев успела поработать переводчиком японцев в автомобилестроительной компании, знаменитых парикмахеров из Англии, продавцов наклеек на ногти из Лос-Анджелеса, директора агентства по продаже недвижимости из Майами, косметологов из Индии и черт знает кого еще.

* * *

Заметка в дневнике:

4 ноября 2014

Жить становится намного легче, когда осознаешь, что абсолютно никто абсолютно ничего тебе в этом мире на самом деле не должен.

* * *

В тот период все мои подруги были заняты своей личной жизнью. Ленор вышла замуж и переехала в другой город, Билли расходилась с парнем-наркоманом, который, работая медбратом, попал пациентом в свою же психушку. Бонни и Аллкаш тоже были в серьезных отношениях и окончательно пропали где-то далеко за горизонтом. И вместо них всех в моей судьбе появилась Ната. Жизнь Наты была не из простых: ее отец погиб, когда она была маленькой, мать была психически больна и, скорее, портила жизнь дочери, чем улучшала. Они жили в одной квартире, но взаимодействовали друг с другом как соседи в коммуналке. Даже продукты в холодильнике были разделены на мамины и Натины. У Наты был младший брат, которому она отчасти заменила маму.

После того как он чуть не погиб в армии, она еще пуще стала о нем заботиться. Короче говоря, жизнь в достаточной мере выебала ее с самого начала. То ли из-за всех этих событий, то ли просто ввиду своего характера она привыкла в первую очередь думать о других, а потом уже о себе. Она старалась выбирать в качестве друзей людей с приличным количеством проблем и спасала их своей верой и заботой. Думаю, отчасти она выбирала себе в общество травмированных людей, потому что сама была такой, и за их проблемами и тараканами забывала о собственных.

Она могла понять и принять каждого без доли осуждения, за что друзья, которых у нее был целый город, прозвали ее «защитницей». Неудивительно, что во всей этой материнской заботе о других, к которой ее приучили с детства, она потеряла саму себя и, повзрослев, не знала, куда идти и что делать со своей жизнью дальше. По следам мамы она поучилась в педагогическом институте, но бросила его на полпути. Она бралась за самые разные дела, и каждое из них бросала, понимая, что это не ее. Касательно дел любовных, в ее жизни успели отметиться пара мудаков и наркоманов, но все заканчивалось, толком не начавшись. И вот появился мой друг Лис, который полюбил ее такой, какая она есть. И как только она полностью ему доверилась, мой глупый Лис потерял интерес. Вот тогда-то она и перешла мне как будто по наследству. Кажется, именно на этой больной почве потери любимых мы с ней и сошлись.

В то время Ната работала администратором в антикафе Жуковского. И ребята решили позвать меня выступить в их кафе и рассказать про путешествия. Мой друг Лис так много повторял всем, что я «волшебная Даша», что народ и правда в это поверил и даже пришел меня послушать. Войдя в кафе, я почувствовала себя странно, будто сегодня был мой день рождения. Пришло пятьдесят человек. Я притащила свои любимые штучки, привезенные со всего света, раздала ребятам монетки из разных стран, показала фотографии с путешествий на большом экране, рассказала любимые истории и ответила на вопросы.

И, с одной стороны, мне очень понравилось. Ребята смеялись и хлопали. Но, попытавшись разбить все, что со мной происходило, на какие-то факты, я словно потеряла то, что вдохновляло меня саму. После четырех часов трепа мое горло драло так, как будто я простудилась. Выйдя из здания, я спросила Лиса:

– Как думаешь, сколько из них после этой встречи решили куда-то поехать?

– Думаю, человек пятнадцать точно.

– А поедут сколько?

– Ты же знаешь ответ…

Глава 5
Возрождение

Заметка в дневнике:
10 февраля 2015

Необходимо иметь цель, пусть даже мелкую и глупую. Тогда все приобретает смысл. Как иначе плыть, если не знаешь направления? Барахтаешься как дурак, смотришь в небо. Но если есть цель, она, как маяк, светит тебе в любую погоду. Жизнь приобретает краски. Ты мыслишь, ты творишь. И мозг уже строит огромные мосты, создает дорогу. Живи каждым днем, но держи на горизонте этот маяк. Представляй его. Он озарит твой путь и будет твоей высшей наградой, когда ты до него доберешься.

* * *

Зима сменила осень, весна – зиму, а я так и продолжала жить с бабушкой в Балашихе. В душе я все еще хотела дорог и приключений, но после истории с Антоном во мне будто что-то сломалось, и потребовалось время, чтобы себя починить. Поскольку выходить из дома дальше продуктового мне все еще не хотелось, я решила, что можно заняться тем, чем занимаются все смертные, когда не знают, что делать со своей жизнью, – заработать бабок.

Я стала копить, работая устным переводчиком для веселых нидерландцев на кондитерской фабрике в Ногинске – они устанавливали там систему очистки сточных вод.

Совершенно точно могу сказать, что до этой работы я ничего не знала о понятии «вонь». Платили мне много. Но возвращалась домой я грязная, как свинья, и воняло от меня так, что люди в автобусе оглядывались, а друзья при входе в их квартиры просили немедленно переодеться. Зато постепенно на моем столике росла стопка денег.

* * *

Заметка в дневнике:
25 февраля 2015

> Бежала сегодня вечером по морозной улице. Темно, коленки мерзнут, ветер в лицо. Левая рука заморожена: держу книжку. В плеере играет «Janis Joplin» – «Mercedes-Benz». Пряча лицо в шарфе, вспоминаю эту безумную женщину из жаркой Калифорнии, вся жизнь которой прошла в бесконечном уничтожающем угаре, подпеваю ей и смеюсь. Ее уже 44 года как нет на свете, а я бегу по морозу и хохочу. Здорово было бы вот так оставить за собой что-то, от чего люди продолжат смеяться даже тогда, когда тебя на этой планете уже не будет.

Еще мой бренд-шеф говорил мне: «If you go bear – go grizzly»[62]. Иными словами, если делаешь что-то, делай это хорошо. Я не собиралась отказываться от путешествий, они были для меня чем-то большим, чем просто хобби; а значит, пора было превращать путешествия в свое дело. Ведь есть юристы, бухгалтеры, стоматологи… Должны быть и путешественники. В то время мои истории читали от силы десять человек. Пора было расширить аудиторию. Как это сделать? Завести блог! До этого я знала только о двух блогах про путешествия: один, «Тоже мне», вел парень по имени Рома Свечников, другой назывался «Бродяги Дхармы». Начав целенаправленно искать, я открыла для себя еще двоих ребят: Катю Заварыгину и ее блог «The sky is the limit» и блог Максима Заселяна под названием «NUISIDIDOMA». Блог Кати я оценивала с точки зрения того, как можно преподносить информацию, но читать чужие истории не хотела. А вот на блоге Макса, где контент состоял преимущественно из видео, я залипла. Я следила за ним уже пару месяцев, когда в один прекрасный день Макс написал в своем блоге, что только что получил визу в США на десять, мать его, лет. И тут я психанула и пошла получать визу. История о том, как я ее получала, максимально эпична и есть на моем сайте, почитай. А тут просят сокращать, поэтому просто скажу: мне это удалось.

Итак, виза была готова, а значит, приключений не миновать. Теперь пришло время заявить о себе миру и создать что-то новое. Нужно было хорошо продумать всю схему подачи информации. Например, что длинные истории лучше помещать на сайте, а короткие – в блоге. Что нужно сразу расставлять хештеги и тем самым структурировать посты. Что должны быть альбомы с фотографиями, но не слишком много, а так, чисто чтобы была ясна идея. Добавить мотивирующих видео… И так далее, и тому подобное. Когда все это наконец было готово, не хватало лишь последнего штриха. Названия. Я думала над ним месяца три.

– Мне нужно придумать, как это все подать. Название

нужно, – говорю я Лису.

– Да потрахаться тебе нужно… С каким-нибудь самовлюбленным мудаком. И вот после того как ты как следует потрахаешься, ты встанешь, отойдешь к окну, закуришь и начнешь ебашить.

* * *

Заметка в дневнике:

29 января 2015

Из-за двери слышится тихий голос бабушки. Она вслух читает письма, обставив себя дедушкиными фотографиями, наградами, висящими над радиостанцией, и молится. Я хожу по квартире в уже растянутой футболке с надписью Stanford – ее мне отдал три года назад друг-студент, – подтягиваю домашние штаны, купленные после окончания съемок фильма в полцены, и хлопаю в воздухе моль. Вот моя главная деятельность последние пару месяцев. Убивать моль. Только что шла по коридору в темноте, и одна из них залетела мне в рот. И тут я поняла, что больше так нельзя. Надо сокращать этот затянувшийся отпуск от жизни и разгребать бардак из недоделанных пунктов. Камера, тексты, сайт… Новый ноут, телефон и рюкзак. Врачи. Перед дорогой нужно проверить каждый зуб и каждую почку. На удивление, саморазвитие в этой маленькой комнатке в Балашихе дается очень нелегко. Думала, если запру себя здесь, точно буду писать, читать, рисовать. Но идея вымученного аскетизма что-то не пашет. Хватило на пару картин, песен и кучи непричесанной словесной херни. А меня уже тащит. Шестой месяц невыезда из страны. Ломки подкатывают. Знаете, что это – триполомки? Это когда ты не можешь читать чужие истории. Керуак начинает бесить. Одной строчки хватает для вдохновения… Но страница – нет, это уже слишком. Я захлопываю книгу и говорю сквозь зубы: «Твою мать…Что ты делаешь?! Зачем тебе чужая дорога?» Внутри – до тошноты закручивающий ураган, так и прет вырваться. Диалоги, места, люди… Хватаюсь за голову двумя руками. Привести все в порядок. Куда-то сохранить те фото, что еще остались. Разложить по полкам этот хаос. Закрыть шкаф с подписанными коробками. Сдуть пыль. И оставить в покое. Как будто и

не было трех континентов, трех лет, семнадцати стран. И можно дальше. Можно заново. Можно снова. Можно всё.

* * *

Я, конечно же, послушалась своего друга и написала единственному самовлюбленному мудаку, какого знаю; он сразу приехал. Мы лежали на кровати в моей маленькой комнатке у бабушки. Прошло шесть месяцев с тех пор, как мы разошлись. Повторяя себе для успокоения, что «один раз не пидарас», я переспала с ним и сказала:

– Я придумала название. «Можно всё». Как тебе?

– «Можно всё»? Дерзко так. Неплохо.

Это был чуть ли не единственный раз на моей памяти, когда он меня похвалил.

Наступило лето. В Москве проходил первый фестиваль путешествий от команды «Трип Сикретс». Придя туда, я увидела сразу несколько площадок, на которых ребята рассказывали об автостопе, способах выживания в любых ситуациях и просто травили свои байки. В некоторые лектории было невозможно пробиться.

После выступления ребята выходили со слушателями на улицу и отвечали на их вопросы уже там. Я примазалась к одному из мальчиков. Он говорил обо всем, что я тоже знаю, и в конце концов я «доподдакивалась» до того, что оказалась в кругу внимания ребят. Там были десятки людей. Их глаза горели. За 5 лет путешествий среди своих знакомых и друзей в России я всегда была «той ебанутой девочкой», которая все время куда-то уезжает. «Вот тебе электрошокер, вот словарик португальского, и давай, увидимся через полгода», – говорили они, но никто из них меня не понимал. Так вот, представь мое удивление, когда я осознала: мало того что в нашей стране есть такие же, как я, мой опыт и истории могут быть кому-то интересны.

Это было удивительное чувство. И у меня появилась мечта: я тоже захотела так выступить. Когда мы закончили говорить, тот парень с досадой сказал мне: «Ты будешь популярнее меня». Я не могла понять, как он мог сделать такое предположение. Мне это казалось абсолютно нереальным.

Я ушла с работы, купила новый ноутбук, камеру и даже выиграла на спортивных соревнованиях новенький рюкзак. Все было готово для того, чтобы начать вести блог и отправиться в очередное путешествие. Оставался последний штрих. Штрих скальпеля хирурга. Видишь ли, всю жизнь я страдала от

врожденного косоглазия. Чтобы исправить глаза, я ходила в специальный детский садик, где со мной каждый день занимались. Родители отчаянно возили меня к разным специалистам. Я занималась с лучшими профессорами, но никто не мог помочь. После расставания с Антоном все сильно ухудшилось. На нервной почве у меня стало двоиться в глазах так сильно, что, разговаривая с одним человеком, я видела две головы. Более того, у меня двоилось в каждом глазу, что уже ни один врач не мог объяснить. Они изучили мой мозг, всю нервную систему, ставили присоски на глаза и били лицо током, но ответа, почему так происходит, не было. Оставался только один шаг – резать мышцы глаза. Еще в детстве кто-то из врачей сказал моим родителям, что этого делать ни в коем случае нельзя, потому что может стать только хуже. Я подалась к трем платным хирургам, но все они от меня отказались, честно объяснив, что не хотят марать свою репутацию хреновым результатом, если такой будет. Но я так больше не могла. В конце концов я получила направление в бесплатную больницу в Москве, подписала документы, что «если что, врачи не виноваты», и легла под нож.

Мне было страшно, но я старалась думать о позитивном. Например, о том, что я «выбила себе вписку» в самом центре Москвы на две недели. В тот самый момент, когда мне показали палату, мой друг Роб прислал мне фото автора песен Grateful Dead. Его звали Джон Перри Барлоу. С такой же больничной койки он слал мне знак мира и улыбался. Они меня ждали. Пришлось просто так пролежать там неделю, чтобы очередь на операцию дошла до меня. Ввиду того, что на глазные операции попадают обычно люди в возрасте, мне досталась палата с одними старушками. Кажется, Господь проверял меня на уровень «дзена»…

* * *

Заметка в дневнике:

15 августа 2015

Краткая сводка о том, что такое лежать с пятью старушками в одной палате.

Темы для обсуждения за день:

– Кобзон.

– Внуки Пугачевой.

– Кто недавно умер и как.

– Что об этом сказали.

– Как бы все было, если бы…

– «Вот не рожала бы Фриске».

– «А моя сноха», «а моя золовка» и остальные непонятные определения родства.

– Кто кого бросил.

– Чей сын снаркоманился, а чей сидел.

– «А я ему: думаешь, ты у меня на стороне трахаться будешь?! Да за мной офицеры табуном ходят!»

– Мужики из соседней палаты.

– Рассада, грядки.

– Цены в «Дикс» (именно так они называют «Дикси»).

– Стас Михайлов и седина.

– Какие у кого лекарства.

– Кто дольше колется от сахарного диабета.

– Кто шалава, кто мудак из родственников и соседей (я не знала, что старухи так матерятся. Поблагодарила Бога, что у меня бабушка воспитанная).

– Какие у кого были любовники 50 лет назад («И вот достает он, значит, свой агрегат…»).

– История ни о чем в стиле «я ехала на электричке, приехала, села обедать».

По сути, им явно все равно, что рассказывать. Одна говорит, другие поддакивают. И кажется, что каждая на самом деле говорит сама с собой. Главное, не затыкаться.

Это дело звучит на всю палату криком, потому что они глухие и не понимают, что такое тихо говорить.

Примерно в 21.40 они затыкаются на 10 минут, а затем начинают храпеть как красноармейский полк, аж кровать вибрирует от этого храпа. И каждый раз ты надеешься, что сейчас он закончится, но нет. Одна булькает, как бульбулятор, другая громко пыхтит, как будто удивляясь – «Пффф, пффф», третья издает звук маленькой рычащей шавки, периодически кто-нибудь из них придает отдельный шарм этой симфонии, используя другое отверстие.

Я лежу сейчас в двух наушниках, и хера с два это помогает.

А в 6 утра, когда я наконец более-менее усну, они, бодрые и веселые, вскочат обратно на свои койки-жердочки и начнут с новой силой кудахтать на те же самые темы по списку, только «шафл» включат. И болт они клали на любые просьбы помолчать. Болт они клали на то, что у тебя голова трещит и что ты после операции лежишь, охреневаешь.

Я хожу по коридору и начинаю пропитываться состраданием и уважением к Раскольникову. Видно, это единственный способ.

Я убью их… Я убью их, нахрен…

* * *

После операции я еще приличное время восстанавливалась. Мой левый глаз был похож на поле битвы. Скажем так: вся белая часть глаза была бордово-красной, на фоне чего зрачок казался невероятно голубым. И несмотря на то, что я не просила о помощи, Антон приходил ко мне несколько раз по своей инициативе, привозя огромные пакеты с едой и всем, что нужно. Ната заставила палату цветами и открытками, и только мой друг Лис, как всегда, оставался невозмутим. Мы вышли прогуляться на улицу. Я была с повязкой на глазу, как пират, и держалась за него, чтобы не свалиться. Голова по-прежнему трещала, и я не полностью отошла от действия анестезии. К тому же, когда один твой глаз не может двигаться, вторым шевелить тоже тяжело, и я пыталась его не поднимать выше уровня тапочек.

– Ну что, я теперь могу официально говорить, что все косоглазые девушки – суки?

Единственная девчонка в его жизни, которая разбила ему сердце, прежде чем он мог успеть разбить ее, была с косоглазием.

– Похоже на то… Представляешь, возможно, теперь я даже смогу смотреть людям в лицо без того, чтобы они оглядывались за свое плечо и переспрашивали, с кем я вообще разговариваю.

Это были самые позорные моменты в моей жизни. Довольно часто люди, не знающие меня, не понимали, что я смотрю на них, потому что мои глаза, словно глаза хамелеона, глядели в двух разных направлениях.

Спустя неделю папа забрал меня из больницы и сразу увез на дачу. И вот, когда мы свернули с главной дороги на проселочную, он остановился, и я приподняла повязку. Передо мной была огромная полная луна. «Лишь одна на всех». Впервые за всю свою жизнь я смотрела на нее двумя глазами ровно и видела ее очертания совершенно четко, без двоения в глазах. Это было настоящее чудо. Теперь мне было не стыдно снимать себя на камеру и смотреть людям в глаза.

Знаю, что сложно ценить то, что мы и так имеем изо дня в день…

Но запомни, дружище: если у тебя нет проблем со здоровьем – у тебя нет проблем.

Глава 6
Конец романа с Чудовищем

Заметка в дневнике:

20 августа 2015

Я не верю в приставку экс. X-boyfriend, x-girlfriend. Экс-любовники. Да не могут люди быть экс-любовниками. Потому что нет никакой экс-любви. У любви не бывает прошлого времени. Если ты «любил», значит, ты не любил.

* * *

В то лето мы снова сблизились с Антоном, это произошло как-то само собой. Думаю, все потому, что мы оба были такими людьми, которые отходят от отношений столько же, сколько они длились. Мы отправились на фестиваль в лагере города N, где Антон продолжал работать серф-инструктором.

– Пойдем, кое-что покажу, – сказал он и взял меня за руку.

Мы подошли к высокому обрыву, после которого начиналось море. Каково было мое удивление, когда посреди воды я увидела тот самый домик, о котором он мне рассказывал! К этому моменту я уже привыкла не верить половине того, что он говорит, ведь его истории порой оказывались выдумкой. Мы спустились с обрыва и пошли к дому по воде. У самого причала Антон запрыгнул на платформу и спустил мне лестницу. Домик был очень уютный, со сквозным проходом. В нем было два входа, и вторая дверь вела на маленькую веранду. Зайдя за танцующую на ветру шторку, закрывающую проем, мы остались наедине с небом и водой. Под шум моря мы занимались любовью; это было божественно. Солнце грело нашу кожу оранжевыми лучами, как будто благословляя, и я впервые задумалась о том, как же это неестественно: когда люди любят друг друга, они прячутся под одеялом в темноте, а когда они друг друга убивают, это транслируют в новостях на весь мир.

В течение тех нескольких дней мы в последний раз были по-настоящему вместе. Лагерь казался нам некой нейтральной территорией, где мы постарались быть выше всех обид и боли, что друг другу причинили. Глотая колеса любви, мы всю ночь гуляли по окрашенному неоном и огнями фаеров лагерю, не расплетая пальцы рук, и в пять утра, укутавшись в один спальник,

сели на огромные качели над обрывом – наблюдать рассвет. Мы отпустили друг другу все грехи настолько, насколько могли, и все же это был конец. Я положила голову ему на грудь, и он грустно сказал:

– Ты мне не доверяешь, – как будто надеясь, что я оспорю.

– Конечно, нет.

Через минуту мы самым глупым образом кубарем покатимся с качелей, и, выпутавшись из спальника, я увижу, что за нами, облокотившись на дерево, наблюдает мой приятель-музыкант, Леха Вдовин. Из всей моей музыкальной тусовки он был человеком, с которым я меньше всего общалась и чьи песни при этом котировала больше всего. То, что он оказался здесь, в полусекретном лагере, о котором не знал никто из моих друзей, было настолько невероятно, что я еще несколько раз моргнула, чтобы убедиться, что он не часть моего трипа.

– Дарья, это что же, ваш молодой человек? – спросил меня Лешка, вглядываясь в желтую линию рассвета на горизонте моря.

– Он самый, – смущенно ответила я.

Это был последний раз, когда я его так назову. Лешка никогда не видел меня в компании мужчины. Мы встречались только на квартирниках, и я всегда была «девочкой, которая гуляет сама по себе».

Мы с Антоном вскарабкались обратно на качели. Леша ждал свой поезд до Москвы и еще какое-то время постоял с нами.

– А девочка сидит на спине-е-е у кита, над головою звезды-ы-ы, звезды… – завыл он.

– Что это ты такое напеваешь?

– Это группа «Полюса». Они завтра на главной сцене будут выступать, жаль, что я пропускаю. У них есть всего несколько песен, которые мне нравятся. Но эта – самая лучшая.

На следующий день я дослушала продолжение припева. Я не пошла к самой сцене, в этом не было необходимости. Музыка эхом отражалась о высокие сосны, и следующая строчка ударила звуковой волной мне прямо в сердце.

«Всегда когда-нибудь настает никогда, бывает слишком поздно… Поздно».

Это было наше «никогда». Спустя два года Антон мне скажет: «Неужели ты не понимаешь? Боль – твой инструмент», – и до меня дойдет, зачем я с ним встречалась. Но тогда я этого не понимала. Примерно тогда же, когда в нашей с ним истории будет поставлена окончательная точка, этот домик разберут на сваи и доски. Он останется только в моей памяти и на фотографиях.

Спустя две недели мы отправились каждый в свое

путешествие. Мы разобрали континенты, как детские игрушки, пополам.

Тебе – Африка, мне – Америка… Одна пустыня – тебе, другая – мне.

Любил ли он меня когда-нибудь? Наверное, все-таки любил. Своей странной чудовищной любовью.

Глава 7
За своими

Вполне возможно, что к моменту, когда ты станешь читать эту книгу, идея «бросить все и поехать колесить по миру без денег» станет новым трендом. Но в то время тех, кто жил путешествиями (и тут, я думаю, ты понимаешь, что речь идет о настоящем, непредсказуемом пути, а не об отдыхе в отелях «all inclusive»), рассказывал правду, рискуя быть непонятым обществом и забаненным правительством, и делал это хорошо, на территории СНГ можно было сосчитать по пальцам одной руки.

И в 2015-м, как только я прознала, что таких, как я, много, мне стало жизненно важно увидеть волков своей стаи вживую.

Я решила навестить двух парней-путешественников: Максима Заселяна и Рому Свечникова. Рома катался по миру два с половиной года, писал при этом истории для журнала и в конце концов выпустил книгу. Мы переписывались с ним еще тогда, когда оба были в Центральной Америке, и даже собирались встретиться, но наши пути так и не пересеклись. Переписка с Максимом была куда короче, но, зная, что я приеду, он добродушно кинул пост к себе на стену с просьбой вписать меня и Нату. Ах да! Я прихватила с собой Нату. Она была свободна и поддержала мою идею покататься по близлежащим странам. Максим был в Киеве. Он как раз вернулся из своего большого путешествия, отгремев ютуб-сериалом «Приключения бомжа в Штатах», который впоследствии будут крутить даже в автобусах, и теперь готовился к большой встрече со своими подписчиками. Ну а Ромка обитал теперь в своей родной Белоруссии.

Рано утром мы с Натой вышли на трассу и отправились в первое совместное путешествие автостопом. Я скучала по разнообразию человеческих портретов. Уже первый наш попутчик в пойманной машине был тем еще кадром. За это время ситуация с Украиной не то чтобы изменилась. Телевизор продолжал травить русских информацией о том, что на Украину соваться нельзя, а то «тоби пизда», но я уже относилась к ней снисходительно.

– Ладно. Пришло время спросить, – говорю я мужику. – Как там обстановка в Киеве?

– Ну, так, солдатишки ходят. Ты, главное, сохраняй нейтралитет. Если кто подойдет, че спросит – ты сразу им говори: «Иди на хуй!»

– Не похоже на нейтралитет…

Мы добрались до границы с Украиной поздно ночью. Я свернулась на Нате калачиком и спала, когда пограничник открыл дверь и приказал нам выходить. Не успев обуться, я вылезла. Стоя босиком перед «товарищами главнокомандующими», я пыталась объяснить, какого черта забыла на Украине.

– Куда вы едете?

– К друзьям.

– Как друзей зовут?

– Никита, – я назвала имя парня, который по объявлению Максима вызвался нас приютить.

– А подруга твоя сказала, что Максим. Зачем едете?

– Пообщаться.

– Вы у нас уже в Луганске и Донбассе пообщались.

Дальше по одному на допрос, наставив камеру и лампу в лицо. В пять утра, когда ты ехал 10 часов жопой на рюкзаке, как обделенная местом в бочке селедка, это самое оно.

– Фамилия, имя, отчество! Дата рождения! Место рождения! Балашиха, это где? Под Москвой? Куда вы едете?

– На лекцию.

– Какую лекцию?

Я понимаю, что ничего умнее, как говорить правду, уже не придумать, учитывая, что мы не сговорились с Натой о том, что им заливать.

– На лекцию моего друга. О путешествиях.

– О чем?

Врубаю умный вид. Все еще босиком.

– Я писательница и путешественница.

– Вот как? Книги есть с собой?

– Своих нет, пока все только в интернете.

– И что дальше?

– Через две недели я отправлюсь в большое путешествие по Северной и Южной Америке, – кидаю взгляд на карту мира сзади мужичка. – Максим Заселян тоже путешественник, сегодня вечером он будет выступать по поводу того, как путешествовать без денег.

– Так у вас нет денег?!

– Нет-нет, сейчас есть. Я имею в виду бюджетно.

Смотрит с недоверием.

– А что, вы по скайпу поговорить не можете? У вас есть письменное подтверждение этой встречи?

– Я могу показать мероприятие в контакте…

– Давай, показывай. Зови свою подругу!

Ната входит с круглыми глазами.

– А вы что, куда едете?

– На встречу о путешествиях.

– И когда она?

– Завтра.

– А подруга ваша говорит, что сегодня. Ну, показывай встречу, давай!

Я протягиваю телефон.

– Бомж-стайл?! Что?!

– Ну я же говорю, мы все почти без денег путешествуем… У меня билет до Сан-Франциско есть уже купленный, вам показать?

– Из Киева?

– Из Москвы.

– И что мне с него? Нет, девочки, без нотариально заверенного приглашения мы вас никуда не пустим.

Обратно до машины. Водитель курит в туман и ждет, когда мы вернемся.

– Ну че, нас не пустили.

– А вы деньги предлагали?

– Нет.

– А че ж вы там делали?!

Две тысячи рублей в паспорт, приглашение от руки за столом прямо на улице – и мы опять в дороге. Сегодня едем, но не едим. Пока мы ехали, я продолжала собирать крылатые выражения нашего соседа по машине:

1. «Сосать» пишется с мягким знаком.

2. Тюрьма не хуй, садись, не бойся.

3. План без истории ничего не стоит.

4. Я стрелять не люблю, а р-резать обожаю! (Дальше инструкция о том, как разделать козу, и еще одна драгоценная мораль: «Тут, чтобы убить, надо любить».)

5. Кто не пьет, тот ябедничает!

Уже вечером мы ворвались на встречу с Заселяном. Она проходила на пляже рядом с рекой. По всей территории были расставлены лежаки, а Максимка вещал на фоне огромного экрана. Нырнув с той стороны экрана в публику, мы не могли не привлечь всеобщего внимания.

– О-о! Вот они! Эти девчонки приехали к нам из самой России, давайте им похлопаем!

И все зааплодировали. Я засмущалась, но ощутила огромное счастье оттого, что он остановил свою речь, чтобы нас представить.

Как же я гордилась, смотря на его видео с огромного экрана! Экрана, на котором в кои-то веки показывали не голливудских актеров или русских сосок с накачанными сиськами, а моего

брата-бродягу! И все же нам не то чтобы удалось поболтать по душам. Но наш с ним час еще настанет.

Автостоп до Белоруссии не задавался. Первая машина увезла нас подальше от цивилизации и высадила в поле. Целый час мы пытались застопить кого-то еще. На пустой дороге стояли только мы, арбузы и сельская проститутка. У арбузов все шло хорошо, у нас и проститутки – не очень.

Наконец нас подобрали и провезли через границу. Пробка на въезд в Белоруссию была что надо. Каждую машину шмонали пограничники.

Через час я задолбалась ждать:

– А белорусы прямо все вещи на границе проверяют?

– Да. Они ищут сало.

– Что, нельзя провозить сало?!

– Нет.

– Почему?

– Потому что белорусское потом не покупают. Можно вывезти только то, что ты можешь съесть, пока едешь.

И как бы нелепо эта история про сало ни звучала, когда мы отъехали, водитель радостно засмеялся и сказал, что проверяющая на посту – дура: не заметила в его машине 3 кг сала, лежащих прямо перед ее носом.

Водитель с салом высадил нас в кукурузном поле у черта на куличках. Машины проезжали раз в пять минут, и начинало темнеть. Мы уже было приготовились ночевать, когда один грузовичок на постоянной скорости 65 км/ч все-таки над нами сжалился. С ним мы проехали еще пару часов. Высадил он нас посередине трассы:

– Дойдете там до фонарей, а за ними деревня. Ну, там, глядишь, и поймаете кого.

На улице было адски холодно. Джинсы я забыла дома, Ната шла в недошароварах.

Грузовик свернул и исчез в темноте, а мы остались наедине с дорогой, ледяными звездами и черной тишиной. От холода я вдарила вперед. Мне казалось, что там, впереди, под ярким светом фонарей, должно стать теплее. Ната хромала и не могла за мной поспеть. Я все равно гнала вперед на огромной скорости. Ее нервы сдали, и она отбросила попытки меня остановить. Под тихий мат в темноте загорелся оранжевый огонек сигареты.

Я пыталась стопить редко проходящие машины, но была проблема: при ближнем свете фар человек появляется в поле зрения водителя в последние две секунды, и он не только не успевает затормозить, но и пугается появляющейся из ниоткуда фигуры. Мы дошли до фонарей и поняли, что никакой деревни с

«магазинами и остановкой» здесь нет в помине. Сами фонари стояли на мосту, где не было пешеходной части, и нам пришлось идти прямиком по проезжей. Дойдя до середины, мы убедились, что дальше только темная ночь и идти некуда. Наконец спустя полчаса «тотемных» танцев, чтобы не околеть, мы увидели вдалеке спасительный свет фар. По скорости приближающегося света было сложно сказать, остановится водитель или просто нас снесет. Слава богу, он остановился.

– Здравствуйте! Мы до Минска. Захватите?

– Я тоже. Залезайте, девчонки. Я сначала проехал мимо, но меня совесть замучила, поэтому развернулся, чтобы вас забрать.

– Спасибо огромное! Скажите, а можно от вас позвонить? А то у нас симки российские.

– Конечно! Звоните сколько хотите.

Я беру его телефон и набираю номер Ромы. Мне было стыдно. Мало того что мы напросились остаться у него дома, поскольку не знали никого в Минске, так еще и припремся поздно ночью. Каково было мое удивление, когда он, взяв трубку, тотчас же выпалил на испанском:

– Ola, amiga! Todo buen? A dónde vas ahora?[63]

– Todo tranquillo! Estamos cerca, en dos horas lo haremos![64]

Пока мы ехали, выяснилось, что водитель знает Рому. Белоруссия – вообще как одна большая деревня. Все друг друга знают. Водитель высадил нас прямо у Ромкиного дома. Так почти в два ночи мы наконец постучали в дверь.

Глава 8
Герой моего времени

Когда-нибудь нарожаем детей, чтобы от всего этого избавиться. Будем иметь подлинный смысл, а не маяться в густой пустоте. Морщинами покрываться, стариться – лучшее, что может быть на земле. Нам повезло не виснуть в вечности. Мы отыграем большой концерт. В конце свет потухнет, и мы потухнем. Вахтерша закроет дверь. Люди разбредутся под впечатлением, а мы улетим наверх. Завязка – кульминация – концовка – 7.

Рома Свечников

В коридоре пахло машинным маслом. Я разглядела в углу велосипед, на который был нацеплен мотор – Рома с товарищем только что объехали всю Белоруссию на велосипедах и сняли об этом кино. Дверь открылась, и он наскочил на нас так, что я даже не успела прочувствовать этот момент – «человек с обложки» стал реальным. Его подруга по приключениям, Оля, приготовила огромный пирог, и мы уселись за одним столом.

Рома уехал в путешествие, когда ему было двадцать. Вот что называется «красиво уйти из универа». Послужной список его делишек варьировался от сплава на деревянной лодке по Меконгу до принятия аяуаски[65] где-то в джунглях Перу. Он автостопом добрался до Китая к моменту, когда к нему прилетела Оля, с которой они были знакомы лишь через интернет. Она писала тексты для того же журнала, что и он.

Поболтав о том о сем, мы с Натой в обнимку отключились на их диване. Только с утра, при свете солнца, я разглядела их волшебное жилье. Ребята спали наверху, под треугольной крышей. Внизу была идеальная рабочая зона в виде длинного стола с двумя ноутбуками. Вся квартирка была светлой и приятной. На балконе стояла огромная репродукция Васнецова «Иван-царевич на сером волке». Картина представляла собой иллюстрацию к русской сказке: Иван-царевич вместе с Еленой Прекрасной мчатся на сером волке сквозь темный лес, спасаясь от погони…

– Мы с Борей нашли эту картину в какой-то забытой богом деревне, я провез ее еще по половине Беларуси, и вот она здесь. Отец Оли говорит, что именно так я и украл ее из семьи, ха-ха!

Позавтракав, мы собрались прогуляться с Ромой по городу. Увидев Натин рюкзак в прихожей, он переспросил:

– Зачем тебе это?

– Ну как, для вещей.

Он хмыкнул и с улыбкой достал из шкафа маленький рюкзачок литров на тридцать.

– Вот с чем я объехал полмира. И мне этого было достаточно!

На самом деле действительно способность взять как можно меньше вещей – есть некий «апгрейд» путешественника. В Южной Америке я прокляла все с чертовой махиной на сто литров. Теперь на моем новеньком рюкзаке красовалось аккуратное число «55». Ромка кинул рюкзак обратно и вытащил тяжеленную кожаную байкерскую куртку.

– Ого! Видно, что у этой вещи есть история! Откуда у тебя такая куртейка? – поинтересовалась я.

– Из Нью-Йорка. Стоила, по-моему, баксов пятьсот. Охренеть можно!

– И ты что же, ее купил?

– Не, я ее одолжил, – Ромка небрежно накидывает куртку на плечи и хватает звенящую связку ключей.

– То есть ты собираешься вернуть этот долг? – с усмешкой спрашивает Ната.

– Ну вот, сейчас возвращаю! – отвечает Рома, указав рукой на разложенный для нас с Натой диван, и в реверансе, означающем «после вас», открывает входную дверь.

Пока мы идем и болтаем, Ромка показывает нам свой город и помимо прочих достопримечательностей называет следующую:

– Европа. – Рома кивает в сторону магазина, мимо которого мы проходим. – Там одна из лучших мусорок города, всегда можно поесть.

– Серьезно, тут тоже есть такие мусорки?

– Да, я как приехал, сделал карту Минска, достаточно обширную, где выделил…

– Мусорки страны?

– Ну, не страны, а города. Десять самых лучших, и вот эта – одна из топовых. Можем даже щас подойти и стопудово ветку бананов заберем.

– Об этой теме знают все вокруг, и вечером реально очередь выстраивается, бывают даже драки. Правильное время для этих дел фактически в любой стране мира – это около девяти часов. Первый раз подъехали сюда, тоже, знаешь, много чего объехали,

все посмотрели, ничего не нашли. Такие уже, ладно, давай последний – и домой. Открываем – два ящика хурмы, два ящика бананов, это как раз под Новый год было.

Мы гуляли с час и наконец дошли до его любимого бара при книжном магазине. Мы, конечно, забежали и в сам книжный. Среди стопок книг, поверх всех остальных, лежала книга Ромы. Продавщица приветливо кивнула ему. Интересно, что это за чувство – зайти в магазин и увидеть там свою книгу?

Когда мы зашли в кафе, Рома по привычке кинул взгляд по углам в поиске камер. Мы сели разговаривать дальше. Ромка заказал нам вина. Не с каждым можно выпить вина днем в удовольствие. Наша встреча была для меня настоящим праздником, но все же мы виделись с ним впервые, и я испытывала определенную неловкость. На тот момент это был единственный человек из ныне живущих, чьи тексты я не просто читала, но и уважала до глубины души. Мы говорили о многом, а потом речь зашла о заработке. Забавно, но, когда говоришь людям о своей «Жизни в дороге», большинство представляют себе утопическую картину. Чувак по мечте живет, думают они, не задаваясь вопросом о том, чего эта мечта стоит. Я уже тогда хорошо знала, что у всего есть своя темная сторона, и именно о ней мне хотелось расспросить Рому больше. У нас был долгий разговор. Я сохраню здесь только последнюю его часть.

– Как у вас было с работой в Штатах? Возможно было устроиться кем-то?

– Возможно, конечно. В Штатах возможно все. Это зависит от знания английского, от амбициозности вообще, от желания общаться с американосами. Надо понимать, что до этого я три месяца ехал на машине, которая ломалась каждые 300 километров; я чинил ее жвачкой, и всю дорогу мы просили у американцев денег, попрошайничали на бензин, потому что у нас не было уже денег, чтобы доехать обратно до Аляски. Словом, работать не хотелось ни на тех, ни на других по разным причинам. Работа на дядю – это всегда прогибание. Ты должен быть polite с ним, ты должен играть в хорошего подчиненного, он должен играть в хорошего босса. Он должен тебя дрючить, ты должен прогибаться. Вот эта игра, а это всего лишь игра, не более, это лицемерие, оно меня душит по жизни. Поэтому я и сейчас никем не работаю. Хуйней занимаюсь просто, и непонятно, каким образом деньги ко мне приходят. Каким-то чудом еще приходят. Но в один прекрасный момент, наверное, перестанут. Вот, а там, в Штатах, выбора особого и не было. Можно было торговать наркотой, но это было уже слишком… Не с моральной точки зрения, здесь она меня не волновала, просто это был

слишком рискованный бизнес. Это большие деньги, но уровень риска тоже большой. А можно было воровать в магазинах, и мы делали это четко, грамотно, в команде. Глупили иногда. Но тогда тьфу-тьфу-тьфу, нас проносило, и никто не поймал ни разу. В один момент мы просто уже реально стали перегибать.

Дальше он рассказал мне обо всех нюансах того «заработка». Это было очень интересно.

– Вы за этот период в два с половиной года как-то еще работали?

– Работали. Везде работали. В Китае в рекламе снимался… В Эквадоре в отеле сайты лепил для всех подряд…

– То есть вы не все время что-то пиздили?

– Да нет. Пиздили мы только в Нью-Йорке. Это был такой период…

– Ну, вы этим заработали и поехали дальше?

– «Заработали, поехали дальше…» Жесткое время это было, понимаешь? Самое страшное во всей этой штуке не факт того, что ты воруешь, не факт того, что ты переходишь черту. Все эти моральные перетягивания одеяла – это только вершина айсберга. Потом эта хуйня остается с тобой, ты на всю жизнь остаешься этим чуваком, который смотрит в магазинах на камеры, всю жизнь ты как бы чувствуешь себя за рамками, всю жизнь вынужден недоговаривать, и спустя время это становится ношей.

– Почему ты должен недоговаривать?

– Ой, давай не будем начинать тему, что «мы никому ничего не должны»… Бывают разные люди, бывают разные цели. Мало ли чем я захочу заниматься. Вдруг я захочу стать президентом? Эта хуйня выйдет мне боком. У людей бывают разные моральные принципы, и они не могут в одночасье с ними расстаться. Это не значит, что эти люди плохие, это значит, что они просто другие. Но они не в силах тебя принять, не в силах принять твою подлинную сущность, не в силах принять, что когда-то ты делал вот так. И тогда вам становится не по пути. Я не хочу сказать, что это мне мешает в жизни. Нет, не мешает. Тем не менее это всегда такая штука, которая стоит у тебя за левым плечом, и ты должен с ней считаться. Вот я, например, заснял видос, как приходил в мечети Ирана в женскую часть, переодевшись в женщину. Если я сейчас расскажу об этом какому-то чуваку из Афганистана: «Знаешь, чувак, был у меня по молодости такой fail. Что со мной сделать!» – ну, он возьмет нож и воткнет в меня, понимаешь! То есть фильтровать базар как бы надо.

– Просто мне это совсем не мешает. У меня нет та- кого.

– Я тебе про то и говорю, что мальчики и девочки, наверное, путешествуют по-разному, по-разному мыслят, и разные вещи

ими движут. За разным они гонятся и разное испытывают, понимаешь? И хотят ли девочки испытывать то, что испытывают мальчики? Готова ли ты изменить своим убеждениям? А ведь все эти штуки – это как раз такая измена. Понимаешь, в один прекрасный момент мы можем начать убивать людей, почему бы и нет? Это интересно. Сколько их убивали? В войне миллион косили, почему бы не начать? А потом пойти еще дальше и начать есть трупы животных, например. И в этом эзотерическом путешествии можно далеко зайти. Я неспроста об этом говорю, про трупы животных. Просто у меня есть хороший пример…

– Разные вещи – убивать людей и есть трупы животных.

– Да, но ведь можно заниматься и тем, и другим. Можно всяким заниматься, понимаешь? И просто в один прекрасный момент ты можешь ощутить себя невероятно одиноким человеком, который уже не сможет быть понят… То есть он, конечно, сможет рассказать, что ел труп животного, но вряд ли его поймут. Я сам в детстве любил мертвую козу пожевать. С шерстью. Ты тоже с шерстью ешь?

– Слушай, я знаю до фига людей, которые едят мертвых животных каждый день, я тебе скажу.

– Мы говорим не о тех мертвых животных. Куски мяса в магазинах еще хоть как-то эстетичны и вписываются в общественные рамки… А вот собака, которая плыла по реке Ганг, полуразложившаяся…

– Кто ее ел?

– Мои знакомые ели.

– И зачем они ее ели?

– Была такая эзотерическая практика одного племени. Ну как бы… Я к тому, что, понимаешь, в этих штуках можно очень далеко зайти… И просто в один прекрасный момент… Немножечко так…

– Двинуть. Мозгами. Я тебя понимаю, я полностью понимаю, о чем ты сейчас говоришь.

Ни хрена я тогда не понимала.

Мы провели в Минске еще пару дней, но Ромка уже был занят своими делами. Рано-рано утром, чтобы не повторять предыдущих ошибок, мы собрали рюкзаки и готовились выходить на трассу. До моего самолета в Америку оставалось три дня. Я вручила Роме свой блокнот с руками и объяснила «правила игры». Он сидел с ним минут тридцать, я уже и не знала, что думать.

Сидя у окошка в самолете, я открою блокнот и перелистну его на Ромину страницу. Мне было интересно прочитать, что же он, человек, написавший книгу, написал мне? Какой умный совет

он мог мне дать? Какую подсказку? На его ладони были выведены слова:

«Даша, солнце встало. Уже 8.21. Еще чуть-чуть, и весь город разгонится. Но пока ты еще не вышла за дверь[66]*. Пока еще все транкилло*[67]*. Пока еще есть время подумать и, может быть, никуда не уезжать».*

Я закрываю блокнот с недоумением и улыбкой. Ведь я сразу сказала ему, что прочитаю это уже сидя в самолете. Помнил ли он это, когда писал такие слова? Как бы то ни было, в этот момент я контрольным выстрелом задала своему сердцу вопрос, этого ли оно хочет. И ответом было «конечно, да».

Часть 8
Можно всё

Глава 1
Welcome home

«Когда люди, которых я знала, узнавали, чем я занимаюсь и как живу, они спрашивали меня почему. Но нет никакого смысла объяснять это людям, у которых есть свой дом. Они понятия не имеют, что это такое – искать безопасности в других людях, когда твой «дом» – это там, где ты положишь сегодня голову. Каждую ночь я молилась, чтобы встретить своих людей. И наконец я их встретила – в дороге. Нам было нечего терять, нечего ставить на карту. У нас не было никаких других целей, кроме как превратить свою жизнь в произведение искусства».

Лана Дель Рей

Мы приземляемся в семь вечера по местному. Господи, неужели я здесь? Через стеклянные стены аэропорта я вижу, как солнце освещает горы мягким розовым цветом и как он переходит в фиолетовый ближе к земле. Над горами, как на картинке с заставки, висит огромная полупрозрачная луна. Видны ее круглые пятна. На ее фоне мерцают огоньками садящиеся самолеты. Я дома, мама.

Добрый коп ставит в паспорт штамп, рюкзак уже поджидает.

На выходе меня встречает Роб – как всегда, в своей самодельной кислотной футболке, грязной кепке и заляпанный белой краской.

Мы обнимаемся, и я пытаюсь уложить в своей голове, что это не параллельная реальность, а тот же самый земной шар. Я беру его за грубую от инструментов руку, и миры снова соединяются.

– Мы вовсю готовимся к Бернинг Мэну. Я сделал светящуюся галопирующую лошадь, собираюсь подсоединить ее к велосипеду. Надо тебе тоже что-нибудь подобрать. У меня есть материалы, сделаем тебе костюм.

Машина Роба как всегда закидана мусором и покрыта пылью. Самый странный миллионер из всех, кого я встречала.

– Ну что, мы можем поехать в гости к друзьям или…

– В гости к друзьям!!

– Окей. Я думал, может, ты устала.

– Плевать. Я так скучала по американцам, что не смогу уснуть, пока их не увижу. Мне нужны люди!

– Окей, окей. Сейчас узнаю, что там у них происходит.

Мы выезжаем на трассу. Надписи на английском. Зеленые таблички с указанием улиц. На горах лежат подушки тумана – фирменный знак Сан-Франциско. Мой мозг быстро выхватывает все знакомое глазу и распознает местность. Кажется, он уже в курсе, где я, а я еще нет.

На улице темно. Свет фонаря освещает парящие в воздухе капли воды, причудливо закручивающиеся и плавно улетающие обратно в темноту. Мой волшебный город. Ты слишком красив, чтобы быть реальностью.

Машины вдоль улицы стоят под таким нелепо большим углом, что кажется, что они сейчас покатятся кубарем с горы вниз, как игрушечные. Мы сворачиваем в сторону и оказываемся в каком-то волшебном саду. На доме, освещая цветы, листья разных растений и мох, торчащий между кирпичами дома, горят маленькие фонарики. Влага рассеивает свет, и он становится объемно круглым, как будто приклеен к каждому из фонариков конусом.

Роб стучит в чуть ли не картонную дверь, и мы заходим. Все случилось так же, как это случается каждый раз, когда я приезжаю в Америку. Меня ударяет волной яркого света, музыки и голосов. Мы оказываемся на огромной роскошной вечеринке в три этажа.

Несколько человек кричат нам:

– Хэээээй! Привееееееет! Заходите!

Через минуту в моей руке уже огромный бокал холодного белого вина, а справа стол с какими-то явно изысканными блюдами. Дом обставлен потрясающими вещами со всего света. Вельветовые диваны, роскошная деревянная мебель…

Я шарю глазами по огромному залу и вижу на кухне шеф-повара. Нет, это просто смешно. Красивые люди вокруг. Они смотрят на меня добрыми глазами и спрашивают, как мои дела. Я пытаюсь сфокусироваться на одной задаче. Говори. Говори.

– Привет, я Даша.

– Как, еще раз?

– Даша.

– Даша? Привет. Я Майк.

– Я Сэм.

– Я Робин.

– Я Эшли.

– Я Мэт.

– О, боже мой, ты только что прилетела?! Welcome!

– Ты должна попробовать эти креветки с манго! They are amazing!

– Как долго ты здесь будешь?

– Ты едешь на Бернинг Мэн?! Вот счастливица! Это будет лучший опыт в твоей жизни!

Через несколько минут я говорю выученное «Пардон ми», ставлю бокал на стол, выхожу на огромный балкон с диванами и падаю в кресло.

Вот он, мой любимый Сан-Франциско. Вот его мосты. Вот та самая башня, в окошке которой четыре года назад я спрятала свой фиолетовый медиатор. Вот улицы, по которым шатались пьяные Керуак, Гинзберг, Кэссиди и Берроуз.

Вот оно, место, которому я принадлежу.

Я до ночи болтала с одним парнем обо всем на свете. Делилась впечатлениями. Он смотрел на меня огромными голубыми глазами, и, слава богу, ему правда было интересно. Я рассказала ему, откуда у меня каждое кольцо и браслеты, какие у меня мечты и как я люблю свет маяков в ночи. Что это, в моем понимании, самое романтическое и одновременно одинокое изобретение человека. Он, как и каждый на этой вечеринке, восхищался тем, что я еду на Бернинг Мэн, и уверял, что это изменит мою жизнь.

Когда мы прощались, он отдал мне сложенную квадратиком записку и сказал:

«Когда наступит правильное время, прочитай ее. Ты почувствуешь, когда оно настанет».

Я спрятала ее в чехол телефона и подумала, что ее время настанет скоро.

* * *

Запись в блоге:

31 августа 2015

Я ложусь в постель 30 августа в 21.48, находясь на западе Северной Америки. А ты… Ты через пару часов уже проснешься от солнца в окне, поленишься еще немного и встанешь. Ты увидишь дату на телефоне и притворишься, что не заметил, какое сегодня число. И тебе станет зябко. Ты еще не готов к смерти этой маленькой прожитой нами жизни. Почему лето каждый

раз должно умирать?

Друг мой, не должно. Я, как и ты, не смогла бы пережить еще одного вечера 31 августа. Не хочу, а значит, и не буду.

Поэтому я останавливаю часы. Сегодня я поймала солнце в зените на лассо, завязала себе на запястье и побежала за ним. Мне не понадобится место для куртки в рюкзаке. Мне не нужны будут шерстяные носки. Вот такую шутку я сыграю с законами природы.

Так вот, если тебе станет тоскливо, малыш, просто найди на карте солнце, выбери континент по себе: возьми что-нибудь новое или приезжай к кому-то из нас. Места хватит на всех. Не слушай никого и ничего, кроме сердца и интуиции.

Надо быть сумасшедшим, чтобы решить, что ты можешь что-то изменить в жизни. Но только такие безумцы ее и меняют.

Я не боюсь 31 августа. Его для меня больше нет.

Глава 2
Бернинг Мэн

Сегодня ночью я снова оказалась в своей постели по адресу Пало-Альто, Эмерсон-стрит, в доме Дяди Джона (назван так в честь одноименной песни группы «Grateful Dead»). Неоновая лампа нежно освещает белое мягкое одеяло. Но мне оно противно. Горькая, обездвиживающая тоска охватывает мое тело. Пустота внутри. Я чувствую себя ребенком в пижаме, за которым прилетал Питер Пэн. Он взял меня за руку, и, минуя крыши домов, мы понеслись к звездам и попали в волшебную Неверландию… и я видела этот мир. Это волшебство, которое так редко удавалось создать моему воображению в самых сладких и загадочных снах.

А потом «бум»! Хлопок – и я опять в своей постели. В комнате так тихо, что кажется, будто меня оглушили. Я в ужасе таращусь в темноту. Он что, мне приснился? Где Питер Пэн? Где тот сладкий мир? Подожди, я же помню крики людей, я помню эти краски…

Ведь это был не сон?!

Я прикасаюсь к своим волосам и понимаю, что они сбиты в дреды. Смотрю на тело, а оно покрыто белой пудрой. White magical dust[68]. Ее так просто не смыть. Нет, это был не сон. Это была реальность. И пусть этого города больше не существует, пусть эта пустыня опять совершенно очищена от следов человека, домов и волшебных машин. Пусть мое сердце разбито, а душа опустошена. Но у меня есть одно. Одно мое самое дорогое оружие: память.

И я раскручу ее с тобой, как огромное веретено сверкающих ниток, и начну с самого начала…

Мы съехали с главной трассы и понеслись навстречу солнцу. Америка предстала предо мной в самой любимой моей версии: горы, поля и бесконечная черная полоса дороги с ярко-желтой пестрящейся змеей, разделительной полосой. Если я смотрю на эту полосу, знай – у меня все хорошо. Как я мечтала снова увидеть эту дорогу! Самые яркие символы свободы в моем воображении – это пустая теплая трасса, скорость и чистота мыслей.

Когда мы подобрались к пустыне, солнце уходило за горы, окрашивая их в мои любимые оттенки розового, синего и фиолетового.

Роб говорит:

– Где-то там в пыли находятся семьдесят тысяч человек.

Мы свернули в пустыню и выстроились в ряд машин. Видимо, ставиться будем в темноте. С уходом солнца воздух немедленно охладел. Пустыня приветствовала нас своей дикой, необузданной грацией. Вмиг в воздухе закружились вихри пыли. Я оглянулась назад и увидела через заднее окно кузова, как безумным танцем пляшет «странный демон» – самодельная игрушка, подаренная мне Билли. Я привязала ее к ручке велосипеда. Без велосипеда на фестивале не обойтись. Ветер гонял демона во все стороны.

Я не могла больше ждать и вышла на улицу. Откопала в рюкзаке свои очки пилота и открыла глаза. Белая пыль вмиг обняла меня, окрасив, как хамелеона, в свой цвет. Мой золотой плащик, купленный в секонд-хенде и заботливо мной раскрашенный, развевался на ветру. Я пошла вперед, чувствуя, что рядом со мной невидимые остальным идут Маленький принц и отважный летчик Экзюпери. Люди улыбались мне за окнами машин. Мы приветствовали друг друга немыми кивками.

Я дошла до первого проверочного пункта. От пыли в воздухе стало тяжело дышать. Первые местные жители-охранники остановили меня. Оба они были одеты в черную диковинную одежду со значками, заклепками, лентами и чем-то еще. На них были огромные очки и платки, закрывающие рот. Сложно было угадать, какое у кого лицо. Они напомнили мне огромных готических воронов.

– Дальше без билета нельзя, девочка.

– Я знаю. Я просто решила прогуляться.

– А, ну это пожалуйста. Откуда ты?

– Из России.

– А как зовут?

– Даша.

– Dasha from Russia. Welcome.

Поднялся вихрь, и я спряталась за треугольным конусообразным навесом. Там помещался всего-то один стульчик и какие-то вещи. Такое укрытие от ветра. За ним я и дождалась Роба и нашей машины.

На втором входе у нас проверили вещи. Проверка занимала много времени, потому что люди, которые едут на Фестиваль на RV – так называют дома на колесах, – подвергаются серьезной проверке на предмет спрятанных под вещами людей. Иначе неплохой был бы бизнес. Билет на Burning Man почти невозможно достать. Только один день в году он стоит 390 долларов, и тогда его немедленно выкупают. В остальные дни он стоит все восемьсот.

– О, я уже слышу звуки гонга.

– Что за гонг?

– Это значит, что проверяющие нашли еще одного девственника.

В кромешной темноте мы подъехали к третьему пункту проверки, где разодетые в какие-то сумасшедшие вещи и цвета люди поняли, что я «девственница» (в первый раз на Burning Man), и потащили меня делать ангелочка на песке. Потом мне вручили большую палку и предложили ударить в гонг. Гул раздался на полпустыни.

И мы въехали на территорию. В темноте со всех сторон виднелись разноцветные огни, одна музыка сменяла другую… Вдалеке периодически сверкало пламя. Невозможно было понять, что вообще происходит.

Я переодевалась со скоростью света. Надела прозрачное боди и свой плащик, вскочила на велосипед и понеслась в свой Бернингленд. Я не знаю, как описать это. У меня нет слов. Как любого ребенка, попавшего в волшебный мир, меня разрывало. Я хотела быть везде и всюду. Прямо сейчас! Немедленно!

Территория Бернинг Мэна огромна. Физически невозможно увидеть все. Она сделана по подобию часов. В самом центре стоит гигантский деревянный человек. Он светится огнями. Голова его – причудливой угловатой формы, вдоль тела идут маленькие окошки. Руки опущены вниз. Он горит зеленым и розовым. В темноте его ни с чем не спутать. Этот человек символизирует сердцевину часов. Как будто он тот самый гвоздик, который держит стрелки. Вокруг него и расположился весь остальной город-циферблат. Улицы – это время. Каждая улица – плюс 15 минут. Пересекающие их круги названы словами, начинающимися с каждой последующей буквы алфавита. A, B, C, D и до L. Несмотря на широту территории, на ней очень легко таким образом ориентироваться.

Улицы начинаются на приличном расстоянии от самого Бернинг Мэна. Так же как и цифры на часах. На этой пустой от палаток, домов и лагерей земле и встречаются все жители сумасшедшего королевства. Огни приветствовали меня со всех сторон. Мимо проезжали какие-то невероятные создания: корабли, трехэтажные единороги, акулы, рыбы, кошки, просто гигантский треугольник, машины как будто из будущего, самые разные существа, дома, самолеты… замки… Внутри их сидели жители этой странной-странной страны, обвешанные светом, в шубах и других мягких одеяниях. Отовсюду звучала музыка, мимо проносились велосипеды, их колеса горели, меняя цвет. Кажется, это огромная шляпа волшебника, из нее торчат уши зайца. Они что, двигаются? Где-то вдалеке возвышается огромная фигура голой женщины… Это что, змеи? Точно змеи! Да это же голова

горгоны Медузы! Я подъезжаю к ней, и змеи по очереди выпускают изо рта огромные волны огня! В прохладной ночи он освещает ликующих жителей и дарит тепло. А холодает тут быстро. О боже, это что, робот? Огромный робот-осьминог! Его глаза двигаются, все восемь рук бегают вверх-вниз, под ним на диванчиках сидят люди, и он двигается вместе с ними. Как такое можно построить? Это же сон, господи, это сон.

Я начинаю сходить с ума. Этот мир захватывает мое воображение врасплох. Я просто теряюсь, как рыба посередине чужого океана. Куда плыть? Что делать?

Я прошу Роба отпустить меня и говорю, что хочу раствориться. Мои глаза не хотят моргать, чтобы не пропустить ни одной доли секунды. Что, если я их закрою и все исчезнет? Но нет, оно не исчезает. Оно мне улыбается. Оно зовет к себе.

Я захожу в бархатно-красный бар… Маленькие круглые лампочки сложились в название «EGO TRIP».

Потрясающей красоты высокие мужчины в сумасшедшей одежде приветствуют меня с улыбкой и расходятся передо мной в стороны. Из налобного фонарика у меня торчат малиновые перья, на руках белые перчатки, волосы, еще завитые и легкие, взлетают на ветру. На груди висит розовая, светящаяся как волшебный эликсир счастья палочка.

Мне кажется, что я под наркотиками или сильно пьяна. И от того, что это не так, мозг, не понимая, как еще оправдать все это безумие, решает, что нужно восполнить отсутствие чего-либо в крови. У всех в руках свои чашки.

– А как получить здесь напиток? – вежливо спрашиваю я у первого красивого юноши.

– Нужно протянуть чашку.

– Это что бесплатно?

– Здесь все бесплатно. О чем ты говоришь?

– Что серьезно? Ты шутишь?

– Ты что впервые на Бернинг Мэне?

– Я приехала десять минут назад…

– Oh…

Со всех сторон начали подступать юноши. В их глазах отражались огни.

– Она первый раз! Поздравляю! У тебя есть чашка? Вот, держи мою.

Переодевшись в шубу, я объехала весь циферблат по кругу, зависнув понемножку везде, где что-то попадалось на пути, и, не найдя того-не-знаю-чего, я отправилась спать. Спустя два часа я проснулась в поту, задыхаясь. В палатке было нечем дышать. Как будто я опять в лагере МЭИ в Алуште.

Я выползла наружу и спряталась в кусочке тени на земле.

Меня разбудил Роб. Земля отдавала свою прохладу, и я плотно прижала к ней ладонь. Вмиг стало неважно, испачкаюсь я или нет. Перевоплощение в зверя этой пустыни началось.

Мы сели на велосипеды и поехали в центральный шатер на шести часах. Казалось, что мы зашли в гости в цирк, пока артисты разминались и пили свой утренний кофе.

Вооружившись кофе, как спасительным эликсиром, я пошла гулять по шатру, не в силах определиться, где же в этом безумном мире буду чувствовать себя лучше всего. Не понимая даже, что именно ищу. Но эта непонятная необходимость найти то-не-знаю-что поедала меня изнутри, не давала успокоиться. Я была похожа на дикое, голодное животное в поисках еды. Люди вокруг занимались своими делами. Кто-то изучал стоявшие между лавочками картины, кто-то тренировался в центре шатра, выделывая такие акробатические трюки, что сердце замирало, кто-то учился акройоге. На одной из лавочек я приметила пухленького мужичка в смешной шапке и солнечных очках, формой похожих на глаза мухи. Он писал что-то в блокнот «Молескин». Такой обычно позволяют себе только художники, писатели и прочие креативные товарищи. Я завела с ним разговор и оказалась права. Он был писателем.

– How is your burn? – спросил он меня. Этот вопрос тут задает каждый. Своеобразное приветствие в стиле «как дела?». «Как твое горение?» Для новичка это первая подсказка: мы находимся здесь, чтобы сгореть как птица Феникс и перевоплотиться. Но я не чувствовала пока никакого перевоплощения и не знала, что ответить. Этот вопрос ставил меня в тупик:

– Хорошо. Мне так кажется. Не знаю. Меня мучает это невыносимое желание увидеть все. Но это невозможно. Предполагаю, что есть вещи, которых я ожидаю. Которых хочу. Но я не могу получить их сразу. И это не позволяет мне наслаждаться моментом. Я знаю, что это тупо и неправильно, но не могу избавиться от этого чувства. Я не могу быть здесь и сейчас, я потеряна.

За это время я сказала эти слова уже многим людям. Тут нельзя говорить неправду, это глупо. И я отвечала, что чувствую на самом деле. И каждый понимающе кивал и говорил, что да, это невозможно. Невозможно увидеть тут все. И нужно время, чтобы прийти в себя. Но их понимание не помогало мне.

Однако писатель, наверное, оттого, что он тоже писатель и умеет выражаться красиво, наконец сказал мне фразу, которую мой обезумевший мозг все-таки услышал и воспринял. Он сказал ее очень медленно, растягивая слова, как карамель в батончике

«Сникерса»:

– На Бернинг Мэне ты не всегда получаешь то, что хочешь. Но всегда получаешь то, что тебе нужно.

Это ударило меня как молния. И я перестала барахтаться, пытаясь плыть против течения, сама не зная куда. Я наконец-то расслабилась и позволила реке этого пустынного приключения нести меня самой. Доверившись ей. Это как законы природы или законы судьбы. Ты можешь хотеть чего-то сколько угодно, но решаешь в итоге все равно не ты. Решают джунгли.

– Бернинг Мэн знает, что тебе нужно. Он знает это лучше тебя. Поверь мне. И ты получишь все, что тебе нужно на самом деле.

Весь день я беспорядочно передвигалась по Бернинг Мэну, заводя разговоры со всеми незнакомцами, как с жителями придуманного мною сна. И каждый привносил в него что-то особенное.

Я проходила мимо места под названием Pink Heart, где все – и пол, и стены, и потолок, и мебель – было покрыто розовым плюшевым материалом. Люди ели кокосовое мороженое, сидя на пушистой лавочке со спинками в форме сердца, и болтали ножками, как дети. Некоторые лежали на огромных розовых подушках в круглой комнате, вход в которую был прикрыт прозрачной малиновой тканью. Многие сладко спали.

Я качалась на круглых качелях и наслаждалась своей красотой, ветром и солнцем, когда пустыня решила снова обнять нас пылью. Она подбросила песок вверх, как подбрасывает отец ребенка в воздух, и все вокруг пропало. Не было видно совершенно ничего, кроме белой стены, похожей на туман. Я спрятала лицо в ладонях.

Вдруг где-то вдалеке мне послышалась гитара. Это мираж? Нет. Я встала и пошла на звуки в облако пыли. Иногда рядом проплывали велосипеды с людьми, они становились видны, только когда были уже совсем близко.

В конце концов впереди показался маленький оазис людей. Они стояли с гитарами и микрофонами.

– Выбирай любую песню в нашем списке, мы сыграем ее, а ты споешь.

И вот мы стоим в пустыне, я практически голая, рядом трое больших усатых полосатых хиппарей-музыкантов, и я пою куда-то в пустоту из микрофона:

– Oh, darling! Please believe me! I'll never do you no harm![69]

Потерявшиеся в пустыне люди двигаются на звуки музыки и приезжают к нам. Я хватаюсь белыми перчатками за микрофон и представляю, что я героиня фильма «Через Вселенную» – дергаю

головой, и волосы летят то сюда, то туда. Этим парням плевать, как я спою, мне нечего стесняться. Мы тут все просто люди, просто любим рок-н-ролл.

Там я встретила Белого Кролика – высокого блондина из Франции. Он искал Королеву Червей, но мы ничем не могли помочь. Он подарил мне самодельную игрушку Бернинг Мэна с багетом в руке и в берете. Потому что француз.

Здесь все вечно спрашивают, в каком лагере ты остановился. Название и адрес. И только на второй день до меня дошло почему. Потому что большинство «бернеров» живут в огромных лагерях, где продумана кухня, есть общий шатер, где все тусуются и так далее. Почти все лагеря придумывают какую-то свою фишку и делают что-то для остальных. Угощают лимонадом, или блинами, или у них можно покататься на роликах, или поучиться акробатическим трюкам. Не все спят в палатках. Многие живут в трейлерах, но это считается халявой. Многие строят целые юрты из пенопласта, покрытого отражающей пленкой. Это гениальная штука, сохраняющая комфортную температуру в помещении в любую погоду: и в жару, и в холод. Но местечко в таком лагере стоит обычно баснословных денег, поэтому мой лагерь представлял собой палатку и машину, на которой мы приехали. От всех пережитых эмоций я так устала, что начала засыпать на диванчике чужого лагеря, пока в шатре разворачивалось шоу талантов. Ребята пели, танцевали что-то невообразимое так, что пыль летела в воздух, но я помню лишь отдельные моменты – иногда я открывала глаза и секунду смотрела на происходящее.

Когда шоу закончилось, я проснулась и спела пару песен с одним из музыкантов. Не знаю, как я это сделала, но вышло здорово.

Я решила вписаться к нему ночевать, ибо хотела выспаться. В палатке это сделать невозможно. Сначала дрожишь от холода, потом просыпаешься в поту. Я сразу уточнила, что это дружеская ночевка, хотя он, видно, хотел, чтобы это было что-то большее. Я уснула.

Посередине ночи он разбудил меня, чтобы задать вопрос, который мне еще никогда не задавали. Таким сладким культурным голоском:

– Ты не против, если я помастурбирую?

Я не поверила своим ушам.

– Oh no… No, no, no. Please. No, no, no.

Уйти в ледяную ночь и искать свой лагерь в темноте было просто нереально. Оставалось надеяться только на его благочестие.

Интересно то, что, заметьте, он мог спокойно «любить себя»

и без моего разрешения, но парень вежливо спросил. В общем-то, наверное, молодец. Но на какой ответ он рассчитывал…

«Конечно, детка, салфеточку подать?»

Утром я добралась до дома, скинула с себя вечерние вещи с прошлого дня и отправилась в место моей мечты: «Душевая доктора Браунерса».

Очередь была знатная. Чтобы попасть в душ, нужно было написать на листочке свое «deepest darkest desire»[70] (какие прекрасные три слова сразу) и отдать его в разноцветную будку билетера. В очереди я примостилась к двум высоченным молодым юношам и задружилась с ними. Они были очень смешными австралийцами. Австралийцы – вторые англичане. Вечно дикие и готовые на все. Пока не станет слишком холодно или не появится любой другой источник неудобства.

Я протянула свою записку с самой «глубокой и темной фантазией» толстенькой кассирше.

– Вы ведь теперь знаете все темные фантазии людей?

– О, да-а. Я знаю все.

Она пробежалась глазами по моему листочку.

– У меня такое чувство, что эта фантазия сегодня сбудется, – сказала она улыбнувшись и в знак подтверждения своей искренности дважды медленно кивнула головой.

Не успела я узнать, кто вообще эти парни, чем занимаются и сколько им лет, как пора было раздеваться.

Тут, наверное, надо пояснить…

Итак, на Бернинг Мэне было всего два публичных душа. В первом люди моют тебя, а ты моешь людей. Вернее, так: сначала ты моешь людей, а потом они моют тебя. Заходя в такой душ, ты озвучиваешь вслух свои «Boundaries»[71]. Предупреждаешь, к каким частям твоего тела прикасаться не стоит. Ну, или говоришь коронное: «У меня нет никаких границ!»

И тебя моют всего. Всего-всего.

Второй душ – это огромная танцевальная пенная вечеринка. Конечно, голая.

Я выбрала второй вариант.

Мы зашли в огромный красный с золотым шатер. Посередине шатра была круглая, завешанная тканью комната. А вокруг нее толпилось около трехсот голых пританцовывающих поп.

Когда все вокруг тебя голые, не по себе становится, если ты одет. Мы такие стадные животные. Как все, так и я. Мы оставили свои вещи в большой куче и примостились к остальным ожидающим.

Атмосфера была такая праздничная, что, казалось, даже воздух в этом шатре был сладким и дурманящим. И вот стою я с

двумя красавчиками – один архитектор, другой разрабатывает ракеты в НАСА – и веду совершенно незамысловатую светскую беседу, как будто мы где-то в шумном, забитом до отказа баре. Только на самом деле мы голые. В пустыне. Черт знает где. На другой стороне шара. Интересно, что сейчас делают мои друзья? Что бы это ни было, им никак не может быть веселее, чем мне. Я испытала прилив счастья и чувства благодарности за то, что нахожусь здесь. Парни были потрясающие. Уилл по повадкам и приколам напомнил мне Рона Уизли, весь такой шутник, душа компании. С темно-рыжими волосами и сережкой в носу. Два метра ростом. Я заканчивалась где-то далеко ниже его плеч. Джаспер – полная ему противоположность. Скромный, тихий, с какой-то детской простой и наивной улыбкой. Невероятной красоты. Он редко что-то говорил, но, когда говорил, был очень вежлив и сообщал весьма интересные вещи.

Когда мы наконец попали внутрь загадочной комнаты, откуда лилась музыка и доносились крики, нам дали выпить травяного чаю. Девушки в потрясающих корсетах танцевали на круглой платформе в центре, точно как Гоу-Гоу, но без какой-то пошлости. Вообще вся эта атмосфера не несла в себе пропаганды секса, это было что-то из разряда «все мы здесь хотим помыться, так почему бы не повеселиться заодно!».

Нас загнали в железный коридор длиной метров двадцать. Сверху на нас смотрели люди-циркачи, клоуны, разодетые красотки-гимнастки и все-все-все. Казалось, что мы в гостях у труппы цирка.

– Ну что, кто здесь хочет помыться?

Мы завизжали.

– Кто тут уже много дней бегает по пыльной пустыне? Кому не хватает пены и чистой водички?

– Нааам!

– Хотите пены? А?

– Дааа!

– А ну-ка, давайте вместе! FOAM! FOAM!

Я не сразу поняла, что они кричат. Уже забыла, что «фоум» – это «пена».

– FOAM! FOAM! FOAM FOAM!

И тут из шлангов, которые держали клоуны и клоунессы, под огромным напором полетела пена! И сразу всем в лицо! Обезумевшая, я начала всю себя мылить, пока была такая возможность, выплевывая белую массу изо рта.

Потом нас, как в армии, полили из шланга ледяной водой. Напор бил по коже, оставляя следы. Нет времени объяснять – мойся!

Счастливые и свежие, мы вышли обратно на улицу. Как будто снова родились. Даже задышалось легко. Оказалось, эти двое живут в единственном лагере, что я знаю, кроме своего. Moon Cheese. Организаторы лагеря – стэнфордцы и жители домов Роба. Оказывается, чтобы жить на территории лагеря и получать один обед в день, ребята заплатили по 400 долларов. Для австралийцев нормально, для меня – «вы что, с ума сошли?».

Мы решили отправиться в их лагерь в надежде найти еду. Как только мы вышли с цифр-улиц на циферблат-площадь, поднялась огромная песчаная буря. Уилл отдал мне свою маску, и я впервые увидела, что же происходит во время бури. Кажется, что ты в океане, только из песка. Мы подъехали к огромной рамке, на ней сверху было написано «Wish you were here»[72].

Мой позывной с одним дорогим мне человеком. Мы по очереди побежали фотографироваться. Когда я передавала Уиллу свой телефон, аппарат упал. И сломался. Это были первые пятнадцать минут моего пользования айфоном на фестивале. Фотографии умерли. Позже я узнала, что телефон тоже скончался и его никак нельзя восстановить. Вот так Бернинг Мэн намекнул мне, что я тут не для того, чтобы фоточки лепить.

Мы с трудом добрались до лагеря и спрятались в куполе с подушками.

Я опять услышала музыку и выбежала босиком в пустыню.

«Mooon river, wider than a mile…»

Я побежала, как слепой щенок, на зов. Моя любимая песня. Из пелены песка на меня надвигался огромный блестящий месяц. В нем сидели одетые во все белое люди.

– Эй, давай к нам! На луну! Хочешь спеть песню? У нас есть все песни про луну! Выбирай любую, споем.

– Боже мой, я на луне! На луне!

И вот мы уже куда-то едем и кричим в микрофон: «This is ground control to Major Tom!», передвигаясь по Земле, как по Марсу. В конце концов я спрыгнула и вернулась в свой купол. Там сидело много моих знакомых. Мой трезвый мозг не мог больше этого терпеть. И я задала Уиллу самый непристойный балашихинский вопрос: «Есть че?»

И попала в точку. Мы втроем ушли в палатку. А вышли только ночью, потому что за это время поднялся такой шторм, что проще было не выходить. Это были волшебные пять, или шесть, или бог знает сколько часов.

Я обожаю общаться с людьми, которые приходятся друг другу лучшими друзьями. Дружба делает их разговоры искренними, и я чувствую с ними какое-то родство. Мне приятно быть в атмосфере дружеской любви. Эти парни дружили с пеленок. Палатка была

чертовски маленькой. Мы лежали поверх всех вещей, карнавальных масок, блестящих бус. Джаспер, я и Уилл. Рука к руке. Маленькая девочка во мне коварно радовалась этой компании, как двум выигранным в автомате игрушкам. Руки стали влажными, слегка подташнивало. Зрачки расширились. Палатка дрожала от ветра. Знакомое чувство. В мозг выплеснулся гормон, отвечающий за любовь. Нам не нужно было никуда торопиться. Часы потекли, как на картинах у Сальвадора Дали, и мы наслаждались этой остановившейся секундой.

– Как бы ты описал Джаспера тремя словами?

– Охуенный ублюдок.

– Нет, ну серьезно.

– Interesting, curious, shy[73].

– Разве interesting и curious – это не одно и то же?

– Нет. Curious – потому что он скрытный парень, и я никогда не знал его до конца. Мне с ним интересно.

– Так вы здесь живете?

– Джаспер живет в Пало-Альто. А я в четверг лечу домой, в Австралию. Пора уже.

– Ты небось серфишь, да?

– Естественно. С четырех лет. У меня дом в пяти минутах ходьбы от океана.

– Сволочь. Ну и как тебе Америка?

– Они странные. Совершенно другой менталитет. Тут не дай бог кого подъебешь, они сразу обижаются. Я вообще не понимаю их юмор. Мы всегда друг друга подкалываем и над собой смеемся тоже. Что это за юмор такой, если даже самих себя стебать не принято?

У Уилла было потрясающее чувство юмора. Я постоянно смеялась, пока проводила с ним время. Он напоминал мне Питера Пэна, который остался в мире людей и вырос.

– Какой у тебя любимый фильм?

– «Криминальное чтиво».

– Оу. О чем он?

Он рассказывает мне весь сюжет в прекрасном пересказе.

– Хороший фильм, да? – спрашиваю я, повернувшись к Джасперу.

– Шикарный. А у тебя какой любимый фильм?

– «Криминальное чтиво». Извините. Мне просто очень нравится слушать, как люди описывают мои любимые фильмы. Интересно ведь. Каждый видит кино по-разному.

Уилл совсем растекся. И начал гладить мою ногу. Обстановка была слишком сладкой, и я поступила в своем стиле:

– Just in case, если вы попытаетесь уломать меня на

threesome[74], имейте в виду, я могу психануть.

Он улыбнулся и спросил меня с самым озадаченным видом:

– Почему психанешь? Я не буду ничего делать. Или уговаривать тебя. Мне просто интересно почему. Как это у тебя работает?

– И действительно интересно. Я понятия не имею. Наверное, дело в доверии. И в душевной связи. Что бы я ни думала, я все равно девушка. Я так устроена. Мне нужна психологическая связь. Я могу переспать с кем-то из-за физического желания, но в итоге мне же потом будет хуже. Осознавая потом, что это случилось из-за животного влечения, а не духовной близости, я ощущаю себя гадко. А распознать, психологическое это желание или физическое, бывает сложно. Ты понимаешь, о чем я?

– Да. У меня тоже такое бывает. Хотя мужчины думают по-другому.

– Да, знаешь, это интересно. Я недавно занималась голой йогой. Это было что-то вроде тренинга. Перед нами были поставлены разные задачи. Задача мужчин была контролировать свою сексуальную энергию. Задача женщин – перестать бояться показывать свое голое тело. В нас вообще, оказывается, изначально сидит страх изнасилования. Взять и встать в какую-то интимно незащищенную позу для женщин не так-то просто. Женщине сложно даже расставить в стороны ноги голой. Срабатывает какой-то барьер. Странно, правда? Я была поражена тому, что мужчинам может быть нелегко смотреть на голых женщин. Я могу сколько угодно смотреть на голых мужиков и не то чтобы возбужусь от этого.

– Конечно! Пенисы же просто уродливые! Что там смотреть!

– Ха-ха. Да я имею в виду, что для меня все происходит в голове. Влечение – оно психологическое.

– Got it. Спасибо, что объяснила.

Я радовалась, что объяснила свои страхи самой себе. И как только я это сделала, сразу смогла различить оправданный страх от неоправданного: я поняла, что эти мальчики, мои сверстники, не представляли для меня никакой опасности. Они были такими же потерянными душами в этой пустыне, такими же детьми, идущими своей дорогой, добрыми и простыми. Я почувствовала к ним родственную любовь. Мы лежали и нежно гладили друг друга. И в этот момент не существовало больше никого. Ни семидесяти тысяч людей в пустыне, ни предрассудков, ни навязанной обществом морали. Не было в этом ничего плохого и предосудительного. Это была та самая духовная близость, я чувствовала ее очень четко. Я смеялась и улыбалась, целуясь с ними по очереди и никуда не торопясь.

Времени в этой палатке не существовало. Как будто мы зависли в пространстве, когда жизнь уже закончилась, а рай еще не начался. Как будто Бог пока там что-то решает, а мы просто занимаемся любовью и ждем. Когда мы вылезли, солнце уже давно скрылось. Стало ужасно холодно. Но мы были счастливые, удовлетворенные и полные сил. Я одолжила у Джаспера мягкие бордовые штаны и кофту. Ведь сама я была в одном прозрачном боди и золотом плащике.

Теперь нужно найти, что поесть, чтобы дожить до утра.

Я поехала в свой лагерь за волшебной шубой со светящимся сердцем, которую мы с Робом долго мастерили. В моем лагере не было никого. Я осознала, что не ела весь день и найти еду просто необходимо. Желудок негодовал. В соседнем лагере горел свет, за столом сидели люди. Они оживленно болтали. В нашем «траке» я нашла нарезной батон хлеба чрезвычайной мягкости, как и весь хлеб в Америке. Не знаю, что они в него добавляют. Наверняка какую-то химию, потому что он практически никогда не черствеет.

Мигая сердцем на шубе, с буханкой под рукой и горячими голодными глазами, я стала как животное наблюдать за соседями из темноты, пытаясь подобрать подходящую фразу…

«Excuse me… Could you please feed me? I have bread…»

Нет…

«Hi! Sorry. I am lost…»

Нет, врать не хочу… Ладно, скажу: «Excuse me…»

В этот момент одна парочка отошла от ламп над столом к машине и увидела в темноте меня. Я стояла, как мангуст, в охотничьей стойке с горящими глазами. Теперь уж точно нужно было что-то сказать. Меня сразу познакомили с виновником торжества – старичком с шапкой-осьминогом на голове, который обрадовался моему хлебу как непредвиденному подарку. Через минуту у меня уже была тарелка с шикарным мексиканским ужином. От их доброты и вежливости я даже есть не могла. Мы обсуждали с этим старичком серфинг. Оказалось, что я вписалась на ужин к семье серферов. «Only surfer knows the feeling».

Тут в нашу святую вечерню за длинным столом вторгся очень странный тип. Он был одет как индиец, лицо причудливо раскрашено. На голове индийский тюрбан. В руке маленькая пластмассовая бутылка без этикетки с прозрачной жидкостью. Он протянул ее одному из ребят:

– Сделай маленький глоток.

Тот подчинился.

– Is that vodka? – спрашиваю я.

– No. This is Molly.

Озорная девочка Молли[75]. Ее тут любят и всегда хотят.

– Can I have a sip? – внаглую спросила я.

– Ok. But a small one. Я несу эту бутылку своим друзьям.

Какой сделать глоток? Как рассчитать порцию?

Я сделала полноценный. На всякий случай. Слабо веря, что это работает. Вода была горькой.

И поколесила обратно в Moon Cheese. В это время ребята раздавали свои лунные сэндвичи. Они бесплатно кормили народ. У лагеря стояла огромная очередь человек в сто. Рецепт сэндвича был минималистичен. Хлеб и сыр на гриле. Но в холодной голодной трипо-ночи эти сэндвичи как будто и правда были прямиком с Луны.

Путаясь в штанах своего друга, я зашла под купол. Здесь на подушках и в гамаках лежали жители лагеря; все громко болтали, пытаясь перекричать живой концерт в соседнем лагере.

Молли дала о себе знать. Она обняла всё моё тело и прошептала на ушко своим сладким голоском: «Мир прекрасен. Смотри, какие они все красивые. Эти люди. Они каждый с таким волшебным миром внутри. А эта музыка… Эта музыка…»

– Уилл, пойдем танцевать! Пойдем, Джаспер? – подхватываю я посыл Молли.

Джаспер лежал где-то среди подушек, в обнимку с другим парнем, расплывшись в улыбке.

– Не, я не пойду… Я не могу встать.

– Уилл?

– Погнали!

Я схватила его за руку с собачьей благодарностью, что он идет со мной, и потащила за собой чуть ли не бегом. Люди танцевали. Полная мексиканка пела что-то жаркое, гитаристы смеялись и выделывали соло, заряжая толпу. Я тащила Уилла за руку через толпу, поближе к сцене.

– Даша, я не могу идти дальше. Я слишком высокий.

– Какая разница?

– Ты не понимаешь. Люди ненавидят высоких людей! Меня один раз избить на концерте пытались за это!

Тут рядом появился еще один огромный мужик. Вылитый Боярский в возрасте «Трех мушкетеров», со шляпой и кубком.

– Видишь, он тоже высокий… Докажи ей, мужик…

– О да, люди нас ненавидят. Но мне наплевать. Let’s go, – сказал он и попер вперед. Я вцепилась руками в два двухметровых корабля, и мы понеслись через море людей ближе к сцене. Меня взяло не по-детски. Просто охватило все тело. Молли подняла меня на сантиметр от земли. Я больше не ходила. Я плавала.

– I'm tripping, Will, I'm tripping!

– But is it good tripping?

– I don't know. I guess so.

Я убежала в толпу, отдала кому-то выбитый без ID коктейль, осознав, что мне он уже не нужен. Люди загадочно улыбались и кивали мне в ответ, светясь всеми цветами радуги в темноте. На каждом были лампочки.

Я увидела красивую женщину. А она, я думаю, увидела мои черные зрачки. У нас были похожие шубы. Мне так хотелось ее поцеловать. И я поцеловала ее в щеку. Она подарила мне в ответ такой родительский, озорной взгляд. Мол, я знаю, что с тобой сейчас происходит и почему ты меня поцеловала, но продолжай свое приключение. Она крепко обняла меня и потрепала по волосам.

Я вышла из толпы, потеряв Уилла, и стала танцевать с каждым, радоваться жизни как самому драгоценному подарку, как ребенок, который остался в магазине игрушек после закрытия и теперь может веселиться всю ночь. А рядом такие же дети, в таком же восторге. Они знают, о чем ты думаешь, они знают, что ты чувствуешь! Потому что они чувствуют то же самое! И одежду этих людей, их взгляды, их лица было невозможно описать… Это прекрасная мозаика совершенно разных и бесконечно красивых существ! Я чувствовала себя коллекционером, попавшим в парк бабочек, всех тех бабочек, которых я еще никогда не встречала! Они мне все интересны. Их крылья оставляют в воздухе расплывчатые линии после взмаха, они светятся и манят. Кто-то завязывает мне на руке браслет, кто-то надевает на шею самодельный амулет…

Я оглядываюсь вокруг… Мир крутится передо мной, сверкая разными красками. Мимо проезжают арт-машины. Огромные единороги, рыбы… Из них звучит музыка, она манит, как вагончик с мороженым. Возможно все. Можно всё… Всё… Запрыгнуть в любой из них… Заговорить с любым, и это будет потрясающий разговор. Я хватаю Уилла, и мы запрыгиваем в автобус из трех этажей. На втором посередине стоит карусель, в центре столб, покрытый кусочками зеркальной мозаики. Люди хватаются за железные перила и крутятся, крича, как дети на рождественском маскараде. Зайцы, мишки, волшебники… Я прыгаю на карусель… У меня вмиг захватывает дух. В отражении мозаики я вижу себя… Впервые за несколько дней… Мое лицо блестит, я в бусах и шубе на голое тело. Голубой лифчик в тот же цвет, что стрелки на глазах. На щеках голубые стразы. Волосы сбились в один большой ком, как будто у меня вечерняя прическа. Они перевязаны блестящей лентой. Я смотрю на свое

смеющееся лицо и понимаю, что я абсолютно подхожу этому миру. Я не чужая, я своя. Я ребенок из этой же песочницы. Мои зрачки расширены, как у дикого животного. Точно! Я же совсем забыла… Та вода… Ах, ну и вода… Спасибо, индиец.

Потом мы съехали по горке вниз, врезавшись в мягкую розовую стену, которая рикошетит таким образом, что ты сразу оказываешься на ногах.

Я где-то потеряла Уилла, запрыгнула на следующую машину, и она увезла меня в самый центр циферблата.

В машине была девушка-стрекоза с красивым акцентом. А вел ее суровый Дядя Сэм. Ну в точности как с плаката.

– Ты такаааая красивая, – говорю я, действительно поражаясь тому, как прекрасно было ее маленькое лицо в голубом свете – глаза, казалось, горели как бриллианты.

– О, боже мой, спасибо…

Она была правда тронута. Почему мы не говорим друг другу, как мы красивы? Почему в реальном мире люди так редко говорят незнакомцам комплименты? Ведь одним предложением ты можешь поднять настроение человеку на весь день. Подарить его лицу улыбку. Людям обязательно нужно говорить, что они красивы. Иначе они могут об этом забыть и потерять в итоге свою красоту. А скажешь, что они прекрасны, и они расцветут, как розы, которые только что вдоволь полили.

Я попрощалась со стрекозой и Дядей Сэмом и вышла гулять. Мы остановились у огня. Вдалеке уже жгли какую-то скульптуру. Другие арт-машины и люди собрались вокруг, чтобы посмотреть на это выступление стихии и погреться. Мимо меня стаей рыб проплыли светящиеся всеми цветами радуги гигантские лонгборды. Я запрыгнула на один, схватившись за высокого мужчину в огромной мягкой шубе. Эти мягкие шубы – действительно просто гениальная одежда. Теперь я поняла, почему было важно иметь с собой именно шубу. Все становятся, как плюшевые медведи. Каждого хочется крепко обнять.

– Держись!

Мы поехали в обнимку. Невероятно! Как это работает? Если мы качались из стороны в сторону – лонгборд разгонялся.

У меня закружилась голова, и я спрыгнула. Чувство, что я маленький, беспомощный ребенок, не покидало меня. И хоть мне и было весело, я не хотела быть одна. Затерявшись в толпе, я выхватила двух взрослых мужчин. Я догнала их и без объяснений взяла обоих за руки.

– Здравствуйте, можно я с вами пойду?

Они отреагировали очень трезво и спокойно:

– Конечно, можно. Но мы идем в лагерь.

– О! А где это?

– Это во-о-он там!

– О, это так далеко…

– А где твой лагерь?

– Он тоже очень далеко… Он на девяти часах.

– Пойдем-ка мы тебя проводим.

– Правда? Спасибо! Я Даша.

– Даша, я Прэнсер.

– Я Рудольф.

– О, вы мои друзья олени!!! Как я рада[76].

Они были взрослые и надежные. Их руки были большими, сухими и теплыми. Они внушали мне отцовское доверие. Как будто у меня только что появилось два папы. В реальной жизни они и правда оба были отцами. Поэтому, увидев меня в «чрезвычайном энтузиазме», видимо, сочли должным проводить обратно в лагерь.

– У тебя в лагере есть кто-то из друзей?

– О, да, конечно! У меня там есть друг Уилл, он, наверное, меня ищет.

Мы шли довольно долго, и я рассмотрела их лица. Один был вылитый Ричард Гир, а другой смахивал на Колина Ферта: с тонкими губами и проникновенным взглядом. Они были прекрасны. Мы сделали короткий привал у костра. Сели на круглые каменные лавочки. Один олень пошел общаться с другими животными у костра, а второй преданно остался рядом со мной. Я взяла его за руку.

Он был Водолеем. Я что-то долго ему рассказывала, делилась размышлениями, а он кивал и соглашался. Мы с Водолеями всегда друг друга легко понимаем. Я нащупала в кармане сломанный телефон. Внутри чехла меня все так же дожидалось сообщение. Этим сообщением была записка, которую мне в первую ночь пребывания в Сан-Франциско вручил едва знакомый мальчик, когда узнал, что я еду на Бернинг Мэн. Глубоко вздыхая, как будто мне вечно мало воздуха, я промурлыкала Рудольфу:

– My dear deer, можно я разделю с тобой очень волшебный момент своей жизни?

– Конечно.

– Я кое-что тебе расскажу. В первый день, когда я приехала в Америку, мы сразу прямо из аэропорта поехали на вечеринку. Там я встретила очень доброго мальчика, у нас с ним состоялся интересный разговор, он знал, что я поеду сюда, и написал мне на прощание записку. И сказал: «Ты почувствуешь момент, когда будет пора ее прочитать». Я думаю, это время настало. Я хочу ее прочитать.

Рудольф одобрительно кивнул. Все это казалось мне волшебным сном. Или все-таки это была реальность?

Я достала маленькую записочку. Чудом было, что я вообще о ней вспомнила и что каким-то образом мой теперь бесполезный телефон не выпал за эти дни из кармана. Как я была благодарна Богу, что я ее не потеряла.

Под мерцающим светом огня я развернула записку. Голубым фломастером на ней были написаны слова Руми:

The breezes at dawn have secrets to tell you
Don't go back to sleep!
You must ask for what you really want.
Don't go back to sleep!

«Ты должен попросить того, чего действительно хочешь… Не уходи обратно в сон…»

В моих глазах запестрели континенты, слова, люди. Путь, который мне только предстояло пройти. Я должна идти дальше. Не засыпать. Не сдаваться.

Я схватила за руку своего доброго оленя. Я сказала ему, что теперь мне все понятно, и поблагодарила за заботу.

– Это такое прекрасное ощущение – находиться рядом с кем-то взрослым. Ответственным.

– Это потому что я отец.

– Вы оба отцы?

– Да. У Джона двое детей, у меня одна дочка. Знаешь, это удивительно… Весь твой мир полностью переворачивается, как только ты становишься родителем. Ты просто начинаешь по-другому мыслить.

Я снова взяла своих оленей за руки, как маму с папой в детстве. И мы продолжили путь. Дошли до нашего купола, где я увидела возвышающегося над остальными Уилла. Я подскочила и повисла на нем, преисполненная счастья. Какие были шансы, что он в эту секунду будет здесь? А ведь я бы ужасно переживала, если бы его не нашла. Уилл смеялся, он был в мягкой леопардовой шубе, пыль превратила его прическу в крутой хаер в стиле «Роллинг Стоунз». Прибавить к этому низкий грудной голос и акцент – и он как будто из песни. Иностранец, как и я.

Пока я доставала одному из своих оленей горячий бутерброд вне очереди, они рассказали Уиллу, что бегут завтра гонку до аэропорта. На БМ есть свой аэропорт и, соответственно, своя гонка. Со своими правилами: кто добежит первый, получит полет на частном самолете вокруг Бернинг Мэна.

– Класс, я бы тоже побежал, – сказал Уилл спокойным

голосом.

– Присоединяйся. Завтра в 10.

– Окей.

Уилл с приоткрытым ртом рассеянно кивнул. «Да ну, как будто он побежит», – подумала я.

Я крепко обняла своих оленей и сменила охрану. Мы с Уиллом снова забрались на автобус моей мечты с каруселью. Я крутилась на ней, как безумная, повернувшись к центру спиной, чтобы видеть весь наш сумасшедший город. Автобус продолжал ехать, а мы – смеяться. Мы спрыгнули с автобуса и побежали на главное поле, где растворились на всю ночь, пока ужасно не замерзли.

Уровень галантности у австралийцев такой же, как у англичан. Вместо того чтобы сказать «мать твою, пошли домой, я сейчас сдохну», Уилл сказал: «Мне правда некомфортно».

Пока мы возвращались, оледеневший воздух обнимал уже так сильно, что смыкались ребра. Так холодно, что тяжело даже дышать. Спать в палатке было бессмысленно и невозможно. Мы спрятались под купол и распили одну бутылку красного на пятерых, разговаривая про серфинг. Это как про секс, только про серфинг. Затем легли все вместе огромной стаей, обложив себя подушками, пледами и спальниками. При полном параде, в шубах и ботинках. На улице было под ноль.

– А! Что это?!

– Это мое сердце.

Мое неоновое сердце из светящегося провода крепилось на железную сетку, которую я пришила к шубе.

– Что ж такое колючее-то? Господи!

– Такие вот дела. Будь осторожен.

– Конечно, блин, буду. Поправь, пожалуйста, моего попугая!

Я натянула соседу по подушкам шляпу-попугая обратно на голову. Мы все прижались друг к другу и уснули.

К утру я раздевалась, как капуста, по одному слою зараз. Сначала сбросила ботинки, потом шубу, затем и плед. Уилла рядом не было. Он таки ушел участвовать в соревнованиях. И то ли потому что ноги его длиннее остальных в два раза, то ли по каким-то другим причинам он выиграл эту чертову гонку, к которой мои олени начали готовиться за месяц. Так у меня появились фото всего Бернинг Мэна, сделанные Уиллом на пленку из окна частного самолета.

В состоянии жуткого недосыпа я прошаталась весь следующий день в компании соседей-нидерландцев, где каждый герой и правда был героем, в смысле персонажем. Сначала мы позалипали в лагере циркачей. Люди все вместе учились самым

разным акробатическим трюкам. Была там девочка в прозрачном трико, как будто с картины Пикассо.

Я была не в силах что-то делать, поэтому залезла на второй этаж гигантской конструкции, легла там в гамак и наблюдала, как люди совершают пируэты в воздухе на кольцах и атласных лентах. Удивительно, на что способен человек. Просто невероятно. Вот бы уметь это все! Иногда мне просто хочется убежать с бродячим цирком, дрессировать тигров, ходить под куполом и забыть про жизнь по ту сторону шатра. «Как веселые соседи, люди, кони и медведи». Я бы одичала. Забыла про то, что в мире есть что-то еще. Нас бы связывала одна цель – сделать шоу и заработать тем самым себе на ужин. Что еще, по сути, надо?

Мы попили чая в соседнем шатре. Он был фиолетовым с желтыми вышитыми звездами, как плащ волшебника. За спиралевидным столом сидела девушка в голубом кимоно и разливала чай, рассказывая историю каждого сорта. За столом сидело несколько людей. У всех были с собой маленькие книжечки. Многие в этом песочном городе записывают свои мысли и чувства в книжке. Как будто не существует компьютеров и прочих железных изобретений.

Мы же сидели и изучали блокноты с расписанием мероприятий. От количества вариантов времяпрепровождения разбегались глаза. Была мысль сходить куда-то, где меня могут вывести из зоны комфорта, чтобы перешагнуть через свои собственные границы. Так Уилл, например, сходил на гомосексуальную сессию массажа, поставив себе задачу не психануть среди любвеобильных геев, ибо сам он был гомофобом. Из похожего треша через пятнадцать минут начиналась сессия совместной мастурбации для женщин, где гуру этого занятия наглядно показывают, как это делают «профессионалы». Вход мужчинам был закрыт. «Только для девушек и транссексуалов». Вот сможешь ты ублажать себя среди ста других женщин? Слабо? Но идти одной мне не хотелось, а единственная другая девочка рядом обещала быть на другом мероприятии, которое ведет ее подруга, и мы уехали на улицу two o’clock, где я еще ни разу не была. Там мы посетили церемонию погружения в себя при помощи зерен какао. Странная это, конечно, штука. Не совсем понятно, как от одного зерна должно измениться твое мышление, но сама медитация была прекрасной. Шатер, в котором она проходила, был забит до отказа, и не почувствовать, насколько воздух заряжен энергией, было невозможно. Мы сидели с закрытыми глазами, плечом к плечу, и запускали «ом» такой силы, что воздух вибрировал.

Мы с нидерландцами потерялись. Они не смогли найти

местечка в шатре. И я сменила их на двух интереснейших мальчиков, с которыми мы оказались на одной волне. Один был фотографом, другой режиссером. Оба полны волшебства и историй. Дальше мы шли втроем. Территория здесь заметно отличалась. Какие-то другие вайбы. Развлечения – сексуально раскрепощенные. Видимо, из-за того, что этот район был не в самом центре, народ включил воображение и довел идею до полного беспредела. Мы дошли до какого-то бара. Рядом с ним стояла будка. В будке дырки, к ним приделаны мешки из мягкого черного бархата. Кто-то стоит в будке. Ты можешь подойти, запустить руки в эти дыры и через бархатную ткань его потрогать.

Чтобы нам налили, каждый из нас по приказу барменши исполнил танец животного. Кому какое достанется. Мне выпал пингвин. От моего танца девушка посмеялась, захлопала в ладоши и спросила, что я буду. В баре выступала живая группа из старичков за семьдесят. Они жгли в полном музыкальном составе: гитары, барабаны, клавиши и даже труба.

Я заговорила со стоящим рядом мужчиной:

– Что сегодня делал? Какие планы? How's your burn?

– Все прекрасно. Вот только что заставил незнакомца кончить, сейчас думаю, чем заняться дальше…

– Что ты сделал?..

– В одном из кэмпов стоят массажные столы. Один человек ложится под простынь, у другого в руке огромный массажер, который сильно вибрирует. И, собственно, с помощью него можно довести человека до оргазма.

– Посередине улицы стоят столы, и люди на них при всех кончают? Ты шутишь?

– Нисколько. Да это вон, за поворотом.

Не поверю, пока сама не увижу. Я хватаю за руки двух попутчиков и тащу их туда.

И правда.

Под натянутым белым тентом стоят массажные столы. На них люди. И да, рядом с каждым стоит человек с каким-то непонятным агрегатом в руке. Как огромная дрель, но на конце диск, покрытый мехом. Стоящие проходятся этим диском по телу лежащего. Некоторые держат диск уже на одном конкретном месте. Я стояла в стороне с круглыми глазами, закрыв рукой рот, чтобы песок в него не залетел. No fucking way. Вот он, тот момент, когда и правда не можешь поверить своим глазам. Рядом с одним столом стояло сразу шесть человек. Они массажировали тело под простыней. Один из них держал чудо-машину. Я решила обойти столики, чтобы посмотреть, кто же там лежит под простыней. Это была красивая молодая мулатка. Она зажмурила

глаза, зажав зубами ребро своей ладони. Я стояла в шоке и не могла перестать смотреть. Вот так вот идешь по улице, а тут – бац – и человек прямо при всех кончает. Тяжело дыша, она со смехом спрыгнула со стола. Народ отбивал друг другу пять и хлопал ее по плечу.

– Ребят, вы тут правда делаете то, о чем я подумала?

– Ну, видимо, да. А ты еще не пробовала? Это же гениальная штука! – ответил мне с улыбкой один двадцатилетний англичанин.

– Мы тут зависли с утра всей компанией!

– И что, вы серьезно кончаете?

– Да некоторые тут уже по десять раз кончить успели. Эта штука творит чудеса.

Ребята были студентами из Лондона. Веселыми и безбашенными.

– Ну что, кто следующий?

– Давайте я, – сказал один из парней и запрыгнул на стол.

– Присоединяйся! – мулатка радостно подтолкнула меня к столу.

Парень лег прямо в одежде, как и все остальные. Мы накрыли его простыней. Девчонка взялась за вибрирующий агрегат, а остальные массажировали те части тела, рядом с которыми находились. Вся эта идея переворачивала сознание. Мы же привыкли, что оргазм – это то, что происходит за закрытой дверью. Самое потаенное из всего, что есть в жизни каждого человека. И тут твоя система рушится: ведь вроде все в одежде и даже не вступают в половой контакт. No strings attached. Тебе просто хотят доставить удовольствие, по-дружески и бескорыстно. Что в этом плохого? Мы умеем испытывать оргазм, так сделано наше тело. Так надо ему радоваться! Это ведь тоже игра. И мы играли. В тот момент я чувствовала, как перешагивала один свой большой страх и как использовала шанс сломать построенную в голове стену. Решиться было нелегко. Но, в конце концов, я тоже легла на этот стол. И не пожалела.

Мы провели с двумя мальчиками оставшийся день и попрощались. Как символичен Бернинг Мэн. Ведь так и в жизни: встречаем людей, какое-то время идем с ними вместе, делимся эмоциями, переживаем какие-то приключения. А потом наши дороги расходятся, и каждый идет своей. И нет в этом ничего страшного. Это естественно. Ведь каждому своя тропинка. Так зачем противиться законам жизни? Бернинг Мэн помогает почувствовать естественность таких вещей. Здесь никто не пытается схватиться когтями в первого знакомого и тащить его всю неделю с собой за руку. Хотя бы потому, что это просто

невозможно. Слишком много людей, слишком много направлений и совершенно разных желаний. В какой-то момент ты захочешь пойти сюда, а другой человек туда, и вы оба будете понимать, что больше не встретитесь. Бернинг Мэн – как река жизни. Зачем барахтаться и грести против течения, если впереди еще так много интересных пейзажей? Из каждой встречи ты выносишь что-то для себя. Какой-то урок, опыт. Благодаришь и идешь дальше. За пять часов мы прожили вместе маленькую жизнь. И, если бы мы встретились снова, нам было бы что вспомнить. А теперь пора обняться и улыбнуться. Без грусти, без тоски.

Я вернулась в лагерь с темнотой. Уилла поблизости не было. Я оделась потеплее и диким волком отправилась в ночь с другими. В итоге все мы вновь рассоединились. На самом деле единственный, с кем вместе ты проходишь этот недельный трип, – это сам дух Горящего Человека. Он встает за твоей спиной и аккуратно направляет тебя туда, куда тебе нужно. Для каждого он заготавливает что-то особенное. И сколько людей, столько потребностей. Бернинг Мэн – это врач. А ведь к врачу каждый приходит со своей проблемой. Так как же можно грести всех под одну гребенку? Нет, доктор пропишет план лечения именно для тебя. Вот так же и здесь. В ту ночь Бернинг Мэн сделал мне главный подарок. Он и правда дал то, что мне было нужно.

Мне потребовалось полгода, чтобы собраться и дописать эту часть текста. Но, как я сама уже говорила, если вырезать из истории куски, сделать просто красивую картинку без грязи, без боли, без чувств, получится кукла, а не настоящий человек, и история будет бессмысленна.

У каждого в жизни хоть раз бывает такая любовь, что крышу сносит. Когда не любовь, а какая-то одержимость. Когда влюбляешься так, как будто до этого не жил. На моей улице тоже случился однажды такой праздник, и ты уже об этом знаешь. Мне было двадцать лет. И это было то самое, о чем пишут потом книги, что вспоминают в пятьдесят, глядя на звезды, что меняет тебя навсегда, и ты при всем желании уже не будешь прежним. Это был летний роман. Короткий по времени, но бесконечный по своей красоте, силе и последствиям.

Если ты помнишь, я тогда пообещала себе, что не буду притворяться, будто это было «не то». Мне не хотелось до такого опускаться. Я сохранила это чувство в себе и была благодарна за то, что оно было в моей жизни.

Но когда он не пришел в тот Денверский сад, это меня сломало. Меня ударили, и я научилась выпускать шипы. Со временем хребет зарос и стал тверже в сто крат. Согнуть меня было уже не так легко. Я больше никого не подпускала слишком

близко. Я стала лучше. Я решила, что раз я не могу быть с ним, то сама стану, как он. Я заберу себе все, что в нем любила. И буду той, кем сама бы восхищалась.

«Пусть мои волосы тоже пахнут ветром. Я, как и ты, отправлюсь в джунгли, как и ты, освою серфинг. Как и ты, стану вежливой, независимой, свободной. Сотру границы. Я стану лучше тебя», – подумала я.

И так я и сделала. И все было хорошо. Но что касается любви…

Я не отпустила ту историю. Все потому, что она никогда не была закончена. Просто сначала человек был, а потом его не стало. Я не успела сказать свое «прощай», не успела разочароваться в нем. Он остался в памяти красивой картинкой, забыть которую было жалко. Я так и не узнала, почему он не пришел. И вместо того чтобы отпустить, я продолжала подсознательно в каждом искать его черты. Ту же улыбку, те же глаза. Те же шутки и повадки.

Прошло пять лет. За них со мной еще случалась любовь. Но я теперь держала руку на рычаге, чтобы успеть катапультироваться до того, как этот самолет взорвется к херам и полетит носом вниз, оставляя за собой в воздухе вихрь дыма и пепла.

В тот вечер уже другой незнакомец угостил меня Молли. Без наркотиков тут вообще странно находиться. Не потому что ты пытаешься «обдолбаться», как на Казантипе, нет – в данном случае, наоборот, наркотики как бы помогают расширить сознание. Кстати, за все семь дней я не увидела ни одного человека, которому было бы плохо. Ни от наркоты, ни от алкоголя. Конечно, они где-то были, но в сравнении с тем же «Нашествием», где, кроме пьяных вусмерть, больше никого и нет, просто интересно отметить, что все тут были «сумасшедшими в своем уме».

Незнакомец открыл маленький золотой мешочек и сказал:

– Окуни туда палец.

Палец вернулся наружу белый от порошка. Я его облизала. Тот добрый человек подарил мне также железный компас и сказал, что он поможет мне не теряться. Мы оба понимали, что он говорит об ориентации в жизни, а не на местности.

Я поблагодарила его и растворилась в центре циферблата. Все так же я мысленно надеялась на то-я-все-таки-знаю-что. И оно произошло. Прошло уже полночи, и я сидела на земле у догорающей фигуры любви, той самой, которую привезли сюда из Одессы, и раскачивалась. Молли снова обняла меня и стала выворачивать всю страсть и любовь, на которые способны тело и мозг, наружу.

Я огляделась и увидела того, кто закончил этот ночной кошмар длиной в пять лет. Рядом со мной танцевал парень. В шубе на голое тело и короне, запутанной в длинных волосах. Он выглядел как Дэниел. Это чертово имя, которое я любила столько лет. Я выхватила этого принца из фестиваля и соединила наши трипы в один. Совпадения были невероятны. Он был из Денвера. Ему было столько же лет. И даже акцент у него был как у Дэниела – с трудом разберешь. У него был такой же утробный голос, как у всех англичан. Они говорят не горлом. Их голос идет откуда-то из живота. Да весь он был совершенно вылитый. Максимально приближенный к оригиналу, насколько это возможно. И спустя какое-то время потрясающего общения, где ощущаешь уникальную ментальную связь, я почувствовала это. То самое. То чувство, которое, как я боялась, больше не способна испытывать. Мы танцевали вместе всю ночь. Он познакомил меня со своими друзьями. Он заботился обо мне, как Дэниел. Он держал меня за руку так же, как Дэниел, слегка расслабленно. И руки такие же. И такие же друзья. И такая же ситуация, когда я хочу понравиться его друзьям, хотя мне при этом нет до них никакого дела. Отдайте мне своего друга. И я его не верну.

Мы уходим в толпу. И больше никого, кроме нас, нет. Все. Опять все, что вокруг, – просто декорации, созданные для нас. Опять все, что вокруг, – немного замылено. Как фотографический эффект: все мутно, кроме этого мальчика в центре моих глаз.

Он тоже, конечно же, под Молли. И мы обожаем друг друга. Настолько, насколько способны двое выкинутых на другую планету. Мы прижимаем друг друга к себе, хватая за вороты шуб. Мне хочется впитать его в себя. Мне мало. Я жадно его целую. Он выше меня в два раза. Он обнимает меня, и я танцую ногами в воздухе. Он большой, ему легко меня держать. Это получается как-то естественно. Мне кажется, как будто это и есть Дэниел спустя шесть лет. Я задаю ему этот страшный вопрос:

– У тебя есть девушка?

– Еееесть… – говорит он с каким-то добрым сожалением и извинением, наклонив голову набок.

Как будто это Дэниел извиняется. И дальше я в своем трипе окончательно ухожу в ощущение, что это он и есть. Вот он, мой шанс задать ему все те вопросы, которые я уже никогда не смогу задать. Я киваю. Спрашиваю, как долго они вместе. Как его жизнь с ней. Я убеждаюсь, что у него все хорошо. Теперь я знаю. А он все так же смотрит на меня с любовью. С нежностью. И все это… вся эта любовь и смерть танцуют вокруг меня, сужая круг.

– Скоро будут закрывать храм, – говорит этот мальчик. – Ты говорила, что хочешь в него попасть. Нам, наверное, тогда стоит

пойти?

Он такой же вежливый, как Дэниел, даже в постановке предложений.

Храм. Я ничего не рассказала про храм. Из деревянных конструкций на фестивале есть две главные, такие, которые будут возводить здесь всегда, год за годом. Остальные меняются, как выставка в музее. А это постоянные экспонаты. Горящий человек и храм. Наверное, нигде нет более энергетически заряженного места, которое существует семь дней, а потом превращается в пепел. В этом храме люди пишут письма тем, кто умер в этом году. Они приносят в него вещи и мысли, связанные с ушедшими людьми. И за все пять дней я так и не нашла в себе сил туда зайти. Но теперь медлить было нельзя. Через полчаса храм закрывали и начинали готовить к пожару. Гореть он будет только на следующую ночь.

Мы вдвоем сели на велосипеды и поехали к храму. В этом году он был построен по системе морской раковины. Заходишь, а дальше постройка идет спиралью, сужаясь к центру. Мальчик оставил меня, почувствовав, что мне это нужно, и пошел вперед. И я начала это страшное приключение в человеческую боль. Я взяла маркер и поняла, что мне даже негде написать свое сообщение. Со всех сторон с фотографий смотрят люди, улыбаются… Неужели их всех уже нет? Свечи, чемоданы, цветы, детские игрушки… Две пары розовых ползунков с разными именами свисают с потолка. Столько слов, столько имен… До тебя как-то даже и не доходит до конца, что все это люди, которые отсюда ушли. Те, что еще здесь, гуляют по храму… Кто-то молча читает записи на стенах. Кто-то сложил ладони у лба и шевелит губами. Кто-то плачет. Пройти эту раковину до конца – то ли как пройти крестный ход, то ли как попасть в первый круг ада.

Я нахожу свободный кусочек и помещаю свое письмо в пробелы между словами других людей: «Я люблю тебя, дедушка. Не беспокойся, у бабушки все хорошо. Я о ней позабочусь».

Это было восьмое сентября. Год назад рано утром наш балашихинский телефон зазвонил, и нам сказали, что дедушки больше нет. Ты никогда не будешь готов к такому раскладу, но тогда нам, конечно, казалось, что мы были больше всех к нему не готовы. Даже когда бабушка сказала, что дед в реанимации, я не восприняла эту информацию как опасную. За несколько дней до этого я пришла к нему в больницу с огромным плюшевым слоном, которого мне на день рождения подарила Билли. У меня есть две большие игрушки, с которыми я сплю в обнимку. Медведь от папы и слон от Билли. В тот день я вернулась после очередного

приключения. Мы только закончили снимать кино в Мышкине, и я переезжала обратно в Балашиху. Мама мне с этим помогала – у нее была машина. Она остановилась у больницы, чтобы я взяла у бабушки ключи.

– Только давай ты деда навестишь потом, доча. У меня много дел. Просто возьми ключи и выходи.

Мама везла в машине мои вещи.

Когда я встретилась с бабушкой, она сказала, что дедушка очень ждал, что я зайду:

– Он своему соседу про тебя все время рассказывает. Описывает, где ты была, прямо с таким захлебом. Я даже не знаю, как ему сказать, что ты не поднимешься…

– Ладно, ба, побежали.

И вот мы бежим вдвоем по крылу больницы, которое я знаю слишком хорошо после своих тринадцати лет и подозрения на гастрит. Если ты попал в нашу «Пехру», не факт, что выйдешь живым. Моя мама ненавидит ждать и способна вытворить что угодно, вплоть до того, что может выкинуть мои шмотки на улицу и уехать. Я несусь, спрашивая у бабушки ориентиры. Она еле поспевает за мной. Запыхавшись, захожу к дедушке. Мой дедушка – ужасный скромняга. Он любит меня больше океана, а проявлять это стесняется. Я пользуюсь случаем, что он не может встать, и крепко его обнимаю. Он, как ребенок, показывает огромный синяк на руке от шприцев: мол, смотри, они меня обижают.

Последний кадр с дедушкой в моей памяти: я оглядываюсь на него уже в дверях. Он с улыбкой смотрит на соседа по койке, наклонив голову в умилении и обняв одной рукой слона.

Слон вернулся. Дедушка не совсем.

Начинает светать. Мы выходим из храма за руку и садимся у догорающих углей. Сонные бернеры собрались здесь встречать рассвет. Уставшие дети. Они вдоволь наигрались и теперь, перед тем как уйти спать, хотят поприветствовать солнце. Досмотреть титры к этому кино длиной в одну ночь. Кто-то рядом играет на укулеле. Все сидят обнявшись в большом кругу. Небо стало розовым у горизонта, а дальше голубым. Было холодно. Мы прижались друг к другу. Экстази начало отпускать. Мы были вымотаны. Он предложил переночевать у него в палатке. Я согласилась. Он обнимал меня всю ночь. Точно так же, как Дэниел. А с утра мы с ним попрощались.

Мы договорились встретиться еще раз вечером, но на место встречи я не пришла. Не знаю, пришел ли он. Но, кажется, так было лучше. Круг замкнулся. Я сказала «гудбай», которое мне было так нужно. И прошлая я в этот момент улетела белым голубем вверх.

На следующую ночь мы жгли храм. Семьдесят тысяч человек сели вокруг него в полной тишине. И деревянную конструкцию охватил огонь. Наверное, это было самое энергетически насыщенное событие, на котором мне доводилось быть. Вверх поднялись вихри желтых языков, каждый из них закручивался, стремясь подняться выше. Огонь творил что-то невероятное. Я никогда такого не видела. Как будто все духи и вся наша к ним любовь взмыли в небо гигантским столбом. Мы плакали и прощались. И это осознание, что ты не один кого-то потерял, что такую же боль испытывают тысячи людей рядом с тобой, освобождает от нее навсегда.

Начинался последний день, который я провела за помощью в свертывании лагеря Moon Cheese. Роб уехал домой без меня по моей же просьбе. Я хотела помочь ребятам и вернуть подаренное мне за эти дни добро с помощью положительной энергии. Неважно, кто именно мне его дарил. Я всегда могла «заплатить другому». Энергия ходит по кругу, как светлая, так и темная. Например, человека обижали в детстве, а расплачиваться за это будут те, кто свяжется с ним в юности. Или сделали тебе что-то хорошее, и ты так счастлив, что готов каждого обнимать и дарить другим свою энергию.

Мы убирали до самой ночи. Организаторы фестиваля очень и очень серьезно относятся к понятию «убрать за собой». Не должно остаться ни крупинки. Ни кусочка от фантика. Ничего. Если на территории лагеря найдут хоть что-то, на следующий год весь лагерь банят. Или банят вообще, в зависимости от степени ущерба пустыне. В середине дня кто-то притащил нам две скляночки с белым порошком. В одной был кокаин, в другой, по всей видимости, экстази. Кто-то их просто оставил. Дело в том, что полицейские проверяют машины на предмет наркотиков, только когда они уезжают с фестиваля. На сам фестиваль тащи сколько хочешь, никто и ухом не поведет. А вот на выходе они начинают облаву. Те, кто в курсе этого жестокого прикола, оставляют все, что не успели употребить, здесь. Экстази мы не рискнули пробовать (кто знает, что именно там намешано), а вот кокаин пошел на ура. Солнце жарило нещадно. Когда все наконец было доделано, мы запрыгнули в канистру для воды все вместе, голые, с банками холодного пива в руках. Это было высшей наградой. Самый веселый день – это день после праздника. Я всегда считала, что 1 января куда круче 31 декабря. День, когда всем уже плевать, как они выглядят, и ты с друзьями и похмельем, счастливый, доедаешь салаты и травишь дурацкие шутки.

Ребятам нужна была помощь по разгрузке вещей для лагеря.

Я вызвалась помочь и с этим. Взамен лагерь оплачивал нам ночь в отеле в Рино, втором самом известном после Вегаса городе-казино Америки. Когда мы зашли в отель, за нами по полу тянулся шлейф из песка. Волосы превратились в какую-то неудачную поделку из глины. Потому что каждый раз, как этот песок намокал, он превращался в натуральную глину. В итоге пришлось потом полоскать волосы в уксусе, чтобы грязь отвалилась. Короче, выглядели мы как лешие. Сложно было понять, чего мы хотели больше: есть или мыться. Я провела последние пять дней на трех кусочках хлеба и с влажными салфетками вместо мыла.

Передать не могу, что это такое: упасть на кровать в номере люкс после недели в пустыне. Мы с Уиллом сразу «отпраздновали» возвращение на мягких простынях кровати, а потом вместе побежали в душ и стонали под ним, как тюлени при спаривании. Кормили нас тоже за счет лагеря. Я заказала себе стейк. И огромный молочный коктейль. Кажется, это была лучшая еда в моей жизни.

Весь следующий день мы таскали из грузовика вещи и перекладывали их в гараж. Я почувствовала себя полноценным мексиканцем, который приехал в Америку на заработки. А поздно вечером я уже оказалась дома. Прощаться с Уиллом было невыносимо. Я вдруг вспомнила, что в путешествиях бывает и такое: встречаешь человека, рядом с которым счастлив, с которым вы четко на одной волне, и понимаешь, что еще сто лет бы с ним дружил. Но судьба распоряжается иначе. Завтра его ждал самолет в Австралию.

Прощай, Питер Пэн.

Машина уезжает. Я на пороге своего дома.

Захожу в темную комнату. Тишина давит на уши. Круг замкнулся.

Конец.

Глава 3
Роман с Пало-Альто

Заметка в дневнике:
10 сентября 2015

Незнакомая пожилая женщина в раздевалке, проходя мимо, как-то невероятно многозначительно, загадочно и ехидно улыбнулась мне, пристально посмотрев в глаза. Этот взгляд занял мгновение. Но мне вдруг представилось, что она моя крестная фея, которая знает, что будет впереди, но пока не может мне этого сказать.

* * *

Прошел месяц, как я вернулась с Бернинг Мэна. Я все так же живу преимущественно в Пало-Альто. По утрам плаваю в бассейне. Взяла абонемент за 30 долларов на месяц. Не так уж много. Завтракаю в «Whole Foods», пытаюсь писать, но вечно что-то происходит, и я просто не успеваю все записывать. Обзавелась красивым ретровелосипедом сиреневого цвета. Это как ретромашина, только велосипед. По мне, так многим даже лучше авто. Правда, на нем нет тормозов, и я периодически лезу под колеса машинам. Забрала его бесплатно с Бернинг Мэна. Знаешь, по сути, если захотеть, можно вернуть все деньги за билет, просто набрав в последний день великов, оставленных другими, и распродав их в городе. Люди оставляют тысячи велосипедов в лагере Bike Rental, бери, какой пожелаешь.

Меня умиляет простота жизни в Пало-Альто. Весь город, по сути, – маленькая деревня. По улице можно спокойно ехать на велосипеде – едва ли тебя задавит проезжающая раз в три минуты машина. В газетах за завтраком ты прочитаешь, у кого пропала собачка или сумочка, у кого украли велосипед. Где что происходит, у кого свадьба, у кого похороны. Все друг друга знают. Двери никто не запирает. Заборами никто не пользуется. При этом здесь живут создатели и работники Yahoo, Apple, Google и Facebook. На каждую улицу по миллионеру. Все эти шишки – сейчас мои соседи. Но здесь к этому относятся нормально. Все ведь из одной песочницы. Людям, которые здесь не работают, в Пало-Альто делать нечего, поэтому тут не Беверли-Хиллз, где забор вокруг каждого дома такой высокий, что даже крыши не видно.

Я жила в той же самой стэнфордской коммуне студентов, что и четыре года назад. Здесь такие штуки называют «коап», от слова «cooperation». Ужин готовим вместе, вместе убираем. Поем друг другу песни и читаем сказки на ночь. Каждый житель чем-то примечателен. Есть чему поучиться. В нашей коммуне около двадцати человек. Получается, я каким-то образом умудрилась окружить себя интересными людьми, каждый из которых стал деталью моего собственного пазла. Достаточно зайти к любому из них в комнату – и ты попадаешь в маленький мир этого человека. Разнообразие характеров заставляет меня чувствовать себя более живой. Сил на скучных людей уже совсем нет.

Раньше я взахлеб общалась с любым водителем, ловя попутки или просто в маршрутке. У меня было желание вдохновить каждого и сделать его день лучше. Но теперь я поняла, что огромного смысла в этом нет. Люди все равно живут так, как они сами хотят. И на данный момент я просто наслаждаюсь палитрой людских историй.

У меня интересные отношения с Робом. Все студенты относятся к нему немножко с опаской и благоговением. Неудивительно, ведь это его территория, и он решает, кому он сдаст место, а кому нет. А наша коммуна довольно популярна, и многие хотят здесь жить. Потому что на территории Стэнфорда хоть и здорово, но все-таки бывает утомительно: если ты и живешь и учишься в одном месте, то, получается, никогда его не покидаешь. Но для меня Роб – это не «лэндлорд», я ему не плачу и бояться мне его не надо. Студенты удивляются, как я с ним так задружилась и почему мы в таких хороших отношениях. Они просят меня рассказать, как выглядит его комната, и что он вообще любит, и какой он. А все на самом деле потому, что я давно просекла одну простую фишку: возраста не существует. Это иллюзия. Относись к каждому, как к самому себе. Будь проще. И все вокруг станет проще. Людям будет легко с тобой сходиться. Роб на самом деле просто кот. Вылитый кот в человеческом обличье. Собаки на него лают, а кошки его обожают. У нас вся территория заселена кошками. Роб – простой старый кот-одиночка. Он любит есть рыбу по утрам, гулять сам по себе и лазить по крышам. Мне плевать на его деньги и связи. Я ни черта не смыслю в технике. И пока для многих парней он пример для подражания, кладезь знаний и связей – для меня он просто кот, с которым я люблю играть на гитаре.

В его комнате всегда ужасный бардак. На нем грязные футболки, джинсы и кепка. Недавно в парке на фестивале я задружилась с одним парнем, и, устав рассказывать одну и ту же историю о том, кто я такая, откуда приехала и какой у меня план,

я просто выдала, что я бродяга и живу в лесу. Пришла на фестиваль просить денег. А одета нормально, потому что обокрала вчера секонд-хенд. Когда я прощалась с ним, снова встретившись с Робом, парень спросил меня:

– Это что твой друг? Он бомж? Так, значит, ты не шутила, ты правда бездомная?

– На самом деле, он миллионер.

– Ну да, конечно. Ты где ночуешь-то сегодня, бездомная?

– Роб отдал мне свой пентхаус в центре города. Я сегодня там.

– Понятно. Тебе, может, хоть еды купить?

Я улыбнулась и ушла, взяв Роба за руку.

Забавно, милый друг, мне стало так все равно, что думают люди. Пока у меня есть своя правда, я спокойно буду идти дальше вперед. И чужое мнение, хоть и может меня задеть, но никак не повлияет на мои действия. Наверное, только если мои друзья скажут мне: «Что ты, блядь, делаешь?». Я задумаюсь. У меня своя береговая охрана.

Может, перестать быть ранимой?.. Но, с другой стороны, какой тогда в этой жизни вообще смысл, если я не буду чувствовать?

На днях ко мне прилетел знакомый прямиком из столицы, Пашка Мастеров. Пашка был, пожалуй, самым испорченным Москвой человеком, с кем я была знакома. Он ходил на рейвы до утра, шарил в технике и во всех примочках XXI века, был начитанный, хорошо зарабатывал, спал с девушками не целуясь и часто был откровенно груб. Он был полной противоположностью мне, что, конечно же, меня привлекало. Он только что вернулся из Аргентины, куда поехал по моим наводкам. Мы стояли на кухне его квартиры в Москве, и, когда я показывала ему на карте, прикрепленной магнитами к холодильнику, куда ему стоит съездить, он без лишних слов и объяснений стал меня раздевать. Мы переспали один раз, после чего я боялась с ним общаться, потому что понимала, что ему это чисто по фану, а мне он действительно нравился. Но когда он попросил «на первое время» пожить со мной в одной коммуне, я не смогла отказать.

Паша проходил адаптацию неделю. Он дивился законам новых джунглей, раздавал всем конфетки и пытался перестать шугаться, когда кто-то хотел его обнять. Москва вымывалась из его крови постепенно.

– Когда я был в Аргентине, мы пришли в какой-то даже не то чтобы навороченный ресторан, а место, где ты выбираешь, из какой части говядины хочешь стейк, плюс гору гарниров и винчик взяли хороший… И вот сижу я в Аргентине и думаю: «Чем я это

заслужил?» Как, знаешь, будто я сидел на галере и все мы там гребем, пашем, а я вдруг соскочил.

– Так чувствуют себя все русские. Нам где-то на подкорке, видимо, вбивают, что мы должны страдать.

– Дело даже не в этом. Я был благодарен. Но кому? Работодателям? Уж точно нет. Каким-то высшим силам? Я стал думать, а во что я вообще верю. И тут до меня дошло, почему люди молятся перед едой. Они благодарны. Просто они не знают, кому еще эту благодарность высказать.

И сейчас я испытываю то же самое.

По случаю его приезда мы совершили ночью свой первый шпионский налет на мусорки Америки. Цель – любимый «Whole Foods», подобие нашей «Азбуки вкуса». Довольно дорогой магазин полезных продуктов. И, конечно, как я и ожидала, мы ушли с ящиком еды. 10 арбузов, гора фруктов, овощей и моего любимого гуакамоле. За день до этого я заранее прощупала почву, потрепавшись на испанском с мексиканским работником, и узнала, что в 22.30 они выносят все сделанные в магазине нераспроданные продукты на мусорку. Плюс килограммы фруктов, овощей, хлеба и всего-всего. Более того, работники магазина могут купить практически любой продукт за 25 центов. Мексиканец нарисовал мне автограф на коробочке гуакамоле, и я вынесла ее, заплатив всего 25 центов. После мы договорились, что, если я хочу, он может выносить мне что угодно и без росписи. Короче, Рома был прав. Быть бомжом в Америке – это халява.

Глава 4
AM times

Заметка в дневнике:

2 октября 2015

Ты так красив, что я не хотела сперва ни с кем тобой делиться. Это любовь с первого взгляда до последнего вздоха, малыш. Никто в мире не соприкасался с моей душой таким количеством граней. Нигде воздух не слаще, нигде цвета не ярче. Ни с кем не загадочней, нигде не волшебней. Я принадлежу тебе целиком и полностью, Сан-Франциско. Я люблю каждого твоего бомжа, каждую собаку, каждый голубой воротничок, каждую белую яхту в заливе. Ты нравишься мне во всех своих самых безумных заскоках, с твоей самой непредсказуемой погодой. Я никогда не знаю, что будет дальше, за углом. Но я доверяю тебе, как преданный пес. Потому что ты – мой город. Мой любимый город. И я твоя.

* * *

Я переехала к берегу океана, в дом своей мечты. Для Сан-Франциско, где жилье стоит непомерных денег, выбить себе аж целую комнату, да на первой береговой линии – это чудо в кубе. Один мужик, Питер, живет здесь только по выходным, и мой ангел-хранитель Роб, по совместительству хозяин этого дома, договорился с Питером, что в будни я буду жить в его комнате вместо него. Не знаю, сколько такая халява продлится, но я официально никогда не жила в доме лучше, чем этот. Он похож на замок. С винтовыми деревянными лестницами, практически античной мебелью, полным набором музыкальных инструментов, мольбертом, красками, кинопроектором и огромным экраном на всю стену.

Он достаточно большой, но не слишком, чтобы перестать быть уютным.

На столе всегда цветы, кухня как с картинки. С десяток сковородок, висящих на стене.

Выход на крышу, где стоят два столика и красивые винтажные стульчики.

У меня отличная комната. Раньше это был гараж, поэтому

пол тут неровный и окон нет, зато в полной темноте высыпаешься прекрасно. На втором этаже божественный вид на залив, располагающий к тому, чтобы писать. Слева – Голден Гейт Бридж, справа остров, на котором покоится давно распустивший своих заключенных «Алькатрас». Я могу весь день просидеть у этого окна, смотреть, как бегают по лужайке дети, проплывают огромные товарные корабли. Как останавливаются велосипедисты, чтобы сфотографировать вид, который перепал мне каким-то суперпризом бесплатно. Прошло всего три дня, как я переехала наконец во Фриско. И теперь я тихо проклинала себя, что не сделала этого раньше. Но, видимо, так должно было случиться.

Оказавшись в городе, я первым делом встретилась с двумя украинскими путешественницами, чей блог приметила уже давно. Он назывался «AM times». Аня и Маруся, дикие девки, которые не просто обколесили полмира, но еще и сделали это красиво. К моменту, когда я с ними встретилась, о них уже знала вся Украина. В 2013-м они стартовали из Киева, пошив себе желто-синие костюмы цветов флага Украины, и за полтора года обогнули весь земной шар. Аня писала сносящие все тексты, а Маруся делала сочные фотографии.

Как я и ожидала, уровень четкости каждой зашкаливал. Я еще ни разу не общалась с русскоговорящими путешественницами, так что для меня эта встреча была событием. Я сразу поняла, что у нас много общего. Им необломно переодеть купальник на пляже при всех – «ну, титьки, и что». Такой же живой интерес ко всему новому: «Вот собираюсь пару месяцев на конопляном поле поработать, траву на продажу собирать, нормально так платят». Готовность и, главное, способность выживать при любом раскладе: «Сейчас в Еврейской коммуне живем. Раз в неделю готовим им шаббатный ужин по всем канонам». Чувство юмора, сфера интересов… Все одного поля ягоды.

Аня, как и все хорошие писательницы, была довольно жесткой. Она была начитанной, серьезной, прямолинейной перфекционисткой с высокими требованиями к самой себе, и оттого к окружающим. Я, без сомнения, ее уважала, но немного побаивалась. Сразу можно было понять, что мы с ней не будем сидеть на крылечке и болтать о мальчиках. Все, что я знала о ее личной жизни, – это что «если у мужика нет дорогой тачки, квартиры, достойной работы и заработка», то зачем он вообще нужен? Маруся же была доброй, легкой на подъем и в общении девушкой. Когда девчонки вернулись в страну после их первого совместного приключения вокруг света, Аня раздавала интервью по всем каналам, а Маруся, наоборот, сторонилась таких

мероприятий. И, несмотря на то что я тоже пишу, сошлись мы больше с Марусей, чем с Аней. Она научила меня правильно обращаться с камерой и обрабатывать фотографии.

В выходные, когда мы впервые встретились, в городе проходил ежегодный БДСМ-фестиваль. Пока тысячи людей на Folsom Street хлестали друг друга плетками, играли с дилдо и бегали, как собаки, на поводках, мы с Пашей спокойненько себе гуляли по обрыву у Тихого океана и охотились на морских котиков и летучих мышей в пещерах.

Добрались до города мы уже под закат, когда всю садо-мазо ярмарку стали сворачивать. Я бежала к месту действия, как щенок, упустивший самую вкусную косточку в своей жизни. Когда я вижу свободных людей, мое сердце бьется чаще. Да что там – я просто люблю секс и все, что с ним связано. Нам навстречу, покидая место преступления, шли полуголые мужики и красотки в кожаных повязках с шипами, кляпами и всем причитающимся. Вдоль каждой улицы на входе в клубы тянулись бесконечные очереди желающих согреть голый зад за барной стойкой.

Аня и Маруся при всем параде уже зализывали свои раны в тайской кафешке неподалеку. Красные следы на их попах свидетельствовали о полном погружении в «атмосфэру» фестиваля.

Мы прогулялись до дома их друзей, понаблюдали на крыше, как меняет свои оттенки кровавая луна, закинулись вином для храбрости, а потом нас с Пашкой приодели так, что через пять минут мы уже ничем не отличались от проходящих мимо героев фантазий учителя из Саус-парка. Дойдя до первого клуба, мы, как полноценная мафия, снесли там все и вся. Мне кажется, этот клуб должен нам денег за такое зрелище… Я лично знала девчонок всего сутки, а мы уже танцевали втроем на одном шесте под аплодисменты мужчин на танцплощадке. Никто не найдет нас здесь. Потому что мы спрятаны в самом лучшем месте на свете… В здесь и сейчас.

И стуча каблуками кожаных сапог, которые я бы никогда не купила, подтягивая на попу платье из латекса, которое я бы никогда не надела, я чувствовала себя бесконечно свободной…

На следующий день мы с Марусей загорали голыми на крыше и болтали обо всем этом мире трэвел-блогинга.

– Первую статью мы написали в Бангкоке, когда ездили уже 2 месяца – запилили ее в украинский онлайн-журнал, и понеслось. В это время как раз началась революция, и на нас обратили внимание все СМИ. Мы-то делали костюмы яркими, чтобы нас видели на трассе… Но люди любят, когда у проекта есть какая-то фишка. Тебе тоже нужно какую-то фишку придумать, которая

будет отличать тебя от других.

– Какую, например?

– Ну, вот один чувак путешествует с маской медведя, другой с табуреткой…

Я задумалась. Со стулом под мышкой или в костюме я точно не буду путешествовать. Сила в правде. Буду рубить правду-матку.

Одна вещь никогда не изменится: людям нужно мясо. Посолить слезами, поперчить пикантными подробностями, и вуаля! Блюдо готово.

– Какие у тебя дальше планы? – спрашиваю я ее.

– Я думаю, что уже не вернусь домой. Да мне и некуда возвращаться. Отца уже нет в живых, мать снова вышла замуж, но с отчимом у нас нет никакого взаимопонимания… Я чувствовала себя лишней. У них есть свое представление о том, как я должна жить, и с моим оно не совпадает. Я даже не стала рассказывать родителям, что уехала. Они узнали о моем плане уже тогда, когда я была в Китае… У Ани, кстати, похожая история… Ее родители даже не знают, что она путешествует. Они думают, что она все это время работает в офисе.

– Как такое вообще возможно? А как же интернет, социальные сети?

– Они ими не пользуются.

– А телевизор? Вас же по телику показывали!

– Когда мы вернулись из кругосветки, нас должны были показать в новостях. Аня выяснила, во сколько это будет, пришла к родителям в подъезд и выбила пробки из щитка. Наше общество пока не воспринимает такие похождения по миру как что-то положительное. Народ сразу начинает тебя гнобить. Знаешь, сколько раз я услышала в свой адрес, что я шлюха? У меня была футболка, на ней было написано «travel, bitch». А потом кто-то сделал из нее мем, написал кучу дерьма и подписал это все как «путешествующая блядь». Мем разошелся на ура. Сначала я пыталась как-то разговаривать, объясняться, а потом поняла, что это просто зависть. И забила болт. Вместе с тем ведь я ощущала и благодарность. Когда мы проехали с презентацией проекта и лекциями по всей стране, ребята действительно стали выезжать за границу и писали нам об этом. Так когда ты уезжаешь?

– Когда придет зима.

– Ты ведь понимаешь, что ее здесь не бывает?..

Глава 5
Любовь и правда

Жизнь в дороге – это не только красивые фоточки, но и вечные поиски, попытки извернуться, найти, где спать и на что жрать. Маруся уехала на север в конопляные поля – собирать траву на вес. А я, накрасившись в магазине, с самым заговорщическим видом облокачиваюсь на десятую по счету стойку Фриско и спрашиваю протирающего стаканы бармена: «Could I work here for cash?»[77]

Потерпев неудачу в поиске работы, я шла домой, по-прежнему наслаждаясь городом, когда увидела мужичка с табличкой «Jesus loves you». Думаю, ничего себе, сколько акция работает – пять лет назад еще такие таблички видела… Мы улыбнулись друг другу. И я уже было прошла мимо, как тут меня осенило.

– Слушай, – говорю. – А давно ты здесь с табличкой?

– Десять лет уже как.

– И много вас таких?

– Я один.

– Погоди…

Я открываю альбом с фотками пятилетней давности из Калифорнии и нахожу его.

– Это ты?!

– Ха-ха, да, это я. Правда, куртка теперь у меня другая. И бороду сбрил.

– Это ведь правда ты! Вот это круто! То есть ты просто так стоишь здесь с табличкой?

– Шесть дней в неделю, да.

– И тебе кто-то платит?

– Нет-нет. Люди иногда предлагают, но я принципиально не беру денег, – сказал он с такой же невозмутимой улыбкой. – Я просто распространяю сообщение.

Я до сих пор помню свои чувства, когда увидела эту табличку пять лет назад. Я помню даже погоду того дня – было мерзко холодно. Так сильно мне врезалось в память это теплое ощущение, что кому-то есть до тебя дело. Сколько же миллионов таких же, согретых этим посланием на картонке, ходят по миру? А что хорошего сделали мы с тобой? Давай делать больше.

Глава 6
Мужчина в черном плаще

Привет, дружище.

У тебя вечер, а у меня «надцатая»[78] чашка свежезаваренного и гора вдохновения.

Иначе как чудом наличие такого вида и собственной комнаты в огромном доме на берегу старика Тихого я назвать не могу. И поверь мне, ни на секунду не воспринимаю это за данность. Пишу теперь по восемь часов в день, сама того не замечая. Чертово вдохновение, за которым я так безуспешно и отчаянно гонялась год по темным московским улицам, теперь прижало меня за горло к стенке и дает лишь мелкие передышки, когда я, как рыба, беспомощно шевелю губами.

Я встаю с постели и начинаю прыгать от бьющих во мне барабанными палочками чувств. Пальцы трясутся в припадке под джазовый бит прошлой ночи, и я пытаюсь с ними совладать, чтобы передать тебе хоть что-то.

У окна разворачивается 22-й автобус. Каждые полчаса он описывает мне приветственный круг и уходит обратно в город. Эта улица принадлежит только ему.

Когда город уходит в ночь, зажигает свои огни и отбрасывает по улицам разноцветные тени, я выхожу гулять. И, признаться, могу шататься так вечность. Мне дурно от того, с кем я теперь делю одни и те же названия улиц. Клянусь, они ходят со мной рядом. И Кэссиди[79], и Джекак[80], и Берроуз[81]… Я шагаю на холм в такт «Воплю», который только сам Гинзберг[82] способен правильно прочесть вслух. Строчки из произведений этих писателей бегут по мне, как пальцы по роялю, от «до» до «до» на каждом повороте.

Семь часов я описывала очередную историю, когда мне позвонил Дэниел и предложил прогуляться.

Дэниела я узнала через Аню и Марусю. За два месяца это был первый человек, разговор с которым меня заинтриговал. Мы сошлись. Расскажу о нем подробнее потом. Или не расскажу вообще. Ладно, давай так. Все, что тебе нужно знать для этой истории, – это то, что он всю жизнь был музыкантом, как и вся его семья, то есть пять братьев и отец. В Израиле про них даже сняли реалити-шоу. Я не поверила, пока своими глазами не увидела. Дэниел устал от шоу-бизнеса и популярности и сбежал в Штаты. Он был довольно скромным, жил в собственном мире, как и все творческие люди. Огромные глаза, кудрявые волосы.

Невысокий. В меру худой. Похож на Стича, если бы тот был человеком.

Я вышла на улицу в восемь вечера в ботинках соседки, которые были мне велики, но, знаешь, лучше, чем шлепки. Надела кофту Дэниела, чтобы ему ее отдать. Он оставил ее у меня в прошлый раз, когда мы виделись. Девочка какая-то сегодня написала: «Нет, Дарья, ну а все-таки, откуда деньги берете?» Какие деньги, милочка? Я давно похожу на бомжа.

Ботинки слетают. Ужасно тяжелые и мне велики, при этом каким-то образом они натирают мне пятки.

До Дэниела пешком час, он жил в самом центре. Так показала карта, но она не учитывает холмы.

– Выходи на Дивисадеро, пойдем навстречу друг другу.

– Дивисадеро такая же длинная, как Китайская стена?

За несколько дней до этого мы прочитали историю про Марину Абрамович и Улая, двух артистов-любовников, которые прошли всю Китайскую стену, чтобы встретиться посередине, обняться и попрощаться навсегда.

– Не знаю длину стены, но с улицей мы точно справимся.

Я прошла с Фильмор до Ломбард, запрыгнула в проезжающий пустой автобус, тот докинул меня до перекрестка. Я выбежала так же на ходу, не дав черному водителю в синей кепке шанса спросить у меня билет.

Я ждала этого свидания с городом битый месяц. Наконец-то я никому ничего не была должна. У меня была своя комната, свой ключ. Я могла вернуться, когда захочу, или не вернуться вообще. Я дала себе обещание, что не покину Фриско, пока не выучу наизусть каждую его улицу, пока не смогу, как пес, ориентироваться в городе по запахам, зная, куда повернуть и где чем поживиться.

Ни один город в Америке не остался настолько верен своему прошлому.

Вся улица Дивисадеро от океана к центру – это дорога вверх. Только на середине пути я вспомнила, что, спускаясь по Дивисадеро вниз на машине, можно узреть лучший вид на город. Понимаешь, во Фриско не нужно лезть на вышку за хорошим видом, достаточно просто найти правильный перекресток на солидном холме, чтобы с высоты птичьего полета разглядеть весь город и даже океан.

Луна светила как огромный прожектор на спортивной трибуне. Фриско ночью – это другой город. Его огни вызывают у меня наркотический экстаз. Это перемешанное зелье из всех психотропных веществ, которое попадает в тебя уколом в сердце через ребра. Меня колотит. Я задыхаюсь, забираясь ввысь, и пою:

«Луна, луна, луна… успокой меня…»

Мне нужен твой свет!
Напои меня, чем хочешь, но напои.
Я забытый связной в доме чужой любви.
Я потерял связь с миром, которого нет.

Сокровенная для меня песня. Я люблю ее как в оригинале Гребенщикова, так и в версии «Пятницы». Забираясь на гору, я пою вместе с Сансеем:

Я иду по льду последней реки, оба берега одинаково далеки.
Я не помню, как петь; у меня не осталось слов…

Обфотографировав каждый куст, каждое дерево и окно, я встретилась с Дэниелом.

Вот что такое свой человек. Шляпа на голове, стакан в одной руке, сигарета в другой. Нас объединяли весомая доля романтического отчаяния, зависимость от музыки и влюбленность в Сан-Франциско. Мы зашли в первый магазин на углу, и я выбрала бутылку вина по дизайну этикетки. Так меня научила соседка.

Глупо, конечно, считать, что такой метод работает, но, с другой стороны, какая разница, какой сорт винограда пить, когда на этикетке тень саксофониста на здании и слова «Save me, San Francisco».

Позвонила Маруся и сказала, что в пятницу неподалеку отсюда выступает «5’nizza», она у них будет работать фотографом и попытается выбить мне билет. Вот такие вот обманы пространства и времени. Выходит, я увижу один и тот же «Reunion» концерт дважды (я была на нем еще в Москве). И говори мне потом, что магия – это только в сказках. Может, они и «Луну» споют?

Дэниел отвесил мне довольно красивый комплимент, но я, конечно, не поверила. Склонность верить мужским словам у меня теперь, как ненужный организму аппендикс, вырезана. Помогает избежать опасных заболеваний вроде лапши на ушах.

– Между прочим, – говорит он спокойным, размеренным тоном, – я считаю нашу встречу свиданием. А я не ходил на свидания больше года.

Что в таких случаях говорить? Нечего.

Резинка от носков той же девочки, что одолжила ботинки, впивалась мне в пятки.

– Я тебя опозорю, если сяду на дороге снимать носки?

– Чтобы меня опозорить, понадобится намного больше этого.

– Насколько больше?

– Намного больше. Снимай.

Я решила, что, раз это свидание, я буду вести себя так, как на самом деле хочу. Буду искренней, делиться каждым своим впечатлением. Чтобы, если настоящая я ему не по вкусу, нам обоим сразу стало это понятно. И меня понесло. Я начала взахлеб описывать свои впечатления от каждого фонарного столба, рассуждать, придумывать, фантазировать… Одним словом, пороть чушь.

Моим 25-м по очереди восхищением была остановка:

– Нет, ты только посмотри на нее!

– Что с ней?

– Посмотри на этот свет. Вот идешь ты по темной улице один, не знаешь, куда забрел… Устал. И тут перед тобой в час ночи стоит она. Подсвеченная таким манящим красным. Горит даже карта. И ты спасен. Разве это не романтично?

– Ты под наркотиками? Если да, то это нечестно.

– А пальма! Откуда в центре такого европейского города взялась пальма? И эти цветы… И неповторимость каждого карниза. И каждый дом, как человек. Как персонаж книги, ничем не похож на следующего героя.

В какой-то момент я уселась на дорогу рядом с кошкой бомжа. Она была сиамской и вела себя довольно необычно для кошки. Наверное, необходимость зарабатывать деньги сделала из нее человека. На удивление, бомж отказался и от вина, и от сигарет.

Мы прошли Дивисадеро и свернули на старую добрую Хайт-стрит, а потом дошли и до пересечения с Эшбери. К этому моменту мои ноги так стерлись, что я решила идти босиком. А Дэниел решил, что «хочет почувствовать себя мужчиной» – потащить меня на своей спине. Не перевелись в Израиле джентльмены. На третий раз я согласилась.

Пока мы так перемещались по улице меж разноцветных граффити и сексуальных торчащих из окна, как в Новом Орлеане, женских ножек (вывеска такая), я не затыкаясь орала о том, как все прекрасно.

Мы заглядывали в витрины магазинов, наслаждаясь тем, что товары можно спокойно разглядеть без докучающих, как назойливые мухи, продавцов, без этой пластилиновой гримасы «Hi, how can I help you?».

Это не улыбка, нет, это оскал.

Мы разделили манекены на группы в зависимости от того,

какие песни они бы, на наш взгляд, пели, стоя в таких позах. Одна, например, подняв правую руку в воздух, как будто говорила: «If you like it then you should put a ring on it»[83].

Наконец мы дошли до любимого джазового бара Дэниела под названием «Клаб Делюкс». Сейчас никто бы не назвал свой бар таким именем, это звучало бы как-то нарочито вычурно. Все дело в том, что так называли это место пятьдесят лет назад. Здесь ты не расплатишься карточкой. Бармен разведет руками и укажет на огромную железную кассу 70-х годов. Маленькое помещение было освещено тускло-оранжевым светом. Внутри было около двадцати человек, не больше. Более американского местечка и не сыщешь.

– Что будете пить? – спросил бармен, вытирая руки о полотенце, заткнутое за пояс.

– «Писко Сауер» сможете сделать?

– Конечно! А тебе? – он посмотрел на Дэниела.

– А мне, пожалуйста… хм…

Бармен озорно кивнул моему товарищу и ушел делать коктейли.

– Я не поняла, что это было? Что ты заказал?

– О, ну понимаешь, я на самом деле наполовину инопланетянин. Он тоже. Вот мы друг друга и понимаем без вербального общения.

– Ну да, конечно.

– А как по-другому ты это объяснишь?

Передо мной, как по мановению волшебной палочки, появился коктейль.

– За что пьем? – спросил Дэниел, подняв свой стакан, оказавшийся в два раза больше моего, и посмотрев на меня своими огромными голубыми глазами.

– Пьем за любовь, за юность, за вечность, за то, чтобы никогда не умереть!

И тут заиграла музыка. Заиграл джаз. Тот самый, сносящий двери с петель. Тот джаз, что слушали Керуак, Кесседи и остальная шайка битников. И, может быть, даже в этом же баре. Мне показалось, что я перенеслась в 50-е. Поклясться могу, в этот момент все эти ребята из прошлого сидели рядом со мной.

Мы выбрали столик прямо на носу у всего оркестра. Любимый столик Дэниела.

– Боже мой, они прекрасны! Ты только посмотри на них! Вот этот женат, а барабанит ночью в полупустом баре. Что, интересно, его жена думает по этому поводу? – перевожу взгляд. – Контрабасист – нет. Похоже, он женат на своем инструменте. Приходит домой один, разогревает запеканку в микроволновке. Вот день и прошел. Гитаристу повезло больше всех, он со своей

гитарой не привязан ни к одному стилю музыки. Он здесь единственный, кому плевать, что играть. А эти, остальные ребята, они все заложники джаза…

Я прервалась.

В бар зашел высокий мужчина в черном плаще и шапке с острым козырьком. У него был очень загадочный вид – весь такой «черный ловелас». В моей голове прозвучала вступительная партия гармошки из песни Боба Дилана «Man in the Long Black Coat». Он прошел мимо нас, вежливо кивнул мне головой и сел за соседний столик. Я озадаченно проводила его жадным взглядом:

– А вот этот мужчина, он интереснее их всех.

– Чем?

Я не отрывала глаз. Положив шапку на столик, он скрестил ноги и стал одобрительно кивать в такт музыке, глядя на музыкантов с улыбкой.

– Знаешь, иногда смотришь на человека и видишь, что за ним стоит целая история. Огромный том интригующей книги. Он один из таких. Я не знаю, что там за книга, но уверена, что она очень интересна.

И тут этот мужчина снимает пальто, встает, берет в руки трубу и врубает соло. Поверх всей остальной мелодии. Музыканты тотчас подключаются, и весь этот джаз несется уже совсем в другом направлении. По сумасшедшему руслу опасной реки.

Весь остальной бар для меня исчезает. Мое тело как будто воспарило от старого кожаного дивана, всего на сантиметр, что было незаметно другим, но очевидно мне.

«Собери всю мозаику людей», – написал мне в блокноте мой друг Лис в последнюю ночь, когда мы с ним виделись.

За день до этого нам в последний раз удалось поговорить по душам, в Жуковском. На улице уже светлело. Мы сидели в запотевшей машине и обсуждали, как скучно нам стало жить. Когда судьба свела нас в мае 2012-го – мы сошлись на безудержном интересе к жизни и людям в частности. Прошло три с половиной года. И за это время типажей, которых мы не встречали, становилось все меньше и меньше.

– Любой человек, – говорит мне мой Лис, – это 23 процента Сережи, десять – Кирилла, двенадцать – Наты. Просто я уже нашел по ходу все единичные кирпичики, из которых можно любую личность собрать. Может, я встречу еще пару-тройку кирпичиков в другом человеке когда-нибудь… Но это как, знаешь, вот нашла ты песню. Обожаешь ее. Слушаешь, слушаешь. И наступает момент, когда ты понимаешь, что, наверное, еще пару раз ты ее послушаешь и на этом все.

Я прекрасно понимала, о чем он. Этот синдром давно поразил нас обоих.

Поэтому сейчас мои глаза горели. Вот он, новый кирпичик. Я смотрела на трубача, как смотрит обезумевший коллекционер бабочек на самый редкий экземпляр. У него уже висит на стене пустая рамка. У него готова булавка. И вот она, синекрылая, та самая, какой в его коллекции еще нет.

I must have it. Я замерла и больше не могла оторвать от него взгляд. Между тем музыканты исходили третьим потом, а те двадцать человек, что дошли до бара в вечер понедельника, уже отбили себе все ладони.

Мой неадекватный энтузиазм действовал на искушенного жизнью Дэниела так, как действует на взрослого игрушка детства, найденная случайно спустя столько лет в родительском шкафу.

– Как тебе удается так радоваться жизни? – с искренним восхищением спросил он.

– Как можно ей не радоваться?

– Когда будет перерыв, позову этого трубача покурить с нами травы на улице.

– Ты думаешь, он согласится?

– Почему нет?

Я стала, затаив дыхание, ждать перерыва. Доиграв очередной сет, один из музыкантов, с самой большой трубой и животом, вытирая пот со лба и снимая шляпу, сказал:

– Спасибо, ребятки! Ох, длинная же вышла ночка! А впереди не меньше! Так что, если у вас, ребятки, завалялся кокаин, поделитесь со стариками.

Зал засмеялся. Дэниел с заговорщическим видом наклонился к моему уху:

– Спорим, он не шутит?

– О, я не сомневаюсь.

И правда, когда мы выходили каждый из своего туалета, этот музыкант с улыбкой спросил:

– Do you have a blow?[84]

– Прости, друг. Были бы мы в Боливии, я бы тебя угостила.

Дэниел заговорил-таки с саксофонистом:

– Моя спутница очарована тобой, весь вечер глаз с тебя не спускает. Она думает, у тебя очень интересная история жизни. Даша, иди сюда, это Даррен.

Я чуть со стыда не сгорела. Почти подошла, но, перед тем как пожать музыканту руку, трижды обернулась вокруг своей оси, спрятав лицо в ладони.

– Даррен – это как Дарья, мое полное имя.

– Неужели? – спросил мужчина с улыбкой.

Ну вот, теперь он решил, что для меня это что-то значит.

Мы-таки вышли с ним вместе на улицу.

– Можем ли мы предложим Вам раскурить с нами эту трубку мира? – вежливо предлагает Дэниэл.

– А что там? – не менее вежливо отвечает Даррен.

– Трава и табак.

– О, нет, спасибо…

Ну вот, он, наверное, плохо о нас подумал…

– Спасибо, я не курю.

– Не курите траву?

– Не курю табак. Шесть лет назад бросил. У меня своя трава, не переживайте.

Он вытащил из кармана черного плаща деревянную трубку, зажег спичку и раскурил ее, пуская в небо дым.

– Попробуете моей?

Двух затяжек из его трубки хватило на то, чтобы дальше вся моя ночь была окутана непроглядным туманом. Видно именно столько и не хватало, чтоб моя планка восторга просто зашкалила, застряв там, где-то в небесах. И теперь это случилось. В ту ночь я не вернулась на землю. Помню кадр, что бросилась на шею к этому трубачу и, прислонившись к стенке, о чем-то с ним ворковала. Помню, что, когда мы уходили, какой-то черный парень у выхода окликнул меня комплиментом, и Дэниел решил, что стоит вернуться и завести с ним разговор. Его подруга взяла меня за руку и потащила за собой обратно в бар с фразой «Теперь ты моя девочка». Я пошла, как доверчивый ребенок за взрослым, не пытаясь понять, чего она хочет.

Следующий кадр – она ссорится со своей подругой на улице. Кажется, это ее девушка. Они лесбиянки? О-о-о да, точно лесбиянки.

Значит, слово «герл» имело определенный смысл… Вот как.

Такси. Двадцатка в ладони.

– Заедем в круглосуточный? – спрашиваю я водителя.

– Без проблем!

Дверь. Ключ. Дверь. Постель.

* * *

На следующий день мне написал трубач. Удивительно. Я была уверена, что произвела неизгладимое впечатление полной дуры. Пригласил меня, в самых культурных тонах и длинно изложенных мыслях, послушать его выступление, а затем прогуляться. По всему было понятно, что это свидание. Мне было

все так же интересно, и я согласилась.

Я надела платье, за что получила бесплатную поездку до центра города. Какой-то индус, увидев меня в темноте на остановке, проявил желание подвезти девушку. Расплатилась номером. Не ответила два раза. Больше не звонил.

Пока шла, коротенькие мексиканцы-зазывалы окликали меня комплиментами со всех сторон. Удивительно, но приятно. Так уж мы, женщины, устроены. Комплименты для нас, как для цветов вода. Мы тут же расцветаем.

В приподнятом настроении я вошла в бар. Мой загадочный трубач сидел за столиком с остальными музыкантами. Они ужинали перед выступлением.

Я не могла понять, что именно меня к нему расположило. Теперь, в более адекватном состоянии, пыталась проанализировать.

У него доброе лицо и уставшие глаза. Доброе лицо… Уставшие глаза… Господи, нет… Дима.

Вот в чем дело. Он напоминает мне мою первую любовь. Больной, больной мозг. Плохая, плохая голова.

Вот живешь ты, думаешь, что есть чувства, есть высшее… А все проще. На первого парня похож. Неужели я так и буду всю жизнь искать в других людях черты тех, кого любила?

Когда прошла по моей жизни та черта, что разграничила все рельсами на две стороны? С одной – те, кто был важен, с другой – те, кто на них похож? Я вспоминаю слова мамы: «Доча, я думаю, нам всем выделено определенное количество любви».

Может, моя доля уже закончилась и теперь я буду искать карикатуры на то, что было?

Нет. Нет.

Музыканты играют «The autumn leaves», по очереди исполняя соло на своих инструментах. То гитара, то контрабас, то труба, то сакс. Старые музыканты. Сколько в них романтики. Сколько всего надо было выдержать. Отдать душу музыке, не соблазнившись на деньги. Интересно, зачем этот закон природы? Музыкант – значит, бедность. Не считая исключений типа «Роллинг Стоунз».

Мой друг стоит в костюме, и на ногах его простые добрые кеды, походящие на «all star», но даже не они. Сказал мне, что весь день мечтал увидеть мои глаза. Интересно, костюм для меня или для заведения? Остальные без пиджаков и галстуков. Надеюсь, не для меня.

Они доигрывают. Получают какие-то гроши на чаевые. Мы уходим. Он надевает свой загадочный плащ, на который я, как девочка в поисках сказки, повелась. Хотя что там, рядом с ним я и есть девочка.

Мы едем в машине. Дешевой, маленькой, но машине.

– С кем ты живешь? – спрашиваю я, привыкшая к тому, что ни у кого тут нет квартиры.

– With my partner.

– Your partner?

– Да. Она танцовщица. Причем довольно знаменитая.

– А, понятно…

– Ну, ты вчера предлагала встречаться, пока ты здесь.

– Что?

– Ты сказала, что у тебя не может быть ничего серьезного и что мы можем встречаться пару месяцев.

– Я бы такого не сказала… – боже, неужели я так накурилась, что не помню этого?

– Значит, я тебя неправильно понял.

– Видимо, да.

Даррен объясняет мне, что находится в свободных отношениях со своей танцовщицей. Они вместе десять лет. Заводят короткие романы с другими, но возвращаются домой. Все честно, никто ничего не скрывает. Дружище… Знал бы ты, как мой мозг взрывает шаблоны каждый день, как в мультике, нажав на рычаг. Веревочка шипит, пуская искорки, до надписи «ДИНАМИТ» на красных свечках. Совершенно невозможно держать в своей башке понятия «хорошо» и «плохо», когда насмотришься на все разнообразие человеческих убеждений.

Но «nothing's gonna change my world»[85], и такой расклад меня не устроит.

Мы шли вдоль берега к мосту Голден Гейт… Все дороги ведут к мосту. Дойдя до пляжа, сняли обувь. Сонный залив приветствовал нас мягкими, тихими волнами, пряча и открывая большие камни, увязшие в песке. Горы были усыпаны маленькими золотыми огоньками как расшитое винтажное платье на какой-нибудь красотке времен Фицджеральда.

Господи, какие места пропадают зря. Вокруг совершенно никого нет.

На город опустился туман, и полная луна освещала весь берег приятным тусклым светом. Под мостом плывет красный кораблик и гудит куда-то в темноту. За мостом его уже станет не видно. Одинокий кораблик в густой ночи.

– У вас есть дети?

– Нет. Я не хочу детей. Да теперь мы и не можем их завести.

– Почему?

– Ей вырезали матку. Слишком большая была вероятность заболеть раком. Так сказали врачи. И мы не стали рисковать.

В моей голове это прозвучало ужасно, но, может, я просто

недопоняла его объяснение. Ведь все-таки английский не мой родной язык.

– Да нам и не до детей. Она настоящая рок-звезда балета. У нее своя школа. Она преподает.

– Больше не танцует?

– Нет. Но она путешествует по всему миру, ставит танцы в разных труппах. Я тоже на гастролях три месяца в году.

Мне стало интересно, как выглядит знаменитая танцовщица, что позволяет своему мужчине гулять под луной со мной.

– Это почти как я по времени. На три-четыре месяца раз в год я всегда куда-то уезжаю…

– Ну да. Только мне не удается, как тебе, посмотреть города. Отель, концерт, ужин, отель, самолет.

Даррен постелил на землю свой черный плащ, и мы сели. Интересно, о чем мечтают музыканты?

– Какая у тебя мечта, Даррен?

– Я каждый день живу своей мечтой.

– Ну, хорошо, а если бы в мире было возможно абсолютно все, то какой бы тогда была твоя мечта?

– Чтобы люди сделали серьезный шаг в эволюции и перестали вести себя как козлы. Хотя на это может потребоваться много времени.

– Ничего себе, как самоотреченно.

– А у тебя?

– Если бы все на свете было возможно?

– Да.

– О-о-о! Ну, я бы начала с того, что завела бы себе огромного пегаса. С розовой гривой и большущими крыльями. Я бы на нем летала по миру. Он был бы моим лучшим другом и жил бы вечно.

– Это жестоко. Ты ведь умрешь. А он что, будет по тебе страдать?

– Это верно. Я об этом не подумала. Ну, тогда чтобы он умер со мной в один день. А еще я хочу возвращаться в любой момент прошлого. Как в свое собственное тело, так и туда, где меня никогда не было. Чтобы я могла творить, что хочу, без влияния на настоящее.

– Ты потрясающая девочка, Даша.

– Перестань, – я помолчала с минуту. – Я не умею принимать комплименты.

– А стоило бы.

Мне вдруг стало грустно. Я вспомнила, что его кто-то любит и ждет дома. А меня нет.

Он достал трубу и стал играть мою любимую песню «Moonriver». Красивый музыкант, босиком, в галстуке и пиджаке,

на фоне Золотых Ворот играет на золотой трубе. И только мы с луной тому свидетели. Эта картина застыла в моих глазах почтовой открыткой в закоулках моей памяти с подписью «из Сан-Франциско с любовью». Наверное, это была самая красивая тоска в моей жизни. По человеческому одиночеству. Ведь ни один человек не станет учить «Moonriver» Генри Манчини, если он не одинок.

На следующий день я написала свою самую любимую заметку:

22 октября 2015

Что бы ни происходило, по количеству испытываемых эмоций все ничтожно в сравнении с влюбленностью. Живи ты в особняке или выгляди как король. Будь у тебя хоть миллионы бабок и все красоты мира. Ничто не может быть интереснее, чем просто еще один человек. Чем другие руки и голос. Чем мысли, слова…

В час ночи Паша довез меня на машине до дома и высадил прямо у океана. Впереди горели огни Голден Гейт Бриджа, справа загадочно мигал зеленым маяк, отражаясь длинным лучом по заливу и вселяя надежду. За маяком лишь маленькими огоньками далеких окон выдавали себя горы. На город опускался его полноправный хозяин – туман, укладываясь пышными подушками на крыши домов и укутывая в себя мост. Это самое красивое место на свете, что я способна представить.

Сердце сердца моего.

Я вышла из машины в новом платье до пола, как у Дженни из «Форреста Гампа». Я жила теперь в доме за несколько миллионов долларов, прямо на набережной. С его крыши жена Аль Капоне смотрела на «Алькатрас» днями и ночами, тоскуя по своему мужу. Это единственный оставшийся кирпичный дом из всех на береговой линии. Старше моего прадеда, с тремя этажами, скрипящей винтовой лестницей из дуба и цветной стеклянной мозаикой в окне. Дом с видом на океан и открытой крышей, где горят разноцветные огоньки и где кованный из железа столик как бы приглашает тебя сесть и насладиться всей этой красотой вместе. Корабли затихли и пришвартовались к берегу, морские котики, фыркая, уснули на причале, прижавшись друг к другу спинами… Город затих.

И будь я сейчас с кем-то тем самым, вечным, меня охватило бы сладкое, запоминающееся на всю жизнь счастье! Мы бегали бы по этой лужайке у дома, пока не промокнут кеды, кидали бы камушки в залив («Сколько раз твой отскочил? Пять?»). Гадали бы, что же там внутри маяка и управляет ли им влюбленный в море бородатый старик или заплутавший студент, которому плевать на всю эту ерунду, он просто подрабатывает, чтобы оплатить общагу, ест свой засохший бублик, закинув ноги на стол, и читает учебник. Мы взяли бы в прокат самую дешевую тачку и катались по мосту туда-обратно, не платя за въезд. Или дошли бы пешком до середины, прикидывая, откуда удобнее всего сброситься. Каждую вторую неделю очередной суицидник сигает с Голден Гейт вниз, как охотящаяся птица. Мы запугали бы сотни сонных чаек под мостом, потом залезли бы на гору с другой стороны – наблюдать, как постепенно гаснут огни этого удивительного города художников и поэтов. Считали бы созвездия, придумывая свои собственные, читали бы вслух стихи, забывая половину слов, играли в прятки в кромешной темноте, зажгли бы бенгальские огни, танцевали и пили залпом сухое красное, чтобы согреться…

Машина уехала.

Я стояла одна на пустой улице, освещенной прозаичным оранжевым в свободной для разговоров и криков тишине. Только я и Сан-Франциско. Я кинула быстрый взгляд на лучший в мире мост, рядом с которым мечтают оказаться миллионы, укуталась сильнее в свой перуанский свитер с ламами, перешла пустую дорогу и захлопнула за собой тяжелую винтажную дверь. Мне было все равно.

* * *

Дописав это, я легла спать. И, пока я спала, кто-то на небе в срочном порядке обработал мою «заявку» и устроил своей любимой девочке бал длиной в восемнадцать часов. Бал по имени…

Глава 7
Никита Демин

«В какой-то момент ты понимаешь, что ты – это не грустная история, ты жив. И ты стоишь и смотришь на огни и на все вокруг, что заставляет тебя удивляться, и ты слушаешь эту песню и едешь по дороге с людьми, которых любишь больше всего на свете. И в этот момент, клянусь, мы бесконечны».

Стивен Чбоски

О Никите я узнала год назад, так же как и тысяч двадцать человек. Когда он поругался посередине кругосветного путешествия со своей девушкой, и пышная история, вдаваться в подробности которой я сейчас не хочу, разбежалась по соцсетям, федеральным каналам и страничкам каждого, кому только было не лень. Как говорят мои друзья: «Скандальчики, интрижки, позорище».

Пытаясь набраться опыта ведения блога, я зашла в его блог под названием «Goodbye Normals». Так называется и моя любимая короткометражка о маленьком мальчике, который решает уехать в путешествие. На тот момент Никита был в дороге уже три года, не заезжая при этом домой. Люди знали его в первую очередь по сериалу, который он снимал о своих приключениях в странах, где они с девушкой были в течение своего трипа. Но писал он тоже очень даже здорово. Я полистала его группу и увидела слова «Now in USA». Я не знала, стоит ли писать, подозревая, сколько народу строчит ему сообщения каждый день. Когда к тебе такое внимание, становишься грубым. Я не хотела разочароваться.

Но решила – ладно, что терять.

«Здарова, пацан. Пишет тебе твой будущий друг. Ты дальше на север? Черканешь, когда будешь в Сан-Франциско?»

К моему удивлению, он ответил:

«Йоу. Черкану, как буду. Будущий друг».

Мы встретились у фонтана на Маркет-стрит, в самом центре города. Я только выбежала из студенческой парикмахерской, где на мне тренировались добрых пять часов. Только парикмахера-студента я и могла себе позволить, ведь за те четыре года, что

меня тут не было, Сан-Франциско изменился. Единственное, что здесь теперь дешево, – это ходить. Все хиппи переехали в Беркли, музыканты, художники и писатели – в Окленд. Во Фриско остались только айтишники и богатая богема в красивых шляпах, дорогих рубашках и дизайнерских очках.

И вот навстречу мне идет Никита. Такой, каким было бы логично его представить. Борода, тяжелые сережки в ушах, татухи, кепка, черепа на кофте. Потертый рюкзак. Скейта под мышкой только не хватало.

– Привет.

– Привет, я Даша.

– Я Никита. Идем мутить у негров траву.

– Погоди, щас воды куплю – и куда угодно.

Мы заходим в магазин и удаляемся в километровые просторы потребительской Америки.

– Я о тебе ничего не знаю, кроме того, что волосы у тебя розовые, – говорит он, оглядываясь на меня с улыбкой.

– Волосы у меня розовые с сегодняшнего дня, так что даже это сложно считать за факт. Заселян тебе передал привет!

Я действительно переписывалась на днях с Максимом и сказала, что хочу встретиться с Никитой. В прошлом году Максим путешествовал по Америке с Ханной, той самой бывшей девушкой Никиты. Вместе Ханна и Никита проехали всю Азию и Африку и спустя два с половиной года после начала пути расстались в Бразилии. Никита продолжил путешествовать по Южной Америке, а Ханна переехала жить в Майами, где получала политическое убежище – один из самых естественных и в то же время извращенных способов остаться, потому что при подаче документов на политубежище ты в течение херовой тучи лет не имеешь права покидать Америку.

– Оу! Заселян! Ну это уже о чем-то говорит.

– В общем, я такая же, как ты. Тоже пишу и путешествую. Только я все это время делала это чисто для себя, и у меня нет 60 тысяч подписчиков.

– Мне иногда тоже хочется, чтобы у меня их не было…

На полке с водой ищу негазированную.

– Вот, блин, нигде не написано… Нет бы, «con gas» и «sin gas».

– Ты тоже из испаноговорящих? Что, в Испании была?

– Была, но говорю не поэтому. В Южной Америке выживала. Там либо учи испанский, либо умри.

Спрашиваю у кассирши, без газа ли вода. Нигде не написано.

– Да, эта без газа, – кивает мне мило китаяночка.

Выходим из магаза, открываю бутылку, та шипит.

– Никогда не верь китайцам.

– Вот теперь ты ее можешь засудить.

– Да? Так ты дела решаешь?

– Конечно. У меня даже корочка есть.

– И что я получу? Свои 88 центов обратно?

Ну все, они сами виноваты. Возвращаюсь, меняю свою открытую бутылку на клубничную воду – та хоть поприятнее, раз без газа нет, и выношу из магазина мимо кассы. Никто не обращает внимания. В детстве я постоянно воровала, это у меня в крови. Всё потому, что в одной из прошлых жизней я была вором бриллиантов в Европе, но об этом я узнаю позже. Спустя время жизнь стала наказывать меня за воровство и тем самым отучать от дурной привычки. Теперь я воровала крайне редко, хоть руки иногда и чесались.

– А ты откуда, Никит?

– Из Москвы.

– Из Москвы?! Ну, наконец-то. А то все интересные путешественники то из Беларуси, то с Украины.

– С Беларуси? Я даже знаю, наверное, о ком ты говоришь. О Роме Свечникове?

– Да.

– Ты, кстати, тоже неплохо пишешь. Путешествуют-то уже, знаешь, до фига. А вот материал подать красиво умеет не каждый.

– Ты меня читал? Ничего себе. Спасибо. Да, на тебе мой круг всех путешественников, кто мне был интересен и с кем я еще лично не была знакома, практически замкнулся. Так когда ты уезжаешь?

– Завтра билет в Корею.

– Завтра? Ты что, издеваешься?

– Это не я, блядь, издеваюсь, а надо мной издеваются. У меня были грандиозные планы с Аляской, но пришлось от них отказаться.

Он рассказывает мне всю историю про закон, наручники, ругань с ментами на границе и прочую безысходность. Суть в том, что ему не продлили визу, которой он не успел даже ни разу воспользоваться, и она заканчивалась 1 ноября.

– Почему мы вообще идем покупать траву? Это какое-то унижение.

– В смысле?

– В смысле тут все угощают. Зачем ее покупать?

– Ну, у тебя есть кто может угостить в данный момент?..

Я задумываюсь, откуда вокруг меня практически каждый день трава берется сама по себе, и понимаю, что конкретного источника я назвать не могу.

– Это у тебя, Даш, сиськи и задница есть, а я мужик. Мне

самому искать приходится.

Спрашиваем курящих на углу парней, где здесь продают траву. На перекрестке, который нам посоветовали, стоит куча негров. Один быстро выделяется из толпы и активно шагает нам навстречу, чтобы первым перехватить клиентов. Я по привычке пытаюсь взять любое дело на себя:

– Сбивай цену, он щас развести будет пытаться.

– Не, у них здесь постоянная. 25 баксов за 2 грамма.

Пацан второй день в городе, а уже места и цены знает. Вот он, набитый опытом профессионализм.

Негр достает из пакета три веточки.

– Что-то как-то маловато, мэн. В прошлый раз было больше…

– Ну давай на весах, базару нет…

Достает из-за пазухи весы.

– 2,5, парень. Я тебе больше чем надо отвесил.

– Ну тогда ладно, чувак, нас все устраивает. Спасибо.

– Ладно. Ты уезжаешь завтра. Это значит только одно.

– Что?

– Что сегодня мы должны успеть все. Сколько у нас есть времени?

– Самолет завтра днем.

– Значит, всю ночь мы можем тусить?

– Значит, можем.

Я рассказываю Никите про дом, в котором сейчас живу, мы решаем поехать туда, прихватив с собой его другана Антоху, у которого он вписывался в Окленде. Нужно было встретить его в другом конце города, и мы отправились в путь.

– Зовешь меня в свой дом… Не боишься?

– Чего?

– Что я тебя изобью, как говорят в новостях? – говорит он с желчью и досадой.

– А ты что, собираешься?

– Конечно. У меня с собой как раз кастет в рюкзаке лежит. Люблю бить женщин. И детей.

– Потому что ты красавчик?

– «Потому что я сильней. И они не могут сдачи дать мне». Ямочки у тебя классные.

– Спасибо. Это чтобы все думали, что я хорошая.

– Работает?

– Безотказно.

Мы перетерли особенности жизни в нескольких странах. Наверное, так выглядит светская беседа любых путешественников, которым друг о друге ничего еще толком неизвестно. Но вскоре мы закрыли эту глупую дележку

информацией о местах на планете Земля и ушли куда-то дальше.

– В тебе еще остался юношеский максимализм? – спрашивает он меня, закурив красные «Мальборо».

– О, это интересный вопрос. Я бы сказала, что да. Я уже давно словила некий «дзен» и стерла все грани «плохо» и «хорошо». Но иногда, знаешь, хочется все-таки побыть дурой, высказать свое радикальное «фу». Упрямо так, не слушая доводов. По-максималистски сказать, например, что все азиаты – идиоты. И я понимаю, что это неправильно. Но мне нравится. Иначе всем таким просветленным становится скучно жить. Весело же иногда по-детски заявить, что это – говно, а вы – придурки.

– Ты знаешь, была у меня… Хотя ладно. Ты не поймешь.

– Да перестань. Давай уже.

– Короче, вчера был ровно год, как Ханна опубликовала свой пост, где заявила, что я ее избивал. На это слетелись все массмедиа. Им же как раз такая грязь и нужна, чтобы все сочно было, весь этот салат под соусом чужой неудачи. И вот одна работница «Москвы 24» слепила про нас репортаж, специально вырезав все так, чтобы под ее слова клеилось. Мол, «смотрите на этих ребят, они вам заливали, что их жизнь прекрасна, а на самом деле вон там какой пиздец». Так вот, мне тогда впервые в жизни захотелось убить. Только не в шутку, понимаешь, а серьезно. Убить за эту ложь.

– Репортершу? Топором в подъезде?

– Нет-нет. Этого было бы мало. Я хотел, чтобы она страдала.

– Да ладно тебе. Неужели там такой прям размах был? Это же всего лишь телик. Кто его смотрит вообще?

– Ну, я не знаю, что для тебя большой размах, но за один день мою группу посетило 120 тысяч человек. Сама представляешь, какие мне приходили письма. Мне, знаешь ли, хватило. Друг еще один сказал: «Да ладно, чувак, зато распиарили тебя…» Нахуй мне такой пиар… Я в тот день, наверное, раз десять мылся. Просто выходил из душа и заходил обратно. Хотелось всю грязь, которой меня полили, с себя смыть. Но мне все опять казалось, что я в ней.

За следующий час общения я понимаю, что тону во всепоглощающем кайфе простоты общения. Встретились два одиночества. Странно становится от мысли, что мы могли друг друга не знать.

– Ты знаешь, куда мы идем?

– Нам в ту сторону.

– Ты же даже не проверял, – по привычке достаю из кармана телефон и открываю карту.

– Расслабься. Видишь, нам сюда. Значит, мы идем в

правильном направлении. Сворачивать еще рано.

Он улыбается и тыкает мне пальцем в ямочку. Я в кои-то веки начинаю чувствовать себя просто девочкой, а не матерой «спроси ее, как жить» бабой. Стемнело быстро. На одной из улиц гусеницами вдоль стены разлеглись укутанные в одеяла бомжи.

– Знаешь, что меня поражает… Ты была на Venice Beach?

– Конечно.

– Видела, как там ночью вся улица бомжами покрывается? И воняет от них – пиздец. В то время как…

– …рядом океан.

– Да нет, круче!

– Душ.

– Душ! Ну пойди ты, помойся! Мне кажется, дай московскому бомжу все, что есть у этих ребят…

– …и он человеком станет.

– Да! Глядишь, работу найдет и заживет прилично. Почему они так воняют, Даш? Почему они не моются?

– Потому что они не трахаются. Им плевать. Никита, уж ты-то должен знать, на чем строится мир.

– То есть остальные моются, чтобы потрахаться?

– Ну да. Кто захочет стоять с тобой рядом, когда ты воняешь? А им плевать. Хотя, может, они даже и трахаются, но с такими же грязными женщинами.

Вот и поворот. Мы свернули с Маркет-стрит, чуть-чуть не дойдя до морского вокзала с часовой башней.

– Смотри, как дорога блестит. Как снежная.

– Да-а. Я это уже давно приметила! Тут всё очень красиво. Все тени, огни… Это мой любимый город.

– Знаешь, вообще я не люблю города. Мне бы дикую природу, это мое. В Африке я просто кайфовал. Но Сан-Франциско – первый город, про который я могу сказать, что он не испортил, а украсил планету. Что планета с ним лучше.

– Да, это самый красивый город. Он маленький, и при этом в нём есть абсолютно все. А еще он самый экологичный, кстати. Никто так не зациклен на экологии, как они. Я уже забыла, что такое одна мусорка подо всё на свете.

– А этот колорит людей. Даже в одном вагоне. Вот этот с усами длинными, этот в разноцветных шмотках, а тут мужичок на работу в пиджаке едет.

– Да, тут никто никого не судит. Причем не потому, что так сказали. А правда, по-настоящему, искренне. Любое проявление себя только поощряется.

– Да, в России за половину таких шмоток крикнут: «Ты че вырядился?»

– «Это у тебя что, свитер розовый?»

– «Чё, пидор, что ли?»

Мы перебежали дорогу. Уже было видно остановку, куда приедет его приятель.

– Слушай… Погоди… Если следовать твоей логике про бомжей, получается, ты только что покрасила волосы в розовый, чтобы быть привлекательной и тем самым меня трахнуть?

– Ха-ха! Ну, это вообще нелогично. Во-первых, если бы я хотела тебя трахнуть, и так бы это сделала. Во-вторых, красить волосы было бы тогда риском. А вдруг тебе не понравится? Вдруг ты кардинально против розовых волос? И получается, я на корню запорю все свои шансы! Нет, это было бы слишком рисково.

– Ну да, верно. Тогда зачем ты их красишь?

– Я крашу волосы для себя. Но это все тоже можно с Фрейдом связать. Чтобы хотеть кого-то, нужно, чтобы ты сначала хотел себя, правильно? Значит, я должна самой себе нравиться.

– Логично.

– Где твой друг?

– По ходу еще не приехал. А ты деваха ничего так, я погляжу, – довольный оценочный взгляд.

– Взаимно. Ты тоже деваха ничего.

Мы сели на лавочку на остановке. Я уставилась на его ногу. На ней была строчка с двумя буквами и множеством цифр.

– Что за номер?

– Попробуй угадать. Но никто еще угадать не смог, – он улыбается и закидывает ногу на ногу.

– Это рандомная хуйня?

– Ну, нет, это было бы слишком.

– SU. Soviet Union?

– Ха-ха. Нет.

– Я где-то видела это SU… Причем много раз видела.

– Навряд ли. Эти буквы ничего не значат.

– Номер астероида?

– Нет.

– Точка на карте?

– Нет.

– Предмет.

– М-м-м… Да.

– Он существует?

– Ну, как сказать. Если скажу «да», я тебя запутаю.

– От этого предмета есть какая-то польза?

– Уже нет.

– Номер билета на самолет!

– Да ладно. Как ты угадала?

– Я же говорю, я видела это SU. А это что за татуха? Карта? Где вторая половина? – на его запястье красовалась половина карты мира. Но на втором запястье она не продолжалась.

– На другом человеке.

– Как все серьезно. Хоть имени на попе не набил?

– Дерзкая ты…

– Извини. Да-а, слушай, а я думала, что это у меня плохо отношения закончились.

– Хорошо ничего не заканчивается.

Мы встретили его друга и прошли пешком от Окленд Бэй Бриджа до Голден Гейта. Вышла немаленькая прогулка. В ту ночь над городом висела огромная желтая луна. Наверное, самая большая, что я когда-либо видела, – мне удалось перехватить ее на горизонте океана, пока она еще не поднялась и не побелела. Мы остановились у моста, Никита достал фотоаппарат и поставил его на деревянный столб от пристани. И пока он фотографировал луну, я фотографировала его. У меня появилось странное забытое чувство, что рядом со мной человек, с которым просто хорошо. Пустые колодцы моей души мгновенно стали наполняться, и только в момент этого наполнения я заметила, насколько они были пусты раньше.

Он оторвался от луны и стал снимать меня, пока я рассказывала, где здесь можно втихаря пописать, если приспичило. Мы прошли мимо памятника Ганди, на котором написаны его слова «My life is a massage», и спустя два часа пёху заплутали где-то на морской пристани, среди складов, под светом единственного фонаря.

– Ты говоришь, что живешь в доме, где жила жена Аль Капоне, да?

– Да я все придумала.

– Антоха, это подстава. Она нас к своим браткам черным ведет. А у меня зеркалка в рюкзаке. Блять, я знал, что это все слишком красиво звучит.

– Есть телефон с камерой позвонить, ребят?

Мы зашли в супермаркет, закупились и пришли домой. Я схватилась за вино, Никита – за курицу, Антон – за траву. Никита честно пытался поделиться со мной едой. Хороший. Затем мы поиграли в футбол под «Кровосток» – наверное, я была последняя из России, кто не знает этой группы, – затем скрутили три косяка и высадились с гитарой на крышу.

В такие моменты мне кажется, что все это не со мной. Что это какой-то фильм. Как? Как? Два московских родных пацана, крыша у океана в Сан-Франциско… Любимые песни… Как? Я почувствовала себя Золушкой. Это был мой личный бал. И я

поверить не могла, что вместе с этой ночью ему суждено закончиться.

– Нужен медиатор, – говорит Никита.

– Прости, дружище, медиаторов нет, – отвечаю я. – Как сказал мой друг-музыкант из Харькова: «Я против презервативов и медиаторов. Это не по-настоящему».

– А что делать, если я против презервативов и за медиаторы?

Мы спустились вдвоем вниз, обшарили все полки и гитары. Но ничего не нашли.

– Ладно. Нужны ножницы.

Я не заметила, когда он их успел отыскать. Увидела только результат. Золотой треугольник из его карточки «Сбербанка». Как это символично. Мы остались в моей подвальной комнате наедине, и я почувствовала, что меня тянет к нему как магнитом. Я буквально останавливала свое тело, чтобы не кинуться на него, прижавшись сердцем к сердцу.

Мы махнулись паспортами, уселись и стали изучать. Смешно. Как будто договорились. Мы собрали полные паспорта виз, но общих штампов практически не было. Как коллекции фишек с покемонами. У обоих разные. Осталось только взять «биту»[86] и разбить эти горы – бумажные доказательства пережитого, пропитанные чернилами и морской солью. Смешно, когда встречаешь кого-то важного и перевариваешь, кто что делал в прошлом в одни и те же дни. Кажется, встретил ты человека и он для тебя пустая страница. Но позади уже сотни историй, которые ты пропустил.

Мы посидели еще какое-то время, разговаривая друг с другом о том, что с нами сделала дорога, и в завершение он сказал:

– Ты вообще осознаешь, как сложно нам друг друга понимать? Да мы с тобой на самом деле вообще не словами общаемся. Слова не имеют такого значения. Вот я пытаюсь подобрать буквы, чтобы описать свои мысли, и уже 20 процентов того, что я чувствую, теряется. Ты слышишь, что я сказал, но воспринимаешь информацию по-своему. Это еще 30 процентов минус. И что остается?

В конце концов мы пошли спать. Его друг лег на диване, а мы – на моей большой кровати. Лечь-то мы легли, но уснуть было просто невозможно. Меня накрывали эмоции. Представь, встречаешь ты себя. Себя другого пола, с другим телом, другими татухами, шрамами, историями… Но это ты. Материнская плата моего мозга плавилась.

Я повернулась к нему спиной, мы легли как «ложечки», и он меня обнял. В комнате была кромешная темнота. Из-за того, что это бывший гараж, в нем было прохладно и сыро. Меня буквально

било изнутри током, но я не посмела бы показать это Никите и вместо этого притворилась спящей, когда услышала тихое:

– Ну, ты же не думаешь, что я так усну?

Я никому не смогу привести этот довод как доказательство, но из того, как нежно и аккуратно он прикасался ко мне, было очевидно, что этот парень может быть опасен разве только самому себе. В момент, когда я испугалась, что мы можем быть не связаны и что мне все это кажется, он спросил меня: «Тебе хорошо?» Так просто… «Тебе хорошо?» Почему никто другой так не делает?

В шесть утра мы на ощупь нашли нашу одежду, сели на каменный порог дома и закурили одну сигарету на двоих. Было еще темно, но народ уже вышел на пробежку.

– Люди? Серьёзно? – он засмеялся. – Куда можно идти в шесть утра? Куда ты идёшь, мужик?!

– Здесь все спортсмены.

– Блин, чтоб я так рано встал – это должен быть очень особенный день или очень большая оплата.

Через два часа его здесь не будет. А этот вид на Голден Гейт только успел стать красивым… Мы оба чувствовали неизбежность скоротечности этого мгновения, но не стали об этом говорить. Мы уже достаточно раз прощались с другими, чтобы выучить: проще всего расходиться легко, будто увидитесь завтра, а подолгу обниматься с щенячьими глазами и говорить все то, что люди всегда говорят друг другу в одном предложении со словом «гудбай». Он спросил меня:

– Что ты делаешь, когда тебе грустно?

– Грущу по-красивому. Под полной луной и с красивым аккомпанементом. Ведь если тебе грустно – тебе все равно грустно. Так что грустить надо красиво, раз уж так!

– Интересный ответ. Я, наверное, теперь тоже поучусь грустить красиво. А что бы ты хотела, чтобы было, когда умрешь?

– Я хотела бы молочный коктейль. А потом стать дельфином.

– Дельфином? А потом?

– Не знаю. Выйти из круга Сансары, наверное.

– И тогда что?

– Раствориться, исчезнуть. Что там делают, когда уже могут всё?

– Ты мне скажи…

– Ну а ты что?

– Я хочу, чтоб после смерти меня ждала белая комната. Там огромный, бесконечный бар и гора лучшей в мире травы. И ничего, кроме дивана и стола. А на столе огромная стопка дисков, где записана вся моя жизнь. И проигрыватель. Буду сидеть, бухать

и смотреть, перекручивать любимые моменты. Потому что многое там стоит того, чтобы пересмотреть.

– У меня такая же мечта. Буду очень расстроена, если мне такой расклад не предложат. Если бы могла записать, что видят мои глаза, записать чувства, не пришлось бы писать. Жизнь круче фильмов.

– Смотря какая жизнь. Моя и твоя наверняка.

Он положил голову себе на колени.

– Ладно. Пойдём спать, – говорю я. – Два часа осталось.

– Это мудрое решение.

Так мы отпраздновали вместе его тысячный день путешествий. И он улетел.

* * *

На следующий день меня начинают раздражать все американцы. Как они связки свои мучают, пытаясь придавать голосу какую-то идиотскую хрипоту. Как несмазанная дверь. Кто-то, видимо, решил, что так круче. И пошли. Племянники Дональда Дака. У вас же рты, а не клювы. Телефон в поезде не ловит интернет – нет музыки, и мне приходится слушать их разговор. Уровень тупости написан на лицах. Он вдруг становится очевидным. Взращенные в теплице помидоры. Вылизанные, ничего не знающие о жизни, не выглядывающие из своей зоны комфорта, своей маленькой коробки. И мне с ними как-то жить.

Я смотрю в запотевшее окно и вспоминаю момент из фильма, когда глупая молоденькая девочка пытается уговорить взрослого мужика с ней остаться и в припадке отчаяния говорит:

– Ну давай хотя бы просто будем трахаться!

Мужик выходит из подъезда, нервно закуривает сигарету и говорит себе под нос гениальное:

– Да о чем с тобой трахаться?

Эта встреча понесла за собой страшные последствия, о которых я тогда и не подозревала.

Никита со мной произошёл. Со мной редко, кто происходит.

Глава 8
Первая популярность и первый друг

Слава – это толстая сеньора, которая не спит с тобой, но, когда просыпаешься, она стоит у постели и смотрит.

Габриэль Гарсиа Маркес

Даша:

вчера честно оттосковала по тебе весь день. Такой прям моральный состык. Жалко, хоть бы недельку еще. Мы бы с тобой взорвали этот город. Anyways, I hope you're fine и что все у тебя пойдет по маслу

Никита:

моральный состык был бесспорно. Может, и хорошо, что только один день, а то и правда взорвали бы город нахер

тут холодно пиздец. у мня пальцы каменеют. Ну, ты видишь это по моему правписанию. и с травой засада, у них тут жестко, неважно даже, героин или трава… все запрещено, и никто не курит

никто, все в ахуе, когда я спрашиваю, где можно вымутить

как будто я органы пытаюсь купить

На следующий день я пошла праздновать Хэллоуин в городе. Улицы были забиты людьми. Подобно карнавалу в Рио-де-Жанейро толпа неслась одним бесконечным потоком. Я придумала себе костюм под названием «красивый кошмар», который мне очень нравился. Точнее, мне нравилось отвечать, что я – красивый кошмар.

Гуляя в потоке толпы, я подружилась с Капитаном Америкой, который был под экстази. Уже не помню, что именно меня так огорчило, но каким-то образом тот меня обидел, а потом всё извинялся и повторял, что он не это имел в виду, но было поздно, настроение было испорчено, и я сбежала с праздника. Я сидела одна на пустом футбольном поле и лила слезы, когда мой телефон вдруг засветился словами «новое упоминание». В «Goodbye Normals» появляется новый пост:

«Помню, несколько дней назад один чувак меня спросил, мол, тысяча дней в пути как-никак, как будешь праздновать-то? И вот уже в тысячный раз я отвечаю, что без понятия, уверенный на все сто, что вариант найдется сам. И ведь нашелся, черт возьми! Им стал бывший дом жены Аль Капоне с видом на Алькатрас и

дико скрипучими ступенями. Даша вообще умеет раскрасить жизнь в яркие тона! Это как мне, к примеру, никогда не составляло труда найти неприятности на жопу. Ей же жизненный драйв подается немного под другим соусом – более сладким, хоть и не менее острым…»

Я пробегаю весь текст глазами, вскакиваю с искусственной травы и, переполненная счастьем, бегу по площадке… Этот прекрасный момент, когда ты еще не знаешь наверняка, понравился ли ты человеку, который понравился тебе, и наконец узнаешь. За сутки в мою группу пришла тысяча человек. И шестеренки внимания публики закрутились с новой скоростью.

2 ноября

Даша:

как ты там? жив?

Никита:

все путем. 9-го, думаю, полечу или поплыву во Владик

тут накопилось всякого блогостафа

сижу фотки делаю

Даша:

о, у меня тоже. три истории сразу добить пытаюсь, сил нет, оттусила на Хэллоуин, наконец в Америке, как мечтала, все это было, как карнавал в Рио, только ночью. Чума какая-то. Это дурацкое чувство эйфории от недосыпа

Никита:

крутец, в Корее тоже любят Хэллоуин. Им это не идет, но любят

Даша:

ВСЕ, НИКИТА. ядрена мать. Я запилила сайт

господи, даже выпить не с кем

Никита:

не надо. у тебя там хоть какой-то народ. у меня корейцы и трусливый бразилец напротив, который всего на свете боится, сидит смотрит передачу о Корее: ну типа одну из тех передач о стране)

Ты видела, я начал делать список всех блогеров-путешественников?

у меня сейчас такая база данных скопилась…

как зовут, где и все такое

чувствую себя кгбшником

Даша:

в гулаг всех!!! в гулаг тварей!

за, как его…

как там в СССР говорили?

***Никита**:*

я там 1 год прожил. еще сам не говорил))

***Даша**:*

за что? не безделие, а… блин, статья была по законодательству

***Никита**:*

тунеядство

***Даша**:*

да! тунеядцы! всех в камеру!

***Никита**:*

писать в СССР тоже не самое безопасное дело

***Даша**:*

это да

расскажешь, что ты замутить собрался?

или ты сам не придумал?

***Никита**:*

хочу сделать самый полный список этих самых тунеядцев с фильтром, разумеется, а то всякие там писали, сама понимаешь) а потом на карту их всех нанести, чтобы все ахуели, как мы все разбрелись по планете типа того, соус для этого всего только надо придумать. а так в целом идея такова

типа прямо сейчас все вот эти люди кто здесь, кто там, и на карте можно посмотреть

думаю, как сотня наберется, так сделаю. «Тревел сотня» – звучит, не? там реально кто где, всю планету почти покрывают

в основном, правда, все в Азии, скучно даже

не знаю, че тут все так зависают. Латинская Америка и уж Африка-то точно куда интереснее

и еще надо фильтровать путешественников от милых парочек фрилансеров, которые зависли на Пхукете)

короче сижу, изучаю профили, копаю под каждого, навожу справки)

и да. написал: укажи в сообщении страну, населенный пункт, а в теме сообщения «никита лох». Из 120 полученных сообщений только 4 человека смогли это сделать. один типок мне вообще историю всей своей жизни на 2 листах А4 изложил

короче все, я пошел продолжать

***Даша**:*

4 из 120 – это и правда круто

***Никита**:*

я однажды осознал, Даш. Раньше все, кто делал большие вещи в этом мире, были для меня просто взрослыми опытными дядями и

тетями, чем-то почти недостижимым, чем-то другого уровня. Но сейчас-то, Даш, мы крутим этот шарик: мы пишем книги, мы строим небоскребы, мы пишем песни, которые потом в трудные времена спасают… наше поколение начинает рулить. и это хорошо, у меня к поколению наших родителей сплошные претензии…

Даша:

знаешь, так смешно, через какой пиздец мы оба прошли. Я посмотрела это видео, где ты отвечаешь на вопросы всех на свете по поводу вашего расставания, сидя на полу хостела. Ахуевший, и прониклась к тебе уважением. потому что я прочувствовала это, я поняла.

Никита:

я заебался уже по клаве стучать, давай созвонимся?

Даша:

ха, я такая пьяная и несчастная

на грани разрыдаться. Не уверена, что оно тебе надо это видеть

Никита:

не беда

в этом мире должны быть люди, которых не стесняешься. Иначе пиздец

я не уговариваю

это зона твоего комфорта

не, это ТВОЯ зона комфорта

как от перестановки слов все меняется

или не меняется, не пойму, черт, странное предложение

знаешь, это как «чайник долго НЕ закипает» и «чайник долго закипает» – одно и то же

русский вообще вынос мозга. кажется, в нем МОЖНО ВСЕ!!!!

Даша:

ха-ха! ну все, перестань))))

давай скайп

Никита:

аллилуйя

goodbye. normals

Даша:

даже скайп официальный

ну пиздец

Я не имела тенденции держать связь с людьми, которых встретила в дороге. Но тут что-то пошло не так. Мы стали переписываться, созваниваться… В кои-то веки мы оба нашли для себя человека, который нас понимает. Это было так ценно и дорого, что останавливаться было нелогично. И постепенно

звонки стали длиться часами, а короткие сообщения превратились в настоящие письма. С того момента многие мои посты стали адресоваться «доброму другу». Им и был Никита.

Даша:

дома дубак

согрей добрым словом

Никита:

я могу согреть тебя тем, что ровно через 5 дней мне будет пиздец. что означает, что твои проблемы с холодом меркнут

помогло?

Даша:

опачки! ну все! бум, второй юбилей, две тысячи

вообще нет, неужели ты думал, что поможет?)

Никита:

обычно людям становится легче, когда они узнают, что кому-то хуже, чем им

11-го буду в Москве

Даша:

ты же понимаешь, что «обычно людям» это не ко мне. 11 ноября?

Никита:

ноября

через 5 дней

собираю все что есть в кулак, Даш

причем обстановка, в которую я приеду, будет далека от позитивной

Даша:

да. это серьезный шаг

и это всегда пиздец

все будет хорошо

мама с папой, думай о них

Никита:

это самые бесполезные три слова, что люди когда-либо говорили

все будет хорошо

о них думаю, из-за них и лечу, от этого и грустно, и весело, и тошно. Они единственные, кто делает меня несвободным на этой планете. Это дико звучит, знаю

Даша:

в них огромный смысл. Хотя бы потому что это чистое вранье:) но искренняя поддержка, отчаянное желание заставить тебя верить в то, чего ты сам не знаешь наверняка… это так по-родительски

это вообще не дико звучит

Никита:

это большой разговор, Даш

слишком большой

как-нибудь потом

а сейчас пойду че-нить руками поделаю

это мне всегда помогает

Даша:

давай, а я буду две тысячи вырисовывать на картинке

свой маленький праздник. Такое ощущение, что сижу одна с тортом и одной одинокой свечкой и тихо ее задуваю

happiness is only real when shared

Никита:

не совсем согласен, и вообще я не верю в универсальность поговорок и им подобных фраз: иногда работает, иногда нет

я бывал ахуенно счастлив один, и не нужен был никто вокруг. уверен, у тебя тоже такое было

а бывает да, хочется повернуть так голову, посмотреть в глаза и сказать: «заебись же, да?»

Даша:

вот считай, что сейчас я посмотрела тебе в глаза

Никита:

я так и понял)

Даша:

заебись же, да?

Никита:

давно так заебись не было

Даша:

Блять… я прочувствовала то, о чем ты говорил. Теперь такая же болезнь. Люди – идиоты. Выложили мое видео в бродягах… Комментарии в рамку ставить просто. Чуваки даже видео не посмотрели и набросились как собаки. Ладно. Ом. Дзен. Колбаса.

Знаешь, каждое утро, просыпаясь, последнее время вспоминаю фразу Маркеса: «Слава – это толстая сеньора, которая не спит с тобой, но, когда просыпаешься, она стоит у постели и смотрит». У меня теперь точно такое же беспокойное чувство каждое утро, что на меня смотрят… Только глаза открою – а в почте по десять огромных писем с благодарностью. И другие – с кучей рандомных идиотских вопросов. Откуда деньги берешь? А как визу получила? А что в рюкзак положить? «Тревелишь?» Что это вообще за слово такое?

И мое любимое: «Даша, скажи, а как ты БРОСИЛА ВСЕ?» Сижу вот и думаю, что же я, интересно, бросала…

Никита:

они и дальше будут писать… Вот поэтому я решил закрыть

личку вообще. А насчет комментариев я так делаю: представляю, что я, как воздух, прозрачный, бестелесный, легкий и все их слова, упреки и прочее пролетают просто сквозь меня не задерживаясь, просто сквозь, как пули бы пролетали через облако. Облаку ж похуй

я вчера нашел чувака нашей породы, Даш, он прямо свой, Степа зовут, из Узбекистана. У нас с ним дни рождения в один день, думаю к нему пригнать в декабре в гости. Он просто написал мне по поводу этого поста. Я говорю: ты ни страну, ни город не указал. Он такой: ну блин я лох. Потом говорит: можем пару вопросов перетереть. И мы с ним 4 часа пропиздели. Помнишь, как у нас с тобой было, когда понимаешь с полуслова, не надо объяснять ничего, все ясно, одна волна, одно направление мысли, одна порода. Мы должны найти нас по всему миру, Даш, прямо вот таких. Он сказал, что Маша с Аней такие же один в один, ты тоже подтвердила, что они крутые. План: найти своих и переехать всем в Уругвай!! че скажешь? откроем какое-нибудь доброе местечко, я буду бургеры готовить. Сделаем че-нить полезное типа хипповского приюта для детей, назовем его хоть «можно все». Короче, в этом направлении) че скажешь?

***Даша**:*

Скажу я так рада, что ты появился

***Никита**:*

Сотка человек в списке

ты понимаешь, что когда 3 года назад я искал «конкурентов» в сети, был лишь Кротов да Конюхов. Мы реально подрываем людей. Ладно, кури, я продолжу пока делать по списку, это будет большая работенка) всех людей сделать точками на карте

***Даша**:*

Такой ты хороший

***Никита**:*

весь в тебя

Никита сделал то, что задумал. Я тоже кинула клич в группе, и вместе мы собрали список из 121 блога. Я честно изучила их всех и с удивлением поняла, что во всем этом огромном списке мне были интересны все те же пять-семь человек.

Глава 9
Так себе блогер

помни, что ни чужой войны, ни дурной молвы,
ни злой немочи, ненасытной, будто волчица,
ничего страшнее тюрьмы твоей головы
никогда с тобой не случится.

Вера Полозкова

На неделю мы уезжали с Пашей путешествовать по национальному парку Йосемити, на озеро Тахо и в город-призрак неподалеку. Мы умывались в магазинах заправок и спали в одежде, что вызывало у меня дикий восторг. Природа – лучший, совершенно безвозмездно отданный нам подарок. Здесь, среди бесконечных вод, скал, деревьев и пения птиц, где нет постоянного места людям, здесь и есть тот самый таинственный и открывающийся каждому по-своему дом. Он охватил меня своей мощью, забрал лишнее. Сдул ветром, смыл ледяной водой… Поставил обратно на ноги, подтолкнул со спины с безграничной любовью и отправил в путь.

Ночью мы катались по пустому шоссе, по очереди высовываясь в окно, точнее, стоя в полный рост, опрокинув голову вверх, наплевав на леденящий лицо и руки воздух, орали в пустоту, восхищаясь самыми яркими на свете звездами. Вечером заходили погреться в буфеты, где брали покрытые воском стаканчики и разливали туда бутылку самого дешевого вина, запрятанную в багажнике нашей машины. И сидели так до полуночи, пока мужичок не начинал ставить стулья на столы.

В это время Никита добрался наконец до России:

***Никита**:*

Рашка – это пиздец, Даш. уже в аэропорту, пока ждал рейс у гейта с русскими, на меня показывали пальцем и обсуждали. во Владике просто стремно блять выходить на улицу. в бар вчера с девкой, которая меня вписала, зашли, там бычара пьяный попытался ко мне с предъявой за ирокез обратиться. у окна стою сейчас курю. на дороге две тачки останавливаются бибикают начинаются русские рамсы типа «ты бля меня не пропустил, ебало разобью». в магазе здороваюсь с продавщицей, она на меня посмотрела, как на хуйню какую-то, типа, мол, живется тебе

хорошо, что ли, что такое настроение хорошее)) короче, пиздос. гуляли вечером. останавливается тип на тачке, говорит, ребят, вас подвезти? и так смотрит, что мы сразу поняли, куда нас везти собираются и что потом будут делать. снег, холод, ветер продувает, везде лед на дорогах, я раз 70 чуть не наебнулся. все черные, серые, мрачные, без улыбок, просто, сука, выживают здесь. я не мог не поделиться, Даш. это самая ужасная страна, где я был в жизни. Гаити – хуйня. там солнце хотя бы и народ улыбается, несмотря на все дерьмо. но здесь, Даш, здесь выживают, а не живут. у всех лица озлобленные, уставшие, заебанные. Пиздец, Даш! Пиздец! Выговорился

Даша:

Друг Паша задал прекрасный вопрос: «Слушай, а зачем он вообще в Россию поехал?» Я подумала, что ты сейчас тоже задаешься этим вопросом.

Никита:

у меня были свои причины

прямо как у Иисуса когда-то

Через пару дней мы добрались до города-призрака Боди, в который я давно мечтала попасть.

Город находился в центре пустыни посередине ничего. Вокруг ни души. Мы подъехали к старому деревянному шлагбауму и, пытаясь его объехать, застряли в грязи. Чтобы вытащить машину, нам пришлось насобирать палок и подложить их под колесо. И вот, когда нам наконец удалось вылезти, к нам подъехали копы. Выяснилось, что эти палки – наследие Америки, и мы только что совершили уголовное преступление, и заодно нарушили еще пять каких-то законов. Нам дали пять минут, чтобы хоть что-то сфотографировать, и погнали в шею.

На фоне этого и множества непохожестей наших характеров и взглядов мы с Пашей поссорились. Я обижалась на него за все сразу. Обижалась, что он заигрывал с Аней Морозовой, пока я играла им на гитаре песенки, обижалась, что он кинул меня одну, когда мы переели шоколадок с травой, и я проснулась в чужой комнате, не помня, как там оказалась. Я обижалась на все его естество. И когда он не сфотографировал меня в городе-призраке моей мечты, да еще и прикрикнул – для меня это было последней каплей. Мы молча ехали в машине, и я плакала, как ребенок. А потом поняла, насколько глупо испытывать боль от того, что кто-то просто другой.

* * *

Запись в блоге:

14 декабря 2015

Каждому требуется свое время, чтобы осознать даже самые элементарные жизненные истины. Еще больше нужно, чтобы наконец их принять. Одна из них только что в очередной раз до меня снизошла, и я спешу ей поделиться, пока опять не забыла. Я хочу сказать о понятии «я обиделся». Что это значит? На самом-то деле, если посудить, это значит, что другой человек не оправдал твои ожидания, поступил не так, как тебе бы хотелось. Ведь правильно? И возникает тогда вопрос: а с х*я ли он должен поступать, как хочешь ты? Грубит тебе кто-то, и ты сразу внутри съежился, думаешь: «А че это?», «Что я тебе сделал?», «Почему я тебе не нравлюсь?» Так вот в девяноста процентах ситуаций, дружище, ты здесь вообще ни при чем. Откуда ты знаешь, что происходит в башке другого человека? Может, его в детстве били, может, его девка на днях кинула и сердце бедному раскромсала, может, он в себе не уверен, может, у него просто плохой день. Но вместо того, чтобы подумать об этом, мы предпочитаем сразу принять все на личный счет. Да нет никакого личного счета. В следующий раз, когда кто-нибудь тебя заденет, и ты уже решишь обидеться, вспомни об этих словах. И забей.

* * *

Когда мы добрались до Тахо, у нас больше не было сил спать в машине, и мы решили зайти в бар и выбить себе вписку.

* * *

Запись в блоге:

25 ноября 2015

Все великие и главные дела в Америке решаются в барах. Здесь можно найти все. Ночлег, работу, шлюху, врача, Бога, смысл жизни на дне стакана. Хочешь один дельный совет? В любой непонятной ситуации иди в бар.

* * *

Найти ночлег команде из мальчика и девочки не так-то просто. Все будут думать, что вы просто ищете, где на халяву потрахаться (что было не нашим случаем). Поэтому мы разработали план. Первым в дело шел Паша. Он обладал удивительной способностью располагать к себе людей. Так за пятнадцать минут он легко забратанился с первым попавшимся парнем. Пока они обменивались любезностями, допивая по первому стакану пива, я ждала своей очереди «выйти на сцену».

Никита к тому моменту уже три дня как был в Москве.

Даша:

Сижу в старом американском баре. Щеки горят от высоты или черт знает от чего. Тут играет самая настоящая кантри-классика, со всеми ключевыми словами кантри-песен, т. е. wasted, home. country, road, whiskey и так далее. Я все так же проживаю лучшие дни своей жизни. Была сегодня в городе-призраке, в который мечтала попасть несколько лет. И на секунду промелькнула мысль: сколько бы всего мы наснимали, будь ты здесь. Столько кор. Город-то потрясающий. Тебя там еще не убили, дружок?

Никита:

приятно знать, что у тебя там все тепло и светло, я в мск. третий день. Пока одни крайности в голове, то в жар, то в холод бросает, то вижу как все постарели, то понимаю, что для них как будто трех лет и не проходило – все те же. То белое, то черное, не могу найти полутонов пока, но одно радует: кровосток выиграли суд, и больше они не вне закона.

Паша подает знак, и в кадре появляюсь вся такая веселая и «она просто моя подруга, между нами никогда ничего не было» я. Через полчаса мы уже курили отличную марихуану в доме этого пацана и слушали «Пинк Флойд» на разложенном для нас диване в гостиной, а на следующий день отправились вместе купаться в ледяном озере Тахо. Вместо того чтобы писать, я впервые попробовала заснять свое путешествие на камеру, и конечно же, никогда ничего из этого не смонтировала. Все-таки видео – это совсем не мой способ подачи информации. Самого главного глазами не увидать.

Глава 10
«Hello, friend»

Если путешествие – искусство, то путешествие вдвоем – это полный импрессионизм, от которого я всегда по воле случая или судьбы была далека. Все пять лет в дороге я старалась избегать парочек. Они путешествуют не столько по странам, сколько друг по другу. У них уже есть общее приключение, в котором ты – лишь прохожий. Но те двое, написавшие мне в начале ноября, что хотят встретиться в Сан-Франциско, явно стоили внимания. Их звали Леся и Виталик, и они вели свой блог под названием «Hello, friend». Это были простые ребята с Урала, химический технолог и психолог по профессиям, которые в какой-то момент просто подписали документы об увольнении, поженились и ринулись в путь. К моменту, когда мы встретились, они были в дороге больше года и проехали почти всю Европу, Азию и Африку с бюджетом 5 долларов в день, включая бензин. Готовили они преимущественно на костре и всем вписками предпочитали старую добрую палатку.

На место встречи ребята притащили пакет честно стыренных в полях апельсинов и гранатов. Русские с пустыми руками не приходят. Я же сразу потащила их в сердце города – на Хэйт и Эшбери. Перекресток хипарей. Хиппи здесь уже, правда, давно ничем не отличаются от бомжей. Прогулявшись и выведав друг о друге все базовые вещи, мы уселись поболтать с бездомными подростками на улице. Виталик где-то откопал огромные телефонные справочники и подложил их нам под попы, чтобы мы не мерзли. Пока парень по кличке Галактика полчаса крутил косяк и кормил свою кошку кислотой, положив ей марку на нос (до сих пор не знаю, относиться к этому как к проявлению заботы или как к издевательству над животными), девятнадцатилетняя девочка дикой красоты, одетая в огромную пуховую куртку, шапку-ушанку и разноцветные легинсы, рассказывала нам об их «лайфстайле». Ребята ночевали прямо в парке в кустах, мылись в душевой при теннисном корте неподалеку и тратили почти все заработанные деньги на алкоголь и ЛСД. В рассказе о своей самостоятельной и наполненной романтикой жизни она упомянула, что работала в полях на севере Калифорнии, чтобы вложиться в «семейный» бюджет своей бездомной коммуны. Она стригла траву на вес и заработала четыре тысячи долларов за полтора месяца. Я сразу же выведала из нее все, что смогла насчет этой работы. Сложив всю информацию, выходило, что есть

целые поселения, выращивающие марихуану плантациями, и, если удастся вселить в них доверие, тебя возьмут работать, дадут жилье и еду. Кодовое слово было Humboldt. Однако сезон заканчивался в декабре… Сама она как раз только что оттуда вернулась.

Времени думать не было. На тот момент в моем кармане оставалась последняя сотка. Леся и Виталик собирались ехать дальше на север, а значит, им было по пути. К тому же идея подзаработать их тоже прельщала. Через пару дней мы собрали шмотки, запрыгнули в машину и поехали в никуда, надеясь на удачу.

Работа на конопляных полях начинается с поиска, на который легко может уйти два месяца. Никто не даст тебе никаких координат конкретнее, чем округ Гумбольдт. Нужно просто шататься по городу и искать, где нужны работники. Поздно вечером мы доехали до первого городка, похожего на то место, что мы искали.

Ребята высадили меня первой, как засланного казачка, на улице с барами. Погода опять мгновенно сменилась. Изо рта пар. Мой тоненький семидолларовый плащ из секонда был здесь неуместен примерно так же, как девочка-подросток на свинг-вечеринке. Сказать, что обстановка здесь отличалась – не сказать ничего. Бомжи, хипари, половина под чем-то. Пацаны на улице, проходя мимо, отдают друг другу «пять» кулаками и ладонями в определенной последовательности. В ледяном воздухе замешан дым травы. В одном мы не ошиблись. Половина народу здесь действительно работает в конопляных полях. Грязные, накуренные, с мозгами набекрень. Охота началась. Заговорила с курящими на улице детками, но ничего, кроме косяка, они мне не предложили. Один, менее мутный, перехватил меня и повел в бар. Находясь при этом на измене, он переспрашивал меня, не коп ли я и кто вообще такая.

– Что будешь пить?

– У меня с собой нет паспорта…

Но здесь он никому не нужен. Он вручил мне стакан с виски, как билет в этот темный мир.

Я пропадала в баре уже больше получаса. Леся вылезла из машины и пошла посмотреть, как у меня дела. Не дойдя до меня, ее перехватила девка, похожая на юного Квазимодо, чье тело прошло какую-то загадочную трансформацию, в разноцветной вязаной панамке на немытой голове. Леся с трудом разговаривала на английском, но все же они заговорили про траву, и в момент, когда я подошла, эта девочка, уставившись на Лесю дикими выпяченными глазами, говорила:

– Мужики здесь делают больше девушек. А знаешь почему? Потому что им плевать. А девочки каждый кустик пытаются срезать аккуратно… С любовью… Но ты так не делай! Не трать на один пучок больше десяти секунд. Когда будешь резать, думай о деньгах… Думай о деньгах и режь!

Последние слова прозвучали как лозунг. Проведя там несколько часов и выведав все, что было возможно, мы вышли из бара с чувством, что измазались в грязи. Я слишком стара для этого дерьма. Тот мутный парень предложил нам ночлег, но столько раз переспросил, не грабанем ли мы его, что мы забили и уснули в тачке, в обнимку с рюкзаками.

С приходом солнца Гумбольдт предстал в более приятных красках. Я прекрасно выспалась за заднем сиденье. Окна машины запотели, и теперь пар большими каплями падал на заткнутые по всем углам вещи. Косметичку в руки – и доброе утро, «Макдоналдс». Я опять поплыла по венам Америки, не ведая, куда меня принесет. Я спросила у двух бомжей на улице, есть что вокруг подешевле «Макдоналдса», ответ был «нет», но один крикнул «погоди!», побежал за своим рюкзаком, уселся рядом с ним и достал из мятого кошелька маленькие бумажки. Целую стопку.

– Вот, держи. Это бесплатные купоны в «Макдоналдс». Поешь немного.

– Нет, я не могу взять, это слишком много.

– Да бери, бери! No worries.

Меня всегда восхищало, как нуждающиеся всегда готовы помочь нуждающимся, словно родным людям.

Так мы позавтракали. И на каждой порции картошки и на каждом бургере было еще по одному купону.

– Вот так вот и не слезешь с их еды, – пробубнил Виталик, изучая упаковку, говорящую «gluten free». – А что такое глютен и почему мы должны быть от него свободны?!

Мы вернулись в центр города и пошли искать работу. На дороге сидела компашка бродяг с табличкой «Возьму все, что зеленое». Это они о деньгах и траве, как догадался Виталик. Мы решили, что нужно начать с магазинов «Все для двора»; продавцы направили нас обратно в центр, на площадь. В придачу посоветовали спрашивать народ рядом с большими продуктовыми магазинами. Фермеры ездят туда закупаться. На площади мы рассоединились, чтобы дело пошло быстрей. В дневном свете картина не вызывала такой уж негативной реакции. Сидят хиппи, все разноцветные, что-то продают, смеются…

В этот момент мимо нас прошли американская версия

Караченцова и вылитый молодой Венсан Кассель с дредами. Караченцов поприветствовал всех свойственным Караченцову низким хриплым голосом. Я шаталась по площади. Народа практически не было. Один парень на лавочке с другой стороны площади как-то очень пристально на меня смотрел. Он не вписывался в эту hobo-обстановку. Высокий, аккуратно подстриженный. Я посмотрела на него – и он не отвел глаз. Может, он понял, что я ищу работу? Почему он так смотрит? Больше спрашивать на площади было некого, он был последний, к кому я еще не подошла, из потенциально возможных работодателей. Я направилась к нему. Парень медленно поднялся с лавки, не сводя с меня глаз, и пошел навстречу. What the hell?

Он похож на моего знакомого… Леопарда с вечеринки Декомпрессии, с которым мы всю ночь танцевали. Этот парень видел меня в приступе эйфории, танцующую в шубе и очках с Бернинг Мэна, переполненную неадекватным экстазом. Мы повязали друг другу кулоны-бутылочки на шеи, которые раздавали на вечеринке. Кажется, что это было вечность назад.

Черт, да это он и есть!

– Зев?

– Даша, привет! Я еще там тебя заметил и подумал, что это не ты.

– Что ты здесь делаешь?!

– Я со своей семьей, еду в Орегон праздновать День Благодарения. А ты что здесь делаешь?

Мне стало ужасно неловко. Да-а, девочка. Придется сказать, как есть.

– У меня осталась сотка в кармане. Фриско меня разорил, я уехала и теперь ищу trimming job.

Тогда я осудила этого парня за то, что его бизнес – выращивание травы, и решила, что не хочу с ним водиться. Теперь он был акулой океана, в который я, маленький карасик, приплыла на поиски пропитания, и мог легко решить мою судьбу. С ним рядом была вся его семья. Папа с длинным седым хвостом, мама, тетя, брат. И тут стою я. Бомж бомжом. Такая же бродяга, как и остальные. Прекрасный момент познакомиться с родителями. Слава богу, они вежливо кивнули мне и сразу же ушли.

Зев пристально посмотрел мне в глаза с высоты своих двух метров в холке, загадочно улыбаясь. Я вспомнила, как сидела у него на руках, прислонившись к зданию, и как мы с ним целовались. Эти неловкие моменты, когда вы встречаетесь случайно, в повседневной обстановке, и разговариваете так, будто между вами ничего не было. Мы сели на лавочку рядом с его

братом, поедающим сваренную мамой дома картошку. Зев быстро закинул удочки по всем своим знакомым и пообещал, что будет на связи и что-нибудь придумает с работой.

– А что насчет твоей плантации? Может, я могла бы работать на тебя?

– Absolutely. Только у меня появится, что стричь, через две недели. Если до этого момента ты ничего не найдешь, я возьму тебя к себе. Это чуть выше Портленда. Можем там встретиться. Я за тобой заеду.

– Правда? – обрадовалась я.

Такая перспектива звучала куда лучше, чем все, что могло мне перепасть здесь.

– Конечно. Твой номер у меня есть. Будем на связи.

Ему нужно было бежать. Он наклонился, чуть ли не присев на корточки, и долго обнимал меня на прощание.

Я направилась к большому магазину. Спросила у входа одних, других… Чувство, что я опять в «Гринписе» рекрутером работаю. «Здравствуйте, у вас есть минутка поговорить об окружающей среде? А поля с травой, которую я могу стричь, не найдется?»

Тут из дверей с ящиком пива вышли Караченцов и Венсан Кассель. Люди уже стали повторяться. Я рассказала им, чего ищу. Оказалось, что Венсан Кассель работал в полях, а Караченцов был главным барыгой на районе.

– Так, может, у вас найдется работенка для меня?

– В моем поле мест вроде нет, но я узнаю. Мы что-нибудь придумаем. Нужно быть проще, девочка. Не хочешь с нами позависать?

Я согласилась в надежде, что потрачу время не зря. В такие моменты, когда очень чего-то ищешь, сложно перестать психовать и просто пустить все на самотек, но опыт подсказывает, что зачастую это работает. Мы уходим на заброшенную железную дорогу. Рельсы блестят из высокой травы серебряными змеями. Сев на солнышке, они вытащили по одному IPA из ящика.

Дредастый Кассель говорит с акцентом, он из Испании. Стертые руки, яркие зеленые глаза. Борода скрывает скулы.

Караченцов – персонаж поколоритнее. Он предлагает нам остаться сегодня у него дома и на следующий день поехать в город, где есть плантация. Он уже с утра накурился и болтал без умолку, заливая какие-то небылицы, в сути которых сложно было разобраться. В конце концов я познакомила ребят с этим Караченцовым, и мы решили рискнуть, довериться его обещаниям и остаться ночевать в его доме. По плану на следующий день он должен был показать нам плантацию в соседнем городе, где есть

работа. Пока мы ехали все вместе в нашей машине, он продолжал все так же без умолку болтать. Виталий проявлял свое мастерство «слушания», поддакивая и «удивляясь» услышанному. Я тихо смеялась на заднем сиденье, поедая с Лесей гранаты, свободно гуляющие по всему салону машины и меняющиеся местами с каждой новой кочкой.

Мы добрались до его дома вместе с темнотой. Караченцов жил с еще одним барыгой и вышибалой из местного клуба. Барыга вечно кричал «don't be ruuuude!» своему бедному питбулю, который лез с нами целоваться, а вышибала жарил на кухне курочку и попутно размешивал себе какой-то стероидный корм в миске. На его огромных бицепсах красовались черепа и имена умерших друзей. Компания была довольно стремная. Караченцов с гордостью показал нам увесистые украшения, статуэтки и шляпы, сплетенные каким-то племенем из Южной Америки, которые он пытался здесь перепродать, и огромные пакеты травы чуть ли не в метр высотой. Поблагодарив всех за гостеприимство, ребята решили не рисковать и переночевать в машине, а я осталась спать с Караченцовым на одной постели. Мне почему-то было совершенно все равно, произойдет со мной что-то плохое или нет. Когда он захрапел, я достала из рюкзака телефон.

Даша:

Здравствуй, друг. Мы уехали на север добывать траву. Тут одни бомжи, хиппи и наркоманы. Вернее, три в одном. Ужасно холодно. Теперь мне совсем не ясно, что будет каждый следующий день. Я вышла на опасную дорогу. Здесь либо всё, либо ничего. Но сегодня даже сплю в доме, а не на улице, и это хорошо. Если не ограбят, будет еще лучше. Я все скучаю по кому-то, а по кому – не могу понять. Сегодня встретила в маленьком городке своего знакомого из Сан-Франциско. Он решил проявить заботу, стал искать, куда меня пристроить, и мне от этого стало как-то не по себе, почувствовала себя маленькой брошенной девочкой. Как-то, что ли, осознала, как это выглядит со стороны. И мне вдруг стало грустно, что нет на свете никого мужского пола, кроме отца, кому есть дело до того, жива я или нет. Никаких «спокойной ночи». Никакой проверки связи. Пульса. Ничего. Сердце как из папье-маше. Оно есть. Большое, объемное, ярко-красным покрашено. Покрыто лаком, блестит. Можно даже потрогать. А внутри пустота.

Никита:

поверь, мне здесь тоже страшно одиноко, даже несмотря на то, что вокруг полно тех, кто знает мое имя, как я выгляжу и знакомы со мной давно

посмотри «Над гнездом кукушки» обязательно. Я как ебаный Николсон оттуда чувствую себя в психушке. Кричу всем: «Давайте

жить, съебем отсюда, вот окно, залезай в него и будь свободен». Все вокруг вроде добрые и приятные, но мой крик в пустоту. А теперь я ощущаю, как промывка мозга начинает действовать, я как будто начинаю знать, что хорошо, а что плохо, где добро, а где зло… я ведь не знал этого, Даш, и до сих пор не знаю, к счастью, но начинает казаться, что знаю.

я, как и ты, скучаю, ни по кому и по всем сразу. То по тебе, то по какому-то чуваку, которого однажды встретил в Доминикане, то по семье, с которой жил в Гаити… и так до бесконечности. Можно лишь сказать себе «хватит» и перестать об этом думать. Мне не все равно, как у тебя дела, поверь: и ты это знаешь, ты бы не написала именно мне в этот момент. Знаю, что ты чувствуешь по поводу заботы. Уверен, ты, как и я, привыкла быть сильной и не класть людям голову на плечо, но, кажется, иногда без этого никак. Хоть на минуту, хоть на секунду и нам с тобой ведь хочется ощутить чье-то тепло. Стремно, правда, когда это тепло дают те, кто даже не понимает, отчего нам «холодно».

лови там мою любовь, Даш! Мы с тобой из одного теста пирожки)

Впечатав с хрустом голову поплотнее в пакет из травы в качестве подушки, я уснула, и мне снились не менее странные, как и все происходящее, сны.

Глава 11
Убегай, Даша, убегай

Look what they've done to my song,
Ma
Look what they've done to my song.
Well they tied it in a plastic bag
And turned it upside down, Ma
Look what they've done to my song.

Melanie Safka

На следующий день вся Америка праздновала День Благодарения, разъехавшись по своим домам на семейные ужины с индейкой. Караченцов, как и обещал, поехал с нами в соседний город, чтобы помочь найти работенку. Оставив нас в пустом баре, он пошел проведать своих друзей и вернулся с новостями, что мест на плантации нет. Вполне возможно, что он просто использовал нас, чтобы съездить сюда по своим делам, и никакой работы тут в помине не было.

Но надо отдать ему должное: хоть работенки на конопляных полях он нам так и не подкинул, зато, вернувшись обратно в город, отвел в казино, где новичкам дают в подарок купон, позволяющий пару раз сыграть бесплатно. Уровень любого казино можно понять по качеству костюма и внешности обслуживающих девочек. Чем сексуальнее девки, тем дороже казино. Тут они походили на порноактрис любительского кино восьмидесятых, и вместо любых бесплатных коктейлей, как в Вегасе, здесь предлагали только водку, сок и кофе. Зато фортуна улыбнулась нам, и спустя пару часов мы выиграли довольно, чтобы дважды заполнить бак нашей маленькой старой машины и продолжить путь до Портленда без затрат.

Там же, в казино, мы познакомились с прекрасной художницей Наташей, которая покинула Россию 25 лет назад. Ее микс русского с английским был восхитителен. У нее была зависимость от казино, красивых женщин и искусства. Узнав, что мы спим в машине, она пригласила нас пожить какое-то время у нее, и мы скоротали несколько дней в маленьком домике посередине ничего, устроив себе семейную жизнь с быстрым сроком истечения годности. Виталий с Наташей все дни собирали ей кровать, привинчивали полки и занимались прочими делами, которые умеют делать только мужчины и лесбиянки, я и Леся пропадали в компьютерах, закидывая новые посты в блог, а по

вечерам мы все вместе готовили ужин. Казалось, что холодильник пуст, но каким-то образом на столе каждую ночь появлялись какая-то роскошь и новая бутылка отличного вина. Наташа рассказывала нам о своей несчастной любви, и я думала о том, как же это интересно, что женщина может разбить сердце женщине. Выращенная в гомофобной стране, я не могла себе представить, что с девчонкой можно целоваться не чисто по приколу пьяными на вечеринке, а искренне влюбившись. Мы с ребятами спали на полу. Мне перепала белая шкура какого-то животного, на которой было удобнее, чем в постели. Чувство благодарности за ночлег делало пол мягче, а еду вкуснее… И всё же, прибившись к стенке большой пустой комнаты, я с трудом могла уснуть.

Утром мне пришло сообщение от моего знакомого Вани Смирнова, и чтобы дальнейшая история имела смысл, стоит рассказать, кто такой Ваня. Ваня был создателем, музыкантом и солистом группы-оркестра под названием «Краснознаменная дивизия имени моей бабушки», творчество которой оценил даже сам Борис Гребенщиков. Я знала это, потому что во время одного из разговоров Ваня показал мне смс от него. Мы встретились в июне, полгода назад, когда меня уже нехило потрепало, и я и помнить забыла о том, что это такое, когда тебя понимают и ценят. Фестивальная маршрутка высадила меня у леса поздно ночью. Погода была ужасной, дороги от постоянного дождя превратились в месиво из грязи, и Ваня, как единственный представитель нашего лагеря, кто был трезв и бодр, пошел меня встречать – с фонариком, в резиновых сапогах и с зонтиком.

Наши жизни кардинально отличались. Я была из тех, кто бегает от контролеров в электричке, носится ветром по миру и влезает в самые разные, зачастую короткие романы. Ваня же был из состоятельной, интеллигентной семьи. Он посвятил себя музыке и семье, довольно рано став мужем и отцом. Мы сразу же сцепились языками и следующие двое суток провели практически не разъединяясь, рассказывая друг другу свои истории и откровенно восхищаясь жизнью собеседника.

В последнюю ночь, когда на улице шел сильный дождь, уютно барабанящий по брезенту палатки, мы вооружились двумя гитарами и по очереди играли друг другу песни, рассказывая, что каждая из них для нас значит. Ваня играл песенки собственного сочинения, которые выйдут в записи только спустя год. Что может быть лучше того, чтобы увидеть чье-то творчество первым?

Так вот, сообщение говорило:

В общем, я летом после фестиваля нефигово вдохновился твоими историями про путешествия. Приехал в Москву, а через 3

дня мне позвонили из группы «Браво» и предложили написать текст для одной из их новых песен. Я сразу решил написать про путешествия, еще неделю мучил песню – в первоначальном варианте там в припеве было прямо «убегай, Даша, убегай». Мы записали с Янкой тестовое демо, отправили им, они внесли правки (конкретное имя, конечно, попросили убрать), и вышла песня про пару путешественников. В общем, только что состоялась премьера нового альбома группы «Браво», и его открывает песня «Перемена мест».

Он прикрепляет ссылку на песню. Я не могу поверить своим глазам… На радостях я сразу пишу Никите.

Никита:

смотрю клип, кайфую, ништяк, добрая песенка, а главное, про Дашу. Ты вдохновительница, хотя сама это знаешь, просто пусть тебя эта мысль греет, когда вдруг холодно станет

встретимся, споем ее вместе

что-то я разулыбался сейчас не на шутку под эту песенку

Даша:

Там слова-то еще совпадают. Но это только мне понятно. Новый Орлеан, Южный Крест. Я рассказывала ему взахлеб все свои истории

Короче, теперь и помирать можно. Песня есть

Никита:

кино надо еще

рано умирать

На радостях я выкладываю в группу пост с историей про наше с Ваней знакомство и про саму песню. Люди поздравляют меня, репостят запись. И спустя сутки мне пишет Ваня. Он просит стереть пост. Говорит, в его семье может случиться катастрофа. Я искренне не понимаю почему, ведь в моей истории только слова благодарности. И ему приходится растолковать причину.

Он звонит мне на мобильный прямиком из Москвы. В Калифорнии час ночи, и чтобы никого не разбудить, я ухожу поговорить с ним в туалет. Оказалось, что его «вдохновленность» от нашей встречи чуть не разрушила его семью, и чтобы этого не случилось, историю нужно замять. Удалять написанный сердцем текст все равно что отрезать себе руки. Но я подчиняюсь и нажимаю на крест. И в качестве «спасибо» он отправляет демоверсию песни (то, как она звучала изначально, перед тем как «Браво» переделали текст), сразу предупредив, что ее никуда нельзя выкладывать. Я включаю песню, и мне все становится понятно… Оказывается, изначально это действительно была песня, написанная целиком и полностью про меня. Под первые аккорды Ваня начинает петь:

Холодильник пустой,
И ключи на столе.
Этот дом теперь твой,
Ты сама по себе.

Распахнула глаза,
Собралась поскорей,
Застегнула рюкзак
И шагнула за дверь.

И тут пронзительный высокий голос его жены, прекрасный донельзя, вступает в припеве:

Убегай, Даша, убегай!
Дальше всех по прямой.
Сотни миль через край
Крутят шар под тобой.

И под уже более веселую мелодию Ваня начинает петь:

Ты валяла шерсть перуанских лам
(вспоминаю, какие они на ощупь),
Обошла пешком Новый Орлеан
(эти дурацкие коктейли из молотого льда с текилой за два бакса и поиски Дома восходящего солнца).
Утром Эверест, ночью Южный Крест
(вспоминаю Млечный Путь в чилийском небе).

У тебя есть страсть к перемене мест…

Убега-а-а-а-ай, Даша, убегай!
Дальше всех по прямой,
Города через край
Крутят шар под тобой.

У тебя офлайн сотен пять друзей
Просто нужно быть жадной до людей.
Ты влюблялась в них десять тысяч раз,
Только новый дом – как снова сорвалась.

Убега-а-а-ай, Даша, убегай!
Звон сердец за спиной,

Чья-то жизнь через край
Крутит шар под тобой,
Крутит мир под тобой.

Вроде встала – снова ветер,
Новая волна…
Только в этой эстафете ты всегда одна.

На этом моменте меня словно обдает холодным потом. Вот он, приговор. Я сижу на полу ванной, поставив ноутбук, из которого звучит песня, на унитаз, и пялюсь в никуда.

С утра мы попрощались с Наташей, наконец выехали из Аркаты и направились в штат Орегон. Не знаю точно, зачем я решила ехать дальше вместе с ребятами. То ли потому, что люблю кататься на машине, то ли потому, что не устала еще слушать русскую музыку, смотреть русские фильмы, по-русски шутить и быть в компании двух родных душ. Мы прожили в травяном районе неделю. Из плохого – не нашли работу, из хорошего – не нашли работу. Варианты жить в горах, на морозе, рубить весь день траву в компании упоротых и непредсказуемых, спать в палатке на одном матрасе с несколькими людьми, находясь в зоне, где не ловит телефон и нет никакой связи с человечеством, меня не прельщали. Я бы это сделала, но жена марихуанного короля той единственной плантации, что уже было согласилась меня взять, в последний момент передумала пускать в свои владения девочку. У них работали только пацаны. Теперь мы ехали в зиму. Я пренебрегла тем, что у меня нет куртки и кусочка пола, где можно поспать, надеясь только из житейского опыта, что все это перепадет само. Нет – тем веселее. Только выживая, я чувствую себя живой.

Спустя несколько часов мы сделали привал и пошли прогуляться в сказочный, покрытый мхом лес. В любой непонятной ситуации иди в лес, он все поймет. Как-то само так вышло, что в конце концов мы в нем потерялись и я осталась одна со своими мыслями. Мне хотелось порадоваться, ведь про меня написали песню. Но вся эта история начинала казаться какой-то злой шуткой. Я писала Ване:

– Изначальная версия ведь круче в сто раз! И слова, и музыка… Ее нельзя проебать.

– Ну, можешь ее петь, например.

– Самой себе про саму себя?

Ребят все еще не было видно. Я села на капот машины и стала переписывать с оригинальной версии текст и затем спросила у

Вани разрешения его опубликовать.

– Даш, есть песня и есть, и выкладывать черновую версию не нужно. Ни запись, ни текст.

Все это выглядит так: «Смотри, я написал про тебя песню. Мы продали ее, срубили бабла. Только ее полностью переделали, теперь она не про одинокую девочку, а про счастливую парочку. Потому что любовь продается лучше. А тебе спасибо за вдохновение! Вот как она звучала в оригинале, только никому ее не показывай. Вообще это был черновик. Ты – черновик».

Параллельно этому его сестра, тоже играющая в группе, начинает выносить мне мозг огромными публичными сообщениями. «Что ты придумываешь, что вы сидели в палатке одни?» «Своей семьи нет – чужую разбить пытаешься?»

Я дочитываю сообщение, спрыгиваю с капота машины и иду вдоль мокрой дороги. Две желтые полосы напоминают мне, что я все еще здесь, в теплых руках заботливой Америки, где даже на необитаемом острове будет оборудованный туалет. Мимо проезжают серферы. Я прячу лицо в воротнике, чтобы они не видели моих слез. На теле два свитера. Вот и вся моя защита от мира. Два чертовых свитера, и то один не мой. Схожу с дороги в лес, спрыгиваю в канаву, падаю на колени и начинаю истошно рыдать. Оттого, что на коленях дырки, в них плотно впечатывается мокрая грязь вперемешку с сосновыми ветками. У моей любимой группы «Браво» теперь есть красивая песня про двух путешественников, которые «просто бросили все и шагнули за дверь». Она открывает новый альбом. Ее будут играть на стадионах, ее услышат тысячи людей… Только я тут совсем ни при чем.

Ребята вернулись и, увидев мое опухшее лицо, спросили, в чем дело. Я выговорилась и почувствовала облегчение. Не помню, что именно они говорили, но одну фразу, сказанную Лесей, я запомнила хорошо:

– Вот у Дюймовочки была ебаная жизнь, а все остальное – это так…

– У Дюймовочки?

– Да! Вот подумай! Родителей у нее не было. Она родилась в цветке. Дальше ее спиздила лягушка и попыталась связать узами брака со своим сыном-лягушкой, Дюймовочка почти спаслась, но ее перехватил жук и тоже хотел жениться. Потом он решил, что она слишком страшная, и выкинул ее. Дальше она выживала в норе крота, который заставлял ее батрачить на него и тоже собирался на ней жениться. Вместе с мышью Дюймовочка шила себе подвенечное платье и готовилась до конца жизни трахаться с кротом. И вот каким-то чудом она сбегает на ласточке, но

попадает в руки к сопливому эльфу, который постоянно падает в обмороки и рыдает, и в итоге выходит замуж за него. Так вот, у Дюймовочки была ебаная жизнь, а все остальное – это так…

Глава 12
Роман с Портлендом

Заметка в дневнике:
26 ноября 2015
Смотрю на своих сверстников и вижу морщины вокруг глаз. У всех. И у меня они тоже появились. Тело начало стареть. Мне страшно. Мне 17. Почему на моем лице морщины?

Утренний чай, приготовленный на горелке, закрытой пенкой от ветра, пара очищенных апельсинов в дорогу – и мы с Лесей и Виталиком едем в Портленд. На очередном привале я запустила прямую трансляцию с телефона и обмолвилась, что понятия не имею, где мне сегодня ночевать. Лесю и Виталика ждала в гости подруга, и, не помню уже почему, мое появление в ее доме было бы неуместно. И вот за час до въезда в Портленд мне приходит письмо от девушки-иммигрантки из Донецка, почти позабывшей родной язык. Она забронировала мне номер люкс на три дня в благодарность за мои истории. Вот что блог животворящий делает! Не буду притворяться, что я это заслужила. После того как я завела блог, все стало слишком просто. Люди теперь находят меня сами и хотят помочь; машина запущена, рычаг нажат.

Ребята высаживают меня у дверей дорогого отеля, как Золушку из кареты, очерчивая приветственный круг перед входом. Под проливным дождем несусь внутрь, с полупустым рюкзаком, ковриком и спальником в охапку. Еще и водоросль, похожую на коровий хвост длиной в два метра, прихватила. Я давно мечтала о хвосте. Портье явно удивлен такому потрепанному гостю, но слишком вежлив, чтобы это показать. Одна бровь хотела было поползти вверх, но он ее остановил. Это же Америка. No judgement. Не положено.

Мне дают карточку-ключ, и я заваливаюсь в номер, где кровать по длине поперек не короче, чем вдоль. Кожаное красное кресло. Четыре строгие лампы, четыре подушки, два стола, холодильник и весь набор одноразовой жизни в виде полотенец, мыла, пакетиков кофе и сахара. Что происходит? Еще пару дней назад я спала на полу в доме барыги и не была уверена, что выйду оттуда живой. В какую канализацию только не опустишься ради заработка. Хотя, что я вру. Дело не в деньгах, и никогда в них не было. Дело в том, что, нащупав раз у жизни пульс, хочешь,

чтобы он только ускорялся. Даже работая по одну руку со шлюхами и договариваясь, какая с кем и за сколько уедет, я делала это ради интереса. Я тщательно подбирала каждую работу, как билет в другую страну. Лучший медицинский центр, нью-йоркский ресторан, японские машины, индийская косметика, съемочная площадка в русской деревне и звезды Голливуда. Ради интереса я поперлась по колониям России. Чтобы чувствовать. Смотря на голодных, начинаешь ценить каждый кусок хлеба. Смотря на убийц, осознаешь цену жизни. Смотря на миллионеров, чувствуешь цену свободы. Смотря на актеров, видишь цену жертвы. И каждый новый опыт – пощечина по онемевшей щеке.

Сейчас я уже понимаю, что все должно было быть так. Что не было у меня никакого выбора, не было другого расклада. Я не могла не быть собой. Не могла сесть в офис, завести семью, машину и коврик. Я родилась, чтобы быть другой. Меня спрашивают: «Как?» А я просто не знаю, как по-другому. Это все равно что спрашивать пса, почему он такой породы.

Пес – вполне подходящее сравнение. Я превратилась в животное. С четкими расстановками. Ненужные рефлексы давно отмерли. Так это работает: мозг одуревает от бесконечного количества поступающей информации, новых имен, названий улиц и валют и просто начинает подчищать все, что не относится к первостепенной важности. Я не помню ни черта из математики, не знаю, в каком году была Гражданская война, и даже ветки Московского метро сейчас не расставлю по цветам. Да что там, я и своей собственной истории уже не помню. Я что, правда пересекала Южную Америку? Я ли это ходила в мусульманских нарядах? Неужели это я стерла себе все ноги о балийский асфальт, удирая от копов? Мои ли это шрамы?

Я разбегаюсь и прыгаю на кровать. От такой мягкости странно непривычно. К полу привыкаешь быстро. На севере Калифорнии в декабре темнеет так же рано, как и у нас. 16.30 – и до свидания. Мрак.

Иногда мне кажется, что я отыгрываю чьи-то роли. То с бандитами, то со сторчавшимися студентами. Я выхожу из отеля и вежливо киваю головой менеджеру. И вот для него я уже примерная девочка. Дождь рисует на моем бежевом пальто темно-коричневые погоны. Русский, английский, испанский. С языком меняются тональность голоса, интонация, даже шутки и манера говорить. Во всем этом разнообразии личностей хорошо бы не потерять себя. Я уже не различаю, чья на мне одежда. Слава богу, я дошла до стадии развития, когда за вещи перестаёшь держаться. Спина мне за это благодарна. Я прохожу под огромным мостом,

слабо освещённым фонарем с железной дороги наверху. Бездомный молча провожает меня взглядом. 14 минут до поезда. Руки замерзнут печатать это быстрей.

Писатель – это когда доктор сообщает, что у тебя рак, а ты думаешь, как бы это использовать для истории.

Мне все больше нравится бесцельно следовать. Смысл всегда находится. Неважно, куда я попаду. Мне будет что почувствовать. Вселенная лучше знает, куда дальше. Если бы мы с ней сидели в байдарке, я была бы матросом, а она – капитаном.

Кто-то крутит романы с мужчинами. Я – с городами.

И если бы я говорила об этом городе так, как делятся впечатлениями о новом парне девчонки в московских кафешках, то описала бы его примерно так.

Портленд высокий, темноволосый. Ему только стукнуло 30. Подняв воротник своего длинного пальто, дописав дома очередную главу своей книги, он бежит на встречу с кем-то. Окно его маленькой квартирки выходит на улицу, за второй чашкой кофе по утрам его пробивает вдохновение. Особенно когда начинается эта мерзкая мокрая осень и листья прилипают к тротуару, оставаясь черным рисунком на серой поверхности до самой весны. Его верный друг велосипед послушно ждет, когда потеплеет. Портленд довольно серьезный, с достойным образованием и головой на плечах. Он еще не скурился, как все пацаны Калифорнии, хотя тут с прошлого месяца трава официально легальна для всех. На таком контрасте приятно понимать, что с ним есть о чем поговорить. Разговаривает он правда очень быстро, проглатывая некоторые буквы. А когда я его переспрашиваю, он повторяет все ровно с такой же скоростью три раза подряд. Он дорожит своими друзьями. Его друзья одеты модно, но непринужденно. Как будто оно само так вышло. Он определенно отличается от всех моих предыдущих любовников, но периодически я вылавливаю какие-то сходства. Например, манера выставлять пакеты мусора на тротуар – ну точно как у Нью-Йорка. А вот его слоган «Keep it weird» такой же, как у красавчика Остина в Техасе. Портленд простодушен, как Буэнос-Айрес, и загадочен, как Денвер. В двух словах: это начитанный хулиган. И я им очарована.

Кажется, что этот город строился Палаником. Все его книги, как срисованные на копирку картинки, мягко ложатся теперь в моих глазах на оригинал. На каждый перекресток, вывеску и дом. Стоящие на улице работники ресторана во всем черном выглядят именно так, как те, кто с энтузиазмом нассыт тебе в суп.

Мы гуляли с Портлендом[87] весь день, а ближе к вечеру он по обычаю своего выходного дня встал на углу Бродвея с гитарой,

колонкой и микрофоном. Так он подрабатывает на жизнь и совершенно этого не стесняется. Кто-то кидал ему деньги, кто-то цветы. Некоторые даже узнавали и просили автограф. Я тоже спела пару песен. Люди с удивлением зависали на перекрестке, пытались понять, на языке какой расы я вою.

Оттуда мы дошли до первого приглянувшегося бара на Глисан-стрит и пропили свои последние деньги. Когда в кошельке осталась пара мятых бумажек, уже неважно, в какой момент там будет пустота. В неизбежности этого события нет ничего плохого. Просто новая игра и новые правила. За пару часов мы рассказали друг другу свои главные истории, и океан между нашими континентами исчез.

На улицах попадались то пьяные Санта-Клаусы, то Битлджус, то гномы. Люди были разодеты так, как будто сегодня карнавал. На мой вопрос «But why?» он ответил: «You see, the real question is why not?»

Шах и мат.

Возвращаясь в свой одинокий люкс, я не знала, чем заняться. Обычно, когда мне одиноко, я брала в руки гитару, но тут и гитары нет. И я села записывать, как пою песенку просто так, без аккомпанемента, когда телефон засветился от сообщения.

***Никита**:*

Черт, глянул видео, где ты поешь песенку. Потом прочитал твое письмо. Порой мне кажется, именно так и стоит называть наши с тобой периодические обмены мыслями. Письмо. Так вот прочитал и понял, как соскучился по тебе, зараза. У меня тут тоже свой чувак под боком. Тот самый Степа. Ну ты помнишь. Нас с ним в такие накуренные беседы кидает, что иногда мурашки. Все понимает, прямо как ты. Я вообще удивлен, что он смог стать тем, кем он стал здесь в Узбекистане, потому что это прямо совок. Прямо пиздец какой совок, я как в начало 2000-х вернулся. Ты как там?

***Даша**:*

Я тоже скучаю. Не скури там свой мозг совсем, пожалуйста. Трава – она тоже влияет. Насмотрелась за эту неделю на то, во что люди превращаются. Это жесть какая-то. Пришли мне фотографии совка. Или у тебя все тот телефон убитый, на него не сфотографируешь?

Вместо ответа он звонит. На экране появляются бородатый коротко побрившийся Никита, его друг Степа и огромное ведро с водой и бутылкой, из которой они курят. И пока я лежала одна в своей бесконечной кровати, ребята болтали со мной добрых часа три, периодически вставляя милые комплименты. Мое сердце

снова наполнилось теплом. На минуту Степа уходит. Мы зависаем, молча вглядываясь друг в друга через экран.

– Ты зачем голову побрил опять?

– Не бойся, Даш, к моменту, когда мы в следующий раз встретимся, я отращу себе волосы.

– Обещаешь?

– Обещаю, – он умиротворенно улыбается.

После того как три дня жизни в люксе закончились, я погостила у Портленда, поджидая, когда со мной на связь выйдет Зев – тот парень-леопард со своей плантацией, пообещавший мне работу. Но, несмотря на то что малыш Портленд уже натренировал меня, как быстро отрезать лишние листики, и даже научил правильно чистить ножницы от смолы, Зев пропал с горизонта, и больше я о нем не слышала. Никогда не рассчитывай на наркоманов. Время начинало работать против меня, и, подождав еще сутки, я сдалась и собрала рюкзак.

Опять ночь. Длинные сиденья вдоль окон. Но за ними уже снова одна чернота. Я напиваюсь вином из маленькой пластмассовой бутылочки – в нее идеально поместилось бы послание, которое могло бы отправиться на какой-то заброшенный остров. Истратила на нее последние деньги, чтобы дописать историю. Без вина они иногда просто не пишутся. Справа бородатый моряк читает Достоевского, слева девятнадцатилетний бродяга тренируется играть соло на гитаре за сто баксов. Моряка ждут большое судно и двенадцать бравых коллег. Бродягу ждут очередной паршивый бар, двадцатка на чай и ужин за счет заведения. Один продал душу океану, другой – музыке. Кому продала ее я? Дорогам? Любви? Свободе? Городам? О нет. Я поступила намного хуже. Я разорвала ее на мелкие кусочки и отдала каждому, кто дорог. Континенты четвертовали меня. И везде теперь дом. Везде, сука, дом…

Я приканчиваю маленькую бутылочку враз, и моряк, скрасивший мое одиночество, покупает мне большую бутылку за 18 долларов. Что для нас, бедняков, огромный жест щедрости. Он галантный, начитанный и опрятно одет… Его профессию выдавали только руки: мозоли, трещины и въевшаяся в кожу грязь. Он рассказывал мне про крабов и лосося и пел песни собственного сочинения. Они были простые и душевные. В припеве было что-то в стиле «я хотел бы, чтобы ты была моей женой».

С незнакомцами всегда становишься предельно откровенным. Я видела его в первый и последний раз и, напившись крови Иисуса, долго в чем-то исповедовалась, на что он ответил одной фразой:

«Детка, это земля, а не рай. Ты не должна быть идеальной».

You are damn right, sailor. Не должна и не буду.

Когда я вернулась в Сан-Франциско, та девочка-эмигрантка, что подарила мне номер в Портленде, приехала из Сакраменто, чтобы со мной встретиться. Наши миры явно отличались друг от друга, но я не могла отказать. Это был первый раз, когда я договорилась о встрече с человеком, который читал мои истории и знал меня только «по обложке». Эта девочка устроила мне одно из лучших свиданий в моей жизни. Она приехала за мной на огромном джипе, задарила рождественскими подарками, напоила горячим шоколадом и пригласила на ужин.

– Я рассказала о тебе уже всем своим друзьям и близким! Всё Сакраменто тебя знает! Показываю твои истории, фотки, говорю «смотрите, как круто»! А они с удивлением смотрят и бормочут: «She's weird, this is insane», но явно остаются заинтригованы. У меня такое окружение, которому до твоих взглядов на жизнь очень далеко. Я им кричу: «Вы не понимаете! Она моя родственная душа!» Короче, давай с нами на Новый год в Тахо, мы уже сняли a cabin, там джакузи, всё такое. Я тебя со всеми познакомлю! Они уже ждут!

– А они все русские?

– Ну они такие, знаешь, уже американские русские. Все в детстве переехали.

– И на каком языке вы разговариваете?

– На английском. Но ругаются матом они на русском.

– И это будет прям русский Новый год? С «Иронией судьбы» и снегом?

– Ха-ха. Нет, думаю без «Иронии», но оливье я постараюсь приготовить. Поехали?

Пока мы гуляли вдоль набережной, Женя пыталась подарить мне все сувениры на свете. «Может, эту шапку? Ну или хоть вот эту? А может, ты хочешь свитер?» Мы пришли в ресторан, который я никогда не могла себе позволить. И вот сижу я у океана, с устрицами и белым вином, и не верю всей картине происходящего. В компании двух замужних девочек, обе из которых на порядок младше меня. На один вечер я оказываюсь в совершенно другом мире, в заботливых руках комфорта, и, зная, что это временно, я наслаждаюсь каждой его секундой, легко вливаюсь в разговор, как будто меня тоже где-то ждут выглаженные элегантные вещи, успешный муж и перспективная работа. Мы говорим на английском, хотя они обе русские. Пока я завороженно вылавливаю осьминогов из супа, Женя рассказывает, как она случайно нашла меня на просторах интернета. Говорила, что мой стиль напомнил ей «Над пропастью во ржи» Селинджера

и описывала свои впечатление такими яркими эпитетами, что у меня отвисла челюсть. На Селинджера я, конечно, не претендую. Но, черт возьми, как же это приятно.

* * *

Запись в дневнике:
17 декабря 2015
Я немножко подвлюбилась в Дёмина. Я поняла это, когда, договорив с ним по телефону, я ещё с полчаса улыбалась как дура и прыгала вокруг своей оси. Мне это полезно. Вроде бы и не тоскую, но всё-таки немножко думаю, от чего не хочу теперь трахаться с кем попало.

* * *

Рано утром я запрыгнула в автобус до Лос-Анджелеса с целью проведать старых друзей. Сам город не вызывал во мне какого-то дикого восхищения. Я уже давно взломала его коды. Всю дорогу до Лос-Анджелеса я пыталась смотреть московскую встречу Никиты по перископу.

Он три года не был дома и теперь вещал про свои путешествия. Я забралась на второй этаж автобуса в надежде, что, раз ближе к небу, будет лучше ловить. Мы договорились с Натой, что она принесет ему в подарок от меня «Жигулевское» и воблу в красной ленточке. Я хотела именно «Жигулевское». Пацаны научили меня, что только «Жигулевское» – достойное русское быдло-пиво. Я знала, что ему будет сложно, и хотела, чтобы перед тем как выйти на сцену, он немножко посмеялся.

Кажется, я переживала не меньше, чем он. Это было какое-то непонятное волнение вперемежку с предвкушением. Когда Ната подключила связь, туда набежало прилично народу, и теперь мы целой кучкой засели в разных точках мира наблюдать, что же будет дальше.

– Вот тебе Никита, Даша, – тихо говорит в телефон Ната. Я поджимаю под себя ноги, чтобы перестать раскачиваться на кресле. Негр на соседнем сиденье уже пару раз глянул на меня, как на психованную. – Только еще ничего не началось. Они звук настраивают.

Он заходит в зал. Высокий. Настоящий. Весь такой на стиле, в рубашке и кепке. Как это он так оказался там, если еще недавно был тут? Каждый раз, когда улетаю, мне кажется, что я не на

другом континенте, а в другой параллельной вселенной, в зазеркалье, о котором никто, кроме меня, не знает.

Никита садится рядом с бутылками пива. Смотрит на них долго. И говорит:

– Мне теперь это пиво будет напоминать о Даше из Сан-Франциско.

Вот это я вовремя зашла.

И тут Ната выкрикивает из толпы:

– Никит… Ты можешь передать ей привет.

– Привет, Даша, – безучастно отвечает Никита.

– Она сейчас здесь, она тебя слышит.

– Что, прям здесь?! – Никита вскакивает и идет навстречу Нате.

Мое сердце замирает.

– Нет, она там. Ты здесь. А она в телефоне.

Все смеются. Он отходит обратно. Садится.

– Привет, Даша. Ну, ты знаешь, я скучаю. Тебя тут не хватает.

– Она с нами.

– Нет, она не с нами… Это не то же самое.

На полу стоит красное ведро, куда все сложили свои вопросы. Ната кинула вопрос от меня. Вопрос, который не будет нести смысл ни для кого, кроме Никиты.

– Никита, она просит, чтобы ты на ее вопрос ответил.

Я и правда попросила, боялась, что связь прервётся.

– Что прям сейчас? Ты предлагаешь мне во всем этом ведре найти вопрос от Даши?..

Никита начинает перебирать одной рукой бумажки, другой держит микрофон. Кто-то в зале недовольно бормочет. Мне становится стыдно.

– Ты представляешь, сколько времени уй… – он достает бумажку.

– Вопрос от Даши из Сан-Франциско.

Народ опять смеется.

«Кем бы ты хотел быть, патриархом всея Руси или капитаном Грустных морей?»

Дело в том, что в нашей переписке я его и так, и так называла. Патриархом – потому что заметила у одного из подписчиков в своей группе аватарку с рукой Никиты. «Так руки только у патриархов ценят, смотри. Буду звать тебя патриархом всея Руси. Сокращенно Патрик». А в другой раз я рассказала ему свой сон, в котором я приехала домой и пошла выносить мусор, пока вся моя семья и друзья остались в квартире. На лестничной клетке я столкнулась с каким-то бомжом, он перекрыл мне вход, и я поняла, что он меня изобьет и изнасилует, и что даже кричать

бесполезно, потому что отсюда меня никто не услышит.

– Судя по сну тебе одиноко… Я знаю, я Ванга.

– Да нет, ты не Ванга. Ты капитан… Грустных морей.

Возвращаясь из снов в Москву:

– Мне не нравится ни слово «патриарх», ни «всея», ни «Руси». А вот слово «капитан» мне нравится, «грустных» – нравится, «морей» – тем более. Так что я был бы капитаном Грустных морей.

Вот и привязалось. В итоге, его так стали называть другие, и в конце концов он поставил эти три слова в «должность» на своей странице. Всё это начало встречи не было записано никуда, кроме как на глаза пришедших и в мою память.

Его брат был готов начинать съемку встречи и скомандовал убрать бутылки пива.

– Почему? – переспросил Никита. – Мы же не для первого канала снимаем.

– Не положено, – ответил его брат, и пока они спорили, сзади к Никите подбежала девочка и унесла мои бутылки.

Как она посмела забрать мой подарок! Я негодовала еще больше, чем он. Но мне оставалось только наблюдать за происходящим. Дальше связь стала пропадать, вокруг были одни поля и электрические ветряные мельницы. Я выключила телефон, вздохнула и вернулась в свою реальность. Голова идет кругом от одного только осознания, сколько всего на этой планете происходит одновременно, каждую секунду. Подумай хотя бы о том, что все люди, которых ты встретил на своей дороге, прямо сейчас где-то что-то делают. Вот прямо сейчас.

Глава 13
Зеленая волна накрыла ее тень

Заметка в дневнике:

5 ноября 2015

Когда я была маленькой, папа рассказал мне историю о том периоде, когда он только начинал ухаживать за мамой. Они были студентами, и у него совершенно не было денег. А моя мама очень любила театр. Поэтому папа устроился туда работать уборщиком, чтобы иногда получать бесплатные билеты. И когда он поздно ночью топал с московской электрички по Балашихе домой, то проходил мимо дома моей мамы. Она жила на втором этаже. Он кидал ей камушки в окошко, и она выходила на балкон. Папа показывал ей честно заработанные билеты, махал рукой на прощанье и шел еще полчаса до дома в другом конце города.

С тех пор я жду, что кто-то будет кидать мне камушки в окошко, с билетами в руке.

Папа, папа, что же ты натворил.

* * *

Вернувшись в Сан-Франциско, я решила сразу встретиться с Дэниелом, тем парнем из истории про мужчину в черном плаще. Это был мой последний день в волшебной комнате с самым красивым видом из окна, что только можно представить. Хотелось отпраздновать. Я писала и напивалась, смотря параллельно фильм «Призрак». Выпила почти всю бутылку подаренного белого вина, когда мой друг наконец закончил свою встречу и направился ко мне.

Дэниел для меня был как капля пресной воды в соленом океане: сильно не помогает, но все-таки что-то. Интеллект человека из Израиля отличается от Америки кардинально. От моей до его души территориально ближе. С ним можно говорить о чем-то, что в компании американцев и смысла нет произносить. Мы дружили еще с сентября. В Израиле он был поп-звездой. Его там знает каждая собака. Все его братья и отец – тоже музыканты. Из их жизни в своё время сделали лайф-шоу. В итоге он так заебался, что сбежал в Америку, лишь бы за ним не бегали с камерами.

Мы просидели с гитарой на крыше. Я наконец нашла, как на ней зажечь огни. Он играл мне свои песни и так волшебно пел, что я готова была продать ему кусочек души… Я предложила ему остаться, а он сказал, что рядом со мной «he can't get any rest». К этому моменту мы уже ночевали пару раз вместе. Он спал в одежде, и мы обнимались. Американские мальчики в таком случае сразу пытаются переспать, но Дэниел вел себя как настоящий джентльмен. Я спросила:

– Why you wont get any rest?

Он ухмыльнулся, посмотрел на меня многозначительно своими огромными честными глазами и ответил:

– You really don't know why?

Я знала. В ту ночь он наконец-то спал со мной без одежды. И в пять утра мы вылезли из окна голыми, взяв одно одеяло, один бокал вина и одну сигарету. В ноутбуке заиграло «Dust in the wind».

Мы стоим на маленьком балкончике, если можно его так назвать. По сути это железные перекладины, не шире полуметра, предназначенные для горшков с цветами, но никак не для двух голых дураков. Перед нами залив, Голден Гейт и «Алькатрас». Мигает маяк. Через час мы попрощаемся и разлетимся по земле в разных направлениях. Он возвращается в Израиль.

«Пыль на ветру. Всё, что мы есть, – просто пыль на ветру…»

Я всматривалась в розовый восход и думала: сколько моих историй похоронено в людях. Сколько пережитых моментов, на пике эмоций тогда, когда я их рассказывала. Собрать бы их все. Послушать, как я переживала, о чем кричала взахлеб, что пыталась доказать. Что мне было важно тогда, что важно потом… Что теперь. Но невозможно их все записать. Потому что либо живешь, либо пишешь. Либо чувствуешь, либо пересказываешь.

– I'm gonna remember this moment for the rest of my life, Dasha, – тихо и спокойно говорит Дэниел, и я понимаю, что так оно и есть. Вот и еще один музыкант, в чьем сердце я закристаллизуюсь прекрасным мгновением.

– Me too. I love those moments when you know you are living those days of your life you will be remembering later. The whole trick is to enjoy them while they are still here.

В его глазах было много мудрости и грусти. Он боялся мне что-то рассказывать. Говорил, я об этом напишу. Это был мальчик не из простых… Его бывшая ушла к Квентину Тарантино. Ну подумаешь, с кем не бывает.

Я приняла приглашение той девочки Жени из Донецка, которая подарила мне номер на три дня, и отправилась с ее мужем и друзьями праздновать Новый год в Тахо. Америка в этом

плане прекрасна. Меньше, чем за сутки ты легко можешь перенестись из солнечного пляжа с пальмами в заснеженный горный город. Это был пятый месяц моей жизни в Калифорнии. Впервые я праздновала Новый год, по-американски начав вслух обратный отсчет с десяти вместе с остальными. Тусовка в Тахо оказалась забавной, но очень далекой от чего-то родного. Это была компания тинейджеров-украинцев, переехавших сюда подмышкой у родителей в глубоком детстве. Они знали русский и украинский, но родными эти языки не то что бы считали, поэтому все говорили на английском. Их родной язык замумифицировался в 90-х, вместе с переездом. Мне же казалось какой-то «изменой родине» говорить на английском с теми, кто понимает русский, поэтому я постоянно переключалась. В качестве единственного доказательства, что тусовка причастна к русскому Новому году был огромный салат оливье, заботливо нарубленный моей читательницей Женей. Ей не хватало родины. Даже с мужем она общалась на английском. Он понимал русский, но говорить на нем то ли не мог, то ли не хотел. Главное развлекалово этих тинейджеров – как следует нажраться. Я честно пыталась перевести времяпрепровождение в более интересный ракурс, вспомнила свои годы, проведенные в лагере, и всю ночь проводила игры, но в конце концов всё ушло туда, откуда начиналось – в нажиралово. Но, поскольку для американцев сам Новый год все равно ни черта не значит, проведя его в Тахо, я многого не теряла. Большинство идет праздновать в клубы, где в полночь устраивают тот же самый классический обратный отсчет, а затем танцуют до утра под «туц-туц».

Пришло время съезжать из комнатки мечты в доме с видом на залив. Несмотря на то что Роб, мой хиппи, друг-миллионер, еще не нашел нового жильца в ту комнату, он попросил меня ее освободить. Видимо, ему просто хотелось, чтобы я вернулась в Пало-Альто и составила компанию в его утренней рутине: бассейн, бейглы с лососем, апельсиновый сок и газета с новостями. Одна из них на днях сказала, что умер Дэвид Боуи. The Starman got back to the sky. В любом случае, так выглядит утро Роба уже не первый десяток лет. Маленький кусочек лосося он всегда отдает местной знаменитости – своему старому коту Уилсону.

– Это все, ради чего он живет, – сказал мне как-то Роб, и с тех пор у меня сложилось впечатление, что его собственный бейгл с утра – это тоже все, ради чего он живет. За свои 60 лет он ни разу не был в отношениях дольше месяца, да и были те самые отношения еще тогда, когда ему не приходилось прикрывать лысину кепкой. Не сказать, что он пытался это изменить.

Одевался он еще пять лет назад в те же самые грязные джинсы и самодельные кислотные футболки, только пахло от него тогда меньше. Теперь же он совсем обленился в плане гигиены. Все, что омывает его тело, – это хлорка в том же самом бассейне. Вся Стэнфордская коммуна, донельзя озабоченная, гадает, как же выглядит его личная жизнь. И только я знаю правильный ответ – никак. Друзья, однако, еще не оставляют попытки его с кем-то свести. Он каждый раз ворчит, как старый кот, и пытается сбежать от такой заботы.

Мне же совершенно не хотелось обратно в Пало-Альто. Там стало совсем холодно. В моей комнате не было отопления. Я планировала завершать свой роман с Сан-Франциско и двигать на юг. Оставались считаные дни, и я хотела жадно вцепиться в любимый город напоследок. В каждый его перекресток, граффити, бар и проезжающего на блестящих роликах с молнией Боуи на лице и магнитолой на плече сумасшедшего. Тут телефон вновь засветился от «нового упоминания в сообществе «Goodbye Normals».

* * *

Я открываю запись в блоге:

«Меня тут Даша попросила написать ей письмо. Говорит, последнее время трудно засыпать. Говорит, одиноко. Говорит, если наутро будет в сообщениях письмо от близкого человека, то и вставать веселее.

Я расскажу тебе, как у меня тут жизнь, Даш, а вместе с тобой и другим зрячим, слышащим и чувствующим. Не только же нам с тобой бывает паршиво, пусть и у них будет от меня пара слов – им ведь тоже не все равно. Вот только пиши мне это письмо ты, в нем было бы куда больше приключений и чудес. Упс, погоди. Оказывается, все это время на кухне неспешно выкипал суп. Прямо на плиту, сука. Такие приключения. Дальше – больше. Больше, чем ничего. Ведь за те недели, что я отказываюсь считать, как со мной, так и с теми, кого я здесь знаю, случилось немного. Немного по сравнению с тобой и всеми теми, кто прямо сейчас бродит по нашему шарику в поисках себя и себе подобных. Кажется, лишь в дороге ты можешь узнать, кто ты, зато по-настоящему принять перемены можно, лишь осев на месте. Не уверен, но вроде именно это со мной сейчас и происходит. Весьма болезненный укол, я тебе скажу.

Я вижу, как люди больше не могут расслабиться. Не могут отпустить проблемы, не в силах не бояться будущего и не жалеть

о прошлом. Кажется, они уже и не пытаются. Одна нога бежит вперед, другая волочится позади – и что они в такой позе с настоящим могут сделать, а? Сама ж понимаешь. А ведь все эти декорации гнетут и меня тоже. Я много думаю, даже в компании. Я прямо чувствую, как мой мозговой мотор скрипит и подло дает сбои. А за ним и все тело. У каждого ведь свой криптонит или и это я выдумала? Мне даже засыпать стало сложно. Такого не было со времен бразильской грязи в СМИ. Я как супермен, у которого отобрали плащ. Пиздец. Что я вообще морожу?

Не поверишь, но, кажется, в этом году я уже успел спалить баню. Правильнее было бы сказать, что ее спалили время и некоторые ошибки архитектора, но топил-то ее я. Топил-то я, черт возьми.

Я изрядно потолстел. С другой стороны, иначе бы уже давно замерз. В такие холода медведем быть лучше, чем гепардом. У нас же тут –20, и лишь недавно выпал снег. Помнишь, как это холодно? Черт. А девочек московских? Так вот, эти красотки даже в такой мороз способны выглядеть круто.

Чуть не забыл, у меня же теперь есть шкаф. Знаешь, каким модником я стал на первые пару недель! Бывало, выйду покурить в одной кофте, зайду домой, переоденусь в другую. Наигрался вдоволь. Отпустило.

Порой мне кажется, что все, происходившее последние три года, было не со мной. Бля буду. С кем-то очень похожим на меня, с кем-то, кем я мог бы легко стать, но только не со мной. А потом смотрю на руки и начинаю вспоминать все то, что они за это время успели потрогать. И когда я, наконец, принимаю, что конечности растут из меня, то наркоз начинает отходить, спина распрямляется, а почва под ногами крепнет.

У меня стали появляться новые друганы. Заходят в гости – новые темы, старые привычки. Круг общения изменился кардинально, перевернулся с ног на голову, и, кажется, его новички понимают меня куда больше. Но даже им я не могу сказать об этом вслух. Ведь чем больше людей считают тебя сильным, тем сложнее становится показывать слабости. Знаю, они ведь и сами догадываются, что я не железный, никто не железный, а я тем более.

Ты представляешь, Даш, меня частенько упрекают в том, что говорю общими фразами, мол, нет в них никакой конкретики и порядка. Представляешь, Даш, для меня есть, а им нет! Я про счастье – мне о том, что это дорого, я про здоровье – говорят, не по карману, я про свободу – мне про рентабельность. Кажется, они даже не верят, что я – это как раз то, что ты сейчас читаешь. Думают, словечки покраше подбираю, думают, от лайков член

растет, думают, не тру. А я как та детская игрушка, где надо фигурку просунуть в отверстие верной формы, знаешь? Вот только моя ебаная пятиконечная звезда никак не помещается в круглое дупло матрицы. Можно ей, конечно, иголочки пообломать. Можно ж ведь, а! Что скажешь? Шучу, сам знаю, что не стоит. По ходу в том-то и есть вся вербальная прелесть и уродство – мы, даже говоря на одном языке, можем не понимать друг друга. Правда, невероятно? На планете у каждого из нас свое маленькое место. Приняв это духовное многообразие, я даже начал мириться с системой. Как ни крути, любой бунт – лишь ее часть, ведь пока она питается от таких, как мы, вдохновением, мы пожираем ее бургеркинги, билайны и метрополитены. Система дает им все, что нужно, – направление, смысл, цели и несбыточные мечты. Я даже им в чем-то завидую – они знают, верят, ждут, боятся. Грустновато, правда, что все это настолько пластмассовое и хрупкое. Пойду покурю.

А под окном тем временем красуются мерин с бэхой. Как думаешь, Даш, на что способны пойти люди, чтобы ими обладать? Вот и я в ахуе – аферы, жертвы, риски, долги, нервы, время, стресс… И все ради того, что даже я, не будучи и близким по способностям к Богу, могу у них забрать в течение пары секунд. Мне лишь расправить руки, обхватить необъятный телик, путь к которому для его обладателей лежал через те же дебри страданий, открыть окно и на секунду расслабить пальцы. Нет телика, нет бэхи. Точка. Попробуй то же самое с моей душой сделать – гвозди погнутся. Но, не задавая лишних вопросов, люди продолжают играть по правилам, соблюдение которых не делает их ни счастливыми, ни свободными, ни живыми. Мне только и твердят: «Хочу того, хочу этого». Они не понимают, Даш, что главное-то не цель, а путь. Путь, а не цель! Путь. Он имеет вкус, цвет и запах. Цель же либо достигнута, либо нет. Все. Что может быть скучнее?

Не хватает курса. Еще недавно с этим было куда проще. У всей моей жизни было направление, самое настоящее – на север. Сейчас же, говоря образно, я чувствую себя стоящим посреди бескрайней казахской степи. Ни спереди, ни сзади, ни по бокам не видно ничего, что бы указало на то, каким будет исход, выбери я одно из направлений. Я вроде и осознаю, что могу все, но что-то внутри нервно зудит и поторапливает с выводами. «Когда стоишь на месте, то «могу все», – говорит оно мне, – становится похоже на «не могу ничего». И я с ним согласен, ведь именно так оно и выглядит.

Я пропустил момент взросления моих знакомых. Вроде только недавно заснул студентом, и вдруг меня будят – а тут уже

все дяди и тети. И вместе с ними я. Вот только остальные, кажется, знают, куда идут. Не все. Далеко не все, если честно. Я же чувствую, что могу выбрать любой путь, стать кем угодно или, по крайней мере, кем-то просто побыть, пока не наскучит. Ты говоришь, Даш, что скорее представишь меня московским пацаном с бизнесом и братками, чем вечным бродягой с рюкзаком и в рваных кроссах. Хуй-то там, вариантов больше, чем два, – рубанок со стамеской уже в руках, строгай не хочу.

Я дико рад, что написал свой текст про Москву именно тогда, а не вчера. Сейчас все уже по-другому, декорации приелись, глаз замылился, а ничего из замеченного прежде больше так не заводит. Так было всегда – возьми любой город, любую страну. Разница лишь в том, что Москва в принципе не вставляет, дело даже не в привычке. Друган говорит, по приезде, неделе на второй, решил голым по квартире походить. Не смог. По своей-то, по закрытой. Говорит, не на шутку привык к тому, что вокруг вечно люди, хостелы, общежития, вписки, гости. Привык настолько, что у мозга ушел месяц на то, чтобы принять – это пространство мое, личное. Меня эта проблема, кстати, обошла стороной. В первый же день, как от него это услышал, пришел, разделся и решил, что все в порядке. Не все так плохо, значит, у каждого свой отходняк.

Я иногда думаю о важности и смысле. Да что я вру? Часто думаю. Будучи кем, я бы принес больше пользы обществу? А главное, сдалась ли ему эта моя польза вообще? Общество. Мне, если честно, вообще на него похуй – лишь бы пиццу поскорей привозили, запарился ждать.

Я тут «Браво» снова послушал, Даш. Ту, что про тебя. Последний раз под нее топал в Домодедово, когда в Ташкент к Степе летал. Иду, помнится, такой, лыблюсь… рюкзак, кеды, бодрый шаг. Я тогда будто ожил – подмигивал стюардессам, улыбался прохожим, погранцы послушно сдавались без боя. Где тот победитель и кто этот слабак в отражении? Я тухну, рвусь и покрываюсь плесенью. И Москва тут ни при чем, хоть и давит своим слабоумием. «Все я сам, – повторяю снова и снова, – все сам, заткнись».

Из приоткрытого окна нещадно хуярит ледяной ветер. Еще недавно я был с ней. Она знает, что у меня не все дома, знает, что мне здесь не место. Она все понимает, я же вижу. Вот только почему на вопрос «о чем думаешь?» я вновь отвечаю, что ни о чем? Молчим. Теперь ты знаешь больше, чем все. Не передумала?

4.45. Тем временем город умер. Пора спать. Своим поступком три года назад я наломал немало дров, о многих из которых еще даже не догадываюсь. Сложу-ка их однажды в новый костер. И

чем бы он ни стал – пусть себе горит. Всем мир».

С улыбкой сочиняю ответное письмо и выкладываю в свой блог:

Привет, Никита.

Сижу в магазине Apple. Первом на свете, в Пало-Альто. Пытаюсь вытащить из старого ноутбука фотографии и видео еще с Южной Америки. Он слишком тяжелый, чтоб тащить его с собой дальше. Рядом кряхтит несчастный японец. Он явно уже проклял небеса за то, что в качестве клиента ему русской рулеткой досталась я. Народ вокруг гудит, словно взбунтовавшийся улей. И твой текст как капельница – с каждым падающим сверху словом прочищает кровь. Доставкой на дом, за которую я даже не платила. На миг я вырываюсь из своего мира и, чтобы лучше вникнуть, продолжаю читать твое письмо вслух. Японец все равно ничего не понимает. Первая версия письма была совсем другой. Ее я тоже читала вслух, еще в Сакраменто, на мягком полу. Тут очень любят ковры, а я ненавижу сидеть на стульях, так что мне на руку.

Мне нравится это выражение на английском: «I feel you».

«Я тебя чувствую». Иногда звучит лучше и уместнее, чем просто «понимаю».

«Представляешь, Даш…»

Представляю, Никит. Знаешь, у меня от непонимания другими есть свое лекарство. Когда я нахожусь не в своей тарелке, успокаиваю себя тем, что эта самая тарелка у меня хотя бы есть. Значит, я хоть знаю, кто я. И то, что в данный момент вокруг меня чужие люди, становится не так уж важно.

От лайков член не растет. И даже сиськи против гравитации вверх не поднимаются. И что бы ни говорили ученые, мы-то с тобой точно знаем. Мне вспомнилось, как мы с Лесей и Виталиком, этими «Hello, friend» ребятами, ночевали на обрыве в их маленькой тачке где-то на севере Калифорнии. Холодно, тихо. Только звезды, ветер, лес и океан. Точим гранаты, что они натырили в полях еще до нашей встречи. И что-то о тебе зашла речь. Я-то тебя меньше суток знала, а ребята с набитой рукой блогеров следили за твоими мыслями уже не первый год. И Леся в доказательство, что ты хороший парень, тогда сказала одну фразу, застрявшую в моей голове.

Она сказала:

– Даш, вот кто-кто, а уж Демин точно все про себя знает.

«Как хорошо, если так», – подумала я.

Вокруг так мало тех, кто, что там об устройстве мира, хотя бы самого себя знал бы.

От твоей идеи сбросить телик из окна вспомнила, как мы на

крыше эту песню пели. Ты прикинь, там все это время была подсветка балкона! Такая неоновая, ох*енная, всех цветов радуги, стоило только в розетку воткнуть! А я не знала. Вот и остались заснятые видео в кромешной темноте. Только свечка на столе, маяк на «Алькатрасе» да полная синяя луна. «Просто синяя», – прошептал томный голос Моисеева в моей голове.

Не передумала? Нет, не передумала. Ты и сам это знал еще в тот момент, когда печатал вопрос.

Из победителя в слабака. Я знаю этот синдром. И ты знаешь, что я знаю. В отличие от тебя я каждый год возвращалась «домой» и проверяла силы этого откормленного зверя на своей шкуре. Так что поверь, когда я тебе скажу: этот город, как черная вдова, уже бежит за тобой по своей липкой паутине. Он торопится сожрать свежее мясо. И останься ты подольше – начнешь забывать, кто ты, и терять веру в себя.

Но я-то знаю, что…

Никто не отнимет у тебя плащ, Никита. Не сломает штурвал. Это твое море. И скоро Москва с ее коробками останется очень далеко за горизонтом, рассеянным пауком света в темноте. А ты с первым шумом волн забудешь, что вообще в ней был. Забудешь выкипевший суп. Забудешь дорогие машины и серость лиц прохожих. Забудешь о том, что кто-то пытался навязать тебе свои «хорошо» и «плохо» и требовал от тебя того же. Муравейник продолжит жить. Но это его история, и ты в ней всего лишь прохожий. Тебя же ждут русалки и осьминоги, пираты и портовые шлюхи, мудрецы и бомжи, которые почему-то не моются, даже когда есть возможность. Тебя, в конце концов, жду я. С бутылкой рома «Малибу» (мне плевать, что он бабский, мне нравится), без костыля и все еще с двумя глазами.

Так что попутного ветра, капитан Грустных морей. Сектор «приз» впереди. Белая комната с большим кожаным диваном, огромным баром, кучей травы и dvd-дисками, где вся твоя жизнь. Я уверена, там, наверху, твой запрос был принят.

P. S.: А дрова ломать нужно. Без дров мы на этой планете просто замерзнем.

* * *

На следующий день, пока я писала в «Coupa Cafe»[88], мне снова позвонил Никита. По традиции мы затрепались на пару часов, рассказывая, что с нами произошло за последнюю неделю. Я рассказала про Лиама, мальчишку, с которым крутила неделю роман, не очень удачный, а он про подружку брата, выступавшую

в роли фотографа на его встрече с подписчиками. Эта девочка была полной противоположностью меня. С тонкими губами и анорексичной внешностью, она любила котиков, детей, готовку, домашний уют и делать селфи в зеркало. По иронии судьбы именно она забрала тогда со сцены мое пиво «Жигулевское», но я пойму это спустя пару месяцев, пересматривая видео со встречи.

– У меня тут кое-кто появился… – сообщает он мне и, меняя тон, будто объясняясь, договаривает: – Но я ее сразу предупредил, что это ненадолго и что в какой-то момент я уеду.

– Ты влюбился? – задаю я ему главный вопрос.

Никто из нас не клялся друг другу в верности. Мы были своего рода друзьями, чья дружба при нахождении на одном континенте, скорее всего, логически переросла бы в нечто большее, но, пока этого не случилось, мы продолжали жить своими жизнями. Мне было все равно, кого он трахает, покуда скучал он по мне. Одноразовые парни ничего для меня не значили тоже. Никита же был для меня светом в конце туннеля. Поэтому, по сути, мой вопрос «ты влюбился?» можно было перевести как «это серьезно? мне стоит переживать?».

– Она влюбилась… А я, как ты выражаешься, подвлюбился. Но она москвичка. Она не из нашей стаи, Даш.

«Фух! Тогда неважно!» – думаю я, и мы оба начинаем выть во всю глотку перед ноутбуками на разных континентах, да так, что все белые воротнички с ужасом оглядываются в поиске диких собак.

Глава 14
Last days in San Francisco

Запись в блоге:

10 января 2015

«Тебя никогда не было и не будет нигде, кроме здесь и сейчас».

Испытываю эту поговорку на своей шкуре каждый раз, когда пытаюсь записать историю, которая уже закончилась. Несмотря на то что происходила она со мной, к тому моменту, как я перематываю этот снятый на свои глаза фильм, чтобы превратить его в сценарий, чувствую, что это опыт уже какого-то другого человека. Потому что я – здесь и сейчас. А та девочка, несущаяся на байке босиком по Бали, затерявшаяся в пещерах Чили, танцующая в Аргентине, выкладывающая дорожки на бачке туалета в хостеле Боливии перед рабочей сменой в баре, бегущая на трассу ловить фуру до Нижнего Новгорода с фатальной тогда задачей отбить парня, приятно пустая, курящая самокрутку на крыше Питера, прыгающая с пятнадцатиметрового обрыва в воду где-то под Киевом, чудом не сломавшая при этом ноги, танцующая голой под солнцем в пустыне на Бернинг Мэне, потерянная, работающая «красивой девочкой» в подпольных корейских клубах Голливуда, немножко влюбленная, проснувшаяся вчера головой в облаках – даже это уже давно не я.

Я здесь и сейчас. Истории больше не отпечатываются на мне. Я снимаю их на глаза, записываю на бумагу и отпускаю. Я – это то, что испытываю в данный момент. А потом все исчезает.

* * *

Мой друг, мне хотелось бы рассказать тебе все истории, произошедшие со мной в Штатах за те полгода, но большие книги теперь не в моде, и нужно как-то уместиться в дозволенный размер. Поэтому прости меня за все сокращения, давай я лучше расскажу тебе хоть пару историй полностью, чем десять нарезанных на куски. Давай проведем еще один вечер в Сан-Франциско вместе…

Знаешь это выражение – «отвести душу»? Вот какую роль в моей жизни сыграла Стейси. За время обучения в Стэнфорде она успела пожить в нескольких коммунах. Непонятно, как мы умудрились ни разу с ней не пересечься раньше. Она переехала из Москвы в Америку в десять лет, при этом ее русский звучал грамотнее большинства моих знакомых. В нём законсервировались выражения, пословицы и поговорки, которые мы уже давно заменили дешевым сленгом. Оттого было приятно ее слушать.

Как-то так само по себе вышло, что я осталась у нее на несколько дней. Нам обеим не терпелось поговорить с кем-то на родном языке. Но дело было не только в этом. Мы просто сошлись. Она безумно напоминала мне мою близкую подругу, Элеонор. Дни рождения чуть ли не в один день, такой же цвет волос, те же черты лица, выбор гардероба, те же любимые цвета, те же шутки. Она была невероятно умной и доброй. У девочки в ее двадцать пять было три патента. Извещение о получении одного из них пришло ей на почту, пока мы вместе ехали в такси на очередную вечеринку. Если бы не это временное стечение обстоятельств, я бы никогда об этом и не узнала, потому что она скромна и не стала бы хвастаться. Иногда я забываю, какие умные люди меня окружают всё это время. Все выходцы из Стэнфорда. Дети Силиконовой долины. На моих глазах они в буквальном смысле слова вершили историю. Совершали открытия, пока я сидела на полу в их кабинетах и уплетала бесплатные обеды за счет университета. Будь на моем месте человек эрудированный, он бы, наверное, закидал их всех вопросами. Я же с ними просто зависала, курила траву, смотрела сериалы перед сном и обнималась.

Несколько дней подряд мы ходили завтракать в одну и ту же кафешку на углу 24-й и Harrison. Там делали вкусный кофе с лавандой и бейглы с лососем. Я готова была сосать лапу весь день, но отказаться от такого завтрака не могла.

Стейси жила на Misson, самом дорогом и старом районе города. Все стены здесь были исписаны граффити. На улицах мексиканцы предлагали фрукты. Изначально это был район мексиканцев, но белые воротнички их вытеснили. Вся 24-я улица – это бесплатная картинная галерея…

За нашим утренним кофе я читала Стейси свои истории. Она настолько расчувствовалась, что пару раз мне показалось, что она заплачет.

Днем мы делали свои дела за ноутбуками в кафе хакеров, а на вечер придумывали какую-нибудь программу развлечения. Стейси знала город как облупленный. В первый вечер мы

вооружились буррито в ее любимом ресторанчике и пошли вверх на один из семи холмов города любоваться закатом. Не понимаю я эти буррито: как можно есть рис в лаваше? Какой-то неадекватный замес продуктов происходит в этом сбежавшем из Мексики ребёнке.

– Знаешь, что я, Ася, заметила? – в русской версии она не Стейси, а Ася. – Что русские, уехавшие в свое время из страны, куда интереснее, образованнее и воспитаннее среднестатистического гражданина России. Они как-то даже больше русские, чем те, что остались в стране. Наверное, нашу родину легче всего любить издалека. Вот уезжаешь ты и сразу начинаешь беречь в себе русское. И фильмы советские, и музыку, и поговорки… Всё. Наверное, потому, что умы России всегда бежали из страны… Писатели, ученые… Их буквально выперли. И оставили тех, кто не выпендривался.

– Я думаю, было так: в какой-то момент все увидели, что корабль тонет, и поняли, что надо спасаться. Мои родители долго пытались уехать. Сначала мы с мамой переехали на Кипр. Там в это время было море русских. Потом был финансовый кризис, и мы уехали сюда.

Мы забрались на холм Bernal Hightsts. Отсюда открывался чудесный вид на весь город. Казалось, что смотришь на него не с холма, а из космоса. Ведь весь Сан-Франциско двухэтажный, и оттого огоньки света рассредоточены равномерно, как сверкающие золотом звездочки.

Через час мы должны были выходить на вечеринку… Одну, вторую и закончить клубом.

Этот город умеет веселиться.

– Он создан для одиночек, – так мне сказал как-то один таксист с изуродованным оспой лицом. Я возвращалась с вечеринки капитанов и моряков на одном из причалов. Мальчики вызвали мне Lyft (тот же Uber, только лучше и дешевле).

– Вы так считаете?

– Да что там считать! Это город без обязательств. Никто не покупает жилье – все его снимают. Никто не покупает машины – все пользуются такси. Никто не заводит семьи. Собака – вот он, максимум ответственности за другое существо, которую готовы взять на себя жители этого чертова города. Вот оно, их самое большое признание. Здесь все заделано под этих одиночек.

– За это я его и люблю… – мечтательно ответила я, заглядываясь на огни Окленд Бэй Бриджа.

Каждая лампочка на нем была куплена отдельным жителем Сан-Франциско. Бьюсь об заклад, таксист об этом понятия не имеет. You may say I'm a dreamer, but I'm not the only one[89].

Суббота в таком городе одиноких сердец взрывает ночь сотнями фейерверков, пьяных поцелуев и разноцветных презервативов. Но мне никуда не хотелось. У меня только что стерся весь текст про Чили, который я штопала сутки, и настроение мое сдулось, как воздушный шар.

Стейси побежала мастерить себе боевой наряд на ночь. Сегодня ее лучший друг переезжал в Лондон, и это была его прощальная вечеринка. Она так разоделась, что я ей теперь и в подметки не годилась.

– Я не хочу переодеваться, – на мне были лосины и черный мужской свитер, подаренный девочкой из Донецка, с заветной надписью «Stay wild». Ни макияжа, ни черта. – Можно я буду твоей подругой-лесбиянкой?

– Ха-ха, можно. Да тебе же жарко будет! Давай я тебе платье одолжу?

– Нормально. У меня там еще одна кофта под этой, она потоньше.

Мы вызвали Lyft и отправились домой к Саймону, ее другу. Саймон был по совместительству ее боссом. Она постоянно повторяла мне, что он гений. А если девочка с тремя патентами говорит, что кто-то гений, значит, он и правда гений. Как выглядят гении в Сан-Франциско?.. Вот тебе наглядный пример: большой темнокожий мужик в юбке, верхний слой волос покрашен в ярко-малиновый, разноцветные гольфы до колена, глаза накрашены под цвет волос, лицо украшают черные веснушки и белоснежная улыбка Чеширского Кота. Он был прекрасен.

Их гостиная напоминала Новый Орлеан: на люстре висели разноцветные бусы, вокруг маски, яркие блестящие штуки со всех сторон. На камине стояли перевернутые женские бархатные туфли. На столе – гигантское чучело павлина.

«Вот такие, как он, – они и есть узлы на сетке, в которую я падаю, когда становится слишком тяжело от тленности бытия», – думаю я, всматриваясь в лицо Саймона.

Компанией в десять человек мы отправились в клуб «BOOTY». Игра слов заключается в том, что на английском языке это и «сокровище», и «попа». Вход стоил 20 долларов.

– Сколько?!

– Двадцать.

– Там что, концерт?

– Нет. Там просто круто.

Я вытащила из чехла паспорта четыре мятые однодолларовые бумажки. Парень рядом со мной увидел это, посмеялся и заплатил за меня. Я честно отдала ему последние деньги, хотя он

об этом не просил. Играла громкая музыка. Все побежали закидываться алкоголем, а я только написала, что больше не могу лить в себя алкоголь. Совершенно не хотелось. Три этажа музыки. Практически на любой вкус. Посередине главного зала большая сцена. От нее в обе стороны расходятся винтовые лестницы наверх.

В какой-то момент выключается свет, и на сцену выходят трансвеститы и начинают петь под фонограмму. Целое фрик-шоу. Невероятно классное. Есть что-то цепляющее в огромном, страшном, накрашенном мужике, поющем женским голосом про любовь.

– Where have you beeeeeeeen? – кричит он под фонограмму, махая огромными наклеенными ресницами.

Одно выступление сменяется другим. Я смеюсь и хлопаю. Периодически кто-то поливает меня алкоголем. Руки становятся липкими. В толпе я встречаю Дэвиса, парня, сидящего на антидепрессантах.

И вот он подскакивает ко мне, в своей разноцветной футболке «ITHAKA», потный и дикий:

– Даша! Я сегодня впервые не принимал таблетки! Помнишь, ты просила, чтобы я бросил? Так вот, я бросил!

Он хватает меня за руки и танцует так, как будто он под экстази. Ладони мокрые, он извивается как змея. Я никогда не видела его таким. Я вспоминаю наши разговоры в «Итаке», когда я пыталась понять, что с ним не так. Как это – сидеть в депрессии полтора года и не выходить из нее вообще? Он пытается обнимать меня, насквозь мокрый, я увиливаю и поднимаюсь на второй этаж.

В больших клубах мне всегда одиноко. Тут ни с кем не пообщаешься. Я останавливаюсь на балконе и решаю понаблюдать за людьми. Столько красивых мальчиков. Руки – сплошные мускулы, светодиодные лампы их выгодно освещают. Только вот эти мальчики сами с собой, точнее – друг с другом. Все они геи. Мужик в трусах пляшет на шесте как бешеный. Кажется, ему за это даже никто не платит.

Ко мне подкатывает какой-то мелкий стремный парень. Он ниже меня ростом, волосы уже поредели. Шансы заполучить девочку – один к ста. Он явно в отчаянии. Но теперь напился и, видать, набрался храбрости. Подкатывает – в данном случае не образное выражение. Он буквально подтолкнул меня плечом и занял ту часть балюстрады, на которую облокачивалась я.

– Эй, могу я тебя чем-нибудь угостить?

– Нет, спасибо.

– Да ладно тебе. Давай угощу!

– Не стоит.

– Перестань! Я вижу, ты скучаешь. Что будешь?

– Белого русского.

– You got it!

Мы подходим к барной стойке.

– Откуда ты?

– Из России.

– Ха-ха, вот как! Может, тебе сначала просто водки тогда? Вы ведь все водку любите, так?

Все, парень, это был залет.

– Нет, не так…

– Как не так? Да ты не обижайся! Я же сам русский.

– Ты не русский.

– Моя прапрабабушка была русской! I'm serious.

– Я тоже serious, это не значит, что ты русский.

Эти чертовы стереотипы за полгода просто достали. Я начинаю жалеть, что согласилась. Парень теперь думает, что купил меня. За это время меня уже трижды облили. Футболка мокрая. С потолка в стакан упала капля и умудрилась «Белым Русским» обрызгать мне лицо. Как будто все говорило, что мне тут не место. Пацан пытается завести со мной разговор. Он словно специально задает мне самые банальные вопросы, на которые я задолбалась отвечать. Что главное, ему плевать на мои ответы, он просто щупает почву – пытается понять, перепадет ему или нет. Я вижу, что ему от самого себя противно. Что с таким говорить. Лечить я его точно не собираюсь, тут все слишком запущено.

– Слушай, я не очень хочу разговаривать… Можно мы просто постоим молча?

– No problem.

– Спасибо.

Я достаю из заднего кармана телефон и начинаю писать сообщение:

«Я все думаю, что ты про собаку сказал, когда мы говорили. Так естественно посмеялся, сказав, что это бред – покупать собаку, а не брать из приюта. «Естественно» – прекрасное слово. Мне нравится, когда о чем-то таком говорят «естественно», потому что в большинстве случаев собеседник согласится, что бы ты ни говорил, если ты искренне веришь в естественность своих слов. Печатаю тебе это из клуба. Самого большого в этом сумасшедшем городе. Столько свободы во всей этой толпе, что кажется, если собрать их всех в охапку и раскидать по миру – они обязательно передадут идею остальным. Но здесь как в московском метро, Никита. Они толкают меня как могут. Почему

людям надо нажраться, чтобы быть собой? Они ведут себя, как большой хлев свиней, и правда в том, что вот они, искренние, настоящие… вырываются из своих коробок раз в ночь и пытаются выпустить весь пар. А завтра уже опять наденут маски и пойдут играть чью-то роль. Как же мне повезло этого не делать. Как же хорошо не притворяться и не врать. Что они слушают, боже мой, Никита. Это не музыка, это какая-то атомная война, направленная на уши. Зачем? Зачем?»

Я высасываю из маленькой черной трубочки оставшиеся сливки, извиняюсь перед парнем, который все это время со мной разговаривал, не обращая внимания на то, что я смотрю в телефон, и спускаюсь вниз. Обратно, в адские пляски. Я тут осталась единственной трезвой. А когда ты трезв, все пьяные начинают раздражать.

Ко мне подбегает Стейси, она уже тоже навеселе. У нее был тяжелый день. За несколько часов до этого она спрашивала у меня совета, стоит ли ей мутить со своим коллегой-греком. На данный момент они были хорошими друзьями, и было очевидно, что эта мысль пришла ей в голову от одиночества, а не потому что у нее и правда к нему чувства. Это уже пройденный урок.

– Стейси, ты же даже не хочешь его, что ты порешь. Он в два раза меньше тебя. Ну, переспишь ты с ним, уже где-то через десять минут после того, как вы начнете, поймешь, что это была плохая идея. А дальше загонишь себя в полный геморрой на работе, потому что, судя по твоим рассказам, для него это будет что-то значить. Don’t shit where you eat, помнишь?

– Да я понимаю… Я знаю… А вдруг…

– Не вдруг.

И вот сейчас она подбегает ко мне, счастливая и пьяная, в сексуальном черном корсете, который ей очень идет, и кричит мне на ухо:

– Я подцепила парня!!! Он блондин и красавчик!

– Класс!.. Погоди… А как его зовут?

– Дэвис!

Я понимаю, что это мой сумасшедший сосед, который перешел с антидепрессантов на экстази. Но Стейси так рада, что я решаюсь сообщить ей об этом только на следующий день. На ее шее уже красуется засос. Потом я узнала, что они все-таки начали встречаться и пробыли вместе целых два года.

– Я пойду на диванчиках посижу, Ась. Я готова валить домой, как будешь готова – сообщи.

– Хорошо, я тебя найду.

Я протискиваюсь через весь танцпол. Господи, как же вырядились все эти девочки! Сколько макияжа! Накладные

ресницы бабочками машут мне со всех сторон. Вокруг каждой парит ореол сладких духов. Цветочки, ждущие опыления. Парад опьянения заканчивает мужик на шесте. Я улыбаюсь ему, прячусь в кафешке за соседней дверью и опять достаю телефон:

«Я, знаешь, в последнее время, когда встречаю людей, пытаюсь сразу в душу смотреть. Это не так просто, но прикольно. Вот скачет рядом со мной потный голый мужик на шесте, под сиськами татуировка, две строчки. Видно, что новая, потому что эта часть груди выбрита. Он такой смешной, пузатенький, в блестящих трусах, крутит попой, как центрифуга. И я пытаюсь представить в его пляшущем теле душу. Такой светлый луч, от головы до живота. И радуюсь, думаю: душа-то тоже танцует. Слишком много портретов. Мне кажется, я высадилась где-то на новой планете и просто не могу принять все вокруг как есть. Смотрю девственными глазами на девушек на шпильках в шортах-трусах, на парня в прозрачной майке-сеточке… А вон зататуированный пацан в кепке бейсбольной команды SF… Столько портретов, что невозможно просто. Они как будто прикалываются надо мной, честное слово. А вот прошли две девки с крашенными в яркие цвета волосами, каждая размером со слона. Они как будто по объему друг друга себе подобрали. Вот пьяный молодой парень шатается, доедая пиццу… Мне бы хотелось, чтобы ты просто рядом посидел. Потому что это какой-то пиздец, Никит. Мой жесткий диск переполнен».

Мне отсюда никуда не деться, пока Стейси не наиграется. Я убираю телефон и смотрю на парня с пиццей пристальнее. Он стоит с четырьмя бумажными тарелками в руках, на каждой по слайсу. Получилось, что тарелки чередуются с пиццей, словно один бумажно-хлебный торт.

– Эй, парень!

– М?

– Зачем тебе столько пиццы?

– Друзья меня бросили. Сказали: «Иди купи поесть», – а сами пропали.

Он сел рядом со мной. Я сразу распознала австралийский акцент. Он был красивый и высокий. Говорил немножко заумно. Было не совсем понятно, что он забыл в этом клубе в два часа ночи. Он явно не постоянный клиент таких заведений. Парень оказался донельзя образованным: успел пожить в Японии и Европе, говорил на пяти языках, даже немного на русском. Выглядел на восемнадцать, но ему было двадцать пять. Я не сказала о себе ровным счетом ничего, даже имени. И оттого с ним было весело. Когда Стейси наконец была готова валить, я стала прощаться.

– Позвони мне, – говорит. – Запиши мой номер.

– Зачем?

– Чтобы встретиться еще раз, глупенькая.

Я собиралась уезжать через два дня, а у меня еще оставался целый список дел.

– Не хочу прозвучать как сука, но, чтобы я тебе позвонила, нужен хороший повод.

– Ок, let's see… Ты любишь летать?

– Летать люблю. Не люблю падать.

– Падать не придется. Ну, значит, полетаем.

– Ты что, пилот?

– Я учусь на пилота.

– Ну хорошо.

– Когда?

– Завтра.

– Договорились.

До меня окончательно дошло, что он не шутит, только когда мы стояли на аэродроме на следующий день вместе с его инструктором. Ребята отцепили крылья от вмонтированных в асфальт петель. Они были прикреплены железными цепями на случай ветра. Самолетики такие маленькие, что даже ветер может их снести. Смешно: пару дней назад я упомянула в разговоре с кем-то, что скучаю по самолетам, и вот я сижу на кожаном сиденье персонального самолета приглашенной звездой. Мы выехали на взлетную полосу. Я надела наушники и нажала на волшебную кнопку, которая и правда вырубила все звуки. Теперь я слышала только то, что говорили ребята:

– Итак, Даша, мы сейчас взлетим. Пока будем подниматься, пожалуйста, не разговаривай. Мы будем слушать команды с земли. Потом сможем трепаться сколько угодно.

– Без проблем. Я вот только никак пристегнуться не могу…

– Надо очень нежно тянуть. Ремень чувствительнее, чем в машине.

Инструктор пристегнул меня сам, и мы взлетели. За минуту мы воспарили птицей над моим любимым городом.

Вдоль взлетной полосы змеями бежали реки, и луна отражалась на их черных спинах голубым блеском.

Вид был и правда захватывающий. Самолет периодически довольно страшно покачивало. Мы попадали в зоны турбулентности, а в маленьком самолете они ощущаются куда сильнее, чем в пассажирском. Мне нравилось, как каждый раз сжимается все внутри. Смешно, как руки сами цепляются за переднее сиденье и дырку подстаканника. Как будто, если мы начнем падать, это меня спасет.

– Oops, it’s bumpy today. Are you doing well, Dasha?

– Oh yeah, I’m great.

– 2000 miles. 74 узла, – отчитывается Карл какой-то девушке на земле.

– Make it 2400, – отвечает женский голос. – Ok. Thank you… Damn it, I said «thank you» again.

– What’s wrong with saying «thank you»? – спрашиваю я.

– Мы говорим на той же линии, что и все пассажирские самолеты. Мое «спасибо» занимает лишнее время.

Голоса ребят в наушниках слышатся довольно тихо, но отчетливо. Я решаю снять наушники и проверить, что же происходит на самом деле. В реальности звук был таким, будто мы оказались в самом сердце огромного пчелиного роя. Я сразу надела их обратно.

Мы пролетели над Oakland Bay Bridge и теперь шли вперед, вдоль береговой линии. Я смотрела на улицы, по которым столько раз ходила, на мостики и пирсы, каждый из которых теперь хранил мои истории, мои секреты. И вот мы уже над «Алькатрасом». Я никогда не видела его с другой стороны; прямо как темная сторона луны… А вот и Голден Гейт… Миниатюрные машинки бегут по красному мосту в разные стороны, как лейкоциты и тромбоциты в венах. Такие маленькие… Всего лишь точечки. Клеточки. Сложно было представить, что внутри сидят люди, а в людях – еще один мир. Воспоминания, знания, мысли, мечты… Каждый из них так много про себя думает. Они вроде бы все такие большие существа… Но отсюда их даже не разглядеть. Как так? Что, если мы и есть лейкоциты? Просто клеточки. Бежим куда-то, потому что нам надо бежать, а думаем, что это важно. Ищем какой-то смысл, а может, его никогда и не было. Добежим, постареем, отомрем. И появятся новые. И побегут дальше. А мы станем витающей в воздухе пылью.

Как бы там ни было, в тот момент, вглядываясь в темную ночь из иллюминатора, я прощалась с любимым городом.

Глава 15
How deep is your love, или Сколько ты стоишь?

Голливуд – это место, где тебе платят тысячу долларов за поцелуй и пятьдесят центов за твою душу.

Мэрилин Монро

Запись в блоге:

25 января 2016

– Ла Руса, Ла Руса[90]… – слышится мне голос Волшебника. Сегодня вечером он ждет меня в Лос-Анджелесе. – Ла Руса, Ла Руса…

Ла Руса постепенно сходит с ума. Жизнь Ла Русы разогналась до такой скорости, что Ла Русе, у которой уже в глазах пестрит от всех событий, хочется сделать шаг вперёд из остального ряда алкоголиков и сказать: «Подождите! Я записываю».

Ла Руса еще не успела даже объяснить, почему она Ла Руса, а уже взлетела в небо, ударилась о камни, зашла в пустое дерево и вышла где-то на фрик-шоу трансвеститов. Нашла дверь за бархатной шторой и уже оказалась на своей прощальной вечеринке в коммуне. Она сказала тост, хлопнула красного залпом и не успела оклематься, как поняла, что устроила вчера ночью маленькую революцию. Ла Руса вытерла в ванной слезы, попрощавшись с очередным незаменимым, кинула тело в улицу и через поворот очутилась в толпе из ста человек. Голова Ла Русы машет ушами от криков по всему дому и громкой музыки. А там среди всего зоопарка тот же Кактус, что шёл мимо неё на улице в Хэллоуин, тот же парень из Долорес Парка, что приглянулся ей сто месяцев назад, только теперь он акула. Та же девушка, что учила ее йоге. Тут дышат каким-то непонятным газом из шарика и улетают на две минуты. Ла Русе предлагают полетать. Но, черт возьми, она же и так уже летала всего два дня назад…

Ла Русина жизнь – это «камера, мотор, и-и-и… начали!»

И она здесь, честно говоря, совершенно ни при чем.

Остановите карусель, я буду блевать словами и разноцветными лентами.

* * *

26 января

Я попрощалась с Сан-Франциско и теперь уже бесповоротно двигалась на юг. Сама не понимаю, как это произошло, но вещей за полгода прибавилось нехило. В рюкзак они не помещались, поэтому пришлось их раздавать. Болезненная процедура, скажу я тебе, но ничего не поделаешь. Тащить в руках три сумки – тоже не вариант.

Зачем я ехала в Голливуд и почему сразу не в Мексику? Всё просто: мне нужны были деньги.

Не буду вдаваться сейчас в подробности, но средства, на которые я рассчитывала в Сан-Франциско, мне не перепали. Вместо четырех тысяч долларов, как я планировала, удалось отложить только тысячу. На неё я протяну не дольше двух месяцев. Виза заканчивается в конце февраля, и лучше убраться отсюда пораньше, чтобы не вызывать у пограничников подозрений. Не помню, кто именно мне это сказал, но не стоит уезжать день в день с окончанием визы. Иными словами, у меня было две недели, чтобы сделать максимальное количество денег. Пытаться заработать в Центральной Америке – так себе занятие. То, что я могу здесь сделать за день, – там я буду получать в лучшем случае за месяц. Я не могла тратить ни дня на поиски новой работы, а значит, оставался только один способ.

Сообщение:

Макани, детка, привет! Я вернулась в ЛА и хочу работать.

Макани. Вся эта заварушка началась именно с неё…

Дело было еще в декабре. Мой новый друг, я прозвала его Волшебник, высадил меня тогда на Венис-Бич, и мы договорились, что встретимся в ближайшие дни. Вообще его звали Стив, но имя «Волшебник» подходило ему больше, потому что говорил он всегда очень загадочно и каждое предложение содержало в себе ноту шутки и оставляло интригу. У него был вид человека, который знает немножко больше остальных. Вид мудреца, которому с приобретением знаний не надоело жить, он просто играется, как барон Мюнхгаузен.

Мы познакомились с ним на одной домашней вечеринке. Мне налили вина, и я вошла в раж. Не помню, что именно заставило меня это сказать, но, обратившись к нему впервые, я спросила:

– So you're a scorpio, right?

Он ничего не ответил, только посмотрел на меня с улыбкой, развернулся и ушел.

Через полчаса он подошел ко мне снова:

– Как ты догадалась?

– Ты знаешь людей лучше, чем они знают самих себя. Тебе это даже порядком поднадоело. Ну а еще ты понимаешь меня. Мы с тобой на одной волне; а я Рыба. Ты мог бы быть Раком, но ты более загадочный. Значит, ты Скорпион.

– И когда же у тебя день рождения?

– 22 февраля.

– Двое моих самых важных в жизни людей родились в этот день. Вот теперь и правда интересно.

Он чертовски напоминал мне по мировоззрению мою подругу Билли. У них был день рождения в один день, а номера телефонов заканчивались на одни и те же четыре цифры. Конечно, для человека скептического это не значит ничего; для меня это значило всё. Так, на другой стороне земного шара я встретила свою родственную душу.

Мы сошлись моментально. Нам было искренне в кайф. Он киношник, я путешественница; далеко пойдем в разговорах про звёзды.

Стив научил меня одной фразе, которую я решила взять с собой дальше по жизни: «Always take the high road».

«Выбирай верхнюю трассу». Это метафора, означающая: поступай всегда как можно лучше. Будь выше.

– Я давно этим правилом пользуюсь, детка, – говорит мне он. – If you've taken the high road you never have to ask for directions.

Нас связывала долгая история, но нет места о ней говорить… Вернемся в сегодня. Сегодня я собиралась ночевать на пляже. В кармане был ноль. Мы стояли рядом с банкоматами и прощались. Я попросила у Волшебника двадцатку в долг.

– У тебя в квартире все мои вещи, ты знаешь, что я верну…

– Конечно, знаю, детка, я не переживаю по этому поводу.

– А вот я переживаю, – подумала я. – Чёрт его знает, что делать.

– Извините, вы в очереди? – обратилась к нам девушка.

– Нет-нет, мы просто разговариваем. Go ahead.

– Great! Thanks! Sorry for bothering, – она рассмеялась самым невинным образом.

Мы оба загляделись, и было на что. Девушка напоминала современную версию Эсмеральды: смуглая кожа, копна темных вьющихся волос, в них запутались огромные золотые кольца-

сережки. Мраморные глаза. Несмотря на то что одета она была в мужской спортивный костюм, было видно, что фигура у нее идеальная. На вид ей было лет девятнадцать. Она стояла с расстегнутым рюкзаком, из которого чудом не вываливались вещи. В руках огромная стопка налички. Явно больше штуки долларов. Удивительно, что ее еще не ограбили. Нельзя было упускать такой шанс:

– Извини, пожалуйста, – обратилась я. – А можно тебя спросить, ты кем-то работаешь?

– Я бармен и серф-инструктор.

– Ничего себе! Круто! А то я вот ищу работу. Может, меня тоже инструктором возьмут? Я могу учить новичков.

– Можно попробовать.

– Это ты там столько денег делаешь?

– Не-е. Это бар. Бар решает.

– И сколько у тебя получается делать?

– Ну вот за прошлую ночь сделала две штуки.

– Две штуки баксов? Ты шутишь?

– No kidding. Это же Лос-Анджелес! Люди готовы платить.

– Это ты на чаевых столько делаешь?

– Ага. Я могу взять тебя с собой!

– А собеседование не надо проходить?

– Нет, я тебя всему научу и замолвлю за тебя словечко.

– Круто!

Волшебник хитро улыбается и уходит. Девочка заталкивает оставшуюся наличку на карту, и мы идём к пляжу. Безумный Венис. Всегда тут что-то происходит.

– Я Макани!

– Я Даша.

– Даша-а-а! What a beautiful name!

– А твоё-то вообще потрясающее!

Пока мы идем, девочка здоровается практически с каждым проходящим мимо. Кажется, она знает тут всех. Streetgirl. Она рассказывает мне о себе, говорит, что все время путешествует, как цыганка, что написала книгу и теперь она продается на «Амазоне».

Что нигде не задерживается подолгу. Всё время в дороге. Она и ее укулеле. Что сейчас она записывает альбом, вот только вчера на радио выступала. А еще она профессионально танцует и участвовала в конкурсах красоты.

Я так и не узнала, какие из ее историй были правдой. Действительно ли всё это происходило или ей просто нравилось сохранять такую легенду?

Мы доходим до баскетбольной площадки. Ступеньки

заполонили черные ребятки, мексиканцы и бомжи. В этом вся суть Венис: это нереальный замес людей на отличном фоне из золотого песка, голубого неба, граффити и пальм. Здесь есть все. Модели, актеры, блогеры, сладкие детки, за Инстаграмом которых ты следишь. Они проезжают на скейтах в оборванных шортах, и весь мир фапает на их подкачанные зафильтрованные задницы. А вне кадра остается наблюдающий за этим бомж с барабанами из пластиковых ведер.

Мы садимся на лестницу. Солнце опускается и бросает оранжевые лучи по расчерченному асфальту. Пальмы и чайки создают черный орнамент раскаленному небу. Миллионы людей мечтают оказаться на этом пляже. А я здесь сейчас.

Макани вкратце рассказывает мне о своей работе. Оказывается, она никакая не барменша.

– Я не хотела говорить при твоем друге, что именно я делаю, ну знаешь, чтобы не возникло лишних вопросов. Я всегда отвечаю, что работаю барменшей. Так проще. Так вот, в чем на самом деле суть работы: мы будем всю ночь ездить по корейским караоке-барам. Обычно туда приходят бизнесмены. В корейской культуре не принято сидеть в обществе одних мужчин, поэтому они приглашают к себе девочек. Мы будем выступать в роли гейш. Клиенты по большей части азиаты, но иногда появляются и армяне, и американцы…

Мы будем заходить к ним в комнаты, предлагать себя в качестве компании. По сути мы будем с ними просто тусоваться, а они нам за это будут платить. Куча девочек делает это бесплатно каждую ночь: наряжаются и идут танцевать в клубы. Зачем тусоваться с какими-то парнями бесплатно, если мне за это могут платить, you know what I mean?

– Sure. Makes sense.

– Я расскажу тебе все свои секреты, и ты быстро вольешься в систему. Я давно искала девочку, с которой можно будет работать в команде. Мужики любят смотреть, как девочки танцуют вдвоем. К тому же это куда лучше, чем тереться об них, согласись! Тебе нужно будет определить свой стиль. Ты должна отличаться чем-то от других девочек, чтобы тебя выбирали. Ну ты быстро поймешь, какой наряд тебе идет больше всего. В чем будут выбирать – в том и оставайся. Они должны тебя запомнить по наряду, и тогда будут появляться постоянные клиенты. Я вот, например, сорвала куш: решила приходить на работу в коротких джинсовых шортах, красном лифчике и белой майке. Говорю, что я серферша с Венис-Бич, такая свойская девчонка. И пока некоторых девочек в роскошных коктейльных платьях они попросту боятся, со мной расслабляются.

– Крутая идея, молодец.

– Так, что еще? А, самое главное! Они будут хотеть, чтобы ты напилась. Но ты приходишь туда работать. Тебе нужно сохранять трезвость ума, чтобы получить от них как можно больше чаевых. Ведь весь смысл в чаевых, а не в почасовой оплате. Часовую оплату ты будешь частично отдавать нашему боссу, а вот чаевые все твои.

– И ты делаешь по две штуки за ночь? Как?!

– Опыт. Ты тоже научишься со временем. Так вот, насчет алкоголя: тебе нужно, чтобы они напились, а самой при этом остаться в адеквате. Все девчонки забывают об этом, расслабляются и уходят ни с чем. А ты делай следующее: предлагай им пить, снова и снова. Тебе как раз выгодно, чтобы они надрались и расщедрились. Но когда будешь пить сама, наливай себе отдельный стакан колы, скажи, что это для запивки. А на самом деле не глотай алкоголь, держи его во рту и когда будешь, как они думают, запивать – выливай его обратно в колу. А в остальном разберешься по ходу дела. Я постараюсь сделать так, чтобы мы попали с тобой в одну комнату. Посмотришь, что я делаю, и всё поймешь сама.

Мы обсуждаем это, сидя на баскетбольной площадке. Макани ждет своей очереди влиться в игру. Я слабо представляю эту миниатюрную девочку в команде огромных негров. Она следит глазами за одним из самых накачанных парней. Он бегает по корту с голым торсом, в спортивных полуспущенных штанах. На животе красуется полный пакет кубиков. Лицо не обезображено интеллектом.

– Горячий, да? Он мне нравится. – Она рассматривает его с дерзкой похотью. Так обычно смотрят латиносы на сексуальных девочек. – Надо брать.

Пока она играет, я ухожу погулять по пляжу одна. Записываю видео, которое не решаюсь показать. Я сама себе там кажусь безумной. Бегу по пляжу, кричу, что эта планета – большая песочница и что всё, что остается здесь делать, – это играть.

С заходом солнца я возвращаюсь к площадке. Макани уже сидит в обнимку с тем негром. Она говорит, нам пора ехать.

– Заедем ко мне домой, переоденемся и погоним на работу.

– Хорошо.

За это время солнце зашло за горизонт и оставило за собой багровую полосу на небе.

Они идут в обнимку. Я плетусь сзади, заглядываясь на бездомных музыкантов. Одна женщина играет Дебюсси на разбитом рояле на ножках. На руках старые вязаные перчатки без пальцев. На голове хаос. Рядом стоит тележка из супермаркета со

всеми ее вещами. Она играет на фоне синего неба и черных пальм. Всё это так красиво, что я решаю ее заснять.

– Даша! Ты идешь?

– Да, сорри.

Мы доходим до маленькой красной машинки Макани. Вся тачка завалена шмотками, они в буквальном смысле лезут изо всех щелей. Вечерние платья, лифчики, туфли на платформе со стразами вперемешку с кроссовками и шлепками… С таким набором можно уехать куда угодно и когда угодно. Кажется, в этом и есть весь план.

Мы приезжаем к ней домой. Она живет с девочкой, снимает однушку. На Венис-Бич у нее еще одна квартира. Девятнадцатилетняя девочка снимает две квартиры в Лос-Анджелесе на свои бабки. Такого я еще не видела. Мы въезжаем в гараж ее здания. Пока Макани копается на заднем сиденье своей машины в поисках подходящей для меня и себя одежды, негр пристраивается к ее заднице самым откровенным образом. Макани его не останавливает. Он берет ее за бедра и покачивается с ней в такт. Ухмыляется, играя зубочисткой во рту и, судя по взгляду, прикидывая, как будет ее трахать. На плече висит футболка, которую он до сих пор так и не надел.

В конце концов Макани набирает полную сумку шмоток и туфель, и мы поднимаемся в ее квартиру.

– Не говори ему, что большая кровать – это кровать моей подруги, ладно? Я сказала, что это моя.

Макани вручает мне платье и начинает переодеваться сама. Счастливый негр запрыгивает на кровать и наблюдает за процессом. Макани меняет нижнее белье прямо на наших глазах, стягивает с себя трусы, не сгибая коленей, надевает красный лифчик и другие стринги. Начинает мерить платья и рассуждать вслух, какое лучше надеть. Она явно красуется. Неудивительно, с таким-то телом. Я иду переодеваться в ванную. Натягиваю черное полупрозрачное платье с блестками. Оно всё колется и едва прикрывает мне задницу. Я бы в жизни такое не надела. Мы с моей подругой Элеонор называем такие платья «два пальца до пизды».

Когда я возвращаюсь в комнату, она уже сидит верхом на негре. Он держится обеими руками за ее идеальную бразильскую попу. Кажется, пара пальцев его руки уже в ней. Макани оглядывается на меня с озорной улыбкой.

– Мы тебя не смущаем?

– Да так, мальца…

– Хочешь присоединиться? Или можешь просто понаблюдать.

– Да нет, спасибо. Я пас. Я только косметичку возьму…

Ухожу обратно в ванную. И пока я крашусь, ребята начинают жечь на всю катушку. Критической ошибкой было не забрать из комнаты свой телефон. Я остаюсь в маленькой гостиной, соединенной с кухней. Нет ни журнала, ни компа, ничего. Уйти я не могу, потому что все мои вещи в той комнате. И пока я обвожу губы красной помадой Макани, та страстно стонет и кричит во всю глотку то ли «love me», то ли «fuck me», то ли «hold me». Периодически слышатся удары об стенку. Весь Голливуд построен из картона, стенку здесь можно ломать, как Рэмбо, кулаком.

Спустя час моей сломанной детской психики они выходят. Она собирается за пятнадцать минут, целует своего «нового мужчину» (так она сама его назвала) и оставляет его спать в кровати подруги. Тем временем за нами на огромном черном минивэне с затонированными напрочь стеклами заезжает ее босс. Внутри уже сидят разодетые на любой вкус и цвет ночные бабочки.

В ту ночь нам с Макани не удалось попасть в одну комнату. Её выбрали с первого раза, а я еще поездила по клубам. В итоге мне в качестве клиента достался большой лысый кубинец с шикарной сигарой. От него сильно пахло парфюмом, как у моего дедушки. Как же этот кубинец удивился, когда я заговорила с ним на испанском. Кажется, именно поэтому он меня и выбрал. В ту ночь я сделала двести двадцать баксов и на следующий день вернула Волшебнику долг.

Макани же сделала за ночь намного больше и даже прихватила с собой еды. Видел бы ты лицо того негра, когда она разбудила его, поставив перед носом горячий картофель фри, куриные ножки и гору фруктов. Парень давился от счастья с видом благодарного пса. Посуди сам: подобрала с улицы, привезла домой, трахнула, накормила… Этот день он запомнит надолго.

Мы оставили счастливого пацана на кровати с едой, а сами пошли смывать боевой раскрас. Я пребывала в каком-то трансе. Ноги ломило от каблуков. Я упала на крышку унитаза и стала лить на ватный диск молочко. И вот тогда, когда я уже свела образ жизни этой девочки на нет, красавица Макани, стоя напротив зеркала, задумчиво посмотрела на свое отражение и сказала:

– Знаешь, зеркало – самое глупое изобретение человечества.

– Почему?

– Потому что в нём ничего нет, – она повернулась ко мне с улыбкой. – Что мне говорит моё отражение? Ничего. Это всего лишь внешность. Оболочка. Мое настоящее отражение – это лицо другого человека, когда он смотрит на меня. Ты смотришь мне в

глаза и улыбаешься. Твоя улыбка и есть мое отражение. А не этот отшлифованный камень. Так буддисты говорят. Не читала «Сиддхартху» Гёссе?

Я смотрела на неё в изумлении. Кажется, девятнадцатилетняя девочка, которая на моих глазах трахнула огромного негра с улицы и терлась задницей об каких-то левых мужиков ради денег, только что преподала мне философский урок.

Я собралась и зашла в комнату Макани, чтобы попрощаться. Она сказала, что я понравилась ее боссу и что могу продолжать там работать. Сказала, что будет очень по мне скучать, что хочет путешествовать со мной вместе, что будет ждать меня. Она говорила всё это, лёжа на счастливом спящем негре. Мы подержались с ней за руки, и я ушла. Эта девочка горела.

А теперь перенесемся из того декабря в февраль, когда я снова вернулась в Лос-Анджелес.

Волшебник встретил меня на остановке. Какое счастье – возвращаться к тем, кого любишь! Увидев его снова, я поняла, что все это время представляла на его голове фиолетовый колпак со звездами.

– Ла Руса!!!

– Привет, Волшебник!

– Ничего себе у тебя вещей. Давай помогу.

– Разве много? Я и так половину выкинула…

Он берет мой рюкзак, и мы идем к машине.

– Я знал, что ты не будешь мне писать этот месяц, поэтому сам не писал. This is the way La Rusa works, I get it.

– Да, ты же знаешь, я не переписываюсь с теми, кто далеко, как бы важны они мне ни были. Иначе мысленно переношусь туда, где эти люди. Меня так разорвет на кусочки.

– Я это сразу понял. Ну что, закатим праздничный ужин? Есть у меня на уме отличное место!

За ужином я рассказала ему обо всех своих планах и о том, что у меня голова идет кругом от незаписанных историй. Я начала взахлеб пересказывать ему последние события, да так разошлась, что в какой-то момент треснула кулаком по столу, аж вилки подлетели. Официанты переглянулись.

– Я понимаю, что от меня чего-то ждут. Меня заводят во все эти потрясающие истории не просто так. И мне это очевидно, понимаешь? Я живу каким-то кино. При этом я единственная, кто записывает его на пленку. Остается перенести все в слова, но у меня просто нет сил. Я не успеваю. И я чувствую, что подвожу режиссера, мне стыдно. Они стараются, мутят такие штуки, а я… У меня пропадает вдохновение.

– Вдохновение приходит в процессе работы, детка. Тебе

просто нужно ввести писательство в привычку. Трумен Капоте, один из моих любимых писателей, об этом говорил. Ирония в том, что он ненавидел писать. Просто ненавидел. И поэтому он ввел в привычку два часа в день, с утра, что-нибудь писать. А потом весь день считал себя свободным. А вообще, я возьму на себя должность твоей музы, детка. Буду тебя вдохновлять. Иными словами, доканывать.

– Договорились. Ты нанят!

С утра я сразу побежала на улицу. Знойный Голливуд приветствовал голубым небом и зелеными пальмами. Если видишь пальмы, растущие вдоль каждой дороги, значит, ты в Голливуде.

Макани не отвечала, и я сама позвонила толстому корейцу Кевину, на которого работала в прошлый раз, и сказала, что готова. Уже на следующий день я вышла на работу. Надо было придумать, как одеться.

«Главное, чтобы тебе самой было комфортно», – держала я в голове слова Макани.

Так, чтобы было красиво, но и комфортно мне самой, ага. Из всех платьев я выбрала в итоге максимально скромное, черное. Ситуацию спасали гольфы выше колен. Мужики всегда велись на такие штуки. Теперь обувь. Мои ботинки точно не прокатили бы. На помощь как всегда пришел Волшебник. Мы доехали до родного секонда «Goodwill».

– Итак, у нас есть 15 минут, чтобы найти мне туфли.

Мы нашли. На них не было ценника. Волшебник нашел другую, самую дешевую пару, снял с нее стикер и приклеил к моим туфлям.

– С вас 5.99, – говорит кассирша.

– Отлично. Ну всё, теперь я и правда выгляжу как high-class проститутка. Ну ладно, medium-class проститутка.

– Да, у меня даже такое ощущение, что я твой сутенер! Не забудь отдать мою долю, сучка.

– Господи, Стив, это какой-то зоопарк.

Он подбрасывает меня до места встречи с корейцем в районе под названием «Koreatown». Местные сокращенно называют его K-Town. Весь Лос-Анджелес представляет собой такие вот маленькие районочики с переселенцами. Маленькая Италия, маленький Сайгон, маленький Китай, Армения… Россия тоже где-то там затесалась. Кореец попросил приехать на полчаса раньше, чтобы успеть объяснить мне все нюансы. Но он опаздывал, и мы со Стивом забежали в сэндвичную.

«На лабутенах, нах» и в охуительном платье я захожу внутрь. У мужиков отваливается челюсть. Наивные. Думают, я не такой

же бомж, как они.

Мы вернулись на парковку, где меня должен был перехватить кореец. Я закидываю ноги на бардачок, чтобы кровь отступила от кончиков пальцев. Даю ступням отдохнуть перед боем. Звоню Макани, она не отвечает. Наконец мне приходит смс:

«Детка, я со своим мужчиной, – интересно, это тот же самый негр? Бьюсь об заклад, что нет. – Мне, знаешь, как-то странно, ты мне ничего за это время не писала и тут объявляешься и закидываешь сообщениями. You know what I mean?»

Любимое американское выражение, как слово-паразит. «You know what I mean?»

Я ждала этого момента. Зачитываю Волшебнику сообщение.

– Такие законы у Ла Русы.

– Ах, Стив. Это старая закономерность. Я давно вывела тип таких людей. Она же через пять минут знакомства меня просто обожала. Давай всем на улице говорить: «Это моя новая лучшая подруга. Она такая же, как я, дикарка. Мы с ней теперь вместе». Пыталась за меня везде платить и всячески быть милой. Я проходила это сотню раз. Я знаю, что за этим следует. Those who start loving you out of nothing eventually will hate you out of nothing[91].

– Хорошо сказала, детка. Видишь ли, в этом и есть весь Голливуд. В непостоянстве и моменте. Она встретила девочку у банкомата, и вот ты уже ее лучшая подружка, потом, как ты рассказывала мне сама, через пару часов она подцепила себе парня, переспала с ним и выкинула. Тут все моментально становятся друг другу лучшими друзьями, любовниками, бизнес-партнерами. Вот так, – он щелкает пальцами. – «Эй, давай вместе снимем фильм, дружище! У нас выйдет отличный проект». Знаешь, сколько раз я это слышал? Но все эти друзья легко превращаются во врагов или попросту утилизируют тебя, как только ты перестаешь приносить пользу. В Голливуде всё первой свежести… Только вот срок годности ко- роткий.

Я задумалась было над его словами, но тут мне пришло сообщение.

– Кевин написал. Он здесь.

– Ну что ж, удачи, малышка. Иди отпляши на коленках у этих грязных корейцев! – говорит он с нарочитым задором.

Мы смеемся. Стив поддерживает меня, как может. Ему, естественно, не нравится вся эта затея. Но он старый хитрый лис и знает, что идти поперек чьих-то решений – бесполезная авантюра. Это идеальное количество свободы: когда кому-то есть до тебя дело, но он не навязывает тебе свои правила. Оставь клетку открытой, и птица никогда не улетит.

Он уезжает. Я цокаю на каблуках до остановившегося черного минивэна. Мы находимся на темной парковке рядом со знаменитой забегаловкой «Dennis». Здесь собираются все машины, занимающиеся таким же бизнесом. Под светом фонарей стоят и ждут своих водителей девочки. Я запрыгиваю на переднее сиденье и закрываю дверь. Кевин курит ментоловые сигареты, откинув спинку сиденья. Даже в таком положении его огромный живот почти упирается в руль.

– Итак, Даса, – азиаты никогда не выговаривают «ш», – работа, которой мы занимаемся, нелегальна, но и не нелегальна. Этот бизнес существует уже десять лет. А девочки, с которыми я работаю, получают больше шести тысяч в месяц, так что это хороший заработок. И ты, и я здесь ради денег, так что давай по делу. Первую неделю я буду смотреть, как ты работаешь. По статистике, из двухсот девушек я оставляю двадцать. Две недели я буду тебя проверять.

Я не стала ему говорить, что дольше двух недель я и не планирую задерживаться.

Дальше Кевин объясняет мне все правила, главные тезисы которых звучат так:

Зашла в комнату – отписалась. Номер кабинки и «К»[92].

«Время – деньги». За 15 минут до окончания предупреждай клиента, чтобы он успел расплатиться или продлить время. Если ты опоздала – я буду брать с тебя деньги, как за следующий час.

Никаких наркотиков, минетов и секса. Я буду посматривать в окна кабинок и проверять. Мы не занимаемся проституцией. Если увижу, что ты делаешь кому-то минет, – это сразу увольнение (ну вот, а я уж было так мечтала о корейской морковке).

Главное – это коммуникейшн. Сообщай мне обо всем, что происходит, оперативно.

Спорить с боссом запрещается. Я всегда прав. Я могу иногда грубить, не принимай это на свой счет. Я тоже переживаю и нервничаю.

До 23.00 ты должна получить клиента. Иначе твой рабочий день закончен, и ты едешь домой ни с чем.

Не выходи из клуба на парковку до тех пор, пока я не подъехал и не написал тебе.

Всегда оставайся с одним клиентом, чтобы было понятно, кто именно тебе платит. С тобой могут начать заигрывать все сразу, но ты должна быть рядом с тем, кто тебя выбрал.

И в завершение он сказал:

– Работать ночью сложно. Много пей, много спи и, если принимаешь витамины, принимай теперь в два раза больше.

Я сразу запрыгиваю в минивэн. Внутри вся честная компания

еще более разодетых девок, они напомаживаются и доклеивают на ходу накладные ресницы. Вот он, профессионализм. Разговоры в машине каждый раз примерно об одном: кого уволили, кто кому засветил струей перцового баллончика в глаза, кто нюхает кокс на работе и какие клиенты козлы.

Боссу приходит сообщение с номерами комнат в караоке-барах, где нужны девочки, и мы едем туда. По парковке, от входа в клуб и к машинам, дефилируют разодетые курочки. Кого-то уже отшили, кто-то отработал, а кто-то только заходит. У входа мы показываем большому негру свои I.D.[93], скидываем куртки и идем в комнаты, номера которых нам назвали. Комнаты выглядят так: телевизор с караоке, огромный стол и кожаный диван буквой «П». Иногда комнаты выглядят как большой зал, рассчитанный, соответственно, на более шумные компании. На столах один и тот же набор «чемпиона»: жареные крылышки, фрукты, кола, «Ред Булл», вода и море бухла.

Мы заходим в комнату и встаем в ряд перед сидящими мужчинами. Дальше происходит самая веселая часть: тебя выбирают. Как кусок мяса. Как товар. Ты просто говоришь «привет» и улыбаешься, а мужики рассматривают тебя сверху донизу и, смакуя момент, сообщают о своем решении.

«Зубы показать? – думаю я про себя, пока они решают. – А то как поймешь, хорошая ли из меня кляча».

Каждый мужик выбирает себе по девушке. Только, поскольку девок таких крутится каждую ночь около ста, не меньше, мужчины довольно капризны. Они наслаждаются процессом. Мне было не по себе от самой идеи того, что нужно молчать и улыбаться. Твой богатый внутренний мир здесь никому не сдался. А вот задница может заработать и на «Бентли», и на шубу – «Не насосала, а наплясала».

Интересно то, что все работающие здесь девочки занимаются параллельно чем-то еще. Одна – ювелир, другая – актриса, третья – художница, четвертая – фотограф. А одна из них занималась решительно всем. Каждая мне сказала, что эта работа – всего лишь подработка, способ осуществить мечты, что на самом деле у них у всех грандиозные планы на будущее. По крайней мере, так они говорили.

Я опишу несколько дней такой работы. На самом деле их было больше.

Ночь 1-я. 280 долларов

Я захожу в клуб. Иду по коридору мимо одетых в пиджаки

азиатов, у каждого по маленькому прозрачному наушнику в ухе. Все, как якудза, серьезные. В тот вечер мне попалась шумная компания армян. Они сняли самый большой зал и устроили там огромную вечеринку. Сначала я обрадовалась: армяне все-таки как-то ближе душе, чем корейцы.

«Сначала» – ключевое слово в предыдущем предложении. Дело в том, что для корейцев сидящая рядом улыбающаяся девушка, подливающая саке, – это неотъемлемая часть культуры. Особенно для успешных бизнесменов. В таких местах они закрепляют дружбу. И девушки в таком случае – это предмет красоты. Как гейши. Если ты немного шаришь в восточной культуре или хотя бы смотрел «Мемуары гейши», то знаешь, что гейши не спят с клиентами.

Но для страстных, с бурлящей в венах кровью армян разодетая девушка в вызывающе коротком платье ничем не отличается от проститутки. Первый час я провела с пьяным в хлам низеньким качком по имени Вован. Естественно, это не настоящее имя. Для меня загадка, почему все, извините, хачи переделывают свои имена под русские, оставляя от своего только первую букву. Своим именем гордиться надо, зачем же ты мне Вовой представляешься…

Все, что со мной в течение того часа обсуждал Вован, – это когда же мы уже пойдем трахаться. Он без остановки пытался залезть мне под платье и атаковал лицом, то ли чтобы поцеловать, то ли чтобы разбить мне зубы и нос. За эту ночь я неплохо так отработала навык уклонения от атаки. Аж шея болит от того, сколько раз я резко отвела голову в сторону. Вован пытался со мной танцевать. На деле он швырял меня из стороны в сторону, и я чудом осталась на ногах. За час этого зоопарка я порядком задолбалась. Я попросила деньги, сказала, что мне пора, и сбежала из комнаты. Я уже было написала Кевину: «Забери меня», когда ко мне подошел еще один армянин из той же комнаты и попытался взять за руку. Вид у него был более солидный.

– Пойдем со мной.

– Нет.

– Я заплачу.

– Слушай, я против того, чтобы меня хватали, лапали и пытались раздеть. Я могу с тобой просто танцевать и разговаривать. Тебя такой вариант устраивает?

– Конечно.

– И ты не будешь ко мне приставать?

– Не буду.

– Ну, хорошо.

Хрен там был. Оказалось, что это родной брат того Вована, и вел он себя примерно так же. Я честно танцевала с ним, как могла, а когда мы сели, попыталась завести разговор, чтобы он перестал пытаться залезть мне под платье.

– Какая у тебя мечта?

– Трахнуть тебя.

– Окей. Ну, представь, что трахнул ты меня. Тогда какая у тебя мечта?

– Трахнуть кого-нибудь еще.

– Потрясающе. Ты любишь свою жизнь?

– Обожаю. Я делаю, что хочу, каждый день. I fucking love my life.

– Это здорово… А что ты больше всего любишь в своей жизни?

– Свою жену. Ты поедешь со мной после клуба?

Всё общение с этими мужчинами сводится к двум этапам. Сначала они пытаются договориться с тобой о встрече за пределами клуба и каждый раз крайне удивляются, когда ты говоришь, что это запрещено. Потом, смирившись с тем, что ты с ними никуда не поедешь, они начинают исповедоваться. В большинстве случаев невозможно даже разобрать, что именно они говорят, из-за громкой музыки, но молчаливое кивание и сочувствующие материнские глаза – это всё, что им нужно. Я гладила по голове несчастного пьяного армянина и думала о том, какая же это недооцененная профессия – проституция.

Я смотрела на девушек вокруг. Разодетые донельзя, всех возрастов, размеров и национальностей. Много славянок. Те, что постарше, уже обзавелись силиконовой грудью. Было видно, какие девушки попали сюда случайно, а какие крутятся в этом бизнесе полжизни. Русские девочки, к слову, никогда не улыбались мне в ответ. Видно было, что они ненавидят эту работу. Я пыталась поддержать их улыбкой, взамен они одаривали меня взглядом, который как бы говорил: «Ты мне не платишь, хули я тебе улыбаться буду?»

Я выхожу в туалет. У зеркала прихорашиваются несколько американок.

– Русские – просто дуры! Наоборот, надо дружить друг с другом! – говорит мне девочка из Техаса. – Можно танцевать вдвоем, мужикам это нравится. Это же лучше, чем когда эти животные трутся об тебя и пытаются схватить за грудь.

Выдохнув, я возвращаюсь в комнату. Армяне тем временем разошлись не на шутку; один закинул украинку себе на плечо попой вверх, как мешок картошки, держа при этом второй рукой бутылку коньяка. Поскольку платье у девушки было короткое,

попа осталась полностью голой. Девочка визжала, а мужики радостно хлопали ее по заднице. Я не могла понять, пора ли уже спасать ее. Удивительно, что они не размозжили ей голову о кафель. Словом, они вели себя как голодные звери.

Музыка пугала. «Let me see how big your mouth is», – скандировал один из припевов. Самое ужасное, что девочки подпевали.

Я заметила, что никто из русских и украинок не использует главный трюк, которому научила меня Макани. Девочки закидываются стопками спиртного вместе с мужиками, не запивая вообще. Когда весь этот карнавал закончился, я забрала деньги и сбежала.

Пересчитала их в туалете. Двести восемьдесят баксов за три часа. Неплохо.

На выходе из клуба один армянин больно ущипнул меня за грудь через платье. Довольные глаза хозяина мира и наглая ухмылка… Мне нечего было сказать. Это унизительное движение как будто поставило меня на место. То место, на котором я не хотела быть.

Запрыгнув обратно в минивэн, я пожаловалась напарнице. Ее звали Misty, в переводе с английского – «мистическая». Большинство девушек этой профессии точно так же, как проститутки и стриптизерши, выдумывают себе рабочие имена и никогда не называют настоящих.

– Oh, honey, тебе сразу надо было сматываться. Армяне – это всегда «shit show». Пройденный урок. Чертовы животные! Если захожу в комнату и вижу там армян – сразу разворачиваюсь и ухожу. Fuck it. Подвезти тебя домой?

Мы пересаживаемся в ее красный кабриолет. Она без умолку рассказывает все, что думает об этой профессии, я мотаю на ус. Она высаживает меня прямо у дверей дома Волшебника. К сожалению, это был единственный раз, когда я попала домой так легко. Больше такой халявы не перепадало.

Спустя несколько дней возвращения домой с голыми ногами под утро я заболела.

На лечение у меня времени не было, и я продолжала выходить на работу.

Ночь 2-я. 180 долларов

Волшебник закидал меня лекарствами и снова довез до места встречи с корейцем. На этот раз на мне было миленькое светло-розовое платье. Роковая ошибка. В таких заведениях никому не

нужны «cute girls». Смотря в зеркало на козырьке, я поправляла макияж и гадала, что же исправить в своей внешности.

– Почему меня не выбирают, Кевин?

– Даса, я расскажу тебе про одну из моих самых успешных девочек. У нее был клиент, который выбирал ее каждый день в течение четырех месяцев. Он приходил в караоке-бар, звонил мне и просил привезти именно ее. За это время та девушка сделала состояние. Думаешь, она была красавицей? Нет. У меня были девушки куда красивее ее! Были и модели, и те, кто побеждал в конкурсах красоты! И даже их не брали. Брали ее. Потому что она тратила на макияж полдня, завивала длинные локоны и всегда была одета так, как будто идет на бал. Любой мужчина мечтал видеть ее рядом. Тебе нужно соответствовать. У тебя ведь даже волосы не завиты. Ну-ка, сделай их набок.

Я представила, как гоняю по миру с щипцами для волос, феном, вечерними платьями и дорогой косметикой. Suuure. Я зачесала волосы пальцами на одну сторону.

– Вот так?

– Да, так лучше.

Четыре часа бедный Кевин возил меня по клубам, но все напрасно. Меня никто не брал. И тут я проследила в себе огромную разницу в сравнении с предыдущими днями: я злилась и негодовала, что меня не берут. Теперь я уже совершенно спокойно заходила в комнаты. Я хотела, чтобы меня заказали. Во мне проснулась жадность до легких денег.

– It’s a gamble, – говорит Кевин.

И действительно, здесь работают такие же законы, что в казино: ты никогда не знаешь, что будет дальше, но продолжаешь играть. В мире, где все зависит только от удачи, всегда есть сотня поверий: до 23.00 Кевин целует наши ручки на удачу, после 23.00 мы трем его правое плечо. Будешь смеяться, но, когда я потерла это заплывшее жирком плечо, меня наконец-то взяли. И клиент оказался полной противоположностью диким армянам: это был добрый и культурный индус. Казалось, его занесло в этот порочный подпольный мир фейка по ошибке. Все два часа мы пели песни «Radiohead» и «Red Hot Chili Peppers». Особенно символично было петь слова «Californication»…

«Pay your surgeon very well to break the spell of aging. Celebrity skin, is that your chin or is that what you waging?»[94]

Я обняла низенького индуса за плечо и была бесконечно благодарна, что на эти два часа я спасена от всех уродов. Когда слышу эту песню теперь, будто возвращаюсь в тот момент. Мы говорили о странах и музыке, пили водку с колой (желудок болел от голода, и я решила позволить себе один стакан) и радовались

жизни. Только вот здоровье мое было уже совсем подкошено… Я вышла из комнаты на своих огромных каблуках, села на лестницу и написала Никите: «Доброе утро». Пока Кевин не скажет, что можно выходить, я тусуюсь с черным охранником. Из security всех клубов, вместе взятых, этот мужик самый строгий. Мне нравится его серьезное отношение к делу. Он косится на меня одним глазом, продолжая следить за тем, что происходит на парковке:

– Ну, как идет ночь?

– Да как-то медленно…

– Что так?

– Надела миленькое платье. Видимо, это было ошибкой.

Он снова на меня косится:

– По мне, так отличное!

– Спасибо… Что ж тогда этим поганым корейцам не нравится?

Он улыбается и пожимает плечами. Кевин подъезжает, я залезаю в машину, и мы гоним в другой клуб. Время 2.40. Я чувствую, что тело мертво. Ему нужны постель, лекарства и покой.

– Моя знакомая написала, что еще две девочки нужны. Я и белая, – сообщает девушка-японка на соседнем сиденье, не отрываясь от телефона. Она работает здесь уже шесть лет и напоминает по внешности Люси Лью. Невозможно угадать, какой у нее возраст. Эти японки до сорока лет выглядят как девочки.

– Да, конечно. Поехали.

Если не соглашусь, все равно придется сидеть в машине и ждать, когда она закончит; пока все девушки не закрыли график, Кевин меня домой не повезет. Метро закрыто.

За пару дней до этого мне пришло сообщение от Ивана Кузнецова, тревел-журналиста. Он просил ответить на несколько вопросов для журнала. Ваня уже брал у меня интервью где-то год назад. Это был единственный случай, когда человек действительно поискал обо мне какую-то информацию, перед тем как задавать вопросы. На этот раз он решил запилить «чисто женскую статью»:

– Есть задумка сделать красивое интервью с девушками, которые путешествуют в одиночку, и делают это давно и круто. Выбрал трех героинь, с которыми уже беседовал, в том числе тебя. Хочешь ответить на несколько простых вопросов? Получится обзорный материал для нерешительных барышень. Разрушим все их сомнения. Кстати, как тебе слово «барышни»?

Я согласилась, и он прислал вопросы. Пока мы едем из одного клуба в другой, я открываю список и пробегаюсь по нему глазами. Каждый из них как будто подъебывал. Начинаю писать

ответы наобум, просто чтобы отвлечься.

«У тебя есть парень?»

Нет.

«Ты влюблена?»

Следующий вопрос…

«Если бы ты путешествовала с парнем, кто твой идеальный спутник?»

Тот, кто запретил бы мне заниматься такой херней.

«Что ты скажешь девушкам, которые тоже хотят путешествовать?»

Вам пиздец.

Я чувствую, что температура уже больше тридцати восьми. Кости ломит. Я пишу короткое сообщение Никите, без расчета, что он прочитает сейчас. Обычно он отвечает раз в сутки, потому что заходит в интернет только с компьютера.

– Я умираю.

Телефон моментально вибрирует в ответ.

– Меня пугает отсутствие смайлов. Что случилось?

И, спрятанная за тонированным стеклом, я начинаю плакать. Хоть бы Кевин не заметил.

– Видишь, Даса, стоило потереть моё плечо, и появился клиент.

– Да… Спасибо, Кевин.

Вернувшись домой к утру, я доползла до своей комнаты и увидела, что на подушке лежит печенье в форме сердца. Его оставил для меня двенадцатилетний сын Лидии Армандо. Волшебник для него как второй отец, который балует больше, чем настоящий. Лидия – первая любовь Волшебника, и поскольку своих детей он так и не завел, об Армандо он заботился как о родном ребенке. Армандо часто зависал у нас дома. Волшебник сказал ему, что я работаю официанткой в ночную смену. Для Армандо я была милой девушкой… Хотя бы в его глазах мне нравилось такой оставаться.

Я залезла под одеяло и сразу позвонила доброму другу по скайпу. Оказалось, он наконец завел себе айфон и теперь мог передвигаться с камерой. Он сидел на балконе. Слышно было, как капли за окном стучат по фанере московского подоконника. Меня трясло от болезни и морального состояния. Москва казалась в тот момент далеким миром, оставленным в прошлом когда-то очень давно.

– Что случилось, Даш?

От его голоса и родной речи сразу становится легче. Меня отпускает.

– Ты опять куришь?

– Я всегда курю. Ты единственная, кто вечно меня об этом спрашивает…

– Может, это потому, что мне единственной есть дело до твоего здоровья?

Он ухмыльнулся.

– Маме еще есть, она тоже меня попрекает иногда. Так что случилось?

– У тебя браслетик новый?

– Ага. На встрече подарили. Так что случилось?

– Как там у вас с погодой?

– Понятно. Ты не хочешь отвечать.

У меня ломается голос.

– Я не знаю, что сказать. Если бы я могла собрать свои чувства в комок и передать тебе сейчас вот так, через экран, я бы это сделала. Но я не могу.

– Даш, что нужно сделать, чтобы тебе стало лучше?

Я долго молчу. Потом решаю сказать как есть. Полгода говорили как есть, что уж менять правила.

– Ну, если бы ты был рядом, было бы хорошо.

– А что-то менее географически сложное есть?

Я опять молчу.

– Нет.

Тишина. Холодный пот. Ему становится понятно, что я в него влюблена.

– Слушай, как же хорошо, когда люди правду говорят… – он тушит сигарету.

Мы молча смотрим друг на друга. Дождь продолжает бить по фанере, отмеряя тишину.

– Даш, ну ты же веришь в судьбу, когда-нибудь же мы встретимся. Не сейчас, так потом.

– Я не хочу потом… Откуда ты знаешь, что будет потом? Я продолжу жить, ты продолжишь жить. Все поменяется. Может быть, потом я не буду этого чувствовать. Но я чувствую сейчас. Я так редко такое чувствую…

Он опять молчит. Затем потупляет взгляд и отвечает:

– Я, когда говорю с тобой, вспоминаю себя настоящего. Это как портал в реальность. А здесь я как будто продолжаю играть роль. Мне нужно накопить полторы тысячи долларов, чтобы уехать. И если раньше это было сорок пять тысяч рублей, то теперь это все девяносто. Так что моя Москва может продлиться еще несколько месяцев, Даш.

– Но если ты женишься, я тебе этого не прощу.

Он улыбается.

– Как ты себя чувствуешь?

– Погано. Горло болит. Меня лихорадит.

– Давай заберу половину твоей болезни… А с остальной ты справишься.

– Давай.

Мы закрываем глаза.

– Сделано.

Мы разговариваем еще несколько часов, пока на улице не начинает светать. У меня утро, у него вечер.

– Ладно, теперь правда пора, я поехал к брату видео на английский озвучивать…

– Окидос. Я бы только знаешь что посоветовала… Ты, когда говоришь за кадром, говори немножко тише, спокойнее. А то ты как-то не по-настоящему звучишь, как будто докричаться пытаешься.

– Я знаю! Я вообще свой голос не узнаю, слушаю себя и думаю: «Что за мудак?»

– Да все нормально, просто ты как будто слишком стараешься. Будто зрители где-то в конце зала, а они же перед экраном. Представь, что рассказываешь все мне, что я сижу рядом. Я-то тебя сейчас прекрасно слышу.

– Хорошо, так и сделаю. Ложись спать. Я погнал, а то уже одиннадцать.

– Пока.

Я закрываю ноутбук и опять остаюсь одна.

3-я ночь. 220 долларов

Следующий день работы контрастно отличался от предыдущих. На этот раз я оделась совершенно по-другому. Не мило, а откровенно сексуально. Короткое черное боди и чулки. Даже в ночные клубы так не одеваются. Попробуйте только не взять меня теперь, сучки.

В ту ночь мы встретились с Макани. Она была счастлива меня видеть и обнимала, как ни в чем не бывало. В тот же час она уже собралась ехать со мной в Мексику и строила наши совместные планы по захвату нового континента.

– С тем парнем не вышло. Оказалось, у него была девушка. Она еще и преданная, ждала его, пока он в колонии срок отбывал целый год, представляешь! В общем, у них там любовь, я не стала мешать. У меня сейчас уже другие два мальчика. Один – буддист, другой – мусульманин. Одному больше нравлюсь я, другой больше нравится мне. Не знаю даже, кого выбрать.

– Детка, может, тебе сейчас вообще не нужен парень?

– Да, естественно, не нужен! Но разве ты не заводишь себе любовников в каждом городе, куда едешь?..

Наша машина подъехала к первому клубу. Кевин закурил свою ментоловую сигарету и сказал:

– Так, девочки, сегодня я злой. Поэтому всем слушать меня внимательно.

– Хорошо, Кевин, – послушно в один голос отвечают девочки.

– Комнаты номер два, три, пять, двенадцать, четырнадцать.

Он нажимает на кнопку, дверь автоматически отъезжает, и девочки, одна за другой, выпрыгивают на улицу.

– В этот раз мы должны попасть в одну комнату! – говорит Макани, хватает меня за руку и тащит за собой с улыбкой. Ее лицо блестит, за ней вьется сладкая волна спрея для тела. Мы заходим в клуб и идем по списку комнат. Рядом с Макани я чувствую себя непринужденно: она вселяет какую-то веру в себя и чувство легкости.

Длинный коридор. Стены обиты красным бархатом. Мы заходим в первую комнату. Там сидит куча азиатов, уже порядком пьяных. Девочки на высоких каблуках вьются вокруг каждого. Одни сидят на коленках, другие танцуют рядом. Парочка мужчин свободна. На них мы и охотимся. Макани хватает в руку свободный микрофон и начинает петь, пританцовывая в такт, с повадками аниматора, как будто разогревая толпу.

– Ну что, ребята, как ваша ночь? – говорит она в моменты проигрыша.

Она тратит больше времени на поиск клиента, чем остальные, но ее практически всегда выбирают сразу. Такую стратегию с микрофоном использует исключительно она, остальные девочки думают о деньгах, и их хватает лишь на короткое «hi». Дальше они готовы тратить свое время только за деньги, поэтому если ответа «да» моментально не следует, они разворачиваются и уходят мелкими шажками в своих коктейльных платьях. А Макани полностью на своей волне: в коротких джинсовых шортах и майке она просто наслаждается собой, отчего мужчины теряют дар речи и готовы платить, лишь бы она продолжала.

С первой комнатой не прокатило. Но уже во второй ее моментально выбрал какой-то мелкий кореец в пиджаке, на что Макани ему сказала:

– Может, ты возьмешь нас двоих? Это моя подружка! Мы работаем вместе! Мы идем в наборе, детка. Справишься с обеими?

– Думаю, справлюсь, – он улыбается.

Мы садимся по обе стороны от него. Макани снова берет микрофон и начинает петь, танцуя при этом на его коленках. Он

завороженно смотрит на ее попу.

– Прекрасная попа, правда? – я пытаюсь поддержать разговор. Глупо заливать что-то еще, чувак явно наслаждается.

– Да, попа роскошная…

Через какое-то время этот кореец просит меня развлечь его брата. Тот, мол, скучает, но очень стесняется взять себе девушку.

Я переспрашиваю, кто за это будет платить, он говорит, что его брат. Я пересаживаюсь к его брату, стеснительному высокому мужчине, на вид ему лет 45–50. Он уже наполовину облысел и обзавелся пивным животом, но сильно душится дорогим одеколоном. Компенсация. Впрочем, вел он себя очень прилично. Рассказывал о том, где любит отдыхать с женой и детьми в Мексике, посоветовал мне несколько пляжей. Мы о чем-то мило беседовали, периодически я танцевала на его коленках – решила брать пример с Макани, но мне до нее было далеко. То, какие она исполняла пируэты, было действительно достойно чаевых в тысячи долларов. Она вела себя как рыба в воде. Для нее это была совершенно комфортная среда. Ее среда. И все мужчины это чувствовали.

В конце концов, ведь в этом вся суть: если делаешь, что любишь, будешь делать это хорошо. А когда не любишь – как ни старайся, ничего дельного из этого не выйдет.

Дома открываю переписку:

«Я и правда немного приболел. Представляешь, по ходу магия работает. Не сильно, думаю, как раз ровно половину от твоего. Надеюсь, тебе стало пропорционально легче».

4-я ночь. 220 долларов

Мы пытались попасть с Макани в одну комнату, но ее опять выбрали быстрее меня. Ночь не шла. Это был последний день месяца, а значит, у всех закончились деньги. Мы сидим на заднем сиденье с Дианой, миленькой бразильянкой с огромной, соответствующей своей стране попой и узкой талией. Дома ее ждет парень. Бедняга и понятия не имеет, как она подрабатывает. Мы обсуждаем мужчин.

– В Бразилии у нас одни животные! – жалуется она. – Их кроме секса вообще ничего не интересует. Я потратила столько лет на поиски нормального парня, но они все как один придурки. В итоге решила, что не могу больше с этим мириться, и переехала в Штаты.

– Да, я это сразу в Рио заметила. Там заняться сексом – все равно что в картишки перекинуться. Они вливают тебе в уши всю

классику самых заезженных комплиментов, и как только понимают, что оно не сработает, моментально переключаются на следующую. В Москве, кажется, всё наоборот: парни не решаются подойти к девушкам до последнего. Им надо сначала изрядно напиться, вот тогда они богатыри.

– Так оставайся здесь, в Америке. Тут самые классные мальчики. Выйдешь замуж, и всё.

– Я не знаю… Я все равно в душе русская. Мне тяжело будет с человеком, который не знает моего языка.

Я рассказываю ей, что хочу в Москву, к своему другу, что у него уже с тех пор, как мы виделись вживую, появилась девушка, но вроде как там всё несерьезно, и я не знаю, что делать. И из-за того, что бразильянка теперь знает мой секрет, мне становится легче. Мы попадаем с ней и еще одной девочкой, у которой, к слову, тоже есть парень, в комнату к молодым ребятам – американцу, корейцу и палестинцу. Они под кокаином и экстази. Такие штуки чуются за метр. «Я милого узнаю»[95] по расширенным зрачкам. Они расслаблены до предела и, кажется, вообще забыли, в чем смысл этого заведения. Проходит десять минут, а они всё не могут решить, чего хотят. Тот, что кореец, по-видимому, их босс. Кожа лоснится от дорогих кремов. На голове кепка козырьком назад. Он явно из числа всех этих молодых ребят, работающих на Эппл или Фейсбук, которые рано добились успеха и не знают уже, на что тратить свои деньги. Все они обычно чертовски уверены в себе. Развалившись на диване, как король, он машет рукой и говорит:

– Да берите уже, какую хотите! They are on me[96].

Палестинец, покачиваясь, пытается сфокусироваться на моих глазах:

– Ты хочешь остаться?

– Конечно хочу!

– И ты хочешь? – спрашивает он бразильянку.

– И я хочу, – послушно отвечает та, манерничая.

– Ну тогда, конечно, оставайтесь обе!

Жестом руки он приглашает нас сесть. Ура. Спасены. Хоть что-то мы сегодня заработаем.

Он сразу пытается накормить нас экстази, хочет, чтобы мы были на одной волне. В голове проскальзывает ассоциация с Бернинг Мэном… Диана после долгих уговоров «согласилась». На самом деле она просто притворилась, что размешала порошок из пилюли в стакане. Палестинец уже такой «улетевший», что даже не замечает, что пилюля продолжает целенькая лежать на столе как ни в чем не бывало за стаканом колы.

Третья девочка, севшая рядом с американцем, ему вскоре

наскучила. Он попросил ее уйти и решил отнять меня у палестинца. Американец этот был на удивление симпатичный. Прямо очень симпатичный. Прямо слишком симпатичный, чтобы платить за мою компанию. Даже не по себе как-то. Мы стали болтать, и через какое-то время он предложил мне то единственное, от чего я не могу отказаться. То, что везет маленькая лошадка, что стоит слишком много денег.

– А он прямо чистый-чистый? – спрашиваю я трезвого корейца.

– Самый чистый, какой можно найти. Он хорош. Поверь мне, – кивает головой кореец в кепке.

И я не удержалась. Результат был моментальный. Теплая волна наслаждения пробежала по телу, воздух стал нежным, мягким. Меня охватила эйфория… Я снова чувствовала сладкую уверенность в себе и ту абсолютную любовь ко всему живому, которую, наверное, испытывал Иисус. Я владею ситуацией. Я контролирую всё вокруг. Я выше всего, что здесь происходит. Мой белый друг работает как «Феликс Фелицис»: он дарит чувство, что вся удача мира на твоей стороне.

Поскольку американец был и под экстази, и под кокаином, его просто сносило любовью и желанием. Он рассказывал мне взахлёб про то, как мечтает завести семью, про своих друзей, родителей, сыпал комплиментами направо и налево. Я понимала, что сейчас ему легче всего быть искренним и что сейчас он действительно говорит, что думает. И в этой канители фальши и лжи, в которую нас засосало, я предложила ему пожать друг другу руки и пообещать, что с этого момента мы, как в суде, будем говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Он посмотрел на меня многозначительно и крепко пожал руку.

Парень оказался невероятным джентльменом. Даже когда я выходила в туалет, он хотел провожать меня до двери на руках, буквально нес, как невесту, по коридору, чтобы со мной на пути ничего не случилось. В тот момент он был мной совершенно ослеплен.

Мы пьем колу, обсуждаем музыку. Периодически я забываю дышать и делаю большие вдохи, когда вспоминаю. Тело горит. Сердцебиение повышается. Спустя какое-то время я понимаю, что опять начинаю играть челюстью. Кажется, я перебрала. Даже он замечает, что я двигаю челюстью, и говорит: «Как это мило». Это последствия кокаина. Хочется вечно шевелить, особенно когда действие подходит к концу. Я понимаю, что нужно продолжать, иначе, если меня попустит сейчас, будет не здорово. В итоге к трем утра я искусала себе все щеки, сама того не заметив. Так странно, когда ты своей челюсти не хозяин. Держишь ее уже

рукой, как ребенка, отслеживаешь, а она не слушается. Поймёт это только тот, кто пробовал, и хорошо, если завязал.

Когда я вернулась из туалета, Диана уже целовалась с палестинцем. Он был толстый и полулысый. Думаю, она это делала ради чаевых.

– Никогда не целуйся ради чаевых, – сказала мне еще в первую ночь одна из девочек. – Поверь, за поцелуй тебе никто ни копейки не добавит. Наоборот. Ты поддалась, сломала интригу, значит, они выиграли. Это всё, что им нужно.

К корейцу потом тоже присоединилась девочка. Брюнетка с кошачьими глазами, напоминающая Милу Кунис. Она употребила решительно всё, что у них было, и стала целоваться с корейцем. Я наблюдала, как его руки, на одной из которых свадебное кольцо, сжимают ее попу в узкой кожаной юбке.

Ближе к четырём утра я уже плелась по жизни, не осведомляясь о направлении.

Когда заведение закрывалось, мой парень предложил поехать на вечеринку. Я так и не побывала ни в одном клубе Лос-Анджелеса в этом году, поэтому решила согласиться. Но сначала Кевин должен был в любом случае отвезти меня домой, ведь нам нельзя тусоваться с клиентами. Мы договорились, что они расплатятся с караоке-баром и заедут за мной.

Войдя домой, я оказалась на безопасной территории и думала уже было остаться. Но только я надела спальную футболку, как на телефон пришло сообщение: «Мы будем у тебя через минуту». Я чувствовала, что адски устала, но чертов кокаин в любом случае не даст мне спать до утра. Я натянула другое платье, гольфы, ботинки и вышла. В ботинках я наконец-то почувствовала себя собой. В машине сидела вся честная компания парней, плюс водитель.

– А позови своих друзей! – предложил кореец.

– У меня здесь нет друзей.

– Bullshit! Как у девушки в Голливуде может не быть друзей?

– Я здесь всего пять дней. Днем пишу, ночью работаю. У меня не было времени заводить друзей.

Мы сворачиваем с трассы, едем по подворотням и оказываемся перед каким-то амбаром, освещенным сотнями маленьких огней. Голливуд какой-то бессмертный. Шесть утра, а никто и не думает спать. Фраза «места знать надо» здесь как нельзя кстати. Если не знаешь, куда идти, – останешься в пролете, но если знаешь – можно и на бал самого сатаны проскользнуть.

Что я и сделала.

Красные стены. Черный пол. Бюст женщины освещен желтой лампой, она разбросала по телу сексуальные тени. Железные

клетки. В них кто-то извивается, танцует. С потолка свисают античные канделябры со свечами. Одна комната лабиринтом уводит в другую, и каждая новая не похожа на предыдущую. Тут крутят файеры, здесь лежат на диванах… Тут выход на балкон… И снова внутрь… Я следую за невидимым белым кроликом… Мне интересно, что в конце… Какая-то лестница, расписанная кислотной краской, подсвечивает неоновым светом дорогу вниз… Я оказываюсь в подвале, где на всю стену показывают фильм ужасов 50-х годов. На экране вампир с огромными зубами смеется в камеру. Из его рта течет кровь. Невооруженным глазом видно разницу между спецэффектами современного кино и гримом тех времен. Давно заметила, что старые ужастики куда более зловещи. Я нахожу путь обратно, скольжу кончиками пальцев по бархатным стенам и оказываюсь в более просторном зале. Музыка нападает, как волны при полнолунии, забирает, тащит вглубь. Когда отпускает одна волна, откуда-то поблизости уже слышится другая. Вокруг прекрасные, высокие вампиры с расширенными зрачками. Нюхают прямо с колен. Мне кажется, они заключили сделку с дьяволом, потому что никто здесь не стареет. Их кожа мерцает, глаза горят. Они – какая-то лучшая, безупречная версия человека. Это, конечно, касательно внешности. Проверять, что там с душами, у меня сейчас нет сил.

Я говорю тому парню:

– I am really tired. Take me home.

В ответ:

– I live in Venice. There’s an ocean view right from my window. Come with me.

Я долго не решаюсь, но в конце концов покупаюсь на бесплатный завтрак и то, что он обнимет, пока буду спать.

Мы засыпаем в обнимку. Но просыпаюсь я одна. На телефоне вежливые эсэмэски: «Я вызову такси, я оплачу тебе завтрак, ты извини, тут дела». Весь вечер говорил эти глупые прелести про планы на будущее, про семью, детей и повторял: «Я сын дантиста». Не знаю, как это должно характеризовать человека. Ты, видимо, автоматом наполовину ангел, если отец – дантист.

Так и выглядит эффект экстази: вся забота и любовь, бескорыстная, наивная, искренняя, просыпается в тебе и выплескивается океаном на близстоящего. А на следующий день чувствуешь себя опустошенным дураком. Понимаешь, что никакая это была не любовь, а просто химический эффект. Вызов таких чувств искусственно кажется насилием над самым высшим, на что ты способен. Неудивительно, что бедный сын дантиста, признавшийся мне за ночь в любви раз пять, как любой взрослый человек, прибегнул к единственному логическому решению –

сбежать.

«Ты ничего мне не должен, хорошего дня», – пишу я в ответ и собираюсь.

В противовес остальным не совпавшим с реальностью словам вид и правда оказался райским: вдали Тихий океан, перед окном пляшут огромные пальмы. Я стала разглядывать остальную квартиру. Большой шкаф с книгами. В углу комнаты четыре сёрф-доски. На столике разноцветный глобус на ножке. Я пробегаюсь по нему пальцами, от Москвы до Лос-Анджелеса, и думаю о родителях. Что они там, интересно, сейчас делают? Чем, думают, я занимаюсь? Как я зашла так далеко?..

Из-за лос-анджелесских пробок домой я добралась только с наступлением темноты. Голова до сих пор гудит со вчерашнего дня. Здесь еще с утра вырубили свет. Сорок тысяч голливудских звезд в кромешной темноте… И со звёздами такое случается, хоть и сложно поверить. Я спряталась под одеяло и стала прокручивать последние события. Тот парень за весь день больше не написал. На столе догорает красивая свечка. Воск стекает по длинной ручке, и ниточка с красным сердечком застряла где-то там, в середине. Конца уже не найти, но сердце висит, колышется. Хочу тоже колыхаться, только, кажется, на меня тут другие долгосрочные планы «по борьбе со вселенскою энтропией».

* * *

Заметка в дневнике:

1 февраля 2015

Мне всё это уже не нравится…

Что ж вы из меня циничную, черствую сделать пытаетесь? Как кремень точите, чтоб искры летели. Я уже людям вперед разговоров руку пожимаю с уговором правду говорить, а они всё равно гнилые, у них повадка врать – инстинкт условный. Они по-другому не умеют уже. Оценивая диких, залетевших сюда случайно птиц, по своему подобию, они щурят глаза и спрашивают:

– Да у тебя же наверняка имя не Даша. Все эти девочки себе имена придумывают. Проверьте ее паспорт. Что это за имя такое вообще?

– А как же меня, по-твоему, зовут?

– Может, Надя. Или Ольга.

– Не, она точно не Ольга…

А счастье – оно простое и всегда таким будет. Я так еще тогда, в две тысячи двенадцатом, говорила, когда

нас со спины на фоне океана фотографировали. Вот только оно, сука, уходит. Оставляет тебе какие-то открытки, ракушки, самодельные подарки. Фиолетовую коробку для благовоний с дельфинами, мерцающими голубыми спинами. Но такая коробочка – всё равно что чучело из любимого домашнего животного. Сувенир на память лишь свидетельствует о силе времени, сметающей в конечном итоге всё. Лучше даже не смотреть.

По-детски обидно, что нельзя его просто так получить, это сладкое счастье. Что нельзя прийти к ларьку, встать на цыпочки, схватившись пальцами за железное, крашенное по новой каждой весной окошко с засохшими на краешке капельками, которые никогда теперь не долетят до земли, и сказать продавщице: «Тетенька, а можно мне одно счастье, пожалуйста? Нет, без шоколадной крошки, простое».

Если бы существовал такой ларёк, я бы неслась туда, стирая пятки. Но на деле ни маршрутов, ни подсказок.

Одна сплошная темнота. Тут тоже в феврале темнеет в пять. Наблюдаешь, как тень деревьев танцует на шкафу, и не можешь решить, стоит ли спать, потому что знаешь, что, если уснешь, придется просыпаться. Когда на душе темно, задувайте свечи, выключайте свет. Пусть темнота внутри резонирует темноте снаружи. Как будто электрики сегодня всё это месиво во мне заметили и сказали: «Давай подыграем, вырубай».

* * *

Ночью мне снится сон. Мы с Никитой путешествуем. Лежим где-то в пустыне, на земле, и тут какая-то белка пробегает по мне и царапает в кровь ногу. Он решает посыпать рану песком, говорит, грязь лечит. Я ему:

– Разве не наоборот? Ты же меня сейчас заразишь. Может, у тебя перекись есть?

– Нет, нет. Поверь мне. Я проверял, я знаю.

Я понимаю, что это бред, но решаю не спорить. И вот я, закопанная, лежу на земле. Он куда-то ушел. А потом я вдруг понимаю, что он уже давно в Москве, а я всё так же лежу в песке и жду…

У меня никогда не получалось показать человеку степень его важности. Может быть, только спустя время он найдет себя в

моих текстах и поймет, что для меня значил.

5-я ночь. 300 долларов

Бархатное платье. Чулки. Каблуки.

В качестве клиента мне достается писатель эротических романов от женского лица. Из того же ряда, что и все дешевые книжонки по сто страниц в мягком переплете, которые любят читать женщины в возрасте, чтобы разбавить свою скучную личную жизнь с обрюзгшим мужем фантазиями о мачо-мужчине. Писателю далеко за сорок. Он низенький, коротко стриженный, с местами поседевшими волосами. Глаза лисьи. Искушенные. На лице застыла какая-то странная ухмылка.

Он показывает мне свои книги на «Амазоне», читает стихи. Я радуюсь такому стечению обстоятельств. Еще один писатель! Вот это класс.

И постепенно выхожу из роли, начинаю говорить с ним открыто, по душам. Он спрашивает про мою личную жизнь.

– У тебя есть парень?

– Нет.

– А кто-то, кто тебе нравится?

– Есть.

– И где же он? Сколько ему лет?

– В Москве. Ему двадцать шесть.

– Двадцать шесть?! Мальчишка! Что ты с ним забыла?

Какое-то время мы продолжаем мило общаться, ведем интересную беседу. Но спустя два часа ему становится мало просто общения. Он целует мне руки, ласково убирает волосы с лица и говорит комплименты, как мне кажется, взятые со страниц его собственных книг, – такие же дешевые и вычурные.

– Я хотел бы целовать каждый сантиметр твоего тела. И если вдруг пойму на полпути, что пропустил хоть клеточку, я буду наказан и стану целовать тебя с самого начала.

Боже, меня сейчас стошнит… Я пытаюсь выдавить улыбку, но, видимо, у меня плохо получается.

– Я для тебя слишком стар? Думаешь, вот он, старик, размечтался!

– Да нет, что ты. Ты не стар. Ты прекрасно выглядишь.

– Правда? Спасибо, – снова целует руку и хитро смотрит. – Приходи ко мне домой на ужин. Я приготовлю мраморную говядину. Я говорил тебе, что по совместительству шеф? Мы бы устроили ужин при свечах, с хорошим вином… Мне кажется, я так долго ждал именно тебя.

– Меня?

– Да, я думаю, это судьба, что мы здесь встретились…

Я понимаю, что должна подыграть, что должна кокетничать и улыбаться, если хочу чаевых, но не могу себя заставить. Я извиняюсь и выхожу в туалет, протискиваясь между столом и другими мужчинами, облепленными полуголыми девочками с силиконом. От громкого рэпа уже тошнит. В прихожей туалета, как обычно, мнется куча девочек – поправляют макияж и обсуждают клиентов. Выйти в туалет для нас – все равно что уйти в тыл с поля битвы и морально выдохнуть. Я стою перед зеркалом в смятении. Рядом со мной красит губы худющая девушка. Одна кожа да кости. На ней золотое блестящее платье с завязкой вокруг шеи. Кажется, ее ключицы сейчас прорвут кожу, настолько они выступают. Она стоит, согнувшись вперед, как знак вопроса. Наверное, у девочки сколиоз. Вид какой-то замученный и прибитый, как у старого выброшенного манекена. Тяжело назвать ее симпатичной. Кривая улыбка перекосила лицо. Мы завязываем разговор.

– Слушай, можно тебя спросить? Я тут новенькая и не могу понять… Какие чаевые можно считать нормальными? Сколько ты обычно зарабатываешь на одном клиенте?

– Зависит от многих причин. Сейчас заработала шестьсот долларов за три часа.

– Фак, как?

– Я не буду рассказывать о своих способах. Но я знаю, как выбить деньжат из этих парней! – она улыбается и подмигивает. – Приходи работать в нашу компанию «Барби», тогда расскажу. Я уже год здесь. Сначала тоже не получалось, могла уйти со ста долларами… А теперь все как по маслу.

– Да, но как? Я не понимаю…

– Ладно, – говорит она с заговорщическим видом. – Иди сюда.

Она берет меня за плечо ледяными руками и утягивает в кабинку туалета. Шатаясь на шпильках, она стягивает трусики и усаживается писать, совершенно не стесняясь меня. Затем пристально смотрит мне в глаза исподлобья, будто добавляя значимости своим словам:

– Они платят тебе за вранье. За то, что ты убеждаешь их в том, что они красивы и привлекательны. Изображай, что очарована, как будто вот он, твой принц, который спасет тебя. Как будто каждый из них – твое все. Они не приходят сюда за сексом. Они приходят за иллюзией. Сказкой, что они желанны сексуальными девушками, которые в реальной жизни на них никогда не посмотрят.

Я вернулась в комнату. Играла медленная музыка. Писатель

стал со мной танцевать.

– Ну, что скажешь насчет ужина?

– Что звучит заманчиво.

– Я думаю, ты должна дать мне шанс завоевать твое сердце. Нам будет здорово вместе… Мы оба с отличным чувством юмора. Я для тебя то, что надо.

– Я ведь сказала, что скоро уезжаю.

– А ты возвращайся ко мне. Возвращайся.

Все мое нутро кричит: «Какое вместе?! Ты старше моего отца, чертов извращенец!» – но вслух я ласково произношу:

– Все возможно…

Он берет меня за плечи, поворачивает и обнимает со спины, зарывшись носом в мои волосы так, как будто мы уже давно вместе. Гладит мои оголенные плечи, дышит на ухо… Тело предательски покрывается мурашками. Оно по привычке думает, что это любимый человек. Мне становится еще гаже.

Я смиренно перешагиваю в такт музыке в своих черных сапогах из секонд-хенда, которые велики мне на два размера, поправляю платье и считаю секунды, когда все это закончится. Я чувствую себя собакой, на которую надели ошейник и притянули к ноге за поводок. Внутри меня все взрывается. Мне хочется оттолкнуть его, вырваться и сбежать. И в этот момент я понимаю, что лучше отбиваться от армян, которые пытаются всех и вся облапать, лучше торговать телом, чем позволять кому-то покупать твою душу.

Все это время я думаю о Никите. О том, что есть девушка, в чьи волосы он зарывается прямо сейчас. А я тут танцую, разодетая как шлюха, и рассказываю о нем клиентам… Так горько мне не было давно. Я достаю из сумочки телефон – проверить время. На нем светится сообщение:

«Работаю с сегодняшнего дня в Убере. Мне, кстати, по кайфу. Музло играет отличное, с народом болтаю, пока едем. Все пока только молодые попадались. С каждым просто сразу на «ты», и нормуль. Вот только небыстро как-то деньги капают. Но похуй, прорвемся. Ради яхты (с недавнего времени он загорелся мечтой стать капитаном, купить себе яхту и уйти в открытое плаванье)! Ты как?»

Закончился третий час. Я взяла деньги и ушла.

После той ночи я больше не вернулась на эту работу.

Глава 16
Темная ночь

В отличие от моих американских друзей я не нуждаюсь в антидепрессантах. Не потому, что мне не бывает кисло. Просто вся история моей родины – это одна сплошная депрессия. В итоге моя культура к ней приспособилась. Мне не нужно постоянно улыбаться, чтобы чувствовать себя в порядке. Достаточно постоять в сторонке, попялиться в бездну, ощутить, как смерть дышит мне в лицо холодным перегаром, и это меня сразу бодрит. Мой «Прозак» – это тоска. Рецепт врача для этого не нужен.

Анатолий Ульянов

Пришло время снова отправляться в путешествие, но меня окончательно накрывает. Мне вдруг совершенно адово захотелось домой. Это был самый настоящий клин. Мы сидели в гостях у Лидии с Армандо и Волшебником. Я играла песни, они играли с собакой. И вдруг меня просто перекрыло. Перекрыло не по-детски. Я покрылась мурашками, меня начало тошнить. Мне казалось, что душа моя пытается вырваться из тела и полететь домой. Я не могла больше ничего делать. Только «Темную ночь» по кругу играла.

Мы вернулись домой. Приехала подруга Стива с помощниками, Стив фотографировал ее для обложки сериала. Вот так, наверное, половина обложек и делается: на фоне зеленой шторы на кухне. А я все наматывала круги… Не могла перестать ходить. Есть совершенно ничего не хотелось. Ладони вспотели, меня бросало то в холод, то в жар.

Я понимала, что больше не хочу ни в какую Мексику. Что я не смогу гулять по улицам, где жил Никита, и узнавать его в каждом прохожем. «Там все пропитано мной, – говорил он мне. – Если ты будешь в Мексике, то я за нее не беспокоюсь». Я окончательно теряюсь в происходящем и не знаю, что делать дальше. Жесткий диск моей памяти забит историями. Компьютер – фотографиями. Я не могу больше воспринимать никакую новую информацию. Я

прячусь дома, потому что знаю, что приключения ждут меня уже за первым углом, а я к ним не готова. Мне нужен перерыв.

В конце концов мы созвонились с Мими. Той самой Мими, моей любимой художницей из Казахстана, с которой мы жили вместе на Бали. Я не видела и не слышала ее уже три года, но из сердца моего она никуда не уходила. Я застала ее в момент, когда она упражнялась в искусстве сценического макияжа. Выглядела она, как Бальтазар из «Зачарованных». Я ей все объяснила. Я сказала, что устала. Что не могу больше переживать все в одиночку. И главное, конечно, я рассказала ей про Никиту. Почитала ей наши письма друг другу, и Мими сказала:

– Даша, я замужем за человеком, которого не люблю. Он меня унижает как может и уже столько раз меня схватил за горло, что просто не сосчитать. И у меня от него ребенок. А на днях сюда приезжал парень, в которого я была влюблена еще тогда, на Бали. Тот Тигр, помнишь? Прочитав твою историю, я моментально перенеслась в свое прошлое и вспомнила свои чувства. Тогда я побоялась сказать ему о своих чувствах, и вот он приезжает в мою страну только ради того, чтобы попить со мной кофе. Он говорит, я все понимаю, говорит, я знаю, что у тебя муж. Говорит, я упустил свой шанс и мне жаль. А все потому что, Даш, я гордая была и ничего тогда не сказала. Поэтому просто езжай. Если чувствуешь, что вы души родственные, что вообще тогда важно?

– Я не хочу навязываться, Мими, у него другая девушка уже.

Мелодичным, успокаивающим голосом она говорит:

– Приезжай ко мне, Дашуля. Ты здесь отдохнешь, допишешь свои истории. Я тебе иллюстрации сделаю… Побудешь со мной, придешь в себя и полетишь домой.

Учитывая, что домом для меня давно стала геолокация любимых людей, Мими – это тоже дом. Да, мне надо к Мими. Она мудрая, она подскажет, что делать. Я не могу сейчас рассуждать рационально.

И я купила билет.

Через сорок часов я сменю плюс тридцать на минус тридцать. Такая вот символичная разница в погоде между Лос-Анджелесом и Астаной. Я собираюсь под танго. Уже неодинокая Полозкова читает под музыку свои стихи. За левым плечом на басу сидит ее будущий муж. Кидая вещи в рюкзак, я повторяю по кругу комично совпадающие с моей реальностью слова:

Давай будет так: нас просто разъединят,
Вот как при междугородних переговорах —
И я перестану знать, что ты шепчешь над
Ее правым ухом, гладя пушистый ворох

Волос ее; слушать радостных чертенят
Твоих беспокойных мыслей, и каждый шорох
Вокруг тебя узнавать: вот ключи звенят,
Вот пальцы ерошат челку, вот ветер в шторах
Запутался; вот сигнал sms, вот снят
Блок кнопок; скрипит паркет, но шаги легки,
Щелчок зажигалки, выдох – и все, гудки.
И я постою в кабине, пока в виске
Не стихнет пальба невидимых эскадрилий.
Счастливая, словно старый полковник Фрилей,
Который и умер – с трубкой в одной руке.
Давай будет так: как будто прошло пять лет,
И мы обратились в чистеньких и дебелых
И стали не столь раскатисты в децибелах,
Но стоим уже по тысяче за билет;
Работаем, как нормальные пацаны,
Стрижем как с куста, башке не даем простою —
И я уже в общем знаю, чего я стою,
Плевать, что никто не даст мне такой цены.
Встречаемся, опрокидываем по три
Чилийского молодого полусухого,
И ты говоришь – горжусь тобой, Полозкова!
И – нет, ничего не дергается внутри.
В тот август еще мы пили у парапета,
И ты в моей куртке – шутим, поем, дымим…
(Ты вряд ли узнал, что стал с этой ночи где-то
героем моих истерик и пантомим);
Когда-нибудь мы действительно вспомним это —
И не поверится самим.
Давай чтоб вернули мне озорство и прыть,
Забрали бы всю сутулость и мягкотелость
И чтобы меня совсем перестало крыть
И больше писать стихов тебе не хотелось;
Чтоб я не рыдала каждый припев, сипя,
Как крашеная певичка из ресторана.
Как славно, что ты сидишь сейчас у экрана
И думаешь,
Что читаешь
Не про себя.

Часть 9
Бродяги Дхармы

Глава 1
Пересадка

Заметка в дневнике:
13 февраля 2016
Видела сегодня твою любимую Гренландию. Один сплошной снег. Не знаю, тут как-то пусто и, похоже, очень холодно. Я мчусь к тебе со скоростью девятьсот сорок четыре километра в час, а ты даже и не знаешь.

* * *

Изначально мне чертовски хотелось устроить ему сюрприз. Я собиралась уже после Казахстана, разобравшись в своих мыслях, приехать к его дому с бутылкой рома «Малибу», позвонить по скайпу из его подъезда, держа телефон близко к лицу, чтобы было неясно, где именно я нахожусь, поболтать минут двадцать, дойдя до нашего классического момента, когда мы чокаемся стаканами и бутылками через экран, а потом сказать: «Слушай, а что мы все через экран это делаем? Может, давай по-настоящему?»

Зная Демина, он сразу бы без вопросов ответил «давай», и тогда я бы сказала: «Ну здорово, тогда открывай, я сижу на ступеньках у тебя под дверью». Таким был мой план изначально, и его различные вариации я успела прокрутить в голове сотню раз. Я даже успела без палева узнать у Никиты его адрес, объяснив это тем, что хочу отправить ему письмо. Но потом подумала, что лучше без сюрпризов. Хватило уже таких «сюрпризов».

Весь путь через Атлантический я слушаю «Пинк Флойд», рисую и думаю, что же я ему скажу. Из-за волнения не могу уснуть. Билет в Казахстан был только через Москву. Я готова была как угодно ее облететь, но вариантов не было. Не могла я вот так сразу в ней оказаться. И потому, даже когда физически мое тело было здесь, на пересадке, никто, кроме Мими и моего друга Лиса, не знал, что я уже на этом континенте. Остальные друзья ждали от меня новостей по прохождению не российской, а мексиканской границы.

Я сижу в Шереметьево в ожидании следующего самолета и с трудом понимаю, что происходит. Здесь уже вечер. Перепрыгнула в будущее – вперед на десять часов. В Астане накину еще три. Нормально. Может, там уже, как в «Назад в будущее», машины

летают над землей?

Пока я отсутствовала, в Москве сделали дурацкую систему подключения к Wi-Fi. Нужно дать свой номер и подтвердить что-то там с помощью кода из смс. А у меня американская симка. Словить интернет удается только у входа в терминал. «Билайн» милостиво предоставил пятнадцать бесплатных минут. Красными от усталости глазами гляжу в телефон и пишу сообщение:

Я:

Майкл Джексон и правда трахал детей. Общалась на кухне с его адвокатом. Траволта, Уилл Смит и Том Круз спят с мужиками. На этом о голливудских сплетнях все. P. S.: я скучаю. P. P.S.: мне страшно. P. P.P. S.: Я не хочу тебя проебать.

Он:

Из сердца проебать будет не просто. Про Джексона вообще огонь, Даш. Всем расскажу. Правда, мне похуй кого он трахал. Искренне.

Я:

А я вот расстроилась. Слушай, я тут какую-то херню натворила…

Он:

И многоточие…

Я:

Наверное, лучше показать…

Он:

Подстриглась?

Я:

Зайдешь в скайп?

Он:

Покрасилась. Налысо?

Я:

Не гадай. Все равно не угадаешь.

Он:

Позвони, я чет не могу.

Набираю. На голубом фоне появляются фотка в пикселях и время. 22.22.

Темный экран. И вот оно, любимое лицо.

– Привет.

– Привет! Я ебал эту разницу во времени! Извини, я только домой пригнал, таксовал весь день… Так… Ну, ты не побрилась. Что же ты тогда натворила?

– Я не знаю, как тебе сказать… Наверное, лучше просто покажу.

Я поднимаюсь со ступенек и встаю на фоне подсвеченных табличек: «Информация», «Выход 1», «Выход 2», «Автостоянка»,

«Электропоезд в Москву».

– Что-то это нихуя не Мексика, Даш…

– Да, по ходу это нихуя не Мексика, Никит.

– Ты что, в Москве?

– Я в Москве…

Он начинает смеяться.

– Я старый человек! Со мной нельзя такие сюрпризы устраивать!

– …и через три часа я отсюда улетаю.

Его лицо меняется.

– Ты серьезно, да?

– Абсолютно.

Дальше я отчетливо запомнила его реакцию, посекундно, как в замедленной съемке. Он не попросил объяснений, не спросил ни какого черта происходит, ни как так вышло, ни что я здесь делаю, ни куда и на сколько лечу, ни когда вернусь. Он просто сказал:

– Ну, я выезжаю. Ты в Шереметьево?

Такого расклада я вообще не ожидала.

– Да это же далеко… Пока ты с Чистых прудов доедешь…

Он смеется еще сильнее.

– Ах, значит, ЭТО далеко, да? Телефон говорит, что через час буду. Какой терминал?

– F…

– Все, выезжаю, давай! Блядь, а я только накурился!..

Мой друг, я не знаю, насколько мне удалось передать это текстом, но именно этот человек протащил меня через все невзгоды той зимы и осени. В то время как за моими приключениями следили уже тысячи людей, он был чуть ли не единственным закулисным свидетелем всего, что со мной на самом деле творилось. Но никто об этом не знал.

Проходит час двадцать. Его нет на связи. Через двадцать минут закроют регистрацию. Я сижу на лестнице и наблюдаю, как элегантно одетая парочка в «Шоколаднице» тратит деньги на кофе по завышенной цене. Рядом с их столиком стоят большие, чистенькие чемоданы. Животные другой стаи.

И вот он все-таки приехал. Идет навстречу в своих зеленых мексиканских штанах и красном пуховике. Настоящий, объемный, живой. Я не знала, как реагировать. Он просто обнял меня, и карусель, которая разогналась за это время до тошнотворной скорости, наконец остановилась.

– Никита… Что за пиздец… – говорю я ему в плечо.

– Да я вот тоже не понимаю.

– Это что, реально ты?

– Реально я, Даш.

– Сейчас я отстранюсь на десять сантиметров, увижу твое лицо и тогда поверю, наверное. Но мне страшно.

– Тогда давай еще так постоим.

И мы стояли. Посреди пустого аэропорта, где-то в нейтральной зоне, на границе прошлого и будущего.

– Сколько у нас есть времени? – спрашивает он, отпустив меня.

– Восемнадцать минут.

– Пойдем покурим?

– Пойдем.

Он надевает на меня свой пуховик. Мы выходим на улицу, проходим мимо жадных до денег таксистов, садимся в его машину, чтобы не мерзнуть, и закуриваем. Я не спала уже сутки. Сознание потихоньку начинало триповать. Слабо верилось, что все это происходит по-настоящему.

– Мне кажется, я все восемнадцать минут буду просто молча на тебя смотреть… Я выехал из дома и понял, что у меня пустой бак. Но вспомнил потом про одну заправку по дороге – если б не она, застрял бы где-нибудь на полпути… Я в какой-то момент передумал ехать, Даш. – Мое сердце замирает. – Стоял на заправке… Стал уже даже письмо тебе писать… А потом позвонил Степе. Говорю: «Так и так, брат, что делать?» Он отвечает: «Ты что, спятил? Езжай, конечно». И как только тебя увидел, понял, что все это бред, – он замолчал на секунду, затем опустил глаза и грустным тоном продолжил: – У меня тут совсем другая жизнь, Даш…

Он сослался на эту «другую жизнь» еще несколько раз, пока мы разговаривали, а затем выдал фразу, от которой меня перекосило – настолько нелепым и очевидным был этот эвфемизм:

– Главное, чтобы мои люди поняли мой образ жизни…

Что в переводе означало «главное, чтобы моя девушка не ебала мне мозги, если мы с тобой будем общаться». Я не готова была переспрашивать, правильно ли я его поняла. В знак того, что я все еще его друг, я хотела было дать ему пять, но он вместо этого взял мою руку в свои ладони и, задумавшись, прокрутил вокруг моего пальца медное кольцо со словами «fortuna fortes adiuvat»[97].

– Мне кажется, я приеду домой и буду думать, что это был сон, – говорит он на выдохе.

Время закончилось. Пора было выходить.

– Надо тебе что-нибудь подарить, – он оглядывается на заднее сиденье и рыскает глазами по салону. – А, ты же

вернешься через неделю… Что-то я вообще не в себе…

Никому из нас ничего не было ясно; я выпала на него, как первый снег посреди лета. Он проводил меня до зеленого коридора. Посадка уже заканчивалась. Мы обнялись три раза подряд, и я еле заставила свои ноги идти в противоположном от него направлении.

Глава 2
Астана

Мими и ее муж Олег встретили меня в аэропорту с курткой, шапкой, шарфом и даже варежками. Мы сели в машину и сразу отправились домой. В том огромном доме, с салоном красоты и продуктовыми магазинами в одном здании, я и прожила всю неделю, как в крепости, не желая высовывать нос в минус тридцать.

* * *

Заметка в дневнике:

13 февраля 2016

Ручка на бачке… где она… ее нет сбоку. Рука рыскает по гладкому боку, но ничего не находит. Точно, на этом континенте кнопочка же сверху. Прикольно. Ну, хорошо. Значит, кнопочка. Вода сразу становится горячей. Не надо минуту ждать. И наконец-то можно снять со стены душ. Как же это удобно. Молоко… Какое ты вкусное… Настоящее! Ты не разложишься на два слоя, воды и краски, на следующий день, если оставить тебя вне холодильника! О, крабовые палочки! Сметана! Сосиски! Какие вкусные сосиски!

Они предлагают мне какие-то соленые кукиши из творога, говорят, это национальная фигня. Если будешь скакать на коне по заснеженным горам, кукиши пригодятся. Я только проснулась, а на улице уже темно. Плюс 14 часов. Небо фиолетовое от огней. Кажется, это снег… Это точно снег. Снегопад! Он кружится в вальсе прямо перед моим окном во всю стену, а за ним такой другой город. Яркий, еще совсем новый. Ему нет и десяти лет, а он уже почти достал до облаков.

Ресторан, стейк из коня и вместо «Ain’t no sunshine» мужик на сцене поет «Ain’t no sometimes» с расчетом, что никто не заметит. Что ж ты делаешь с моей любимой песней? Как тебя зовут? Дамир? Дамир, нельзя так!

Моя вселенная перерождается, как Феникс, сгорающий в огромном пламени. И действительность как будто реагирует: в три ночи одна из вышек за окном начинает гореть со звуками каких-то взрывов. На

следующий день в дыму оказывается огромная юрта. Народ эвакуируют, на улице красные машины, пожарные бегут со шлангами, скользят по льду и падают. И муж подруги говорит:

– Даша, что ты делаешь? Ты нам Бернинг Мэн привезла?

«Дарья, Дарья, в этом городе что-то горит», – пропевает Гребенщиков в моей голове.

Приятно откладывать решающие встречи. Тянуть их, как нугу. У нас есть восемнадцать минут посмотреть друг на друга. На большее я бы, кажется, не была так сразу способна. Как и родину принять. Давай сначала снег, а потом уж сама Россия. Давай сначала пусть только половина жителей будет русскими. Давай постепенно. Иначе, боюсь, я взбунтуюсь, начну биться, дикая, и сама себе крылья о стены поломаю. Давай аккуратно. Не спугни безразличием и черными куртками. Пожалуйста, надевай любую другую, но не черную. Надевай зеленые штаны. Но не серые. Не снимай улыбку. И смотри, чтобы эта овечья шкура к тебе не приросла. Я же знаю, ты волк.

* * *

От смены часовых поясов я из совы внезапно превратилась в жаворонка. Просыпалась в пять утра, заваривала себе кофе, разбирала почту и наблюдала, как начинается день.

* * *

Запись в блоге:

16 февраля 2016

Когда мне приходят письма от незнакомых людей, я больше не смотрю на фотографии. Хорошо иногда не ориентироваться на того, с кем говоришь. Получается, как будто пишешь лучшему другу или самому себе. И ответы сразу простые, искренние. Всё-таки это волшебство, что мы теперь так быстро можем соединять наши миры. Влиять друг на друга. И вот над моим городом поплыли твои киты, под твой свитер прокрались мои дельфины. Не это ли и есть искусство: минуя оболочку, сразу в душу смотреть? Не верь новостям –

любовь идет по проводам.

* * *

Мне нравилось прятаться. Какую смешную шутку я придумала. Кто найдет меня в этой берлоге созданных Мими сказок и чудес? Здесь в обнимку с тиграми и питонами живут прекрасные девушки. Здесь на своих рогах олень развесил ниточки и сушит теперь на них ромашки и одуванчики. Здесь собралась коллекция черепов любимых художников. Фрида Кало так и осталась с косичками и бровями, а из глазниц Ван Гога растут подсолнухи. Череп Сальвадора Дали шагает по нашей комнате на тоненьких ножках, как у его слонов. Девушка в костюме космонавта собирает в полях золотые розы, а зрачки Маленького принца превратились в сердца…

По шее моей доброй русалки Мими все так же летят три ласточки и все так же превращаются в птенцов. В такой крепости вид падающих снежинок меня только грел.

Утром Олег уходил на работу, я дописывала «роман с Голливудом», а Мими рисовала иллюстрации к моему рассказу. Я прилетела к ней за поддержкой и помощью, но постепенно стала понимать, что помощь нужна была самой Мими. За время, проведенное с ней и ее мужем, мне все яснее раскрывалась картина их взаимоотношений. Мими страдала. Она рассказывала мне о тирании, жестокости и изменах мужа. О том, что в порыве эмоций он легко мог придушить ее или ударить об стену. Я думала, она преувеличивает, пока не наступил День святого Валентина. Уже не помню, о чем мы с ним спорили, но, допив виски с колой, он озвучил свое заключение:

– Поэтому прекрасно бухать! Потому что все – ноль. Когда есть только ноль – остается бухать, – и будто в подтверждение этой мысли он, не отводя от меня глаз, швырнул пустой стакан в стенку, и тот разбился.

Мими молча идет на кухню за шваброй и веником и со слезами на глазах начинает подметать осколки. Было очевидно, что ей нужно уходить, но она боялась. Как самого мужа, так и реакции родителей. В Казахстане не принято разводиться. В мире мусульман в целом не принято делать что хочешь – впрочем, как и апеллировать к логике. При этом у нее был Тигр, который любил ее и звал жить вместе, втроем – вместе с сыном Мими.

Мими верила в успех моей любовной истории с Деминым больше меня самой и подбадривала как могла. Пройдясь вместе с ней по всем салонам красоты в доме, я вылечу в Москву

ухоженная, как никогда. Но это ничего не изменит. Зато за ту заснеженную неделю в Астане мне удастся убедить совсем забывшую про себя Мими в том, что за собственное счастье нужно бороться вне зависимости от того, что подумают другие. Через несколько месяцев мы встретимся в Москве за час до того, как они с Тигром должны будут улететь в их новый дом на Ямале. Там они создадут свой бренд одежды, у них родится второй сын, и заживут они долго и счастливо. Так вот, в тот день, когда ее возлюбленный на минуту отлучится, Мими скажет мне:

– Просто мы все должны уходить к своим Тиграм.

Я запомнила, как блестели в тот момент ее кристально чистые голубые глаза.

Глава 3
Nobody said it was easy

«Я не боялся казаться смешным. Это не каждый может себе позволить».

Цитата из фильма «Тот самый Мюнхгаузен»

Как только я приземлилась в Москве, Никита забрал меня из аэропорта на машине и отвез к себе домой. Мы пили чай, слушали наш любимый «Пинк Флойд», сидели на классическом русском ковре и курили. Все было хорошо, но факт, что у него теперь есть девушка, как будто курил вместе с нами огромным слоном в комнате. В минуту, когда я попыталась взять его за руку, он сказал:

– Зачем ты это делаешь?

– Я же за руку тебя беру, а не за член. Что с тобой?

– Даша… Пойми, это мы с тобой такие хиппари, а она другая… Если между нами что-то произойдет, я ей сразу об этом скажу. Она хороший человек. Я не хочу делать хорошему человеку плохо.

Вскоре мы вышли. Никита довез меня до дома моих родителей на Сиреневом бульваре. Я долго готовилась выйти из машины. Она казалась мне капсулой. Пока я была рядом с ним, Москва не имела никакого значения. Мне было хорошо. А выход из машины равнялся признанию, что я здесь, что я снова прилетела за парнем и проиграла и что впереди меня ждет один тлен.

Я как угодно готова была отсрочить этот момент, и еще с полчаса мы сидели и обсуждали измученных жизнью прохожих в черном, прикидывали, какие у кого истории. Вот бабушка идет с авоськой и дурацким меховым воротником в форме крышки от унитаза, вот мужчина с лицом, изрезанным морщинами раньше времени, щурясь от холода, выдувает дым от сигареты вперемешку с паром от дыхания на морозе… Почему у них столько горя в глазах?

* * *

Запись в блоге:

26 февраля 2016

Первый день в Москве и адовые метаморфозы. Моя очередь писать грустное построковое письмо.

Я поняла, почему ты говорил про капсулу, добрый друг. Что твоя машина для тебя как капсула. Знаешь, мне тоже такая капсула нужна.

Еду в электричке. Какие-то беззубые пьяницы слушают попсу, орут и бьют кулаком в окно. Напротив мужик сел. Такой культурный, приличный. В очочках. Книжечку не торопясь достает, по сторонам оглядывается. А я лежу, скрученная от всей этой России, в ярко-голубой куртке, ярко-зеленой шапке, головой на ярко-розовом рюкзаке. Не заметить меня сложно. Но мужик – герой. Всеми способами избежал того, чтобы встретиться со мной взглядом. Я несколько минут на него смотрела, но он мужественно продержался.

Сзади какие-то женщины в годах галдят о всей своей повседневной тоске таким голосом, как будто сейчас заплачут. И у пьяницы в телефоне на весь вагон орет: «Я люблю свою Родину вроде бы». Символичнее некуда.

Одно радует: в кармане не было ни рубля, но меня пропустили бесплатно и в маршрутку, и в метро, и в электричку. И когда сейчас возвращалась из Жуковского, на воротах стояли те же проверяющие:

– О, Калифорния! Дай угадаю, нет денег? Слышал я песню «Хотел в Калифорнию»!

– Может, «Hotel California»?

– Может!

– Есть такая. Могу вам даже ее историю рассказать.

– Не, не надо.

Я поговорила с ними минут десять. Душевно так. И тот, что помоложе, с подтертой татухой «ЗА ВДВ» на ребре ладони, даже дал мне сто рублей и предложил горячего чаю. В России вообще везде очень любят предлагать чай. В глазах русских это, видимо, какой-то минимум доброты, который могут себе позволить все.

Друзья как будто перестали меня понимать:

– Ну что, расскажи, какие ощущения?

Рассказываю как есть, от сердца. Через силу, но говорю правду. Если спросили, казалось бы, говори все как есть.

А в ответ:

– Ой, Дашенька, не драматизируй…

Мне тут теперь так часто отвечают. Не

драматизируй. Не усугубляй.

«Я думал, ты готова к этому», – говоришь ты мне.

Нет. Не готова. Раньше такого не было. Я тону в странном чувстве непонимания. Ты вроде открываешь рот, говоришь что-то, тебя даже слушают, но не слышат. Как рыба, двигаешь губами, а звука просто нет. Повторяешь свою мысль во всех вариациях, перефразируя всеми способами, но ничего не меняется.

Добралась до дома. Приходит папа с работы, костюм не снял – бежит меня обнимать, полгода не видел. А я в комнате без света на плече сестры сопли на кулак наматываю. Он переоделся и сыграл мои любимые песни. И я рискнула объяснить, что чувствую. Он сказал:

– Ты знаешь, я, когда с первого выезда на землетрясение вернулся, не мог со своими лучшими друзьями-студентами общаться вообще. Мне было жутко не по себе даже сидеть рядом с ними. Я просто молчал и чувствовал себя лишним. А потом понял, что они-то ни в чем не виноваты. Это у меня там прошла целая жизнь, это я на всякое насмотрелся. Но у них-то все шло своим чередом. В итоге я стал проводить больше времени с ребятами, которые тоже ездили на землетрясение. И самое смешное, что, встречаясь, мы никогда не обсуждали, через что прошли. Ни разу эта тема не всплывала. Но вместе нам было хорошо. Так что я понимаю твое состояние. Сейчас ты будешь чувствовать себя потерянной. Но у меня есть для тебя хорошая новость: со временем это пройдет.

И тут до меня дошло. Мы с тобой ни разу не говорили о путешествиях. Вот вообще ни разу. Просто через одни и те же метаморфозы прошли.

Встретилась с бывшим. Отчаянно хотелось хоть капельку тепла – вот и бросилась к знакомому «источнику». Смотрю на него и с ужасом понимаю, что вообще не знаю, кто этот человек. Мы не выдерживаем рядом и двадцати минут. Готовлюсь зайти в электричку. Он щурится, рассматривает мое лицо и говорит: «Ты изменилась».

За несколько дней до этого на паспортном контроле в Казахстане работник посмотрел на меня с таким же недоверием:

– Это ваш паспорт?

– Мой.

– Что-то вы вообще не похожи. У вас есть другое

удостоверение личности?

– Нет, нету.

– Что, совсем ничего?

– Совсем. Надо же, никогда такого не слышала, – беру паспорт, смотрю на фото и с ухмылкой спрашиваю: – И где я страшнее? В жизни или на паспорте?

– Да нет, нигде не страшнее. Просто совсем другая.

* * *

Мы попрощались с Никитой. Он должен был прийти через пару дней на мой день рождения, где соберутся все мои близкие друзья, с которыми я так мечтала его познакомить. Наступит вечер, а его все не будет. Наконец он позвонит с извинениями и скажет, что не может прийти. К этому времени вечеринка дойдет до самого здоровского и душевного момента, когда все поют песни под гитару в гостиной, громко шутят и чокаются. Я буду сидеть на стиральной машинке в ванной, одной рукой держась за Нату и другой прижимая телефон к уху:

– Но я хотела познакомить тебя со своими друзьями… Они хорошие люди… Может быть, ты все-таки приедешь?

– Даш, но ты же не из-за них меня зовешь. Давай встретимся с тобой на неделе, я тебя поздравлю, подарок подарю, и мы с тобой нормально поболтаем…

Я думала, дело в том, что он не хочет появляться в неизвестной ему компании людей, ведь после возвращения домой он сильно закрылся. Но потом я узнала, что в тот день его девушка, которая, конечно же, прекрасно знала о моем существовании, устроила ему с утра пораньше сюрприз – квест на машинах по городу в честь еще не наступившего Дня защитника Отечества. Поверх этого она задарила его подарками, в числе которых была футболка с самодельным рисунком, где она изобразила его как курящего трубку капитана. В дыму трубки, словно его мечта, плыла яхта. Весь портрет был выполнен в каллиграфическом стиле со строчками из песен «Пинк Флойд»… Это был нокаут.

Мы с ним договорились, что встретимся на неделе, но, когда я позвонила, чтобы договориться о дате, он сказал: «Даша, зачем ты мне звонишь? Ты что, не слышишь, каким тоном я с тобой разговариваю?» Я прекрасно слышала, но пыталась притвориться, что не замечаю ничего особенного. Это был тон безразличия и вежливого отказа. Сердце провалилось куда-то вниз.

Глава 4
Моя стая

«Я проведу ночь за сигаретами,
День в рюмке,
И улетучится вся моя грусть.
Ты можешь ебаться с другими поэтами,
Но не смей носить их сборники в сумке
И читать их стихи наизусть».

Евгений Соя

Суровая Москва немедля влепила мне ледяную пощечину действительности. Вмиг я потеряла и самого близкого друга, и любовь, и мечту, и план действий. Мне даже негде было жить. Землю выдернули из-под ног, как скатерть со стола. Только вот трюк не удался, и я упала. Помню, как лежала, смотрела на белый потолок и понимала, что мы на самом деле здесь вообще ничего не решаем. Все решают за нас. Ты можешь сколько угодно отправлять свои запросы в космос: они скажут, что твой вызов очень важен для них, попросят оставаться на связи, но решение примут самостоятельно, ни черта не объяснив. И я тут со своим «можно всё» просто мошка.

На два месяца я заткнулась и больше ничего не хотела писать. Все ждали, что мы с Деминым будем теперь неразлейвода – вершить совместные проекты и всячески взрывать этот мир, – и не могли понять, почему же, находясь в одном городе, мы даже не выкладываем общих фотографий. Его личные сообщения были закрыты, и желающие с ним связаться пытались сделать это через меня, спрашивали, как у него дела, просили что-то передать и слали письма благодарности.

Никита ушел быть счастливым. А я – как-то жить дальше. На неделю я перебралась к Паше Мастерову. Насмотревшись на мои калифорнийские коммуны, он вдохновился, снял квартиру, поставил открытый вай-фай с названием «feel free» и заявил, что там могут жить все, кому захочется, даже пока его там нет. Сам он ночевал у своей девушки. За пару месяцев, что мы не виделись,

он втрескался по уши. «Я и пальца ее не стою», – промурлыкал он мне за стаканом пива в «Пропаганде». Надо хорошо знать насквозь пропитанного цинизмом и желчью одиночку-Пашу, чтобы понять, насколько резкими были эти изменения. Я чувствовала, что внесла в это свою лепту, и радовалась.

Главной отрадой было то, что рядом снова была Ната. Она была единственным человеком, кроме Никиты, с кем я все полгода держала связь. Мы стали жить с ней у Пашки вместе. Но меня дико крыло. Когда тебе так плохо, что даже друзья не могут помочь, становится действительно страшно. Я помню, каким потерянным преданным взглядом она на меня смотрела, и мне становилось только больнее оттого, что теперь, кроме самой себя, я причиняю боль еще и ей. У меня словно атрофировались мышцы лица. Я ходила по квартире мрачной тенью, беззвучно рыдала на полу ванной, свернувшись калачиком, и ждала, когда наступит вечер, чтобы можно было напиться. Продавец-азербайджанец в магазинчике неподалеку наблюдал за моей деградацией. Количество продуктов в моих руках постепенно сокращалось, а количество алкоголя – увеличивалось. В шортах и тапочках я совершала своеобразное паломничество, возвращалась домой, пила и плакала.

Я даже созвонилась с другом Никиты, Степой, тем безумным парнем из Узбекистана. Мы разговаривали несколько часов. Он тоже не мог поверить, что Никита выбрал не меня.

– Слушай! Может, она его месячными своей бабушки напоила и приворожила как-то! – шутил он в своем стиле, и я смеялась сквозь слезы. – Я не понимаю, что с пацаном происходит! Но ладно! Ты не отчаивайся, солнышко, мы с тобой что-нибудь придумаем! Мы вызволим пацана из ее рук!

В один из дней, когда я все-таки нашла в себе силы причесаться и накраситься, ко мне в гости пришел Саша Виноградов. Русый парнишка, который снимал видео о путешествиях для самой большой и здоровской на тот момент группы под названием «Бродяги Дхармы». Так названа она была в честь одноименной книги Джека Керуака. Эта группа, собравшая всех бродяг и странников России, держалась в тот момент на Андрее Милеве, проживающем в Одессе, и москвиче Саше. Ребята не получали с этого ни рубля, а просто боролись за идею. Добрые бродяги, преданные своему делу, были тогда как нельзя кстати.

Сашка был красивым, добродушным, совсем еще юным головой мальчиком и забавно картавил. Тогда он только вернулся из своего первого долгого путешествия. Саша планировал проехать вокруг света, завел блог под названием «Настоящий» и одноименный ютуб-канал и стал рассказывать о своем

путешествии, но уже через три с половиной месяца передумал и вернулся домой. Шляться в одиночку было не для него.

Его коньком были видео. Он жил в одной квартире с мамой и бабушкой, которая клала серебряную ложечку в графин с водой, чтобы ее очистить, и звала эту ложечку Иннокентий в честь покойного мужа. Я, как ребенок, которого выкинули из дома в семнадцать, как выкидывают детей из лодки, чтобы те сразу научились плавать, привыкла повторять слова родителей, что нужно становиться самостоятельным рано. Может, в этих словах отчасти и крылась обида за то, что так поступили со мной, но мне проще было считать, что правильно было у нас, а у остальных, значит, неправильно. Поэтому, увидев картину жизни «настоящего» путешественника Саши, я сразу стала его подстебывать.

И все же, надев зеленые тапочки, заварив себе чай и согнав со стула невероятно жирного кота, Саша садился за компьютер и творил чудеса. Он мог сделать конфетку из любого контента, смонтировав все так, что казалось, будто над видео трудились несколько профессионалов. Как сказала Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора…»[98]

То, что ребята решили записать со мной видео, я посчитала за честь. У них была отдельная рубрика под названием «Профайл», где они представляли главных действующих лиц «Бродяг». Полгода назад я не могла о таком и мечтать. Мы уселись на пол, Сашка установил камеру на штатив, прицепил ко мне маленький микрофончик, достал список вопросов, и я стала отвечать. «Вот бы переплюнуть Морозову по количеству просмотров», – подумала я. В итоге я каким-то чудом переплюнула всех. Когда видео вышло, мы с Натой пили шампанское и прыгали от счастья. При этом я понимала: не было бы ее рядом – и мою радость можно было бы делить на сто. «Happiness is only real when shared»[99] – вот неписаный закон, который всегда работает. В тот момент я испытала огромную благодарность за то, что она рядом. Смешной урок того года: я получила внимание тысячи глаз, чтобы понять, насколько дороже среди них всего одни глаза, которые не отвернутся от начала и до конца.

Мы закончили интервью, и Сашка остался ночевать у нас. Мы все уснули в обнимку, как волки одной стаи. Есть простой способ проверки на вшивость: если тебе комфортно спать рядом с человеком, значит, он твой. Тогда же, в той же квартире я познакомилась и с Димой Иудановым. С ним мы в одно и то же время были во Фриско. Он даже черканул мне тогда и предложил пересечься. Я зашла на его страницу, увидела, что его паблик

называется «100 дней за 100 рублей» и что закрепленный пост посвящен сбору денег. «Сто рублей, значит, ага. Ну, понятно». Пролистала страницу ниже и увидела пост с фоткой на фоне Голден Гейта: «Сегодня день рождения Дмитрия Иуанова». Он написал это про самого себя! Дмитрий Иуанов пишет, что у Дмитрия Иуанова день рождения. И куча интервью – все о том, как он два месяца путешествует. Два месяца! Ну, охуеть теперь, ты звезда! Я поставила вердикт: «Идиот» – и даже не стала отвечать.

Но в Москве, где своих по пальцам можно пересчитать, было не до жиру, и я решила дать нам шанс понять друг друга. Мы вместе поржали и над его деланой фамилией («Я думал, очевидно, что это прикол», – пояснил он мне), и над тем, что он говорит о себе в третьем лице – я обозвала это первой стадией звездной болезни. По-моему, специально для меня в этом году он написал у себя на стене: «Сегодня МОЙ день рождения».

Поскольку я в своем депрессивном запое была безутешна, ему пришлось приехать к нам в гости, чтобы со мной встретиться. Пока он сидел на полу, я улеглась к нему на коленки, тем самым обозначив, что мы с ним одной крови. Обескураженный такой бесцеремонностью, Дима сначала буркнул что-то в стиле: «Я к такому не привы-ы-ык», – но при этом сразу стал меня чесать и даже остался с ночевкой. Москва такая огромная, что, если уж приехал, глупо сразу уезжать. Постепенно наш дом стал превращаться в притон бродяг. Мы с Димой довольно быстро снюхались и уже через пару дней пи́сали с одной крыши в самом центре Москвы (Дима сказал, что именно так нужно закреплять дружбу) и встречали утро у закрытых дверей метро. Нас ждала уйма совместных приключений, и каждый раз эти приключения заканчивались впис憂ой где-нибудь у черта на куличках. Только спустя полгода мы осознали, что каким-то чудом просыпаемся вместе, «даже если уснули в разных местах». Он говорил, что не умеет дружить с девушками, и все-таки между нами никогда не было и намека на какие-то интимные отношения. Пару раз он как бы задумчиво, со свойственной ему ноткой хитрости и артистизма, спрашивал: «Даша! А почему я никогда не пытался тебя закадрить, а?» – не находил ответа, но и кадрить все-таки не пытался.

Дима был одним из самых загадочных персонажей всей нашей разрастающейся с того дня тревел-тусовки. Даже после того как мы создали с ним одну компанию, намотали вместе тысячи километров, жили в одной квартире, видели друг друга и в тоске, и в радости, я не могла наверняка сказать, что знаю этого человека. Кажется, и сам он не знал себя до конца.

Ко всем делам он любил подходить глобально и конструктивно. Решил выпустить книгу – значит, предварительно пройдет по всем телеканалам страны, как по шлюхам Квартала красных фонарей в Амстердаме, не пропуская ни одной двери. Влюбился в девушку – значит, полезет к ней в окно с букетом или снимет комнату в дорогущем отеле, который ему не по карману. Сделал фотографию – значит, триста раз убедится, что она неповторима и особенна, перед тем как ее выложить.

Он любил оставлять впечатление человека серьезного («Когда ты уже делом займешься, Дарья?» – любимый мне вопрос) и даже был способен таким быть, но при этом большего разгильдяя, способного легко опоздать на час или даже год, я не встречала.

– Мне нужно дотянуть любое дело до последнего момента, – объяснял он впоследствии. – И затем совершить героический поступок – все сделать! Если в исполнении какой-либо задачи я не чувствую подвига, то она мне неинтересна!

Его система общения с большинством людей была построена на «интервьюировании». Любого нового человека в компании он закидывал кучей провокационных вопросов, заговаривая зубы, как цыганка, и делал это так профессионально, что человек, сам не понимая, как это произошло, вываливал ему на стол все свои секреты. Люди с таким упоением говорили про себя, что не замечали, как их, казалось бы, беседа переходила в монолог признаний. Сам Дима уходил от ответных вопросов быстро и профессионально, как настоящий воришка, и вскоре знал о собеседнике все, а тот о нем – по-прежнему ничего. Удивительно, но после таких откровений павший под удар расспросов человек начинал испытывать к Диме доверие, как исповедовавшийся святому отцу.

В нем будто уживалось несколько человек – нужно было только знать, с какой стороны смотреть. Он мог быть порядочной скотиной, бесчувственным интриганом, любящим надавить на больные точки других, способным ни с того ни с сего довести человека до белого каления и превратить пустяк в настоящий скандал.

А мог быть глубоко чувствующим, эмоционально ранимым человеком, представителем того вымирающего вида романтиков, которые все еще лазают в окна к любимым женщинам. Но эти свои ранимость и чувствительность он почему-то считал нужным скрывать. Он как будто постоянно защищался от кого-то, не было только понятно от кого. К слову, о женщинах – они у него всегда были. Он с ходу мне пожаловался, что самый большой перерыв в отношениях у него был две недели. Мне захотелось бросить в него чайник.

Знакомства знакомствами, а я начала угасать. До московской встречи с подписчиками, которую мне помогла организовать Ася Репрева, оставалось еще две недели. Ася была создателем проекта TripSecrets. Не знаю, на какие бабки она жила, потому что с группы ВКонтакте она ничего не получала, но посты туда лепила со всей самоотверженностью, на которую только способен человек. В то время Асю позвали в путешествие ее мечты, совершенно бесплатно. Она плакалась в личке, что не может поехать, потому что в ее отсутствие некому будет вести группу. Я на ее месте однозначно плюнула бы и поехала. Раз в год она со своими коллегами устраивала большой фестиваль о путешествиях при поддержке Правительства Москвы. Ребята влезали в миллионные долги, которые потом дружно разгребали оставшийся год вплоть до нового, более грандиозного фестиваля. Из всех моих появляющихся внезапно, как подснежники, знакомых тревел-тусовки она была самой ответственной дамочкой и согласилась помогать мне со встречей самоотверженно и без-воз-мезд-но.

На седьмой день моего запоя мне пришло письмо от Вики Кершис. Той самой серф-балерины, за которой я когда-то бежала по берегу океана с криком: «Я твой фанат!» – если ты еще помнишь эту историю. Вика жила на Бали уже седьмой год. Сообщение было следующее:

«Сижу одна в ночи, льет неебический ливень, и я только-только прочитала твою историю про Сабрину из Голливуда[100] о том, как работает мир, я так этого ждала. Лонг стори шорт, зря ты меня, что ли, нашла однажды посреди Индийского океана? Мне жизненно необходимо знать, что тебе сказала Сабрина, только не ржи и не шли меня на хуй. Иначе мне крышу скоро сорвет: я ношусь по кругу, так близко-близко, но, блядь, никак чего-то недопойму, и это полный пиздец. Я готова вылететь к тебе на кухню уже завтра, но, блядь, денег просто, сука, нет. Мне не надо ничего доказывать, я и так знаю, что все правда. Может, мне тебя заманить на Бали золотыми горами? Готова учить тебя серфингу днем и ночью в обмен на науку! Ты первый человек, которого я вижу как своего учителя, обычно все всегда наоборот. Это бесценное ощущение, какое-то невероятно правильное. Как мне тебя вы- красть?»

«Вика-Вика. Учитель из меня, конечно… Да могу прилететь. Если ты меня поучишь, я ради тебя горы сверну».

«Я тебя научу так, что Слейтер[101] уйдет на пенсию с горя!»

Я открываю онлайн-кошелек. На карточке шестьдесят тысяч. Билет стоит сорок две. Давно у меня не было такого четкого ощущения, что что-то должно было произойти именно сейчас. Я

выхлестываю еще одну бутылку вина, покупаю билет и пишу Демину письмо:

«Давай я тебе просто скажу одну вещь. Я тебя очень люблю. Вне времени. И вне слов. А ты дальше делай с этим что хочешь. Потому что я, Никита, по крайней мере, попытаюсь. Не «попыталась», а попытаюсь. Я тебе могу еще много чего сказать, показать… текстов, видео, всего. Показать, сколько клеток в моей крови трансформировались из-за одного твоего существования. Но что с этих вещдоков? Я просто люблю. Совершенно осознанно, в кои-то веки. Наверное, впервые осознанно до конца. Не на почве страсти, которой во мне океаны. Не на почве отчаянья, которого во мне тоже хватает. На почве чего-то, чего ученые еще, слава богу, не сумели «истрактовать», разложить по полкам. Всей душой и сердцем. И страшно. Страшно это писать прямо вот так, без черно- вика.

Я как любая взрослая девочка после твоего «зачем ты мне звонишь?» трое суток пила и плакала. А потом осознала свою глупую беспомощность. Потому что любовь – это не билет. Ее не купишь. Она не прописана на карте. Нет геолокации. Нет кнопки «оплатить».

Но я знаю одну кнопку. Кнопку «выбрать комфорт», кнопку «я устал». Я тоже устала. И дальше выбор за мной и тобой. Можно выбрать просто жизнь. Быть счастливыми «просто». А можно выбрать жизнь в стиле «давай приколемся». И, знаешь, я бы выбрала именно такую. Я бы выбрала ее сотню раз. Потому что посмотреть на это сверху я всегда успею. И когда я посмотрю сверху, с этого белого кожаного дивана, я бы хотела улыбаться. И я знаю, Никит, что, если ты возьмешь меня за руку, я дальше буду «сверху» улыбаться. Это будут не слова. Это будут действия. И мы свернем горы и превратим их в разноцветный вихрь. Они будут таять на наших глазах.

А можно по-другому. Можно комфорт. Можно, чтобы просто кто-то дома ждал. И все. Это мы можем оба. Я и ты.

Но можно честно, сочно, по-настоящему, не как все, понимаешь, Никит? Не как все. Так искренне, что хлеще просто некуда. Но выбор, он только твой. И я ничего не могу с этим поделать.

Со своей стороны, я только могу сказать, что готова переть с тобой до конца. Не за тобой, а с тобой. И я совершенно не обломаюсь. Я могу еще сто жизней прожить и сделать все классно, быть продуктивной, что-то кому-то дать. В одиночку.

Но можно по-другому, Никит, можно все. И я знаю тебя. Не того, поцелованного взасос Москвой, которая так и не отпустила. А того, который ветер. Ты ветер. И я люблю тебя. Таким, каким

ты можешь быть. Я люблю в тебе секунду откровенности, минуту потерянности, вечность озадаченности. Я хочу быть с тобой.

И будет глупо, если я хотя бы не попытаюсь. Вот теперь попыталась. Пожалуйста, проснись. Я же знаю, ты волк.

Пахтусова Даша. Пьяная вином и оттого до предела честная. Проснись. А я пока поеду, полечу, поплыву».

Вика – лучший серф-инструктор, что я знаю. Я мечтала попасть в ее лапы много лет, но эта роскошь стоила таких денег, что можно было и не мечтать. Обратный самолет доставит меня в Москву за считаные часы до моего большого выступления. Наверное, если бы я не полетела тогда на Бали, я бы вышла в тот день на сцену, села за стол, налила бы себе молча водки в граненый стакан и стала бы пить. Вышел бы эпичный «театр одного актера». Но, слава богу, случилось не так. И к двадцать шестому марта я вернулась стройной, загорелой и собранной.

Глава 5
Винил

Времени выспаться не было вообще. Пересадка в Турции длиной в вечность растянула мои сутки втрое. Я боялась уснуть и пропустить самолет. Мы с Асей выбрали клуб под названием «Винил» чуть ли не из-за одного только названия. Они просили половину выручки, что совершенно нечестно, но мне тогда было плевать. Лишь бы там было уютно. В том клубе-студии проводят спектакли, поэтому у них прекрасный свет. Мы оставили темным зал, с помощью проектора вывели обложку группы на стену, расставили стулья и пуфики, поставили «The Doors» и продолжили планировать вечер.

Сашка Виноградов настоял на том, что все это дело надо будет заснять на камеру – «на память». Сказал, что позовет в помощники Макса Липатова и сделает хорошее видео со встречи.

– А кто такой Макс Липатов? – спросила я Сашу еще за две недели до выступления.

– Ты его не знаешь? Ютуб-блогер и походник из Одессы. На канале «Бродяг» есть о нем видео, посмотри.

Мне не нравилась идея снимать встречу. Когда выступаешь перед толпой, энергетически «берешь» её на себя. Тебе ясны рамки, в пределах которых предстоит работать, а камера – будто черная дыра, в которую всё вытекает. На помощь в съемке Сашке пришел высоченный парень еще с одной камерой. В темноте галерки он повис надо мной, как фонарный столб, и я не сразу его разглядела. С огромными глазами и необычными чертами лица. Странный. Вот он, Липатов. Ответственный за блогерство в мире мужчин-походников.

– Максим! Привет! – сказала я и пожала ему руку.

– Привет! Ты что, меня знаешь?

– Конечно!

– Ничего себе.

Он, кажется, смущен. В животе начинает поднывать. До выступления полчаса. Мы с Натой, Асей, Артемом и пацаном из какой-то Караганды (он уже успел посвятить мне стих, а еще притащил с собой бутылку рома «Малибу») садимся за стол на балконе напротив всего зала. С людьми вроде все отрепетировано: на входе две девчонки-подписчицы надевают всем браслетики и берут бабло, Сашка с Максом настраивают звук, а нам остается обсудить программу. Я расписываю себе огромный план того, про что хочу рассказать. И, хотя я буду

рассказывать о приключениях лишь последних шести месяцев, кажется, что мне нужно уместить в одно выступление полжизни. Артем подливает мне в стакан с водой рому в качестве успокоительного. Если буду пить чистым, начну отключаться от недосыпа. Я слышу разговоры людей, как они усаживаются, двигая стулья, но стараюсь об этом не думать, чтобы не паниковать. Мне кажется, что все это какой-то прикол. Пока мы оговариваем секретные сигналы, Артем подходит к краю балкона, смотрит в зал и говорит:

– Ой-йеее…

Я отрываюсь от всех разговоров.

– Что?

– Там полный зал!

– Что?!

– Даш, лучше пока не подходи…

Я вскакиваю и подбегаю к краю. Зал полностью забит людьми. Ася говорит, что в коридоре стоят еще человек сто в очереди – надо подождать, пока хоть половина войдет. До меня доходит, что этот луч света на сцене предназначен для меня, на афише только моя морда, и если я пересру и не выйду, никто меня не заменит. Нет дублера за кулисами. Нет второй Пахтусовой. Этот свет для меня. Закрыв рот рукой, я начинаю пятиться назад, как рак. В ушах гул. Что я могу им рассказать? Что у меня есть? Они все чего-то ждут… Но вдруг мне им нечего дать? Кто я вообще такая?

И тут ребята в зале начинают скандировать: «Да – ша! Да – ша!» – и все становится на свои места. Я понимаю, что они зовут меня. Они видели мои тексты. Читали мою душу. Пришли сюда сами. Все они – мои друзья. Мне вдруг становится очень спокойно. Я молча беру со стола ноутбук и спускаюсь. На лестнице тоже стоят люди. Кто-то сел на самый край и болтает ножками в воздухе. Я протискиваюсь через толпу, стараясь не поднимать взгляд. Спускаюсь по лестнице и иду по полностью заполненному людьми проходу. Они замечают, что это я, и радостно расходятся. Сделав последний рывок, я выпрыгиваю на сцену, и на меня обрушивается шквал аплодисментов. И в ту же секунду я чувствую, я слышу, что все выворачивания души были не зря. Все было не зря. Я нашла живых. Я достучалась.

Сашка прячет мне в левый карман костюма GoPro-камеру, которая будет записывать звук, и вешает петличку. В самом центре перед сценой сидит Ната – она готова тормозить меня, если я слишком долго буду трепаться на одну тему. Свет прожекторов спрятал для меня всех людей в темноте. Мне казалось, что я пришла на исповедь к свету в конце туннеля.

Я выдохнула и начала свой танец. Очнулась я только спустя три с половиной часа, когда ребята слишком долго аплодировали и у меня появилось время заткнуться и прийти в себя. «Что происходит?» – прошептала я одними губами Нате и отвернулась от смущения, а люди стали аплодировать еще сильнее. Это было круче «Оскара», потому что эту награду дают за фильмы. Мне же хлопали за мою собственную жизнь.

В конце меня завалили подарками, просили автографы и много-много обнимали. Я уже еле стояла на ногах. Лица и объятия людей превратились во что-то одно большое и теплое. Домой я ехала, крепко схватившись за руку Сашки, полностью истощенная. У меня было четкое ощущение, что я отдала все, при этом столько же получила взамен. Липатову пришлось уйти раньше окончания встречи, мы так и не успели пообщаться. А мы с Сашей Виноградовым, Димой Иудановым, Асей Репревой, Натой и моим другом Лисом поехали ко мне домой. Там, поглощая на полу суши и пиццу, я наконец-то выдохнула и отрубилась.

Глава 6
Дача

Пусть нету ни кола и ни двора,
Зато не платят королю налоги
Работники Ютуба и ВК,
Романтики с большой дороги…

Переделка песни из мультфильма «Бременские музыканты»

В Москве наконец-то становилось тепло, и Сашка Виноградов пригласил меня и еще трех ребят-путешественников к себе в гости на дачу. Мы собрались теплой компанией из Липатова, Иуанова, самого Саши и его подруги-походницы Нины, с которой они совсем недавно поднялись на Эльбрус.

В тот день я была в обтягивающей майке, и первое, чем мне запомнился Липатов, – это то, как он нарочито не спускал глаз с моей груди и все время отпускал какие-то дебильные школьные шуточки. При всей нелепости этих шуток мне они почему-то показались милыми, и я даже приняла их за комплимент.

Все мы были одного поля ягоды. В то время на нашу жизнь и творчество были обращены взоры тысяч людей, а мы же наперекор этому всему стали испытывать ярую потребность в том, чтобы просто быть среди своих. Растопив печку, мы стали душевно болтать обо всем на свете. Димка, как обычно, взял на себя бразды тематического правления вечером и задал всем задачу: «Назовите последний раз, когда вы были наиболее счастливы». Жребий отвечать первым пал на Сашку. Он сидел прямо у топки, пламя отбрасывало на его лицо мерцающие тени. Сашка рассказал о своем возвращении домой после первого большого путешествия.

После Сашки очередь рассказывать выпала мне, и я рассказала о моменте на встрече с читателями. Следующей отвечала Нина. Она говорила о своем восхождении на Эльбрус и чувстве любви ко всему миру, которое настигло ее на вершине.

Это была очень здоровская история, и мы остались под впечатлением.

– Достойно, достойно! – повел головой Димка и начал свой рассказ. – Ну, значица, коли все начинают с предыстории, и я начну с нее: у меня есть несколько лучших друзей. Мы проходили с ними огонь и воду, ночевали в крепостях XIII века, гоняли в багажниках полицейских машин, ныряли вместе в проруби и изливали друг другу души за чайком на кухне. Единственные ссоры, какие у нас происходили, всегда были связаны с девушками. Как настоящие романтики, мы горели девчонками, могли месяцами добиваться их расположения и обычно все-таки добивались. Но, поскольку вкусы у нас с друзьями похожие, часто выходило так, что нам нравились одни и те же девушки. Как-то раз мне приглянулась девушка из моего МИФИ, и стал я к ней подкатывать, регулярно, но не настырно, дабы пофлиртовать. Одним вечером мы с ней переступили грань подфлиртовывания. Через пару дней я рассказал друзьям на кухоньке о своей усилившейся симпатии. Мы продолжили ходить с ней на свидания, а через две недели собрались на посиделки с друзьями, где, хорошенько выпив, мой друг рассказал, что после нашего недавнего разговора он тоже стал подкатывать к этой девушке и уже добился в этом деле внушительных успехов. Когда я представил эти успехи, немедленно дал ему в рожу. Соответственно, он тоже не заставил себя ждать, и мы подрались. Со временем мы, естественно, простили друг друга. Когда я вернулся из кругосветки, у меня было паршивое настроение: я целыми днями валялся на кровати, упершись взглядом в потолок, пока друзья не вытащили меня в дачный дом. Была Масленица, мы растопили баньку, смастерили гигантскую бабу, полили ее керосином и подожгли. Столб огня взмыл в небо, а мы бегали вокруг этой бабы голые, вчетвером… И в кои-то веки горела она, а не мы!

– И в кои-то веки горела она, а не мы! Вот это сказал! – я даже зааплодировала. – Браво! Ну что, Липатов. Твоя очередь.

– Я не хочу рассказывать.

– Почему?

– Потому. Не хочу, и все. Нет у меня счастливых моментов.

– Ну да, конечно!

– Отстань, – ответил он и захихикал.

В конце концов, мы чуть ли не клещами выудили из него историю о том, как он провожал девушку на поезд, но она была такой короткой и расплывчатой, что сложно было судить по ней о том, кто такой Максим, в то время как остальные истории неплохо описывали сидящих в тот вечер за одним столом ребят. Все, что я поняла, – это то, что Максим очень стеснительный и своим пошлым юмором он прикрывает что-то глубинное, но я не

знала что.

Ближе к ночи мы уже прилично выпили, Нина, как настоящий зожник, не поддержала нас в распитии алкоголя и довольно рано ушла спать. Сашка, наоборот, перепил и внезапно решил, что ему совершенно необходимо дойти до озера где-то в лесной чаще, и когда мы не согласились поддержать его авантюру, отправился туда один, а мы с Димой и Максимом сидели на кухне до рассвета и трепались, выпуская изо рта дым кальяна. Липатов завороженно снимал на свою камеру, как я курю, но вскоре отпочковался и ушел спать в одну комнату с Ниной. Весь вечер он уделял мне знаки внимания, а спать почему-то пошел с ней, и мне было немного обидно. Мы с Димкой залезли под ледяные одеяла маленьких старых кроваток на втором этаже и уснули крепким сном.

Где-то в те же дни я списалась с Заселяном. В кои-то веки он находился в своем родном Харькове. Я же решила отправиться писать книгу к морю, заодно навестить его и провести встречи в Украине. Так начинался мой главный…

Часть 10
Роман с Украиной

Глава 1
Харьков

Заметка в дневнике:
11 апреля 2016
Я не знаю, где там раздавали эту любовь. Но я, видимо, слишком много бегала и не успела на раздачу.

* * *

На этот раз у меня было приглашение, но не оригинал, а распечатанный скан, и к нему, естественно, придрались. Законы въезда в Украину писаны лично каждым пограничником, его текущим настроением и тем, хорошо ли его проводила на работу жена. Ведь если в Украину можно влететь безо всякого приглашения, то на кой черт оно вообще нужно? Правильно: чтобы усложнить всем жизнь и иметь повод доебаться. Мужик, который меня вез, стал по-доброму заступаться, но пограничник села Нехотеевка был непоколебим. Моим последним аргументом стало:

– Послушайте, я доехала до границы стопом. Здесь ни остановок, ни черта. Если вы сейчас меня здесь оставите, я буду жить у вашего поста!

Сработало. Мы снова запрыгнули в тачку. Водитель угостил меня кефиром с печеньками и высадил на Е105. Дальше оставалось всего ничего, но стоп не шел ни в какую. Я поднялась на мост и стала петь песни солнцу. Ветер снова обнял меня, обещая приключения. Здесь было теплее, чем в грязной Москве, и за одну только эту прибавку градусов я была благодарна. Наконец остановился какой-то грузовик из 50-х. Прыжком водитель упал на собственное пузо и с грохотом, будто что-то сломал, нажал на ручку и открыл дверь. Все тело покрыто шрамами и расплывшимися от времени татуировками в стиле «не забуду мать родную».

– Привет, барышня! Куда тебе?

– В Харьков!

– Садись, довезу!

Выбирать было не из чего, поэтому я вскарабкалась в его дань прошлому. Мы ехали со скоростью 50 км в час по всем выбоинам забытого миром кусочка земли. Вокруг поля, леса и покосившиеся одинокие домики. Мужик завел такую же старую шарманку, как

его машина. Мне оставалось только смеяться, слушать и иногда записывать его слова, настолько яркие фразочки он бросал.

– Раньше понятия были, а сейчас беспредел… Я добрый человек. Когда меня не трогают. Ты откуда сама? Дом у тебя есть?

– Нет.

– Как это – нет?

– Я постоянно в дороге…

– А работа есть?

– Нет.

– А парень-то хоть есть у тебя?

– Нет.

– Перекати-поле! Ниче у тебя нет! И зачем в Украину едешь?

– Там хорошо.

– Да что там хорошего?! Хохлы одни.

Дальше следовала огромная речь о том, что собой представляют, по его мнению, украинцы. Все это был такой бред, что спорить и смысла не было. Прощаясь, он говорит:

– Если что, ты там жалуйся! Хохлам мацать не давай! Не достойны хохлы на тебя там смотреть. Губки накрасить, бочку надеть – и точно пидорасики. Где мои семнадцать лет и рубаха цветастая! Я б тебя на Украину не пустил.

Худо-бедно, а я наконец добралась до Заселяна. Макс тогда словил творческий кризис. Он вернулся в свою комнату в большой старой квартире, которую битый год снимал с друзьями. Макс был тем еще минималистом. Наверное, все представляют, что его берлога заставлена сувенирами со всех стран мира, а стены заклеены фотками. На деле его комната была похожа на подпольную порностудию, потому что ничего, кроме кровати, освещения и рабочего места, в ней не было. Четыре пустые стены, три белые и одна зеленая – на ее фоне легко снимать видео с заменой фона (так у него на канале как-то появился видос с пальмами и морем). Большие окна с деревянными ставнями, кровать, стол, стул и студийный свет, сварганенный из простой лампочки, фольги, деревянных палок и полиэтиленовых пакетов. Вот отсюда он и вещал на многотысячную толпу. Правда, к этому моменту он, как и я, уже не знал, что из себя родить. Старые подвиги в виде travel-сериала «Путешествие бомжа в Штатах» и реалити-шоу «Автостопом до Гаваны» требовали чего-то не менее крутого, а ажиотаж ебашить с такой же мощью пропал. Если у человека нет искреннего запала, это сразу отражается на его творчестве. Что в текстах, что в видео. Мы были чуть ли не единственными знаменитыми бомжами. Нам не на кого было равняться, кроме самих себя. Все чего-то от нас ждали. А мы сидели, пили сидр и тоже чего-то от самих себя ждали.

– Ну, как твоя самореализация? – спрашиваю я.

– Езжу на велике. Ем булки из «Смака». Дрочу периодически. Вот и вся моя реализация.

Тем не менее днем мы пытались что-то из себя рожать, а по вечерам заваливались на пуфики и как два настоящих романтика в завязке трещали о том, кто куда и ради кого летал с одного континента на другой и кто знатнее кого облажался в своих никому не нужных любовных подвигах. Поскольку Макс путешествовал по Штатам с Ханной, бывшей девушкой Никиты, с которой они мутили весь проект «Goodbye Normals», он, конечно же, спросил меня о том, что же произошло между мной и Деминым, и мне пришлось во всем признаться. У Максима был хороший вкус на девушек. Домашним девочкам с борщом в руках он предпочитал талантливых творческих женщин и встречался то с певицами, то с актрисами, и я его за это уважала. Единицы творческих людей выбирают себе в пару таких же творческих, а не обслуживающий персонал.

Как-то вечером я писала текст под встречу, и у Макса в плейлисте заиграл трек «У тебя такие глаза». Флешбэком меня кинуло в ту пору, когда я только о нем узнала. Ровно год назад под эту самую песню, стыренную из его плей-листа, я ездила туда-обратно на вонючую фабрику в Ногинске и мечтала о такой же популярности, затем приехала автостопом на его встречу в Киеве, чтобы познакомиться вживую… И вот я валяюсь на его кровати и пишу анонс своей собственной встречи под афишей, которую он для меня сделал. Круг замкнулся. Еще один этап пройден. Скажи мне кто год назад, что все будет так, я бы не поверила. Мне кажется, самая злая шутка, которая может произойти с человеком, – это разучиться радоваться вот таким чудесам. Какой смысл чего-то добиваться, если к моменту победы ты воспринимаешь ее как данность и не можешь ею насладиться?

Я прожила у него неделю, практически не выходя из квартиры. Мы брали дешевую грибную пиццу в местной сети «Буфет», которую знал каждый студент и нищеброд Харькова, и торчали дома. За это время он слепил мне красивые афиши на все выступления в Украине. В прошлом Макс был рекламщиком, и в этом деле он не мог никому уступить. В тот момент он старался зарабатывать на рекламе всяких Блаблакаров и Badoo, но не то чтобы это приносило большой доход. Видео этого пацана крутили по телику и на мониторах в общественном транспорте, а пиццей его угощала я. Вот она, вся суть. Мы дарим мечту, но платим за это постоянной бедностью. Этот момент взъебал каждого из нас по-своему, и каждый по-своему пытался его решить.

В один из последних совместных вечеров мы завалились

смотреть его старые видео. Это были снятые в 2012 году серии реалити-шоу «Автостопом до Гаваны» – передачи, в рамках которой три команды, предварительно прошедшие конкурс, должны были по разным маршрутам добраться из Москвы до Гаваны, попутно снимая классный видеоконтент. Они выполняли задания от аудитории и получали за это билеты на разные виды транспорта.

До этого я не особо смотрела видео Макса, как и не палила полноценно творчество остальных ребят-путешественников. Как говорил Хемингуэй, я ненавидела бы их творчество в любом случае: либо за то, что оно поганое, либо за то, что оно хорошее. Мне хотелось создавать свое, а не слизывать идеи у других, а это в любом случае хоть неосознанно, но произошло бы. Наш мозг – как один большой котел: что туда накидал, такую кашу и сваришь. К слову, по той же причине я практически ничего не читала. Но в удовольствии посмотреть видео Макса вместе с ним я себе отказать не могла. Он нажал на «play» и откинулся обратно на пуфик. Каково было мое удивление: на меня с экрана смотрел красавчик-парнишка с растрепанными волосами и горящими глазами. Его шутки были максимально добрыми, без какой-либо доли появившегося со временем цинизма, совершенно все происходящее приводило его в дичайший восторг. В каждом его движении чувствовалась молодость, жизнь! Мне хотелось перепрыгнуть через экран и гореть вместе с ним. Я представила, как хватаю его за руку и мы бежим взрывать этот мир. Я буквально влюбилась.

– О, эти гетто в Детройде! Ты не представляешь! Оттуда ж вышел Эминем. Мы решили заценить местечко, приехали на улицу с тем самым указателем «8-я миля», все такие на тачке с ноутами и камерами. Выходим, а перед нами напротив через дорогу стоят чуваки черные со спущенными штанами и пушками за трусами. Это было максимально стремное место. Первая половина зданий сожжена нахуй, вторая просто заброшена, а в третьей тусят детишки и их жирные мамки сидят, посасывают пиво из баклах двухлитровых… Короче, я тогда охуел!

Я перевожу взгляд на настоящего Макса и понимаю: со мной сидит уже совсем другой человек. Того растрепанного пацана уже не существует. Даже если бы мне очень захотелось его найти, того Макса больше просто нет. Мне становится страшно и грустно. Я влюблена в него – того, с которым вживую никогда не встречалась. Того смешного наивного парня, который рвется к свободе, ночует на крышах, спит с актрисами спектакля, на который сходил шесть раз подряд… Его больше нет. А это значит, что и меня, купающейся в городских фонтанах, когда на улице

ураган, жадно целующей американских мальчишек, танцующей до рассвета, тоже больше нет. Нет. Больше нет. Когда мы успели стать такими стариками? Нам всего по двадцать шесть. Все остальные еще не проснулись, а нам уже впору закрашивать седину.

Вскоре Макс погнал на своем бесплатном Блаблакаре (они его спонсировали) в Киев по делам, а я снова начала катиться вниз. Все казалось бессмысленным. Засыпая, я поняла, что мне совершенно не о ком подумать. Пришли бессонницы. Какой бы свободной и независимой я ни казалась, я такая же женщина, как и все. Я тоже хочу, чтобы меня любили и трахали. И желательно, чтобы это был один и тот же человек. Люди думают, что я живу большими путешествиями. На деле все, чего мне хотелось, – большой любви. Когда я поняла, что с ней обломалось, пришлось придумывать что-то еще.

Я иду по городу и сквозь слезы набираю письмо своей подруге Вике Кершис:

«Я знаю, что нельзя тебе такое писать, потому что ты расстроишься за меня. И я заранее знаю, что ты скажешь. Но можно я просто напишу это? Я иду сейчас по Харькову. Тут поют птицы, началась весна. Деревья, небо… Природа. Тут тихо и спокойно. Улицы пустые. Я иду по ним и думаю: а может, это просто такая судьба? Что, если нет для меня никакой половинки? Я не люблю это слово, как и ты, но ты знаешь, что я имею в виду. Ты знаешь, что «половинка» тут – образное выражение. И что я – целое. А может, мне суждено так и не найти, Вик? Так и не найти. Максим уехал, оставив мне свою квартиру. Завтра у меня хотят брать интервью. А мне нечего сказать, Вик.

Я не могу больше. За последние несколько дней, если мы пили, мне все было мало. Все мало. И бутылки, и двух. Я все хотела утопить себя в алкоголе. Жадно. Но на удивление совершенно не пьянела.

И я не хочу писать. И разговаривать больше ни с кем не хочу. Потому что не о чем. Никита так счастлив. И я наконец порадовалась за него. За эту девочку. За то, что она называет его собаку «нашей». Собаку, которую он взял в приюте из-за меня. Потому что я сказала: «Подари родителям собаку, раз им одиноко, только не покупай, возьми в приюте». А потом я наткнулась на фотки Дэниела, моей денверской любви, в Фейсбуке. У него такая же футболка, как у меня, с японской волной. На той фотографии он в обнимку с девушкой, которая была после меня. Из-за которой он тогда не пришел на встречу со мной. И девушки у них очень похожие. С тонкими губами.

Никто не тоскует по мне, Вик. Нет в мире такого мужчины,

кто сейчас меня вспоминал бы. Я перехожу дорогу, и мне хочется, чтобы меня сбило насмерть.

И я знаю, что тут нечего сказать. И только тебе я и могу это написать. Потому что тут нечего сказать. Но я просто хочу, чтобы кто-то знал. Чтобы ты знала. А больше мне не о чем писать. Бензин любви и нежности во мне закончился, а я только на нем всегда и работала. Байк едет еще какое-то время по инерции, разгоняясь на ровном асфальте, а потом резко сворачивает с дороги и летит в пустоту».

В то харьковское утро я психанула, покрасила волосы в розовый цвет и пошла на запись интервью в любимую чайную Сансея с ее хозяином. Я не запомнила его имени. Это был добродушный бородатый мужчина, помешанный на чае. Он вел передачу, которую снимал прямо там, на полу своей чайной. В большинстве случаев его гостями были музыканты, но, поскольку меня хорошо знали в музыкальной тусовке, кто-то предложил ему взять у меня интервью. Вместе с оператором они установили две камеры и лампы дневного света, которые превратили мое лицо в мертвенно-белое, и стали снимать. Уже через пять минут мне стало понятно, что этот бородатый харьковец не только ничего не знает обо мне, но и предельно далек от всей темы путешествий. Его вопросы можно было пропускать мимо, в них не было никакой глубины. Ему хотелось узнать, что же происходит там, за пределами Украины, с пикантными подробностями, в стиле «где мужчины привлекательнее, а женщины раскрепощеннее?» Это я ему и подала на стол, но зареклась, что больше не буду соглашаться на абы какие интервью.

Вскоре я провела встречу в Харькове, которая оказалась внезапно теплой и доброй.

– А ты не боишься ездить автостопом? – спросила меня тонким голоском одна девочка.

– Я боюсь проебать свою жизнь, – ответила я, и в зале повисла тишина.

После ее окончания я купила всем пиццы и вина, мы спрятались под козырьком от дождя и по кругу рассказывали, когда в последний раз были счастливы. Прямиком оттуда я поспешила к своему давнему другу Сереже Белозерову, солисту довольно известной в определенных кругах группы «Morj».

Мы сидели на подушках в его маленькой уютной кухне и пили чай. Попутно Сережа вкручивал мне в гитару новые струны – сама я их натягивать не умела, да и не хотела уметь. Сколько романтики в том, чтобы позволить мужчине поменять тебе струны… Как от такого можно отказаться? Я расплылась в улыбке. В этот вечер наш происходящий раз в год разговор был о

смысле.

– Знаешь, у меня появилась мечта, – говорит Сережа. – Я хочу, чтобы в небо этого города по ночам светил огромный прожектор, как у Бэтмена. Только вместо летучей мыши будут слова: «Здесь ничего не понятно».

– Почему именно эта фраза?

– Это будет напоминанием о том, что, возможно, мир совсем не такой, каким его представляют себе люди. Люди у нас «зашоренные» – кто в религии, кто в каких-то патриотических штуках… Это все вещи, благодаря которым им легче взаимодействовать с реальностью. И они думают, что им все понятно. А ведь на самом деле ничего не понятно! Мир такой удивительный… Каждый день мы просыпаемся куда-то, куда-то засыпаем… Многие, знаешь, за деревьями леса не видят. Этот мир такой динамичный, а мы хватаемся за статичные вещи, концепции те же самые… Люди думают, что все знают, но это же очень скучно – так считать, теряется элемент загадочности. А тут, держа в голове, что «ничего не понятно», ты понимаешь, что откуда-то встает это невероятное оранжевое солнце, из земли растут живые штуки, тянутся к нему… Мы зовем их «деревьями», и само название как будто все объясняет, а ведь это не так. Каждую секунду все происходит в первый раз, и никто ни к чему не готовится, никто не знает, что будет дальше. Человека с детства учат ничему не удивляться. Мы можем быть невероятным зеркалом этого мира, зеркалом любви, но все по мере наших же возможностей… И если бы была такая возможность – напоминать людям, вывешивать такой огромный фонарь, – я бы так и делал.

В ходе разговора я рассказала Сереже о своей потерянности, на что он ответил историей о молдованине с золотыми зубами, который подошел к нему как-то в тамбуре, когда Сереже было плохо на душе, и ни с чего произнес: «Дорогой мой! Если ты все, значит, все сделает для тебя все!» А затем расцеловал в обе щеки.

И сам Сережа, как я узнала потом, растрактовал эту фразу так: если ты становишься всем, не центром мира, не песчинкой, а решительно всем, то и «все» сделает для тебя все.

Я же тогда восприняла ее немного по-другому: если ты достиг какого-то предела в тех испытаниях, что тебе выпали, если ты – все, то есть больше ничего не можешь сделать, значит, «все» спасет тебя и сделает для этого все. И тогда я решила, что, раз «все» еще не сделало все, значит, это еще не все, значит, я могу еще. Я ощутила огромную, необъяснимую, космическую поддержку, словно посланную мне сверху. Сережа не был молдаванином с золотыми зубами, и мы не стояли в тамбуре. И все же то, что он сказал мне тогда эти слова, было такой же

случайной неслучайностью, как и все в нашем мире.

Глава 2
Киев

На следующий день мы вместе с его музыкантами сели в один плацкартный вагон и понеслись в столицу. Рано утром ребята выступали на радио, и я за компанию провела вместе с ними весь день. Офис радио находился на самом верхнем этаже прозрачного здания, и пока мальчишки, надев наушники, пели в микрофоны на всю страну, я с чашкой кофе в руке вглядывалась в утренний Киев через стеклянную стену и думала о красоте моей непредсказуемой жизни. Днем у них была фотосессия, на которой я перемерила весь реквизит, а вечером они выступали в одном из местных клубов, хозяева которого от души нас кормили и угощали меня как подругу музыкантов коктейлями. Ребята посвящали мне со сцены песни, и я чувствовала себя невероятно особенной.

Пока меня угощали, я засмотрелась на бармена.

– Тут бармен с глазами Димы, – печатаю я Нате. – Я их с другого конца заведения увидела. Теперь не могу перестать пялиться. Прямо Димины глаза.

Как только я отправила это сообщение, мне написала какая-то «Ирка Селезнева», и я на секунду подумала, что это жена Димы Селезнева, моего мужа, с которого начиналась эта книга. Потом вспомнила, что она в контакте записана как «Натуська Селезнева». Недалеко ушла. Ох уж эта переделка имени. Представляешь, я была бы «Дашуська Пахтусова»?

Дима давно отказался от всех социальных сетей и вместе с женой переехал в какое-то православное экопоселение, где жили отказавшиеся от благ цивилизации религиозные и довольно странные люди, и потому я иногда заходила на страницу его жены, чтобы узнать, что он жив. На профильной фотографии она стояла беременная. И комментарий: «Поздравляю с дочкой». Он теперь папа. В моей голове прокручивается момент, как мы на крыше кольцами менялись и голубей пускали вверх. До этой минуты маленькая семнадцатилетняя я, насмотревшаяся «Дневник памяти», где-то на подсознании продолжала думать, что, может быть, когда-нибудь мы снова будем вместе. Я поняла, как сильно держалась за эту ниточку, лишь тогда, когда узнала, что она перерезана.

Помню, как осела в туалете и говорила по телефону с Натой, точнее, просто шевелила губами…

Настал день встречи. За час до нее я спала на лавке в парке в

чужой одежде, и вот щелчок – и люди снова сидят в длинных рядах и смотрят видео, где я такая «крутая» пляшу по всему миру. А я стою за их спинами и думаю, какая же это все дичь.

Одна девочка из Донбасса на встрече в Киеве спросила меня: «Даша, а тебе бывает грустно?» Смешно. За два дня до этого я встретилась со знакомым, мы не виделись почти год. Я так вынесла его своими «я бы вышла в окно, но знаю, что на этом ничего не закончится» речами, что он даже не знал, о чем со мной дальше разговаривать. Только больше травы поверх табака в самокрутку сыпать стал. Что мне сказать этой девочке с горящими глазами? Бывает ли мне грустно?

Глава 3
Май в Одессе

Есть город, который я вижу во сне.
О если б вы знали, как дорог
У Черного моря явившийся мне
В цветущих акациях город.

Леонид Утесов

Вскоре я добралась до Одессы, и она обняла меня крепче матери. Одесса маленькая, камерная, именно такого размера, чтобы было куда сходить, но идти не пришлось бы слишком долго. Здесь идеальное количество баров, ресторанов, театров, улиц, пляжей и даже людей. За месяц можно легко изучить все достойные места и уже встречать знакомых на улицах. Оттого появляется бесценное ощущение, что ты дома. Дома в прямом смысле этого слова я за это время практически не была, зато вот писала и вдохновлялась во всех углах и подворотнях.

Этот город строили с любовью, с любовью его и хранят. Это видно по каждой лавочке и по каждому фонарному столбу. Я кинула пост о том, что ищу жилье за деньги, но меня совершенно бесплатно приютила девочка Катя из моей старой музыкальной тусовки, она хорошо знала Вдовина, Белозерова, Гушу Катушкина, который как-то подарил мне букет цветов в той же самой Одессе, и других моих приятелей-музыкантов. Если люди любят одну и ту же музыку, тем более музыку малоизвестную, это их сближает.

Она только что сняла маленькую квартирку на Базарной улице. Сказала, что взяла ее из-за двора. И действительно, там был двор, не влюбиться в который просто невозможно. Он прятался за железными витыми воротами с чьими-то инициалами, раскрашенными в золотой цвет. Слышимость в этом дворике была колоссальной. Четыре стены создавали такое эхо, что можно было, как в детстве, просто позвать человека, и он выглянет в окно. Правда, остальным жителям двора не очень нравилось, когда мы так делали. Сама квартирка была такой маленькой, что душ у нас был в шкафу, кухня и сушилка одежды – в прихожей, а холодильник – в гостиной. Одессу строили в те времена, когда санузлов еще не существовало, и теперь каждый всобачивал в свою квартиру туалет и душ куда мог. Пространства

было откровенно мало, но это делало квартирку только более уютной. Кроме того, Катя была девушкой невероятной доброты и никому не могла отказать. Посему весь май у нас кантовались самые разные творческие люди. С утра я видела их афиши, расклеенные по городу, а вечером уже слушала их песенки у нас дома и спала с ними в обнимку. Даже когда весь пол был забит ковриками и спальниками, а гитары лежали друг на друге стопками, Катя никому не отказывала. Спустя время я узнала, что она пережила страшную, опасную для жизни болезнь и, кажется, до сих пор не была уверена, что победила ее. Не знаю, в чем на самом деле причина ее доброты, но я эти два факта связала.

* * *

Пост в блоге:

1 мая 2016

Привет, друг.

Пишу тебе из моего любимого портового города у Черного моря. Здесь так волшебно, что мое сердце никак не может нарадоваться… Ни цокающим по брусчатке лошадям; ни морякам, крутящим табачок у причала; ни старому граммофону у окна того местечка, откуда я тебе пишу; ни Леониду Утесову, зацелованному женщинами; ни цветущей сирени; ни тому простому факту, что люди здесь смотрят друг другу в глаза и улыбаются в ответ. Грусть и отчаянье снесло первой же волной всей этой нестареющей романтики. Ведь теперь я могу слушать, как гудят пароходы, смотреть, как разворачивают свои паруса корабли, и наблюдать за гуляющим над ночным морем лучом света маяка.

Кажется, этот город совершил сделку с морским дьяволом и остановил на своей территории время.

Я пишу теперь почти каждый день. Нашла прекрасную старую кофейню прямо на Дерибасовской. Официантки здесь носят коричневые платья и белые фартуки и говорят только на украинском. На маленьких круглых столиках с белой ажурной скатертью в глиняных вазочках стоят живые цветы. Столик такой крохотный, что чашка кофе с трудом помещается рядом с ноутбуком. Я сижу на втором этаже у окна и наблюдаю за городом. Здесь играет прекрасная музыка, и все располагает к написанию книги.

Новости из Москвы сюда, слава богу, не доходят.

Видела только одну фотографию с репетиции парада в честь Дня Победы. По перекрытым дорогам едут танки, маршируют солдаты… Уже который год они празднуют то, что люди убивали друг друга, и демонстрируют, каким оружием это делалось. Самое главное – показать нам, что было время, когда все было хуже, чем сейчас. «Так что хлопайте в ладоши и радуйтесь, что вас не убивают». Вот и весь посыл военных маршей. Я жду, когда эта глупость закончится и правительство вместо того, чтобы пугать нас тем, как все могло быть плохо, обрадует тем, как все хорошо сейчас. Например, потратит деньги, отданные за те же салют и шествие, на детские дома и пенсии. Поэтому и от салюта такого мне грустно. Это взрывающиеся в воздухе средства, на которые можно было бы сделать что-то полезное.

Но давай уже о хорошем. Ведь сегодня на улицы безо всяких репетиций вышел лучший месяц года. Май.

Май – мой любимый месяц, который я каждый год жду преданно, как Хатико. Это месяц, когда вся планета окончательно и бесповоротно просыпается. Ей не терпится жить. Месяц, когда всем снова семнадцать, когда события летят с такой огромной скоростью, что, кажется, кто-то нажал кнопку перемотки вперед и теперь картинка меняется в два раза быстрее. Почки раскрываются, люди влюбляются, кровь вскипает.

Этот месяц имеет все права на звание «ВОЛШЕБНЫЙ».

Я все время говорю про какое-то эфемерное волшебство… на самом деле состав волшебства прост. Там всего два ингредиента – сила мысли и удача. Если действительно вкладывать свою веру в мысль, то ее можно материализовать. Другое дело, что не всегда хватает сил постоянно держать мысль в режиме «on». Но на один месяц мне силы хватает. Весь май я держу ухо востро и силой мысли заманиваю в свою жизнь всевозможные приключения. В результате в моем мае всегда что-то происходит. И обязательно что-то из этого происходит впервые. Ведь если верить в волшебство, оно поверит в тебя.

* * *

Всю свою жизнь я искала таких же, как я. Теперь же, создав

блог, я все равно что встала в поле и выстрелила вверх красным огнем из сигнального пистолета. И мои люди, увидев свет, стали выходить на это поле с самых разных и неожиданных сторон. Теперь они могли найти меня сами.

1–3

«Хорошая Даша, я на выходных буду в Одессе, ты мне кажешься настоящей, а это для меня главное, я хотела бы сделать такой же настоящий пленочный отпечаток тебя, ну и послушать море».

Такое сообщение мне отправила девочка с необычным именем Каролина Дутка. Надо сказать, что к этому моменту мне писали по десять-двадцать человек в день и многие предлагали так или иначе встретиться. Моими любимыми сообщениями были написанные в одну строчку слова в стиле: «Привет, нравятся твои истории. Приезжай в Рязань». Или в Днепропетровск… Или в Киров… Я не могла понять, какой должна быть моя реакция? «Окей, собираюсь»? Не пойми меня неправильно, приходили и совсем другие, потрясающие, глубокие письма… Но их было так много, что мне пришлось стать циничнее, потому что, если бы я соглашалась на все встречи, мои следующие полгода стали бы гастролями по чужим кухням, и не факт, что это мне понравилось бы.

Каролина же явно была совсем другой породы. Это чувствовалось по одному только сообщению. Одно предложение, которое включало в себя не только предложение о встрече, но и раскрытие ее как личности сразу по четырем пунктам: быть настоящим – для нее главное, она снимает на пленку, она любит слушать море, она едет в Одессу сама по себе, а не чисто чтобы встретиться со мной. Идеально.

Я как раз дописывала пост в блог, сидя в том самом кафе, а именно во львовской шоколадной мастерской, когда Каролина поднялась на второй этаж и отыскала меня рядом с патефоном. Я попросила дать мне несколько минут, чтобы дописать текст, она легко согласилась. Люблю людей, которым всегда есть чем заняться с самими собой (звучит так, как будто я говорю о мастурбации, ну да ладно). Довольно скоро я спросила ее совета по тексту, потом еще раз, и в итоге все обернулось тем, что она вместе со мной редактировала всю историю. После она скажет, что была удивлена таким открытым жестом, но такие внезапно панибратские штуки всегда были моей самой быстрой и точной проверкой на вшивость. «Свой» человек сразу будет «своим», а

другие мне не нужны. Она совершенно спокойно развернула ноутбук в свою сторону и размеренным голосом стала высказывать свое мнение. Все ее советы и примечания были оправданны и верны. Так у меня появилась подруга.

Каролина жила неподалеку от Одессы, в Тирасполе, и иногда ездила сюда на маршрутке, чтобы освежиться от строгого режима своей родины.

– А Тирасполь – это какая страна? – спросила я. – Молдавия?

– Сейчас уже нельзя говорить «Молдавия», потому что это напоминание о советском прошлом. Только в СССР страну называли Молдавией, сейчас это Молдова. Но я из Приднестровья. В Приднестровье разговаривают на русском, а в Молдове после распада СССР признают лишь один официальный язык – молдавский.

– А Приднестровье – это что? Другая страна?

– Это непризнанная республика.

– А республика – это не страна?

– Нет, это разные вещи.

Я отчаялась в своих попытках понять, что это значит. Технически это все-таки была Молдова, но Приднестровье, видимо, отказывалось считать себя частью страны, и поэтому назвалось республикой. Поскольку никто, кроме них, не понял такого маневра – они гордо прозвали себя непризнанной республикой. Каролина училась в Тирасполе на врача, занималась научной деятельностью и не пила алкоголь. От него ей только хотелось спать, «поэтому приходится творить безумия трезвой».

Каролина была волшебной. В доказательство могу привести один яркий пример: когда она случайно села на свежеокрашенную желтую лавку в синем плащике и оставила на нем пятна краски, то решила, что эти желтые капли будут звездами, и расшила весь низ плаща созвездиями, соединив звезды белыми нитками.

Я показалась ей настоящей по одной простой причине: она сама была настоящей, без примеси общепринятых понятий того, каким предполагается быть, что допустимо говорить и как нужно жить. Ее можно было разгадывать и разглядывать бесконечно, как калейдоскоп, который кто-то постоянно поворачивает. На ее руке было несколько браслетов. Все они что-то обозначали и, как и мои, были родом из разных городов и с разных континентов.

Один из них – перекрученную бело-красную ленточку, будто с места преступления, – ей на руку надел друг, и она не стала её снимать – друг же. На другом браслете висят ниточки с одежды мальчика, которого она любит. Большинство не обращает

внимания на такие нюансы, мне же они говорили о многом. На одном из браслетов были вышиты слова:

– Carpe diem? «Лови момент»?

– Да.

– А у него какая история?

– Мне его сплел один знакомый парень. Он не знал о том, что я недавно смотрела фильм «Общество мертвых поэтов», в котором лейтмотивом было именно это выражение: «Carpe diem». Я очень люблю подобные совпадения, хоть они и случались со мной всего два раза в жизни. Второй раз, когда мой бывший парень подарил мне фотоаппарат, не догадываясь о том, что последние полгода я собиралась его купить. С этого момента я и начала фотографировать.

Она фотографировала исключительно на пленку. Я всегда считала, что пленка обладает магическими качествами. Это один из тех предметов, который не переплюнут никакие инновации. Ты не знаешь, что получилось, пока не проявишь ее. Столько сил вложено в каждую карточку, столько любви. Ты отмеряешь каждый снимок и вместо десяти фотографий делаешь одну-единственную. Поэтому в нее по определению вложено больше. Ты «воруешь момент». И каждый засвет, каждая пылинка только добавляют снимку уникальности.

Весь день напролет мы гуляли с ней по городу. Она была с экспонометром в кармане и двумя старыми пленочными камерами на шее. Перед тем как сделать снимок, Каролина измеряла количество света и только тогда решала, как и чем «украсть момент». Каждая из ее фотографий была иллюстрацией к целой истории и отпечатывалась глубоко в сердце. Для меня было радостью и честью быть на ее снимках.

Иногда мы рисовали, иногда гладили лошадей на Дерибасовской, иногда слушали старых музыкантов в «Гамбринусе», иногда сами играли и пели в парке. И конечно, говорили о любви. Она рассказала удивительную историю своей страдальческой любви, в которую непонятно как ввязалась. Она всем сердцем полюбила своего профессора, который был значительно старше. Они подружились, вскоре перешли на «ты», много разговаривали по поводу науки и постепенно «проросли друг в друге корнями». Их союз невозможно было разбить. Они стали путешествовать вместе и даже спали в одной постели, но между ними при этом не происходило ничего физического. Беда была не в том, что он ее профессор, а в том, что он гей. Он искренне полюбил Каролину, но ничего не мог поделать со своей природой.

– Ему приходится скрывать свою ориентацию, поэтому все

убеждены в том, что мы вместе. Мы и правда любим друг друга, просто платонически.

– И как же секс?

– Мы даем друг другу свободу и никак не ограничиваем себя в сексуальных отношениях с другими.

– И ты спишь с другими парнями?

– Больше нет. Я переспала один раз с другим парнем, но потом чувствовала себя ужасно. Мне казалось, будто я изменяю Роме, хотя прекрасно понимала, что ничего ему не должна. Он тоже, кажется, с кем-то спал. Хотя я не уверена.

– Но невозможно же так вечно жить без секса.

– Я знаю… Но ничего не могу с собой поделать. Я не хочу никого другого.

– И сколько у тебя уже никого не было?

– Восемь месяцев.

– Восемь месяцев?! Охренеть…

Мы замолчали.

– Интересно, как это закончится… – пробормотала я задумчиво.

– Мне самой интересно.

Мы засыпали с Каролиной в обнимку, пожелав друг другу волшебных снов, и мне снится, как я переодеваюсь в кабинете начального класса своей школы, на первом этаже. Примеряю что-то, и мне пишет Антон, мой бывший парень, и предлагает переспать. Оттого что спать мне больше не с кем, я соглашаюсь, но понимаю, что это уже не любовь. Иду отдавать пиджак, который зачем-то мерила (как будто иду в первый класс снова, но я уже взрослая). Вижу, что напротив двери, куда мне надо зайти, сидят Дима Селезнев и его жена. Я закрываю лицо пиджаком, но понимаю, что они все равно меня заметят. Захожу в кабинет, отдаю пиджак. Теперь мне нечем закрываться. Выхожу и сразу иду к нему, потому что уже нечего делать и нельзя не поздороваться. Я подхожу со словами «сейчас будет неловко. Привет». Его жена и он смотрят на меня в шоке. Во сне она выглядит по-другому, чем на фотографии; вживую я ее никогда не видела. Мы разговариваем, и я спрашиваю ее:

– Ты меня ненавидишь, да?

А она отвечает:

– Нет, уже нет. Я сначала думала, что ты такая самостоятельная, альфачка, а потом поняла, что это не так.

Мы говорим еще пару минут. Дима спрашивает, что я делаю, путешествую ли. Я отвечаю, что да. У меня с собой рюкзак, который и так все выдает. Он как будто все это время был на моих плечах. Появляется мой друг Лис и его девушка (в тот

момент мы совсем не общались, он влез в серьезные отношения, и я переживала, что потеряла его навсегда. Надо сказать, что все мои старые друзья исчезли тогда из моей жизни: Элеонор вышла замуж и готовилась рожать, Билли пропадала в институте и воспитывала одна сына, с Аллкашом и Бонни наши пути разошлись еще раньше, все друзья-походники тоже отпали как кусок высохшей грязи с сапога. Пока я была в Штатах, они все переженились и нарожали детей. Даже когда мы изредка виделись, становилось понятно, что мы находимся в настолько разных мирах, что нам совершенно не о чем разговаривать. Они пришли за мной. В ходе разговора я понимаю, что у Димы с его женой не один ребенок, а уже два. Две девочки. Наташа, его жена, рассказывает о том, как она счастлива, она выпаливает свою речь залпом, не смотря мне в глаза.

– Меня за весь этот период выбесило что-то только один раз, – говорит она. – Когда его мама меня доебывать пыталась. Я ей так и сказала: «Мама, не докапывайтесь».

И смеется.

– Да? А у меня с ней всегда были хорошие отношения, – отвечаю я. – Это лучшая мама из тех, что были у моих парней.

Я вспоминаю, как пила с его мамой на кухне мартини. Мы молчим.

– Ну, мы сделаем вид, что нам пора, – говорит Наташа, посмотрев с кокетством на Диму, и начинает уходить.

Дима решает помочь донести куда-то мой рюкзак. Наташа идет чуть впереди, мы остаемся за ее спиной, и она нас не видит. Я семеню рядом с Димой, путаясь в собственных ногах и чувствуя себя максимально нелепо. Дима берет меня за предплечье, и я в секунду вспоминаю, ощущаю, что потеряла. Он держит за руку не так, как полагается, потому что это мило. А берет за саму руку, выше кисти. Так для безопасности держат детей, чтобы они случайно не выбежали на дорогу. Мне хочется утечь всей в ту часть руки, которую он держит, чтобы больше ничего не решать. Чтобы он повёл меня за собой.

Он смотрит мне в лицо. Каждый раз, когда я вижу его, мне кажется, что время остановилось тогда, когда мы разошлись после свадьбы на крыше, а теперь продолжилось.

– У тебя грустный взгляд. Почему? – Дима всегда переживал за меня больше всех и всегда улавливал мое настроение.

Я молчу. На глаза наворачиваются слезы. И тут он смотрит мне в глаза так же грустно и понимающе и горьким тоном говорит слова, от которых я просыпаюсь:

– Ты ведь сама этого хотела…

Он отпускает мою руку и догоняет Наташу. Я остаюсь стоять

как вкопанная. Сзади подходит мой друг Лис. Я разворачиваюсь, прячу лицо на его плече и плачу.

«Ты ведь сама этого хотела…» – повторяет в голове Димин голос. Я вскакиваю с постели в холодном поту. Каролина тихо спит рядом.

4–5

Четвертого мая Каролина уехала, и я снова стала предоставлена самой себе. Поскольку я плохо знала Одессу, мне нужен был хороший проводник. Им вызвался быть Вова Карышев. Он был тем еще персонажем. Знаешь выражение «в каждой бочке затычка»? Так вот, его легко можно было применить к Вове. В целом это был неплохой, простодушный парень, но ужасно навязчивый, вспыльчивый, неуравновешенный, нелепый, странный и с мозгами набекрень. Невозможно было сказать, что происходит в его голове.

Сначала я вообще не поняла, как он оказался в тревел-тусовке… Нет, он, конечно, куда-то ездил, но сказать, что в плане путешествий он был человеком осознанным, сложно. Вова вечно пытался всеми способами доказать всему миру и самому себе, что он крут. Пока мы гуляли, он постоянно созванивался с кем-то по работе и говорил по полчаса, причем специально громко, чтобы все знали, что он человек серьезный, да таким важным тоном, будто решает дела президента. Я так и не поняла, в чем заключалась его работа, но, учитывая, что он жил с родителями и носил одну и ту же рыночную одежду, было понятно, что это лишь мишура.

Он любил быть в центре всех событий, знал, что происходит в жизни каждого человека, которого повстречал, в особенности если это были люди творческие, дружба с которыми опять же будто придавала ему самому некий статус. К ним он приклеивался, словно жвачка. Лично на своем опыте могу сказать, что, с тех пор как мы впервые встретились еще прошлым летом на фестивале «Трип Сикретс», он из месяца в месяц писал мне «привет – как дела – что делаешь» сообщения, а я их всегда ненавидела. Я доходчиво объясняла ему несколько раз, что не люблю интернет-общение (чтобы быть повежливее, я назвала это так), и, наконец, дабы он отстал, мы условились, что встретимся, когда я буду в Одессе. Потом я узнала, что под эту рассылку попадали абсолютно все мои «популярные» друзья и знакомые, но большинство из них были слишком вежливыми, чтобы сказать ему: «Хватит! Мы виделись раз в жизни, какая тебе нахер разница,

как у меня дела и что я делаю?!» – и он продолжал навязываться. Зато при личной встрече он представлял всех популярных людей как своих охуеть каких близких корешей, и, в общем-то, ему даже было чем апеллировать – он знал, как у них дела и что они делают.

Чтобы узы его «дружбы» были закреплены чем-то посущественнее этих знаний, он стремился быть этим людям так или иначе полезным. Например, как-то он поселил к себе на дачу Аню Морозову, чем очень гордился и о чем часто потом упоминал в разговорах. Я понимала: если обратиться к нему за помощью, он не откажет. И в то же время не очень хотелось этого делать, потому что в пакет такой услуги входили новые и новые «привет-как-дела» сообщения, и на этот раз послать его было бы уже совсем некорректно.

И все же надо отдать Карышеву должное: благодаря ему я познакомилась с интереснейшими личностями – от скрывающихся экстремистов-уголовников до писателей, музыкантов и режиссеров. Ночь с четвертого на пятое я провела в одной постели с его приятелем-экстремистом и поэтом по совместительству. Он был умен и красив, но слишком много пил и курил, и при росте метр девяносто весил немногим больше меня. Когда я легла на него сверху, в меня упирались его тазобедренные кости. Это было все равно что трахать экспонат скелета в кабинете биологии, зато разговоры с ним были интереснейшими и его внимание мне льстило.

Я добралась до дома рано утром, выспалась, и ближе к вечеру мы с Карышевым отправились на презентацию книги его знакомого о том, как снимают порно. Чтобы «не переволноваться», я предварительно насмотрелась порнушки дома.

Пока мы шли, речь зашла о Липатове. Пока я была в Украине, он оставался в Москве, где строил дачу своему лучшему другу, живя в вагончике рядом с будущим домом. Мы периодически списывались в течение всего апреля. Он параллельно готовил новый проект на лето, к которому я проявляла интерес. Макс хотел собрать принципиально разных людей и построить вместе с ними дом на дереве вдалеке от цивилизации, сделав из этого реалити-шоу. Изначально он выбирал между этой идеей и вариантом построить из кучи железа машину и отправиться на ней в путешествие, но я болела за дом, и он согласился. Вспомнив, что они с Карышевым из одного города, я, как девушка, чье самолюбие было задето еще в ту ночь на даче, решила разузнать, что же за фрукт этот Липатов, и Карышев сказал, что в туристических кругах его считают главным

Казановой Одессы.

– Кого?! – я чуть не подавилась. – Липатова?! С его плоскими пошлыми шуточками?! Стеснительного, не рассказывающего про себя ни слова, ведущего себя как подросток? Липатова?! Ты прикалываешься?

– Да ты его не знаешь! В Одессе есть туристический клуб «Романтик» – так вот, там половина девушек с ним спали! И до сих пор за ним бегают. Обычно он встречался с ними по неделе, а потом уходил. Ну, и он ведь блогер, в конце концов. Его знает вся Одесса. У нас ведь маленький город, так что ажиотажа хватает!

Наконец мы дошли до места назначения. Презентация проходила в «Хабе» – уютном коворкинге и месте, где можно было встретить всех интересных молодых людей города. Правда, мы приперлись довольно поздно, и Богдан[102] уже заканчивал свою речь. Но вся она в любом случае была на украинском, и я ни черта не понимала.

Богдан был симпатичным малым, с добрыми глазами и огромным количеством мыслей. Он мне приглянулся. Я даже задумалась в теории, как бы выглядели наши отношения, если бы мы, два писателя, встречались. Но через час его ждал поезд в Киев, а уже через неделю и огромный проект для журнала, в рамках которого он должен был кататься по Украине весь следующий год и искать интересных людей для сюжетов.

Мы вышли из «Хаба» и решили вместе с другими проводить Богдана до вокзала. Ребята шли впереди, а мы с Богданом немного отстали. Он тащил огромную коробку собственных книг.

– И долго ты работал над этой книгой? – поинтересовалась я у Богдана.

– Над «Saint porno»? Да нет, ты что. Что там работать. Это так, книжечка для детей…

– Почему для детей?

– Ну а кто больше всего ведется на запретные темы? Только дети, которые еще не наигрались.

Мне так понравилась эта фраза, что я ее запомнила. Я подумала, что вся порнография – в целом игра для детей, спрятанных в телах взрослых. Тем временем Каролина проявила пленку, где по «цветущему акациями»[103] городу гуляю розоволосая я с венком из цветов. И пока я любовалась на цвета этих снимков, в левом углу страницы появилось окошко со словами: «Максу Липатову понравилась ваша фотография». Я улыбнулась и набрала сообщение:

Даша:

Ой, Макс Липатов лайкнул мою фоточку…

Макс:

Странная штука: ты в Одессе, я в Москве, а всегда было наоборот – это я должен постить солнечные фоточки. Всматриваюсь в фон и пытаюсь угадать улицы. Мой город тебе очень идет…

Даша:

Ох, ничего себе, спасибо. Общалась с местными… Ты тут, оказывается, первый бабник на деревне?

Макс:

Чтоооо? Это по молодости разве что. У нас теперь есть общие знакомые в Одессе? Кто они?

Даша:

Хочешь пропалить, кто тебя выдал? Я их не сдам.

Макс:

Я же все равно узнаю! Так что выкладывай – сдай всех! Неважно, че там они рассказывают, это же сплетни, я сам их обожаю. Мне интересно, с кем ты уже познакомилась из тех, кого я знаю, вот и все.

Даша:

Я не признаюсь.

Макс:

Ладно. Скоро приеду, и разберемся.

6–8

Седьмого мая в десять утра я проснулась оттого, что кто-то в нашем дворике на Базарной, сорок девять, где слышен даже шепот, громко и четко произнес: «Даша! Даша Пахтусова!» Откуда-то сверху сразу же донеслось: «И вас туда же!»

– Кажется, этот колодец говорящий… – слышу я задумчивый голос Иуанова во дворе.

Я выпрыгиваю из кровати в одних трусах и футболке и бегу вниз по лестнице босиком.

– Задрали здесь галдеть каждое утро! – орет на него какая-то женщина из другого окна. – Вчера еще всю ночь на гитаре играли! Как вам вообще могло в голову прийти – на гитаре ночью играть?! Совесть есть?!

– Простите, мы больше не будем. Молодые еще, глупые, настроение у нас хорошее было! – он извиняется так, будто был вчера в этой квартире. В этот момент я выбегаю и врезаюсь в него, крепко обняв.

Дима был со своей девушкой Наташей, с которой они начали встречаться еще задолго до того, как он махнул в кругосветку, и спустя час мы все вместе уже скрипели в трамвае на дачу Вовы

Карышева у Черного моря. Димка радовался абсолютно каждой мелочи. Он торчал из окна, как счастливый пес, пока вагоновожатый не заорал в громкоговоритель:

– Че, голова лишняя? Я понимаю, что там ветер хуярит… – А потом совсем другим, обычным, монотонным голосом: – Следующая станция – девятнадцатая линия.

Мы выпрыгнули из трамвая и направились по заросшим вьюнком аллеям в дом, где нас уже ждал отец Вовы.

– Сижу я, значит, дома несколько дней назад, – рассказывает Вова. – И отец окликает меня с кухни словами: «Вова, а ты знаешь, что Даша Пахтусова в Одессу приезжает?» Я такой: «Да, пап, знаю. А ты-то откуда это знаешь?!» Оказалось, он большой почитатель твоих историй.

Я с ужасом представила, как его отец читает о моих любовных похождениях. Папа у Карышева оказался что надо. Отставной майор, серьезный, но тот еще мальчишка с отличным чувством юмора. Правда, в какой-то момент он выдал довольно неуместно звучащий комплимент моим грудям, я решила не акцентировать на этом внимания, но наедине с ним старалась не оставаться. Стол ломился от всеми любимых дачных яств, включая гигантские маринованные грибы и вареную картошку, а во главе красовалась бутылка шампанского «Одесса». Солнце пекло от души, свистели птицы. Поблагодарив отца за обед, мы взяли гитару, шампанское с клубникой, залезли на крышу, разделись и на полдня пропали с глаз «жемчужины у моря». А ближе к закату выкатились на набережную прогуляться. Димка с сомнением погладил волны, сказав: «Прохладненько, да. Не покупаешься… разве что по приколу», – и уже через пять минут я, заливаясь, снимала, как он бежит в ледяное море в трусах, а затем катается по песку, чтобы согреться. Ну вылитый пес!

Днем было здорово, но вечерами мне становилось невероятно тоскливо. И впервые в своей жизни я написала любовное письмо кому-то, кого еще не встретила. Чтобы добавить к этому какие-то шансы на успех, я выложила его на стену. Звучало оно так:

«Милый мальчик. Если ты где-то есть на этой планете, умоляю, направь свою магию против всех этих креативщиков сверху. Они, видно, решили, что мне одной тут суждено плясать. Пожалуйста, найди меня как можно скорее. Пустота давит на виски. Она не тонет ни в красном, ни в белом. Она бегает за мной весь вечер и возвращается поутру. А если тебя здесь нет, то и я пойду отсюда. Мне надоели эти лошадки. Они ходят по кругу, мальчик. Они ходят по кругу. Я устала ждать».

Запись в блоге:

9 мая 2016

Звание «писатель» оправдывает все: бедность, алкоголизм, неудачи личной жизни. В любой непонятной ситуации говори, что ты писатель. Не долбоеб, а писатель.

* * *

Три следующих дня я беспробудно писала. Дима со своей девушкой несколько раз проходили мимо кафе, где я, употребляя по три кофе за день, штопала текст. Написание текста подобно шитью платья. Shit-you, да. Сначала ты берешь материал, придаешь ему форму – грубо режешь. Дальше где-то укорачиваешь, где-то добавляешь. Потом ответственная часть – редактирование. Чтобы ни ниточка, ни узелок не торчали. И вот тогда, когда уже вроде готово, начинается чистая мастурбация: пытаешься то бантик пришить, то цвет пуговиц поменять, то пояс присобачить… Или без него лучше? Так, а почему здесь шов сбился? А может, брошку еще?..

И вот в этом моменте, дружище, в нем вся ебаная боль. Потому что платье-то вроде бы уже готово, ты всю душу в него вложил, все пальцы исколол и глаза высмотрел, но пока оно не будет идеальным, выложить его на прилавок ты не можешь.

Тем временем наш дом окончательно превратился в какой-то притон: мы спали по трое на одной кровати, а весь пол был завален спальниками и людьми. Когда я, устав от количества людей вокруг, с восьми утра сидела в столовой и «штопала» свою длинную историю о последних днях в Сан-Франциско, мне написал Димка. Он сказал, что Липатов пригнал в Одессу, и предложил нам всем встретиться. Максим прикатил на золотом велосипеде, а Дима уже с утра успел прикупить и откупорить бутылочку вина.

Мы провели весь день на пляже за разговорами, затем договорились, что поедем ночевать к Карышеву, и разошлись до вечера. Дима провожал на вокзал свою даму, а мы с Максом вдвоем отправились на концерт за человеком, которого обязательно хотели пригласить с нами, за Андреем Милевым. Андрей, как я упоминала ранее, был создателем группы «Бродяги Дхармы», которая уже тогда насчитывала полторы сотни тысяч подписчиков. Большинство при этом и понятия не имели ни кто такой Андрей, ни даже как он выглядит. А ведь он был единственным, кто отвечал тогда за всю группу. Не имея с этого

ни рубля, ни гривны, он работал на чистом энтузиазме. Пока мы все мерились подписчиками, как письками, ему до этого «признания» не было абсолютно никакого дела. Я представляла его как папу всех бродяг. Ему было тридцать, он был спокойным, мудрым, добрым и сильным душой, как лев (к слову, по гороскопу он и был Лев). С гривой до плеч и взглядом, который будто бы говорил, что все хорошо. Он параллельно занимался каким-то другим бизнесом и был соло-гитаристом одесского рок-оркестра. Мы пришли на его концерт в парке, где я наконец и познакомилась с ним вживую. Парк был забит до отказа. Меня постоянно узнавали какие-то девочки. Максима это так забавляло, что он сам предлагал им сфотографироваться со мной, брал их телефоны и с высоты почти двух метров, смеясь, делал снимок. Когда все девчонки отстали, мы протиснулись поближе к сцене. Андрей стоял на самом краю и играл потрясающие соло. Толпа ликовала. А я смотрела и думала, как же это смешно: в этом огромном парке как минимум сотня людей подписана на «Бродяг» уже много лет; они отправляют свои истории в «предложку», держат кулачки в надежде, что их опубликуют, – и никто из них даже не предполагает, что тот, кто эти записи рассматривает, прямо сейчас перед их носом хуярит соляк металлики.

После концерта мы воссоединились и поехали к Вове на дачу. Идеальным составом мы сели на ночь глядя за большой деревянный стол – и понеслась. Поскольку всем нам было предельно интересно послушать Андрея, говорил в основном он. Он ушел в обсуждение того, как работает планета Земля и зачем мы, собственно, здесь. Дима молча записывал за Андреем в блокнот его слова, я сидела и блаженно кивала (он говорил о том, к чему я тоже уже пришла, но что не всегда могла выразить, а Андрей прекрасно умел доносить свои мысли), Вова постоянно пытался вставить в речь Андрея свое слово, Максим же вежливо, но верно не соглашался.

– Короче, ребята, если полагаться на логику, самые разные материалы и собственную интуицию, все сводится к тому, что наша основная цель в этой жизни – максимально очиститься от лишнего и развивать себя во всех смыслах. Жизнь – это постоянный апгрейд, игра, в которой нет финиша, ну, или как минимум до него не так просто добраться. Достигнув нового уровня, мы сохраняемся и идем дальше. Все как в компьютерной игре. Усвоил урок? Молодец! Держи следующий. Все испытания, которые выпадают нам в течение жизни, – это отработки. Они действуют как вспомогательные средства для твоего совершенствования. И если не брать во внимание всякие

духовные практики, то самые мощные средства для относительно быстрого внутреннего развития – это путешествия и отношения, поэтому мы так к ним и стремимся. В путешествии ты живешь одним днем – тут жизнь шлифует твои острые углы, подбрасывает идеальные условия для развития самых разных навыков и стачивает лишнее. Ну а самым доступным способом прокачки всегда будут отношения с противоположным полом.

– То есть ты считаешь отношения необходимой ступенью прокачки? – переспросил Макс.

– Да.

– Почему?

– Потому что, по сути, это конфликт довольно высокого уровня: тебе нужно научиться принимать того, к кому тебя тянет и кто на тебя во многом не похож, брать ответственность не только за себя, но и за него, прокачать свой навык бескорыстно любить, а это многим пока не под силу. Есть ряд духовных бонусов и плюшек, которые можно получить только в отношениях. Не зря ведь мужчина и женщина даже выглядят как две части единой детали, как элементы пазла. Обойти этот факт все равно не получится, пока мы люди.

Политика Максима была абсолютно другой. Он верил в то, что длительные отношения не для него и что куда больше апгрейдов можно получить, встречаясь с людьми недолго. Более того, в ту ночь он выдал фразу:

– Моя миссия – раскрепощать женщин. Я показываю им, как бывает, учу их открываться и быть самими собой. При этом я сразу сообщаю им, что я не их принц, что от меня можно не ждать кольца, да и вообще ничего ждать не нужно.

– Это интересно… – пробормотала я с улыбкой. – Значит, ты такой посол доброй воли, который показывает девушкам, что такое хорошо трахаться, я правильно поняла?

– Ну, ты все опошлила как всегда, но в целом да. За мной уже тянется репутация парня на одну ночь, и это хорошо, потому что, выбирая меня, девушки знают, на что подписываются. Им не надо стараться построить со мной отношения, и они расслабляются. Когда моя миссия окончена, я отпускаю их в свободное плавание, и практически все после меня, кстати, вступают в серьезные отношения, и все у них становится хорошо.

– И они не просят тебя остаться?

– Обычно нет. Они все понимают. Я говорю им, что я полиамор и что каждые отношения приносят нам свой урок, и когда он пройден, их надо заканчивать.

– А что, если ты закончил отношения, но твой урок не пройден? – поинтересовалась я.

– Если урок не пройден, значит, он будет так или иначе повторяться снова и снова, пока ты наконец его не усвоишь.

– Интересно… Ну что, раскрепостишь меня, Максим?

Он засмеялся.

– Ты – богиня, тебя не нужно раскрепощать.

Это был уже не первый раз, когда он называл меня богиней, и я не могла понять, стёб это или подкат.

– Ну, кто знает, что там у тебя припасено, – я по-дружески стукнулась плечом о его плечо, и мы захихикали.

В шутку или нет, но я приметила для себя, что с ним можно переспать без обязательств, и порадовалась такой опции. Мы еще долго разговаривали об отношениях и разницах полов и легли спать вместе с рассветом. Мы с Максом спали рядом на полу, он не обнимал меня ночью, но с утра, пока все спали, мы стали перешептываться, и далее, без особых объяснений, он вдруг достал из трусов свой… ну ты понял…

– Это у тебя там телефон под одеялом или ты так рад меня видеть?.. – переспросила я с улыбкой.

Эта ситуация была настолько нелепой, что я даже не могла обидеться.

– Нет, ты что, серьезно? И это работает? Это твой фирменный подкат – «достать из широких штанин»?

– Ой, все! – сказал он и, как малый ребенок, демонстративно повернулся ко мне спиной.

Я вообще не поняла, что это было, но от этого стало даже интересней.

12

В следующую ночь мы отправились ночевать в катакомбы – подземную часть города. Как оказалось, Одесса славится своими катакомбами. Большинство зданий Одессы были построены из ракушечника – известняка, состоящего из раковин и кораллов. Попросту говоря из морского дна. Для этого под городом вырыли грандиозный лабиринт каменоломен длиной две с половиной тысячи километров. Известняк продолжали добывать, пока город не стал проваливаться, и тогда добычу официально запретили, а все входы закидали камнями. И все же романтики и авантюристы знали, где и как в них можно пробраться. Кто-то ходил туда чисто ради интереса, а кто-то (в том числе Максим и его друзья из турклуба) за неимением пустой квартиры таскали туда девчонок на свидания. Девочкам было страшно, и они крепче прижимались к пацанам, а у пацанов, в свою очередь, появлялся прекрасный

шанс сыграть в героев. Так вот, Макс пригласил меня и Диму переночевать внутри. Мы встретились ближе к вечеру на остановке, где нас всех ждала подруга Максима. Наслушавшись его историй, у меня не было сомнений, что они спали, хотя Макс, конечно, заверил меня, что это не так. Я снова поняла, что ревную его, и мне это ужасно не понравилось. Мы добрались до места с наступлением темноты, высадившись в каком-то селе за пределами города. Пройдя мимо последних остатков цивилизации, мы оказались в поле, обрамленном каменной глыбой. Покосившийся забор… А вот и она – заветная щель, ведущая в неизвестность. Включив налобные фонарики, мы пробрались внутрь, оказались в огромной пещере и сразу принялись переодеваться. Внутри было холодно, сыро и страшно. Пока я натягивала на себя куртку и вторые штаны, Липатов рассказывал нам об этом месте. Каждый год здесь пропадали люди – они просто не находили выхода. Иногда поисковые операции были успешными, но в большинстве случаев людей либо находили уже мертвыми, либо не находили вообще. Поэтому было предельно важно держаться вместе и запоминать, куда идешь. Это действительно был настоящий лабиринт: на каждом метре ждали развилки из туннелей, которые было практически невозможно отличить друг от друга на обратном пути. Коридор, по которому мы шли, был расчерчен колеей от колесниц: работники нагружали повозки с лошадьми кирпичами известняка, и уже те вывозили их наружу. Все это сохранилось в неизменном виде еще с XIX века.

Спустя полчаса самой страшной прогулки в моей жизни мы нашли туннель, который завершался тупиком, смастерили на огромном булыжнике стол, поставили на него свечку, откупорили вино, сварганили незамысловатый ужин и расчехлили гитару. Его подруга оказалась действительно единственной «просто подругой» в его жизни, они были знакомы со школьных лет, а сама она давно переехала в Австралию и заехала домой буквально на пару дней. Внимание Максима было по-прежнему сосредоточено на мне, особенно когда мы с его подругой принялись трепаться на английском, что для такого простого южанина, как он, звучало будто язык древних племен. Когда мы с ним стали играть на гитаре, оказалось, что мы знали одни и те же бардовские песни, которых не знал никто. Мы пели громко, но звук гасился в метре от нас, будто в безэховой камере. Когда я уходила за угол пописать (никогда в жизни мне не было так страшно спускать штаны), я не слышала ни звука, хотя ребята разговаривали прямо рядом со мной. Атмосфера катакомб постепенно начала давить на психику. Сложно объяснить, но

создавалось четкое ощущение, что мы пришли туда, куда нас не звали, и что сейчас из темного туннеля кто-то выйдет и даст нам за это пизды. Здесь царила темная тяжелая энергетика, уже через несколько часов она стала сводить меня с ума. В такой давящей на сознание ночи невозможно было притворяться, и мы открылись друг другу совсем с другой стороны – простыми душевными ребятами, которые выросли на кострах и забытых ценностях. Мы соприкоснулись с Максимом новыми гранями, но в какой-то момент, уже не помню почему, он, подводя итоги вечера, сказал, что все молодцы, кроме меня, и я плакала всю ночь. Я испытывала неадекватное отчаяние, мне вспомнились далекие моменты детства, когда кто-то из одноклассников меня чморил, когда в подростковых походах и лагерях кто-то меня недолюбливал. Это чувство всплыло буквально из ниоткуда. Уже выйдя наружу, я поняла, что во всем была виновата энергетика, но в тот момент я чувствовала самую горькую детскую обиду и отчаяние. Максим же вообще не понял, что такого сказал. И несмотря на то, что он опять спал в стороне от меня, пока мы с Димой жались друг к другу, с утра он успел сбегать наверх и принести мне веточку сирени. Он разбудил меня, приблизив цветы к моему носу. В этой страшной мокрой темноте запах жизни звучал как лучшая надежда. Это была та самая мелочь, которая не стоит никаких денег, – она абсолютно бесценна.

13–16

Наконец наши общие с Димой приключения подошли к концу. Этот парень без устали вносил в мою жизнь жару! Ночью он бегал по лужам у моего дома полностью голый, с веником и сковородкой в руках, а рано утром я уже провожала его на вокзал. Следующие дни я посвятила текстам. Как оказалось, Максим был большим почитателем моих историй. Он не мог дождаться, когда я уже выложу что-то новенькое, и потому попросил меня скинуть ему черновик. Даже приехал ко мне в гости, лишь бы раздобыть новый текст. Я же стеснялась показывать ему себя ранимую – история была про то, как Лиам из Сан-Франциско меня кинул, и описана она была со всеми подробностями. На сайт я в итоге выложила тогда цензурную версию, чтобы не чувствовать себя слишком голой перед толпой. Максим уехал домой с черновиком той истории. На прощание мы поцеловались в щечку, но в этом мимолетном действии было что-то особенное. Нас стало тянуть друг к другу. Я легла спать, но ворочалась полночи, сон не шел. Я знала, что он читает меня прямо сейчас.

Даша:

Черт, я теперь реально не могу уснуть, представляю, что ты это читаешь. Чувствую себя не по-хорошему голой.

Макс:

Черт, я знаю это чувство. Хочешь, я не буду сегодня читать?

вот прям сейчас перестану, хочешь?

потому что знаю, каково это

Даша:

Не читай. Пожалуйста.

Мне правда неприятно.

Макс:

хорошо

договорились

я закрываю письмо

Даша:

Я хотела усладить твое любопытство, но мне неприятно.

Спасибо…

Макс:

все, я закрыл

пожалуйста)

хоть высплюсь

и для начала переоденусь и руки помою, а то ж приехал и сразу к компу))

а теперь освободилась куча времени

Даша:

:) мне очень приятно, что тебе интересны мои тексты.

Макс:

очень интересны

блин, теперь ждать общей премьеры?

Даша:

Я не знаю. Но, если ты сказал, что тебе знакомо это чувство, значит, ты меня понимаешь. Я хочу тебя порадовать, но это не та радость, от которой будет приятно мне самой.

Макс:

хорошо, я понял

Даша:

Спасибо.

Добрых снов, Максим.:)

Макс:

Даша, и тебе

На следующий день, чуть не вырвав клочья волос из головы, я все-таки опубликовала историю. Мне тут же пришло сообщение.

Макс:

О, да, детка, с премьерой!

Даша:

СПАСИБО

Даша:

ну все, можешь читать, что уж)

Макс:

я перед сном треть прочитал, и всю ночь мне снились эти люди.

Даша, ты Керуак с сиськами

Даша:

я так засмеялась, что люди в кафе на меня оглянулись

Макс:

его «на дороге» просто сосет по сравнению с тем, что я вчера прочитал

Если учесть, что с его подачи группа «Бродяги Дхармы» получила свое название и что он читал все книги Керуака и котировал его творчество очень высоко, это был комплимент на уровне премии «Оскар».

Макс:

я тебе потом еще добавлю меда при встрече.

Даша:

как хорошо, что ты в этом городе есть.

Макс:

ну, помимо всего прекрасного, нашел парочку опечаток, показать?

И он выдал мне весь текст с обведенными ошибками, а после помог добавить в рассказ короткие видео, оживляющие всю историю. Весь следующий день мы провели вместе. Он увез меня на своем горе-мопеде, который мог разогнаться всего до 50 километров в час, на лиман, где мы оказались наедине с природой. На минуту мне показалось, что мы где-то на Бали. Закат отражался в воде, разливаясь всеми красками. Мы с Максом, два странных существа, не спеша изучали друг друга, рассказывая истории своей жизни, делясь чувствами, которые пробуждал в нас мир.

С наступлением темноты мы унеслись к морю. Меня поразило, как легко можно вот так взять и оказаться у моря в этом городе. У каждого человека должно быть право на море.

Город засыпал, вдалеке горели огни последнего оставшегося в живых кафе. Ветер играл его брезентовой белой стенкой и стучал железными кольцами о крепление. Я приметила высокую лестницу посередине пляжа – она вела на горку, которая сейчас, конечно, была закрыта.

– Полезли? – предложила я.

– Но она же закрыта.

– Да, но мы можем пролезть мимо двери, вся лестница сделана из железных перегородок. Смотри.

Я подтянулась и полезла по перилам вдоль лестницы, пока не поднялась выше двери, и тогда перепрыгнула. Макс полез за мной, и вскоре мы сидели на этой вышке. Ветер сдувал нас. Макс отдал мне свою красную кофту и обнял бесконечно длинной рукой. Я легко умещалась под ней вся. Вдалеке мигали огоньки далеких кораблей.

– Тебе никогда не хотелось на корабль? – спросила я его. – Живешь себе отдельно от человечества, в команде одних и тех же людей, и плывешь под звездным небом в неизвестность…

– Я бы лучше тогда сразу улетел в космос на ракете. Там к звездам поближе будет.

– Ты не смотрел фильм «Рок-волна» – об английском пиратском радио, которое правительство не могло поймать, потому что они все время перемещались по морю на огромном судне?

– Смотрел.

– А вырезанную сцену о смысле жизни?

– Нет.

– Там была вырезанная сцена, которая несет больше смысла, чем весь этот фильм. В ней их главный радиоведущий возвращается обратно на судно из своего путешествия вокруг света, на которое ушло несколько лет. Он сидит на палубе с юным пацаном, который приехал туда, чтобы найти своего отца. Этот парень спрашивает, почему он уехал и почему вернулся, и мужчина отвечает, что отправился в путешествие на поиски смысла жизни. Он рассказывает, как пересек три континента, употреблял наркотики, сделанные из почек животных, о которых даже не слышал, но смысла так и не нашел. Пока одним вечером в Гватемале он не нашел себя в крохотном баре на пляже, провожая взглядом красотку, которая шла искупнуться, и подумал: «Странно, у меня есть деньги, девушки, наркотики, время в моих руках – делай что душе угодно, но я все еще не нашел, что искал». И тут он заметил старого гватемальца с лицом, исполосованным морщинами, – тот пересек бар и подошел к музыкальному автомату в углу. Он бросил монетку, нажал три кнопки… Дальше они, словно безумные, танцуют втроем с этим гватемальцем и мокрой после океана девочкой под «Роллинг Стоунз», и мужчина говорит, что на следующий день он купил билет домой. «Видишь ли, сынок, единственное, что имеет смысл в этом чокнутом мире, – это рок-н-ролл. И я был дураком, когда думал, что могу оставить это все позади…»

– Ты тоже не можешь оставить это все позади?

Не помню, что я тогда ответила. Мне и сейчас ответить нечего. Кто его знает, чем все это закончится.

Насмотревшись на звезды, мы стали обсуждать астрологию и знаки Зодиака, в которых оба хорошо разбирались, и поняли, что являемся полными противоположностями друг другу. Он – огонь, я – вода. С него зодиакальный круг начинался, на мне заканчивался. Он был тем, кто кидает семя в землю, зарождая жизнь. Но каждое семя, которое он сажал, многократно умножалось, и ему не давали времени увидеть, как это семя растет, поскольку все, что он сажал, создавало еще больше того, что нужно посадить. Я же в этой жизни играла роль того, кто должен собрать всю печаль человека и возвратить ее Богу. Мы были самыми яркими представителями своих знаков, и оба относились к своей задаче как к миссии, где у каждого был свой крест: он не мог остановиться на одном, а я не могла быть понятой[104]. Между нами была пропасть длиной в весь зодиакальный круг – мы максимально отличались друг от друга по своей природе. И все же между началом и концом есть что-то общее. На этом самом замыкании круга мы крепко сжали руки друг друга. И вся жизнь текла по нам. Пока мы болтали, на улице стало прохладно. Майская ночь шептала на нас легким ветерком с запахом акаций. Макс довез меня до железных ворот в мой двор, и пришло время прощаться. Мне ужасно хотелось позвать его к себе, но ему там было бы совершенно негде спать. Тем более что мне хотелось остаться с ним наедине, а не в компании еще трех человек, спящих на одной постели.

– Надо кофту тебе отдать…

– Оставь ее себе, на память.

– Я не люблю красное.

– Зато я люблю, вот она и будет обо мне напоминать. Странно, если б она была малиновая, верно?

Он наклонился, как фонарный столб, откуда-то сверху, чтобы поцеловать меня перед сном. Я не успела рассчитать в темноте, откуда появится его лицо, и мы максимально неуклюже поцеловались куда-то в уголки губ.

Так начался мой самый странный роман с огнем. Роман с Липатовым…

17

Максим вырос в неадекватно набожной семье. Он не очень хотел об этом распространяться, но к религии относился, как к чайнику, которым ему однажды основательно заехали по морде. В

моей семье такая проблема тоже имела место быть, потому мне всегда нравилась фраза Киплинга: «Держи свою религию при себе». И все же по нему она проехалась куда сильнее, чем по мне, и с куда большими последствиями. В его семье было три сына: старший, он и младший, которому было всего десять лет. Старший был примерным сыном – рано женился, нарожал детей и не забывал целовать руку батюшке по воскресеньям.

А Максим в глазах родителей стал подтверждением поговорки «в семье не без урода». В восемнадцать он поступил в универ и попал в туристический клуб. В его жизни появилось что-то новое, и он за это зацепился. И вот его позвали в первый поход выходного дня в Крым. По правилам его семьи на все действия нужно было спрашивать разрешения у их духовного отца – наставника в церкви. Макс и Миша, его старший брат, спросили разрешения, но духовный отец запретил поездку, потому что Крым принадлежал татарам и был неправославным. Это, кстати, объясняло, почему он даже и не думал о том, чтобы ехать куда-то дальше России. Миша смирился, а Макс впервые поступил не так, как ему приказали, и поехал. Его жизнь изменилась, он влюбился в походы. Но, когда через два дня он вернулся домой, все его вещи стояли на пороге. Следующий год он жил где придется, пока наконец тот самый духовный отец не сказал отцу Максима, что выкидывать детей из дома плохо. И ему разрешили вернуться, но с того момента запретили оставаться со своим младшим братом наедине, потому что он мог посеять в его голове «лукавые помыслы». Лишь один раз, когда все были заняты, ему позволили забрать брата из школы в одиночку, и Макс очень хорошо запомнил этот день.

У Максима были две татуировки на запястьях: на одной в ряд красовались виды его любимого транспорта – мопед, каяк, велосипед, на другой – череп из мексиканских узоров[105]. Макс никуда не ездил, но интересовался другими культурами. Ему нравился буддизм. Его отец, опять же, считал, что всё это от лукавого. Когда он увидел татуировку с черепушкой, то сказал Максиму: «Ты отметил себя знаком смерти и через год умрешь».

Спустя год Макс подошел к отцу и сказал, что год прошел, а он жив. Ответом было: «Я очень удивлен, но думаю, это ненадолго».

С тех пор они с отцом не разговаривали. Отец стыдился его как бракованного, и даже на его странице ВКонтакте, кишащей заповедями и страдальческими иконами, были фотографии только других двух сыновей. Мать же беспрекословно слушалась мужа и была серой забитой мышью.

Думаю, этих фактов достаточно, чтобы уловить картину. Все

эти вещи нанесли ему сильную травму, которая проявлялась в самых разных вещах. Но я тогда ничего об этом не знала. Знала только, что его семья религиозна и что к нему домой мне ни под каким предлогом приходить нельзя.

Я проснулась, как и уснула, злой оттого, что не могу спать с Максом, и решилась попросить Катю, хозяйку квартиры, подарить нам ночь вместе. Это было максимально странно – спрашивать человека, можно ли мне потрахаться в его квартире, да еще и попросить свалить, но я была в отчаянии и надеялась на женскую солидарность. Кате явно эта идея не очень понравилась, но она сказала, что постарается завтра уйти.

Весь день мы с Максом провели вместе, на этот раз работая за одним столом в «Хабе». Мы постепенно начинали подготовку к проекту «Дом на дереве и жизнь в лесу» и отбирали участников. Проект начинался через месяц. Макс взял меня как медийную личность и оплачивал всю мою поездку. Мне это было приятно. Мы весь день засыпали друг друга комплиментами, и все это напоминало какое-то школьное время, когда дети стесняются проявлять чувства, но обоих явно тянет друг к другу. Пока я говорила по телефону с Димой, спрятавшись за аквариумом, он фотографировал меня сквозь проплывающих мимо моего лица рыб. Прощаясь по телефону, Димка не мог не спросить, что там у меня с Максом. Он тот еще любитель интриг.

– Слушай, я понятия не имею… – пробубнила я, когда Макс наконец отстал со своей гениальной фотосессией. – Я отчаялась в своих попытках что-то понять… Он оказывает мне знаки внимания, но дальше этого не заходит. А еще ревнует меня к самым разным пацанам, если я при нем с кем-то другим разговариваю. Вот только что Карышев пришел, и Липатов прямо обиделся, что я на другого переключилась. Хрен знает, куда это все идет.

– Да, конечно, к тому, что вы переспите, все же очевидно!

Зря он это сказал… Его уверенность придала уверенности мне. И я пошла в атаку.

18

«И кислородное голодание случается с теми, кто много лет дышал воздухом, мало насыщенным кислородом. Кто дышал женщинами, пахнущими по́том или дешевыми духами вместо детского мыла, поскольку, если нет у тебя денег на дорогие духи, то на детское мыло и шампунь из крапивы всегда можно насобирать… И

если ты следуешь моде из журналов и не знаешь, что мода – это то, что отражает твой внутренний мир, то ни духи, ни мыло, ни сарафан из цветов не насытят воздух кислородом, и у любого мужчины рядом с тобой обязательно наступит кислородное голодание. А Саша вся была – сплошной кислород.

И вот чтобы иметь право жить на этой земле, нужно научиться дышать воздухом, иметь деньги на покупку этого воздуха и ни в коем случае не подсесть на кислород, потому что если ты плотно подсядешь на кислород, то ни деньги, ни медицинские препараты, ни даже смерть не смогут ограничить ту жажду красоты и свободы, которую ты приобретешь».

Иван Вырыпаев

План претворялся в жизнь: Катя уходила ночевать к другу, а мне написал один музыкант, который выступал в тот вечер в Одессе с целым оркестром. Он благодарил меня за творчество и предложил два бесплатных билета на его концерт. Я решила придумать такую штуку: написала в группу, что буду стоять у входа в филармонию и кто первый возьмет меня за руку, с тем и пойду. Тайно я, конечно, надеялась, что это будет Максим, и хотела лишь внести интриги в наши взаимоотношения. Когда-то в школе мне сказали, что девочки интересны мальчикам, только если мальчики за них борются, потому моя затея казалась мне гениальной. Макс же был другого мнения: он сразу обиделся и поехал домой на своем скутере мимо филармонии. Поскольку я свое предложение выставила всего за час до концерта, никто не успел приехать, и я, грустная, поплелась в зал одна. Концерт был невероятным. Они играли «Я хочу быть с тобой» «Наутилуса», «Girl, you'll be a woman soon» и «Wicked game» – словом, все мои любимые песни. Но мое сердце обливалось кровью: мне так хотелось, чтобы Макс был рядом. Я звонила и писала ему, как остервенелая, такой сильной потребности я не испытывала давно. Он уже доехал до дома, когда наконец достал из кармана телефон и увидел мои сообщения, содержащие штук сто «пожалуйста». В итоге на второй акт он все-таки приехал, и теперь мы слушали эту волшебную музыку вместе. Когда концерт закончился, зарядил дождь. Поболтав с музыкантами в курилке и поблагодарив за чудесный вечер, мы спрятались под один зонтик и пошли домой. Кати уже не было дома, и я целенаправленно вела его к себе. Все было здорово, но, как только он понял, что мы сейчас действительно останемся наедине, он начал буквально паниковать. Очень скоро мне стало понятно, что весь его имидж

Казановы – лишь способ защиты и прикрытия своих шрамов. Он всегда старался успеть переспать с девушками до того, как они разгадают всю его незамысловатую игру. Со мной этот этап был давно пройден, и он это знал. Чем ближе мы подходили к дому, тем хуже все становилось: его охватило состояние какой-то паники. Он заговорил высоким, как у ребенка, голосом, начал нелепо шутить, и его будто стало потряхивать. Когда мы оказались в квартире, он хватался за подушку, прятал в ней лицо и повторял мне уже чуть ли не писком: «Не смотри на меня». Уверенного в себе парня, называющего меня богиней и рассказывающего о сексуальном раскрепощении, и след простыл. Вместо него со мной рядом сидел маленький, забитый, неуверенный в себе мальчик десяти лет, сексуальные познания которого заканчивались на «У меня есть пися, а у нее когда-нибудь будут сиси».

Он даже порывался уехать посреди ночи. Просто не мог лежать со мной рядом. Только когда я отодвинулась к самой стенке, а он – к самому краю кровати, его паника отступила. Было уже совсем темно. Из окна падал тихий синий свет, он освещал его свернутый в комочек силуэт. Я совершенно растерялась – еще ни один парень так меня не боялся. Мне было максимально не по себе. И тут на освещенную луной «нейтральную территорию» простыни между мной и Максимом вышел человечек из указательного и среднего пальцев. Он прошел все белое поле, тихо дошел до меня, застыл, затем аккуратно прикоснулся ко мне одним из пальцев и, словно крабик, на всех парах побежал обратно. Я не двигалась. Он вышел снова, повторил в точности то же самое и опять убежал. Когда он пошел ко мне в третий раз, я решила выйти навстречу. Увидев на белой простыне два моих пальца, он сразу замер. Я пододвинулась всем телом туда, где стояли мои пальцы, а он туда, где стояли его. И, наконец, настоящие, мы поцеловались. Всю ночь мы занимались любовью, а наутро я рассказывала ему о видах женских оргазмов. Это еще раз подтверждало, что, хоть у него и было много женщин, ни с кем из них он не был по-настоящему близок. Он на полном серьезе думал, например, что, когда в порнографии женщины струйно кончают, на самом деле кто-то плещет за кадром водой и это такой спецэффект. Когда он понял, что это не так, он катался по постели и смеялся от счастья, будто только что в наркотическом приходе открыл невероятную истину.

– У тебя там внутри космос… И какие-то животные неведомые, они как будто выходят ко мне, чтобы поздороваться, – рассуждал он, глядя в потолок. – Нет, ты, конечно, чистый кислород…

19

Девятнадцатого мая в моей галактике образовалась новая планета. И имя ей было Леля Горчица. Леля училась на режиссера, и ее дипломной работой был фильм, в котором она предложила сыграть мне роль путешественницы. Это была судьба. Мы переписывались уже несколько дней к тому моменту, когда наконец девятнадцатого числа она приехала за мной на машине вместе с остальной «съемочной группой» в составе ее близкой подруги-актрисы и водителя. Толкнув тяжелую железную дверь ворот, я вышла на Базарную. Леля стояла в длинном пальто, притом что на дворе был май. На ее голове была огромная копна дредов, на глазах – круглые черные очки, как у кота Базилио, на шее – индийские бусы из рудракши. Свободная черная футболка скрывала переход к брюкам. Засученные рукава оголяли покрытые татуировками руки. Пока я шла ей навстречу, она не спеша докуривала самокрутку, перенеся вес на одну ногу и поставив другую на кончик ботинка. Все в ее внешности и поведении говорило о том, что передо мной стояла Личность. У нее ни на секунду не пробежало никакого «О, боже мой, ты живая» фан-эффекта, от которого мне всегда становилось неловко. Она только предложила скрутить мне самокрутку, но с утра я не курила.

– Здравствуй, Даша.

– Привет, Леля! Рада встрече.

– Это очень взаимно, – протяжно сказала она и жестом пригласила меня в машину.

Пока мы ехали, я советовалась с ней по роли, а затем положила голову ей на колени и закрыла глаза. Мы добрались до трассы и в несколько дублей отсняли всю сцену, а затем вернулись в центр и пошли гулять. Бывает такое, что смотреть на город приятнее глазами туриста, потому что для местных все становится обыденностью. Но с Одессой выходила совсем другая история: все, кого я тут встречала, искренне ее любили, и город открывался мне с их помощью.

Начинался вечер. Мы шли вниз к морю по нестареющей Дерибасовской, прыгая с камня на камень – после жаркого дня мостовая еще сохранила тепло.

– Представляешь, – говорила Леля. – Одессе двести двадцать два года, а мы с тобой прямо сейчас идем по брусчатке, которая была положена еще тогда. Она почти не поменялась, но все, абсолютно все вокруг иначе…

– Душевно здесь… Даже хочется писать.

– Это потому что ты приехала в лучшее время! Май – это

когда уже тепло, но еще не понаехали туристы. Тебе стоит увидеть Одессу зимой тоже. Под покровом снега она создает совсем другое впечатление. Как девушка, которая одевается, когда смущается. Все туристы уезжают, улицы пустеют… Город становится белым, как в пудре. Это сказочное зрелище. Особенно ночью, когда небо становится контрастно-черным и фонари разными оттенками окрашивают белоснежные, как холст, улицы. Я с детства люблю ловить игру света и теней. Могу по десять минут выбирать наилучший ракурс…

И действительно, я стала замечать это во все наши последующие встречи. Леля делала, пожалуй, самые странные снимки из всех моих знакомых. Ее мог заворожить любой уголок вселенной, на который ни ты, ни я никогда не обратили бы внимания. Тогда она останавливалась, выхватывала свой или чей-нибудь еще телефон и делала кадр. Ей было абсолютно насрать на общепринятые понятия того, что полагается считать красивым. В ее Инстаграме не было композиций из чашек кофе, каких-нибудь популярных книг и аккуратно разложенных побрякушек, равно как и снимков, где она удачно согнула ножку, чтобы казаться стройнее, или надула губы. Себя она практически не выкладывала, хотя, очевидно, была обворожительной девушкой и одной из немногих, чьи портреты мне действительно хотелось видеть в своей ленте. Кадры Лели отражали не внешний, а внутренний мир ее самой. Она видела красоту в том, что для нас было обыденностью: могла снимать пляшущие на столе волны света от воды в бокале, или тени листьев на стене, или отблески ламп на окне поезда. Со временем все мы, ее будущие друзья, стали замечать эту странную обыденную магию за каждым поворотом и присылать ей похожие фото с разных частей света. Мы делали это не для того, чтобы добавить новых снимков в ее коллекцию, а потому что только Леля могла оценить ту красоту, которую люди после знакомства с ней были обречены видеть.

– А если пойдешь на море зимой, – продолжала она, – это сведет тебя с ума. Ты никогда не забудешь эту картину. Представь: обычно, когда ты идешь на пляж, ты видишь светлую полосу песка, потом темную полосу моря и опять светлую полосу, но уже неба. Зимой же единственная темная полоса становится белой. А еще, я, правда, не знаю зачем, зимой снег с песка пляжа сгребают в кучи, и эти кучи превращаются в горы. Ну как, не горы, а горки из снега. И вот ты приходишь на море, а все вокруг невероятно белое, и в определенных местах стоят горы из снега. А еще, если становится очень холодно, море замерзает, и по нему можно ходить. Это неудивительно для людей, которые живут рядом с рекой или озером и гуляют по ним зимой. Но все же море

замерзает иначе. Пока оно не замерзло до конца, волны бьют по пирсам и застывают в определенных фактурах.

– Это как?

– Море, оно замерзает очень постепенно. Сначала замерзает пирс. Каждый раз волны наслаиваются на уже примерзший к пирсу лед, и получаются сосульки на сосульках. Это выглядит как резьба по мрамору или что-то в таком духе. Можно залипать часами, мне кажется, рассматривая эти фактуры. Ты когда-нибудь стояла на замерзшем море? Оно дышит. Стоя на нем впервые, я осознала, что море живое.

Мимо нас проскакали лошади, и я завороженно проводила их взглядом.

– Дерибасовская – это отдельный мир…

– Это точно. В ее начале, на площади, в любое время года всегда много людей. А вот в конце, до которого не каждый турист доходит, спрятался островок для местных модников. Вон он!

Мы дошли до конца улицы, где на пятачке с расположенными полукругом скамейками нас приветствовал сам основатель Одессы, Де Рибас. Слитый из меди, изысканно одетый в офицерскую двухуголку и камзол, он решительно поставил руку в бок, а ногу на лопату. Всем своим видом он одновременно напоминал мне и барона Мюнхгаузена перед полетом на ядре, и Маленького принца, который готовится выкопать занесенные на его планету ветром семена баобаба. Оба – мои любимые персонажи. Короче, я влюбилась.

– Ну шо, дивчина, отпразднуем нашу встречу? – сказала Леля с деланым акцентом и достала из самодельной сумочки-авоськи бутылку шампанского «Одесса».

– А как же! Одолжить бокалы у этого ресторана на углу?

– Та ладно! Из горла всегда вкуснее!

Мы сели на лавочку прямо позади Де Рибаса. Он прикрыл нас своей спиной от остального города.

Мы унеслись потоком разговора в невероятные дебри наших душ, рассказывая свои любимые истории и делясь сокровенным. У нас была вся ночь, чтобы узнать друг друга, и все в то потрясающее мгновение, когда я нашла «своего» человека, было прекрасно.

Если сравнивать людей с книгами, Леля была не каким-то буклетиком, дешевым чтивом бульварного характера или любовной новеллой на сто страниц, которыми напичканы все полки шкафов моей бабушки. Она не была ни сказкой, ни романом, ни стихотворением… Леля – это постулат. Утверждение, принимаемое без доказательств и служащее основой для построения остальной теории. Она была одним

сплошным оголенным проводом, и жизнь поднимала волоски на ее коже, даже когда просто проходила мимо. Когда же она к ней прикасалась, Лелю коротило. Она реагировала на все: чувствовала боль людей сильнее их самих, плакала за всех горше их самих. Она дышала в такт планете. Ее широко распахнутые зеленые глаза сами по себе были двумя огромными планетами. Иногда мне казалось, что она чувствует все: как растет трава, как шелестят перья птиц, как поднимается солнце, как вращаемся вокруг него мы. Она была Любовью. И единственным человеком, кого она как Мать-планета за всеми делами забывала любить, была она сама.

Глядя на ее дреды, покрытые татуировками руки, туннели в ушах, свободу стиля и мышления, можно было бы предположить, что с мальчиками у нее все тоже в порядке. Добавив ко всему вышеперечисленному ее красоту, я считала, что судьба обязана была одарить ее достойными романами и что любовников у нее хоть отбавляй. Каково было мое удивление, когда ни в одной ее любовной истории не то чтобы не проскальзывало и намека на серьезные отношения, там даже не присутствовало слово «секс».

– То есть? – переспросила ее я по окончании одной такой истории. – Вы ночевали в палатке вдвоем, зная, что завтра разъедетесь, что это ваша последняя ночь, и между вами ничего не было?

– Даша! Я же уже, кажется, ясно дала понять… У меня ни с кем ничего того, о чем ты сейчас думаешь, не было! – сказала она с улыбкой.

Лёлю воспитывала мама, а отец, которого она очень любила, рано ушёл из семьи, что Лёля посчитала за предательство. С того момента, где-то на подсознании она, как мне кажется, лишилась доверия к мужчинам и ожидала подлянки в любой момент. Она влюблялась катастрофически редко и при этом всё в мальчишек, в которых по определению влюбляться было нельзя. Её влекли плохие истории, обречённые на провал. Запутавшиеся, искалеченные, исполосованные жизнью, те, кто не станет принимать её любовь, ведь принимать всегда сложнее, чем отдавать. Так уж ебануто выходит: мы все хотим быть спасенными. В итоге находим человека, который точно этого не сделает, и сами пытаемся спасти его.

20

На следующий день поднялся дикий ураган. Я еле добежала в «Хаб» по Греческой, схватившись за капюшон нового платья, и

весь день провела за написанием историй. Я надеялась увидеться там с Максимом, но он постирал штаны и потому не приехал. Сказал, что штаны у него единственные, а значит, из дома никак не выйти. Я не могла понять, действительная ли это причина или просто отмазка.

Как бы там ни было, тот день был очередным «Привет, а ты Даша?» днем. В одном только «Хабе» меня узнало несколько человек, а один мальчик написал: «Извини, это не ты случайно сейчас шла по Греческой в городе Одесса? Кажется, я только что проехал мимо тебя на мопеде». Пока я отвечала, ко мне подошла девочка, которая была на моей встрече в Киеве. Ей исполнялось какое-то количество лет, и она предложила отпраздновать это событие вместе с ней. Я не могла отказать, и мы ушли в «Молодость». «Молодость» стала моим любимым заведением без всяких сомнений. Там было прекрасно все. От «картошки на сковородке, как в общаге» до «красной икры из запасов директора». Был уголок с приставкой и фильмами в гнусавом переводе Гаврилова[106]. Все это напротив ковра, висящего на стене, и под горящей неоновой надписью «Мама, я поел». Любимая музыка из прошлого, очень незамысловатое лаконичное меню, салфетки в мясорубках, привинченных к столу, и весь дизайн просто переносит в сладкую ностальгию. Но главная фишка – это пиво. Тут нет крафта из какой-нибудь Бельгии, нет-нет, в меню всего два вида пива: светлое и темное. Самое дешевое, без названия. И подавалось оно в закрытой алюминиевой крышкой стеклянной банке. Официанты выносили его вместе с собственной газетой бара «Молодость» и старой открывашкой с деревянной ручкой, предоставляя гостю возможность открыть банку самому. На банке со светлым пивом красовалась надпись «Моя светлая молодость», с темным – «Мое темное прошлое»; и каждый раз, возвращаясь в бар, в зависимости от настроения, ты мог попросить либо своей светлой молодости, либо своего темного прошлого.

Спустя пару лет, когда я буду ехать в Одессу стопом, на трассе Киев – Одесса меня, угрожая пистолетом, украдет отмороженный мужик. Я чудом спасусь, заперевшись в туалете на заправке, доберусь до любимого города, загоню такси до Греческой, 19, и, осознав, что спаслась, запыхавшись скажу официантке: «Сегодня только светлой молодости, пожалуйста! Никакого темного прошлого». А после я замечу за соседним столиком поэта Ес Сою, с которым мы потом будем всю зиму делить одно крыльцо с видом на Индийский океан в Гокарне, но это уже совсем другая история…

А в тот вечер у меня болел живот от месячных и было

откровенно скверное настроение. Я не понимала, что происходит между мной и Максом, но хотела видеть только его. В то же время эти девчонки оказались мне совершенно не интересны, и я не знала, зачем вообще с ними пошла…

Мы уже дошли до их отеля и зажгли свечки на торте, когда Вовка Карышев скинул мне цитату из самого популярного паблика-миллионника ВКонтакте со словами: «Зацени, в кои-то веки что-то дельное написали». Текст был такой:

«Самые страшные люди – это люди самостоятельные, нашедшие в себе целый мир и этим миром увлеченные. У них уже нет потребности в каком-либо обществе. Они легко отпускают. Вы можете быть очень важны таким людям, но они не станут терпеть несчастье. Они просто уйдут. Потому что люди со вселенной внутри ничего не потеряют. Не ждите, что они будут без вас страдать. Самодостаточность – это подарок судьбы и проклятие одновременно».

Я читала и думала: подождите. Но это же мои мысли… Я писала это еще в 2014-м, когда понимала, что мы вот-вот расстанемся с Антоном. Эта заметка заканчивалась фразой «… мне хорошо с тобой и без тебя. А станет с тобой плохо – я просто уйду». Пролистав свою ленту, я действительно нашла эти слова на своей стене. На ней стояло восемь сердец. Возвращаюсь в «Лепру» – тысячи репостов, десятки тысяч лайков… Не знаю, как объяснить свои чувства, но в тот момент мне казалось, будто кто-то зашел в мою комнатку в Балашихе, вынес из нее дорогую мне вещь и присвоил ее себе, пока я сидела на кровати со связанными руками и наблюдала за этим.

– Это мои слова!!! – пишу я Вове. – Как такое вообще может быть?

– Да ладно? Слушай, они по всему интернету… Ты в поиск вбей.

Я вбила первую строчку, и передо мной стали разворачиваться поля скопированного текста. Каждую секунду появлялись новые и новые сайты, на которых кто-то запостил мою цитату, причем не только ВКонтакте. Поисковая система нашла три страницы ссылок на сайты с моими словами. Тысячи людей – тупые пёзды в шубах с надутыми красными губами, расставившие ноги в кайенах; огромные качки в майках, едва прикрывающих соски, сфоткавшиеся в спортзале, выкладывали мои слова под своими фотографиями и выдавали мои мысли за свои. Кто-то писал, что так сказали Тимати или Бейонсе, но большинство – что так сказали они сами, и тогда народ ликовал, как здорово их друзья изъяснили свою мысль. И нигде, ни в одном посте среди тысяч не было моего имени. Я пожаловалась в техподдержку, но

оказалось, что любая выложенная в интернет мысль уже не является твоей собственностью. Я ничего не могла сделать. За окном было два дня до полнолуния, и меня уже начинало крыть. В то время я неадекватно сильно реагировала на полнолуния. Может, это оттого, что я так прилежно настроила свои локаторы на взаимодействие с миром и мои рецепторы были обострены. Черт его знает, как это объяснить, но сказать, что в полнолуние меня крыло, – это ничего не сказать. Девчонки совершенно не поняли моего негодования по поводу цитаты и, кажется, сочли меня за помешанную на себе дуру. Чтобы не разочаровывать их окончательно, я вышла поорать и порыдать на улицу и написала тому пацану на мопеде, чтобы он приехал и забрал меня отсюда. Тарас, так звали моего голубоглазого спасителя, был у двери отеля через десять минут, «як куля», с бутылкой красного вина за пазухой. Без лишних разговоров он надел на меня свой шлем, и мы унеслись к морскому порту.

Город уже спал. Мы тихо сидели на лавочке под бульканье собирающихся под яхтами волн и хохот рыбаков в прекрасном резонансе с жизнью. Бутылку мы в итоге, открывая, разбили, но не в ней была суть. Пока мы громко смеялись, пытаясь смастерить из «розочки» и другого осколка бокалы, я думала: все имеет смысл, пока в этом мире есть хотя бы один человек, который хочет выпить с тобой вина и посмотреть на звезды.

Той ночью случилось и другое событие. Мне написал один очень милый мальчик.

Федя:

Смотрю фотки такой крутой девчонки, а после вижу, что ты тоже из Балашихи. Так забавно:) Подписываюсь, чтобы и дальше палить интересные фотки и крутые истории!

Обычно я отвечаю людям, не смотря на их страницы вообще. После тысячного письма становится неважно, как выглядит человек, который тебе пишет. Но тут я почему-то зашла на его страницу. Он был очень красив и очень молод. Что-то в его чертах лица казалось мне родным и буквально манило.

Даша:

Сколько тебе лет?

Федя:

Ха-ха! 19!

Даша:

Охренеть! Представляешь, у нас семь лет разницы. СЕМЬ. Как это произошло…

Федя:

Ты родилась раньше.

Вот скажи мне…

Даша:
Недаром.
Федя:
Я не про спаленную Москву. Во сколько лет ты первый раз поехала путешествовать самостоятельно?

Мы перекинулись еще парой строк, и больше мы не переписывались. Но ты запомни этот момент, дружище, потому что мы к нему еще вернемся.

21

– Меня вчера один парень катал на своем мопеде. Он у него быстрее и больше твоего… – вот все, что требовалось написать, чтобы штаны Липатова очень быстро высохли, отутюжились и оказались рядом со мной. Он пригласил меня на пляж поиграть в волейбол, но я добралась туда к моменту, когда игра уже заканчивалась, и успела только, растерянно улыбнувшись, кивнуть его собирающим вещи друзьям.

Все ушли, и мы остались сидеть на пустом пляже, вкопав ноги в песок. Он продолжал выказывать мне знаки внимания все тем же школьным образом: перепевал песенки на гитаре, меняя текст под меня, кидал мне в ноги красивые камушки или прикладывал невзначай руку к моему горлу (он понял, что мне нравится, когда меня слегка придушивают, и теперь постоянно пытался вывести этим движением из колеи). А через несколько часов, в гостях у друзей, когда я лежала на диване, он изобразил, что споткнулся, и плюхнулся на меня со словами «ой, я упал». При этом, как только я реагировала и подступала к нему ближе, он сразу же отстранялся, будто бы чего-то боясь.

Вскоре к нам присоединилась Леля: она хотела снять со мной видео, что я, конечно, посчитала за честь. Я была в синем платье до пола из Сан-Франциско, с венком из розовых цветов в розовых волосах, с украденными в Тахо сережками в ушах, с амулетом с Венис-Бич и с десятком колец и браслетов, у каждого из которых была своя история. Я кружилась на пирсе босиком и смеялась, ветер играл с подолом моего платья, чайки летали над головой. А небо было мрачное, суровое, затянутое облаками. Оно будто бы символизировало покой перед бурей. Милая Леля снимала меня на свои глаза и камеру, я улыбалась ей в объектив так искренне, что, казалось, моя душа записывается на ее пленку, а Макс стоял вдалеке и наблюдал за мной.

Самые красивые моменты нашей жизни сложно объяснить – ты их просто чувствуешь. Я увижу отснятые на том пирсе кадры,

только когда одного из них уже не будет в живых.

22

Весь день мы провели с Тарасом и его другом, который устроил подпольную доставку суши в своем подвале. Он говорил с такой скоростью, что я с трудом могла что-то разобрать. Из его истории я уловила, что речь шла о сексуальной связи с девушкой. Рассказывая ее, он использовал слово «макались». Например, «мы с ней макаемся» или «а я уже такой помакался, мне похуй». У одесситов свой жаргон, о чем я каждый раз забывала, пока в их речи не всплывало какое-нибудь новое словечко. Суши-кухня ютилась в одном помещении с гаражом, где друг Тараса ремонтировал мотоциклы и скутеры, перевоплощаясь из повара в механика по три раза на дню и успевая по пути из одного угла в другой как следует «хапнуть»[107]. Все это происходило в подвале роскошного дома его родителей, увешанного медвежьими шкурами и рогами оленей. Не уверена, что они вообще знали, чем занимается их сын.

Я очень зазывала Максима поехать с нами, и весь день как преданный пес не могла найти себе места, все поджидая, когда же мы встретимся. По телефону я описала ему все прелести этого дома, сказала, что ребята бесплатно починят ему его старенький мопед, а он все мялся и мялся. Когда он наконец решился, я уже тусовалась в подвале, где не было связи, и только когда мы с Тарасом пошли спать на второй этаж, до меня дошли эсэмэски и пропущенные звонки Максима. Но было уже два ночи, и мне оставалось лишь кусать локти.

– И где ты спишь сегодня? – спросил он меня по телефону.

Мы лежали с Тарасом в одной постели, грея друг о друга ледяные ноги. Тарас был Рыбой по Зодиаку, ростом с меня, худощавым, с высоким голосом, таким же чувственным, как я, и очень добрым. Я в помине не рассматривала его как мужчину, мы были просто друзьями. Но Максим, конечно же, увидел ситуацию по-своему.

– В доме, куда тебя звала. Мы тут с Тарасом.

– Привет, Макс! – сказал Тарас в телефон между моим и его ухом. Они уже были знакомы.

– Что же ты раньше не приехал? – ласково переспросила я.

– Я был занят. Ко мне претензий нет. А ты спишь с другим мужиком?

– А потому что не хрен было меня игнорить!

Все наши попытки понять друг друга были достойны

уважения, но это были лишь попытки. Измученная непониманием с Максом, я сказала Тарасу:

– Пора завязывать. Не хочу, чтобы мое счастье зависело от другого человека.

– А от чего же оно тогда должно зависеть? Я бы не хотел так жить, постоянно контролируя свои эмоции.

– Но остальные же так делают.

– Я не знаю, как они так живут.

23

Заметка в дневнике:

23 мая 2016

Интересно, когда и как это все закончится? Максим называет меня инопланетянкой. Я смотрю на свои волосы в зеркало душа. Вода стекает по ним, окрашиваясь в розовый, малиновые струйки бегут по моему лицу. Ноги в розовой луже. Мне кажется, что это кровь. И правда же, инопланетянка. Что я вообще здесь делаю? Я вспоминаю Лилу из «Пятого Элемента». Как она плачет и говорит: «У вас одни войны. Ради чего здесь жить?» – и задаюсь тем же вопросом. Может, все-таки лучше вообще не быть? Я ношу в себе желание умереть как свой самый большой секрет. Мне как будто легче от того, что я еще не воспользовалась этой картой. Захотелось уже рассказать историю про Никиту. Значит, наверное, я ее уже пережила?

* * *

Накрывающий меня эмоциональный колпак уже почти закрылся. Я дописала историю о работе в подпольных клубах Голливуда и по традиции скинула ее на проверку и первое чтение Липатову. Невозможно написать хороший текст, не прожив его заново. Каждый раз, садясь за ноутбук, я забиралась в машину времени и отправлялась обратно – туда, куда не стоило летать. Прыжки в прошлое – опасное дело. Никогда не знаешь наверняка, удастся ли вернуться в настоящее. Наверное, потому половина писателей – отмороженные на голову люди.

– Ах, Максим, Максим, – говорю я по телефону. – Когда-нибудь я напишу тебе красивую историю, где не будет ни шлюх, ни наркотиков, ни левого секса и прочей грязи. Когда-нибудь. Но

не сейчас.

– Зачем мне такая скукотища?

– Макс. Кажется, у меня начинается депрессия… Давай встретимся?

– Дашуля. Я не привык столько гулять. Это не мой стиль! Я не могу так часто видеться. Я интроверт, мне нужно проводить хотя бы половину недели одному, в своей комнате, с компьютером и бутербродами.

И до меня дошло: я пытаюсь влезть в мир человека, притом что он меня туда не звал.

Все остальное, происходившее со мной дальше, звучит настолько неадекватно, что я даже не буду пытаться это объяснить. Алекситимия. Кажется, так называют сложность в описании, объяснении своих чувств другим людям.

В тот день я впервые с надеждой подумала, что отпустила внутри себя Демина. Кажется, креативщики сверху, услышав эту мысль, подавились чаем и в один голос сказали: «Да ладно?!» Я бессмысленно пялилась в монитор, когда его девушка – ее имя и фамилию я уже очень давно выучила наизусть – таки нашла мою страницу и принялась ее изучать. Я смотрела на эти всплывающие окошки «ей понравилась ваша запись» как на предупреждение о том, что в меня вот-вот полетят бомбы. Я вдруг поняла, что ничего не могу сделать, чтобы скрыть от нее свою жизнь. Добавлю в черный список – и она, конечно, поймет, что случилось, и расскажет Никите. Да и что ей будет мешать зайти с другой страницы? Как себя скрыть, когда у тебя тысячи подписчиков? Когда твои мысли растаскали во все углы? Впервые мне становится дурно от того, какое количество информации обо мне хранится в общем доступе! Да пошло оно все нахер! Я нажимаю на клавишу «удалить страницу», хватаю кошелек и пулей вылетаю из квартиры, направляясь в магазин. Кровь кипит. Покупаю бутылку розового сухого. С крышкой нет. Приходится вернуться домой за штопором. Забегаю обратно на последний этаж, откупориваю, беру бутылку в одну руку, гитару в другую и снова молча выхожу. Хозяйка квартиры курит на лестничной клетке, наблюдая за этой картиной.

– Даш, ты куда? Что случилось? – по ее голосу я поняла, что она догадалась, что со мной не все в порядке.

– В парк.

– Даша, это не полусладкое. Это сухое, – наверное, она намекала на процент алкоголя.

Я выхожу в пустой парк и уверенным шагом иду на ту часть газона с деревьями, где меня меньше всего будет видно. Давясь вином, я пытаюсь позвонить Нате – как последней инстанции,

которая может удержать меня в себе. Но она на раскопках в Тамани, где связи почти никогда нет. Рыдая, я пытаюсь петь песенку, которую выучила для Максима:

Научи меня всему тому, что умеешь ты,
Я хочу это знать и уметь.
Сделай так, чтобы сбылись все мои мечты,
Мне нельзя больше ждать, я могу умереть…
О, но это не любовь…

Я кидаю телефон и начинаю орать. Стонать. Выть. Я катаюсь по земле и кричу:

– Заберите меня. Это не моя планета. Не моя планета. Не моя планета. Заберите меня. Заберите меня.

Такого отчаянья я не испытывала никогда. Я словно чувствовала всю свою беспомощность, бессмысленность и бесполезность. И я была бы рада сказать тебе, мой друг, что это мое состояние закончится через недельку, но это не так. Оно будет длиться еще полгода. Смерть будет ходить со своим «пригласительным» за мной по пятам. И как только я буду забывать о ней, она снова и снова будет постукивать по моему плечу своим длинным когтем и морозить кожу ледяным дыханием.

Я рыдала несколько часов, пока вино, слезы и голос по очереди не закончились. Телефон давно сдох. Связки были посажены.

Было около двух ночи, город давно спал. У меня не было сил заталкивать гитару в чехол, и я плелась в сторону Базарной, 49, змейкой волоча по земле свой разноцветный боливийский чехол из шерсти альпаки, вся зареванная и в грязи. Я уже почти подошла к воротам, как вдруг увидела в темноте длинную фигуру. Она стояла не двигаясь. Ее голова затерялась где-то в кроне дерева. Я не на шутку перепугалась и встала таким же столбом на расстоянии нескольких метров. Макс стоял в своей красной дутой куртке с дырочками, прожженными искрами костра, которые он заклеил желтой тканью. Я по инерции стала пятиться назад и спряталась за кузов ближайшей машины.

– Даша…

Тишина. Он обошел машину и встал рядом.

– Дай гитару, – он потянулся, взял из моих рук инструмент и упаковал его в чехол. Я продолжала смотреть в сторону, чтобы он не видел, насколько опухло мое лицо. – Пойдем.

– Я не пойду домой.

– Хорошо, – он вытащил телефон и набрал кого-то. – Привет,

я забрал Дашу на море. Да, все в порядке. Пока.

Мы сели на скутер, я обняла его сзади, и он завел мотор. Мы уехали куда-то далеко – на пляж, который я еще не видела. Луна висела огромным прожектором над морской гладью. На обрыве стояли оставленные кем-то деревянные домики, покосившиеся от времени. Море, будто покоренное луной, затихло.

– Что случилось? – спокойно спросил он меня, когда мы нашли наиболее подходящее место, где можно было сесть.

– Ты не поймешь.

– Скажи мне.

– Я хочу домой.

– «Домой» – домой или «домой» по Вырыпаеву[108]?

– Домой по Вырыпаеву.

Он замолчал. Я заиграла старую шарманку про то, что все здесь – декорации, про то, что мы лишь пешки… Про то, что это не дом, а лишь игровая площадка, и как это все очевидно. Что я бы вышла и закончила это все, но только ведь на этом ни хрена не закончится. Я выпалила ему все одной сплошной скороговоркой, не рассчитывая на то, что он поймет. Но, к моему удивлению, он понял. Он даже не то чтобы просто «понял». По его выражению лица стало ясно, что я попала в яблочко – он думал о том же самом. И скажи я это как-то по-другому, он нашел бы вариант меня успокоить. Но я произносила вслух ровно то, что жило и в его голове. Я говорила правду. И он кивнул с таким лицом, как кивал бы отец, предоставь ему ребенок все доказательства того, что Деда Мороза не существует. Отец, который и хотел бы разубедить, да не осталось аргументов. Мы помолчали несколько минут, а затем он сказал:

– У тебя есть способность хорошо переводить свои чувства в слова. И то, что их копируют, значит, что они нашли отклик в других. Ты должна радоваться. Не многие так умеют.

Я уставилась на волны, понимая, что он прав.

– Хочешь, я тебе песенку сыграю? Ты ее хорошо знаешь, но я тебя сразу предупрежу, что сыграю ее в своем стиле.

Он начал петь:

– Мое море, прошу тебя, не выплюни меня на берег Во время очередной бури твоих истерик…

Он пел ее в регги-стиле, действительно совершенно по-своему. Но меня это только радовало. Я навсегда запомню этот день как день, когда не ждала помощи, а она пришла. Допев песню, он прислонился плечом к моему плечу, и я улыбнулась. Самые красивые моменты нашей жизни сложно объяснить – ты их просто чувствуешь. Мне тогда было так красиво и так болезненно одновременно. Мы оба были в глубинном внутреннем отчаянье,

которое могли заметить только такие же, как мы, с пропастью внутри. Мы слишком сильно чувствовали жизнь, а она не отставала со своими сюрпризами.

– Слушай, а где мы будем ночевать?

– У меня.

24

Светало, а мы только добрались до его дома. Макс затащил мопед прямо в коридор своей квартиры, и мы на цыпочках прошмыгнули в его комнату мимо гостиной и спальни родителей. Комната была очень в его стиле. Рабочее место с компьютером, несколько сундуков с вещами, доска с планами на месяц и пара фотографий на стене. Среди них была Нина, та девочка, что была с нами на даче. Интересно. Мне он говорил, что это была просто короткая интрижка, которая ничего для него не значила. К одной из стен была прибита довольно стремная железная конструкция из полок и крючков, на ней висел огромный чемодан с приделанными лямками и спинкой от рюкзака. Сам чемодан был старинным, полностью сделанным из дерева. Внутри он был надежно обклеен картой, снаружи – покрашен синей краской и покрыт лаком. Сказать, что эта конструкция не была лучшим вариантом для экономии веса – существенного момента в жизни любого походника, – ничего не сказать. Чемодан весил килограммов шесть и мало что в себя при этом вмещал. Но Макс был тем еще минималистом: одна футболка, одна флиска, пару носков, и все схвачено.

Спал он на полу прямо под висящим над головой чемоданом, на походном коврике и в спальнике. Для меня он раздобыл где-то в просторах сундука небольшой плед.

Мы долго обжимались и целовались, но, когда я уже была готова разорвать его на части, он снова пошел на попятную. После десятого вопроса «почему?!» он выдал фразу:

– Иисус мне сказал с тобой не спать.

Я так и не поняла, шутил он или нет.

Утро мы встретили за бутербродами, кофе, компьютером и спором:

– Восстанавливай страницу.

– Нет.

– Будь хорошей девочкой. Люди беспокоятся. Восстанавливай страницу.

– Нет.

– Так я что, зря тебя спасал?

В этот момент в комнату зашел его маленький брат. Он хотел со мной познакомиться. Стал приносить свои игрушки и рассказывать истории из школы.

– Скажи, а часто Максим приводит сюда девушек? – спросила я кокетливо.

Он посмотрел сначала на брата, затем опять на меня.

– Нет.

Я рассмеялась.

– Вот это я понимаю, брат за брата.

Когда Макс вышел, я переспросила снова:

– А если честно?

– Я никогда не видел у нас дома девушек…

Вскоре мы собрались и вышли. Проходя мимо гостиной, я мельком успела увидеть его маму. Она стояла посреди комнаты, заставленной каким-то огромным количеством вещей, в платке на голове и в юбке до пола. Вид у нее был измученный и несчастный.

На полпути до центра мы остановились на обочине. Я сидела у него на коленках. Мы целовались.

– Я просто не хочу, чтобы ты начала считать меня мудаком…

– Почему я должна начать считать тебя мудаком?

– Ну, все же считают. Что, если я не дам тебе того, что ты хочешь?

Мы вернулись в центр и встретились с общими друзьями. Макс моментально закрылся и придумал, что ему куда-то пора.

«Гребаный интроверт, – подумала я. – С меня хватит. Надо мотать обратно в дружбу».

25–27

Я продолжала писать и развлекать себя портретами людей. Иногда люди в «Порту», моем любимом винном баре, узнавали меня и дарили все новые порции домашнего красного в граненых стаканах, а одна девушка отдала даже ручку «Паркер». Я не стала говорить, что не умею писать шариковыми.

За клубничным вином я не заметила, как прошел день. Из книжного запоя меня разбудила Леля. В присущем ей стиле она плюхнулась рядом, поставив левую ногу на лавку, оглядела пространство и принялась крутить нам сигареты. За язычком красного кеда я заметила тату. По ее ступне плыл кит с домиком, деревом и маяком на спине. Это было гениально красиво, и я сразу пожалела, что у меня нет такого же.

– Он что-то означает?

– «Плавая по миру, возвращайся домой».

– А почему кит?

– Киты – невероятные млекопитающие, единые в своем роде. Они вымирают, ты знаешь? Представляешь, возможно, когда-то мы будем рассказывать своим внукам, что были такие славные ребята, но вымерли, и это произошло в наше время. Удивительно, да?

В этот момент к нам подошел не самый приятный молодой человек и стал активно пытаться познакомиться.

– Как вас зовут, девушка? – обратился он к Леле.

Она оглядела его, как помещение несколько минут назад, и ответила:

– Анжелика.

– Анжелика! Как приятно!

– Мне тоже! Но, вы знаете, нам пора, – ответила она, и после еще нескольких неловких вопросов мы с извинениями поспешили исчезнуть в темноте.

– Анжелика? – переспросила я, улыбаясь.

– Я часто представляюсь Анжеликой перед людьми, которые мне неинтересны с первой секунды, и это очевидно. Если я представляюсь не своим именем, дальше мне проще лукавить или врать, вести себя не так, как вела бы себя Леля. Я будто другой человек в эти моменты. И, конечно, Анжелика более дерзкая, чем я, и она может быть кем угодно. Врачом, продавцом, актрисой, бездельницей. И если я, например, стоплю и водитель в какой-то момент просит номер моего телефона, а потом спрашивает мое имя, я представляюсь как Анжелика, потому что, если он мне позвонит и скажет: «Анжелика, привет», – будет сразу ясно, что я занята, в другом городе и вообще мы не можем встретиться или что-то такое. Я это делаю, потому что не хочу обижать людей. Они не виноваты, что неинтересны мне, и мне кажется, честнее врать им об имени, чем прямо говорить, мол, чувак, это наша последняя встреча, ты мне не нравишься.

– Милая Лёля, ты прекрасна…

– Руса-а-лка… – ответила она. – Красота в глазах смотрящего.

Вечер превратился в ночь, и мы перешли из «Порта» в подпольный бар «Шкаф», где к нам присоединились Тарас и его друг. Бар гремел от живой музыки и был переполнен молодыми и пьяными одесситами. Мы разместились рядом с книжным шкафом и ждали официанта, когда мне позвонила Ната. Ее музыкант бросил ее по телефону. Она стояла в единственном месте глухой деревни, где была связь, и под лай собак, заикаясь, без эмоций повторяла мне его слова, будто надеясь, что я могу разгадать этот шифр под названием «мужская логика». Она старалась не плакать, но я будто видела ту пропасть, над которой

она опять стояла. Когда твоей подруге разбивают сердце, худшее заключается в том, что ты не можешь восполнить потерянную любовь своими чувствами. Это как сыпать в человека не те таблетки. Ты вроде попытался, но лучше пациенту от этого не стало.

Я долго ходила по улице, думая о бессмысленности создания планов, и вернулась, когда ребята вытащили из шкафа книгу и стали гадать. После двух довольно странных ответов я спросила: «Вы меня хоть слышите?»

Тарас долистал до загаданной страницы, отсчитал пальцем строчки и произнес: «Его глаза, не мигая, в упор смотрели на нее».

28–30

Мы с Максимом продолжали нашу странную связь. После той истории с Иисусом в следующий раз мы встретились в «Молодости». Он приехал, сел рядом, достал телефон и сказал:

– Я буду замерять по 30 секунд. И мы будем с тобой говорить по очереди.

– Что говорить? – переспросила я.

– Что хочешь сказать, то и говори. Можешь 30 секунд молчать. Смысл в том, что это твои 30 секунд и я не могу тебя перебивать, как и ты меня.

– Хорошо.

Такие разговоры действительно помогли, и появляющаяся между нами пропасть снова стала срастаться. Позже он рассказал, что провел прошлый день с другой девочкой. Она повязала ему на руке фенечку, сплетенную специально для него.

– Видать, любит тебя девочка, раз такую фенечку красивую сплела…

– Ты так думаешь?! Боже, это же, наверное, так! – сказал он и спустя несколько секунд вдруг начал ее рвать. Порвать полностью не получилось, и вот он уже в состоянии паники трет фенечку о бетон на полу. А что ты знаешь о боязни обязательств и привязанности?

В ту ночь мы ночевали в отеле, пытаясь побыть наедине, но и тут нас узнали. Это уже становилось нелепо.

– Привет, я Костя! Я здесь менеджер.

– Привет, Костя, я Даша, – ответила ему я, направляясь из ванной в комнату, где прятались мы с Максимом.

Нам не хотелось распространять сплетни.

– Откуда приехала, Даша? – поинтересовался он как бы

невзначай. – Из Балашихи?

* * *

Мы занимались любовью до утра, но, наверное, это был самый странный и муторный секс в моей жизни. Да и сексом это сложно назвать – Макс уломал меня полночи делать ему минет. Я буквально стерла рот. В остальное время он изучал меня, как в лаборатории. Не буду вдаваться в подробности, уж слишком не по себе такое описывать… В завершение всего он опять превратился из ловеласа в ребенка. Он снова меня стеснялся, прятался под одеялом, хихикал, а затем свернулся в калачик, лег на мою грудь и попытался сосать ее, как ребенок. Я растерялась. На мне лежал двухметровый мальчик и, закрыв глаза, причмокивал от удовольствия, будто ждал, что в его рот сейчас потечет молоко.

С утра нас попросили разыграть в постели целую сценку для фото на рекламу, но Липатов отказался, и отдуваться пришлось мне.

На следующий день Макс снова стал взрослым и расставил все точки над «і». Мы под дождем сидели на старой лавочке на Дерибасовской. Люди разбежались, а мы так и остались сидеть одни. Он передал мне один наушник и поставил стихи Веры Полозковой. Чтобы она все сказала за него. «И в лесу, у цыгана с узким кольцом в носу, я тебя от времени не спасу, мы его там встретим», «Когда меркнет свет и приходит край, тебе нужен муж, а не мальчик Кай…»». Я все поняла и заплакала. Максим пытался донести мне, он «не той кто мені потрібен».

Еще утром того дня я увидела, какую девочку он подобрал на первый заезд «Дома на дереве». Высокая, стройная, с экзотическими татуировками, пирсингом и белыми волосами до самой задницы. «С шилом в попе, с ветром в голове»[109]. Она выглядела как модель, при этом была походницей, писала стихи и вела свой блог. Как ты понимаешь, я моментально ее возненавидела.

Когда я сказала, что знаю, зачем Максим ее берет, он не стал ничего отрицать. Макс считал себя полиамором и никогда не клялся в верности ни одной из девочек. Тут не на что было обижаться, ведь он этого не скрывал. Я худо-бедно приняла такой расклад и все же решила, что морально не вытяну смотреть, как он клеит эту девочку на моих глазах, поэтому сказала, что поеду во второй заезд, когда в составе будет больше людей, а не два женатых мужика, Макс и эта девка. Мы оба сошлись на том, что так будет лучше.

31

«Пожалуйста, не танцуйте» – вот что гласит неоновая надпись в «Тихом» баре на Греческой улице. Бар этот находится на втором этаже, и поговаривают, что старая перегородка между двумя этажами вот-вот обвалится. Но все, конечно, все равно танцуют. Просто как в последний раз.

* * *

Заметка в дневнике:

31 мая 2016

Я запомнила ту ночь. Мне хотелось записать всю твою речь, все твои слова и переслушивать их по кругу. Но они словно смылись из памяти, как только мы вышли из бара. Одна волна – и в голове пустота. Я не знаю, почему так выходит со всеми твоими словами. Я просто не могу донести их до печатного вида. Но о той ночи я точно помню две вещи: 1. Я поделилась с тобой своим самым сокровенным от начала до конца, потому что знала, что буду услышана. Я не чувствовала этого много лет. 2. Я держалась за дырки на твоих джинсах, чтобы ты не исчезла. Ты жизнь, Леля. Ты вся жизнь сразу. И в отличие от реальности, в которой мы застряли, тебя мне всегда мало. Я не хочу тобой делиться, потому что эта планета никогда не оценит по достоинству девушек, которые плачут, когда бездомный кидает им две гривны в гитарный чехол. Они сдохнут со всеми своими ролексами и накаченными губами, Лёля, а ты никогда не умрешь.

1 июня

Вскоре мы вышли прогуляться. На город легла ночь, пробило двенадцать. Максим как обычно отсиживался дома за бутербродами, и, несмотря на все, мне было довольно грустно, что мы не проводим последний вечер мая вместе. К нам подтянулись Вовка Карышев, парочка неизвестных и не то чтобы интересных парней и очень примечательный мужчина по имени Леша Кувалинни. Вова представил мне его несколько дней назад. Мы завтракали в кафе, и Леша должен был вот-вот подъехать, чтобы обсудить с Вовой какие-то дела.

– Офигенный чувак. Может, тебе замутить с ним? – как бы невзначай сказал Вовка.

– Да не надо мне ни с кем мутить, – буркнула я в ответ. – Мне просто нужны понимание, секс и близость. А отношения мне не нужны…

В кожаной куртке, с черным шлемом в руках, с длинными прядями, прикрывающими черные глаза, в которых будто пряталась сама бездна, он создавал впечатление таинственного незнакомца. Когда он снял куртку, я заметила, что руки его были покрыты не менее загадочными, чем он сам, татуировками. Леша разговаривал тихо, спокойно и монотонно. В его жизни были две страсти: гитары и женщины. Сложно сказать, кого он любил больше, но и тех, и других у него было сполна.

Мы не то чтобы успели с ним глубоко пообщаться. Я ковыряла ложкой пенку от кофе и думала о своем, пока они решали все дела. И вот ровно в полночь мы встретились вновь у Оперного театра. Мы собирались подняться на его крышу. Если ты видел когда-то Оперный, то можешь представить, что крыша у него должна быть довольно интересной. Забраться на нее можно было весьма необычным способом. На боковой стене театра была вертикальная лестница, и начиналась она на высоте пяти метров. Нужно было вскарабкаться по стене, перехватиться руками за лестницу и, повиснув на ней, закинуть одну ногу на выступ в стене, находящийся на том же уровне, что сама лестница, и подтянуть себя. Леля отказалась лезть и сказала, что это плохая идея. Я тоже понимала, что идея так себе, что риск свалиться большой, но у меня было какое-то четкое ощущение, что мне это нужно.

Внутри меня который месяц жило чувство, будто я медленно падаю в пропасть. Самый быстрый способ избавиться от моральной боли – это испытать физическую. Именно по этой причине на моих ушах было шесть дырок, которые я сделала сама. Именно потому я проколола язык, когда впервые рассталась с парнем, да и тату я набивала только тогда, когда хотела перенести внимание на что-то физическое и вылезти из омута мыслей и чувств.

Первыми полезли Вова и его приятели. Дальше шла я. С Лешиной помощью мне удалось докарабкаться по стене до лестницы и схватиться за нее руками. Теперь я висела на высоте пяти метров, и пути обратно не было. Я стала пытаться забросить ногу, но джинсы не давали мне достаточно развести ноги, и вместо того, чтобы зацепиться ногой за выступ в стене и подтянуться, я такими телодвижениями только сильнее себя раскачивала. Пришел долгожданный животный страх, который,

как я и думала, моментально смел все остальное, что творилось в душе. Вот сейчас-то я и наебнусь. Лешка пообещал меня страховать, но, уже повиснув на этой лестнице, я поняла, что он никак не поймает меня с такого расстояния. Руки устали, паника брала свое, я сделала последнюю попытку закинуть ногу, качнулась, пальцы разжались, и я полетела вниз. О, этот момент свободного полета, когда успеваешь понять, что тебе пиздец.

Я глухо ударилась спиной о бетонную плитку, чудом не пробив себе голову, но задев солнечное сплетение, и сразу начала задыхаться. Из меня выходили ужасные, не похожие на звук человеческого голоса стоны. Леля подбегает с криками, Леша держит мою голову, повторяет: «Тихо, тихо…» Я вспоминаю уроки ОБЖ и понимаю, что он делает это на случай сломанной шеи или спины… Первый глоток воздуха, когда его наконец удается сделать минуты две спустя, кажется самым сладким. Я сворачиваюсь в клубок, пытаясь отдышаться. Где-то в ходе полета я успела распороть себе руку. Теперь на ней красовалась красная линия в форме серпа. И все-таки цель была достигнута. Теперь мне было больно не только внутри, и оттого почему-то стало лучше. Леша, как только понял, что я буду жить, исчез в поисках аптеки и, вернувшись, перебинтовал мне руку. Я мало что понимала, но идти могла с трудом. Леля не могла поверить, что я осталась жива, и продолжала сходить с ума. Леша же посчитал мое падение своей виной и настоял на том, чтобы отвезти меня к себе на байке и убедиться, что я в порядке. Я согласилась.

Находясь у него дома, я зашла в ванную, обнаружила на заднице синяк, по форме и размеру похожий на Южную Америку, и засмеялась. Леша делил квартиру со своим другом. Его комната больше походила на музыкальную студию. Половина пространства была заставлена инструментами и оборудованием, а подоконник отведен под винил; во всем остальном присутствовал полный минимализм. Коллекция винила была воистину эпичной. На его полках жила компания из потрясающих людей – от Фрэнка Синатры до Эми Уайнхаус. Леша умудрялся находить пластинки первого пресса, то есть вышедшие первым тиражом.

– Тут дело не в качестве звука, – объяснял он. – Иногда переиздания звучат лучше, но чертовски приятно иметь пластинку Led Zeppelin, которую слушали уже в 69-м году.

Я, как старая хиппарка, готова была целовать эти старые, потрепанные временем диски, словно иконостас.

В углу комнаты красовалось одиннадцать электрогитар. Вместе взятые, они стоили, наверное, столько же, сколько вся эта квартира. Заработав на довольно необычном и не совсем

легальном бизнесе, Леша смог прожить еще несколько лет, не отказывая себе в слабостях.

– Расскажи мне про свои гитары… – попросила я, уставившись на его сокровища. Я знала, что каждая из них для него как девушка – со своей историей и причиной, почему он влюбился.

– Вот эта, – он достал бежевую гитару с леопардовыми вставками и старым кожаным ремешком. – Именной телекастер Принца, японская компания H. S. Anderson сделала его личную модель. Я мечтал лет десять о ней. В день его смерти я был так опустошен, что начал гуглить эту гитару, увидел объявление в Москве и, не думая, сразу же купил. А вот эту сделал протестантский священник Drew Walsh, он реально в своей церквушке во Флориде освещает каждую гитару, сам мне рассказывал. Это гитара фирмы Manson, компании чувака, который делает все инструменты для Мэттью Беллами из Muse. У нее еще есть штука, которая сама заставляет ее петь, sustainer называется. Можно просто слушать, как она тихо подвывает… Корпус этой сделан из ящика из-под кока-колы, а вот этой резонаторной сучки – из бронзы… Но самая ценная для меня вот эта… – он достал белый телекастер. – Назвал ее Марла за то, что она приехала ко мне вся прокуренная. Реально, после нее руки нужно было мыть с мылом, чтобы запах сбить. Наверное, моя самая большая гитарная удача, купил ее баксов за 600 на каком-то гаражном аукционе со всяким хламом вроде фарфоровых сервизов, но звучит она на миллион. Никогда не знаешь, где встретишь ту самую…

Как будто задумавшись, он начал играть невероятную музыку собственного сочинения, и я растворилась в ней, как Алиса в пузырьке с лекарством. В его глазах была какая-то странная, глубинная тоска. Он как будто все знал. А люди, которые знают все, обычно не выглядят блаженными. И все же жизнь очаровывала его. Он будто бы смирился с ее строптивым характером, острым чувством юмора и научился ценить ее такой, какая она есть, несмотря на то что порой та знатно трепала ему нервы.

* * *

Мы разговаривали полночи, в ходе чего я узнала, что когда-то Леша был оператором и снял несколько хорошо известных мне клипов, когда-то у него была музыкальная группа, когда-то была жена, а когда-то был план «отъехать» в Непале.

– «Отъехать»?

– Ага. Я хотел доехать до самого высокого горного перевала на мотоцикле и съехать оттуда с обрыва. За год до этого меня бросила жена и съебалась к своему тренеру по бегу. Все как в гребаной трагикомедии… Полгода я провёл в депрессии, когда мне каждый день снилось, что я убиваю этого чувака, а наутро просыпался и не мог понять, сделал я это или нет. Потом была череда блядства, и появилась барышня, с которой я даже не хотел отношений, но как-то она умудрилась меня в них вписать. Баба была ебанутая и ревнивая и доела мне последние нервные клетки. До этого момента я пару лет жил путешествием-мечтой – из Индии в Непал через Ладакх, самый высокий горный перевал в мире, на энфилде. На ебаном эн-фил-де, который мне снился в перерывах между картинками блядства жены и того, как я ушатываю ее любовника. И тогда я как раз подумал, что было бы заебись именно на той дороге, на самой высокой точке, куда может заехать мой байк, и отъехать. Уже в Покхаре я нашел охуенный почти новый энфилд за какие-то 700 баксов и в тот же день потерял все документы и кредитные карты. Буквально все – права, загранпаспорт, доки от байка, карточки, даже зарядку от макбука. В полиции Покхары мне выдали небольшую справку, на которой было написано, что ее владелец может водить любой вид транспорта, с подписью главного начальника и штампиком с Гималаями. Таким в начальной школе оценки ставили – клубнички там, бананчики… В Индию я уже не мог попасть из-за отсутствия паспорта, но, к счастью, в Непале много очень высоких дорог… Я почти осуществил свой план, когда мне вдруг написал старый друг, с которым я познакомился в самолете в Сан-Франциско. Мы с ним тогда очень сильно законнектились и потом встретились лишь раз, когда я в Питер переехал с бывшей будущей женой. Мы с ним курили траву и гнали по Невскому. Чувак мне написал с очень странной просьбой, мол, в Непале появилось лекарство от гепатита С, которое нужно его матери, она болела им больше 20 лет. На тот момент она могла умереть, и я пообещал ему найти лекарство. В интернете я узнал про крупнейший центр по лечению гепатита и погнал. Уже в Катманду я распечатал сфотошопленные рецепты, какие-то советские, стремные. Думаю, они все равно ни хуя не поймут, главное штампики – и прокатило. Мне вынесли три коробочки с лекарством – тогда у меня создалось ощущение, что они сияли. Там была куча народу – все обступили меня, смотрели на это лекарство и охуевали, что вот оно – то, чего люди ждали десятилетиями.

– Почему люди так реагировали?

– Потому что в то время, когда меня друг попросил найти это лекарство, были только слухи, что его начали выпускать в Индии и что первые поставки будут в Непал. Никто не был уверен, что оно вообще существует, и фактически никто не видел его. И я был чуваком, который получил первые коробки препаратов. Буквально. Это лекарство предназначалось по индийской госпрограмме Непалу, тупо бесплатно людям должны были выдавать. Я подошел к главврачу и предложил ему вести бизнес – говорю, нахуй рецепты, давай приоритет по всему лекарству мне, я буду платить. И он согласился. Я тогда за пару дней склепал сайт, занял официальное доменное имя и начал принимать заказы, ведь на всей планете не только мама моего приятеля была больна. И, представляешь, люди мне в Непал отправляли переводы Western Union, не видя меня, не зная меня, просто надеясь получить это лекарство, – никогда раньше я не поверил бы в то, что так в принципе может быть. Когда лекарство уже было у меня в руках, я догнал, что теперь не могу не вернуться. Вот такая уловка судьбы. Но и на этом она не только не закончила, но и, видать, решила перестраховаться… Через несколько дней случилось землетрясение – было реально очень, очень страшно ощущать, что земля уплывает из-под ног, словно ты стоишь на каком-то гигантском животном, и оно начинает кашлять. Половина Катманду была разрушена, и как-то само собой так вышло, что я попал в гуманитарную экспедицию.

– Как? Через кого?

– Друзья-непальцы в месте, где я жил, сразу после землетрясения организовали центр помощи. Они начали принимать пожертвования, закупать продукты, формировать продуктовые пакеты и потом уже развозить их по деревням. С Непалом проблема в том, что там кастовая система, и это сильно мешало работе. Мы всегда помогали низшим кастам, потому что если бы решили помочь средним, то низшие отказались бы принимать помощь. Также все деревни там специализируются на каких-то конкретных работах. Редко когда деревня сама себя обеспечивает. Есть те, которые изготавливают одежду, обувь, а есть те, которые выращивают только рис. И потом обменивают свои результаты труда на что-то нужное. И землетрясение помешало этому процессу. Рис еще не взошел, обувь никому не нужна и так далее. Мы начали готовить убежища, разбивать лагеря, возводить искусственные укрепления. Я разработал проект: мы привозили в отдаленные деревни материалы, обучали всех и строили вместе с жителями опытный образец, а потом оставляли материалы, чтобы они сами продолжали работу.

Доставляли продукты, лекарства от холеры, ну, и самые

необходимые средства… Самое большое опасение было, что из-за количества трупов (а погибло, по неофициальным данным, около 20 тысяч человек) будут заражены источники воды. Начинался сезон дождей, и те, кто выжил, могли погибнуть из-за простуды. Каждая такая доставка обеспечивала помощью порядка 600–1200 человек в зависимости от региона. Потом я познакомился с прекрасной русско-украинской командой, с которой тоже начал сотрудничать. Меня тогда очень восхитили эти ребята, которые вместо того, чтобы свалить домой, как делали большинство, остались и начали помогать. Эти ребята с друзьями и теми, кто присылал средства, помогли выжить нескольким десяткам тысяч человек просто потому, что они не могут иначе. У нас была охуенная команда, и нас объединяло такое ощущение свободы, которого я больше не испытывал. У меня не было документов, кредиток, но были энфилд, новые друзья и две миссии, которые вытягивали меня с того эмоционального дна, в котором я очутился… Когда не можешь разобраться в собственной судьбе, помоги разобраться в чужой. Иногда только это и спасает… Послушаем винил?

– Послушаем…

Он прошел в конец едва освещенной комнаты, свойственным ему медленным движением достал диск из упаковки и положил на проигрыватель. Поднося к нему иглу, он будто приглашал исполнителей к нам в гости. Сначала «Морфин», затем «Черную звезду» Дэвида Боуи. И наконец он поставил тот самый диск «Led Zeppelin» 69-го года выпуска. Соло моей любимой песни «Baby i'm gonna leave you» прорезало пространство. Я села на пол прямо перед колонками, закрыла глаза и оказалась в звукозаписывающей студии Лондона в октябре 68-го. Я будто сидела за этим стеклом в наушниках. Я слышала каждый звук, каждую струну и удар барабанной палочки. И музыка лечила меня… Лечила покруче любой зеленки и антидепрессантов… Мне не хотелось подпевать… Плант кричал в мою душу, кричал за меня. Технологии могут совершенствоваться сколько угодно… Но ничто никогда не переплюнет винил.

Спустя полтора года, когда я буду восстанавливать события этой ночи, Леша скажет мне: «Я тогда отчетливо почувствовал твою израненность, которую раньше не встречал ни в ком, кроме себя. Я как-то прочитал в книге друга-психотерапевта, что духовные травмы не пропадают, как и шрамы, но их можно сделать менее заметными. Вот тогда они у тебя были очень видны, и я хотел помочь».

Как любой уважающий себя мужчина, Леша, конечно, проявил инициативу закончить ночь не на одном виниле, но меня

не тянуло к нему в этом плане, несмотря на то, что я восхищалась им как мужчиной. Засыпая, я думала: удивительно, как музыка соединяет иногда людей. А еще я думала об этой глобальной несправедливости и всей гнили людского нутра: Лёша был тем самым парнем, о котором с детства мечтает каждая девушка, но почему-то в итоге выбирает мудаков.

Утром мы сели на его шикарный мотоцикл и приехали в «Хаб». Макс названивал мне ночью, но я увидела его звонки только утром. Леша посадил меня работать рядом с собой, угостил огромной тарелкой фруктов и латте. Мы мило общались, когда приехал Максим. Я навсегда запомню его лицо: он стоял за стеклянной дверью со шлемом под мышкой и смотрел на меня с таким видом, как будто я только что спалила его хату. Он поманил меня движением руки за дверь. Я вышла.

– Ты что, ночевала у него? – тихо спросил он.

– Какая разница? – ответила я с улыбкой.

– Нет, ответь.

– Подожди, Макс. Давай разберемся. Я правильно понимаю, что тебе можно спать с другими женщинами, а мне с другими мужчинами нельзя? Такая у тебя политика?

– Я же тебе не вру, а ты мне не сказала, что ночуешь у другого мужика.

– А должна была?

– Должна была взять трубку… У вас с ним что-то было?

Я молчала и улыбалась.

– Было или нет?!

Я тихо ликовала. Макс впервые выглядел таким беспомощным, для меня это было ново и приятно, особенно после всех тех раз, когда он заигрывал при мне с другими девчонками. Почувствовав свою власть, я решила добить его в качестве профилактики за ту девочку, с которой он уходит в первый заезд. Я прижала его к стене и поцеловала взасос. Сейчас он целовался совсем по-другому, более страстно, поддавшись мне. Отстранившись, я прищурилась и, как бы задумавшись, сказала:

– Ну, целуешься ты лучше его…

Макс побелел.

– Ах ты, су-у-ука… Это там его мотоцикл припаркован?

– Ага.

Вот тут я точно разбила его сердце. В этот момент Леша вышел покурить и самым галантным образом заговорил с Максом, искренне восхищаясь его проектами и тем самым обезоруживая его. Придраться было не к чему.

На том мы с Липатовым и разошлись. В этот же вечер он уехал в Ивано-Франковск, а мы с Лелей отправлялись в Киев на

концерт «Mujuice». Оттуда я по плану должна была ехать во Львов и готовиться там к заезду в «Дом на дереве».

Закончился яркий май, а вместе с ним и мое пребывание в Одессе. Из любого города нужно уезжать тогда, когда еще хочется в нем остаться. Мы бежали на поезд с вещами и еле успели заскочить. Играла песня Леонида Утесова. Любимый город у моря прощался со мной. Я прижималась ладонями к грязному окошку в тамбуре и смотрела, как Леша и Тарас едут за поездом на байках по платформе и машут на прощание руками. Они ехали рядом с моим вагоном, пока платформа не оборвалась – тогда им пришлось резко остановиться… Образ моих «рыцарей», исчезающих вместе с платформой, остался в памяти навеки.

Я вернулась в вагон и положила голову Леле на плечо. Что-то ждало нас впереди; мы и понятия не имели, что именно…

Но наш поезд уже ехал в лето.

Глава 4
«Дом на дереве и жизнь в лесу»

1

– Вселенная должна спасти себя, и все должно объединяться, чтобы сделать это.

– Что?! – переспрашиваю я мальчика ростом с фонарный столб.

Мы стоим на главной площади Львова рядом со входом в бар с самой дешевой выпивкой. Он держит в руках гитару, постоянно маневрируя грифом между шныряющими в бар за новой дозой алкоголя подростками.

– Понимаешь, – продолжает он кричать мне в ухо. – Мы должны все делать красиво! Настолько красиво, чтобы изменить мир!

Уже неделю я зависала во Львове и незнакомцах, пытаясь найти вдохновение, связь с космосом и смысл жизни, который совсем куда-то запропастился, хотя вроде только недавно еще был здесь. За это время я успела начать молиться, употребить прилично наркотиков, подцепить под экстази какого-то высокого и накачанного красавчика и даже проснуться в его постели.

Тем временем Макс завершил первый заезд «Дома на дереве» и возвращался во Львов, чтобы перекантоваться перед следующим заездом. Я, конечно же, успела пальнуть, что он таки замутил с той девочкой, и, более того, узнала, что на второй заезд она тоже едет с нами. Мыльной оперы не удалось избежать. Мы выходили из дома с новой подругой, когда он позвонил и попросил вписать его с Настей в квартиру, где вписываюсь я. От такой наглости я ошалела:

– Ты уезжал, трахая мне мозги тем, что я ночевала у другого парня, а теперь сам меня просишь, чтобы я вписала тебя с другой девушкой ко мне в комнату, чтобы слушать, как вы жаритесь? Ты что, прикалываешься?!

Он, конечно же, начал твердить, что он свободный мужчина и ни хрена мне не должен.

Так мы впервые повздорили. Не то чтобы я умирала от неразделенной любви к Липатову, и все же я любила его как человека, и сама эта просьба казалась мне неуважительной. Вечером мы снова созвонились и долго разговаривали по телефону, пытаясь понять друг друга, и в конце концов так оно и

вышло. Он извинился за то, что не подумал о моих чувствах, а я приняла ситуацию и постепенно отправила его в своей голове в окончательную френд-зону. Макс так и остался единственным парнем в моей жизни, с которым после всяких «муток» я стала близко дружить. Девчонка его в итоге сама куда-то пропала и не приехала во Львов, а мы еще с парой парней поселились в самом центре – в квартире у пацана, на полке у которого была книга Ромы Свечникова, что само по себе означало, что он свой.

Шел последний день подготовки. Рано утром мы должны были выезжать в Ивано-Франковск, ближайший город к месту, где в Карпатах прятался наш Дом. Была поздняя ночь, когда парни приперлись домой с картонной коробкой в диком угаре. Наш пьяный врач из Одессы, Юра, пузатый мужчина, похожий повадками на Карлсона, «в самом расцвете сил», изрядно перебрав дешевого коньяка, купил себе в качестве львовского сувенира огромный крест и… двенадцать цыплят.

– Вы что, с ума сошли?! – включила я рациональность. – Куда мы их денем?

– Разведем у дома ферму, – уверенно ответил Липатов, хихикая.

– В горах?!

– Ну да.

– Да они же помрут!

– Ну почему помрут? Природа, свежий воздух…

С утра парни протрезвели и опомнились, только вот цыплята вместе с алкоголем не выветрились, а пристраивать их куда-то уже было поздно. Естественно, роль защитницы двенадцати птенцов в итоге досталась мне. Спустя несколько часов и электричек мы встретились с остальной командой где-то на полпути в никуда. Макс специально пытался отобрать максимально разных по своей природе и взглядам людей, чтобы шоу вышло поинтересней. Его логика напомнила мне программу Дроздова: «Дорогие телезрители, а давайте соединим гориллу, жирафа, карася и гуся и посмотрим, что из этого получится». Состав у нашей команды вышел такой.

Огромный женатый бородач, похожий на Илью Муромца, вообще не говорящий по-русски, но год назад участвовавший в постройке дома на дереве где-то в Норвегии и единственный на практике знающий, что нужно делать.

Рыжеволосый мальчик восемнадцати лет, выглядящий от силы на четырнадцать, настоящий Маугли. В лесу он был, как дома, и спал в гамаке, растянутом на такой высоте, что залезть туда был способен только он. Его интересовала природа и совсем не интересовали мы.

Вовка – белорусский парень, добрейшей души человек с отличным чувством юмора, включающим самостеб касательно того, что он белорус и вечно жрет картошку (на самом деле нет).

Массажист из глубинки, рубаха-парень, с красными щеками и добрым сердцем. Если начать с ним разговор, он может рассказывать что-то вечно, пока собеседник не уснет – видно было, что ему не хватало общения. Его мама умерла у него на руках за несколько месяцев до этих событий, и он еще не оправился от этой потери.

Второй бородач – серьезный парень с серьезным прошлым, по жизни скучающий по бардовским песням и ушедшему поколению. Он вечно неуклюже и будто бы злобно шутил, пытаясь тем самым сблизиться с людьми, но в итоге, наоборот, отталкивал их этим, и все же у него было доброе сердце.

Валера – красавчик из Питера, который вполне мог бы зарабатывать как модель и покорить любую женщину, но был скован и предельно молчалив. Он находил себе дело по душе и растворялся в нем полностью. Мог сутки напролет строгать лавку без потребности в общении с кем-либо. Возможно, причина тому была в том, что он не успел опомниться от длительных отношений, а может, он просто был таким человеком. Каждую ночь я спала на его прекрасной твердой мускулистой груди, он очень заботливо меня обнимал, но не пытался сделать что-то большее. Дополнительная ирония была в том, что мы практически не разговаривали.

В роли врача и музыканта выступал Юра Яловицкий – на деле музыкант из него оказался лучше, чем врач. Юра был ростом с меня, с большим животом, громким голосом и сильным пристрастием к сигаретам, алкоголю и мясу. Он чем-то напоминал медведя. Пока все экономили на каждом грамме веса в своих рюкзаках, Юра притащил с собой в горы пять килограммов шашлыка, настояв на том, что тушенка – это несерьезно. Мы ему за это были благодарны. Он жил в Одессе с мамой, хотя ему давно было за тридцать, зарабатывал на мануальной терапии и считал, что его бывшая девушка сломала ему жизнь, когда ушла к другому. Привыкнув к роли жертвы, он не мог найти в себе силы разобраться со своей жизнью. Зато благодаря этому он писал отличные, полные печали и одиночества песни.

Козырем команды был Виталик, в шутку прозвавший себя выживальщиком Ануфрием. Он тоже снимал видео, и за его приключениями наблюдала солидная аудитория. Виталик был самым старшим из нас, и оттого самым мудрым. Он отменно вел Мафию, поддерживал наш командный дух и мог присоединиться

к любому разговору, превратив его в философскую беседу, после которой все еще полночи думали в палатках о чем-то своем, лишившись сна. Дома его ждала жена, и, кажется, у них даже был ребенок: в их отношениях были какие-то проблемы, которые явно его беспокоили, но говорить об этом он не хотел.

Из женского состава была девочка-художница, которая мало разговаривала и была очень замкнута. Все дни напролет она либо задумчиво рисовала макеты дома и портреты ребят, либо отсиживалась в палатке. Ей явно было не по себе в нашей компании. Она начала знакомство со всеми с фразы: «Меня еще никуда в жизни не брали и вот наконец-то взяли», после чего мы, естественно, насторожились, задумавшись, почему же ее никто не брал. В качестве муз, богинь и поварих выступали та самая «с шилом в попе» Сысоева Настя и ее подруга не менее модельной внешности.

Закупившись всем необходимым для постройки дома, мы с Липатовым пришли к маршрутке, где нас ждала остальная команда.

Я боялась встречи с Настей. Тот факт, что мы спали с одним и тем же мужиком, ставил нас обеих в максимально некомфортное положение, но я понимала, что лучше нам сразу каким-то образом подружиться, потому что любая неприязнь вскроется в походе сразу и будет лютый пиздец. Поэтому по системе «держи друзей близко, а врагов еще ближе» я готовилась сразу махнуть белым флагом и широко улыбаться.

И вот эти ундины предстали передо мной. Высокие, худые, весом около 50 килограммов, с распущенными волосами до самой задницы, не считающие нужным носить лифчики: они выглядели, как «те телки, на которых будут дрочить зрители». Не на одних же потных мужиков смотреть.

Подруга Насти была одета в обтягивающие джинсы и когда-то модную вязаную майку, под которой были отчетливо видны ее соски. Стоя в модельной позе, она курила и со скукой смотрела в сторону, создавая впечатление ТП, которая сама пока не поняла, куда едет.

Настя же была в костюме хаки, что делало ее как бы одетой по-походному, но было очевидно, что костюм совершенно неудобный (попробуй пописать в лесу среди моря комаров в таком костюме): он просто удачно подчеркивал ее фигуру. Вся она была одета непринужденно красиво, но при этом в боевой готовности: жирно подведенные черным брови, по пять сережек на ушах, куча браслетов на руках, на шее амулеты. На ней было много всего, что как бы сразу показывало, что она интересная личность, при этом оставляло загадку и располагало к вопросам

типа: «Ой, а что это за такой необычный камушек?» Я обычно сама всегда так делаю и поэтому сразу просекла фишку. В завершение образа на ее плече сидела огромная жирная крыса на поводке. В детстве крыса распорола мне руку зубами. С тех пор я боюсь крыс больше всего на свете. Как мертвых, так и живых. Они приводят меня в ужас, и я начинаю паниковать. Обычно я начинаю орать и убегаю. Это тот сорт страха, который не пытаешься объяснить логически и тем самым его перебороть. Меня вполне устраивало провести жизнь, не имея с крысами ничего общего.

– Привет, я Даша!

– Настя, – спокойно ответила она и сразу отвела взгляд. Ни одна мышца на ее лице не дрогнула.

– Это твоя крыса? – я пыталась не включить панику.

– Она не моя…

– Но ведь она сидит на твоем плече…

– Это верно.

– Что делает ее твоей…

– Думаешь?

– В смысле? Или это крыса твоих друзей?

– Уже не помню… – ответила она холодно.

Она явно не хотела идти на контакт.

– У меня паническая боязнь крыс… – сказала я максимально спокойным тоном, что многого мне стоило.

Хуже присутствия этой телки в походе для меня могла быть только она вместе с крысой.

– Ну, придется это исправлять, – ответила Настя с вызовом, и они с подругой ухмыльнулись друг другу.

«Вот сука, – подумала я. – Да пожалуйста. Можем неделю друг друга избегать. Твое дело».

Практически так оно и было. Все дни напролет парни строили дом, художница либо рисовала макет дома, либо пряталась в палатке, а Настя с подружкой готовили еду за женскими разговорами. Поскольку обе они были вегетарианками, а кан был один, готовить приходилось дважды, и этот процесс занимал весь день. Они ходили в платьях, обсуждали всякие ведические хрени, собирали травы, постоянно хихикали, повторяли, что они ведьмы, и вели себя, как мне казалось, показушно, напрашиваясь на комплименты и подогревая своей «загадочностью» интерес мужской части команды. В душе я восхищалась их умением быть такими женственными, но сама такой никогда быть не умела. Я этого не понимала, а когда мы чего-то не понимаем, нас это бесит.

Мне же при таком разделении обязанностей и социальных

ролей досталась роль пацанки. На кухне помощи не требовалось, да и к тому же у меня всегда были проблемы с тем, чтобы вкладывать свою энергию и время в то, что через час превратится в какашки, и я занималась тем же, чем и пацаны: стругала бревна, строила баню и попутно спасала от холода бедных цыплят. Греть их было нечем, кроме как камнями из костра. Я находила большие булыжники и весь день их прогревала, чтобы потом поставить в загон с цыплятами. При этом нужно было сделать так, чтобы они, прижимаясь, не подпалили себе перья. Периодически шел дождь, и тогда приходилось скорее собирать их в коробку и укрывать собой. Часто кто-то из цыплят терялся, пролезая в дырки загона… В общем и целом за ними нужно было следить круглосуточно. Ночью мы брали их в палатку и укрывали тремя куртками. Но это все равно не помогало. В горах было слишком влажно и зябко, и постепенно они стали умирать.

Вечером мы с ребятами играли у костра в Мафию, а ночью начиналась реальная мафия – с утра я находила в коробке следующего замерзшего насмерть цыпленка, и это разбивало мне сердце. Днем я поочередно держала в ладонях самых слабеньких, и, переставая трястись, они засыпали. Как-то раз цыпленок просто умер у меня на руках… Неважно, человек это или птица – медленная смерть читается по лицу, и знать, что ты должен был кого-то спасти, но не смог, неописуемо. Что-то во мне тогда сломалось. Мне и так было чертовски одиноко в этом походе: я не сблизилась ни с кем из ребят, а Максим все свободное время прятался в палатке с Настей, и эти цыплята были тем, в кого я вкладывала свою, не нужную никому другому любовь. Виталик пошел закапывать уже пятого цыпленка, а я сидела и плакала в темноте. Никто не обратил на это внимания, кроме Насти. У меня уже заложило нос от слез, когда она подошла, села рядом со мной на корточки и стала очень ласково успокаивать. С того момента эта невидимая стена между нами стала падать.

2

«Никогда не извиняйся за то, что горишь слишком ярко или взрываешься внутри себя каждую ночь. Так создаются галактики».

Тайлер Кент Уайт

Наступило 22 июня, день солнцестояния, считающийся самым энергетически сильным днем в году. В Украине его празднуют как День Ивана Купалы. Виталик наказал нам всем

привезти с собой в поход белую одежду и сказал, что мы совершим определенный обряд. Рано утром все девочки надели шикарные платья, а мальчики заохали на них, как петухи. Я понимала, что мне, по идее, нужно было сделать то же самое, но вся эта идея одеваться показушно, чтобы пацаны порассматривали тебя сверху донизу, вызывала отторжение, к тому же я не могла сравниться с этими моделями по красоте. Виталик сказал девочкам пойти собирать цветы, чтобы сплести всем венки и сделать какую-то куклу из трав. Девчонки с радостью подхватили идею. Я же спряталась в палатке и еще полдня сидела в ней. Меня дико колбасило. Казалось, что все мои демоны водят вокруг меня хоровод. Я ощущала энергию того дня под кожей. Луна опять поднимала внутри меня огромное цунами, и я боялась это на кого-то обрушить. Зная, что Липатов тоже чувствует такие штуки, спустя пару часов я вылезла из палатки и пошла его искать, чтобы успокоиться, но его нигде не было. Как оказалось, еще с самого утра он ушел из лагеря, никого не предупредив. Учитывая, что Липатов – походник и прекрасно знает, что так делать нельзя, я перепугалась, что с ним что-то случилось, и отправила парней на его поиски. В лагере оставались врач и я, когда из-за холмов показались девочки. Настя и ее подруга вели нашу художницу под руки. На пути в лагерь она упала и распорола себе ладонь об острую ветку. Порез был таким глубоким, что, когда я осматривала ее ладонь, внутри были видны жировые клетки – белые кружочки на красном мясе. Наш врач Юра, вместо того чтобы бинтовать руку и срочно спускать девочку в населенный пункт, сообщил ей о том, что рана пиздец стремная, и от нервов закурил. Наличие отца-спасателя и внимательно выслушанный курс первой медицины хорошо отложился в моем мозгу, и я знала, что показывать пострадавшему свой страх точно нельзя. Быстро выяснилось, что наш несчастный романтик Юра и понятия не имеет о том, что делать в таком случае, и вообще не шарит в медицинской этике.

– У нас есть анестетик? – спросила я, пока он курил и матерился.

– Нет вроде.

– А игла и нитки?

– По-моему, нет.

– Как нет? О чем вы думали?!

– Я не знаю. Я говорил Максу, что неплохо было бы купить…

– Макс не врач. Ты врач. Нужно ее спускать.

– Слушай, да епта… Нормально все будет! Вот, смотри, видишь этот шрам, – он указал на свой живот. – Это от ножа. И ничего – живой. А вот этот видишь? Это тоже порез, и зажил.

От такой логики я начинала приходить в бешенство. Это была рука, а девочка была художницей, и если мы, не дай бог, задели ей связки – нужно это чинить прямо сейчас. На шум подтянулись пацаны. Макса нигде не было. Я повторяла, что девочку нужно срочно спускать, что потом накладывать швы будет поздно, но никто из парней, конечно, не хотел хуярить десять часов по горам до цивилизации и обратно, и мое мнение как неквалифицированной игнорировали, считая, что я развела девчачью панику. Я понимала, что еще чуть-чуть, и я начну орать. В конце концов вместе с закатом в лагере появился Максим. По одному его выражению лица я поняла, что его колбасит так же сильно, как и меня.

– Конечно, надо спускать, – сказал он, как только увидел руку Ани, и я в этот момент чуть не заехала ему за то, что он съебался из лагеря в самый неподходящий момент. Мы приняли решение, что после церемонии Ивана Купалы провожаем Аню обратно в цивилизацию, а оставшихся в живых цыплят несем в деревню.

Аня пошла упаковывать вещи, а я, выдохнув, подсела к Насте и предложила помощь в том, чтобы плести венки. Начинало темнеть.

– Ну что, расскажешь мне, как это делается? – спросила я, подсев к горе цветов и осоки.

В ходе разговора я отдала ей должное за то, какая она женственная. Этот момент был для меня признанием ее силы и моей несостоятельности в этом ключе. Каково было мое удивление, когда Настя совсем другим, более холодным тоном тихо ответила, что не всегда была такой. Она рассказала мне о своем прошлом, о том, что воспитывал ее папа, что дружила она только с парнями, брилась на лысо, дралась до крови, слэмилась на концертах и ходила в говнодавах.

– Это был долгий путь. Сначала я надевала юбки, платья и каблуки через силу, ибо ничего лучше придумать не могла, красилась, делала ногти. Чувствовала я себя при этом крайне неуклюже и не на своем месте. Но самым сложным было начать вести себя как женщина, особенно когда привыкла к «я сама» и «я сделаю лучше». Довериться мужчине, позволить ему идти первым? Это был настоящий квест. Я же была замужем…

– Ты была замужем?!

– А то. Поженились в девятнадцать, пробыли вместе семь лет. Но все рушилось из-за моего непринятия себя. Он не воспринимал меня как женщину… Да я ею и не была. В конце концов мне надоело быть рядом с аморфным мужиком, за которого я все решаю, делаю и зарабатываю. Из-за моего мужского мужское терялось в нем – вполне логичный процесс. В

конце концов я поняла, что мое счастье зависит только от меня и, если я хочу, чтобы рядом со мной был достойный мужчина, нужно стать достойной женщиной. Я перечитала кучу книг и лекций и до сих пор учусь. Это большая работа…

В этот момент мы встретились глазами с Максом. Он сделал кивок головой в сторону, тем самым подзывая меня поговорить. Я извинилась перед Настей, отложила венок и подошла к нему. Мы ушли от костра и сели на высохшее бревно поодаль от поляны, где никто не мог нас увидеть.

– Ты как? – спросил он меня тихо.

– Нормально. Колбасит. Тебя тоже?

– А что, ты думаешь, я ушел на весь день… О чем вы говорили с Настей?

– Она рассказывала мне о том, как быть женщиной. Ты знал, что она не всегда такой была?

– Конечно.

– С трудом в это верится…

– В Насте очень много демонов и тараканов, о которых ты ничего не знаешь. Она хочет казаться женственной и умиротворенной, но на самом деле проделывает огромную работу над собой, и ей это дается нелегко, – он помолчал и продолжил: – Она жутко ревновала меня к тебе поначалу.

– Да ладно? Не может такого быть.

– Она этого не показывала тебе и остальным, но в палатке у нас был не один разговор.

– Я же ей в подметки не гожусь…

– Почему ты так думаешь?

– Да кам он, Максим. Парни бегут от меня… Они со мной спят, веселятся какое-то время, обмениваются мыслями, а потом выбирают себе нормальных девушек, которые и борщ сварят, и каблуки наденут, и ресничками похлопают… Я как будто попала в замкнутый круг. Потому что все классные пацаны, действительно мужчины, выбирают себе действительно женщин, понимаешь? А я для них остаюсь мудрой подругой, бывшей любовницей. Мне нужно превратиться в нормальную женщину, как все.

– Ты и так женщина…

– Я не чикуля! Я не умею быть такой наивной, загадочной и при этом продумывающей каждый свой шаг, расставляющей паутину. Я не умею кокетничать и строить из себя ту, кем не являюсь. Если мне кто-то нравится, я сразу говорю ему о своих чувствах. Если я кого-то хочу, я сразу даю это понять. Но вам ведь не это надо… Вам надо вечно играть. Вам нужны недоступность, загадочность. А я не такая… Я не умею играть… А если и

заполучу парня всеми этими примочками и буду знать, что он повелся на всю эту хуйню, а вовсе не на меня, зачем он тогда мне нужен?.. Но, видимо, я действительно проебалась, и нужно научиться быть такой.

– А ты хочешь такой быть? – спросил он меня серьезным тоном.

– Я хочу быть с кем-то!

– Я не это тебя спросил. Ты хочешь быть такой?

– Я не знаю.

– Нет никакого «не знаю». Ты хочешь быть такой?!

Я помедлила с ответом.

– Нет…

– Так и не надо. Найдется на тебя мужчина, для которого ты будешь идеальной.

В ту ночь мы стояли все в белом вокруг лесного озера, держа в руках свечи и факелы, и говорили в пространство слова силы. Каждый произнес свое. Моим словом было «благодарю», и Виталик предложил, чтобы мы все вместе его повторили. «Благодарю» раздалось глухим эхом в ночи и унеслось через высокие деревья куда-то вверх, к звездам, вместе с нашими демонами, вместе с болью и сомнениями. Природа заряжала нас энергией на новые свершения. Для пущего очищения ребята разожгли огромный костер и по очереди, под крики и вой остальной команды прыгали через него. Новая тень врывалась в величественное пламя, поднимая за собой вихрь искр, и снова исчезала в темноте.

Вспоминая это сейчас, я понимаю: все мы от чего-то бежали. Каждому в этой команде необходимо было поставить свою реальность на паузу по самым разным причинам, и секретная точка где-то на территории Карпат без связи с цивилизацией, без звонков и эсэмэсок была тем, что надо. В ту неделю мы больше не парились о своих жизнях. Была одна общая цель – строить дом. Просто делать что-то общее, не задаваясь вопросом «зачем». В самом этом действии и был весь смысл, вся мысль, «тонкая и холодная, как в поездах одеяло».

3

«Голос пахнет костром, ветви стали шатром».

Цитата из песни группы «Калинов Мост»

День Икс настал. Под легким весом опустевших без продуктов рюкзаков мы шли обратно в свои жизни, думая каждый

о своем. Мы с Настей шли рядом. Липатов успел и ей устроить сцену ревности за то, что Юра массажировал ее в палатке дольше, чем остальных, и шел теперь отдельно. В свойственном ему стиле он пару часов полоскал ей мозги за это происшествие, а потом перекинулся на Юру.

– Ты как? – спросила я ее, улыбаясь.

– Нормально, – ответила Настя с ухмылкой. Обернувшись, она пристально посмотрела мне в глаза и сказала: – Я знала, на что подписываюсь.

И этот ее взгляд шарахнул меня. В тот момент я отпустила последние ревность и негодование. Я подумала: раз она может сделать моего ебанутого друга счастливым, пусть так оно и будет. Ведь я бы этого сделать не смогла.

Когда мы вернулись в цивилизацию, мне показалось, что мы не были здесь месяц. Только забравшись в лес, я осознала, как опустошила меня за полгода социальная сеть. Включив телефон, я смотрела на него, как неандерталец. Экран реагирует на пальцы… И значки тут всякие… Печатать странно. Требуется всего неделя, чтобы напрочь забыть про всю эту чушь.

Украина дала мне дом на два с половиной месяца, приютила под своим крылом в момент, когда мне хотелось не безумных историй, а простого человеческого тепла. И она грела меня, как могла, подарив волшебных людей, которые, как на церемониях награждения, застаканили себе по именному стульчику в моем сердце. Все прожитые моменты застыли живыми картинками в моих глазах…

Всей командой мы добрались до Львова и через пару дней должны были разъехаться кто куда. Макс и Настя ехали в Крым – проводить там своего рода медовый месяц. А меня ждал фестиваль путешествий «Трип Сикретс» в Москве, проходящий на этот раз при поддержке правительства, и для меня было огромной честью на нем выступать. Год назад я и представить не могла, как изменится моя жизнь после того же фестиваля, на котором я узнала, что кому-то это вообще интересно. На прощание я по традиции собрала ладони всех, кто стал мне дорог, в блокнот. Максим очень долго просидел с блокнотом, как будто рисуя. Наконец мы обнялись и попрощались. Я шла пешком домой под палящим солнцем через дачные поселки под пение птиц и лай собак и во второй раз в своей жизни, не дождавшись того, как уеду, нарушила правило и открыла его страницу:

«Помню нашу встречу на твоей встрече.
Помню нашу тусу у Виноградова.
Очень помню твой месяц в Одессе.

Ебаные декорации моря и неба ночью.
Помню тебя в лесу.
Я от одиночества тебя не спасу.
Возможно, я просто зассу.
Имею, сука, право (эта строчка чтобы ваниль разбавить).
Я упоротый, странный, южный.
Запомни меня таким.
Даша… Что дальше?
Даже этот альбом скоро кончится…
Убегай…»

Я подняла голову к солнцу и заплакала.

Оставшееся лето уже другие ребята под контролем Сашки Виноградова будут продолжать строить тот дом. Каждый вложит в него частичку себя. И в конце концов из него выйдет что-то очень даже дельное. Дом так и останется нашим секретом на безымянной земле, редкими гостями которого, помимо нас самих, будут только лесничие.

Часть 11
Убежище

1

Билет на поезд стоил целое состояние, поэтому я решила долбануть полторы тысячи километров стопом и управилась за девятнадцать часов, чем очень гордилась.

За день до выступления я отправилась праздновать день рождения Элеоноры с остальными подругами детства. Она в тот момент была на седьмом месяце беременности и счастливо жила со своим мужем в Лобне, вспоминая все наши похождения по мужикам как страшный сон.

К тому моменту мои подруги детства, с которыми мы написали друг другу пером сотни писем, прожили первую любовь, расставания и сотни легендарных приключений, стали совсем другими людьми. Вернее сказать, дорога жизни завела их в то стандартное пять на два направление, где дел было больше, чем времени что-то понять. Мой мир с обостренными рецепторами, обменом энергией, творческими идеями и прочей лабудой был им чужд и далек. Проведя с девочками ночь, я поняла, что своим стилем жизни напрочь отрезала себя от подруг и былого взаимопонимания.

Хоть мы и смеялись вместе, но с какого-то момента все шутки сводились к стебу надо мной как над белой вороной. Причем строились они на их восприятии меня прошлой. Меня настоящую они просто больше не знали, да и не то чтобы у них было намерение это менять. Бонни, составляя мнение на причины моей социальной жизни, вынесла вердикт, что я просто недолюблена. Ни одна из них не пошла на мое выступление, хотя они знали, как много для меня это значит. Мне было очень горько, но оставалось это просто принять.

2

Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно ушла душа?!
Терпенье, психопаты и кликуши!
Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И ранят в кровь свои босые души.

Владимир Высоцкий

Вселенная не всегда играет честно, но с чувством юмора у нее все в порядке. Настало 2 июля. День, о котором я так мечтала. Я надела то же ярко-голубое платье до пола, в котором была на фестивале год назад, только на этот раз к платью добавились ярко-розовые волосы и тот факт, что меня узнавали на улицах.

Мы встретились с Сашкой Виноградовым у метро и вместе шли вдоль реки в сторону парка. Я вышагивала на каблучках, как настоящая леди, а Сашка, как городская шпана, ехал рядом со мной на лонгборде, надев кепку козырьком назад. Москва расцвела под лучами лета и предстала передо мной в совсем других – ярких и терпких – красках. Уже через минуту нас догнали какие-то ребята со словами: «А мы как раз на твою лекцию идем». К моменту, когда мы дошли до парка, за мной уже шла целая армия таких же сумасшедших и смешных, которые пришли меня послушать, и сердце мое ликовало.

Мне показали площадку, на которой я буду выступать. Оставалось еще полчаса свободного времени. Все шло как по маслу. Я сразу сняла туфли и пошла босиком, наслаждаясь погодой. «Музеон» был забит людьми до отказа… Пять площадок со спикерами, игры, выставки, фуд-корты… Пока мы с Сашкой гуляли среди этого избытка развлечений, к нам привязался четырнадцатилетний блогер. Мальчик сам приехал на мое выступление аж из Питера. Вот это поколение растет… Он задавал мне какие-то вопросы, когда среди прочих инсталляций я вдруг увидела деревянную конструкцию на колесах, напоминающую яхту. «Счастливого плавания всем капитанам Грустных морей»[110], – прошептал женский голос в моей голове. «Ой, хватит! Я уже пережила это, – заперечил ему кто-то более бойкого тембра. – А раз пережила – пойдем залезем!» Я поманила за собой парней, радостно запрыгнула на яхту и, подобрав юбку, легким движением ноги шаркнула ступней по огромному, наскоро вбитому в деревянную «палубу» гвоздю.

Попросив влажных салфеток у проходящих девушек и оттерев дорожную пыль, я увидела, что пропорола ногу так сильно, что пластырь уже не поможет. Рана заполнилась кровью. Это было фиаско.

– Сколько сейчас времени?

– До выступления пять минут.

– Твою мать… Я не могу встать. Че делать?!

– Так, сиди здесь, мы сейчас сбегаем за бинтами, у организаторов должно что-то быть.

Парни рванули, а мне оставалось ждать. В растерянности я

устремила свой взгляд куда-то направо, когда вдруг за мачтой мои глаза выловили из толпы молодую пару… За кустами на соседней аллее в яркой кепке стоял высокий парень с длинными кудрявыми волосами. Левой рукой он обнимал худую девушку в летнем платье с прической каре. Они были метрах в двадцати от меня, я едва могла разглядеть их лица, и все же мне не мерещилось…

– Да не может такого на хрен быть… – произнесла я в голос, и, не отрывая глаз от этой пары, слезла с яхты и, словно загипнотизированная, пошла к кустам, оставляя кровавые следы на асфальте.

В ушах пульсировала кровь. Ее будто стало слишком много, она перекрыла горло, и стало трудно дышать. Я подхожу ближе – на максимально безопасное расстояние, с которого меня еще не видно. Мой ахуй перебивает Виноградов. Он кричит как будто бы откуда-то издалека. Я продолжаю, онемев, пялиться:

– Даш! Мы нашли бинты! Ты куда пошла босиком?!

– Саша, – говорю я проглотив в горле комок. – Это что, Демин?

– Где?

– Вот. Это Демин?

– Да где?

– Вон там!

– Не знаю! Я не знаю, как он выглядит.

– Ты что, прикалываешься? Ты полгода у него интервью пытаешься взять и не знаешь, как он выглядит?

– Кажется, Демин.

Состояние шока постепенно уходит, я прихожу в себя и понимаю, что последнее, чего я хочу, – чтобы он меня сейчас заметил. Я кидаю на землю туфли и пытаюсь их надеть трясущимися руками. Коленки подкашиваются. Пальцы отказываются работать. Еле застегнув бретельки и не поднимая взгляд, я говорю:

– Саша, пожалуйста, уведи меня отсюда.

Я крепко беру его под руку, мы обходим кусты и оказываемся с ними на одной аллее. Вот он, наш поворот на сцену, надо свернуть, а я встаю как вкопанная и не могу сделать шаг в сторону. Мне хочется бежать к нему. Хочется спросить самым искренним образом: «Как дела?» Но рядом с ним стоит и, как колючая проволока, разделяет нас причина, по которой он вычеркнул меня из своей жизни. Я видела Никиту впервые почти за пять месяцев, за которые смогла его забыть. Мне уже даже казалось, что его не существует. А тут в груди вдруг становится так забыто горячо, как будто на секунду у всего вдруг снова

появился смысл. Он действительно отрастил длинные волосы, как обещал мне когда-то. Только не мне запускать в них свои тонкие женские пальцы.

Я стояла и сканировала его глазами, пытаясь как можно скорее снова его запомнить и свалить, когда перед моим носом вдруг появляется Миша. Миша – единственный, кто нравился мне после Демина, – Миша. Миша, у которого я жила неделю в Воронеже, который пел мне «Нечего терять» Чижа, – Миша. Миша, который говорил, что я маяк, который собирался приехать ко мне в Одессу, но в последний момент передумал, ибо влюбился в модель, – Миша. Я не смогла уместить эту историю в книгу, и все же она тоже была.

– О, Даша! Привет.

Он перекрывает моему взгляду Демина. Теперь они стоят в одном кадре моих глаз. Наслоения этих совершенно разных миров рушит мое восприятие реальности окончательно. Для меня парни все равно что разные периоды жизни, если поставить их рядом, мне кажется, у меня мозг взорвется. Это всё слишком смешно, чтобы быть правдой.

– Привет. Я думала, ты в Воронеже.

– Не, я пока в Москву переехал. Ты сейчас будешь выступать?

– Да… Сейчас… Буду…

Я вспоминаю, что мы опаздываем. Нет времени на то, чтобы это все переживать. С чувством, будто мне только что надели на голову медное ведро и ударили по нему чем-то железным, я хромаю к сцене. Шатер, под которым мне выступать, стоит на огромной песочнице. Вокруг него собралось сотни две человек. Еще никогда в жизни мне так сильно не хотелось провалиться сквозь землю. Из-за ярких цветов все тут же меня замечают. Сотни глаз будто лазером прожигают тело: «О, Даша идет». А я в пизде. Я нахожу глазами организаторов, они глядят на меня растерянно, с бинтами и зеленкой в руках. Толпа провожает меня взглядом, пока я ковыляю к ним в туфлях по песку. Я ждала этого дня так долго, специально приехала из Украины… И вдруг все становится абсолютно неважно.

В те самые пятнадцать секунд, которые разделяли меня и микрофон, я поняла, что все это мне нахуй не сдалось. Что все, кого я любила, с кем хотела быть, давно счастливы в отношениях, у них и есть та самая полноценная жизнь, о которой я мечтала, кто-то целует их по утрам и ночам. Они живут как нормальные люди, а я – как хуй на блюде – страдаю какой-то херней, развлекаю подростков историями о том, на каких конопляных полях можно срубить бабок… Вся эта мнимая популярность, этот «успех» ничего не значил.

Я, как и прежде, была одна. И я была несчастна.

Время три. Время идти на сцену.

– Ну что, ты идешь перебинтовываться или че?

Я понимаю, что как бы УЖЕ неважно, и говорю:

– Нет, нормально все. Давайте микрофон.

Я выхожу на сцену, говорю: «Привет» – и понимаю, что у меня настолько трясется голос, что я просто не могу говорить. А у меня такого не было – у меня никогда не было боязни сцены. Я задыхаюсь. Голос дрожит и ломается. В толпе уже знакомые лица. Я боюсь увидеть среди них Демина. Позже кто-то скажет мне, что он таки стоял в этой толпе. Слава богу, я этого не заметила – наверное, я бы на месте упала в обморок. Чем горячей под тобой угли, тем оживленнее ты пляшешь. Я выдаю всю речь скороговоркой и укладываюсь в тридцать минут вместо пятидесяти. Впервые за все публичные выступления мне было больше нечего сказать…

Слава богу, у ребят оказалась куча вопросов. Удивительно было то, что, перед тем как задать свой вопрос, абсолютно каждый говорил мне какие-то слова благодарности… Большинство вопросов при этом были не на тему лекции о заработке в дороге. Ребята спрашивали, сколько воды взять на Бернинг Мэн, где лучше жить в Чили и не бывает ли у меня такого, что я нахожусь где-нибудь в Калифорнии, а сердце тоскует по Балашихе. После этого вопроса от мальчика по имени Елисей из города Иваново весь зал рассмеялся, и я растаяла…

Я ушла с широкой улыбкой, под аплодисменты, но, когда все пошли со мной обниматься, через их плечи я искала глазами Мишу и Демина. Никого из них не было рядом. Ребята брали автографы, говорили добрые слова, дарили подарки… Многие приехали стопом из других городов и даже стран. Я крепко обнимала их, сердце к сердцу, и мне было столь же приятно, сколь и горько от того, что среди этих сотен искрящихся чужих глаз не было тех, что смотрят на меня с совсем другой, мужской любовью. Глаз, которые скажут: «Я горжусь тобой». И, прикрываясь улыбкой, я беспомощно шныряла взглядом по лицам людей, словно ребенок, потерявший родителей, не в силах просто ценить то, что все эти люди любят меня. Это были лучшие моменты моей жизни, но они же были и худшими.

Мы сели в круг, какой-то мальчик стал бинтовать мне ногу, другой – разливать коньяк… Все начали оживленно болтать, но мне хотелось лишь к волкам своей стаи, и, извинившись, я пошла на соседнюю сцену, где ведущим был Дима Иуанов – я собиралась поплакаться ему в плечо, предварительно порыдав в кустах. В момент, когда я подошла, был перерыв между выступлениями, и

вокруг него стояло несколько человек, с которыми он разговаривал с самым вежливым видом. Я села на краешек сцены, пытаясь спрятаться за спинами людей. И вот тогда я его и увидела – того самого очень красивого и очень молодого парня, что писал мне, когда я была в Одессе. Не знаю, как я вообще его узнала. Весь в черном. Шорты, футболка. Загорелый, темноволосый. Он стоял ко мне боком и тоже с кем-то говорил, когда, уставившись на него с прищуром, я подошла и перебила разговор:

– Ты… Тот самый девятнадцатилетний парень из Балашихи?

– Уже двадцатилетний, – сказал он и засмеялся.

У него была белоснежная улыбка с острыми клыками, как у волка. Стоило ему слегка улыбнуться, как они уже проступали под губами. Левый клык выпирал сильнее, но ему это даже шло. Он смеялся глазами, и они улыбались еще лучезарнее, чем рот. И глядя на то, как он смеется, невозможно было не рассмеяться в ответ.

С Димкой я так и не успела поговорить. Начиналась лекция от космонавта, и он пошел его представлять, а я села на землю за остальными людьми со знакомым мальчиком-геем. Космонавт что-то рассказывал о том, как красива планета издалека, но я витала в прострации и лишь иногда ловила себя на том, что уже в третий раз поглядываю на того мальчика с острыми клыками. Он облокотился на столб в стороне ото всех и скрестив руки с улыбкой и какой-то дерзостью во всем своем виде слушал лектора.

Я, конечно, больше не видела Демина. Вечером мы ушли из парка небольшой рандомной компанией, которая сложилась как-то сама собой, купили «Жигулевского» и сели на мост, свесив ножки вниз. Перед нами открывался вид на реку, Петра Первого и ночную Москву, сверкающую огнями, как девушка бриллиантами. Среди других в той компании были Сашка Виноградов, Леха – голубоглазый сибиряк, который проехал стопом полстраны, чтобы попасть на мою лекцию, – тот самый Елисей из Иванова с вопросом про Балашиху, Волчок из самой Балашихи и зеленоглазый парень-альпинист по имени Денис Кудрявцев. Все эти мальчики сыграют важные роли в моей жизни, но я тогда была не в курсе.

Я стояла на самом краю моста отдельно от всей честной компании, которая громко пела песни Сансея, и смотрела на кончики своих пальцев ног, крепко обнявшие округлый край теплого мрамора, и на мерцающую, манящую черную реку, и думала, как это легко – просто взять и прыгнуть. От этой мысли я почувствовала – что-то будто подталкивает меня это сделать, и

оттого через силу сделала шаг назад.

– Опасно так стоять тут одной, ты знаешь. Может, пойдем ко всем? – раздался спокойный мужской голос за моей спиной.

Я развернулась. Передо мной стоял тот самый парень-альпинист, чья природа не позволяла оставлять девушек стоять одних на мосту. Я молча посмотрела ему в глаза с таким отчаянием и страданием, что он тотчас же меня обнял. Есть такие люди, которым ничего не надо объяснять. Иногда мне жаль, что их так мало, но, с другой стороны, как бы я иначе научилась их ценить?

Начиналась ночь, и пора было искать, где ночевать. Москва – сложный город. Половине ее жителей, и тем более «поджителей», приходится, словно Золушкам, бежать домой до полуночи, иначе придется куковать на остановке или на станции до шести утра. «Нас оставалось только трое»: Сашка Виноградов, Леша-сибиряк, Волчок и я. Ладно, четверо. Себя не посчитала… Мы собирались намутить травы и поехать в гости к Сашке Федорову, журналисту «National Geographic», чтобы от души накуриться с его женой, но, слава богу, в последний момент все обломалось. Я говорю «слава богу», потому что, когда мы все же ничего не намутили и поехали ночевать к Виноградову, наше такси остановили менты и, не имея на то никакого права, облапали нас и вывернули все вещи на предмет наркотиков. Я быстро вспомнила, за что не люблю Москву… Более-менее зная свои права, я как минимум не стала вылезать из машины, в то время как парни уже стояли практически голыми на трассе. Мент доебался до того, что у меня в рюкзаке было мыло. Вряд ли он решил, что я ворую человеческий жир из клиник и варю из него мыло, чтобы сделать динамит, просто доебываться – к сожалению, любимое занятие русских людей с полномочиями и никчемной жизнью.

В ту ночь мне досталось коронное место в одной постели между Лешей и Федей. Леша с меня фанател. Он называл меня Хани и смотрел так пристально в глаза, что мне казалось, будто он вот-вот меня поцелует. Я боялась такого внимания. Федя же не проявлял ко мне активного интереса, потому, выбирая на чью мужскую грудь склонить свою головушку, я выбрала того, для кого это ничего не будет значить.

3

Будет новое утро, и будет всё as you wish:
будут улицы, переходы, дома, мосты.
Будет солнце нырять в ладони с нагретых крыш,

Чьи-то губы на волю выпустят сизый дым.
Будет небо и море, следы на песке и шторм,
Поцелуй на закате и вкус табака во рту,
И венок из ромашек, и приторно-горький ром.
…а потом ты возьмёшь и влюбишься в темноту.
Темноте этой будет около двадцати:
Джинсы рваные, и вихры, и витой браслет,
Ты споткнешься как будто о камешек на пути,
Об его до смешного насмешливое «привет».

Джио Россо

Утро мы встретили за совместным просмотром серий Ромы Свечникова и его друга Бориса «Опасные ребята» и снова разошлись по своим жизням. Лешка продолжил путь куда-то в сторону Питера, а Федя собрался покорять Эльбрус.

Но спустя две недели они оба снова оказались в Москве, вернее, даже в Балашихе. Лешка вписался пожить у Феди, а Федя, в свою очередь, длинным сообщением с описанием всех привилегий, начинающимся с: «Девочка с ямочками на щеках, привет», пригласил меня встретить с ними закат на его крыше. Ключевой фразой было: «Я для тебя замок сломал». Я посчитала это чертовски романтичным и согласилась. Пока мы не виделись, он, кажется, почитал мои истории, потому что первым, что он сказал мне при встрече, было:

– Послушай, а ты не боишься, что твои тексты могут быть использованы против тебя?

– Каким образом?

– Ведь по ним легко понять, что нужно сказать и сделать, чтобы ты повелась.

Я засмеялась.

– А ты что, хочешь использовать мои тексты против меня?

– Нет. Но другие-то могут. Просто пугает, какая ты беззащитная…

Каких вопросов мне только не задавали за тот год, но вот что-что, а моя беззащитность точно никого не беспокоила. Не думаю, что кто-то вообще об этом задумывался. А правда была в том, что меня и саму это пугало. Вся эта популярность, о которой я мечтала раньше, быстро превратилась для меня во что-то, скорее, негативное, чем позитивное. Каждый раз, когда ко мне подскакивали на улице или в метро со словами: «Привет! Ты Даша?» – я чувствовала себя уязвимой. Ведь я ничего не знала об этом человеке, а он, вполне возможно, читал всю мою подноготную. Мне оставалось неловко улыбаться, вести себя по схеме, будто мы старые знакомые, и отвечать на вопросы про

свою жизнь, после чего у меня было чувство, будто я только что простояла без одежды перед огромной аудиторией – как в детском кошмаре. Но невозможно было это узнать заранее, не опробовав на себе. Мы видим оборотную сторону медали только тогда, когда эта медаль уже у нас в руках…

Федин вопрос стрельнул в яблочко, но я не призналась ему в этом. Мы провожали очередной день лета с гитарой, вином и книгами на его крыше. Я пела песни, Федя громко читал стихи, Лешка делал фотографии… И как-то само так вышло, что следующие три дня мы прожили практически вместе. Лешка, добрый хороший Лешка, оставивший в Сибири абсолютно все, что у него было, и начинающий теперь свою жизнь с нуля, сам того не зная, стал неким связующим звеном между мной и Федей, с которым мы сошлись так быстро, что я не успела понять, что это было.

Федя был настоящим волчком, свободолюбивым бандитом, при этом примерным студентом Бауманки и главным активистом студсовета. Все свое детство и юность он провел в компании парней, по классике жанра перепробовав на себе кучу видов спорта и даже отхватив несколько медалей. В то время когда остальные мальчики стали бегать за девочками и начинали свои первые отношения, Федя продолжал жадно ударяться в самые разные грани этого многостороннего мира. Он быстро проскочил все подростковые стадии, от задрота компьютерных игр, не выходящего из дома, до предводителя фан-клуба панк-групп, разгуливающего с красным ирокезом в кожаной куртке, берцах и с электрогитарой через плечо. Дальше он переключился на диггерство и урбан-эксплорейшн, облазил половину закрытых объектов столицы, включая метро-2, и мог вскрыть практически любой замок. Потом его заинтересовали пейзажная фотография и горы, он стал гордо звать себя походником и в любое свободное время собирал рюкзак и исчезал. Он придерживался философии «если делаешь что-то, делай это хорошо» и с головой уходил в любое новое дело, стремясь изучить его полностью. Но как только он доходил до грани, за которой не было новых знаний, быстро терял к этому занятию интерес и переключался на что-то новое.

Самой неопознанной вселенной для него оставались женщины. Он ничего в них не смыслил, что с какой-то точки зрения даже придавало ему определенный шарм. В восемнадцать лет он увлекся одной девочкой, с которой лишился девственности, а та его сразу кинула. После этого он, кажется, оставил попытки всерьез связываться с девочками. Его самые длительные отношения продолжались два месяца, и даже в них он искал того же саморазвития, а не чувств и очень удивлялся,

когда бойкие, самостоятельные девушки оказывались рядом с ним просто девушками. Он не понимал женской природы, принимал нежность и чувственность за слабость и сразу убегал, почуяв, что к нему привязываются. В целом довольно скоро я поняла простую вещь: он никогда не любил. Не знал, что такое любовь и зачем она вообще нужна.

Притом что мы были детьми противоположных стихий, воды и воздуха, и имели большую разницу в возрасте, я испытывала необъяснимое чувство, что мы родные люди. Это чувство меня озадачило. Помню, как постучалась к нему в дверь с вопросом… Ко мне тогда было столько публичного внимания, что в лучах этой популярности я окончательно оборзела и напрямую спросила его:

– Тебе не кажется, что мы уже друг друга знали?

– Кажется.

Три ночи подряд мы спали в одной кровати, разговаривая до рассвета, и на третью наконец поцеловались. Прошло уже очень много времени, прежде чем он самым галантным образом, будто приглашая на прогулку, предложил мне переспать. Это был первый парень в моей жизни, который ПРЕДЛАГАЛ переспать словами, а не действием. Конечно, я его хотела, но в тот момент вспомнила, что после последних печальных опытов пообещала себе не спать с мужчинами, которые мне действительно нравятся, сразу. Уж тем более если они хотят сначала об этом поговорить.

Наступил его последний день в Москве, он снова уезжал в горы на месяц. Мы провожали вечер в компании друзей Димы Иуанова, и я таила надежду, что, раз это наша последняя ночь, мы снова проведем ее вместе. Мне хотелось надышаться им, хоть я и понимала, что это невозможно. Я снова хваталась за мужчину, как за наркотик. Федя собирался ночевать у друга, живущего рядом с трассой М4. В пять утра он должен был выйти из дома и поехать стопом к Эльбрусу. Я хотела переночевать с ним, но он вежливо отказал. Я молча кивнула, но его «Не думаю, что это хорошая идея» полоснуло меня ножом по сердцу, и я старалась избегать весь оставшийся вечер ситуаций, в которых мы могли бы остаться наедине. Мне не хотелось, чтобы он видел, что задел меня. Федя же специально наворачивал вокруг меня круги, не понимая, что произошло, но безуспешно. В конце концов пришла пора ему уезжать. Он прощался с каждым по очереди и, пожав руки всем ребятам, подошел ко мне. По классике жанра на нем висело два рюкзака: один спереди, другой сзади. Я боялась смотреть ему в глаза. Мне казалось, что от его взгляда я окончательно окаменею.

– Ну, пока! – сказал он со своей житейской улыбкой.

– Береги себя.

– Спасибо. Ты тоже. Еще увидимся.

– Ты так думаешь? – я подняла взгляд.

– Уверен, – ответил он и улыбнулся.

После того, как он ушел, я не могла найти себе места до самого момента, когда все разошлись. Мы с Димкой стояли под землей на «Маяковской», я положила голову ему на плечо и заплакала. Он крепко обнял меня и засмеялся:

– Вот это да-а! Даша Пахтусова плачет из-за двадцатилетнего пацана! Вот в это я бы никогда не поверил!

Я и сама бы не поверила.

Федя уехал в горы, а я – в город под названием Санкт-Петербург, чтобы провести там творческую встречу и просто пожить. Здесь я подружилась с мальчиком по имени Тимур, художником из Тирасполя и любовником моей волшебной Каролины, с которой мы познакомились в Одессе. И девочкой по имени Влада. Она была писательницей, путешественницей и той еще ебанько. Она сразу просекла, на какой козе ко мне нужно подъезжать и скороговоркой выпалила про себя совершенно дикие факты, после которых мое внимание однозначно будет захвачено.

– Собираюсь скоро поехать в Южную Америку на полгода, там может быть встречусь со своей бывшей любовницей, Мадлен, она из Франции, да, а ещё я заканчиваю свою книгу, я её уже шесть лет пишу. Вот татуировку на руке набила, как у главной героини, чтобы однажды обязательно эту книжку издать.

Ну ты понял идею. Вместе с Тимуром и Владой мы продолжили летний режим «видели ночь, гуляли всю ночь до утра», когда подошло время встречи. Мы бегали как сумасшедшие и готовились, а меня начинала брать уже знакомая паника. Я боялась людей. Мне казалось какой-то шуткой, что они пришли слушать меня.

Встреча прошла на славу, и после я решила устроить афтерпати в своем стиле и пригласила всех петь с нами песни на крыше и встречать рассвет. Думала, пойдет человек двадцать, а пошли все… Помню, как хозяин Невского 24 (того клуба, где я выступала) хихикая с сигаретой в зубах снимал на видео, как из арки выходит огромный поток людей, оживленно болтая и смеясь и топает за мной и пацанами. Это было самое массовое залезание на крыши, что я видела в своей жизни. Мы лезли по трубам. Парни страховали девушек, мое сердце грелось от этой картины. Довольно скоро за нами пришли все, кому не лень: и местные охранники, и менты, и кто-то еще из властей, чьих чинов я не знаю. Лезть за нами по трубам они, конечно, не собирались, и в итоге уселись на лавочку нас сторожить. Наверное, у них бы глаза

на лоб полезли, увидь они, сколько нас там было. Мы, в свою очередь, засели в огромный казачий круг, откупорили вино и стали сценическим шепотом рассказывать, какие дороги кого сюда привели. Люди переползали из круга друг к другу с криками: «Ты тоже из …?! Бра-а-ат!!» С сорванным голосом, я молча сидела и радовалась. Ведь именно этого я и хотела от встречи. У меня уже не было никакого желания сиять под нефритовым светом. Я хотела, чтобы свои встретили своих, провести этот мост между человеческими сердцами и раствориться. Когда мы работали слаженно, как команда, где кто-то стоял на стрёме, кто-то пел, кто-то делился сигаретами, кто-то своим самым потаённым, я поняла, что мне это удалось. Год назад я искала интересные страницы у людей «в контакте», лишь бы найти своих. И хоть мне самой была противна «фейковость» данного процесса, я делала это от безысходности. Людям на этой крыше не придется заниматься такой херней. Они встретили своих живьём.

В шесть утра, когда толстые менты устали поджидать нас у дома, мы спустились. Мой друг практически нёс меня на руках. Не потому что я хотела спать или была пьяна, а потому что я была энергетически опустошена. В такие моменты, даже если ты не веришь ни в какую энергию, внезапное отсутствие таковой внутри тебя заставляет в нее поверить.

Следующий день был каким-то жестким отходняком. У меня трещала голова. Я терялась в собственных ногах. Из ниоткуда к нам присоединились две семнадцатилетние девочки. На руке у одной из них была набита солидная татуха, что, как сказал Тимур, должно свидетельствовать о том, что у человека есть своя точка зрения. Однако девочки молчали и передвигались за нами как призраки. Я ненавижу такой расклад. Немые свидетели. Я опять чувствовала себя как на сцене. Если бы мы играли в «Мафию», я бы отстреливала их как молчунов в первую очередь. Мне нужен был отдых, а не две пары лишних глаз. В итоге я отказалась от всей намечающейся программы «дня здоровья» на каком-то там пляже, оставив Тимура развлекаться с юными рыбками. Сама же я натянула рваные шорты хиппаря-соседа, чей-то подаренный мне прошлой ночью мужской балахон и направилась куда подальше.

Я думала о том, что никому не хочу больше позволять себя «сосать». Не хочу больше ставить хештеги, подбирать картинки, песенки, слова. Всё ради того, чтобы кончить на всех в экран, и уйти опустошенным. «Спустить». Я больше не хочу «спускать». Я хочу, чтобы моё оставалось моим, и никуда от меня не девалось. Две недели меня не по-детски крыло. Я всё думала о том, что же

дальше делать: рубить эту связь или оставлять?..

4

Обливай своё тело маслом
И танцуй, дорогая Дэни,
На шесте, что отлит из реалий
И чужих общепринятых мнений!
Ты вскружила им головы, Дэни,
Обнажив перед ними душу,
Так и смотрят они сквозь экраны,
А с тобой станцевать – дюжат.
Ну и пусть! Не нужны тебе массы,
Что застыли с открытыми ртами,
Ты уже здесь живешь не напрасно,
А они лишь мечтают годами.
И танцуй, дорогая Дэни!
Даже если глаза со слезами.
Ты же знаешь, когда одиноко,
Где-то есть тот, кто будет с нами.

Анастасия Сысоева Из Крыма в московскую больницу

17 августа 2016

Жизнь – это цикличность. Все идет по кругу. Группе исполнялся год, в ней было десять тысяч человек, и я снова оказалась в той же больнице с операцией на том же глазу, но уже совсем с другой проблемой. Когда из двадцати имеющихся палат медсестра проводила меня в ту же самую палату, я уже знала, на какую койку укажет ее рука. Даже если ты самый последний не верующий ни во что осел, в такой ситуации намек поймет каждый. Я сидела на накрахмаленном белье и беспомощно смеялась. Креативщики сверху хотели, чтобы я поставила все на паузу и оценила, что за этот год произошло. Настало время собирать камни. Гуляя по темному коридору под тусклым белым светом, оставшись наедине с самой собой, я думала о том, что больница – это не место, а состояние души. Это момент, когда человеку дается привилегия взять паузу и все переварить. Я вышла из нее, расставив приоритеты, отделив зерна от плевел.

* * *

Запись в дневнике:

12 августа 2016

Мы поднимаемся на тот же самый балкон, где сидели вместе впервые четыре года назад, и сочиняем на ходу песни, махаясь гитарой. Мы не виделись слишком долго… Мой друг Лис стал теперь серьёзным парнем с работой, домом и почти женой. По выходным батут, вейк и прочее дорогое развлекалово на пару часов, чтобы сгладить как-то банальность будних дней. Он больше не играет на гитаре и не носит бейсбольную биту в рюкзаке. Лис появлялся в моей жизни все реже, но не менее метко. Он будто приходил в нее, чтобы подвести черту под тем, что я натворила за то время, пока мы не виделись. Мы смотрели на уходящее за крыши домов солнце, когда он по обычаю включил ледяной душ подытогов:

– Ты осознаешь, что с каждым годом у тебя все меньше шансов кого-то найти?

Я улыбаюсь, обнимаю коленки и всматриваюсь в город. Вот она, та крыша напротив, с которой началась вся эта долгая история.

– Ты же все знаешь. Что мне тебе на это ответить?

– Нет, я не чтобы подъебать. Просто от каждого следующего, с собственным опытом, ты ждешь большего. Лучших качеств всех предыдущих. Все больше критериев – все меньше шансов.

– Я знаю.

– И что тогда?

– Я не знаю… Верить?

* * *

И я верила. Верила и переписывалась с Федей, который, на удивление, не забыл про меня, когда уехал. Напротив, он писал мне почти каждый вечер и отправлял длинные голосовые сообщения со всеми своими эмоциями и переживаниями. Он рассказывал про все, что его окружало и чем он занимался. Про то, как организовать переправу через реку, как они организовали эту переправу плохо и половине людей пришлось плюхаться в горную реку. Про то, что жизнь в горах невероятно спокойная, и про то, что горы для людей, у которых большие души, и что

альпсборы могут пойти к чертям, если погода не даст окно на восхождение. Иногда он выходил гулять под звездами, и я рассказывала ему, где какие созвездия. И вот он наконец вернулся домой, переполненный впечатлениями, и, несмотря на температуру после ночевок под дождем на трассе, сразу предложил встретиться.

Я в то время продолжала пользоваться своей популярностью и за день до этого в качестве подарков от читателей получила массаж, кожаный блокнот из Индии и три сочных косяка с травой, выращенной дома одной заботливой девочкой, которая с любовью приправила их ближе к фильтру шоколадным табаком и обвязала красной ленточкой.

Мы снова отправились на крышу, только на этот раз в самом центре Москвы и с другим парнем, тем славным альпинистом Денисом Кудрявцевым. Сам Денис тоже только что вернулся из Крыма, где жил на одной заброшенной киностудии Ялты вместе с Настей Сысоевой и Максом Липатовым. Сама не знаю, как он их нашел, но такие переплетения судеб мне никогда не казались случайными. Крыша, припасенная Федей, была роскошнее всех прежних – с нее открывался вид на всю летнюю Москву с небом, окрашенным в разные оттенки оранжевого. Мы раскурили косячок и снова унеслись с Волчком в какие-то совершенно космические беседы, переплетясь ногами, чтобы не улететь. Денис же не совсем понимал, о чем мы, ибо был парнем более конкретным, земным и далеким от всякой эзотерики. На этой крыше он скрывался от дня рождения бабушки своей девушки и слезно просил, чтобы мы не выкладывали никаких фото- графий.

– Зачем быть с девушкой, от которой хочешь скрываться? – спросила я его. – Разве то, что ты не хочешь быть с ней рядом сейчас, не есть знак того, что ты не хочешь быть с ней рядом вообще?

Не помню, что он мне тогда ответил. Более того, сам Денис тоже этого не помнит. Спустя два года, когда я буду дописывать книгу, я снова задам ему этот вопрос. Он впадет в ступор, многозначительно затушит бычок и глотнет вина. К тому моменту он уже будет помолвлен с Сысоевой Настей, от которой еще никогда не хотел скрыться.

Наступала ночь, и Федя пригласил меня остаться у него. Мне безумно хотелось пойти, но был один нюанс: я постирала все вещи, и на мне не было трусов. Более нелепой причины и не придумаешь. Я до последнего не знала, как в этом признаться, а он не мог понять, в чем, собственно, проблема. Не найдя в себе сил рассказать, я согласилась, подумав, что решу это проблему потом.

* * *

Из воспоминаний Феди:

Мы покурили второй раз дома и начали тихо болтать на кухне. Мы говорили какое-то время, перескакивая с одного на другое, а потом вдруг поняли, что произносим вслух лишь короткие фразы, но между нами такая связь, что диалог происходит в сознании. Нам не нужны были слова, чтобы друг друга понимать. Я не знаю, как это объяснить, просто помню чувство коннекта и того, насколько мощным был поток мыслей. Я визуализировал его, стал выхватывать мысли, говорить их тебе и сразу снова забывать. Отвечала и ты, но потом тоже теряла мысль. В какой-то момент мы сползли на пол и лежали в тишине еще какое-то время, когда ты спросила меня: «О чём ты думаешь?» А я до этого прочитал несколько твоих историй и знал, что ты задаешь такой вопрос только тем парням, которые тебе нравятся. И подумал «Ни хрена себе, это шо, я ей нравлюсь, что ль?» И с одной стороны, нам было так клёво, а с другой – меня уже дико кружило. И я сказал: «Пойдем в спальню, посмотрим, как кружит там».

* * *

Уже стоя у его кровати, я вспомнила об отсутствии нижнего белья и наконец созналась в этом Феде.

– П-ф, подумаешь! – ответил он и выдал мне футболку из своего шкафа для сна.

– А шорты есть?

– Только плавательные… Ложись так, что ты переживаешь. Я всегда голым сплю! Тело должно отдыхать!

Он сказал это с таким задором и так естественно, что я согласилась. В том, что мы в ту ночь переспали, я до сих пор виню отсутствие трусов. Пока мы занимались друг другом, он прошептал мне на ухо: «Родная», – что, по моим меркам, все равно что встать на колено на первом свидании. Я отходила от этого слова весь оставшийся день.

Лето подходило к своему логическому концу, и вместе с Федей в свои гнезда стали возвращаться и другие мои друзья – перелетные птицы. Я же, без гнезда вовсе, наоборот, готовилась к тому, чтобы снова по традиции улетать прочь вслед за солнцем и летом. Не то чтобы мне сильно хотелось это делать, ведь теперь,

благодаря блогу, я наконец-то нашла своих на этом континенте. Потому намечающаяся поездка уже была не из жажды приключений, а вынужденной эвакуацией от серых холодных дней, что неизбежно наступали в наших краях каждый год, забирая с собой всю радость. Я не умела жить без солнца и океана, увядая в таких условиях, как цветок. К тому же теперь, с появлением аудитории, я знала, что все ждут от меня новых историй, и испытывала какое-то чувство долга, и хотела и дальше что-то давать. Я собиралась уехать на полгода и вернуться вместе с маем. Перед поездкой мне хотелось надышаться взаимопониманием близких мне по духу людей. И тогда из ниоткуда мне пришла в голову мысль: а что будет, если их всех объединить?

Я создала общий чат, куда добавила всех, кого открыла для себя за последнее время, и предложила поселиться вместе на неделю в съемной квартирке в Питере. Липатов и Настя были слишком далеко, Виноградов и Иуанов куда-то уезжали, а вот остальные восемь человек, которых я добавила, подхватили мою идею. Мы забронировали квартирку на Васильевском острове и отправились в неделю, которую запомним на всю жизнь.

5

Пусть запомнит ночь
Как бежали тротуары с переулков прочь,
Пусть запомнит ночь,
Как мы шагали нога в ногу…

Алексей Вдовин

Запись в дневнике:

2 сентября 2016

Шли с Федей по Благовещенскому мосту, искали крышу для заката.

– Послушай, человек! – сказал Федя.

– Ты всех так зовешь…

– Да нет, я так зову только тех, кого люблю.

* * *

Парадоксальная правда заключается в том, что сложнее всего писать о счастье. А уж разделенное счастье и подавно является

наилучшим транквилизатором творчества.

В какой-то момент просто все сходится. И тут уже неважно, атеист ты, веришь в Аллаха или гадаешь на кофейной гуще. Просто жизнь так откровенно начинает идти «по плану», что язык не поворачивается назвать это случайностью. На одну неделю пересеклись дороги самых дорогих мне людей. Людей-сокровищ, которых я, как «секретики» в песке, откопала для себя в разных городах за последние полгода. Я обрисовывала их ладони, прожив с каждым отдельную маленькую жизнь, известную только нам двоим. И вот, пока я разбирала мысли и вещи в своей маленькой Балашихе, мои «секретики», не сговариваясь, спустились с Карпатских и Сочинских гор, вышли с раскопок в Таманской пустыне, с исследований в Казанской лаборатории, с ремонта в Ялтинской киностудии и с рюкзаками историй на плечах вышли на пыльную трассу. Они подняли большой палец – и мои ракеты взлетели вверх. Столкнувшись в одной точке под небом Санкт-Петербурга, они активировали энергетическое поле такой силы, что даже тучи, не дожидаясь, когда бомбанет, отступили, кланяясь с извинениями.

Как описать тебе это?

Когда не видела лучшую подругу полгода. А вы встречаетесь ранним утром на «Речном», уже с рюкзаками, и, обнявшись, идете на трассу. В такой момент зверь внутри тебя победно пляшет. И столько всего хочешь обсудить, что только и ждешь момента, когда уже можно будет перестать развлекать вежливым трепом водилу и поговорить о своем.

Когда приезжаете ночью в любимый город, где вас уже ждут у метро. Идете все вместе в темноте по подворотням в свое «убежище». Так мы назвали квартирку, которую сняли на неделю на цокольном этаже. Мне всегда было интересно, куда же ведут эти маленькие боковые двери под козырьком сбоку дома. Так и хочется спуститься по лесенке вниз и постучать. Впереди меня шли Тимур, Влада и Ната… В темноте распахнулась дверь. На нас сразу повеяло теплом и манящим запахом жареной картошки. В проходе стояла моя волшебная Каролина. Та самая девочка с созвездиями на подоле, с которой нас свела судьба еще в Одессе. Она искала меня взглядом за спинами ребят, и первое, что она сказала, было:

– Где она?

Я выбежала вперед и крепко обняла Каролину. Так мы стояли несколько минут.

А как описать то чувство, когда видишь в толпе эту дредастую девочку-планету, с которой вы плакали и смеялись вместе за все человечество? Когда думала, что уже попрощалась с

ней, как полагается в приключениях, на полжизни минимум, и тут сносишь ее с ног, прибиваешь к стеклу «Сбербанка» с такой силой, что системные работницы в своих белых рубашках, в стягивающих ноги юбках и с по-пионерски завязанными на шее зелеными платочками вскакивают, начинают стучать ладонью в стекло и возмущенно ругаться, а ты только смотришь, как открываются их рты, и продолжаешь хохотать.

Или когда вы кружитесь с друзьями в медленном танце под живой джаз в маленьком баре, и в этот момент дверь открывается, и в ней появляется счастливый и мокрый Волчок прямиком с трассы. И этот момент, когда наши глаза встречаются.

Когда все собранные тобой люди соединяются быстро и просто, как детский пазл из восьми кусочков. Например, когда два пацана в компании так похожи друг на друга, что все уверенно считают: они друзья детства. А пацаны на самом деле третий раз в жизни видятся, и то, как всегда, «по случайно сложившимся обстоятельствам».

Когда пригоняет к нам Елисей из Европы, садится за стол на пол, а Леля в этот момент показывает нам видео и говорит:

– Жалко, мы концерт Антохи МС пропускаем. Вот моя любимая запись с его выступления. На самом деле тут вся фишка в этом парне перед сценой, вы просто оцените, как он танцует!

На что Елисей, с которым Леля знакома примерно минуту, отвечает:

– Ты про этого парня? Это же я! Я тогда себя в песок вкопал просто, так отплясывал!

Вот же оно, то самое счастье в чистом виде, когда восемь диких сбиваются в стаю. Когда не знакомые до этого между собой люди идут по городу, держась за руки, визжат и воют, как звери, прыгая друг другу на плечи, встречают рассветы у реки с гитарой и пугают громким смехом прохожих. Как описать то чувство, когда не можешь определиться, с кем именно спать в обнимку, потому что хочешь прижаться к каждому из них своей неприрученной спиной. Когда не можешь выйти из дома до пяти вечера, потому что ты уже среди своих, и готов трепаться тут с каждым так долго, что не заметишь смены сезона. Когда покупаешь сразу две пачки яиц и готовишь завтрак с такой огромной любовью, что, кажется, всю жизнь бы от этой старой, на ладан дышащей электроплиты не отходил. Когда столько смеешься, что ямочки болят. Когда отдашь тапки, а сам пойдешь босиком. Когда на любое «а давай» отвечают однозначным «давай».

Каждый из нас был просто живым дураком вне времени, пространства, чинов и званий. И только перед сном мы иногда

вспоминали, кто есть кто в реальной жизни, за пределами этой квартирки, и тогда мы делились своим творчеством. Влада читала свои сказки, Леля показывала дипломный фильм, в котором снялась я, Каролина и Федя демонстрировали свои фотографии, Тимур – картины… И так гордишься за каждого. Так тепло от их талантов…

Нет смысла описывать наши моменты счастья. Как сказала Леля: «Мне не хочется никому рассказывать о вас, потому что вы волшебные. Про волшебство рассказывают только своим».

Наверное, ярче всего я ощутила это волшебство в последний день лета. Мы уехали прощаться с ним к маяку, чтобы чинно, как в Варанаси, пустить уплывать скончавшиеся летние дни в закат. Мы выбрались на пустой пляж с крошечными рыбацкими домиками с покосившимися стенами и загнившими столиками и развели костер. К моменту, когда мы поужинали, допели все песни, допили весь «Виногор» (Федя был помешан на этом дешманском вине в картонных пакетах, а пили мы так много, что в итоге признали практичность его выбора) и докурили трубку мира, электрички уже перестали ходить, и мы отправились в неизвестность по единственной дороге в кромешной темноте. Раз в вечность мимо нас проезжала какая-нибудь машина и слепила фарами глаза. Конечно, ни одна из них не остановилась, чтобы нас подкинуть. Любой испугался бы при виде восьми человек посреди пустоты, яро машущих руками. Спустя час стало холодать. По обе стороны от нас был бесконечный лес, и только огромный Млечный Путь, заняв все свободное место между верхушками елей, все вел куда-то вперед. Пора было бы уже испугаться, но ребята лишь с бóльшим задором делились своими впечатлениями о красоте ночи, шагая вприпрыжку и хохоча как дети. Никто, кроме меня, не парился о том, что будет дальше. Я, по привычке готовая выживать, сначала хотела уже поднять кипиш, но тут до меня дошло: рядом со мной семеро таких же диких. Да мы можем хоть на обочине лечь, сбившись в один комок, и черта с два нам что будет! Наверное, нужно пройти очень много таких черных дорог, чтобы почувствовать разливающееся по телу тепло от осознания, что в этой темноте с тобой те, кому ты можешь смело доверить свою жизнь. Надо много раз закричать в пустоту одному, чтобы понять, как ценно, когда есть те, кто ляжет рядом с двух сторон и будет гладить тебя по голове в восемь утра, как мама с папой, до тех пор, пока ты не уснешь на отходняках после экстази. Надо сотню раз наткнуться на непонимание, чтобы оценить совместную тишину. Надо перерыть, пропустить сквозь пальцы кучу песка, чтобы так искренне обрадоваться найденному кусочку золота. В этой

компании не существовало «хорошо», «плохо», «нормально» и «ненормально». И если я начинала сходить с ума от полной луны, Федя просил навязавшихся подписчиков пойти от меня куда подальше, не задаваясь вопросом, почему и меня, и Лелю так кроет, а его нет. Я опять беспомощно плачу, а он уже читает в телефоне, что делать в случае такого полнолуния, и предлагает нам с Лелей повторять за ним отжимания и стоять на руках. И вот мы уже смеемся.

Разговоры в этой компании выходили даже откровеннее тех, что с самим собой. Тут можно было быть честным, что в современном мире стало роскошью. Время… Мы сломали его тогда раз и навсегда. Оно стало работать по другим законам, и, пока остальные не замечали, как так быстро прошел год, мы успевали состариться и снова помолодеть за день. В то лето мы прожили такую совсем не маленькую жизнь, учась друг у друга любви, поддержке и глубинному пониманию чертогов человеческой души. Мы спасали друг друга, не успев спасти самих себя. Бежали вдогонку за поездами, ловили друг друга с крыш, рисовали сердечки на грязных окнах и вальсировали по мостовым. Мы жили, черт возьми, мы жили!

Каждый из нас сражался, сражается и будет сражаться в своей уникальной битве, которую другим при всем желании не пройти за него, но человеку нужен человек, мы были рядом друг у друга, и потому эти битвы уже не казались такими страшными. Леля говорила: «Русалка… Красота в глазах смотрящего». Не знаю, права ты или нет. Но в моих глазах вы сверкали. Все это лишь наша история. И мало для кого, кроме нас, она будет иметь смысл. Но количество волшебства и невероятных, невозможных по всем статистикам совпадений, произошедших с нами, кричит о неизбежности происходящего. Мы должны были встретиться. И, кажется, в клетках каждого из нас произошли свои метаморфозы.

Самые счастливые моменты моей жизни – когда геолокация является лишь декорацией. Это не был роман с Питером. Питер тут вообще ни при чем. Он в этой истории послужил лишь арендодателем. Он временно выдал нам свою площадку и заботливо запер двери с другой стороны. Сцена была нашей. А зал оставался приятно пуст. Мои созвездия сошлись в небе Петербурга на бесценное мгновение. Яркой вспышкой они пронзили галактику моего сердца, создали в нем новую звезду и снова разлетелись в хаотичных направлениях…

Милые созвездия… Вы и так все знаете. Скоро я опять буду смотреть на небо с другой стороны шара. Но я знаю, что, подняв взгляд вверх, я услышу звон вашего смеха.

Запомни, это самое главное. Дай бог тебе, читатель,

побольше смеющихся в небе звезд.

6

Пока же прыгай, как первогодок,
вся в черноземе и синяках:
беги ловушек, сетей, разводок;
все научились, ты всё никак;
взрослей, читай золотые книжки,
запоминай все, вяжи тесьмой;
отрада – в каждом втором мальчишке,
спасенье – только в тебе самой;
не верь сомнениям беспричинным;
брось проповедовать овощам
и не привязывайся к мужчинам,
деньгам, иллюзиям и вещам.

Вера Полозкова

Начался сентябрь. Я постепенно готовилась к тому, чтобы снова покинуть страну, и к этому моменту в моей мозаике путешественников не хватало всего двоих – Кати Заварыгиной и Алмаза Салихова. Эти двое были последними блогерами-путешественниками, с которыми я еще не была знакома лично, и так вышло, что, пока Сашка Виноградов пропадал на Камчатке, эти двое оказались в Москве, и он попросил взять у них интервью для «Бродяг Дхармы». Федя был на камере, а я задавала вопросы. Я всегда думала, что лучшие вопросы могут задать только те, кто прошел через то же, что и интервьюер. Для меня было огромной честью раскрыть этих двоих перед камерой. Они были героями. Они оба не отступали от своего творческого пути и находили новые и новые способы жить интересно и при этом зарабатывать. И все же никто не говорил, что это легко…

* * *

Заметка в дневнике:

29 сентября 2016

Я смотрю на всех этих живых, продающих свои книги за себестоимость, раздающих наклейки со своими рисунками бесплатно, кричащих стихи в холодную улицу на радость какому-то подростку и бабушке, делающих

что-то, не думая, будет ли отдача, будет ли что-то взамен… Смотрю и думаю: какими нас вспомнят? И вспомнят ли вообще?

* * *

В то же время в Москву приехал мой любимый Липатов со своим чудным рюкзаком-чемоданом наперевес. За неделю до этого они с Лехой из Сибири, который уже добрался до Украины, записали целое видео под названием «Хватит сосать Дашу». В нем Липатов, по сути, стебался над тем, как я перепсиховала от публичного внимания и сказала, что меня сосут. Он взял Леху, камеру, трубочки и устроил шуточный эксперимент: вместе они бегали по Одессе и пытались «сосать» людей из трубочки, анализируя при этом, понравилось людям или нет. Из чего они сделали вывод, что сосать людей – плохо, и стали просить молодых девушек и парней с рюкзаками (то есть мою аудиторию по определению Макса) не подписываться или отписаться от блога «Можно всё» во имя моего же спасения. Это был смех сквозь слезы. Только Липатов мог так тонко меня простебать и при этом на самом-то деле поддержать. Потому что он прекрасно знал, что конкретно я чувствую. В тот вечер, когда он пригнал на «Маяковскую», мы сделали одну из моих самых любимых фотографий. Макс, Димка Иуанов, Федя и я залезли на очередную крышу и, встав спинами к камере на огромном бетонном ограждении, застыли, вглядываясь в даль. Я любила их всех своей абсолютной женской любовью за то, что все они как один – шпана. Эти трое были моей стаей, с которой ничего не было страшно.

Максимка поселился со мной в квартире моей бабушки, которая сразу назвала его высоким и худым, как осина, и с широкими объятиями приняла как пропащего сына. Она обожала любых моих гостей и всегда была той гостеприимной хозяйкой, до которой мне было далеко. Федька же был настоящим поклонником всего творчества Липатова. Он с радостью пригонял ко мне после учебы и часто оставался с ночевкой, жертвуя нормальным сном. Конечно, он не знал, что между мной и Максом что-то было. Я не то чтобы это скрывала, просто не считала нужным афишировать, ибо Федя не предлагал мне встречаться, да и мы с Максом больше никак не пересекали дружескую грань. Мы спали втроем на одной постели, и я находила предельно смешным то, что, чтобы переодеться, я уходила в ванную, притом что они оба не раз видели меня голой.

К тому моменту Макс словил определенный кризис жанра. Он хотел обеспечивать Настю, но видеоблог не приносил ему никакого дохода, кроме разве что спонсорства всякого сухого походного мяса и снаряги. Он был мастером своего дела, только никто ему за это не платил. В итоге он подрабатывал в Москве курьером «Макдоналдса», получая тысячу рублей в день. Это при двадцати тысячах подписчиков и приличной известности в своей сфере. Ясен пень, такой расклад сильно бил по его самооценке.

В один день он пришел домой, молча открыл ноут и сказал: «Смотри». На экране появились пацаны, сидящие в палатке. Один подначивал другого начать говорить что-то на камеру.

– Ну давай, че ты, повтори, что сказал до этого!

– Коро-о-че, Липатов! – сказал второй мужик в палатке, глядя в камеру. – Ты сдулся! «О чем говорят мужчины в горах»! Вот это я понимаю! Такой проект был! Ты жизнь мне изменил своими видео! «Перевал Дятлова», «Крым, каяки, два бомжа»! А потом что… «Дом на дереве»… Ну, так себе, скажем откровенно… Потом какая-то телка, какие-то колеса, – он ссылался на видео, которые Макс снимал с Настей в Крыму. Они путешествовали на моноколесах. – Ну что это такое?

Тот парень еще долго говорил, куда подробнее разбирая творчество Максима, выдавая суждения, которые Макс, естественно, принимал максимально близко к сердцу. Думаю, что цитировать все их высказывания смысла нет.

– Ладно, подведи итог, – сказал тот, что держал камеру. – Отписываешься от Липатова?

– Нет, – героически ответил второй. – Я надеюсь, Максим, что ты образумишься, возьмешь себя в руки и выдашь еще что-то дельное.

Аудитория ютуба вообще очень жестока. Почитаешь так разок комментарии, и волосы поседеют. Люди пользуются тем, что их никто не знает, и пишут полную чернуху. Мне кажется, многие считают, что их комментарии ничего не значат. Оставил говнеца – и пошел дальше. Только вот это совсем не так. И несмотря на то, что Виноградов уже давно повторял и мне, и Максу, что «комментарии для комментаторов», мы старались для людей и нам было не все равно, что они об этом думают.

– Он же прав… Я не знаю, что еще выдать, да и не вижу смысла. Это все равно никак не окупается. Короче, я решил продать свою камеру и выкинуть ноут…

– А с Настей-то что? Она сейчас в Перми, дома?

– Да. Я люблю ее… Но не могу дать то, что ей нужно. Поэтому нам надо красиво расстаться. Я думаю что-нибудь такое придумать, как Абрамович… Встретиться на середине Китайской

стены и навсегда разойтись.

– Липатов… Ты идиот… Если ты ее любишь, вам не надо расставаться, это не так работает.

Я пыталась его переубедить, но он зациклился на том, что они оба слишком сумасшедшие друг для друга и занимаются разрушением себя. Спорить было бесполезно. Я повторила ему, что он идиот, и больше мы к этому не возвращались.

Близился октябрь. Пора было улетать. Мы с Федей становились роднее друг другу, но, включая rational sense, я понимала: он сейчас будет учиться и наши пути разойдутся. К тому же он столько раз повторил, что не хочет отношений, что я сразу поставила в своей голове установку: все, что между нами происходит, – это просто момент. Кроме мозга, у меня, конечно, было и сердце, которому было плевать на конструктивность, но Федя не просил меня остаться. Ему нравилась моя свобода, он восхищался свободной мной – такой, какую знали остальные, – а не мной привязанной, девочкой, зависимой от мальчика. И мне оставалось только быть такой.

Денег на билет у меня толком не было, и я впервые за год решила попросить помощи у своих подписчиков. Лейтмотив был простой: закиньте меня на другой континент, а я продолжу писать вам истории. Чтобы пост был красивым, мне пришла в голову идея написать просьбу на картонке и сделать фотографию на крыше. И, конечно, я прибегла к помощи Волчка. Опять и снова, как истинный джентльмен, он заранее пришел сюда с другом, и они взломали для меня крышу в самом центре Москвы. А мы с Натой и Лелей приехали уже ближе к закату. Москва сверкала своими огнями, дул сильный ветер. Делать фотографию было жутко холодно. Я забралась на самый край крыши, кинула Нате свою куртку и осталась в длинном синем платье из Сан-Франциско и с картонкой в руках. Ребята стояли вдалеке, напротив меня на конструкции из деревянных палок был только мой милый Волчок. Красивый, как никогда, замерзшими пальцами прикручивал камеру к штативу… Я наконец-то видела его в любимом деле – фотографии. А человек в любимом деле всегда до одури красив. Ветер развевал его длинные черные волосы, складывая их на голове аккуратными волнами. Кажется, в тот момент я и осознала с радостью и ужасом одновременно, что привязалась к нему сильнее, чем думала. То мгновение застыло в моей памяти живой фотографией. Он поднял взгляд и улыбнулся. В его черных зрачках плескалась ночь, приветливо сверкая городскими огнями. Мне хотелось скорее спрыгнуть с карниза на саму крышу, вскарабкаться на деревянную конструкцию и обнять его в этой бархатно-мягкой куртке, которая так ему шла, зарыться

в его запах с головой и больше никогда не отпускать. Но я стойко стояла, как оловянный солдатик, с картонкой в руках, со своим горячим, горящим сердцем, со своим маленьким секретом, что не уезжала бы, если бы он попросил.

Мы оба понимали, что, если это фото, эта шалость, которую мы прямо сейчас превращаем в реальность, удастся, я на полгода покину континент.

И шалость удалась. Федя собрал по кусочкам панорамное фото, моя любимая художница Мими, с которой мы жили на Бали, пририсовала к нему кометы и звезды, а мне оставался только текст. «Помогите Даше-путешественнице покинуть континент». Ребята стали скидываться, кто по двести рублей, кто по целых пятьсот. Мне нужно было двадцать шесть тысяч, чтобы улететь в один конец.

– Как думаешь, получится набрать? – спрашиваю я Сашку Виноградова.

– Да однозначно! Вопрос времени, – уверенно отвечает он. Сашка по непонятным мне причинам всегда в меня очень верил и, кажется, даже немного завидовал этому не то чтобы нужному мне успеху. Но то, что таких, как он, это заставляло верить в меня, наверное, и было светлой стороной этой медали.

Мы, как полные бомжи, зависали втроем в подъезде Феди, отчаянно пытавшегося отделаться от того хаоса, который я внесла за собой в его жизнь, и заняться наконец уроками. Я сидела в дедушкиных спортивных штанах и берете на ступеньках, когда в телефоне загорелось очередное уведомление о поступившей сумме. Я несколько раз пересчитала нули. Все не могла поверить… Один парень просто сбросил мне все двадцать шесть тысяч стоимости билета, попросив взамен сделать фотку кошки на Кубе. Я смеялась как ненормальная. Сашка даже достал камеру и начал снимать мою реакцию, которая так и останется где-то в его видеочерновиках.

Я подняла взгляд на Федю. В его глазах была какая-то отцовская радость. В них читалось некое «видишь, всё так, как должно быть». И было решено. Я уезжала.

В тот же вечер, пока он не видел, я нарисовала на стене его подъезда побелкой свою любимую картинку, «самое грустное место на земле» из «Маленького принца». В доме Феди чинили лифт, а он жил, конечно же, на последнем этаже, и я оставила этот рисунок как напоминание о себе и маленькую загадку. Попросила разгадать, откуда он, этот последний в моей любимой книге рисунок. Он согласился.

Прощальную ночь мы провели на славу, скурив последний косяк. На удивление, одного его хватило на то, чтобы убить нас

всех. Мы сидели на одной постели в моей маленькой комнатке впятером и заливались от смеха как дикие. Федя выстроил целую теорию о том, что все мы – отряд Робин Гуда, и у каждого своя задача. В разгар наших рассуждений бабушка вместо двери постучалась в окно с чайником, и попросила его починить. От такого события Сашку Виноградова переклинило, и больше он с нами не разговаривал. А только ел эклеры, уставившись красными глазами на стену. Липатов тихо засыпал, зарывшись головой в мои плюшевые игрушки, периодически посмеиваясь над нашими речами, Ната в очень несвойственной ей манере хихикала, а Федя все рассуждал и строил в воздухе волшебные миры.

– Какая у тебя мечта, Федя?

– Мне 55, я в белом кабриолете еду по острову в приэкваторной полосе.

– Один едешь?

– Один. Но к своей девушке еду.

– В 55 к своей ДЕВУШКЕ?

Мы начинаем ржать.

– К своей женщине… К женщине своей еду… К женщине!

Я обвела руки мальчишек и Наты в свой блокнот. Пора было снова исчезнуть. За пятнадцать минут до выхода мне звонит Элеонор и со словами «ну я успела» сообщает, что сегодня на свет появилась её дочь. У нее начиналась еще более новая жизнь, я же возвращаюсь обратно в старую. Мы встали рано, но Максим уже ушел из дома на работу, ему было пора. Мы не успели обняться, в чем я чувствовала большое упущение. Остальных я всё-таки обняла. Когда подошел Волчок, я тихо ему сказала:

– «Невидимой красной нитью соединены те, кому суждено встретиться, несмотря на Время, Место и Обстоятельства. Нить может растянуться или спутаться, но никогда не порвется».

Я не хотела смотреть ему в глаза. Не хотела, чтобы было больно. Проще отстраниться первой – пусть в нем останется немного любви ко мне. Мы с Натой упали в такси и понеслись. В багажнике болтались наши рюкзаки, а у нас была последняя возможность пообщаться. Кажется, мы обе не совсем понимали что и зачем делаем со своей жизнью. Мы просто двигались, надеясь, что это куда-то приведет.

Старичок-водитель спрашивает:

– Так кто из вас на Кубу, а кто в Одессу, еще раз? А гитара чья?

Я лежу у неё на руках. Она напоследок меня чешет, и я закрываю глаза от удовольствия, как преданный пес. Мы высаживаем Нату на трассе, дальше она стопом. Я смотрю, как

исчезает за окном ее маленькая фигурка…

Командир самолета объявляет, что в Париже хорошая погода. Слева сидит иностранный мужчина. На пальце кольцо. Интересно, каково этим людям, которым всегда полагается думать о ком-то другом? Самолет под нами начинает реветь. Красавица справа предупреждает меня, что панически боится полетов, прижимается головой к спинке переднего кресла и закрывает лицо руками. Я кладу ладонь ей на спину и чувствую учащенное дыхание. Она вся горит. Свет в салоне выключают, я врубаю музыку, и мы взлетаем. Я прошу белого, делаю вид, что оно не очень, и сразу прошу еще стакан красного. А потом еще. Вино отпускает мои печали, и я радуюсь тому, что мне опять удалось сбежать от зимы.

В последний момент, когда связь ещё ловит, мне приходит сообщение от Феди: «Шлю красные нити любви и улыбаюсь».

Я улыбаюсь в ответ и выключаю телефон.

7

Я здесь себя порой чувствую, как в мире из чьих-то очень старых воспоминаний, которые уже немного подстерлись, и детали стали исчезать из памяти. Здесь есть такие места, где чувствуешь себя каким-то забытым, немного одиноким, потому что тот, в чьей памяти я нахожусь, кажется, стал уже забывать, каким он видел это место когда-то.

Никита Демин

По наказу друзей кентоваться с кубинцами я начала уже в самолете. Трое из них стояли в хвосте и пили вино. К тому моменту, когда я подошла, маленькая француженка-стюардесса уже ненавидела их до такой степени, что начала врать, будто вина больше не осталось, раздавая его при этом остальным пассажирам. Я спросила у одного из уже поддатых мужчин, какая часть Гаваны примечательнее всего.

– Зависит от того, что ты ищешь. Но я в любом случае не был дома уже пять месяцев, за это время все могло измениться.

– За пять месяцев?

– Гавана и за месяц может так поменяться, что дорогу домой не найдешь, дорогая.

На Кубе нет каучсерфинга. Это первое место на моем пути, где правительство его запретило. С хостелами тоже все плохо. Вместо всей привычной нам байды здесь работает штука под кодовым названием «ла касса партикуляр», то есть «конкретный

дом». По сути это то же, что и Airbnb, за исключением того, что хозяева дома никуда не деваются, они живут с тобой. Иными словами, ты просто снимаешь комнату. Причем, к сожалению, именно комнату. Заплатить за одну из шести кроватей, как в хостелах, и делить территорию с незнакомцами здесь не принято. Мои новые приятели-кубинцы заявили, что комнаты в Гаване стоят в районе 20–30 куков (кук примерно равен доллару).

– У меня таких денег нет.

– А зачем же ты едешь отдыхать на Кубу?

– Я не еду отдыхать. Я еду жить.

– Жить? В каком смысле жить?

– Жить, как живут кубинцы. Подружусь с рыбаками, может, впишусь к ним в хибары, буду помогать. Еще я хочу работать с лошадьми.

Они перестали улыбаться и уставились на меня, как на недалекую.

– Кабаес! – повторила я еще раз слово «лошади» и изобразила, что держу поводья. Но они в лице не изменились.

Я долго объяснялась на испанском, ни черта не понимая при этом, что мне отвечают, пока один из мужчин, напоминающий большого довольного моржа с седыми усами, не понял, что я русская.

– Ви из России? О, зратуйте!

Я офигела. Ты же знаешь, кубинцы любят русских. То поколение, что постарше, учили наш язык еще в школе. На прекрасном русском он посоветовал мне ехать в район Альта-Гавана, что там, мол, жилье подешевле. И говорить с таксистами на русском наказал, чтобы они меня зауважали. Впервые мне дают совет не разговаривать с людьми на их родном языке. Каждый из трех кубинцев по очереди сказал, что если б он не был женат, то взял бы меня к себе. Можно было еще выйти за кого-то из них замуж, и вот тогда у меня бы точно появилась крыша над головой.

Получив вещи, я вышла на улицу и встала в длинную очередь на обмен валюты. В очереди распознала семью русских. Молодых ребят с маленьким ребенком.

– Наши времена гуляний по свету на ша́ру закончились. Теперь все поездки только по плану, – сказал парень с неким оттенком грусти и с ностальгией уставился на мои спальник и рюкзак.

Я поменяла деньги, но так и не придумала, где жить. Тогда ко мне подошел тот русский парень, сказал, что они с семьей едут в центр, и предложил скинуть им пять куков и присоединиться. Я согласилась.

На Кубе какой-то другой, более сладкий и зыбкий воздух. Мы ехали с открытыми окнами на нормальной скорости, но ветер не дул в лицо, а как будто вежливо заходил через окно в гости. Мимо нас проезжали старые американские машины невероятной красоты. Кажется, что каждую украли из музея и привезли на остров втихаря. Пока ребята рассказывали мне о том, почему попасть отсюда на Ямайку практически невозможно, если ты не миллионер, я косилась на кусты обочин, соображая, не стоит ли высадиться и заночевать прямо здесь, пока мы не въехали в город. Здесь меня не найдут, а значит, не ограбят. Эх, надо было брать коврик. Мы несказанно долго виляли по улицам в поисках жилья этих русских ребят. Когда мы наконец достигли цели, я рискнула спросить, можно ли упасть к ним на пол на ночь. Они сняли целую квартиру и, судя по их историям, должны были знать, что такое шароебиться с рюкзаком по городу ночью.

– Извини, у нас другие планы, – отвечают мне ребята и уходят.

Таксист мечтает поскорее от меня избавиться. У меня сохранен адрес самого дешевого места, что я нашла, но он не хочет туда ехать. Он подзывает женщину на улице, спрашивает, есть ли у нее на примете жилье. Она кивает и с наимилейшим видом называет цену:

– Тридцать шесть.

– Тридцать шесть куков?! Это как тридцать шесть долларов? С ума сойти как дорого! У меня таких денег нет!

– Послушай, amor, – говорит мне уставший таксист. – Это всего на одну ночь. Завтра найдешь что-то еще.

– Я на эти деньги должна неделю жить. После одной такой ночи завтра я буду спать на улице…

На помощь приходит «Секси 87». Так написано на растянутой майке полной кубинки в годах с веером и дымящейся сигаретой в руках. В их разговоре с таксистом я выловила знакомое слово «кинсе»[111]. Мы проследовали за ней за угол. Она стала звонить в одну из дверей. Я начинаю замечать на стенах некоторых домов синий символ глаза, о котором узнала из интернета. Так кубинцы отмечают места, где можно снять жилье. Те самые «кассы партикуляр». Там, куда звонила она, такого знака не было. Дверь никто не открывал. Тем временем к нам подтянулись заинтригованные мальчишки. Они смотрели на меня, как на явление Христа народу. Но я себя ощущала, скорее, слоном в посудной лавке. Не в силах стоять, я легла на капот машины. К этому моменту я была в дороге с утра прошлого дня. Парни стали звонить в соседние двери, кричать имя хозяйки квартиры, и в конце концов среди развешанного белья на балконе второго этажа

показалось чье-то лицо. По одеянию дама была под стать своей секси-подруге. Круглое тело на маленьких ножках с покоящейся на животе, как на тумбочке, внушительной грудью, обтягивала черная майка в сетку из 90-х.

– Двадцать.

– Умоляю вас, пожалуйста, пятнадцать…

Она недовольно бубнит что-то «Секси 87» в ответ, и та, прикрыв лицо веером, сговорчески мне кивает.

– Аюдарте[112], – говорит она и берет мою гитару.

Мы поднимаемся по очень крутой лестнице на второй этаж и заходим в квартиру.

Дома здесь построены самым загадочным образом. Никакой последовательности в архитектуре не уловить. Какие-то комнаты с потолком, какие-то без. На балконе с выступом в полшага по бокам на самом деле скрываются еще две комнаты. Посреди дома могут запросто стоять античного вида колонны. Дома строили испанцы, «по своему подобию». Только вот в бедной Кубе такие колонны, позолоченные канделябры и расписные потолки смотрятся как злая шутка, натуральный подъеб и напоминание о былой роскоши. Мне досталась маленькая комната, напоминающая камеру в тюрьме: бетонные стены, в высоту пространство раза в три больше, чем в ширину. Потолки метра четыре. Туалет без крышки, не смывается. Бумаги, мыла, естественно, нет. Душ надо перекрывать, о чем мне сказали трижды. Кровать такая, что проще спать на полу. Окно маленькое, со вставленными железными жалюзи. Свет через них практически не попадает в помещение. На потолке, там, где должна была быть люстра, дыра. Поведав сексуальным дамам о своем бюджете, я услышала единогласный вердикт, что мне хана, пожелала им спокойной ночи и отправилась в свою дыру. Перед тем как лечь в постель, я обнюхала простыни. Вроде не грязные. В кромешной темноте я укуталась в спальник и уснула, не понимая, зачем я вообще сюда приехала, думая о Феде и повторяя как мантру слова:

– No quiero quedar sola. No quiero quedar sola[113].

Проведя на острове две недели, объехав несколько городов, пообщавшись с местными и испробовав на себе настоящую кубинскую жизнь, я поняла, что больше не могу здесь находиться. Куба встала рыбной костью поперек моего горла. Один раз я набрела на улицу, где под деревьями лежали мертвые собаки, черепахи, голуби и козлы. Оказывается, так некоторые приверженцы черт знает какой религии (адский замес христианства и африканских вуду) приносят жертвы своим богам – кто ради того, чтобы вылечиться, а кто шлет так проклятия на

других, платя за «заказ» животным. Они верят в это, понимаешь? Женщина в белом трясет передо мной медицинским пакетиком с камнями из ее желудка и убежденно повторяет, что если бы она не сделала жертву Богу, то не вылечилась бы.

Никогда прежде я не испытывала такого необъяснимого желания сбежать. Я почувствовала себя в ловушке времени, в тюрьме, в «Шоу Трумана». На каждом углу, ни снимая с лица улыбки, музыканты в тысячный раз исполняют одну-единственную кубинскую песню «Гуантанамера»; мужчины одинаково свистят на одних и тех же улицах; на тротуаре лежат одни и те же лишайные собаки, у которых паразиты прямо на глазах растут; по телику в сотый раз крутят фильм с Джеки Чаном; у прилавка с дешевыми булочками толкаются люди. Им наливают лимонад в грязные стаканы. Они смотрят на меня, как на динозавра, случайно попавшего в фильм про Дикий Запад. А я так же смотрю на них.

С этими людьми, не имеющими никакого представления о том, что происходит за пределами их острова ввиду отсутствия интернета, было не о чем говорить. В их жизни «ничего не происходит и вряд ли что-нибудь произойдет». Они верят, что живут в лучшей стране мира, как были когда-то в этом уверены мы. Но у них нет ничего. Ничего. Ни фильмов, ни одежды, ни книг, ни даже права на то, чтобы ловить рыбу без лицензии и позвать к себе в гости домой иностранца. За такие «вольности» можно попасть в тюрьму, из которой, по словам местных, обратно не возвращаются. Им приклеили на каждую стену лицо Че Гевары и всё талдычат о свободе. Говорят «гордись этим аргентинцем, он нам свободу подарил». Свобода… Свобода… Это громкое слово здесь на каждом углу. Свобода… Конфетка в ярком фантике. Семья Кастро подарила ее невежественным людям, не знающим, каким должен быть ее вкус. Они поверили на слово, положили конфету на полку, любуются ей и не понимают, что под красивой сладкой «свободой» скрывается «тюрьма». Они накрепко заперты в ней горячими фразочками в стиле «Родина или смерть». Родина… Или смерть. Они, конечно, выбрали родину, отсрочив смерть, но умрут, так и не узнав, что можно было по-другому.

Я купила билет до Мексики за десять тысяч рублей, забив на изначальную идею найти корабль. Я хотела поскорее убраться с этого острова.

Пока самолет взлетал, я размышляла, почему Куба вызвала у меня такую аллергическую реакцию. Мурашками по спине, как шпион, в сознание прокралась мысль: что, если дело было не в Кубе? Что, если дело во мне? Может быть, я просто старею?

Часть 12
Спрятанная в Мексике

– Знаешь интересные истории, приятель?

– Да. Думаю, да. Рассказать самую грустную? В детстве мы с братом хотели собаку, и наш отец купил борзую, старую. Борзая – собака для бегов. Всю жизнь она бегала кругами за куском войлока в виде кролика. Как-то мы пошли в парк. Отец предупреждал нас, что она очень быстрая, но мы не смогли устоять. Мой брат спустил ее с поводка, и в тот же момент собака заметила кошку. Видимо, она была похожа на тот кусок войлока. И вот собака побежала… И это было прекрасно… Пока, наконец, она не поймала добычу. И, ко всеобщему ужасу, она убила эту кошку, разорвала на куски. А потом просто села там в замешательстве. Собака провела всю жизнь, пытаясь поймать эту вещь, а теперь не представляла, что делать.

Мир Дикого Запада

Мексика – идеальное сочетание комфортных Штатов и дикой Центральной Америки. Тут есть все, что и в Штатах, только меньше правил и напряга. Плюс вся территория у Карибского моря радует кристально чистой водой, роскошными рифами, всеми видами водного спорта, пещерами, джунглями и встречающимися только в Мексике особенными пещерами – сенотами.

На парковке аэропорта меня уже ждал Анвар, друг Паши Мастерова. Я вписала Пашу в коммуне Пало-Альто. Паша вписал Анвара в Москве. И теперь круг добрых дел замыкался на том, что Анвар вписывал меня в Мексике. По приезде я визжала как дикая сразу на трех языках. Мне казалось, что меня досрочно выпустили

из колонии строгого режима. Чувство свободы охватило меня.

– Все хорошо. Кокаину бы еще – и вот тогда я точно буду счастлива.

Один звонок Анвара – и через пятнадцать минут к дому подъехала маленькая лошадка, которая стоит очень много денег. А именно пятьсот мексиканских песо за круг. Выстроив три дорожки поверх книги «Чапаев и Пустота», я скрутила трубочку из ста баксов, жадно затянулась, откинулась на кровать и с улыбкой закрыла глаза. В этот момент мой телефон завибрировал от пришедших сообщений.

Это был Федя. К сообщению были прикреплены фотографии страниц из «Маленького принца» со строчками, подведенными карандашом. Само сообщение говорило:

«Ты сказала, что это важно для тебя.

А теперь смотри: прочитав всю книгу с комом в горле и улыбкой на лице, подчеркивая близкие мне цитаты, я не понял той фразы, с которой все начиналось: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Не понимал, как это и почему так.

Я думал, говорить тебе об этом или нет, как вдруг понял: я пообещал себе, что прочту эту книгу как можно скорее, потому что вчера ты сказала, что это сейчас для тебя важно. Кажется, в этом и есть концепция той фразы. Мне непривычно и сложно это осознавать, но я только что совершил поступок потому, что волновался за тебя. И это не в первый раз. Ты писала, что я тебя приручил, но на самом деле ты меня приручила тоже».

В груди разлилось безграничное тепло. Он всё еще был со мной.

Анвар работал в огромном веревочном парке прямо в джунглях, куда обещал устроить и меня, еще когда я была в Москве. Чтобы понять, что почем, мы отправились в джунгли вместе. Притом что в прошлом я работала инструктором в веревочном парке в Балашихе, ясен пень, что по крутости он не шел ни в какое сравнение с этим парком. Я моментально задружилась со всем коллективом. Там работали практически одни пацаны. Они называли себя «стаей». Не думаю, что ты удивишься, если я скажу, что такая информация стала для меня вишенкой на торте. Я решила, что просто обязана там работать. Но дело шло слишком медленно. Меня не хотели брать без документов. Оформить разрешение на работу тут несложно, но стоит оно в районе четырехсот баксов. А ребятам платят пятьсот. Выходит, я заплачу деньги, которые буду отбивать еще три недели. Я, в общем-то, была готова пойти на такой расклад, но все затягивалось. Меня кормили мексиканскими «завтраками», которые, надо сказать, уж точно длиннее русских. «Расслабься,

все будет. Надо подождать. Тебе нужно успокоиться», – повторял мне Анвар, опуская кончик ключа в пакетик с кокаином (он нюхал прямо с ключа). Но ничего не происходило. Деньги заканчивались, а вместе с ними и моя позитивная волна. Я давно выучила урок: не ждать, когда кто-то решит твои проблемы за тебя.

Канкун, между тем, – довольно беспонтовый и с московскими ценами, о чем меня предупреждали, но, видно, как и во всем остальном, необходимо было убедиться в этом самой. Он протяженный, как LA, и без тачки ты как без ног. Кроме красивого пляжа, дорогих отелей, огромных торговых центров, новеньких жилых районов с бассейнами и одинаковыми домами, здесь ни фига нет. Вдоволь насытившись вай-фаем и цивилизацией, я опять затосковала. Людей на улицах практически нет. Все вкалывают шесть дней в неделю, и даже когда «стая» возвращалась домой, они были слишком уставшими, чтобы что-то делать.

Между тем со спины незаметно подкралось время. Время, отмеряющее все. Самая сильная штука после любви. Да и то смотря какой любви и смотря к чему.

– Я больше не хочу, Макс. Меня не вставляет. Всё это уже было… – говорю я Заселяну по скайпу, крутя в руках пакет с травой. – Я приезжаю в новый город и понимаю, что он такой же, как какой-то другой. Я и так уже себя прекрасно знаю, мне нечего там учить.

– Слушай, ну ты книгу уже сколько лет обещаешь? Может, уже пора?

Кажется, теперь и правда было пора. Я поняла, почему я это откладывала. Мне тяжело описывать некоторые истории, потому что, превратив их в текст, я каждый раз как будто прощаюсь. Пока истории живут только в моей голове, они мои. Никто о них не знает. Написать историю и тем более показать другим – это все равно что отпустить совершеннолетнего ребенка в свободное плавание. Он вроде бы остается твоим, но все-таки уже самостоятелен. Я боялась, что, закончив эту книгу, закончусь сама.

Теперь же я пережила саму себя. Мне больше не хотелось лезть под рюкзак, выходить на трассу и нестись в пустоту. Это было самым страшным и незнакомым ощущением. Я вдруг перестала хотеть то единственное, что умела делать лучше всего. Единственное, что всегда было «моим». Я почувствовала себя рыбой, выброшенной из океана. Что еще, если не дорога? Куда дальше? Как дальше и зачем?

Начало пропадать и желание писать в блог. Мне нечего было

больше сказать. Все было сказано. Одна глава моей жизни явно заканчивалась, а вторая не торопилась начаться.

В подобный ступор приходят все творческие и нетворческие личности, но в ситуации с такими бродягами-блогерами, как мы, все сложнее. В какой-то момент каждый из нас понимает, что дошел до логического заключения. И тогда ты либо вовремя переключаешься и начинаешь что-то другое, либо перегораешь к херам вместе с мотором. Все эти ребята, благодаря которым сотни молодых сердец бросили систему и вышли покорять мир, как по договоренности, стали подводить черту своему делу. Липатов продал все камеры и написал на странице, что пропал без вести. Свечников женился и ушел работать в кино. Демин добивал полнометражный фильм, был счастлив в отношениях (вскоре он тоже женился) и не проявлял никакой социальной активности. Иуанов дописывал книгу и вкалывал в офисе, изучая мир денег. Морозова переехала в Штаты, выучилась на журналиста, вышла замуж за богатого мексиканца с тремя детьми и родила ему четвертого. Маруся вернулась в Киев, начала серьезные отношения с украинским оператором и стала работать с ним на съемках кино. Леся и Виталик растят дома сына и возят людей в туры. Заселян открыл свой хостел на Кипре (а позже кофейню в Польше) и стал встречаться с Ханной. Алмаз переехал в Финляндию, создал свой проект по саморазвитию и стал отцом. Мы заканчиваемся, как дети, которые уже слишком подросли, чтобы ездить в детский лагерь. Потому что надо быть совсем дурачком, чтобы не вынести из путешествий за несколько лет все уроки и не выйти из этой игры. Я готова была выйти, только не могла понять куда. Этим образом жизни я вырезала себя из социума и, когда оглянулась назад, поняла, что мне некуда возвращаться.

В последний день в Канкуне я залезла на башню посередине города, вход в которую был запрещен. Она стоит в самом центре Канкуна, на пятачке, окруженном дорогами. Когда-то тут был аэропорт, а теперь осталась только башня. Я заметила ее еще в первый день, на пути из нового аэропорта и сразу узнала – она была в одном из видео Дёмина. Он сидел там, курил красные «Мальборо» и встречал закат наедине со всем миром и своим одиночеством.

За месяц до этого, когда я еще была в Москве, мы тусовались на квартире Виноградова с Липатовым и Федей. Я пребывала в состоянии чистого кайфа среди любимых мальчишек. Мы вышли с Сашкой и Федей прогуляться за пивом, шагая дружно под руки… Возвращаемся в квартиру, а навстречу бежит Липатов, крича радостно как малый ребенок: «Демин выложил новое

видео!! Демин выложил новое видео!!» Меня словно огрело холодной волной. Это было последнее видео из его приключений, он готовил его полгода, и в нем должна была быть я. Я не хотела, чтобы Федя знал что-либо о моей связи с Никитой, так мне было проще отпустить ту историю.

– Я сажусь смотреть прямо сейчас! – ликующе заявил Липатов.

– Я пас. Ладно… Скажи мне только… Можешь глянуть – там есть я?

– Секунду… Да! Вот и ты.

– Дай сюда.

Я подсаживаюсь к Максу и беру наушники. На тот момент мне уже казалось, что я всё это придумала. По-девчачьи надумала себе, что наша встреча что-то значила… И вот на экране появляется полная луна под Окленд Бэй Бриджем и еще такая молодая, такая светлая я, переполненная счастьем от волшебного знакомства. Старый добрый голос капитана Грустных морей повествует: «В Сан-Франциско ночь. Тысячная в этом путешествии. Сегодня днем я познакомился с Дашей. Не уверен, что когда-либо в жизни испытывал бóльшую духовную близость с человеком». Я еще долго курила на балконе, думая об этом всем.

Я не могла уехать, не поднявшись на эту башню. По смешной случайности (не берусь сказать, насколько она была случайной) ровно год назад мы и попрощались. Он улетел в Корею, а я осталась в Штатах. Я сказала ему тогда «пока», а отпустила до конца, кажется, только в тот вечер. Закурив русские красные «Мальборо», взятые с сувенирной полки Анвара, я отпихнула ногой старую банку кока-колы и уставилась на закат. Видимо, это было уже слишком грустно даже для меня – продолжать жить воспоминанием. На прощание я сыграла своему когда-то другу «Blowing in the wild» Боба Дилана, аккорды как-то сами пришли в голову, хотя я никогда ее не учила. «Porque tambien somos lo que hemos perdido»[114].

Канкун был бесполезен, и я решила отправиться на поиски работы в маленький городок на самом берегу Карибского моря в часе езды под названием Плайя-дель-Кармен. Тут меня уже ждала золотая жила – подруга Маруси из Киева, Ангелина. Миниатюрная брюнетка с кошачьими глазами. Она работала барменшей в дорогущем баре и за девять месяцев обзавелась своей комнатой и мексиканским парнем. Это тот случай, когда девочка действительно «бросила все» и с маленьким рюкзачком молча покинула прошлое. А именно: перспективную работу, где она была незаменима, и мужа-актера, который изменял ей с партнершей в малобюджетной мелодраме.

Плайя-дель-Кармен – идеальная тихая гавань, в которой можно остаться на сколько угодно. Еще несколько лет назад тут был только поселок людей майя, которые, кстати, вполне себе живы. Потом кто-то прознал об этом месте и отстроил туристический городок, в котором практически не нужен испанский. Одна главная улица, море баров и магазинов. Поблизости десятки парков развлечений с коралловыми рифами, дельфинами, пещерами и джунглями. Для каждого бара и магазина потребовался и персонал. Так средний возраст жителей города постепенно установился на границе 28 лет. Кажется, каждый решил переехать сюда по своим причинам, но я бы не сказала, что эти люди бежали от реальности. Скорее они просто хотели создать свою. Кто-то лабает на гитарах в барах, кто-то убирает посуду со столов, кто-то водит туристов по достопримечательностям, кто-то продает сувениры, кто-то орет: «Заходи почистить кожу с ног с помощью наших рыбок», кто-то продает тебе хот-дог ночью в местном супермаркете «Оххо»… И все это такая миниатюра мира.

Ангелина поселила меня сначала у себя, потом я перебросилась к ее толстому скептичному приятелю, любителю комиксов, в маленькой комнатке которого все мои вещи провоняли плесенью и стала искать работу. Все это время, каждый день и каждую ночь, мы переписывались с Федей. Я оставила его для себя как связь с домом, вновь оторвавшись от земли и улетев в ледяную невесомость. В один из дней, когда мы в очередной раз созвонились, он сказал мне:

– Даша… Мне нужно тебе кое в чем признаться. Когда ты улетела – мне было тяжело. Я не стал тебе об этом говорить, парням не принято жаловаться, но мне еще никогда не было так плохо. Ты взяла и приручила меня. Вспомни, как много мы проводили времени вместе! Это было не по моим законам, но я резонировал. И только я втянулся, как ты уехала. Я остался один. Чувства к тебе не пропали, ты все такая же моя, и то, что было между нами, останется между нами, но ты, блядь, не здесь, а я не там. И это охуеть как чувствуется. Общение не то. Вообще ни разу. Это нормально, и боже упаси, чтобы я против этого возникал. Ты научила меня любить… И я всегда буду тебе за это благодарен. Но ты уехала. И все. Пустота. Точнее, нет, «приятные воспоминания», которые теперь только воспоминания. И я охуел. Я охуевал недели две. Так, как никогда не охуевал. Пропасть не зарастала… И я решил вернуться к своей предыдущей девушке.

В этот момент мое лицо застыло. Как будто мне вкололи заморозку не только в челюсть, но и во все лицо сразу. Сердце превратилось в тяжелый камень. Я молча отодвинула камеру в

сторону, чтобы он не видел моей реакции.

– И нет, она не воплощение всей моей следующей жизни. И да, я по-прежнему готов болтать с тобой ночами и пить по скайпу. Но ты дала распробовать этот яд на вкус, а потом сказала: парень, мое дело показать, а дальше давай сам… Вот я и пошел дальше сам.

Кажется, мне даже удалось промямлить в ответ что-то вроде: «Я за тебя рада».

Идя домой, я думала… Может быть, я просто родилась, чтобы быть другой женщиной, которая не принадлежит никому, которая принадлежит каждому. О которой заранее предупреждают своих девушек, чтобы те не устраивали истерик. Может, я никогда так и не стану чьей-то, думала я, но в этом мире останется несколько мужчин, которые вздрогнут и вздохнут в тот день, когда меня не станет.

1

Запись в блоге:

26 ноября 2016

Вчера вечером я вела лодку. Это, оказывается, очень просто. Одна рука на скорости, другая – на руле. Отплыв подальше от города, я нашла потонувший корабль, а за ним и необитаемый остров. Вода вокруг была такая теплая и прозрачная, будто это не море вовсе, а обычная московская ванна. Я представила, как здорово было бы поселиться на этом острове с близкими друзьями. Поставить палатки, развести костер… Люди начинают забывать про костры, а они ведь прогревают самые глубокие океаны души, до которых не достать батареям.

Несколько дней назад я впервые за все время в Мексике выбралась на какую-то вечеринку. Там было здорово настолько, насколько это возможно: хорошая музыка, пляж, пальмы, желтые фонарики спрятались где-то в листьях, вокруг стволов, словно змеями, обвились гирлянды света. Но мне теперь редко бывает интересно на таких вечеринках. Алкоголь, который люди заливают в себя, просто чтобы появилось что-то общее с окружающими, оставляет неприятный осадок на дне души. Потому я ушла на пляж. Над морем горела одна яркая планета. Она искрилась синим и красным, будто ночной самолет, застрявший на одном месте. Это была Венера, но в этой чудной стране люди называют ее

звездой Рассвета. Я дождалась, когда охранник в белом с фонариком в руке отвернется (он мне трижды повторил, что выходить нельзя), прошмыгнула через веревку, ограждающую территорию бара, и бросилась бежать. Мимо качелей и огней далеких отелей до покосившейся вышки спасателей. Она была в два раза выше всех, что мне встречались. Под прикрытием темной ночи и шумных волн я босиком поднялась по огромной деревянной лестнице, уходящей чуть ли не в самое небо, и упала спиной на площадку, учащенно дыша. Прямо над моим носом тут же пробежал луч от фонаря охранника.

Люди любят все усложнять. Даже за право остаться наедине с океаном приходится бороться.

Забившись в самый дальний угол, я стала наблюдать за его игрой. Мы сидели с этой ночью вдвоем, как старые друзья, которые и молча прекрасно друг друга понимают. У меня не было ощущения, что я здесь одна. Ты не ищешь у природы глаз, ты просто понимаешь, что она жива. Волны хаотично бегали, плясали под луной, как дикие звери. У них тут своя вечеринка, без текилы и бессмысленного трепа. Эта ночь поведала мне о любви. О том, что такое любить по-крупному, как океан. Поскольку сидели мы молча и нарушать этот ритуал не хотелось, она показала наглядно. Может, это глупо звучит, как будто я обкурилась или еще что… Чем чаще я говорю честно, тем больше получаю комментариев: «Что, пьяная, что ли?» Я теряюсь в такие моменты. Видишь ли, мои слова казались мне абсолютно логичными. Как бы там ни было, если ты мне близок, то поймешь.

Так вот, океан. Огромный, могущественный, сожравший сотни кораблей и скелетов, потопивший тонны золота, мистический, суровый, порой даже жестокий, видавший все океан, подходя к берегу, вместо того чтобы обрушиться на него всем своим весом, заботливо и нежно гладит берег теплой рукой. Наивный маленький берег с его кристально чистым, никем не испорченным песком и маленькими ракушками… Что видал этот берег, кроме восходов, рассветов и любовных парочек? Океан не кидается в него своими мертвыми акулами и разбитыми кораблями. Не говорит: «Жри все то дерьмо, что я жрал». Не пытается показать свою силу, врезав по щекам цунами. Океан может уничтожить берег

враз. В несколько незамысловатых минут. Но вместо всего этого, превзойдя самого себя, это непостижимое чудовище со всей нежностью, на какую только способно, неловко гладит берег прозрачной волной. Стелется перед ним. И берег никогда не узнает, какой под этой водой скрывается мир, какая мощь. Сколько там жизни, смерти, сколько всего… Ему и не нужно знать. Он просто улыбается под теплыми объятиями воды. Меня так поразило это всё… Вся эта сила. Сила в том, чтобы не показать силу. Сила в том, чтобы скромно подойти, «не мужчиной, а облаком в штанах», и поздороваться. Есть еще чему поучиться у океана… Есть еще что познать.

* * *

Через неделю мне удалось найти работу. Я устроилась гидом, где рабочий день выглядел так: в семь утра за мной заезжают на пикапе. Перехватив кофе, я забираю людей из их отелей, после чего мы едем плавать с огромными черепахами, скатами и муренами, а затем гоним в сеноты – пещеры, наполовину заполненные водой, где каким-то образом уживаются рыбы и летучие мыши. Сталактиты, сталагмиты, подсвеченные разными цветами… Я никогда не видела такой красоты. Затем меня кормили и выдавали на лапу семьсот песо. Половину я тратила на еду, половину – на кокаин. Все было здорово, только вот уже через неделю меня уволили за то, что я уснула в машине по пути домой. Больше месяца я искала что-то другое, тыкаясь во все варианты и повторяя себе, что, чтобы ехать дальше по Центральной Америке, нужно заработать здесь, ибо дальше только бедные страны, хоть этот туристический город мне порядком осточертел.

2

…человеческое безумие – это еще не самое ужасное. С годами оно для меня все более приближается к норме. А норма становится чем-то противоестественным. Нормальный человек бросил меня в полном одиночестве. А ненормальный предлагает кофе, дружбу и чулан.

Сергей Довлатов

Этот парень просил звать его Тексасом. Несложно догадаться,

из какого штата он прикатил прятаться в Мексику. Истории у загадочного Тексаса были что надо. Например, после каждого раза, как девушки его бросали, он набивал себе огромную и идиотскую татуировку. А когда был в армии, в один день вдруг бросил ружье и сказал, что не будет учиться убивать. Каким-то чудом его отпустили, хотя по американским законам это тюремный приговор «измена родине». Он танцевал в газовой камере, пока его травило (сказал, чувство, будто муравьи бегут по твоим венам), и жил год на острове, где не было никого, кроме его собаки динго и диких дельфинов, которые заплывали поиграть. По меркам социума он был на всю голову психом, отчего чувствовал себя одиноко и спешил привязаться к любой другой душе слишком быстро. Общество отвергало его беззащитную доброту. А он спасал дворовых собак, котят и однажды случайно спас меня. Катал на лодке к своим любимым рифам, водил ужинать в домик на самой макушке пальмы и охотился со мной по ночам на инопланетян. Такие ненормальные вытесняют нормальных из круга общения в раз. Своей дерзостью быть самими собой эти психи продлевают мне жизнь. Им-то и стоит вручать «Оскар» – за то, что хватает яиц быть самими собой. Вот уж точно безупречно сыгранная роль. Тексас съезжал из одной квартиры в другую. Узнав, что я кантуюсь где попало, он с радостью отдал мне свою проплаченную на месяц вперед квартиру. Так у меня появился свой роскошный дом. Только это ничего не меняло.

Я катилась вниз. Выдирая зарядку из старых розеток, я все надеялась, что меня шибанет. Заводя разговор с незнакомцем, я тоже надеялась, что шибанет, но этого не происходило.

Октябрь заканчивался Хэллоуином. Сотни людей в костюмах, как на политической акции, заполнили все улицы, что-то крича и толкаясь потными телами. Кажется, туристическая Мексика подзабыла, что у нее в эти же даты в стране отмечают «День мертвых», когда приходит пора собрать алтарь из цветов и фотографий и почтить души умерших.

В ликующей толпе я замечаю Иисуса, который вместо алкоголя пьет воду на этом празднике Содома и Гоморры. Я подхожу к нему, смеюсь, говорю: «Да ты и правда в образе, раз с водой». А он отвечает, что работает тут, и вручает мне три купона на шоты. Беру один себе и отдаю два скелетам по правую и левую стороны от меня. Мы начинаем что-то кричать друг другу на уши, но я слишком стара для таких одноразовых разговоров. Пользуясь тем, что в толпе легко потеряться, я бросаю Ангелину с ее парнем и бегу от этого безумия домой. Идя босиком по пустым улицам, пиная лужи, отвечая «ноу» таксистам на каждом перекрестке, я

понимаю, что если исчезну прямо сейчас, совершенно ничего в этом мире не изменится. Была девочка – а теперь нет. Я захожу во влажную темную пустоту комнаты, где никто не ждет, и самый страшный вопрос пробивает меня стрелой через всю жизнь. Мобильный интернет работает только на Вотсап и Фейсбук. Фейсбук для меня – это способ общения с иностранцами, и только. Я не хочу, чтобы они знали, что давно стали героями моих историй. И я кидаю в Вотсапе по точке всем парням, кого любила и до сих пор люблю. Одна галочка рядом с каждым. Сообщения не дошли. Я отключаюсь в слезах, так и не спросив их, в чем смысл жизни.

На следующий день я чуть не перерезала себе горло. Остановило то, что в Гугле не было нормальной информации, куда воткнуть нож, чтобы от потери крови откинуться наверняка. Тогда я поняла, что не хочу больше думать о том, в чем смысл жизни. Я вообще не хочу больше думать.

В Мексике ноябрь – месяц мертвых. Скелеты в шляпах и с розами на голове танцуют на экране супермаркета, пока я жду своей очереди поменять последнюю сотку. Я радуюсь при виде их, потому что тоже мертва. Без черных дыр вместо глаз, но с такой же пустотой внутри и с зубастой улыбкой. Перерождение – процесс болезненный. Чувствуешь себя растерянно оттого, что не ты вдруг управляешь собственной лодкой. Какое-то время течение будет нести ее само, и в такие моменты надо сушить весла, наблюдать, куда тебя вынесет, и не ссать. Но в теории это звучит проще, чем на практике.

3

Мы могли покинуть «убежище», но «убежище» не покинуло нас. И все девять человек, которые объединились в подземной квартирке Питера в тот закат лета, так и остались связаны навечно. Ната уехала к Леле в Одессу, а Влада собирала свои вещи в Питере и ждала, когда к ней придет Тимур, чтобы нарисовать ее маслом. В первый день нового года она должна была прилететь на мой континент. Чтобы ничто не держало ее в Питере, она решила избавиться от всех своих накопленных за два с половиной года вещей, в том числе огромной коллекции книг, которая теперь горой лежала на полу рядом с огромным шкафом. И вот, пока Тимур месил сугробы с краской и холстом под мышкой в поисках дома Влады, она открыла полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого и нашла в нем четыре марки. Влада даже не знает, что такое марки. Но на помощь

приходит Тимур. Методом хрен знает чего они понимают, что маркам два года. Влада пишет мне и спрашивает, как я думаю, будут ли работать марки спустя два года. На что я уверенно отвечаю, что нет. Проходит пара часов. Я была в гостях у приятеля, когда мне стали приходить сообщения от Влады.

Влада:
Даш
два года
не срок
сон в летнюю ночь
вагнер
у меня очень мокрые руки
Даша:
Два года чего?
Влада:
два как для вина
Даша:
Бля, что?
Влада:
обои
они умеют дышать
Даша:
Ты на каком языке говоришь? Ты под маркой?
Влада:
Да
Тут Тимур
Он тоже говорит что обои умеют дышать

Они начинают мне звонить. Я понимаю, что, чтобы выйти с ними «на связь», мне тоже необходимо съесть марку, ибо они уже в другом мире. Они уже едут в поезде. И я должна тоже сжевать счастливый билет, если хочу попасть на поезд. Поскольку это мои любимые друзья, а у меня все и так идет по пизде, я решаю, что это знак. Надо сказать, что к предыдущим принятиям ЛСД я готовилась месяцами. Это были сбалансированные решения с конкретной продумкой, зачем и с кем я это делаю. Так опрометчиво я не принимала решения проглотить марку никогда. Примечательно то, что тут, в Мексике, сделали какой-то новый вид кислоты. Химическая формула немного другая, поэтому вещество абсолютно легально. Я съедаю половинку. В отличие от ЛСД, вещество даже не горчит и не так быстро действует. Через час я совершаю классическую нарко-ошибку: решаю, что было мало, и закидываюсь еще одной половиной. И понеслась. Я звоню ребятам. Они уже в припадке. Таращась на меня огромными черными планетами, они смеются и несут море рассуждений

вперемешку с конкретной ахинеей. Нас уносит в совместный трип. ЛСД соединяет наши сердца сквозь пространство, как самая быстрая сотовая связь – сложно объяснить наверняка, как, черт возьми, оно действует, но действует же.

Я отчетливо чувствую их обоих. Будто их внешность – лишь подсказка, легкий способ сконцентрироваться на душе. Но время продолжает идти, действие кислоты усиливается, и в какой-то момент я понимаю, что связь связью, а пространство вокруг меня уже вовсю расплывается и дышит, оно куда больше, чем один маленький экран монитора, и пора бы с ним синхронизироваться. Я объясняю это ребятам, говорю, что перезвоню, и закрываю компьютер.

Мироздание сразу же падает на меня, словно пьяная недолюбленная женщина, отхватившая сто процентов мужского внимания. Комната начинает идти ходуном. Она дышит. И я вместе с ней. Отмеряя, изучая каждый выдох и вдох, я включаю Moby, ложусь на кровать, нахожу верного друга и начинаю на нем печатать, постепенно, клавиша за клавишей… Каждая буква, на которой останавливается мой взгляд, будто взлетает вверх, оторвавшись от компьютера. Очарованная самой моей способностью нажимать на клавиши и оставлять тем самым на экране буквы, я медленно складываю их в слова:

весь смысл в том, что с лсд мы соединяем себя с миром,
мы осознаем, сколько всего происходит,
как я это печатаю,
лсд дарит волшебное чувство, что мы едины,
чувство, которое мы ищем всю жизнь
я лежу в комнате,
и она вся плывет в пространстве
она есть, но ее нет, мы плывем на корабле
неизвестно куда,
но мы плывем вместе, я смотрю на буквы, а они настоящие,
каждая так много значит
я создаю миры,
в комнате тишина, а у нас разговор
что я должна понять?

Мир такой огромный… И я будто взлетаю над ним. Но мне нужно нащупать свою связь. Как будто из моего пупка идет нить, пуповина. Я хватаюсь за нее, пытаясь опуститься обратно на землю. На привычный мир. Где мой якорь? Где эта связь заканчивается? Федя. Ну, конечно же! Федя! Он моя связь! Моя любовь! Он держит нить! Я должна связаться с Федей. Федя. Федя! Под ЛСД любая пришедшая в голову мысль, любое желание превращаются в одержимость; ты больше не можешь думать ни о

чем другом. И вот твое желание уже превращается в самую важную миссию.

С трудом открыв скайп, я звоню обратно ребятам. Меня накрывает все сильнее. На экране появляется квартира. Ребята зарылись под одеяло и трипуют пуще прежнего.

– Влада. Я не могу это объяснить, но мне нужно найти Фееееду. Я должна связаться с Федей.

В Москве три ночи. Обычно он спит уже в двенадцать. Сейчас он стопроцентно спит. Но я должна ему позвонить. Это необходимо. Влада подхватывает волну чрезвычайной важности и отчаянно ищет телефон, но у нее ничего не получается. Я больше не могу терпеть, мне кажется, что проходит вечность.

– Я открою перископ! Попрошу кого-то в России ему позвонить!

– Даша! Не делай этого!

– Я не могу больше ждать.

– Даша! Послушай меня…

Тут на всю питерскую комнату раздается «чирик-чирик». Влада сразу находит свой телефон, ей пришло уведомление, что я в прямом эфире.

– Даша… – говорит она и растерянно смотрит по очереди на оба экрана. – Тебя и тут, и там показывают…

Я же в это время начинаю орать в перископ своим подписчикам, что мне нужно срочно связаться с Федей. Я повторяю это по кругу, пока кто-то не оставляет самый логичный комментарий: «Скажи номер Феди». Тут я понимаю, что для этого нужно закрыть перископ, переписать его номер с телефона на бумажку, снова открыть перископ и продиктовать номер. Все это только кажется элементарными заданиями. Под ЛСД такая схема на уровне сложности взлома швейцарского банка.

И все-таки дело удалось. Ему дозванивается Гайк, мой дредастый приятель, и говорит мне: «Будь у компьютера, он сейчас наберет тебя». Раздается звонок. Я нажимаю на зеленую кнопку, и на экране появляется Федя. Сонный, в одних трусах, он сидел на кухне, освещенный настольной лампой. Все это казалось мне абсолютным чудом. Без мыслей о правилах и последствиях я выпалила ему всю цепочку моих чувств и рассуждений, объяснив, что теперь я знаю: он моя связь. Мой отец, мой любовник, мой друг, мой брат, мой кислород. Все это было чем-то даже большим, чем признание в любви. Не знаю, сколько мы говорили и что я говорила… Помню только, что меня колбасило по квартире, как сумасшедшую: я билась в душе об стены, удивлялась воде, показывала ему лица людей в узорах каменных стен и несла бесконечный поток мыслей, периодически забиваясь в какой-то

угол и отвлекаясь на то, что вся комната пляшет. Для человека, который никогда в жизни не принимал никаких галлюциногенов, Волчок с невероятной стойкостью и вежливым интересом сидел перед компьютером и разговаривал со мной. Мне казалось, будто мы никогда не разъезжались, будто теперь, когда я наконец нашла свою связь, ничто нас не разъединит. Мы вместе. В его полушарии светало. Он сонно тер глаза, но не уходил. Я любовалась им, укутанным в плед, счастливая до предела. И тут, в минуту, когда мы оба замолчали, сказав друг другу все прекрасные слова, что только можно было, я вдруг заметила, что шторы за его спиной не те. Рассвет бросил свои первые лучи в его окно, окрасив комнату красным. Шторы-то красные, а не белые. Господи… Это же не его кухня. В минуту я соединила все факты: он голый, утро, чужая квартира. И до меня дошло: он у своей девушки. Она спит в соседней комнате, греет постель своим телом… Как только наш разговор окончится, он пойдет, ляжет с ней рядом в кровать и продолжит спать. Скорее всего, всего пару часов назад они занимались сексом. У него другая девушка, он занят. А я, как дура, тяну свою нить через полшара туда, где на втором конце ее никто не держит.

От осознания этого у меня начинается bad trip. Он что-то говорил мне, но я уже не слушала… Я закрываю ноутбук и выхожу на улицу. Мне нужен океан. Только он сейчас может меня обнять и принять. Улицы были переполнены шумными туристами. Вечер был в самом разгаре. Семейные пары толкали меня то вправо, то влево, пока я пыталась найти улочку, ведущую к воде. В конце концов я все-таки вышла к океану, но лучше мне не стало.

Я мучилась в отходняках до самого рассвета, и лишь когда я вернулась в квартиру и связалась с Владой вновь, меня наконец отпустило. Мы лежали обессиленные на постелях двух разных континентов, и Влада читала мне свои записи, появившиеся за то время, что я шаталась по городу.

– «Весь смысл в том, чтобы запрыгнуть в ближайший проходящий мимо поезд». Вот что я поняла. Понимаешь, идеальный момент никогда не наступит. Можно простоять на платформе бесконечное количество минут в ожидании того счастливого случая, когда миллионы звёзд сойдутся и настанет решающий миг. А можно услышать гудок и приготовиться к прыжку. И когда свист трубы и стук колес станут максимально громкими и разукрашенный поезд поравняется с тобой, всё, что останется сделать, – шагнуть в одну из открытых дверей, схватившись за руку проводника, весело махающего флажком. Вот мы все и запрыгнули в этот поезд…

– Это был не поезд… Это был какой-то «Сапсан» в пиздец.

Мы засмеялись, вглядываясь в уставшие глаза друг друга через пиксели экрана. Федя еще звонил мне, пытаясь успокоить, но правду никто из нас не отрицал.

– Понимаешь, Даша… – сонно говорила по этому поводу Влада. – Ты не его лопушок, а он не твой Андрейка[115]. Он просто Андрейка…

И все-таки. Я не знаю, кто его девушка. Но она-то наверняка должна знать обо мне…

4

Следующий месяц меня не существовало. Я отмеряла дни количеством пустых винных бутылок на полу кухни, изредка общаясь с друзьями по скайпу.

Настя вовсю ругалась с Липатовым. Они звонили мне по очереди, рассказывая свои версии развития событий и объясняя, почему противоположная сторона не права. Я искренне пыталась помочь, но ничего не выходило. После очередной его измены и седьмой попытки бросить Настю она не выдержала и бросила его сама. И тогда Липатов принялся страдать. Он буквально помешался. Сам он был в горах где-то в средней полосе России, куда с друзьями отправился кататься на лыжах. Но все чаще и чаще он оставался дома и просто болтал со мной по скайпу. Я показывала ему водяных черепах в прудике у дома, а он мне мужиков, сбрасывающих лопатами снег с крыш старых хрущевок.

– Ну как ты? – спрашивал он.

– Да как тебе сказать. Неделю назад гуглила, как горло вспороть, и искала смысл жизни.

– Пипец. Я тоже месяц назад гуглил самоубийства. И пришел к выводу, что это, блядь, не так легко! Где-то в Швейцарии есть эвтаназия за 4к евро. Но еще нужно пройти ряд психологов, чтобы допустили. Ну так к чему ты пришла, в чем смысл жизни?

– Ни в чем. Я ни к чему не пришла. Надо найти какой-то сраный интерес, просто чтобы было интересно. Вот и все. На днях так ебнуло. Такая история жесткая. Тебе понравится.

– Хочу услышать.

Я все рассказала. Он хотел меня успокоить, но ему было нечего сказать. Люди отворачивались от нас обоих, как от бракованных, коими мы, в принципе, и являлись. Но Макс был единственным, кто чувствовал мою боль, и просто от того, что он есть, становилось легче. Мы закончили разговор, он ушел кататься на лыжах, а я продолжила лежать на полу среди пустых

бутылок.

Настя тоже была в хуевом состоянии. На почве нервов её способности и шестое чувство (кажется, я забыла упомянуть о том нюансе, что она не просто так звала себя ведьмой) будто еще сильнее развились. Она стала видеть призраков. Рассказала мне, как трепалась с дядей на могиле, что он сказал «хочешь покажу, как я теперь выгляжу?», и показал. Говорила, что стала видеть существ. Она называла их «сущности». Они были повсюду. Говорила, «я бы решила, что сошла с ума, если бы не один человек, которого я когда-то знала, который просто в какой-то момент ушел из тусовки. И тут появился. Мы с ним сели в одной комнате, он говорит «расскажи, что видишь». Я и описала всех сущностей в комнате. И он тоже их видел, договаривал за меня. А потом сказал: за тобой смерть ходит, я боялся, что если уедешь больше не увижу тебя».

Она выходит на балкон, и закуривает:

– Я теперь совершенно не боюсь смерти, знаешь. Я и правда чувствую, что она за мной ходит. Но мне все равно. Решат, что пора мне – пойду. Все равно это происходит со всеми из нас.

5

Запись в блоге:

25 ноября 2016

Любви как будто меньше в мире становится, ты заметил?.. Все такие осознанные, классные, но сами по себе. Пьют вино на своих кухнях и смотрят в окно. Любовь теперь, что ли, прячут? Больше не выкладывают фото с поцелуями, не кричат как дураки, что влюблены. Всё готовятся расстаться или, может, просто боятся, что их засмеют.

В любом случае, знаешь, когда я наконец опять полюблю – стану орать об этом на каждом углу. И не говори мне, что «счастье надо беречь» и всё такое. Счастье надо жить. А навеки сберечь ты всё равно ничего не сможешь, как пришёл голым – так голым и уйдешь.

Дари ей обтёртые океаном камушки, красивые оранжевые листья, сосульки и полевые цветы. Вскрывай крыши, чтобы показать рассвет. Возьми эти электрические утюжки и бей в остановившееся сердце. Делай большие хорошие глупости! Делай полную херню. Только, пожалуйста, делай.

И все-таки мы не могли не обсудить с Федей, что произошло в ту кислотную ночь. Мы созвонились и расставили все по местам. Все дело в том, что этого парня было двое. Один Федя был добрым и ласковым зверем, волчком, который бегает вокруг тебя, как заведенный, виляя пушистым хвостом. Этот Федя был душой компании, любящим весь мир вообще и тебя в частности. Но был и другой Федя. Федя-волк. Федя, которого я не знала, которого я боялась, который действительно был предельно далек от всего, что со мной связано, в одиночестве гуляющий по лесу и не знающий жалости. Волк, которому интересно охотиться, ловить добычу и ни с кем ее не делить. Этому Феде были интересны только карьера, бизнес, деньги, статус, успех и постоянное развитие. Эмоции ему казались слабостью, любовь – колючкой в боку, большим клещом, от которого лучше поскорее избавиться. И эти переходы из волчка в волка было невозможно уловить. Просто в какой-то момент его любящие глаза становились стеклянными и пустыми.

– Мы с тобой не будем вместе до конца.

– Почему?

– Я волк. Я убегаю. Я буду бегать и приходить домой раз в несколько дней. Мне нужны полная автономия и самостоятельность.

– А я что, по-твоему, не такая?! Про меня, блин, «Браво» написали «Убегай, Даша, убегай»! И взгляни на секунду на мой чехол! – я демонстрирую ему телефон с волком и надписью «StayWild».

– Все равно. Тебе нужен кто-то, кто всегда будет рядом. В ком ты сможешь раствориться. И это не я. Со мной ты будешь чувствовать себя недолюбленной.

В глубине души я понимала, что он прав.

Прикол Феди был в том, что он никогда не врал. И даже если делал больно, на него невозможно было обидеться, потому что он сам того не понимал. Я хорошо помню каждый раз это удивление на лице.

– Зачем ты тогда сейчас в отношениях?

Он помолчал и ответил:

– В тех отношениях я главный и жестко сообщаю о своих правилах. Я сразу сказал ей: «Даже не вздумай доебаться до Даши. Это из-за нее я с тобой вообще».

– Ты что, правда ей так и сказал?

– Это цитата. Завтра иду сдавать на права, заберу тебя из аэропорта, как и обещал.

Еще в «убежище» он дал обещание, что, когда я вернусь в Россию, он заберет меня из аэропорта на своей машине. Мы тогда

все засмеялись и спросили, готов ли он отвечать за базар. Федя не отступался. Тогда Каролина вытащила диктофон и попросила Федю повторить обещание. Теперь пацану было не отвертеться, да и не то чтобы он собирался.

7

Если тебя полюбил писатель, ты будешь жить вечно.

Мик Эверетт

Настя:

Ебать-колотить, Даш. Вчера написала Липатову – получила черный список. Сегодня звонок по скайпу – сидит с бокалом вина. Бухой. За спиной не его квартира. Не связь с Россией порвалась… А связь с земным.

Даша:

Ты как будто моими словами говоришь…

Мы созвонились по скайпу. Оказалось, у нее задержка. Она думала, что может быть беременна от Макса.

Настя:

Лежала и смотрела в потолок. Бессмысленно все. Никаких ответов. Взяла телефон. Поняла, что ты единственный человек, которому могу написать, ничего не объясняя, не получая нравоучений.

Даша:

Я тебя люблю. Прекрасного дня, принцесса. Хвост пистолетом. Держись.

Следующие пару дней ее продолжало колбасить. Она сделала тест, узнала, что не беременна, и расстроилась. Мне было ужасно жалко Настю, я не хотела, чтобы ей было больно, и потому написала Липатову, напомнив, что «мы в ответе за тех, кого приручили».

Макс:

Скайпилась, что ли, с ней?

Ну что молчишь-то?

Тебе надо кое-что знать про Настю.

Даша:

Я знаю о ней все, что мне нужно знать.

Макс:

Если ты о ней все знаешь, то почему принимаешь то ее сторону, то мою? То соглашаешься, что она меня приручила, то пишешь мне, что я ее приручил.

Мне тут одну статью скинули.

Я тебе сейчас ее перешлю, почитай… Увидишь там Настю, меня, даже себя, а возможно, кого-то из своих бывших. Мне кажется, не зря нас всех друг с другом сталкивают, ибо клин клином вышибают. Там написано: «Часто партнеры таких людей кончают жизнь самоубийством». Сценаристы или эволюция сталкивают двух ебанутых лбами, и один из них не выдерживает и самовыпливается. Меня сегодня или завтра должно было не стать, но вчера мне скинули эту статью. Я такой же ебанутый, и ебанутость моя как раз в том, что я могу что-то делать только вопреки ожиданиям окружающих!

Даша:

Люди приручают друг друга. А не один другого

Почему тебя должно было не стать?

Макс:

Прочитай статью

Даша:

Я задала несколько вопросов

Макс:

Ну на них только по скайпу могу ответить

Но опять же, после прочтения статьи, чтобы ты в теме была.

Это была огроменная статья по психологии. Я стала звонить Максу, но он упрямо не отвечал, пока я не прочитаю. Я понимала, что Макс параноит, и не хотела ничего читать, чтобы не принимать чью-то сторону. К тому же, если он так упрямо уперся в статью, значит, наверное, все не так плохо, как могло бы быть.

* * *

Сама не понимаю, как так вышло, но на момент в моей запойной жизни появилась девочка по имени Катя. Катя была тревел-блогером и вела популярный аккаунт в Инстаграме, но она была не таким блогером, как мы – выворачивающим себя наизнанку перед аудиторией. Она была просто девчонкой, умеющей делать фотогеничные снимки и писать полезные статьи, для которой Инстаграм был чистым заработком. Оказалось, у нее и Феди тридцать три общих знакомых и с десяток общих друзей. Она просто пришла в мой дом и в итоге осталась со мной жить. Я была рада, что мне не нужно больше спать одной.

Катя знала себе цену, знала, как себя подать, и умела находить свои способы крутиться в элите. Через неделю она каким-то образом задружилась с парочкой миллионеров, которые пригласили нас покататься на яхте до соседних островов, а потом еще и отдали номер в своем отеле на самом берегу в придачу.

Отель этот стоял на знаменитой косе Канкуна посреди Атлантического океана, в одном ряду с остальными самыми дорогими отелями страны, вдоль которых я прогуливалась месяц назад, гадая: кто же в них живет и какая у них, людей, позволяющих себе такие номера, жизнь. Теперь мы сами были гостьями такой жизни, разъезжая в купальниках на яхте, попивая шампанское, катаясь на вейкбордах и встречая в пентхаусе закат. Периодически мы с Катей переглядывались, проверяя, на самом ли деле все это происходит.

Мы заехали в номер в рваных шортах и растянутых майках с рюкзаками наперевес (кажется, даже сам номер понимал, насколько мы ему не соответствуем), выкурили последний косячок подаренной кем-то травы, открыли банку бобов, кукурузы, нарезали бутербродов с помидорами, сосисками и залили все бесплатной горчицей и кетчупом из маленьких пакетиков, которые Катя затолкала себе в оба кармана, пока мы были в супермаркете. Со своим студенческим пиром мы сели потчевать на балкон. Океан оглушительно шумел, заполняя пустоту внутри. Один день проживания в этом отеле стоил бы нам моей месячной получки за квартиру. Все еще не верящие в то, что это реальность, мы улеглись спать. Федя впервые за долгое время не пожелал мне спокойной ночи. За эти полгода мы так развили нашу связь, что теперь действительно чувствовали друг друга даже на расстоянии. Я знала, что сегодня он спал с другой девушкой. Не знаю, как это объяснить, я просто знала.

С утра меня физически тошнило, внутри переворачивался зверь, которому изменяют. Тогда я поняла, что пора завязывать. С ним нужно было принимать решение молча. Засомневаюсь – и эти мучения продолжатся. Он так и будет писать мне, а спать с ней. Мое сердце начинало перекочевывать в Балашиху, а тело оставалось в Мексике.

И тут до меня дошло. Федя соединил их. Все уроки. Он был Близнец, как Дима, с семью пятницами на неделе, я уехала от него на другой континент, как от Антона, продолжая думать о нем. От Антона, который тоже учился, жил с родителями, спал на двухъярусной кровати с братом и не был готов к серьезным отношениям. Федя завел себе девушку-мышку, как Никита, продолжая каждый день мило переписываться со мной как ни в чем не бывало. А все началось с простого летнего романа длиной в два месяца, как с Дэниелом. Федя являлся собирательным образом всех моих предыдущих мужчин и всех предыдущих ошибок. Я не должна позволить себе наступить на те же грабли. Нужно действовать.

Это будет тяжело, но лучше я остановлюсь на середине пути

и сверну обратно, чем долечу до самого пекла и сгорю.

Я приняла решение, что больше не напишу Волчку ни слова. Передам через Катю письмо (она возвращалась в Москву через неделю), в котором будет написано: «Ты все поймешь. Увидимся в мае».

В тот день, 11 декабря, я прощалась с ним внутри. Я прошла босиком пять километров вдоль кристально голубого пляжа Канкуна, пытаясь взять силу у воды. Я знала, что будет сложно, но приняла это решение во имя спасения самой себя.

Когда мы с Катей вернулись обратно в номер, то обнаружили, что пол нашего идеального пентхауса затопило. Из слива под раковиной хлестала вода. Она затопила ванную, коридор и уже забралась под наши кровати. Чехол моей гитары, блокноты… Все покрыла вода. Мы вызвали персонал, но они ничего не смогли сделать. Нам предложили другой номер, но мы решили остаться. С утра все равно уже выписываться. На какое-то время вода остановилась. А пустота внутри росла.

Катя уснула.

Я вышла на балкон. По лицу моросил дождь. Ветер сбивал с ног. Океан шумел так громко, что бил по ушам. Я учащенно дышала. Внутри меня была какая-то огромная тревога, будто произошло что-то очень плохое, но я еще не знаю что. Я ощущала эту тяжесть. На горизонте три точки. Одна в воде, две в воздухе. Я не знаю, от чего исходит их свет, но хочу к любой из них. Отпустить последнюю красную нить. Будет очень холодно. Будь храброй, Даша. Будь храброй.

«Все, Максим. Теперь мы с тобой оба без причалов. Два одиноких корабля», – подумала я и написала Максу: «Хочу к тебе. Сойти с ума вместе». Но он почему-то не прочитал сообщение.

8

– Господи, неужели вам обязательно нужно убить человека, чтоб понять, что он живой?

– Хорошо сказано. Очень. Но у нас нет другого выхода.

Из кинофильма «Тот самый Мюнхгаузен»

Мы уснули. Проснулись в девять. На ночь я перевела телефон в авиарежим. Включаю.

Тут же приходит сообщение от Феди: «Если узнаешь, что Макса нет, не говори Насте об этом – Ден очень сильно просит. Говорит, что лучше ей узнать об этом попозже».

Я не могу не ответить.

Даша:

Что?

Федя:

Ты не знаешь? Зайди на страницу Липатова.

Он кидает мне пост с его стены. Параллельно я вижу сообщения от Насти. Два слова:

Даша

Макс

Я понимаю все до того, как открываю ссылку. Я не хочу открывать. Я уже знаю.

«Это отложенный пост. Если он опубликовался, значит, меня больше нет.

Задание: пройти социализацию

Статус: задание провалено

Я пытался, честно, пытался стать нормальным. Но у меня какое-то там расстройство личности (точнее говоря, моя личность до конца не сформировалась, а в двадцать восемь лет уже поздно что-то менять). Ко мне приходит понимание, что я не смогу построить крепкую семью с любимой женщиной, родить и правильно воспитать детей, потому что я не нормален! К тому же нет такого дела, которое бы я делал лучше других и получал бы за него соизмеримую отдачу от социума. Да, пару раз прыгнул выше головы… случайно. Но последние пару лет я работаю в минус.

Стремление к саморазрушению я обнаружил около года назад, но тогда ещё оставалась надежда на позитивные изменения. Теперь же надежд и сомнений не осталось – это конец моего пути.

Прошу никого не винить в моей кончине. Эволюция делает свое: неприспособленные вымирают. Я, как разумное существо, это осознал и ухожу сам. Мое тело найдете в Доме на дереве (хребет Аршиця, озеро Забуте). Просьба похоронить тут, в Карпатах, на сельском кладбище каком-то, хочу в горах остаться.

Люблю всех, кому говорил, что люблю.

Простите, кому сделал больно.

Ваш Макс Липатов

Меня не стало 10 декабря 2016 г.»

Тело накрывает волной ужаса. Я пялюсь в экран, раскачиваюсь и повторяю только: «Нет. Нет. Нет».

Катя откликается:

– Что «нет»?

– Нет… Нет… Нет… Не-е-е-ет…

Я открываю комментарии к посту, а там такая чернуха, что сложно поверить, что это пишут люди: «Ну и хорошо, что ты сдох»; «Тупой пидр, ты о родителях подумал?»; «Как таких носит земля?!»; «Давно пора. Твои ролики все равно не были интересными». Я листала сотню отвратительных комментариев, с ужасом понимая, что если Макс еще жив и читает это, то сейчас он точно пойдет и убьется.

Комнату опять начинает затапливать, на этот раз капитально. В воздухе появляется отвратительный запах застоявшейся мочи. Грязная вода валит с неимоверной скоростью, мы хватаем вещи и выбегаем. Я сразу связываюсь с Настей и перекидываю ей все сообщения, что он мне отправил за день до 10-го. Решаю, что она должна знать. Куча людей начинает травить ее в личке, говоря, что это она его довела. Настя удаляет страницу и звонит мне. Все ее руки уже исписаны словами «ты жив».

– Насть! Ты его чувствуешь? – Я знаю, что она тоже может чувствовать близких людей на расстоянии.

– Нет. Они правы! Это я его убила, Даша! Я тварь, я тварь!

Она раскачивается на постели и рыдает.

– Послушай! Мы еще ничего не знаем наверняка! Судя по тому, что говорят ребята, поисковая группа МЧС скоро отправится его искать. Только не делай ничего с собой, Настя. Обещаешь?

Нам с Катей нужно выехать, мы перемещаемся к моим мексиканским волкам – пацанам, которые работают в веревочном парке. Виталик, с которым мы строили дом, уже вызвал МЧС, но они отказались идти вечером в такую погоду. Дорога до дома была полностью занесена снегом. Непонятно было, как он вообще туда прошел без помощи. В итоге сотрудники МЧС сказали, что пойдут только утром. Оставалось ждать. Естественно, как обычно бывает в таких ситуациях, объявилась сразу куча экстрасенсов, которые говорили, что Макс жив. Говорили: он пытался убить себя, утопить в реке, потом повесить, но у него пока не получилось, вы, главное, думайте позитивно, это важно, это может его спасти. В это же время из Одессы выехал его отец вместе с ребятами из турклуба «Романтик», в котором числился Макс.

В общей сложности мы прождали сутки. Спать было невозможно. Я все представляла, что он лежит где-то там в мокрой одежде и замерзает до смерти. Рано утром новостей еще не было. Мы проверяли все страницы, где должна была появиться весть, каждые пять минут. И вот звонит Настя. Я сразу поднимаю трубку.

– Просто будь со мной, пожалуйста, будь со мной! – она кричит задыхающейся скороговоркой.

– Что такое?

Она срывается на дикий крик:

– ОН МЕЕЕЕЕЕЕРТВ!!!!!

– Откуда ты знаешь?

– На странице брата.

Я ищу ноутбук, чтобы увидеть сообщение самой, потому что не могу поверить, пока не увижу. Вот – вижу. «Тело нашли, хоронить будем в Одессе». Дальше все как в тумане. Продолжая разговор, параллельно я начинаю гуглить билет до Украины под саундтрек из Настиного животного крика. Сайт постоянно слетал. Оплата не проходила. Никогда это не занимало у меня так много времени. Несколько раз я была уже готова разбить комп, но била только стаканы.

– Ты где сейчас? В Грузии?

– Да.

– Ты ведь прилетишь?

– Да.

– Хорошо. Настя, мне нужно положить трубку, чтобы оплатить билеты. Ты клянешься, что ничего не сделаешь с собой?

– Да.

Как только мы разъединяемся, мне звонит Дима Иуанов.

– Даша, – говорит он максимально строгим и серьезным голосом.

Я никогда не слышала его таким. Его тон моментально меня отрезвляет.

– Привет, Дима.

– Как дела?

– Нормально, – отвечаю я и впервые за полчаса, что была на телефоне с Настей, начинаю рыдать и задыхаться. Я выпаливаю какую-то неразбериху, включающую в себя: «Я тоже выпилюсь. Я больше не могу».

То, что и как он сказал мне дальше, я запомнила очень ярко. Просто нужно хорошо знать Диму, увидеть все его маски, чтобы очень охуеть, когда в экстренной ситуации они наконец спадают и появляется настоящий Дима Иванов.

– Так. Послушай меня внимательно, – его голос дрожит, но говорит он предельно уверенно, будто выдавая команду. – Мы поговорим с тобой об этом через полгода, слышишь? Сейчас ты ничего не будешь делать. Ты поняла меня? Даша, ты поняла?!

– Поняла.

– Повтори.

– Сейчас я ничего не буду делать.

– Молодец. Ты прилетишь в Одессу?

– Да.

– Отлично. Увидимся там.

– Увидимся…

В этот момент Настя пишет мне капсом:

ДАША

ОН ЗДЕСЬ

Я звоню – она сразу отвечает. Как вкопанная, она сидит во всем белом под одеялом и смотрит в пустоту, словно в трансе.

– Настя?..

– Погоди, – она как будто слушает кого-то. – Как это перевести в слова? Я не знаю, как ей объяснить, что ты говоришь…

Дальше процитирую запись из ее блога:

«Даша и Виталик по очереди набирали меня в скайпе, проверяя, жива ли я. Они не подбирали слова, не пытались успокоить или поддержать. Они в открытую звонили мне для того, чтобы проверить, дышу ли я. Марк, мой хост в Тбилиси, тихо заглядывал в комнату за тем же. А затем он пришел. Я почувствовала прикосновение руки на левом плече. Я увидела Максима. Боковым зрением я увидела его за своим плечом. Я пытаюсь повернуться, но он остается на том же месте. Я кручусь на месте, пытаясь поймать его взглядом, но он остается все там же, за левым плечом. «Я сошла с ума», – звучит в голове отчаянная мысль.

– Нет, ты не сошла с ума, милая.

Я чувствую, как ему хорошо. Он улыбается и светится любовью и счастьем. Я чувствую тепло. И я начинаю спрашивать его вслух. Марк смотрит на меня как на сумасшедшую, но ничего не говорит, а просто достает из холодильника водку. Мы много говорили. Но было самое главное, о чем я его спросила:

– Макс, я виновата в твоей смерти?

– Да, но частично. Когда я принял это решение, я обвинял и тебя тоже. Но ты должна понимать, что ты была только частью моего решения.

– Ты же понимаешь, что я не смогу себя простить…

– Я хочу сказать тебе, что не стоит этого делать, но я понимаю. А сейчас давай поговорим с Дашей.

Я вбегаю в комнату к компьютеру и пишу ей две строчки: «ДАША, ОН ЗДЕСЬ». Она моментально набирает меня в скайпе. Я вижу ее и начинаю рыдать.

– Что вы плачете, дуры, все же хорошо, все идет, как надо.

Дальше все как в тумане. Я передаю ей его слова и стараюсь объяснить, как я все это вижу. Я почти ничего не помню из того разговора. Но мне спокойно и хорошо от его присутствия рядом».

Я говорила с Максом через Настю какое-то время, пока Настя,

перебив меня, резко не сказала: «Все. Он ушел». Я закрыла скайп. Мой взгляд сфокусировался на Кате. Она стояла в другой части комнаты как вкопанная и смотрела на меня стеклянными глазами.

– Ты его слышала? – выдавила она из себя короткую фразу.

– Нет, я ничего не слышала. Настя за него говорила… – После истории с Сабриной из Голливуда[116] разговоры с духами были для меня уже привычным делом. Это всегда происходило одинаково.

– Нет! Подожди! Мужской голос! Ты слышала мужской голос? Тихий мужской голос? Кто с ней разговаривал?

– Где?

– В комнате!

– Она говорила с Максом, Катя…

– В комнате не было другого мужчины?

– Настя сидела в комнате одна.

Катя продолжает смотреть на меня, потом куда-то в пространство и оседает на диван.

– Ты что, его слышала?

– Я слышала все, что он сказал.

9

О, согласитесь, не самое лучшее времечко
Выбрал мой друг для своей панихиды.
О, это белое злое «ах» на черном ажурном «ых»
До блевоты родных и друзей
И далеких, прохладных и недосягаемых милых
С запахом моря…

Веня Дркин

В конце концов мне удалось купить билет. У меня оставалось 20 минут, чтобы добраться до аэропорта, и я выбежала, не надев лифчик, не помывшись и оставив половину вещей в Плайя-дель-Кармен.

За час до этого я быстро создала группу из Саши Виноградова, Феди, Дениса Кудрявцева и Димы Иуанова, где очень коротко и по делу сказала: я лечу спасать Настю, пожалуйста, спасите меня.

– Федя, – пишу ему я уже в самолете. – Я должна сказать. Вчера я пообещала себе с тобой попрощаться и больше до мая не отвечать… Но я не могу потерять и тебя, и Макса сразу.

– Я знаю. – ответил он сразу, перебив мой монолог. – Я сразу почувствовал. Спускался по лестнице Университета и понял: Даша теперь далеко. Я все понимаю. Позаботься о Насте.

Эти три самолета были невыносимы. Я просто пялилась на огромную луну в иллюминатор, прижав к окошку ладонь. На выходе меня уже ждет подруга Насти из Дома на дереве, со своими знакомыми приятелями, у которых мы сегодня должны ночевать. Сначала я хотела дождаться Настю у багажа, чтобы выйти в реальность вместе, но забыла гитару в салоне самолета, и теперь нужно было идти за ней на другой этаж. Обратно в зону прилета меня уже не пустили. Ее подруга выдает мне теплые штаны. Я даже не хочу с ней о чем-то говорить. Я понимаю, что умерла и осталась жить только в Насте. Натягиваю штаны прямо поверх шорт, ложусь на пол, облокотившись на рюкзак, и молча жду.

Я не спускала глаз с коридора – думала, увижу ее и сразу брошусь навстречу. Настя была единственным человеком, которого я была готова увидеть на самом деле. Не знаю, как я ее пропустила, но она просто появилась передо мной. На уровне глаз, уставившихся в ту секунду в пол, появились две ноги в цветных легинсах, и я подняла голову. Она стояла передо мной с абсолютно мертвым лицом. Просканировав меня взглядом, она молча сняла с себя куртку и сказала: «Надевай. Пойдем».

На секунду я заминаюсь, потому что понимаю, что не готова никуда идти. Я говорю: «Иди сюда», – она падает на колени, мы хватаемся друг за друга и начинаем рыдать. Ребята поднимают нас с пола за шиворот, как мешки, и толкают к выходу. Холод ошпаривает. Я как будто зашла в морозильник.

Доехали до ребят мы еще не скоро. Они решили выполнить все дела перед тем, как наконец довезти нас до своей квартиры. Одной из остановок был какой-то гараж на секретной территории. Пока они там что-то решали, Настя села на корты, облокотившись на поржавевшую стену, закурила и стала петь:

Гоп-стоп!
Мы подошли из-за угла.
Гоп-стоп,
Ты много на себя взяла.
Теперь расплачиваться поздно,
Посмотри на звезды!
Посмотри на это небо
Взглядом, бля, тверезым,
Посмотри на это море —
Видишь это все в последний раз!

Сидя на заднем сиденье убитой машины с открытой дверью, я смотрела на Настю с сигаретой в руках и вспоминала ту девочку в Карпатах, в длинной юбке, с ангельской улыбкой, нарезающую морковку. Девочку, которая стеснялась петь при всех и никогда не материлась. В тот самый момент у этих пропахших мочой гаражей я по-настоящему восхищалась ей.

В тот вечер Максим снова к нам пришел. Мы сидели на полу, каждая со своей бутылкой вина. Настя позвала его, и он сразу появился. Она опять вошла в транс, прислушиваясь к тому, что он говорит.

– Привет, девули, – только он употреблял такое слово.

– Ну что, выпьешь с нами, Липатов? – сказала я с горечью в голосе.

– Я не пью, ты же знаешь. Полейте мою могилку бухлишком!

Мы невольно засмеялись. Он продолжал шутить, а потом сказал, чтобы я не психовала завтра, когда его увижу, и добавил:

– Там, где я, любовь другая, она общая. Тут мы будем все вместе, и все будем любить. Но, пока вы здесь, не бойтесь любить каждого.

На следующий день ребята-подписчики принесли нам несколько пакетов теплой одежды, курток и обуви. Мы снарядились и выехали в сторону Одессы на Блаблакаре, однако уже в начале пути движок машины заглох, и мы застряли на пустой трассе ночью. Поскольку шанс не успеть на похороны, пока водила ждет помощи, чтобы починить тачку, был велик, нам пришлось стопить. Наебнувшись несколько раз на льду с гитарой и рюкзаком и больно отбив себе локоть, я материлась паром в минус двадцать, танцуя ломаные танцы, чтобы не околеть. Машины не останавливались больше часа. Мы с Настей уже не чувствовали конечностей, когда на обочину наконец свернул старенький грузовик.

В Одессе нас уже ждал Лешка Кувалинни. Мы честно пытались поспать хоть час в грузовике. Условия были идеальные, но сон не приходил. Мы закрывали глаза, притворяясь, что спим, чтобы одна не беспокоилась за другую, но спать не могли физически. Голова дико болела, тело ломило. Удавалось отключаться на минуту, в течение которой я видела Максима в гробу и с ужасом снова открывала глаза. Водитель высадил нас на бензозаправке, где нас перехватил Леша. Он оплатил наш кофе, посадил нас в такси и увез к себе домой. До похорон оставалось несколько часов. В то самое время наши отважные пацаны пытались пересечь границу Приднестровья и Украины. Денис,

Федя и Дима прилетели в Кишинев и теперь пытались пробраться в Одессу при помощи Каролины и Лели. На руках у них были приглашения и распечатка с информацией о похоронах.

При всей сложной ситуации между нашими странами причин отказать во въезде не было. Однако Денис и Федя за неимением житейского опыта путешествий дико ступили и, отвечая на вопросы, сказали пограничникам, что были в этом году в Крыму, и пацанам вбили по жирному штампу с тремя годами невъезда в Украину. Я тащила Настю с покерфейсом до похорон с одной только надеждой, что тут нас перехватят и можно будет хоть чуть-чуть расслабиться и осознать, что вообще произошло. Теперь же нам официально предстояло пройти эту дорогу вдвоем до конца.

В двенадцать мы вышли из дома. К этому моменту у меня было четкое чувство, что мы – две старухи, идущие хоронить своего старика. За эти пять дней мы состарились до неузнаваемости. Мне казалось, что это очевидно, что видно, что мне пятьдесят. Что я прикрываюсь телом помоложе, но рано или поздно кто-то подбежит, ткнет мне в лицо пальцем и крикнет: «А я все знаю!» – и мое тело вмиг состарится до внутреннего возраста.

Идти на похороны было вызовом. Родители Макса априори ненавидели нас, считая двумя ведьмами. Многие винили во всем произошедшем Настю. А мы с Настей оделись во все разноцветное, да еще и поменялись одним ботинком, чтобы уж точно прийти с улыбками, не трепать дополнительно своему парню нервы женскими слезами и проводить его достойно назло всем религиозным фанатикам. В цветных очках, мы шагали так смело, как только могли, и пели вслух сочиненную Липатовым песню «Давай займемся любовью». У здания, куда должны были привезти гроб, собралась по меньшей мере сотня человек. Мы прошмыгнули мимо всех в закрытый постсоветский зал, заставленный рядами убогих стульев, упали каждая на свой ряд и откупорили бутылку вина. К нам стали подтягиваться его бывшие любовницы и близкие друзья. Настя смотрела на них с безразличием.

Минута прощания по хуй знает чьим канонам настала. Люди выстроились вдоль стен, вооружившись свечами, и смотрели вниз. Все было готово. Откладывать больше некуда.

– Настя. Пойдем.

Я крепко взяла ее за руку и повела за собой, мимо бабушек с гвоздиками и неизвестных нам людей. Посередине зала стоял красивый дубовый гроб. В секунду, когда мы оказались с ним в одной комнате, она больно вывернула мне руку и дернулась. Все ее тело резко сцепило. Но вскоре она снова взяла себя в руки и

смиренно продолжила шагать за мной вдоль стены, не глядя в сторону гроба. Бросив взгляд вперед, я заметила Лелю Горчицу, Тараса, Диму Иуанова, Лешу Кувалинни и Андрея Милева. Все они держали в руках свечи и смотрели в пол.

В ту секунду что-то во мне переломилось: «А ебанутость моя как раз в том, что я могу что-то делать только вопреки ожиданиям окружающих». И вот на моем лице, вопреки всем и вся, появляется совершенно ебанутая улыбка. И я просто не могу снять ее с лица. Я улыбаюсь. Так честно, искренне, за всех улыбаюсь. Я буквально не могу ничего с собой поделать. Я понимаю, что пришла провожать своего любимого, самого дорогого, нет, бесценного друга, чью значимость я так пыталась, но все равно не смогла объяснить читателю на предыдущих страницах. Это круче, чем его свадьба. Это его смерть. Он выходит из этой ебанутой игры. Он вышел. Сам вышел. И он здесь. Свободный от всего этого. Во всей толпе из сотен лиц, полных скорби то ли потому, что так положено, то ли оттого, что они больше не потусуются вместе и не поставят лайк на его новое видео, я ловлю взгляд единственной девушки, которая не смотрит, как остальные, в пол. Она смотрит на меня с какой-то детской загадочной улыбкой. Как будто мы обе понимаем, что все это просто прикол.

На кладбище было дико холодно. Не знаю, как работникам удалось вырыть яму – земля была ледяной. Макса одели в ужасный зеленый пиджак и черные ботинки. Единственный раз, когда я видела Макса в рубашке, – в Доме на дереве. Ту дорогую рубашку ему подарила какая-то девочка. Он же терпеть не мог официальную форму одежды и потому использовал эту рубашку исключительно при строительстве дома, потому что ее было не жалко порвать. Нужно было совсем ничего не знать об этом человеке, чтобы одеть его в зеленый пиджак, ткань которого напоминала обивку старого дивана. То же самое можно сказать и о памятнике, и обо всем, что там происходило…

На лицо ему положили подушку, а руки закрыли простыней. Я не могла во все это поверить. Только положив свои теплые пальцы на холодные пальцы того, кто был в гробу, я поняла, что по форме они совпадают с пальцами Максима. Вскоре люди стали расходиться. Могилу покрыли бесконечным количеством цветов и завесили черными лентами «помним, любим, скорбим». Остались несколько человек. Переглянувшись, мы окружили могилу, взялись за руки и закрыли глаза. Это были наши несколько секунд, чтобы попрощаться. Мы сделали большой вдох, выдох и улыбнулись. Потом один из нас спросил: «Ну что, готовы?» Под шумок, закрывая могилу от посторонних глаз плечами, он достал

из рюкзака пакет красного вина и полил им землю. Затем мы разошлись по машинам. Я чувствовала, что физически больше не могу оставаться на улице. Через покрытое узорами окно, дыша паром в заледеневшие руки, я наблюдала, как Дима задумчиво шагает вдоль могил вдалеке от всех остальных.

10

Кто-то экспериментирует над нами, но, по-видимому, окончательных результатов еще не добился. Не надо жаловаться. У подопытных животных тоже должна быть профессиональная гордость.

Эрих Мария Ремарк

После похорон мы сняли дом где-то поблизости от Одессы и пригласили туда всех желающих ребят. Сидеть на поминках за одним столом с его родителями и неизвестными нам людьми в гробовой тишине и пытаться при этом есть казалось нам, скорее, какой-то нелепой пыткой, нежели проводами близкого друга, поэтому мы с Настей сразу отправились в тот дом, где остались дожидаться остальных. После похорон наши тела дико замерзли. Единственным вариантом согреться было залезть в ванну. В доме была огромная джакузи, но она очень медленно набиралась. В самом доме было градусов десять от силы. Мы разделись по пояс и сели в нее как в лужу, оставаясь при этом в шапках и свитерах.

Мы просто ехали башней, разговаривая о сущностях и сценариях, пытаясь понять, почему же он это сделал. Было ли это его решение или кто-то заставил его уйти? Мы соединяли воедино все, что он твердил нам последние пару месяцев про сценаристов, которые якобы выдают ему сценарий. Про то, что он просто делает то, что они ему говорят, как и все остальные люди. Что у всех нас есть сценарий, что есть целая группа «работников», которая эти сценарии прописывает, а мы, сами того не зная, следуем заданному ими плану. Я многого не описала из того, что Макс мне тогда твердил. Он будто бы сходил с ума, но в то же время все остальное, что он говорил, звучало максимально логично. Он стал задавать вопросы, которые ему как человеку, марионетке, не следовало бы задавать. Он стал стучаться к ребятам сверху, пытаясь с ними скооперироваться и сотрудничать, вместо того чтобы слепо подчиняться. И, кажется, ребятам это не понравилось. Может, просто нам не по зубам с ними тягаться? Может, мы так и должны слепо двигаться, думая, что что-то здесь решаем, а на самом деле все решают за нас? О

чем-то таком мы говорили и думали, сидя в этой ванне друг напротив друга, валетиком. Мы говорили и о более глубинных и странных вещах, но я не хочу пугать тебя окончательно. Да и вряд ли ты во что-то из этого поверишь.

11

– Ты хороший парень, Лешка, – говорю я. – Это ничего, что ты пижон.

– Мы не пижоны, – говорит Лешка, – мы просто молодые.

Ночью он легонько бредит. Я боюсь зажечь свечку, чтобы не разбудить его.

– Рыбы, – говорит Лешка, – куда плавают рыбы? В воде же темно, они не знают, куда плыть. Надо зажечь им костры, чтобы видели, а то как же… Никто не должен, не имеет права жить в темноте. Зажгите костры в океане…

Олег Куваев. Из книги «Территория»

Поскольку мальчиков не пустили через границу, они дожидались нас дома у Каролины, и вскоре после похорон мы выдвинулись в Тирасполь. Под словами «мы» я имею в виду себя, Настю, Лелю, Диму Иуанова и Тараса, того доброго голубоглазого мальчика, что катал меня на своем мопеде и пил со мной вино у причала полгода назад. У меня было какое-то четкое ощущение, что я должна позвать его с нами. Мне казалось, что всем им нужно быть в «убежище». Хохма была в том, что Настю и Диму я потом не могла добавить в наш общий чат, потому что еще тогда, в августе, я уже добавляла их в него, и они вышли сами, потому что были в других городах. Теперь же все как будто соединялось… То, что должно произойти, все равно произойдет, рано или поздно.

В Одессе стемнело. Мы запрыгнули в старый автобус, забили собой и вещами два задних ряда и понеслись. Водитель выключил в салоне свет. Вдоль всего прохода загорелись новогодние фонарики… Ребята болтали о чем-то и наконец знакомились друг с другом. Я сидела посередине на заднем ряду и вглядывалась в темноту. Эти сужающиеся к концу две линии гирлянд напоминали мне взлетную полосу, и как бы я ни старалась себя успокоить, мое сердце уже бешено колотилось. Внутри проснулся зверь, почувствовавший, что родной почти рядом. Не в силах больше терпеть, он стал наворачивать во мне круги, ударяясь о

ребра, скуля и сбивая дыхание. Ему хотелось выскочить и побежать быстрее автобуса. Этого зверя тормозило тело маленькой девочки, которая все прекрасно знала и все прекрасно понимала. Но ей с Волком эта игра нравилась.

Уставшая женщина в окошке берет наши паспорта, всматривается в глаза каждому и наконец пускает на территорию непризнанной республики. В тусклом свете фонарей мы бодро шагаем по мосту, ведущему в какую-то неизвестность. Кажется, что это мост в мир постапокалипсиса. На мосту ни души, только одна перевернутая набок машина. С той стороны нас уже ждут голодные таксисты, мы набиваемся в машину, как кильки в банку, и говорим заветный адрес. Зная, что нас будет много, Каролина успевает снять какую-то квартирку и скидывает адрес.

– Ну, кажется, где-то тут, ребята. Приехали, – говорит водитель.

– Вы уверены?

– Быть тут уверенным в чем-то сложно! Багажник заклинивает, погодите, я сам открою.

Мы вылезаем в ледяной мороз посреди откровенной деревни, среди которой стоит всего один двухэтажный дом, похожий на жилой.

– Кто-нибудь знает, какая нам нужна квартира?

– Она не написала квартиру.

– А номер Каролины есть? Как нам позвонить? Работает у кого-нибудь связь?

Ребята продолжают разбираться, но я уже их не слышу. Он где-то рядом. Он где-то здесь. Я найду его сама. Я смотрю на дом. Два окна на втором этаже горят манящим и опасным красным. Невидимыми красными нитями… Второй этаж, дверь должна быть справа. Я бегу к дому, дергаю за железную ручку, забегаю на второй этаж, прижимаю ухо к двери квартиры с красными окнами и слышу мягкий голос Каролины… Как бы не задохнуться. Держи себя в руках, Даша, держи. Не подавай виду. Я звоню в дверь и отхожу на три шага назад. В проходе появляется моя волшебная Каролина.

– Как ты нас нашла?!

Она кидается на меня и крепко обнимает. Мы крутимся, словно в медленном танце, вжимаясь друг в друга что есть сил. И в этом повороте, в этом злом роке судьбы из-за ее плеча я вижу в дверном проходе очертания моего любимого Волка. Взъерошенные волосы, кроваво-красный свет и он. Смотрит на меня. В меня смотрит, глубже, чем позволено всем вокруг. Я не могу описать… И никогда не смогу. Потому что нет на такие моменты слов. Есть только чувство, самое бесценное и

одновременно пугающее чувство, что все, вот это вот все, так и должно было быть. Осталась бы я жива, если бы остался жив Липатов? Прилетела бы я сюда? Я не знаю. Но мне до сих пор кажется, что ценой своей жизни он проплатил мою. Умерев, он не оставил мне права сделать то же самое. Ведь кто-то должен был рассказать тебе нашу историю…

Пройдет мгновение, и я буду лежать на руках любимого Волка, он будет путаться пальцами в моих волосах, смотреть мне в глаза и молча улыбаться, пока за моей спиной на полу будут наперебой смеяться все самые дорогие и близкие мне люди. Это был самый счастливый момент в моей жизни. Таким он и останется навсегда, в этой книге и в моих глазах. Этот улыбающийся глазами Волк… Я прикасаюсь указательным пальцем к его левому, выступающему сильнее правого клыку. Острому, как и он сам. Это было наше тайное действо. Знак, что я приручила Волка, вернее, что он позволил себя приручить, что он – мой Волк. Только мне можно было так делать… Мы держимся за руки, пока Леля набивает нам иглой татуировки со словом «убежище» и стрелой, указывающей вперед.

Эпилог

Финал, он всегда наступает незаметно. Но мы сейчас будем петь очень громко и яростно, чтобы нас услышали и в Москве, и в Питере, и во всех остальных городах этого земного шара, потому что у нас нет другого выхода.

Александр Васильев

После смерти Липатова я поняла одно: эта свобода уничтожит меня. Она не является никакой высшей точкой просветления. Это лишь жестокое испытание, которое выпадает не всем и из которого не все выходят живыми. Я слишком оторвалась от реальности. И раз я нахожусь на планете Земля, в материи, то нужно играть по ее правилам и привязаться к материальному. Из Одессы я вернулась в Москву, села, выставила пять пальцев правой руки и стала придумывать якоря. Те якоря, что прекрасно знают все, тут нет ничего нового: работа, близкие друзья, любимый человек, дом и творчество. На счастье мне, вскоре я успешно их раскидала и зацепилась за землю. Полтора года я разговаривала с людьми через тексты, не смотря им в глаза. Я давала что могла, расплескивая себя по сети. Но вся эта вода быстро впитывалась и не так много за собой оставляла. Память тысяч – штука короткая. Никто не может быть влюбленным в сетевое лицо дольше года. Дальше остается уважение, и не более того. Мне хотелось оставить нечто большее, чтобы оно дало свои ростки. Так появился проект «Выходи во двор». Вместе с Димой Иудановым и Федей мы стали создавать уникальные приключения, в которых могли передать весь наш опыт и любовь к дороге. Многие близкие говорили, что моя идея – полный бред, но мне удалось воплотить ее в реальность. Мы дали и веру, и надежду, и любовь, поменяв судьбы многих людей, кого-то даже, как я узнаю потом, уберегли от самоубийства. Вместе мы совершали невозможные вещи: построили плот и сплавились на нем до Казанского кремля; взламывали самые высокие крыши городов, брали в аренду поезда, спали в заброшенной филармонии в самом центре Тбилиси, ночевали в лесу без палаток в минус двадцать, встречали закаты на огромной вилле, ныряли в море голыми со скал, пока рядом стреляли молнии; ехали автостопом, разбросавшись на всю трассу шеренгой длиной в километр; писали последние слова и плакали все вместе под огромной луной; уходили хранить свой огонь по всему лесу и собирались вновь. Я не писала об этом истории, но в

полной мере их проживала.

После событий декабря Настя уедет в Индию, отпразднует свой день рождения в густом тумане из пепла костров Варанаси и вернется в Москву в феврале, когда я все еще буду вдупляться и пытаться понять, как жить дальше. Вся обвешенная черепушками, она встретится со мной и скажет: «Бери тетрадь и записывай». Мы говорили несколько часов о вещах, о которых не принято разговаривать. Вспомнили всё, что должны были при рождении забыть. К концу разговора пространство стало вибрировать. Я чувствовала, как меня подташнивает, как трясется под ладонями стол.

– Земля – это чуть ли не единственная планета свободной воли. Чтобы попасть сюда, нужно это еще заслужить. Потому что здесь мы имеем возможность выбирать свой путь и перестраивать его как захотим! Мы приходим сюда за отработками, любым опытом, который выбираем сами, чтобы кайфануть. Потому что опыт для нас – это кайф. Любая новая отработка – это кайф. Страдать или радоваться – мы выбираем это сами, потому что на самом деле от любых эмоций испытываем удовольствие. В отличие от других планет, здесь мы сами создаем и меняем свою реальность, здесь мы можем исполнять любые желания и мечты! Понимаешь, Даш, ты, сама того не зная, на подсознании угадала лозунг этой планеты! Можно всё! Тут действительно можно всё!

Настя говорила, что плохой период пройден, что дальше в ближайшем году все пойдет только в гору. В какую на хрен гору, думала я в тот момент, куда еще выше можно подняться? Каким образом все может стать хорошо? И все-таки оно стало. Я выпущу свою первую книгу, создам свой первый проект и наконец-то буду с любимым человеком. Ну, а что до него… Когда он вернулся домой, девушка, с которой он встречался, сразу все поняла и сама его бросила. А у нас двоих началась совсем другая, очень запутанная, но тем самым, наверное, даже еще более прекрасная история. К маю мне казалось, что мы прожили уже слишком много… Что столько вообще не живут. Притом что все это время мы жили практически в соседних домах, притом что наши дедушки были главами одной и той же компании, как настоящий спасатель он пришел в мою жизнь только тогда, когда не прийти в нее уже было нельзя. Он появился, когда не помог бы уже ни пластырь, ни бинт, ни подорожник. Нет, я не ушиблась. И дело было не в пораненной в тот день о гвоздь ноге. Я уже просто задыхалась в дыму. Он выломал дверь, за которой я сидела посередине пожара, обняв коленки, и вынес меня из этого ада. Ему единственному это было под силу. Уж какие двери он только не взламывал, никогда не выкладывая из рюкзака разводник! Он

не жалел меня и не гладил по голове. Вместо этого он делал меня сильнее, пропуская через косяки и слабости моего скверного характера. И когда в итоге он звал меня хорошей девочкой, когда действительно видел меня хорошей, мне было не по себе, потому что я всегда была эгоистичной, упрямой, дерзкой, и в целом, по понятиям многих, плохой. Мы открывали друг друга шаг за шагом, и не всегда это давалось легко. Километры разрывали нас с десяток раз, но мы снова находили дорогу друг к другу. Мы не ходили на свидания в кафе и театры, а ездили в каретах ментов, сдавали по очереди отпечатки и расписывались в объяснительных.

Удалось ли мне приручить Волка? Не знаю. Его шерсть не стала мягче. Зубы остались острыми. За следующие несколько месяцев количество подаренной им любви и принесенной им же боли было примерно одинаковым. Что я поняла для себя наверняка – никто не может судить о связи между двумя людьми, кроме самих этих людей. У меня никогда не было простых историй…

И всё-таки следующий год мы будем очень счастливы.

В моей книге нет великого вывода в конце. Как и во всей жизни, по сути. Ибо выводы делаешь не в конце, а на ходу. В конце не выводы, а либо «спасибо», либо «как жаль, что я не…».

Одно я знаю точно: если доживу до старости, никто не услышит от меня фразы: «Как быстро и незаметно пролетела жизнь». О нет. Для меня она была слишком заметна. Я добилась, чего хотела. Я жила на такой скорости, с такой сменой пейзажей, лиц, чувств и обстоятельств, что в двадцать семь мне кажется, что больше уже просто нельзя.

Еще несколько лет назад, в июне пятнадцатого, когда меня совсем никто не знал и уж точно не узнавал на улицах, я придумала слова, которыми хотела закончить книгу. Я шла босиком вдоль озера, не помню даже по какой земле. Я тогда впервые съела экстази в одиночку – училась любить саму себя, весь мир и, главное, чувствовать связь между вторым и первым. Светило яркое солнце. Его лучи отражались от воды и приветственно били прямо в глаза. И эта мысль пришла ко мне как самое простое и грустное озарение на свете. Я думала о Боге… О том, что нас, как детей, оставили на детской площадке без присмотра, и вот мы сидим с этими куличиками и лопатками и думаем: а что, за нами никто не придет?.. Или придет? А что нам делать? Лепить что-то, или с горки кататься, или играть друг с другом? Что делать-то вообще?.. И, как слепые щенята, мы в конце концов, промаргиваемся, раскрываем глаза, вылезаем из коробок и начинаем долгую дорогу домой. Растем. Взрослеем.

Идем. Бежим, падаем, встаем, бежим снова… Влюбляемся и разбиваемся. Смеемся и плачем. Мы горим так сильно, больно и ярко, что ад давно кажется аттракционом для самых маленьких.

Мы проживаем целые романы, чтобы тебе было интересно. Так похлопай нам в конце… Повторяя эти слова, я подошла к первому попавшемуся мальчишке. Он сидел на обрыве с девушкой; я попросила у него телефон, чтобы отправить самой себе смс с этими словами. Пока я шла обратно вдоль озера, ко мне подбежала девочка. Схватив меня за руку, она перевела дыхание и сказала фразу, которую я до этого еще не слышала. Она сказала: «Прости, пожалуйста, я знаю, что все, что я скажу дальше, может прозвучать странно… Но ты, случайно, не Даша?»

notes

1

Марк Твен.

2

Слова из песни Placebo «Soulmates never die» (*прим. автора*).

3

Номер социального обеспечения – уникальный девятизначный номер, присваиваемый гражданам и резидентам США *(прим. редактора)*.

4

«Нет, детка… Но не то чтобы я не хотел разжечь твой огонь» – намек на песню группы «The Doors» *(прим. автора)*.

5

«Какой прекрасный кошмар».

XX обозначают поцелуи. Англичане используют эти символы в конце сообщения, как мы пишем «целую» *(прим. автора)*.

7

Название самой старой автобусной компании США. Автобусы с надписью «Greyhound», в переводе «Серая Борзая», можно увидеть еще в таких фильмах, как, например, «Завтрак у Тиффани» *(прим. автора)*.

8

Цитата из советского мультфильма «Дарю тебе звезду» *(прим. автора)*.

9

«Мы встретимся. В конце концов».

10

Вирджиния, сучка.

11

Цитата из книги «На дороге»: «Они приплясывали на улицах как заведённые, а я плёлся сзади, как всю жизнь плетусь за теми, кто мне интересен, потому что интересны мне одни безумцы, те, кто без ума от жизни, от разговоров, от желания быть спасённым, кто жаждет всего сразу, кто никогда не скучает и не говорит банальностей, кто лишь горит, горит, горит, как фантастические желтые римские свечи, которые пауками распускаются в звёздном небе, а в центре возникает голубая вспышка, и тогда все кричат: «Ого-о-о!»

12

«Глупая ты дрянь, злая дьявольская сука, ты куришь кокаин! Ты начала курить кокаин, и он уничтожил твой мозг».

13

Только для персонала.

14

Я влипла.

15

Намек на знаменитую речь Кинга «I have a dream» *(прим. автора)*.

16

«Оставьте Остин безумным».

17

Что случается в Лас-Вегасе… Намек на знаменитую поговорку «Что происходит в Вегасе – остается в Вегасе» (*прим. ред.*)

18

Кровь на улицах в городе Нью-Хейвен. Кровь окрашивает крыши и пальмы Венеции. Кровь в моей любви в то страшное лето. Кроваво-красное солнце Лос-Анджелеса.

19

Пошел ты к черту!

20

Загугли меня!

21

Загугли его!

22

«Оставайтесь голодными, оставайтесь безрассудными» – цитата из знаменитой речи Стива Джобса, обращенной к выпускникам Стэнфорда 2005 года.

23

«Было классно укрощать тебя и быть укрощенным тобой».

24

Цитата из песни группы «Наутилус Помпилиус».

25

«Я проснулся сегодня на Бали, когда снижался самолет» – намек на песню группы «3Doors Down» *(прим. автора)*.

Веревка от серфа *(прим. автора)*.

27

Намек на песню Михея «Сука-любовь» *(прим. ред.)*.

28

– Ты знаешь, когда-то я знала парня… Это было его имя. Давным-давно мы договорились, что встретимся здесь, на Бали, в 2013-м. Сейчас он практически женат.

– Нет-нет! Это ты и я! *(Прим. автора.)*

29

Цитата из песни группы «Сплин» *(прим. автора)*.

30

«Что-то новенькое»

31

Цитата из песни Ромы ВПР *(прим. автора)*.

32

«Скажи ему, чтоб пошел и трахнул себя!»

33

«Я не это сказал! Я сказал ему ИДТИ И ТРАХНУТЬ СЕБЯ!»

34

«Если ты думаешь, что кашаса – это вода, кашаса – не вода, нет-нет! Кашаса появляется из завода, а вода – из реки!» *(прим. автора)*

«Отвратительно».

Окурки от самокруток с марихуаной *(прим. автора)*.

Особой экскурсии.

38

Вино из сорта винограда «Мальбек».

39

Lo siento в переводе с испанского – мне жаль *(прим. ред.)*.

40

Не знаю почему.

41

«Где ты спишь?»

«Здесь».

43

«У меня больше нет, сеньор, извините».

«Святая собака пустыни».

45

Цитата из песни группы «Чиж&Со» *(прим. автора)*.

46

Цитата из мультфильма «Король Лев» *(прим. автора)*.

47

«Нужна информация о турах?»

«Путешественник и его тень».

49

«Миф о пещере».

50

«Где ты, моя любовь? Отчего не приходишь?»

51

«Расслабьтесь, – сказал человек в ночи. – Мы запрограммированы принимать гостей. Вы можете выехать в любое время, но вы никогда не сможете уехать!» – отрывок из песни «Hotel California» *(прим. автора)*.

52

«Мы все здесь пленники, заточенные по собственному желанию» – цитата из песни группы «Eagles» *(прим. автора)*.

53

– Простите, у меня тут лежат очень личные вещи, и я не хочу, чтобы их видели мужчины. Может, у вас работают женщины? (*прим. автора*)

54

Намек на цитату из мультфильма «Фильм, фильм, фильм!»: «Профессий много, но прекрасней всех кино!» *(Прим. автора.)*

55

«Помни, Даша, жизнь – отстой».

Цитата Махатмы Ганди *(прим. редактора)*.

«Мне плевать, кто что говорит, —
У нас будет ребенок!»

«Помни, жизнь не отстой!»

59

Сезонное жилье из дерева для пастухов и лесорубов, распространенное в Карпатах. В колыбе могут жить от 2 до 8 человек *(прим. редактора)*.

Намек на песню Нойза МС *(прим. редактора)*.

61

В книге «Бойцовский клуб» Чака Паланика главный герой говорит, что героиня Марла словно язва на небе, которую нужно оставить в покое, чтобы она зажила. Намек на приставучесть Марины *(прим. автора)*.

62

«Решил быть медведем, будь гризли».

63

«Привет, подруга! Все хорошо? Вы сейчас где?»

«Все в порядке! Мы близко, через пару часов будем!»

65

Напиток-галлюциноген, популярный в некоторых индейских племенах. С его помощью люди общаются с духами предков *(прим. автора)*.

66

Рома всегда любил говорить, что «самое сложное в путешествии – это выйти за дверь» *(прим. автора)*.

В переводе с испанского «спокойно» *(прим. автора)*.

Белая магическая пыль.

– Дорогой, пожалуйста, верь мне! Я никогда не причиню тебе вреда!

70

Самые глубокие и самые темные желания.

Границы. Здесь в переносном значении – части тела, которые нельзя трогать *(прим. редактора)*.

72

«Я бы хотел, чтобы ты был здесь».

«Интересный, любопытный, застенчивый».

Групповой секс.

Molly – так называют в Америке экстази *(прим. автора)*.

Имя Даша для американцев звучит очень похоже на имя одного из оленей Санта-Клауса, Дэшера. Вот имена оленей (для справки):

Dasher (Дэшер), «стремительный»
Dancer (Дэнсер), «танцор»
Prancer (Прэнсер), «скакун»
Vixen (Виксен), «резвый»
Comet (Комет), «комета»
Cupid (Кьюпид), «Купидон»
Donder (Дондер), *нем.* «гром»
Blitzen (Блитцен), *нем.* «молния»
Rudolph (Рудольф) *(прим. автора)*.

77

«Могу ли я поработать здесь за наличные?»

78

Намек на стихотворение Иосифа Бродского «Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря…» *(прим. автора)*.

79

Нил Кэссиди – прототип героя Дина Мориарти в книге Керуака «В дороге» *(прим. автора)*.

Речь о Джеке Керуаке *(прим. автора)*.

81

Уильям Берроуз – писатель бит-поколения *(прим. автора)*.

Аллен Гинзберг – основатель битничества. Все названные выше люди жили вместе в свое время в Сан-Франциско и творили историю *(прим. автора)*.

83

«Раз я тебе нравлюсь, надень-ка мне кольцо на палец» – строчка из песни «Single Ladies» Beyonce *(прим. автора)*.

– Есть что нюхнуть?

85

«Ничто не изменит мой мир».

86

Фишки, или Сотки – детская игра с картонными или пластиковыми круглыми жетонами-фишками, на которых изображены персонажи мультсериалов и компьютерных игр. Несколько человек собирались вместе и скидывались по несколько фишек – их клали друг на друга в форме башни. Главная задача игры – перевернуть как можно больше жетонов лицевой стороной вверх, выбить их, ударив по ним тяжелым пластиковым или металлическим жетоном – «битой». Выбитые фишки доставались игроку, который ходил *(прим. редактора)*.

87

Под словом «Портленд» в этой истории я на самом деле имею в виду целых пять разных мужчин; но зачем тебя загружать таким количеством имен, если в дальнейшем они не будут иметь никакого значения? *(Прим. автора.)*

88

Ресторан в Пало-Альто на Рэмона-стрит, знаменитый тем, что туда приходят заключать деловые сделки *(прим. автора)*.

89

«Ты можешь сказать, что я мечтатель. Но я не единственный мечтатель». Текст из песни Джона Леннона «Imagine».

90

В переводе с испанского значит «русская». Так меня прозвала одна кубинка, мама подруги Стива, а Стив, в свою очередь, стал звать меня исключительно так.

91

«Когда кто-то без причин кидается тебя любить – жди, что довольно скоро он найдет повод тебя возненавидеть».

Сокращение от О.К. *(прим. автора)*.

93

Удостоверение личности.

94

«Заплати побольше своему хирургу, чтобы сломать законы старения. Кожа, как у знаменитости. Это твой подбородок или то, чем ты зарабатываешь?»

95

Намек на старую русскую песню «Я милого узнаю по походке» *(прим. автора)*.

Я оплачиваю.

97

В переводе с латыни «смелым судьба помогает» *(прим. автора)*.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

99

«Счастье реально только тогда, когда его можно с кем-то разделить».

100

Речь идет об истории «Роман с Голливудом» на сайте mozhnovse.com (прим. автора)

101

Келли Слейтер – американский серфер, одиннадцатикратный чемпион мира по серфингу *(прим. редактора)*.

Речь идет о Богдане Логвиненко *(прим. автора)*.

103

Строчка из знаменитой песни Леонида Утесова «У Черного моря», посвященная Одессе *(прим. автора)*.

104

Речь идет о притче «Божественная история создания знаков зодиака», где про овнов сказано: «Ты будешь первым, кто пропитает почву Умов людей Моей Идеей. Но это не твоя работа – питать Идею или исследовать ее. Твоя жизнь – это действие, и единственное действие, которое я приписываю тебе, – это начать побуждать людей сознавать о Моем Творении». Вот что сказано про рыб: «Вам, РЫБЫ, я даю наиболее трудную из всех Задач. Я прошу собрать всю Печаль человека и возвратить ее мне. Ваши слезы должны быть в конечном счете моими слезами. Печаль, которую Вы будете впитывать, является эффектом неправильного Понимания человеком моей идеи, но Вы должны дать ему Сострадание, чтобы он мог попробовать снова. За эту наиболее трудную из всех Задач я дам Вам самый великий из всех Даров. Вы будете единственными из моих 12-ти детей, понимающими меня. Но этот Дар Понимания только для Вас, поскольку, когда Вы попытаетесь протянуть его человеку, он не будет Вас слушать» (*прим. автора*).

105

В Мексике смерть празднуют и относятся к ней как к неотъемлемой части жизни *(прим. автора)*.

106

В 90-е практически все иностранные фильмы на кассетах озвучивал один и тот же синхронный переводчик, Гаврилов. Поскольку переводил фильмы он не по сценарию, а на ходу, перевод часто запаздывал и был, откровенно говоря, паршивым. Однако, для всех рожденных в 90-е детей его голос ассоциировался с детством (*прим. автора*).

107

На жаргоне – «покурить травы» *(прим. автора)*.

108

Речь идет об отрывке «Путь домой» из проекта Ивана Вырыпаева и Казимира Лиске «Сахар». Чтобы понять о чем речь, рекомендую к просмотру (*прим автора*).

109

Так говорил ее статус в группе и на личной странице ВКонтакте *(прим. автора)*.

110

Фраза из поста в блоге «Можно всё» (*прим. автора*).

111

В переводе с испанского – пятнадцать.

112

Я тебе помогу (*исп.*)

113

В переводе с испанского «Не хочу оставаться одна».

114

«Потому что «мы» – это также и те, кого мы потеряли» (в переводе с испанского).

115

Намек на песню Жуки «Батарейка». (*прим. автора*)

116

Речь о персонаже из истории «Роман с Голливудом», которая есть на сайте автора (*прим. редактора*).